За издавачот:
проф. д-р Никола Јанкуловски, ректор на Универзитетот
„Св. Кирил и Методиј“ во Скопје

Предавања НА L летна школа на МЕЃУНАРОДЕН СЕМИНАР
ЗА МАКЕДОНСКИ ЈАЗИК, ЛИТЕРАТУРА И КУЛТУРА

Редакциски одбор:
проф. д-р Гордана Јосифова Неделковска
проф. д-р Славица Велева
проф. д-р Весна Мојсова-Чепишевска
проф. д-р Биљана Мирчевска-Бошева
м-р Евдокија Илијевска

Јазична редакција:
проф. д-р Славица Велева

Компјутерска обработка:
Винсент Графика, Скопје

Печати:
Винсент Графика, Скопје

Тираж:
150 примероци

ПРЕДАВАЊА

НА 50. МЕЃУНАРОДЕН СЕМИНАР ЗА МАКЕДОНСКИ ЈАЗИК, ЛИТЕРАТУРА И КУЛТУРА

(Охрид, 17.6- 2.7. 2017 година)

Скопје,2018

Обраќање на ректорот, проф. д-р Никола Јанкуловски

Почитувана директорке, проф. Велева,
Почитувани професори,
Драги учесници на Семинарот,
Драги гости,

Од името на Универзитетот „Св. Кирил и Методиј“ и од свое лично име дозволете да ви посакам срдечено добредојде на јубилејниот 50. Меѓународен семинар за македонски јазик, литература и култура.
Меѓународниот семинар за македонски јазик, литература и култура при Универзитетот „Св. Кирил и Методиј“ во Скопје година го прославува својот 50 – годишен јубиеј. По 50 години постоење, оваа манифестација во текот на изминатите години прерасна во врвен промотор на македонската самобитност во светот.
Семинарот од своето основање во далечната 1967 година, до денес својата научна дејност во областа на македонистиката непрекинато ја развиваше и со тоа прерасна во наставна, научна и културна институција, единствена од ваков карактер во Македонија.
Нашиот свет е бесконечно богат со различни ентитети и со различни култури, кои постојано стапуваат во нови меѓусебни односи. Но, без оглед на тоа што, денес, процесот на глобализација отвора сосема ново поглавје, јазикот, културата, традицијата и обичаите се сеопфатни духовни рамки на секој народ кои треба да ги чуваме и негуваме. Универзитетот „Св. Кирил и Методиј“ и Семинарот веќе пет децении го даваат својот придонес во чувањето на македонскиот јазик, литература и култура.
Изучувањето на македонскиот јазик е значајно затоа што со него ја изучувате и нашата литература, нашата богата култура и историја. Го изучувате јазикот на народот чии корени се длабоко во светската цивилизација, народ кој на словенскиот свет му ја дал писменоста.
Меѓународниот семинар за македонски јазик, литература и култура води грижа и за македонистиката на странските универзитетите. Во моментов Семинарот испраќа 10 лектори на останатите универзитети, во останатите десетина универзитетски центри се изучува македонскиот јазик, литература и култура.
Во оваа прилика дозволете ми да има се заблагодарам за несебичниот придонес на истакнатите научни работници, кои се редовни учесници на Семинарот и едни од најистакнатите македонисти и балканисти, а некои од нив поради своите заслуги од областа на македонистиката

станаа членови на МАНУ: Рина Павловна Усикова, Зузана Тополињска, Нуло Миниси, Иван Доровски, Радомир Ивановиќ, Зоран Константиновиќ, Горан Калоѓера, Јон М. Думитру, Хусто Падрон, Влоѓимјеж Пјанка, Виктор Фридман, Ала Генадјевна Шешкен, покојните Франтишек Вацлав Мареш, Јосип Хан, Реџиналд Џорџ Артур де Бреј, Збигњев Голомб и други.
Дел од истакантите учесници на Семинарот се и почесните професори на Универзитетот „Св. Кирил и Методиј“: Рина Усикова, Зузана Топољинска, Влоѓимјеж Пјанка, Нуло Миниси, Иван Доровски, Кшиштоф Вроцлавски, Волф Ошлис, Виктор Фридман, Елена Вережникова и др.

Почитувани учесници на Семинарот,
Оваа година на Семинарот учествуваат 71 семинаристи од 17 земји од сите лекторати и центри каде што се изучува македонскиот јазик. Сите вие сте нашите најголеми и најдобри амбасадори низ светот.
Вие со самото влегување во македонското јазично богатство ќе дознаете многу за нашиот јазик, литература и култура.
На крајот, ви го честитам јубилејот посакувајќи ви успешна работа и пријатен престој во нашиот Охрид.

Извештај за работата на Меѓународниот семинар за македонски јазик, литература и култура

Меѓународниот семинар за македонски јазик, литература и култура во периодот од 16.09.2016 до 15.09.2017 година ги спроведуваше своите активности согласно својата дејност во рамките на Универзитетот „Св Кирил и Методиј“ во Скопје. Дејноста се одвиваше во следниве насоки:

1. Континуирана грижа за работата на лекторатите по македонски јазик и на унивезитетските центри каде што се изведува настава по македонски јазик, литература и култура;
2. Подготовка, организирање и реализирање на 50 Летна школа во рамките на Семинарот и 44 Меѓународната научна конференција;
3. Организирање на наставата по македонски јазик за странските студенти што ќе се запишуваат на УКИМ;
4. Издавачка дејност

Во учебната 2016/2017 година работеа 9 лектората по македонски јазик на универзитетите во странство, под управа на Меѓународниот семинар за македонски јазик, литература и култура при Универзитетот „Св. Кирил и Методиј“ во Скопје. Тоа се лекторатите во: Турција (Инстанбул), Унгарија (Будимпешта), Руската Федерација (Москва), Франција (Париз), Полска (Краков и Сосновјец), Чешка (Брно), Романија (Букурешт) и Хрватска (Риека),. Македонскиот јазик се изучува уште во десетина други универзитети и тоа во Торонто (Канада), Воронеж, Перм, Санкт Петербург (Русија), Љубљана и Марибор (Словенија), Белград, Нови Сад, Ниш (Србија), Загреб (Хрватска), Ополе и Познањ (Полска). Работата на лекторатите и центрите беше следена постојано преку извештаите на лекторите и на колегите кои ја изведуваат наставата на соодветните универзитети. Од извештаите се констатира дека скоро во сите центри наставата по македонски јазик се изведува континуирано и со солиден број на студенти, освен во Брно каде што се забележува намален интерес за изучување на македонскиот јазик. Лекторатот во Букурешт (Романија) сѐ уште ја нема започнато својата работа поради објективни причини (нереализацијата на Конкурсот за лектор по македонски јазик и поради процедурата околу потпишување на Меморандумот за соработка во рамките на меѓународниот договор

меѓу двете држави). Се надеваме дека овој проблем ќе се реши во најскоро време, бидејќи Меморандумот е веќе во процедура на потпишување меѓу двете Министерства за надворешни работи на Владите на Република Македонија и на Романија. Од друга страна, се забележува особен напредок во работата на лекторатот во Истанбул, каде што во оваа учебна година значително е зголемен бројот на часовите по македонски јазик, литература и култура (од 2 часа на 10 часа неделно, со воведување и на дополнителни предмети од областа на македонската култура и од превод). Со тоа е зголемен и бројот на студенти кои го слушаат македонскиот јазик на овој Универзитет. Напредок се забележува и на Универзитетот во Париз, каде што покрај зголемениот број на студенти, успешно е спроведена манифестацијата Недела на македонскиот јазик, литература и култура во организација на лекторот по македонски јазик; во Краков каде што се организирани повеќе активности за промоција на македонскиот јазик и литература преку одржување на неколку поетски и литературни вечери на македонски јазик и на Универзитетот во Воронеж преку одржување на Денови на македонската култура и фолклор. Меѓународниот семинар за македонски јазик, литература и култура преку Универзитетот „Св. Кирил и Методиј“ во Скопје, постојано ги поддржува и ги поттикнува овие активности, во кои е нужно да земат учество и Амбасадите на Република Македонија во соодветните земји како поддршка на активностите на нашиот Универзитет.

2. Универзитетот „Св. Кирил и Методиј“ оваа година го одбележува и големиот јубилеј – 50 години од основањето на Меѓународниот семинар за македонски јазик, литература и култура (22 декември 1967 г.) и одржувањето на 50 Летна школа по македонски јазик, литература и култура. За таа цел, Советот на Семинарот одржа повеќе состаноци на кои се разгледуваа предлозите и за активности за одбележување на овој јубилеј. Активностите беа поделени во неколку точки: организирање и одржување на Летната школа и на Меѓународната научна конференција во Охрид во периодот од 17.06.2017 до 2.07.2017; формирање на почесен одбор за одржување на свеченост посветена на јубилејот во декември 2017 година и подготовка за изработка на неколку изданија посветени на јубилејот (пригодна монографија и неколку учебници за изведување на наставата на Летната школа и во лекторатите).

Во однос на подготовката за одржувањето на 50 Меѓународен семинар за македонски јазик, литература и култура и на 44

Меѓународна научна конференција што традиционално се одржува во рамките на Семинарот се пристапи кон избор на координатори на Конференцијата и определување теми и кон селекција на учесници-стипендисти на Латната школа. Меѓународната конференција се одржа во периодот од 17 до 18 јуни 2017 година. На оваа конференција, од страна на координаторите беа поканети 65, а учествуваа 57 учесници, од кои 26 учесници од странство, и тоа од Руската Федерација, Словенија, Србија, Хрватска, Чешка Република, Бугарија, и Полска. Работата на 44 Меѓународна научна конференција се одвиваше во две секции: Лингвистичка секција работеше на тема: *„ Македонскиот јазик меѓу традицијата и новите мултидисциплинарни современи аспекти на лингвистичките истражувања“*, а координатори на оваа секција беа проф. д-р Елена Јованова – Грујовска и проф. д-р Снежана Веновска – Антевска, од Институтот за македонски јазик „Крсте Мисирков“. Во рамките лингвистичката секција беао опфатени повеќе теми од различни области, како од современиот јазик, од областа на историјата на јазикот, од современите состојби во македонските дијалекти, од областа на преводот и сл. Литературната секција работеше на тема: *„Македонската литература низ призмата на современиот културен миг во светот“*, а координатори на литературната секција беа проф. д-р Маја Јакимовска – Тошиќ и проф. д-р Наташа Аврамовска, од Институтот за македонска литература. Широко поставената тема нагласката ја стави врз плуралитетот на актуелните можни итердискурзивни, интеркултурни и културолошки читања на современата македонска литература, но и на нејзиниот развиток. Како поттеми беа опфатени и новите читања на аспекти од историскиот развој; контекстуалните читања на македонската литература (локално, регионално и глобално); интеркултурни проникнувања (допири, влијанија, сообразувања, преводи, транслатолошки аспекти) и македонската литература на пазарот на регионалната и глобалната размена на културни добра и вредности. Во рамките на Меѓународната конференција беше промовиран и Зборникот реферати од 43 Меѓународна конференција. Изданијата од оваа манифестација се широко прифатени во сите центри како релевантно издание од областа на македонистиката.

Јубилејната 50 Летна школа на Меѓународниот семинар за македонски јазик, литература и култура, се одржа од 18.06 2017 до 2.07.2017 година. Летната школа свечено беше отворена на 18.06.2017 г., со обраќањето на ректорот на Универзитетот „Св.

Кирил и Методиј“ во Скопје, проф. д-р Никола Јанкуловски, кој истакна дека Семинарот од своето основање во далечната 1967 година, до денес својата научна дејност во областа на македонистиката непрекинато ја развива и со тоа прерасна во наставна, научна и културна институција, единствена од ваков карактер во Македонија. Во рамките на отворањето беше промовиран и Зборникот од предавања на 49 Летна школа на Меѓународниот семинар за македонски јазик, литература и култура. Отворањето беше збогатено со учество на студенти од Факултетот за музичка уметност при УКИМ, со пригодна музичка програма.

На оваа Летна школа учествуваа 73 стипендисти од 17 земји (Австралија, Канада, Јужна Кореја, Полска, Романија, Руска Федерација, Италија, Канада, Словенија, Србија, Украина, Унгарија, Финска, Франција, Хрватска, Чешка Република и Шпанија). Учесниците беа предлагани од страна на лекторатите и од центрите каде што се изучува македонскиот јазик, литература и култура и по препорака на универзитетски професори. Интересот за учество беше над очекуваниот, но поради определениот капацитет за сместување во Конгресниот центар на Универзитетот „Св. Кирил и Методиј“, бројот на учесници мораше да се ограничи. Оваа година на Летната школа учествуваа 19 универзитетски професори, 4 асистенти, 7 докторанти, 7 магистранти од областа на македонистиката, 7 преведувачи и 27 студенти кои го изучуваат македонскиот јазик, литература и култура, а дел од нив во своите научни истражувања особено внимание посветуваат на македонистиката.

Учесниците имаа можност да го изучуваат или да го усовршуваат македонскиот јазик преку лекторски вежби. Учесниците беа поделени во лекторски групи според три степени на познавање на македонскиот јазик. Лекторската група за основен почетен степен имаше вкупно 12 семинаристи, а ја водеше м-р Андријана Павлова.

Фокусот на наставата беше свртен кон запознавање со основните јазични структури и оспособување на семинаристите почетници за примена на македонскиот јазик во различни комуникациски ситуации (запознавање, претставување, давање информации за себе и за други, изразување благодарност, барање/одбивање и сл.). По завршувањето на наставата, повеќето семинаристи го имаа усвоено јазикот на А2-Б1 рамниште. Во целост, семинаристите покажаа навистина голем интерес и љубов кон македонскиот јазик. Сите семинаристи од оваа група редовно ги посетуваа лекторските вежби, активно се вклучуваа во наставата, а

неколкумина од нив, и покрај недоволното познавање на јазикот, следеа и некои од предавањата, вложувајќи максимален напор за што повеќе да разберат и да научат.

Курсот за напреднати почетници (А2) беше воден од д-р Борче Арсов, а во групата имаше 18 семинаристи. Најголем дел од групата веќе имаа предзнаења од македонскиот јазик на почетно рамниште, а голем дел од нив потекнуваа од земји од словенско говорно подрачје, што придонесе курсот да се одвива со солидно темпо. Часовите во рамките на лекторските вежби беа организирани во неколку дела: граматика, слушање и разбирање, зборување и пишување. Семинаристите во текот на летната школа постојано добиваа домашни задачи, кои успешно ги завршуваа, а работата на часовите секој ден почнуваше со проверка на домашната работа од претходниот ден. Со оглед на тоа дека дел од семинаристите од оваа група немаа проблем со разбирање на јазикот беа поттикнати да присуствуваат и да ги посетуваат предавањата, како и попладневните курсеви по избор. Интересот на семинаристите за македонскиот јазик, литература и култура беше особено голем, а тоа се забележуваше преку нивната редовност на лекторските вежби, вклученоста во наставата, како и преку напорот и желбата македонскиот јазик да го користат во секоја пригода, не само во текот на лекторските вежби, туку и меѓу себе, во слободното време, надвор од наставата.

Средниот курс (Б1/Б2) го водеа д-р Марија Паунова и д-р Гордана Алексова, а во групата имаше 12 семинаристи. Групата беше составена од професори, предавачи, магистранти и докторанти, како и од студенти по македонски јазик и македонска литература. Во текот на дванаесетте работни дена во наставата беа опфатени понапредни граматички, пред сè, морфосинтаксички содржини, придружени со јазични, но и со бројни лексички вежби. Задолжително, лекторската настава опфаќаше и комуникациски содржини, дијалози, монолози на одредена тема, како и проверка и развивање на продуктивните вештини (пишување есеи, писма, разгледници и сл.) на македонски јазик.

Напреднатиот курс за јазик го водеше проф. д-р Симон Саздов, со 7 семинаристи. Со оглед на тоа што во моментов се работи на осмислување на следниот учебник за напреднато рамниште, се работеше според текстови од афирмирани македонски автори (Б. Конески, Д. Михајловски, Г. Стефановски, Ј. Владова, К. Малеска, С. Тасевски), како и преводна литература на македонски јазик. Се

покажа дека на студентите посебно им се допаѓа современата македонска литература од најнов датум. На нивно барање еден ден се читаа и анализираа написи од дневниот весник Нова Македонија. Исто така, се работеа лексички и стилистички вежби од стариот учебник за напреднат курс на Семинарот, од проф. д-р Лилјана Минова-Ѓуркова. Сите семинаристи во групата одлично го владееја македонскиот јазик, па затоа главниот акцент беше ставен на значенска и стилистичка анализа на работените текстови. Без исклучок, семинаристите покажаа навистина голем интерес и љубов кон македонскиот јазик. Сите семинаристи од оваа група редовно ги посетуваа лекторските вежби, активно се вклучуваа во наставата, а беа и редовни посетители на предавањата и на курсевите по избор.

Курсот за напреднати преведувачи го реализираше Роза Тасевска. Семинаристите ја преведуваа детската книга „Што сонуваше Дедо Мраз“ од авторката Билјана С. Црвенковска во издание на Арс Ламина, Скопје, 2014 година. Познавајќи ги најголемиот дел од учесниците во курсот за преведување, лекторката претпоставила дека ќе биде интересен текстот за превод, но не очекувала дека до таа мера ќе се внесат во приказната и со таква упорност и задоволство ќе работат на неа. Тоа го потврдија и со илустрациите што ги направија во спомен книгата на Семинарот, и со настапот на литературната вечер според извадок од книгата. Преведоа повеќе од сто страници, а остатокот го прочитале и ги разјасниле непознатите зборови и изрази, бидејќи учесниците изразиле желба да продолжат со работа во своите земји за да се подготви за издавање целокупниот текст на книгата на руски, на полски, на словенечки и на чешки јазик. Се разбира, за сите тешкотии и нејасности во понатамошната работа ќе се консултираат со лекторката и со авторката на книгата. Дополнително, Тунде Хатала, докторантка на македонска лингвистика на Универзитетот „Етвеш Лоранд“ во Будимпешта (Унгарија), се пријавила да го преведе текстот на унгарски.

Напреднатиот курс за литература го водеше проф. д-р Весна Мојсова – Чепишевска. Групата беше составена од професори, предавачи, преведувачи, како и студенти по македонски јазик и македонска литература. И оваа година групата беше убав спој од зрели/етаблирани македонисти и нови имиња кои својот научен интерес сè повеќе го насочуваат кон изучувањето на македонската литература и даваат својот исклучителен придонес во преведувањето на македонската литература на своите јазици. Оваа година работата

на часовите беше организирана врз скриптата подготвена од страна на проф. Весна Мојсова – Чепишевска за потребите на оваа јубилејна 50-та летна школа. Се работеше за мала антологија на македонската љубовна лирика под наслов „КАКО СЕ ЉУБИ НА МАКЕДОНСКИ“, на педесеттина страници, со додаток од неколку македонски раскази на дваесетина страници под наслов „КАКО СЕ РАСКАЖУВА НА МАКЕДОНСКИ“. Семинаристите кои беа дел од оваа напредна група работеа на овие две интерни Антологии и во текот на летната школа се остварија повеќе преводи на некои песни. Исто така, на зададените домашни работи некои од учесниците одговорија и со пишување песни на македонски јазик. Сите овие нивни пишувачки активности ќе бидат финализирани до крајот на оваа година, за да може да бидат објавени наредната година (2018) како дел од зборникот на Меѓународниот семинар за македонски јазик, литература и култура. Секако оваа година тие имаат сериозна задача, а тоа е од понудените песни од антологијата „КАКО СЕ ЉУБИ НА МАКЕДОНСКИ“ да направат свој избор од десет песни или т.н. своја мини антологија и тие песни да ги преведат/препеат на своите јазици. Групата беше исклучително активна и на неколкуте книжевни вечери и поетски читања што се случија во рамките на самата летна школа, на кои некои од нив учествуваа и со своите песни напишани на македонски јазик, но и песни од познати македонски поети.

Оваа година, според програмата на Меѓународниот семинар се реализираа предавањата од различни области, од страна на универзитетски професори и истакнати научни работници. Во областа на јазикот предавањата се однесуваа на: 50 Години меѓународен семинар за македонски јазик, литература и култура и развојот на македонистиката; Зошто мојот јазик е мој јазик?; За фразеологијата на Цепенков; Изразувањето на минатоста во македонските дијалекти; Смислоразликувачката функција на акцентот како резултат на отстапувањето од третосложното акцентирање во македонскиот јазик; Антропономастичките категории со посебен осврт врз презимето кај Македонците. Во делот за литературата и културата беа претставени предавањата за: Мелодрамата и денешниот бестселер; Митската биографија на Богот Сонце преку реконструкцијата на словенскиот мит преку календарски и сезонски кодови; За цивилизациските супстрати во македонскиот културноисториски идентитет. Исто така, преку предавањата беше претставена и историјата на македонскиот фолклор, а предавањето се однесуваше на Новогодишниот циклус

празници во традициската култура на македонскиот народ. Историјата на Република Македонија беше претставена преку исцрпното предавање на тема: Македонија помеѓу минатото и сегашноста. За успешното реализирање на предавањата придонесоа професорите: проф. д-р Емилија Црвенковска, проф. д-р Људмил Спасов, проф. д-р Снежана Веновска, проф. д-р Венко Андоновски, проф. д-р Даворин Трпевски, проф. д-р Ѓоко Ѓоргески, проф. д-р Гоце Цветановски, проф. д-р Искра Пановска – Димкова, проф. д-р Нина Анастасова – Шкрињариќ, проф. д-р Елка Јачева – Улчар, проф. д-р Илија Велев и проф. д-р Виолета Ачкоска.

Програмата на Меѓународниот семинар беше збогатена и со курсеви по избор, според интересот на учесниците. Курсевите беа поделени на:

Курс по лингвистика, на тема *Македонскиот јазик во балкански и во словенски контекст,* а го водеа следниве професори: проф. д-р Марјан Марковиќ, проф. д-р Марјан Марковиќ, проф. д-р Димитар Пандев, проф. д-р Симон Саздов, проф. д-р Томсилав Треневски, проф. д-р Искра Пановска – Димкова, проф. д-р Тања Гочкова Стојановска, проф. д-р Биљана Мирчевска – Бошевска, проф. д-р Александра Ѓуркова и проф. д-р Славица Велева. Во рамките на овој курс се обработуваа теми од областа на граматичките категории кај именскиот и кај глаголскиот систем во рамките на дијалектите и на стандардниот јазик, кодификацијата на македонскиот јазик, правописот на македонскиот јазик, тенденции во зборообразувањето на глаголите во македонскиот јазик, а исто така се обработуваа и некои фонетски и морфосинтаксички особености на македонскиот стандарден јазик и стилските разновидности на лексиката во македонскиот јазик.

2. Курсот по македонска литература и култура го реализираа: проф. д-р Наташа Аврамовска, проф. д-р Димитар Пандев, проф. д-р Венко Андоновски, проф. д-р Даворин Трпевски, проф. д-р Александар Прокопиев, проф. д-р Нина Анастасова – Шкрињариќ и проф. д-р Владимир Мартиновски. Во рамките на овој курс се обработуваа најразлични теми од средновековното книжевно и културно наследство, теми од областа на културното и духовното наследство на Македонија, македонските книжевни текстови обработени во македонската кинематографија, како и теми од областа на македонскиот фолклор.

3. Оваа година учесниците имаа можност да присуствуваат на курсот за музички фолкор, за којшто имаше преголем интерес, а

курсот беше реализиран од страна на проф. д-р Велика Стојкова Серафимовска.

4. Традиционално беше реализиран и курост по народни ора од страна на проф. д-р Катерина Спасовска и Благоја Јовановски.

Со природните и културните богатства на Охрид, учесниците на Семинарот се запознаа преку посетата на манастирскиот комплекс Св. Наум, каде што предавање за Охрид како духовен центар одржа проф д-р Ѓоко Ѓоргески и преку теренската настава на лекторските групи низ културно-историските споменици на Охрид.

Оваа година во реализација на предвидените активности на Летната школа, беа вклучени повеќе единици на УКИМ, меѓу кои: Филолошкиот факултет „Блаже Конески“, Институтот за македонски јазик „Крсте Мисирков“, Институтот за македонска литература, Филозофскиот факултет, Природноматематичкиот факултет, Факултетот за музичка уметност, Факултетот за физичко образование, спорт и здравје, Институтот за фолклор „Марко Цепенков, Православниот богословски факултет и АКУД „Мирче Ацев“.

На крајот беше спроведена анкета во која слушателите даваа мислења, сугестии, пофалби и критики. Повеќето од семинаристите беа премногу задоволни од програмата на Меѓународниот семинар за македонски јазик, литература и култура, а особено од можноста да ги усовршат и да ги збогатат своите знаења од областа на македонистиката.

Одржувањето на Меѓународниот семинар за македонски јазик, литература и култура, како и секоја година е во организација на Универзитетот „Св. Кирил и Методиј“ во Скопје, а соодветна финансиска поддршка дава и Министерството за култура на Република Македонија. Семинаристите посебно ја истакнуваат својата благодарност кон Универзитетот што им овозможува извонредни услови за нивно усовршување.

3. Во надлежност на Меѓународниот семинар за македонски јазик, литература и култура при Универзитетот „Св. Кирил и Методиј“ во Скопје во учебната 2016/2017 година се одржа подготвителна настава за изучување на македонскиот јазик за странски студенти. Во првиот семестар беа запишани 57 студенти, додека во вториот семестар 31 студенти. Наставата се одвиваше во два семестари, а беше реализирана од страна на професорите при Филолошкиот факултет „Блаже Конески“ во Скопје.

4. Во учебната 2016/2017 година, Семинарот издаде две изданија и тоа Зборникот – предавања од 49 Летна школа на меѓународниот семинар за македонски јазик, литература и култура и Зборникот од 43 Меѓународна научна конференција. На отворањето на 50 Летна школа на меѓународниот семинар за македонски јазик, литература и култура, беше промовиран и Зборникот - Предавања од 49 Летна школа на Меѓународниот семинар за македонски јазик, литература и култура и Зборникот од 43 Меѓународна научна конференција.

Сите овие активности на Меѓународниот семинар за македонски јазик, литература и култура успешно се реализираа со помош на Ректорот на УКИМ, на проректорите, на Ректорската управа, на Советот на Семинарот и на администрацијата на УКИМ за што им изразуваме благодарност.

Универзитет „Св. Кирил и Методиј“- Скопје

Емилија Црвенковска
emilija@ukim.edu.mk

Педесет години Меѓународен семинар за македонски јазик литература и култура и развојот на македонистиката

I. За почетоците на Семинарот

Меѓународниот семинар за македонски јазик, литература и култура при Универзитетот „Св. Кирил и Методиј“ во Скопје годинава го прославува својот 50-годишен јубилеј. 50 години се зрела доба, како за човечкиот живот, така и за една институција, особено во релативно млада држава. По 50 години обично се преиспитуваме што сме постигнале во изминатиот период, можеме ли да бидеме задоволни. Истото прашање можеме да го поставиме и за работата и постигањата на Меѓународниот семинар за македонски јазик, литература и култура. Славиме јубилеј кој веќе означува добра традиција. Она што се случувало во изминативе 50 години многу тешко може да се претстави во целина, па затоа ќе се обидам да направам преглед само во општи црти на овие случки и достигања. Нека не ми биде забележано ако испуштам нешто или некого. Но, веќе имаме повеќе хроничари на дејностите овде, па во трудов е приложена и библиографија за понатамошните заинтересирани.

На 22 декември, точно пред 50 години, во 1967 година Универзитетскиот совет на Универзитетот „Кирил и Методиј" во Скопје го усвојува актот, на предлог на Републичката комисија за културни врски со странство, за основање на една нова институција: Славистичкиот семинар, подоцна преименуван во Семинар за македонски јазик, литература и култура, а уште подоцна во Меѓународен семинар за македонски јазик, литература и култура. Со основачкиот акт за формирањето на Семинарот беа дефинирани неговите почетни цели и задачи: „...да се запознае светската јавност со научните достигања во областа на македонскиот јазик, литературата и историјата, да се зближат научниците - слависти и воопшто да се даде поттик за натамошниот развој на славистичката наука кај нас и во светот“. Семинарот непрекинато се развиваше и израснуваше во афирмирана наставна, научна и културна институција единствена од ваков вид во Македонија и стана ценет

славистички центар. Во работата на Семинарот македонските слависти од самиот почеток се вклучија со голем ентузијазам и без нивните заложби оваа институција немаше да го има ваквото реноме во славистичкиот свет. За прв директор на Семинарот беше избран проф. д-р Александар Спасов.

Би сакала да се осврнам малку на околностите. Во 1967 год. беа направени некои чекори од национален интерес со огромна поткрепа од државата. Државниот врв знаеше да оцени дека е неопходно создавање на институција во која ќе се обедини врвот на македонската наука и уметност, па се конституираше МАНУ, знаеше дека е потребно возобновување на автокефалноста на МПЦ и да го поддржи, знаеше да ја оцени важноста на институција како Семинарот за претставување на Македонија во светот. Тогаш се имаше јасна визија за иднината на Македонија.

Појавата на Семинарот треба да се гледа и во поширок словенски контекст: по завршувањето на Втората светска војна сите словенски народи се нашле во државите на источниот блок и врските меѓу нив и надворешниот свет биле помалку или повеќе ограничени. Тогаш почнуваат да се организираат семинари од ваков вид во одделни словенски центри, за да им се претстават одделните словенски јазици, литератури и култури на колегите од светот. Во Југославија прво бил организиран Семинарот за странски слависти во 1950 год, па Семинарот за словенечки јазик, литература и култура во 1964 год., Вуковите денови во Белград 1965 год., потоа Загрепската славистичка школа во 1970 год. и други славистички семинари. Во вакви околности во 1967 год. се организира и Семинарот за македонски јазик, литература и култура.

Во оваа пригода пожелно е да се потсетиме на некои важни дати за македонскиот јазик од неговата кодификација до создавањето на Семинарот. Во развојот на македонистиката се изделуваат два периоди: едниот е оној до завршувањето на Втората светска војна, а вториот по создавањето на слободна македонска држава со свој културен центар и научни институции.

Семинарот се роди во едно време дваесетина години по кодификацијата на македонскиот стандарден јазик, кога македонистиката, може да се каже, сè уште беше млада наука, па со неговиот развој и растеж се развиваше и македонистиката.

Хронологијата на најважните настани поврзани со кодификацијата и развојот на науката за македонскиот јазик, од

создавањето на македонската држава, може да се претстават по следниов редослед:

- 1944 се прогласува постоењето на Македонската држава со македонски како официјален јазик;
- 1945 е усвоена азбуката и донесена резолуција за правописот.

Ова се два неопходни услова со кои се заокружува процесот на кодификација на македонскиот јазик. Потоа следат уште некои важни настани:

- 1946 излегува од печат *Македонска ѓрамаѓика* од Круме Кепески;
- 1946 се формира Филозофскиот факултет во Скопје (од 1974 Филолошки факултет) и Катедра за јужнословенски и балкански јазици со посебен Семинар за македонски јазик (од 1974 се преименува во Катедра за македонски јазик и јужнословенски јазици);
- 1946 одржан е прв курс по македонски јазик на странски универзитет (Антонин Фринта на Карловиот универзитет во Прага);
- 1948 почнува да се издава гласило на Факултетот *Годишен зборник*;
- 1950 излегува од печат *Македонски ѓравоѓис со ѓравоѓисен речник* (автори: Блаже Конески и Крум Тошев);
- 1950 почнува да се објавува првото специјализирано списание за македонски јазик: *Македонски јазик*.

Оформувањето на ова списание е веројатно пресудно да почнат и странските лингвисти да се вклучуваат со свои трудови на македонистички теми и во него објавуваат трудови угледни слависти од сите славистички центри во светот.

Потоа следат и други важни настани:

- 1951 е издаден *Guide to the Slavonic Languages* од Реџиналд де Брej;
- 1951 се формира списанието *Литераѓурен збор*, списание за македонски јазик и литература;
- 1952 во Скопје е објавена граматиката на Хорас Лант, прва граматика на македонскиот јазик напишана на странски јазик (на англиски): *Grammar of the Macedonian Literary Language* by Horace G. Lunt;

- 1952 е објавен првиот дел од *Граматиката на македонскиот јазик* од Блаже Конески;
- 1953 е основан Институтот за македонски јазик во состав на Филозофскиот факултет (од 1965 прераснува во самостојна институција под името Институт за македонски јазик „Крсте Мисирков“):
- 1954 е објавен втор дел од граматиката на Блаже Конески;
- 1961-1966 објавени се трите тома на *Речникот на македонскиот јазик* од Т. Димитровски, Б. Корубин и Т. Стаматоски, ред. Б. Конески;
- 1965 објавена е *Историја на македонскиот јазик* од Блаже Конески.

Во вакви околности 1967 се формира Семинарот. Меѓународниот семинар за македонски јазик, литература и култура е исклучително важна меѓународна манифестација која во текот на изминативе години одигра голема улога во афирмацијата на македонскиот јазик, литература и култура низ целиот свет. На Меѓународниот семинар за македонски јазик, литература и култура досега учествувале повеќе од 4000 учесници од над 50 земји меѓу кои истакнати македонисти, професори по македонски јазик и литература на странските универзитети, слависти, балканисти, преведувачи, фолклористи, етнолози, археолози, научни работници и студенти што го изучуваат македонскиот јазик по нашите лектората во светот.

Семинарот својата стручно-научна дејност на подрачјето на македонистиката ја започна скромно, на првиот семинар учествуваат 21 учесник од 12 земји, и сега со задоволство можам да кажам дека меѓу нас е и учесникот од првиот семинар акад. Иван Доровски од Брно и да му се поклонам за неговиот влог во македонистиката.

Семинарот до денес непрекинато се развиваше и израснуваше во афирмирана наставна, научна и културна институција единствена од ваков вид во Македонија и стана ценет славистички центар. Откако постои оваа институција може да се каже дека она што таа го произведува е најрентабилен производ за Македонија. Приходот од пласирањето на македонскиот јазик, литература и култура е бесценет! Добивме бројни граматики, прирачници, речници, докторати, магистратури, научни трудови, монографии. Добивме верни пријатели на Македонија низ целиот свет. Затоа ова излагање во најголем дел го посветувам на придонесот на странските македонисти за развојот на македонистиката.

II. Семинарот и развојот на македонистиката

II.1. Дејности на Семинарот

Денес Семинарот ги покрива следниве дејности: Летната школа во Охрид со Научната конференција, лекторатите по македонски јазик во странство, издавачката дејност, како и разни други активности.

II.1. 1. Летната школа

Не е случајно што за место на одржување на летната школа е одбран токму древниот Охрид. Овдека, под знамето на св. Климент се обединуваат учесниците од цел свет. Охрид е свето место за сите слависти кога се знае дека голем дел од словенското ракописно наследство врз кое се темели развитокот на словенското слово и создавањето на одделните писмени традиции произлегува токму од овие краишта. Охрид е местото каде што Климент Охридски, првиот автор што твореше на словенски јазик, во рамките на Охридската книжевна школа создаваше преводи и оригинални книжевни творби. Затоа токму тука се собираат секое лето странски слависти и македонисти да се запознаат со македонскиот јазик и литература, со културно наследство и воопшто, со Македонија. Програмска шема вообичаено ја сочинуваат лекторските часови кои ги одржуваат наставниците од Катедрата за македонски јазик и јужнословенски јазици, Катедрата за македонска книжевност и јужнословенски книжевности, Катедрата за Славистика при Филолошкиот факултет „Блаже Конески" и од Институтот за македонски јазик „Крсте Мисирков" во Скопје. Како што во многу пригоди било истакнато, лекторите се душата на Семинарот, тие се носители на главната активност на оваа школа. Во програмата редовно се вклучени предавањата од областа на македонската лингвистика, литература, национална историја, етнологија, фолклорот, музиката, сликарството, археологијата, театарот и архитектурата, курсевите по избор (од старословенски јазик, историја на јазикот, дијалектологија, литература, национална историја, етнологија, култура и сл.), циклусите предавања по јазик и литература, дебатните клубови, преведувачката работилница и дополнителната програма. За предавањата секогаш се ангажира наставен кадар од нашите високообразовни наставни и научни институции: МАНУ,

Универзитетот „Св. Кирил и Методиј“, музеите и други културни институции, се претставуваат истакнати македонски уметници. Како предавачи на Семинарот од почетокот биле ангажирани најистакнатите имиња на македонската наука за јазикот: Блаже Конески, Божидар Видоески, Радмила Угринова-Скаловска, Оливера Јашар-Настева, Благоја Корубин, Трајко Стаматоски и др., за литература: Харалампие Поленаковиќ, Кирил Пенушлиски, Александар Спасов, Милан Ѓурчинов и др.

Со севкупната своја разновидна дејност, Меѓународниот семинар за македонски јазик, литература и култура при Универзитетот „Св.Кирил и Методиј" во Скопје во изминатиот петдеценски период стана современ центар за изучување на македонскиот јазик, литература и култура, но и место каде што се претставуваат научните резултати што ги остваруваат нашите научни работници кои сè повеќе се вклучуваат во светските текови на славистиката и балканистиката.

Низ Меѓународниот семинар за македонски јазик, литература и култура досега поминале учесници од следниве земји во светот: Австралија, Австрија, Азербејџан, Албанија, Аргентина, Белгија, Бразил, Белорусија, Босна и Херцеговина, Бугарија, Ватикан, Велика Британија, Германија, Грција, Данска, Египет, Израел, Индија, Ирска, Италија, Јапонија, Канада, Кина, Кореја, Мексико, Норвешка, Полска, Романија, Русија, САД, Словачка, Словенија, Србија, Турција, Унгарија, Финска, Франција, Холандија, Хрватска, Чешка, Швајцарија, Шведска, Шпанија и др.

По заслуга на нашите професори што се вложија во оформувањето на оваа институција, како Блаже Конески, Божидар Видоески, Харалампие Поленаковиќ, Александар Спасов, а поради нивните контакти со истакнати имиња од славистиката, меѓу учесниците на Семинарот уште од самиот почеток се среќаваат такви имиња што се од исклучително значење за светската лингвистика како: Безлај, Аронсон, Голомб, Алтбауер, Мареш, Богдановиќ, Михаиловиќ, Галтон, Невекловски, Јенихен, Де Брej и други.

Ќе пренесам само две куси искажувања од еминентните слависти, учесници на првите семинари:

Моше Алтбауер (Ерусалим): „Прв пат воспоставив живи врски со Македонија и македонскиот народ, ги слушав предавањата на македонски, учествував во јазичните вежби, со еден збор: ми се даде ’од самиот извор‘ да се запознаам со особеностите на тој јазик, мошне различен по карактеристиките од другите словенски јазици“.

Франтишек Вацлав Мареш (Виена): „За нас, словенските слависти, нема потреби сега да ја раскриваме Македонија – таа одамна ни е позната и блиска. Ама од поблиску да се запознае човек со неа, претставува доживување за цел живот“.

Денеска, можеме да ги пренесеме впечатоците на многумина што учествувале на Семинарот благодарение на уште една традиција воспоставена овде – да се води Книга на впечатоци на учесниците од секој семинар. Таа како библија се чува (сега се веќе томови) и претставува раритет што заслужува да ја доживее и својата дигитализирана форма.

Редовни учесници на Семинарот се најистакнатите македонисти. Некои од нив поради своите заслуги од областа на македонистиката станаа надворешни членови на МАНУ. Дел од истакнатите учесници на Семинарот се и почесни доктори и професори на Универзитетот „Св. Кирил и Методиј“. Дел од нив се и носители на Медалот „Блаже Конески“ што го доделува МАНУ. По повод 40-годишниот јубилеј, неколку најистакнати учесници на Семинарот беа одликувани од претседателот на државата со Медал за заслуги за Македонија. Тоа се академиците: Рина Усикова, Нуло Миниси, Иван Доровски, Влоѓимјеж Пјанка, Хорас Лант и посмртно Франтишек Вацлав Мареш. Би требало помладите афирматори на македонистиката да добијат признанија од ваков вид во иднина.

II. 1. 2. Научната конференција

Почнувајќи од Седмиот летен семинар во 1974 година, по заслуга на тогашниот директор и претседател на Советот академик Божидар Видоески, започна редовно да се организира во негови рамки Научната дискусија, потоа преименувана во Научна конференција, иницирана со цел да им се даде можност на странските слависти активно да се вклучат во работата на Семинарот, презентирајќи ги сопствените резултати од проучувањето на македонскиот јазик и литература и да се привлечат што поголем број млади научни работници кои потенцијално ќе работат на полето на македонистиката. Авторот на идејата за организирање на овие научни собири во рамките на летните семинари ја заслужува нашата искрена благодарност и заради повеќекратниот свој ангажман во нивната работа, за менторството на голем број денес веќе афирмирани научници од нашата земја и од странство.

Досега се одржани четириесет и четири конференции кои придонесоа за развојот и афирмацијата на македонистиката. На овие конференции кои обично работат во две секции, лингвистичка и литературна, предмет на интерес биле теми како македонскиот јаик или македонската литература наспрема другите словенски и балкански јазици/литератури, а биле разгледани и сите клучни прашања поврзани со македонскиот јазик и литература. Од јазичната проблематика дискутирани се прашањата за типолошката структура на македонскиот јазик, системот на минатите времиња, негацијата, дијалектите на македонскиот јазик, балканизмите на сите рамништа, методолошки прашања за изработка на речници, лексиката, јазикот на црковнословенската писменост, проблемите на стандардизацијата, преведувачката постапка и сл.. Не ретко теми на конференцијата се посветуваат и на некои истакната имиња од нашава наука како Крсте Петков Мисирков, Блаже Конески, Божидар Видоески, Благоја Корубин и др. или пак на истакнати македонски писатели Димитар и Константин Миладинов, Ѓорѓи Абаџиев, Славко Јаневски, Димитар Митрев, Ацо Шопов, Анте Поповски, Коле Чашуле, Живко Чинго и др. Од областа на литературата се разгледувани и темите за развојот на романот, народното творештво, расказот, дијаспората во современата македонска литература и др. Предмет на интерес биле и некои општи теми, односно настани важни за историјата на македонскиот народ како АСНОМ, Илинден и сл.

II.1. 3. Лекторатите

Меѓународниот семинар за македонски јазик, литература и култура води грижа и за македонистиката на странските универзитети. Неколку години по одржувањето на првиот Семинар се отвораат и првите лекторати по македонски јазик низ светот (1969/70 во Неапол). Лекторатите по македонски јазик, на коишто Семинарот испраќа или испраќал свои лектори, се наоѓаат во следниве странски универзитетски центри: Блумингтон, Будимпешта, Брно, Истанбул, Крајова, Краков, Москва, Неапол, Париз, Прага, Сосновјец, Тирана и Хале. Други универзитетски центри во светот имаат или имале настава по македонски јазик што ја изведуваат странските македонисти. Тоа се во Австралија - Сиднеј, Германија- Хале, Канада-Торонто, Полска - Бјелско Бјала, Варшава, Ополе и Познањ, Русија - Перм, Санкт Петербург, САД - Чикаго. Освен во споменатите славистички центри, редовни, изборни и факултативни курсеви по македонски јазик повремено се одржувале (а некаде се одржуваат и денес) и на универзитетите во Берлин, Бон, Братислава, Брадфорд, Брест, Виена, Воронеж, Вроцлав, Гетеборг, Келн, Лавов, Лондон, Малме, Манхајм, Минск, Нанкинг, Ниш, Портланд, Рим, Сеул, Ташкент, Темпи, Токио, Торуњ и на други места. Македонскиот јазик и македонската литература сè уште се дел од системот на универзитетската настава на одделни катедри во поранешните југословенски републики, а денес суверени држави: во Белград, Нови Сад, Ниш, Загреб, Задар, Риека, Љубљана и Марибор.

Како резултат на воведување настава по македонски јазик за другојазични говорители, што за прв пат се одвиваше на Семинарот и по лекторатите, стана потреба да се развие и за македонистиката посебна лингвистична дисциплина - методиката на предавање на македонскиот јазик како странски, односно како втор, зашто претходно се немаше искуство со предавање на немакедонски говорители. Посебно внимание се обрна кон македонските наследни говорители, односно на децата на нашите иселеници во дијаспората, најмногубројни во Канада и во Австралија. Токму со тој посебен пристап, посветувајќи му низа трудови на македонскиот како наследен, односно на конфликтот дијалект/ стандард се занимава Кристина Крамер од универзитетот во Торонто која веќе 40-тина години го води предметот македонски јазик. Во Австралија на јазикот на македонските иселеници му се посветени истражувањата на Петер Хил.

II.1. 4. Издавачка дејност

Семинарот има и сопствена издавачка дејност. Секоја година редовно излегуваат/излегуваа по две до три изданија, еден зборник со предавања на Семинарот, и два од Научната конференција - еден од лингвистичката и еден од литературната секција. Овие изданија се барана и ценета литература зашто тие претставуваат детален преглед на состојбата во македонскиот јазик од синхрониски и дијахрониски аспект, а пак, во литературата се застапени сите поважни писатели од Македонија со анализа на нивното творештво, какои пресек на теоретските пристапи кон него.

Во издавачката дејност на Семинарот се застапени и учебници за сите нивоа на наставата по македонски јазик, разговорници и друг вид изданија за поширока намена. Автори на учебниците се афирмирани универзитетски наставници од скопскиот славистички центар: Ружа Паноска, Лилјана Минова-Ѓуркова, Кирил Конески, Александар Џукески, Кита Бицевска, Роза Тасевска, додека на популарните разговорници (македонски наспрема чешки, руски, англиски, романски, унгарски и др.) се македонски или странски научни работници: Олга Иванова, Максим Каранфиловски, Кристина Крамер, Роза Тасевска, Ласло Габриш, Елизабета Шоша и други.

Други учебни помагала во издание на Семинарот се : Збирка на македонски народни песни, Преглед на видските форми на почестите глаголи во македонскиот јазик, Лексикон на странски македонисти, Прирачник за македонска книжевност, две споменици, по повод 20 и по повод 40-годишнината на Семинарот, Книга за семинаристите, две библиографии и сл. Како резултат на работата на преведувачката работилница, по повод 90-годишнината од раѓањето на Блаже Конески, негови раскази и поезија се преведени на 8 јазици и тие се објавени во одделна книшка.

Секако дека, во денешно време, управата на Семинарот треба да направи напори оваа богата издавачка дејност да добие и своја дигитална форма, со што сите трудови би биле достапни за прочит секаде во светот.

II.1. 5. Други активности

Меѓународниот семинар за македонски јазик, литература и култура во изминативе години бил организатор и на низа други активности како: подготвителна настава за странски студенти; трибини; билатерални конференции; тркалезни маси; курсеви за македонските учители во Албанија и сл.

III. Придонесот на странските македонисти за развојот на македонистиката

Учесниците на Семинарот се вистински пријатели и лобисти на Македонија. Тоа го покажале со бројни активности, а најмногу со претставувањето на македонскиот јазик, литература и култура во своите земји. Тие се автори на низа стручни и научни трудови од областа на македонистиката, на граматики, речници, антологии, преводи.

III.1. Граматики на македонскиот јазик на различни јазици

Од исклучителна важност за македонистиката е пишувањето на граматики на македонскиот јазик од страна на немакедонски говорители кои со поглед од надвор на јазикот, а со различни концепции и теоретски пристапи, даваат слика за спецификите на македонскиот јазик и неговата посебност во рамките на словенското јазично семејство, како и во рамките на Балканскиот јазичен сојуз. Првата граматика на македонскиот јазик напишана на странски јаик е граматиката на Хорас Лант на англиски јазик. Потоа следат онаа на руски јазик од Рина Усикова, на полски од Зузана Тополињска, на англиски од Виктор Фридман, на чешки од Франтишек Вацлав Мареш:

- H. G. Lunt. *A Grammar of the Macedonian Literary Language*. Скопје 1952.
- Р. П. Усикова. *Македонский язык. Грамматический очерк, тексты для чтения с комментариями и словарем*. Скопје 1985.
- З. Тополињска. *Преглед на граматиката на македонскиот јазик*. Скопје-Варшава 1990.
- V. A. Friedman. Macedonian. *The Slavonic Languages*. London 1993, 249-305.
- F. V. Mareš. *Makedonska gramatika*. Praha 1999.

III. 2. Учебници по македонски јазик на други јазици

Странските македонисти имаат дадено свој влог и во дидактиката по македонски јазик, односно составиле учебници и учебни помагала за изучување на македонскиот јазик на различни јазици.

На германски тоа е учебникот од Вера Боиќ и Воф Ошлис, *Lehrbuch der Mazedonischen Sprache*, во Минхен 1984, 1986, кој потоа доживеа и трето дополнето издание од Ошлис во 2007, на англиски: од Кристина Крамер, *Macedonian, a course for beginning and intermediate students*, објавено во Висконсин 1999, кој доживеа веќе три изданија (третото со Л. Митковска), од Илија Чашуле: *Let's Learn Macedonian*, во Сиднеј 1988, од Жарко Бошњаковиќ. *Македонски језик, читанка, речник, граматика*. Нови Сад 1986, од Н. Бороникова, *Морфология македонского языка в таблицах, схемах и упражнениях; Учебно-методическое пособие*, Пермь 2005 и др.

III.3. Речници

Македонскиот јазик е предмет на интерес и на лексикографијата, па така и надвор од Македонија се подготвени и објавени низа двојазични речници во кои една од паралелите ја претставува македонскиот јазик:

- В. И. Иллич-Свитич, Д. Толовски. *Македонско-русский словарь*. Москва 1963.
- G. Nurigiani. *Vocabulario italiano-macedone*. Roma 1967.
- J. Накаџима. *Основен македонско-јапонски речник со 1500 збора*. Токио 1982 (на јапонски јазик).
- M. Tomici. *Македонско-романски и романско-македонски речник*. Bucureşti 1986
- Б. Видоески, В. Пјанка, З. Тополињска. *Македонско-полски и полско-македонски речник*. Варшава-Скопје 1990.
- I. Dorovski, D. Stefanija. *Česko-makedonský a makedonsko český slovník slovník*. Brno 1994.
- Р. Усикова (ред.). *Македонско-руски речник* (1-3). Скопје 1997. (заедно со З. Шанова, М. Поварницина и Е. Верижникова)
- *The Routledge Macedonian-English Dictionary*. Ed. and prepared for publication by P. Hill, S. Mirčevska and K. Windle, London 1998.
- D. Stefanija, T. Pretnar. *Makedonsko-slovenski slovar in mali slovensko-makedonski slovar*. Ljubljana 1998.
- K. Hora. *Makedonsko-Český slovník*. Praha 1999.
- Д. Стефанија, Б. Павловски. *Мал македонско-хрватски речник*. Пула 2006.
- Ж. Бошњаковиќ, А. Николиќ. *Македонско-српски и српско-македонски речник*. Београд 2008.
- Roland Schmieger, Nina Dimitrova-Schmieger. *Gro□wörterbuch Deutsch-Makedonisch*/ Роланд Шмигер, Нина Димитрова-Шмигер. *Голем речник германско-македонски.* Buske Helmut Verlag 2015.

- Dijana Vlatković, Borjana Prošev Oliver. *Riječnik hrvatsko-makedonski/ Хрватско-македонски Речник*. Дијана Влатковиќ, Борјана Прошев Оливер, Матица на Македонците во Хрватска 2015 и др.

III. 4. Разговорници

Еден вид практични помагала за усвојување на некој јазик претставуваат и разговорниците. Досега кај нас (в. погоре во оваа статија) и во светот се изработени низа разговорници во кои е претставен македонскиот јазик, а овдека, како посебност со еден подалечен јазик, јапонскиот, го споменуваме разговорникот на долгогодишната учесничка на Семинарот, професорката Јуми Накацима од Универзитетот во Токио: *Прирачник за разговор на јапонски и македонски јазик*.

III. 5. Монографии

Во светот се објавени низа статии, како и монографски изданија посветени на македонистички теми. Тие опфаќаат различни подрачја од лингвистиката, потоа од литературата, културата, историјата и сл. Да споменам само некои теми и области за кои се изработени одделни студии.

Македонија, како подрачје на коешто се настанати низа текстови од најстариот период на словенската писменост го привлекувала вниманието на палеославистите. Тоа резултира со изданија на стари текстови и нивна анализа. Познатиот палеославист од Израел, Моше Алтбауер, го објави во Скопје *Синајскиот псалтир*, старословенски глаголски (канонски) текст со македонски карактеристики. Објавени се и текстови од македонската редакција на црковнословенскиот: Атбауер го објави и *Добромировото евангелие*, најстариот македонски кирилски ракопис од XII век. Блахова и Хауптова го мобјавија *Струмичкиот апостол*, Рибарова и Хауптова *Григоровичевиот паримејник*, Мареш новиот дел од *Синајскиот псалтир*, Линдстед и др. *Кониковското евангелие* и сл.

Дијалектите на македонскиот јазик одамна претставувале интерес за истражувачите. Збигњев Голомб објавува студија за два македонски говори Сухо и Висока, говорите што ја дале основата на старословенскиот јазик; Питер Хендрикс за Радожда-Вевчани

дијалектот од Македонија; Петер Хил., за дијалектот на Горно Каленик; Роланд Шмигер за Нестрамскиот говор и др.

Напишани се низа трудови на граматички теми што го третираат македонскиот јазик од аспект на новите лингвистички теории, се однесуваат на структурата и типологијата, а споредбено во словенски и во балкански контекст. Така, Збигњев Голомб го опишува балканскиот тип на кондиционал во јужнословенските јазици со посебен осврт на македонскиот; Усикова ја обработува морфологијата на именката и глаголот во македонскиот литературен јазик; Тополињска пишува граматика на именската фраза во македонскиот; Фридман посветува студија на граматичките категории на македонскиот индикатив (1977); Крамер објавува книга за аналитичката модалност во македонскиот јазик; Гизела Хавранек ги анализира значењето и фунциите на минатото неопределено време во современиот македонски јазик (1980), Јоланта Миндак ги анализира перифрастичните предикатски конструкции со придавска парафраза (врз основа на полски, српскохрватски и македонски материјал), (1983); Бригит Енглунд се занимава со да/не прашањата во македонскиот и во бугарскиот јазик и сл. Франтишек Вацлав Мареш даде посебен придонес во разработувањето на низа теми од синхронијата и дијахронијата на македонскиот јазик, а со негови усилби работеше долги години и лекторатот по македонски јазик во Виена.

За основач на македонската ономастика се смета Влоѓимјеж Пјанка од Варшавскиот универзитет кој има две монографии, исклучително значајни за македонската ономастика, првата за топономастиката на Охридско-преспанскиот базен, а втората за македонските лични имиња во котлината Азот.

Фонетиката и фонологијата на македонскиот јазик се предмет на интерес на неколку труда. Нуло Миниси пишува фонетика на македонскиот јазик, како и прирачник за експериментална фонетика заедно со Н. Китановски и У. Чинкве; Ирена Савицка посветува труд на фонологијата на современиот македонски стандарден јазик како и сегментална и супрасегментална фонологија заедно со Љ. Спасов.

Македонскиот јазик е претставен преку посебни одредници во низа лексикони и енциклопедии, почнувајќи од првото споменување во енциклопедија кое го направи Самуил Борисович Бенштејн 1938, па преку водичот низ словенските јазици на Реџиналд де Брej 1951 год. За македонскиот јазик и литература во низа лексикографски изданија имаат пишувано Доровски, Усикова, Шешкен, Фридман,

Крамер и други автори. Доровски и Доровска се автори на низа речнички статии за македонските писатели во Речникот на балкански писатели, како и во Речникот на светски писатели.

Во споредбените граматики на словенските јазици се користи материјал од македонскиот јазик, а тој е застапен и во разни трудови посветени на словенските или на балканските јазици, (Славски, во нацрт за јужнословенска дијалектологија; Галтон, за главните функции на словенскиот глаголски вид; Цихун, за типолошките проблеми на балканскиот јазичен ареал, Фелешко и др. за именската предикација, Соколовски во трудовите за деривацијата во словенските јазици и многу други).

Народно творештво особено го привлекло вниманието на Кшиштоф Вроцлавски кој има две монографи под наслов: *Македонскиот народен раскажувач Димо Стенкоски* и *Македонски народни приказни од селото Пештани* (Охридско), 1974.

Македонската литература е предмет на интерес на низа автори како Петар Кепески, Воислав Илиќ, Радомир Ивановиќ, Манфред Јенихен, Горан Калоѓера, Крамариќ и др. Темите опфаќаат низа периоди од развитокот на македонската литература од Миладиновци, преку Рацин, Конески, Јаневски, Андреевски, Шопов, Георгиевски, сè до најмладата генерација македонски автори. Доровски посветува низа трудови на македонската литература како оној за воздејството на руската и украинската литература на творештвото на Рајко Жинзифов, како и монографија *Студии за балканскиот литературен процес во 19 и 20 век* и Чешко-*македонски книжевни теми*, Скопје 2011. Ала Шешкен објавува повеќе книги како: *Студии за македонската литература*, Скопје 2005; *Македонская литература XX века. Генезис. Этапы развития. Национальное своеобразие*, Москва 2007; *Формирањето и развојот на македонската литература*, Скопје 2012. Лех Мјодињски има повеќе трудови за културните традиции во македонската литература, потоа за поетското творештво на Богомил Ѓузел и последната монографија, со интердисциплинарен карактер, (Lech Miodyński, *Simbole miejsca w kulturze i literaturze macedońskiej,* Katowice 2011) во која темата се разгледува од географски, историски, литературен и етнографски аспект. Намита Субиото докторирала на тема за лингвостилистичките особености во прозата на Ташко Георгиевски.

Монографски изданија за историјата на Македонија се појавија во Полска, од Ирена Ставови-Кавка, како и во Чешка од

Мирослав Коуба и Јан Рихлик кои напишаа историја на Македонија (2003).

Во низата македонистички трудови се појавуваат разни културолошки теми, теми од областа на театрологијата, на филмот, на историјата на уметноста, археологијата и сл.

III. 5. 1. Македонистички подмладок

Низа докторски и магистерски тези од областа на македонистиката беа одбранети на странскиот универзитети и се споменати веќе во литературата наведена на крајот. Овдека се задржуваме на докторските тези што се одбранети последниве десетина години, а обработуваат теми поврзани со македонскиот јазик. E. Elliot. *The sum ('be') and imam ('have') resultative constructions in Macedonian and Bulgarian within a typology of resultative constructions in Slavic*. PhD. dissertation, University of Toronto 2001; две докторски дисертации се одбранети на Универзитетот во Катовице: Magdalena Błaszak. *Imperceptywność w języku macedońskim i polskim*, 2010, како и Natalia Łukomska. *Polskie i macedońskie imiesłowy nieodmienne – semantyka i glottodydaktyka* 2013; Максим М. Макарцев. *Эвиденциальность в пространстве балканского текста*. Москва-Санткт-Петербург, РАН 2014; Štefan Pilát. *Jazyková analýza Skopského apoštolu*. Univerzita Karlova v Praze 2014; Max Wahlström. *The Loss of Case Inflection in Bulgarian and Macedonian*. Slavica Helsingiensia 47. Helsinki 2015: University of Helsinki; Iva Nazalević. *Kontrastivna analiza sintaktičke negacije u hrvatskome i makedonskome jeziku*. Univerzitet u Zagrebu 2015; Заболотная Софья Андреевна. *Особенности передачи имён собственных при переводе русских художественных текстов на южнославянские и западнославянские языки*. МГУ, Москва 2017 и други.

III.6. Преводи

Голем дел од учесниците на Семинарот и од студентите на македонските лекторати станаа вешти и вредни преведувачи на македонската литература и создадоа бројни преводи на различни јазици. Уметничката преведувачка дејност овозможува пренесување

на македонската стварност во широката јавност, зашто преку преводите се шират културните, научните и други богатства. Сето тоа овозможува да се бришат границите на нашата национална култура и таа да стане дел од светското културно наследство.

Македонските писатели беа популаризирани низ светот со низа преводи на разни јазици направени од учесници на семинарот: на руски, чешки, полски, српски, словенечки, хрватски, бугарски, англиски, француски, германски, јапонски, унгарски и др. Беа составени низа антологии на македонска поезија, раскази, драми и сл. Да споменеме само некои од нив: Манфред Јенихен ги преведе песните на Блаже Конески на германски; Иван и Дагмар Доровски приопштија за чешката публика низа македонски автори и приредија неколку антологии на македонската литература; Пеги и Греам Рид ги преведоа *Бели Муѓри* од Рацин, *Сердаро̄т* од Прличев на англиски и др.; Кристина Крамер ги преведе на англиски Луан Старова, Гоце Смилевски, Лидија Димковска; Рина Усикова го преведе Горан Стефановски; Олга Пањкина ги преведе Живко Чинго, Петре Андреевски, Влада Урошевиќ и низа други автори и состави неколку антологии; Намита Субиото направи низа преводи на словенечки на Петре Андреевски, Влада Урошевиќ, Венко Андоновски, а со своите студенти издаде и збирка преводи на македонски народни приказни (*Sončeva sestra. Makedonske ljudske pravljice*. Ljubljana 2006). Волф Ошлис го преведе на германски Мисирков, *За македонцките работи*, а со ова не се исцрпува списокот на преводите на македонски автори на странски јазици.

IV. Професионални и пријателски врски

Семинарот со поддршка на ректорската управа на Универзитетот „Св. Кирил и Методиј" води грижа за целокупната работа на лекторатите почнувајќи од изборот на лекторите и завршувајќи со орагизирањето на размена на студентски групи или специјализанти. Дел од завршените студенти во нашите лектората или пак од подолгорочните посетители на летните семинари во Охрид, се посветија на сопственото научно профилирање во областа на македонистиката и придонесоа за нејзината афирмација. Преку своето учество на Семинарот тие имаа можност на изворот да се запознаат со достигањата на македонската култура, да остварат директен контакт со македонскиот јазик, со македонскиот народ да

воспостават академски врски со домашните, македонски, и со странските македонисти и слависти. Семинарот е место каде што се среќаваат луѓе од над 20 нации во исто време и се воспоставуваат трајни професионални и пријателски врски. А, да се најдат на едно место луѓе од над 20 земји, да не избие спор – тоа е вистински успех. Тоа е така зашто овде владее академска и пријателска атмосфера и, како што рече еден од долгогодишните учесници, секогаш духовитиот Волф Ошлис: „Сполај ти, Семинаре, што ја продолжуваш Климентовата „Охридска книжевна школа“ – и тоа во формата на едно етнички чисто друштво. Кај нас се, фала Богу, претставени само луѓе од една народност: МАКЕДОНИСТИ! Волф Ошлис (Вук Граматик)“. Колку емотивно го напуштаа Охрид и семинарот некои од нашите колеги потврдува и она што го остави Стивен Френкс во книгата на впечатоци: „Ќе имам т′га за југ“.

Учесниците на Семинарот научија многу за македонскиот јазик, литература, култура, за Македонија. Но, тој не беше школа само за странците. И ние, домашните слависти што вложивме дел од себе работејќи со голем ентузијазам и љубов, поминавме низ школата на Семинарот. Зашто тука, во контакт со колегите од странство, разбиравме за новите текови на науката, за нови дела. Во времето кога немаше Интернет, електронска пошта, „прашај го Гугл“, „види на Academia.edu“ и сл., нашиот контакт со професионалниот свет беше Семинарот.

Но, се создадоа и поинакви врски – љубовни и брачни врски. Плодовите од овие врски повторно се вратија на македонистиката. Ќе споменам само два брака што се зародија овде: на Елена Петроска со Пол Фостер од САД, како и на Нина Димитрова со Роланд Шмигер од Германија. И двата пара направија значаен влог во македонистиката. Петроска – Фостер успеаја да отворат лекторат по македонски јазик на Универзитетот Индијана во Блумингтон кој успешно работеше неколку години, а сега најавуваат организирање на конференција за балкански и јужнословенски јазици во мај наредната година на Универзитетот во Билингс-Монтана. Димитрова – Шмигер создадоа капитално дело: *Голем речник ḡерманско-македонски* во четири тома кој излезе од печат во Германија во 2015 година. И, навистина е не голем туку огромен. Четирите тома изнесуваат вкупно 3900 страници. Така, и овие семејни проекти значајни за македонистиката можеме делумно да си ги припишеме како резултат на дејноста на нашава институција.

V. Заклучок

Семинарот претставува мост меѓу генерациите, низ него поминале многу искусни македонисти, но и многу млади учесници кои ја продолжуваат работата на своите учители. Меѓународниот семинар во изминативе педесет години одигра значајна улога во севкупното претставување на македонската национална култура во светот. Македонискиот јазик денеска се учи на универзитетите од Москва до Чикаго, од Сиднеј до Токио. Никој веќе не може да стави вето на влезот на македонистиката на светските универзитети. На сите истакнати македонисти од странство им ја должиме нашата огромна благодарност за несебичниот придонес што го вложија во афирмацијата на нашиот јазик, литература и култура, што ја истакнаа посебноста на македонскиот јазик во словенското јазично семејство. Во севкупното претставување на македонската национална култура преку откривањето на нејзините универзални вредности во светот значајна улога во изминативе педесет години одигра Меѓународниот семинар за македонски јазик, литература и култура при Универзитетот „Св. Кирил и Методиј“ во Скопје. За тоа, по повод 40-годишниот јубилеј, се здоби и со високо државно одликување Орден за заслуги за Република Македонија, како и со Наградата „Св. Климент Охридски“ за достигања од областа на просветата и културата. Но Семинарот, а преку него и Универзитетот и Македонија, се здобија и со друго богатство - со голем број познавачи, амбасадори, лобисти и верни пријатели во светот. Дрвото на македонистиката е веќе широко разгрането низ целиот свет, а македонистичкиот подмладок ветува убава иднина.

Нека ни е честит јубилејот! За многу години!

Користена литература

Видоески, Б. 2013. *Прилози за развојот на македонистичката лингвистика*. Ур. Д. Пандев. Скопје.

Доровски, И., Црвенковска, Е. 2008. *Лексикон на странски македонисти***.** Скопје.

Каранфиловски, М. 1997. Лингвистичките трудови во рамките на дејноста на Меѓународниот семинар за македонски јазик, литература и култура. *Педесет години на македонската наука за јазикот*. Скопје: МАНУ, 191-201**.**

*Семинар за македонски јазик литература и култура 1967-1987***.** Ур. Б. Видоески. 1987.

40 години Меѓународен семинар за македонски јазик, литература и култура. Ур. Е. Црвенковска. Скопје 2008.

Црвенковска, Е. 2008. Македонистиката во светот. *Македонскиот јазик во глобалниот свет.* Ур. М. Каранфиловски. Скопје, 80-95**.**

Снежана Велковска

ФРАЗЕОЛОГИЈАТА НА МАРКО ЦЕПЕНКОВ

Фразеологијата на Марко Цепенков (МЦ) е жив доказ како се менува јазикот во определен временски период. Многу фразеолошки изрази (ФИ) кај МЦ денес не ги среќаваме во јазикот на денешните генерации, па дури и оние постарите тешко ги разбираат. Доказ за тоа се и денешните изданија на обновените приказни на МЦ, каде што многу често ФИ се заменуваат со други изрази или едноставно се изоставаат. Токму затоа преставува предизвик да се проучува фразеологијата на овој наш најпознат собирач на народно творештво.

Материјалот е ексцерпиран од народните приказни во 5 тома, издание на Македонска книга од 1989 година. Располагаме со фонд од над 2500 единици.

Токму поради тоа, фразеологијата на Марко Цепенков не е така едноставно да се претстави во ограничено време и простор. Тука ќе го претставиме само тоа што е најкарактеристично за неговиот јазичен израз на фразеолошки план. ФИ на МЦ најпрво ја делиме на две големи групи:

1. ФИ карактеристични за јазикот на МЦ, и
2. ФИ што ги има и во современиот македонски јазик.

Каракеристично за МЦ е тоа што тој има изразен усет за јазичниот материјал. Тој го нагласува тоа во многу случаи. Самиот Цепенков за приказните вели дека се предаваат ***од уста̄ во уста̄, од деда пра̄деда*** и тоа е одбележано во самите приказни. Пр.:

- ...првио хахамбашија знаел за таа работа, чунки му било предадено **од деда - прадеда**. (МЦ, 2,172)(?)
- Тие чудесии не сет пишани во евангелието, ами се прикажуат **од уста в уста,** како приказни. (МЦ, 2,182)

Многу често, пред да употреби некој ФИ, или по самиот ФИ, МЦ вели: како што рекле стари, како што рекол некој и сл. Пр.:

- ...како што рекле стари: **кој паѓа в море и за змија се ваќа.** (МЦ, 1, 440)
- **...кај што текла вода ќе течит**, што рекол некој... (МЦ, 2, 29)
- Арно ама, што ти велат: **клин клин терат**...(МЦ, 2, 30)
- **Земи му умо на таков чоек и појди во Стамбол**, што рекол некој чоек. (МЦ, 4, 23)

Најпрвин ќе се задржиме на архаичните ФИ (Велковска 2008) што ги најдовме кај МЦ.

1. Архаични ФИ

1.1. ФИ со архаични лексеми

а. Фразеологизмот *прсиплева* или *прст и плева* е дел од словенскиот слој во македонската фразеологија. Овој фрзеологизам означува 'многу, нешто е во голема количина'. Од современ аспект, значењето на овој фразеологизам како да не е мотивирано од компонентите од кои е составен. Првиот компонент, **прст** или прЎстЎзначи 'земја, особено горниот раскопаниот, растресит слој'. И во РМЈ и во ТРМЈ овој збор е означен како архаизам. Во дијалектите може да се сретне и надвор од овој фразеологизам, на пример во изразот **прсена тава** - 'земјена тава', потоа во префиксираниот глагол **запрси** - 'прекине ферментација со просеана пепел' и сл., но во литературниот јазик се зачувал само во односниот фразеологизам.

- Море како ќе сум бил сонлив, бре душко, **мене ми се очите четири**, ти ми велиш сум бил сонлив, ене ји ја, полно 'рти и 'ртки кај туку се бркаат. Море, море, што је **прсиплева!** (МЦ, 5, 231)
- А пак друзи покрај неа риби, **прсиплева** имало (МЦ, 3, 142)
- ...гледал надесно и налево и видел наоколу на тоа поле еднододруго наредени чешми, толку многу што биле, што не било чаре да можело да се избројат; **прсиплева** биле, **колку звезди на небото**, толку чешми имало тамо. (МЦ, 2, 273)
- А пак муви и оси со комарци **прсиплева** беа се намножиле. (МЦ, 2, 331)

б. Фразеологизмот *нема ни дете ни **коте*** со значење 'нема никој, сам е на светот' содржи еден компонент зачуван во други словенски јазици. Така имаме на рус. *кот / кошка* 'мачор / мачка'; укр. *кіт / кíшка*; белор. *кот / кошка*; чеш. kot / kotě 'маченце'; пол. kot / kotka. Во македонскиот јазик лексемата *коте* е архаизам и е зачувана само во односниот фразеологизам. Така е и регистрирана во ТРМЈ.

- Една баба **си немала ни дете ни коте.** (МЦ, 1,429)

в. *Ја удри* ***дропкатта*** - 'има среќа, погоди во целта'. Дропка е вид птица, дива гуска, а овој ФИ го сметаме за архаизам бидејќи со урбаниот начин на живот многу од називите за диви животни и птици, како и на многу билки се забораваат бидејќи нивното познавање веќе не е од суштествено значење за животот на човекот.

- Трај, жено, сега дури **ја удрив дропката**. (МЦ, 5, 12)
- .. .. сега дури јас **ја удрив дропката**, оти не оди една година и ќе се сторам садријазам. (МЦ, 3, 23)
- Се подумал воденичарот и си рекол сам со умот: „Aj ќе ја пуштам (лисицата), да ако ме напраит царев зет, **ќе ја удрам дропката;**... та досега што јала, не оти јала од мое, да од светот што сум го крал: **така беше дошло, така беше ошло“.** (МЦ, 1, 184)
- Ха, сега **ја удрив дропката**, ќе се скапам пари земајќим, еве ми бубаќ мов наместо бубаќ. (МЦ, 4, 122)
- му се пофалил на жената си **оти ја удрил дропката:** спечалил еден тоар чивит. (МЦ, 4, 132)

1.1.1. Посебна група ФИ со архаични лексички елементи прават фразеологизмите со називи на букви од старословенската азбука: *Од* ***аз*** *до* ***ижица*** (*аз*; *ижица* > првата и последната буква од старословенската азбука).

- ...та је казало (на Дуња Ѓузели) сирото момче **од аз до ижица** сѐ како што било чунки беше се уверило оти ќе го земела за маж. (МЦ, 2, 261); (МЦ, 1,410)
- На другио ден царот беше 'и изваил од темна занадана и беше ја избарал сета работа **од аз до ижица**. (МЦ, 2, 411); (МЦ, 1, 246)

1.1.2. Називи на стари пари, на стари монети:

- *Црвена* ***аспра*** *не гине* (аспра = ситна сребрена пара) - ситните, мали луѓе, ќе се одржат. Арно ама лели се рекло од стари оти **црвена аспра не гини**, при сѐ што паднала во длабокио бунар, се начекала на раце од ѓаоло... (МЦ, 3, 351)
- *Нема* ***скршена пара*** / *нема* ***скршен*** *денар* - нема ништо. ...неќум тие да поарџат **пет пари скршени**....(МЦ, 1, 21)
- Ха, еве ми **пусто село без пци**, сега **ќе си лупам мендухии,** дури да речам доста! (МЦ, 4, 262)

1.1.3. По христијанизацијата многу од старите паганскиbогови и други митолошки суштества добиле свое преименување во соодветни христијански ликови, светци, ангели и сл. (Велковска 2007). Имињата пак, на разни демонски суштества се зачувале во ФИ, клетви и благослови. Ќе посочиме неколку изрази од овој тип.

***Бес** бараше, **бес** си најде* со значење 'зло си бараше, зло си најде'.

- **Бес бараше, два си најде** (МЦ, 3, 35)
- Ах, ќерко, ќерко, је рекла мајка је и татко је - **бес бараше, два си најде**, што ти требаше да праиш јунасто, та да земиш едно **старо аро**, дали малцина царцки синои те посакле, да те земат **млади и зелени..** .. .. да и земиш и век да поминиш, ами зеде едно старо аро. **Уќе нека ти е, ќерко, што си барала, тоа си нашла.** (МЦ, 3, 214)
- **Бес бараше, два си најде**; што си бара тоа си најде, бет'р нека биди, лели је стрвна и невредна! (МЦ, 2,136)
- Е, **бес си барав, два си најдов**.... (МЦ, 4, 82)

1.2. Стари називи на топоними.

1.2.1. Населени места:

Името на градот *Сѫтамбол*, всушност е архаична варијанта на името на градот Истанбул, старото име на Истанбул.

- Што ти велаат: **човек со прашање дури Стамбол појдуат**, та и царцките луѓе: прашајќи многу луѓе се нашол некој чоек што ја знаел Дуња Ѓузели и му кажал. (МЦ, 1, 288)
- Прашај вамо, прашај тамо, за булуко од царо (што ти велаат стари, **со прашање Стамбол моиш да го најдиш**), та го нашол и се кунуштисал со овчарот. (МЦ, 1, 386)

1.2.2. ТУНА И САВА

Се работи за реките Сава и Дунав кои географски се поставени една до друга. Кај МЦ и во други случаи срекаваме траги од историјата на македонскиот народ. Најверојатно овој ФИ е настанат во времето на преселбата на македонските Словени за кои била многу впечатлива утока на Сава во Дунав кај Калемегдан во Белград. Големото количество вода што се нашла на патот на преселниците било инспирација да се направи споредба, па така се добил постојан израз што изразува количество и тоа секогаш преголемо, недоброjно, аналогно на големината на овие реки. Во изговорот на реката Дунав

се зачувала старата форма Туна од турскиот јазик. Во цитирани тепримери секогаш се работи за пари, за богатство.

Според Тушевски (Тушевски 2009: 262) изразот потекнува од времето на доселувањето на Турците во денешниве краишта и живеел се до минатиот век кога и Цепенков го употребува.

- Од тој саат ватил сиромаиот сѐ да се обогатуат и да напредуат, со стока, со пари **Туна и Сава**. (МЦ, 2,91)
- ... јас сум спечалил со ербапл'кот мој стока, **Туна и Сава!** (МЦ, 2, 318)
- Богатство, **богатство Туна и Сава имал...** (МЦ, 2, 256)
- Колку пари што посакло момчето, толку му дала, чунки у неа пари **Туна и Сава имала**... (МЦ, 1, 351)
- А, бре пријателе, ај дајте ми го детево мене да си го посинам, чунки немам челад, а стока **ми дал Госпо Туна и Сава**. (МЦ, 3, 231)

  Изразот значи: многу, изобилство.

1.2.3. Косовска битка

Кај МЦ среќаваме и други примери за историски настани што нашле одраз одразени во неговата фразеологија. Еден таков е примерот со косовската битка.

- Секи ден кавги праела, **до косо-бој**. (МЦ, 3, 344)

1.2.4. Други топоними

Името на градот Виена, т.е. Беч тука е искорустено за градење ФИ аналогно на големите трговци што доаѓале од Европа. *Беч-тӯџари* значи големи трговци.

- .. ..едни што му знаеле алот, мислеле оти се померил, **Господ да чуат од умот** што продаат круши, чунки **тој беше Беч-туџари**, со голема сермија и ич кај му прилегало круши да продаа. (МЦ, 3, 89)

2. Фразеологизми со архаични морфолошки елементи. Кај оваа група ФИ, во македонскиот јазик како јазик со изгубена синтетичка деклинација, за архаични ги сметаме остатоците од падежните форми. Во фразеолошките изрази тоа е најчесто формата на дативот: *даде **бо̄гу** душа* > 'умре, почина'; *фала **бо̄гу*** и *слава **бо̄гу*** и др. Сепак најчеста е општата падежна генитивно-акузативна форма

(Конески 1967: 243). Така велејќи, **си дал Богу душичка...** (МЦ, 4, 399)

- Ах, ах, **Госпо да те отепа**, море мрзло, мрзло, да што је ова чудо од тебе, што **го нема на белега света, ни у Турцко, ни у Каурцко?!** (МЦ, 2, 383)
- ..ете **како било од Бога здано** двата пак да се најдиме и цареи да бидиме! (МЦ, 1, 354)

3. Библиски ФИ.

Приказните на Цепенков се жив сведок за животот на нашиот народ, неговиот морал и филозофија, за односот кон животот, кон односите во семејството, меѓу мажот и жената, однос кон Бога. Неговите приказни се своевидна **народна библија.** Зборувајќи за настаните опишани во Библијата, тој дава свое видување и на свој начин ги пренесува збиднувањата од пред векови. Токму затоа, кај Цепенков наоѓаме многу библиски фразеологизми. Тука ќе споменеме само некои покарактеристични, како и супституцијата на некои од нив.

- Ако би имале вера колку **синапово зрно**, да је речите на таа планина кинисај, и таа ќе киниса да оди. (МЦ, 5, 186)

3.1. Библиски изреки:

Многу често приказната завршува со ирека од библијата, или пак изреката е дел од дијалогот на ликовите од приказната.

- **Тражите да најдете, чукајте да ви се отвори и барајте да ви се даде!** (МЦ, 2, 49)
- ...а пак за зборот што го рекол Ристос: „**Итри бидете како змии**“, тој не го рекол за да бидеме само итри, да грабаме со неправина и да се обогатуаме, ами рекол и **да бидеме кротки како гулаби**, да се милуаме еден други од браќа повелико, да не си прегледуаме на некој зборој и во други работи, да **се носиме еден други, а не да оиме еднио по патот, а другио во трњето** -...(МЦ, 2,108)
- ...јас одам по зборoите од Бога - му рече ѓаолот - како што вели: **„Со каква мера ќе ти мерат, со такваа му мериш“,** па на луѓето велат: „**Клин клин тера“** (МЦ, 2,108)

- **Со туѓа пченица сакате да даате за душа**, леб немате вие за вечер, гостин си прибрал да ви лежи дома...му рекла богатата и му дала јаглење и ракија. (МЦ, 2, 306)
- Ете како **Гопспод забаа, ама не забораа**. (МЦ, 2, 353)
- **- Кој си дава, себе дава; кој си чинит, себе чинит!** (МЦ, 2, 398)
- Со една реч, оче свети, сега је времето што се вика : **излезете, мртви, да влеземе живи** и друго ништо, чунки сите сме се запрегнале **да се изеиме живи**... (МЦ, 2, 407)
- **Не копај гроб другему, оти сам паѓаш во него!** (МЦ, 1, 114)
- Момче, и ти ли идеш по тој проклет ѓаол, **како јагне на касапница**, како што сме дошле и ние? (МЦ, 1, 155)

3.2. Меѓу библиските ФИ што ги среќаваме кај МЦ еден дел содржат лично име или топоним познати од библијата. Па така имаме:

- ... та да 'и потопи као што ги потопи **Сомор и Гомор**, арно ама бесчесните мажи и жени се отимале пред судо со овие зборои: „**Што 'и боли газо** (со опроштение) комшиите за нас...Тие нека си бидат чесни, та ние ако сме бесчесни, лели **секоја коза си виси за својата нога на касапница“.** (МЦ, 2, 377)
- Ах, проклета жена! Ах, **Јуда Искариотска** една! Да вака беше милоста твоја што ме прегрнуаше и ме целиваше со **Јудино целивање?** (МЦ, 4,57)
- Ем **жими младост**, мајко, еве ќе ти се заколнам, до утре ако не ме свршите за тоа момче, да знаите оти **сама себе јуда ќе се сторам** и вие **на душа да ме имате** и на тој век џуап да ми давате! (МЦ, 3, 272)
- Тргнала сирота невеста по бабата **Јуда јудаста** да оди да бара билка за момчето... ја текливила Дуња Ѓузели да влези во венеро, та да види што нешто ќе биди тоа што го нашле тамо, дали **е никнато одземи, дали је од небо паднато**. (МЦ. 1, 290)
- Ај, не бери гајле, јас ќе те избавам од **оваа јуда.** (МЦ, 1, 375)
- Ах, мори мајко, ах мори **јудо**, дека ме најде помала, тики ме биеш (МЦ, 1, 440)
- **Пусто злато - јудино железо**, ја остаил милоста од детето и си $ грабнал алтаните. (МЦ, 3, 102)
- Не веруам јас да дотраат нашите жени и кој да се друзи, да не отворат (ковчежето со буљбуљот), чунки жените се **ќерки на**

баба Ева, што не додржа **Божјата заповед** кога ја кладе во рајот. (МЦ, 4, 94)

3.3. Кај МЦ може да се следи и соодветна супституција на стари библиски изрази. Така изразот од библијата **мана небеска** во македонската фразеологија и соодветно кај МЦ го наоѓаме како ***чека алвица, чека од Боѓа алвица*** и сл.

- На смеа на шака, дрварот си седнал дома и саде се истегал на колк, **чекал од бога алвица да му паднит**, беше спружил еден чибук, седит да седит, санким му работеле од Бучин водениците. (МЦ, 2, 380)
- Море, море никаквику, кој лежи као тебе на плеќи и да **чека круши да му паднат и од Бога алвица**?! (МЦ, 2, 383)
- Си седнал на дрвата и си чекал да дојди комшијата, пак да му 'и тоари, демек **од Бога алвица чекал**. (МЦ, 1, 189)

3.4. Ритуална проституција: во Библијата е регистритран изразот **блудница вавилонска или** големата блудница. Кај старите народи била вообичаена храмовата проституција, односно ритуална проституција во име и во чест на некоја божица (Чајкановиќ 1994: 131; Тресидер 2001: 20). Кај Цепенков наоѓаме супституција на овој библиски израз со нешто што му е попознато, а тоа е градот Букурешт каде што и во тоа време се одело на печалба. Другиот пример во моментов не можеме да го идентификуваме за кој град се работи.

- Ах, анас'на, али вака ти мене ќе ми праиш? Чекај ти, **курво букурешка**, да видиш што ќе патиш, **само ако те клаам в рака, да крвта ќе ми ти ја локам** јас тебе .... (МЦ, 1,72)
- ...па да ми го земиш и магарето, што со него се ранам, **да те Бог убие, гиди курво семендорцка!** Пред мене, оти **така ми таткоа душа и мајкина! - сега глаата ќе ти ја столчам како на змија**, а пред мене, де! (МЦ, 3, 298)

4. ФИ со турцизми.

1.3.1. Називи од државната администрација и војска во некој стар претходен режим. Ваквите фразеологизми вообичаено содржат лексеми, историзми од турскиот период.

- Се курдисал во столо **како некој бег**... (МЦ, 2, 355)
- ти **да лежиш** во трњево и во капињево, **како некој деребеј** (деребеј - бег што се отклонил од власта на султанот)**!** (МЦ, 2, 243)

1.3.2. ФИ со калки и полукалки од турскиот јазик.

Во голем број ФИ се среќаваат и двете варијанти и калкираната и заемката:

- За ошто ме бараш, бре пријателе - му рекол - што **имаш нешто земање и давање ти со мене**, да да ме бараш? (МЦ, 3, 113)
- Еден чоек **праел ал'шверешо** од еден бакал на вересија. (МЦ, 4, 104)
- Кој виде - сѐ му завиде на ербапл'ко негов; **страшен ал'швереш имале во маазата.** (МЦ, 3, 56)

4.1. Изрази преземени или модифицирани од турскиот јазик.

чапраз диван - застанале со почит, со прекрстени раце

- Дојдуајќи Евреите при царо, му се поклониле и **застанале** пред него **чапраз диван**. (МЦ, 5, 49)

тек-чифт - пар-непар, асоцијација со детската игра во која се погодува пар, непар.

- **Тек, чифт, си дале зборои, си зеле и си врзале нивната работа** што си ја имале за врзување. (МЦ, 5, 13)

пачавра црепнарска - нечиста, несмасна жена, погрден назив за жена; *пачавра* крпа со која се брише црепната;

- јас туку седам и се чудам, бре чоече, со тебе како си толку прос да не се сеќааш оти другарите твој и мој се бијат шега со тебе, **те имаат наместо пачавра црепнарска**,... (МЦ, 2,108)

аир-абер - добар абер, т.е. добар абер ли ми носиш

- **-Аир абер**, старче - му рекол Господ, што си се мачил до мене нешто? (МЦ, 2, 344)

пие тутун - пуши

- ...си седел на едно ново веленце и **си пиел** со чибуко **тутун.** (МЦ, 2, 384)

- ...ако не ми го подаиш чибуко да **попијам** троа **тутун**. (МЦ, 2, 384)

вади ифтирија - го клевети, му измислува работи

- ...еве ќе се измочам и **во мочта ќе се удаам**, вака да знајте, у мене лага нема, треба некој друг од вас да го изел (арзоалот), да затоа **мене ми вадите ивтирија.** (МЦ, 1,70)

дојде(дотера) до ова дереџе - дојде (дотера) до многу лоша ситуација, сосотојба

- -Ејди синко, не погоди змија водна, ами змија осојнбичава, затоа **те дотера до ова дереџе** - му рекол со жалостен глас. (МЦ, 1, 122)

стори аир - направи добро

- Ама те молам, **стори еден аир** и дај ми ја сливата. (МЦ, 1,137)

фрла пиштоли - пука

- ...свирејќи со гајдата и **врлајќи пиштоли**... (МЦ, 1, 230)

остри како сунгии - многу остри; сунгија - нож;

- .. ..кокошката се препраила на една коза и дотрчала пред него, играјќи и вртејќи страшните рогои, **остри како сунгии**.. .. (МЦ, 5, 236)

тељал чаршија - пазар на кој со викање со нудат производите

- Го повел по себе и го изнесол на **тељал чаршија** да го продаат. (МЦ, 3, 189)

џан-џин - нема никој; џан - душа

- Ламјата откако огладнела, тргнала по поле да бара јадење, арно ама тука не можела да најдит, ...немало **џан-џин.** (МЦ, 3, 368)

5. Од ФИ со фитоними ќе наведеме еден пример кој ни се чини интересен да се спомене бидејќи претставува постара верзија на денешниот ФИ **му пукна филмот.** Изразот *му пукна афионот* е добиен по метафоричен пат од формата на самата чушка на афионот.

- Е, дури тогај **беше му пукнал афионо** на касапо, та го клал прсто на ќутуко и мавнал со сат'ро, та го пресекол и му го врлил на еќимо... (МЦ, 4, 306)

6. Женски корелативи на ФИ првенствено „машки“ ФИ.

- Прават свршеница што го сакаше да го земи **остана „променета и нецеливана“**, што рекол некој; (МЦ, 3, 86) од ФИ *остана бричен нецеливан*.

капа: шамија

Наспроти ФИ: *клај си капата настрана* имаме *клај си шамијата настрана*.

- Стори му го ова, бре овчарко, на пците и ќе видиш што раат ќе сториме и двата, после **клај си капата над око и чини си пала!** (МЦ, 1, 50)
- Тамам, невевче, **клај си шамијата на страна...** (МЦ, 4, 59)
- Те молам, не кајдисуј дотука, ами ако можиш борџо, борџо да му го платиш, да после **настрани си шамијата** и ич гајле да не бериш...(МЦ, 4, 99)

7. Од ФИ со Господ и Ѓавол ќе споменеме само два израза кои денес не се среќаваат во македонскиот јазик. Едниот е заемка од турски јазик:

- Арно, туку што ти велаат, **шејтан пушт (ѓаволот е курварин)** - тики понекогаш и мене ме кутнуат и пари ми земаат, да од тој себап не можам да се обогатам. (МЦ, 2,66)
- Арно беше да не кажуа, според како што беше го учила сестра му, арно ама **шејтан пушт**, што ти велаат, тики беше се излагал и беше је кажал. (МЦ, 2, 261)
- Иља јас пак не веруам да сте вие чорбаџи за лага, иља **шаејтан пуш**, да што не бидуа. (МЦ, 3, 201)

Вториот израз е **ѓаволска превара**.

- Во попа Јанеата куќа беше му умрел еден чоек и, од некоја **ѓаволцка превара**, беше се свапирил. (МЦ, 5, 218)

Од денешен аспект *превара* го сметаме за србизам.

8. ЛЕБ

Лебот е симбол на егзистенцијата на нашиот народ кој со векови живеел во крајна беда и сиромаштија, под турско ропство, лебот како симбол на животот, на работата што носи егзистенција, пари за да може да се опстане, да се преживее. Сето ова нашло свој одраз и во фразеологизмите во чиј состав влегува лексемата **леб** како компонент што го определува значењето на самиот фразеологизам. Токму затоа, најголемиот број фразеологизми од овој тип го носат значењето 'работа, обезбедување средства многу често за гола егзистенција, средства за живот'.

Од фразеологијата на МЦ ќе споменеме само два израза што ни се гледаат специфични за времето кога се собирани народните приказни.

- Остај што ќе го простит со сета дружина, ами и ќе го стори зет и дружината **ќе 'и клаи** сите **на голем леб**, да седат околу царот во сарајот негов дури се живи. (МЦ, 4, 170)
- Коа **го зеде** капидано **тој абер** и коа се научи дружината оти царот 'и канит **на голем леб да им даит**, сите со голем ќеф сакале да одат да ја отепаат ламјата... (МЦ, 4, 170)

Вториот ФИ: Од примерите јасно се гледа значењето на лебот, нема ништо послатко од леб и сол.

- Ја закачиле мравите (мечката) од секаде и ја умртвиле, та **ја изеле како леб и сол.** (МЦ, 1, 19)
- Еј сега, овчарко, еве како падна в раце, **да те јадам како леб и сол.** (МЦ,1,95)
- Е веќе **ме изеде** со тој пусти прс, на ти го прсто, за да куртулисам од тебе, оти веќе **ме изеде** со тој пусти прс **како сол и леб**. (МЦ, 4, 306)

9. Локални имиња

Во фразеологијата на МЦ среќаваме повеќе локални имиња, тука ќе дадеме само еден пример.

- На смеа на шака, дрварот си седнал дома и саде се истегал на колк, **чекал од бога алвица да му паднит**, беше спружил еден чибук, седит да седит, **санким му работеле од Бучин водениците.** (МЦ, 2, 380) (заб. во Бучин имало многу воденици и „на мрзлив чоек му се кажуа ова: **Зар водениците во Бучин ти работат,** што не работиш ти, бре Марко?)“

10. ФИ со небо и небесни тела
10.1. Небо.

Небото и небесните тела заземаат значајно место во јазичната слика на светот, особено во минатото, т. е. во периодот за кој зборуваме. Одреден број ФИ се придружени и од компонентата земја. Компонентата *небо* е крајна точка на опозицијата во однос на земјата. Тоа го покажуваат и предлозите *од* и *до* како антонимен пар.

- ...туку те молам **од земи до небо** да ми простиш за грешката што ја сторив, чунки од пустото пијанство не купуам полојна град, ами ицел купуам, ем за две оки вино. (МЦ, 4, 336)
- Аман, кади баба, **ти биди ми татко и мајка** на мене сакатнико, **ти се молам од небо доземи** .... (МЦ, 3, 299)
- **...ти се молам одземи до небо**, стори едно добро.... (МЦ, 1, 9)
- ...сите **те молиме одземи до небо**, да ни го сториш ова добро, тетики **си напраил еден манастир, али една црква**! (МЦ, 2, 53)

Ваквите примери имаат за цел да покажат колку е нешто големо, во случајов упатената молба. Во последниот пример и ФИ: **си напраил еден манастир, али една црква**! го зголемува уште повеќе интензитетот на молбата, бидејќи во сфаќањето на нашиот народ да се направи црква или манастир е нешто навистина големо и вредно.

Колку е важно небото во слика на светот на обичниот човек, особено земјоделец или сточар, можеме да видиме од стравот што ако падне небото, како во примерот: *ќе го турне небото (од силно рикање).* Тоа се должи на јасното разликување на религиозното од атмосферското небо. Атмосферското небо е сфатено како свод. Во литературата (Шевалие, Гербран 2005: 686) е забележано дека некои народи, на пример, Галите стравувале да не им се урне небото врз глава. И во фразеологијата на МЦ е зачувано ова сфаќање за небото.

- Коа чуло магарето шегата од друзите, оту лели беше се гибнало и се устрамило, та кога ти се расплакало и разлипало, **ќе го турнеше небото;** коа чуле животните, сите сопрво беа се учудиле што плачит и што липат така. (МЦ, 5, 41)

Небото е големо и бескрајно, но во ситуација на страв, преплашеност и слично емоционално доживување може и поинаку да изгледа, т.е. многу мало како што е прешленот, поточно отворот на прешленот.

- Ej, море слепче ej, **моли Бога да не станам**, да ако станам, **небото прешлен ќе ти се видит, душата со палци со колци ќе ти ја изваам...** (МЦ, 4, 290)

Примерот е забележан и кај К. Пеев, фразеологијата во Струмичко (Пеев 1968: 201-227).

10.2. Сонце.

Сонце како најблиска ѕвезда до Земјата, нормално, е најсјајна на небото. Без Сонцето нема живот, без неговата топлина и енергија животот на Земајат не би бил возможен. Многу народи го поистоветуваат со божество и го сметаат за олицетворение на божјиот принцип (Шевалие, Гербран 2005: 949; Тресидер 2001: 240). Сонцето е нешто најубаво и со него се споредува убавината на девојката, аналогно на ФИ *убава како бо̄г*.

- Во тоа време се отвориле три пенџерињa и на секое пенџере застанала една мома, три царски ќерки **која од која полична и поубаа,** а најмалата била **како сонце лична.** (МЦ, 1, 156)
- Едно влегување во вратата од одајата при момчето да му речи „добре дошол“ и веднаш **болснала како некое силно сонце** во очите од момчето и **му се зел зрако од очите**, та не можел да је види лицето што сурат има, али црна била, али бела. (МЦ, 3, 78)

До кај што грее Сонцето, до таму е познатиот свет.

- Ако се сториш камен, сестро, **железни опинци** ќе напраам и **до кај што греи сонце ќе идам**, ама **крајо ќе ти го најдам** и пак чоек ќе те напраам. (МЦ, 3, 225)

10.3. Ѕвезди.

Ѕвездите, како дел од ноќното небо го фасцинирале човекот со својата убавина, но и со својата бројност. Токму тоа, нивната бројност е во центарот на значењата на ФИ.

- Знаејќим Агара оти од Исмаиља ќе се намножит семето негоо **како песокот во морето и ѕвездите на небото**, од тој себап Агара измислила да го земе сина си за маж….. .. (МЦ, 5, 53)
- ...гледал надесно и налево и видел наоколу на тоа поле еднододруго наредени чешми, толку многу што биле, што не било чаре да можело да се избројат; прсиплева биле, **колку ѕвезди на небото, толку чешми имало тамо**. (МЦ, 2, 273)

Од дамнешни времиња се верувало во моќта на ѕвездите да влијаат на животот на човекот. Па така и тоа нашло одраз во фразеологијата.

- Тргна сирота невеста по бајарки, по вражарки, **да го одврзи момчето**, и нашла една старичка што беше разбирала од тие работи и б**еше гледала на ѕвезди,** та беше се кажало лекот. (МЦ, 1, 239)

11. Кај МЦ честопати се среќаваат цели изрази од други јазици, најчесто од турски и од грчки.

- ...ако знаиш некој чоек оти е лош и те вати нешто да ти сака, **сечи полата и бегај, верда куртул**, што рекле Турците. (МЦ, 1, 103)
- А пак жена што водеше и таа на негои ум препцаше, тики што рекле Турците: Јуварланди тенџереи, булди капаи (**Се стркали тенџерето, си го најде капако).** (МЦ, 4, 21)
- То инати вгази мати (**инато вади очи) - од грчки** (МЦ, 4, 312)

Ова е еден мал дел од фразеологијата на Марко Цепенков. Не само неговата фразеологија, туку и другите јазични елементи заслужуваат многу поголемо внимание од досега пројавеното во македонската лингвистика.

ЛИТЕРАТУРА:

Велковска, 2002: Белешки за македонската фразеологија, Јазикот наш денешен кн. 8, ИМЈ.

Велковска, 2008: Македонска фразеологија со мал фразеолошки речник, авторско издание.

Велковска, Сн. 2007: Јазикот – сведок на историјата на еден народ, Меѓународна научна конференција, Македонија - Полска Историја и култура, Институт за национална историја, Институрт за македонски јазик, 28 и 29 ноември 2005, Скопје 2007, стр. 117-125.

Јашар-Настева, О. 2001: Турските лексички елементи во македонскиот јазик, ИМЈ, Посебни изданија кн. 31.

Конески, Бл. : Граматика на македонскиот литературен јазик, Скопје, стр. 243-244.

Пеев, К. 1968: Белешки за лексиката и фразеологијата од Струмичко, МЈ, XIX, стр. 201-227.

Тресидер Џ. 2001: Речник на симболите, Скопје.

Тушевски, В. 2009, Истражувања на македонскиот фолклор, Скопје.

Чајкановиќ, В 1994: Сабрана дела из српске религије и митологије 1910 - 1924, књига прва, приредио В. Ѓуриќ, Београд.

А. Хрњак, Небо и небеска тела у хрватској и руској фразеологији, Ријеч, 2008, год. 14. св. 1, стр. 89-98.)

Шевалие Ж., Гербран А. 2005: Речник на симболите, Скопје.

РМЈ - Т. Димитровски, Бл. Корубин и Т. Стаматоски, Речник на македонскиот јазик со српскохрватски толкувања, редакција: Бл. Конески, ИМЈ, том 1-3 1961-1966.

ТРМЈ - Толковен речник на македонскиот јазик, редакција: Велковска, Конески, Цветковски, ИМЈ, том 1-6, 2003-2014.

Венко Андоновски

„ЕСТЕТИКАТА“ НА БЕСТСЕЛЕРОТ И МЕЛОДРАМСКИОТ ГЕНОМ

(Компримиран текст од предавањето)

Несомнен факт е дека нешто сериозно се случува со поимот на „книжевноста“ денес: тој поим очигледно тивко се редефинира (се „деконструира“) и со тоа се деградира неговото традиционално значење. Сè повеќе за книжевноста се зборува преку поимот „бестселер“. Дури, за обичниот читател, книжевноста се сведува само на овој поим, позајмен од зоната на економијата, а не од зоната на естетиката. Кога на обичниот човек ќе му се спомене книжевност, тој автоматски помислува на „бестселер“ (речиси како Павлов рефлекс), а не на Шекспир, Сервантес, Данте или Кафка. Најмалку на *Светото писмо, старогрчките митови* или *Гилгамеш*. Книжевност е, значи, само она што денес се пишува. И, поважно – она што денес добро се *продава* како книга. Кафка денес не би имал шанси како важен писател. Светски тренд денес е за книжевност да се прогласува *најпродаваната книга*, затоа што самиот факт дека е *најпродавана* наводно значи, според автоматизам (и се разбира, погрешно) – дека е добра (и најдобра) книга. Значи, сосема беспредметно и неосновано, еден економски и пазарен параметар се прогласува за естетски параметар. Замената на естетските со економски тези е намерна, перфидна, меркантилна и е дел од намерите на потрошувачкото општество, кое го поробува човекот преку купување, претворајќи го и него во стока, а сега, по секоја цена сака и уметноста да ја претвори во стока наменета за широка трговија. А уметноста никогаш порано не била трговија, туку – самоцелно лепословие.

Второ, уметноста никогаш порано и не била производство, како што е тоа денес. За жал, и самиот поим *бестселер* укажува на строга „рецептура“ на фабрикација – бестселерите се произведуваат според точно утврден рецепт, за да можат да се продаваат како *стандардизирани производи*. Тие, дури може да се каже, се производ на целосен и гол занает, на фабричка лента на која излегуваат идентични производи. А уметноста, пред појавата на глобализацијата и потрошувачкото општество се сметаше за последна оаза на *индивидуалноста*. Уметничкото дело беше *индивидуален*, и затоа *креативен чин*, и токму во таа индивидуализација на перцепциите изложени во делото се гледаше неговата уметничка вредност. Колку

йоиндивидуално, толку *йоѓолемо* дело, гласеше основниот закон на „Библијата на естетиката“, до појавата на потрошувачкото општество.

Невозможно е да се разбере како, за само неколку децении се случи целосно редефинирање на поимот „светска книжевност“ и негово сведување на поимот „глобализациска книжевност“, највидливо олицетворена во денешниот бестселер. Таа „книжевност“ се сведува на грст (политички) пропишани, пожелни теми кои, наводно, ја дефинираат денешната светска книжевност, а на авторите им гарантираат дека се „светски писатели“, а не „локални“. Тоа е тој светски „рецепт за бестселер“, а тој рецепт е главно – тематски. Тој список на теми изгледа приближно вака:

- балканизација и братоубиствени војни (сатанизација на Балканот како „темно место“ и „слепо црево“ на Европа). Сатанизација на Истокот како недемократско место во кое владеат само крвави тирани. Темата станува многу често и филмски транспонирана – „Смртта на Сталин“ е најнов филм кој го прикажува не само Сталин и неговите соработници, туку и целиот руски народ како тоталитарен и зол;
- Грабнување деца од сити молови и потоа потрага по нив, трговија со органи и бело робје (и тоа по можност повторно на „темниот“ Балкан, познат како западен стереотип за нас, од книгата *Измислувајќи го Балканот* на Марија Тодорова), а потоа, разбирливо – фаќање на тие ужасни банди од страна на западните тајни полициски служби;
- стигматизирање на источниот (посебно муслимански) свет, преку креирање ликови на најкрвави терористи кои му се заканувааат на светот, не само со грабнување авиони, туку и со напади на детски градинки со хемиско оружје;
- ефтини приказни за забранета љубов меѓу припадници на традиционално спротивставени конфесионални или национални заедници;
- романи за правата на малцинските групи, а посебно во книжевна мода се правата на LGBT (лезбејки, геј, бисексуалци и трансексуалци) заедницата, по можност со жестока критика на традиционалните сфаќања за сексуалноста (маж/жена), исмевање на „алфа мажјаците“, промоција на лезбијството и хомосексуалноста како демократски „различности“, на исто ниво како и разликите меѓу нациите;

- сатанизацијата на Русите и балканските Словени, како „крволочни суштества“ способни само за војни и криминал: не случајно, во поновите американски филмови, задолжително некој Русин или Србин (од Босна) е главниот егзекутор во некое крволочно злосторство со кое е загрозена некоја темелна демократска вредност на Западот;
- фикционализирани биографии (реалистични или мета-историографски) за славни луѓе од некаква замислена, заедничка европска традиција (што се разбира не постои, затоа што не постои концепт за една „европска култура“), така што Македонец-писател гарантирано добива некаква европска награда ако напише роман за Микеланџело, Италијанец добива европска награда ако напише роман за Сигмунд Фројд, а Бугарин – ако напише роман за Емануел Кант или Ајнштајн, на пример. Ако пишуваат за своите нациионални величини – овие писатели остануваат „локални“...

Тоа што во тие „светски“ и „европски“ романи не ни се соопштува ама баш ништо ново (ни како содржина ни како форма), тоа за денешниве трговци (литературни агенти и издавачи) со таа глобализациска книжевност – не е важно. И ретко кој гледа дека во тие романи, кои плиткоумната новинска европска критика (всушност, класичен *маркетинг*) ги прогласува за „ново“ и „оригинално“ – она што е *ново* не е добро, а она што е добро – *не е ново.*

Во секој случај, тој список на нормирани и пропишани теми ја отсликува бедата на денешниот човек, на денешниот свет и на денешната книжевност, ама гарантира економски успех: бестселер и милионски тиражи. Последица на тоа се ефтини романчиња од уште ефтини писатели, како што е, на пример, ѕвездата на францускиот бестселер, Гијом Мусо. При последната средба со Милан Кундера, во Париз, разговаравме за ова: тој беше песимистичен по однос на судбината на романот, и навести блиска смрт на вистинската книжевност која ќе биде поразена од плиткоумните бестселери кои денес се „мера“ за „добар роман“.

За жал, таа „глобализациска“ книжевност е и мода и тренд, посебно кај помладите генерации писатели во помалите, и особено во словенските и балкански книжевности. Секое повикување на сопствената традиција, во овој силен книжевно-естетски налет на глобализацијата се смета за знак на „конзервативност“ и „локалност“. Со други зборови, за романиите се избираат такви дејства и сижеа, за

кои е сеедно каде се одвиваат. Се бара превласт на „универзалното“ над локалното. Дури и еден крупен писател од минатата генерација бестселер-мајстори, Маркес, тука не би поминал, зашто е многу специфичен според својот мистицизам и окултизам карактеристичен за Латинска Америка. Би останал „локален“ писател, зашто не се занимава со политичките баналности содржани во пропишаниот список „пожелни светски теми“. Очигледно, се јави нова генерација на бестселер-писатели кои го сменија и значењето на поимот „бестселер“.

И на формално-стилски план тој глобализациски бестселер е страотно униформиран, нормиран и пропишан, дури повеќе и од некогашниот соц-реализам. Дескрипцијата е мртва; ликовите само говорат реплики, како во драмски текст или скрипт за филм (за полесно и побрзо читање). Есеј или мини-есеј вграден во роман не доаѓа предвид; дозволено е само евентуално „китење“ на текстот со мудри мисли, истргнати од својот контекст и своите извори, а најдобро - поставени како мото на главата (мамка за да се прочита текстот што следува). Реченицте се телеграфски кратки. Придавки и нијансирање со придавки не доаѓа предвид. Уредниците на светските издавачки куќи, како и агентите гладни за профит ги фрлаат во кошница за отпадоци сите понудени ракописи кои имаат кумулативна синтакса. Тоа значи дека ниеден денешен агент или издавач не би продолжил да го чита *Процес* на Кафка по онаа негова прочуена, прва, кумулативна реченица: „Бездруго некој го беше наклеветил Јозефа К, зашто тоа утро, без да стори ништо лошо, собарката од госпоѓата Грубах не му го донесе појадокот.“ Таа реченица во денешниот бестселер, според уредниците и агентите (кои сѐ повеќе им се мешаат на писателите во работата и стилот), би требала, со максимум толеранција, да гласи: „Тоа утро Јозеф К. не доби појадок“. Така, од една осакатена и униформирана, нормативна рецептура, небаре се произведуваат „Мекдоналдс“-бургери и „Кока кола“, со точен сооднос на точно дефинирани состојки, се добива, наводно нешто што се вика – светска книжевност. Тоа е најголемата илузија, затоа што се добива само fast food, „Мекдоналдс книжевност“. Брзо се голта, лесно се вари, а остава фатални последици по здравјето (ментално). Тоа што се добива како „книжевност“ е всушност токму она што Абрахам Мол го именуваше како „уметност на среќата“ (најчесто со хепиенд), или – кич.[1]

[1] Abraham Mol: *Kič. Umetnost sreće*. – Niš, „Gradina“, 1973

Има и други, дузина илузии околу поимот бестселер. Илузијата е секогаш невидлива замена на тези, како онаа за која веќе кажав нешто – најпродаваното да се смета за најдобро. Тој закон може да важи за автомобили и други материјални добра, но не і за уметнички дела. Една од тие невидливи илузии е дека бестселерот (најпродаваната книга) е и *најчитана*. Нема никаква гаранција, ниту можност да се докаже дека продадената книга е и прочитана книга. Така, „бестселингот“ се заменува со *читаноста*. За да се уверите во оваа илузија, доволно е да прошетате навечер по некоја плажа во туристичко место и да погледнете дали има оставено некој бестселер покрај лежалките. Денес бестселерите се купуваат и на бензиски станици, и на аеродроми и на плажи и ги има секаде каде луѓето наводно, „читаат“. Од она што јас сум го забележал (а сум наоѓал многу фрлени бестселери од целосно анонимни „врвни светски писатели“ по плажи и авиони), е дека ретко која од тие книги е прочитана до крај. Повеќето се отворени до дваесеттата или триесеттата страница, а многу ретко, некои и до половината. Има и симпатични случаи на невротична читателска нетрпеливост, карактеристична повторно за потрошувачкото „спиди“ општество – бестселерот да биде отворен на почетокот, зачитан, потоа средината да биде прескокната, а потоа, повторно прочитан само крајот. Некој брзал да дознае како завршува приказната. Се гледа тоа според тоа каде се превиткувани страниците. Небаре е страшно тешко и непредвидливо да се погоди крајот во денешниве „компликувани“ и „непредвидливи“ приказни на бестселер-книжевноста!

Според тоа, има многу непрочитани бестселери чии уметнички вредности траат колку и аранжманот на летниот одмор. Сето тоа говори дека поимот *бестселер* денес треба да се зема многу релативно и внимателно, особено кога за него се говори во вредносна смисла (аксиологија). За неговата реална книжевна вредност мора да се говори аргументирано, прецизно, строго и со повикување на некои традиционални вредности на поимот „книжевност“, врз кој, за жал, се врши невидена злоупотреба и силување од страна на меркантилната филозофија на потрошувачкото општество. Да се потсетиме на некои од тие традиционални книжевни вредности, без кои ниедна книжевност не може да биде препознаена како книжевност, односно како уметност.

* * *

Да го спротивставиме, затоа, она што е највидливо различно од оваа „Мекдоналдс книжевност“ – романите на еден Достоевски, на

пример. Можеме да земеме и кој и да е друг романсиер во чии романи е претставена некаква животна филозофија – Сартр и неговиот егзистенцијализам, Ками и неговата филозофија на апсурдот изложена во „Митот за Сизиф“, или Сервантес со неговата пародична книжевна функција, произлезена од филозофијата на пародирање на стварноста и историјата. Сето тоа се различни филозофии, а историјата на романот е букет од најразлични цветови, бои и мириси. Сите денешни бестселери, напротив прикажуваат само една и иста „филозофија“ – задоволување на страстите, со што помалку страдања. И, се разбира, бесконечна метастаза на страстите, до климаксни перверзии што воопшто човековиот мозок може да ги смисли. Нема друга тема за современиот бестселер освен острастен човек близок до крволочно животно (тука најчесто се мисли на „лошите“, оние кои се сатанизираат во тие дела): веристичките елементи бујат како квасец, се смислуваат сè понеобични и поопскурни, поморбидни начини на измачување и убивање на луѓе, сè „поориginални“ начини на физичка тортура и кинење на делови од телото. Тоа е целосно морбиден веризам, особено во филмската уметност, која ја следи рамо до рамо оваа книжевна бестселер продукција, снимајќи филмови според бестселерите: забивање игла од шприц во око, неочекуван куршум фронтално во челото на недолжен човек, отсекување глава со деталистички приказ на устата која говори уште неколку секунди по декапитацијата или слични шок-слики. Тие нешта порано беа сметани за одвратни, и спаѓаа само во она што можат и смеат да го видат обдукционистите и форензичарите, а сега го гледаат (на филм) и читаат (во книга) и деца.

Во таквиот „сити мол“ на современата осакатена и поедноставена фаст-фуд книжевност, книжевната филозофија на Достоевски изгледа како некаков музејски реликт. Но, Достоевски опоменува и потсетува на старата вистина – *нема голема уметност ако зад неа не стои некаква хуманистичка филозофија*. Кај Достоевски, како и кај следбениците на *вистинската книжевност* (книжевност која е индивидуална уметност, а не масовна забава), централното прашање е прашањето за доброто и злото, ама не низ призмата на судирот меѓу полицајци и терористи или LGBT и сексуални конзервативци. Нема црно-бело гледање на нештата во вистинската книжевност. Кај Достоевски, јадрото на неговата филозофија е познато како проблем на теодицејата (одбрана на Бога): ако постои Бог, зошто е допуштено деца да страдаат, зошто има детски солзи, и зошто има војници кои се забавуваат фрлајќи бебиња

во воздух и дочекувајќи ги на бајонет? Како да се одбрани Господ затоа што допушта вакви зла? И како да се справиме со човекот-звер во *секој* од нас, а не во толпите? Очигледно е дека денес, под силен налет на глобализациската книжевност (која говори за најниски сттрасти, но и разгорува страсти, дури и страст за слава кај писателите), писателите (особено од малите, „децимални“ јазични и културни семиосфери) се двоумат дали да ја продолжат својата „локална“ книжевна традиција со вечните прашања за Бог, смислата на животот и љубовта, бесмртноста, локалните историски прашања и митолошки архетипови, или да се свртат кон лесната светска кариера на таканаречените „Мекдоналдс писатели“ и култури. Во современиот светски книжевен контекст секој роман напишан по углед на Достоевски (или на кој и да е голем претходник кој не припаѓал на ерата на современи бестселери), е сериозна опомена за враќање кон возвишеното и напуштање на тривијалното, баналното и плиткото. Тој и таков роман денес е реткост, и многу ретко станува бестселер. Пеку тие денес ретки дела, во романот се враќа, конечно, прогонетиот Бог, се враќаат сите есенцијални прашања за човекот, поставени во романите на Достоевски, Ками, Балзак, Толстој, Флобер, Сервантес, Фуентес, Маркес: кои сме, од каде доаѓаме, каде одиме, смртни ли сме или бесмртни, го создаваме ли ние Бог или тој нас, зошто сме грешни...

И самиот, како писател, го имам почувствувано погубното влијание на глобализацијата на книжевноста и катастрофалниите последици што таа нова, глобализациска книжевност ги остава врз романот. Таа го обезличува. Современата книжевност, наместо да биде *светска* книжевност во вистинската смисла на зборот (збирка на различности), па да ги сочува посебностите на националните книжевности, ги брише нивните особености и специфики. Наместо да биде букет од различни национални цветови, се претвора во интернационална униформна книжевност која бара, без оглед од која култура доаѓа писателот, тој да се покори на еден општ, глобален тематски канон, задолжителен за некој да биде препознаен и признаен како „светски писател“. Таа книжевност, едноставно, е плитка: го избегнува (намерно, за да не ја заморува публиката во која гледа само *потенцијален потрошувач*) единственото прашање достојно за нешто што се вика вистинска книжевност, и следствено – вистински роман: што е тоа човек, како треба да се живее за да се биде човек, и – кое е неговото место во космичкиот поредок и неговата потреба да го бара Бога?

* * *

Постмодернистите (на кои им припаѓаат *самодекларативно* и најпознатите денешни автори на ефтини бестселери), особено на теренот на романот се познати како „пластични хирурзи“ на жанрот. Тие се обидуваат да експериментираат со жанрот, тестирајќи ја неговата издржливост. Ги менуваат темелните правила на еден жанр, за да испитаат на која точка тој жанр веќе престанува да биде тоа што традиционално бил, па се претвора во *нешто друго*. Затоа, постмодернистите цитираат вистински или псевдо историски извори, воспоставуваат интертекстуални пресеци со претходни, славни дела (но и со псевдо-текстови), хибридизираат и рециклираат познати теми или раскажувачки техники.

Но, тоа го прават *вистинските* постмодернисти. Лажните, на кои пишувањето бестселери им е начин за зголемување на контото, не експериментираат со жанровите. Тие ги злоупотребуваат. И тоа, како според некое непишано правило, станува збор за злоупотреба на еден *стиложанр* – мелодрамата. Тој е срцевина на сите книги продадени во милионски тиражи низ светот.

Најпрвин, да се потсетиме на некои основни, традиционални мелодрамски дистинктивни својства, кои бестселер и fast-food книжевноста задолжително ги злоупотребуваат. Нема класична мелодарама без „црно-бела“ карактеризација на ликовите, во морална смисла. Мелодрамата, вистинската, во таа смисла е „лекција“ по морал, еден вид „педагошка“ книжевност. Во неа мора да постои „бел лик“ наспроти „црн лик“, за да се повлече граница меѓу доброто и злото. Но, во вистинската мелодрама злото и доброто се инвестирани во конкретни индивидуи, а во бестселер книжевноста - во цели колективитети. Тоа е класична генерализација, која води кон лажни претстави и стереотипи. Така, ако во таков бестселер еден муслиман киднапирал деца од градинка во Лондон, имплицитната и премолчена претпоставка на оваа во суштина *идеолошко-памфлетна* книжевност е дека сите муслимани се такви. Ако некој Русин или Србин од Босна бил фатен (и за тоа пишувале медиумите) во недозволена трговија со дрога или бело робје, бестселерот ќе се погрижи за мелодрамско воопштување, па ќе создаде кај своите читатели впечаток дека „сите Руси“ или „сите Срби“ се такви. Од друга страна, сите ликови од „западните демократии“ се „бели ликови“, без и најмала трага на злото во нив. Постапката е сосема идентична како во Стаљиновиот соц-реализам, само што таму беше обратно – западните луѓе беа sверови, а комунистите беа јагнињa. Така, она што мелодрамата го

сметаше за морал на индивидуата, бестселер-мутантот на мелодрамското го смета за колективен морал, и со тоа опасно се доближува до расните теории и стереотипи за помалку вредни и повеќе вредни раси, народи и вери. А токму тие стереотипи сака, наводно, да ги урива западната демократија, која и ја измисли оваа „Мекдоналдс книжевност“. Моралот веќе не е персонална, туку национална, верска или гео-политичка категорија. Таа злоупотреба остава страотни последици: читателите живеат во политички и верски заблуди и се идеолошки индоктринирани полошо и од некогашните конзументи на источните, соц-реалистични книжевности.

Така, овој мутант на мелодрамското, бестселерот на денешницата, видно се политизира. Особина на изворната мелодрама е да се насочи кон поединецот, а не кон колективитети и колективни идентитети (комунисти, муслимани, Словени, Балканци = лоши; LGBT, сенатори, западни политичари и полицајци = добри). Понекогаш, рака на срце, меѓу „добрите“ (западните луѓе), писателот на овој мутиран мелодрамски геном знае да уфрли и по некој добар муслиман, Русин, Србин, или Црнец-полицаец кој се бори против Црнци-криминалци во Бронкс (во американската верзија на оваа Мекдоналд книжевност). Но, тоа се сепак, *само исклучоци* во овој нов, западен соц-реализам наречен глобализација и глобализациска книжевност. Имаше така, по исклучок и по некој добар Германец во партизанските филмови од времето на СФРЈ, во масовните екранизации на еден Вељко Булаиќ, државен режисер на соц-реалистички филмови за кои, исто така, важеше правилото – сите Германци се окупатори и затоа, конгенитално зли (родени како лоши), а сите партизани се родени ангели.

Конечно, уште едно својство на изворната мелодрама е злоупотребено во „естетиката“ на современиот глобален бестселер. Станува збор за *фаталистичкиот*, односно судбината од која не може да се побегне. Класичната мелодрама произведува ликови-жртви кои страдаат без никаква своја вина; едноставно, судбина им е да бидат јагнињa меѓу волци (повторно е тоа манихејската, црно-бела слика на светот). Нашето сожалување е секогаш на нивна страна. И модерниот бестселер се служи со таа наша емпатија – природно е да се идентификуваме со киднапираните кои се заложници на терористите (конгенитално лошите). Таа стратегија на создавање „плочести“ (неменливи низ диегезисот) ликови е регуларна постапка на секоја мелодрамска стиложанровска структура. Но, во новиот бестселер, таа

емпатија кон оние кои судбински страдаат се претвора во *интенција*: силна намера да се произведе страв кај читателот. Намерата е читателот (или гледачот на филм) да се зароби дефинитивно во „културата на стравот“, која оди рака под рака со потрошувачкото општество и глобализацијата, за да стане *потрошувач* на стравот и сликите на стравот, но и *потрошувач* на „лековите“ против стравот. Современиот бестселер е мајсторска форма за промоција и ширење на културата на стравот: многу често во него се јавува ненадејно откажување на некој орган (бубрег или црн дроб), потоа барање донатор за тој орган, а сообраќајните несреќи и малигните болести се најчест начин на „елиминација“ на ликот. Аристотел, кој најмногу ги ценеше „мотивациите на карактерот“ и тврдеше дека она што му се случува на ликот мора да биде претходно внимателно подготвено со мотивациски механизми, овие начини на расплет („несреќен случај“) најмалку ги ценеше. Ги сметаше за безвредни и ги класираше во најлош можен естетски расплет на заплетот, под името deus ex machina. Тој „расплет од небото“ е омилен за модерните бестселери. Со тие нешта тој и таков денешен бестселер ја задоволува потребата на глобалниот свет – постојано да се плаши од нешто, од што и да е: од пестициди, преку канцерогени елементи до лет со авиони, озонска дупка и терористи. За таа „култура на стравот“ и за нејзината моќ за управување со толпите (а токму тоа е „наменската страна“ на современата бестселер-книжевност) пишува мошне инструктивно современиот филозоф Ларс Свендсен: „Секое доба има свој страв, но се менува она од што се плашат луѓето. Денес, во нашиот дел од светот, нема многу луѓе кои се плашат од Страшниот суд, но затоа многу повеќе се плашат од ракот, тероризмот и од еколошките катастрофи. Едно британско истражување тврди дека половина од децата на 11 години во оваа земја често страдаат од несоница поради загриженоста за климатските промени.“[2] Но, филозофот покажува дека нашето доба е перфидно, затоа што „*потенцијалните* опасности се претставуваат како *актуелни* опасности. Некој може да те турне под трамвај, некој метеорит може да те погоди во глава или терорист да го грабне авионот во кој се наоѓаш и ти. Но, прашање е дали е умно својот секојдневен живот постојано да го обременуваш со несреќите што можат да се случат. Повеќето потенцијални опасности никогаш

[2] Ларс Фр. Х. Свендсен: *Филозофија на стравот*. – „ВИГ Зеница“, Скопје, 2010, стр. 20.

не стануваат актуелни.“[3] А во еден бестселер на споментиот Гијом Мусо, на пример, малолетното девојче, меѓу другите нешта на списокот на свои желби, запишува – мајката да престане да се дрогира, да се најде црн дроб за трансплантација, да го дознае името на својот вистински татко... Од арно поарно! Свет на постојани опасности, лаги, измами, закани и страв.

Така, произлегува дека современиот бестселер својата „естетика“ ја базира многу повеќе врз глобалната политика на колонизацијата со страв (од „лошите“, кои се секогаш на Исток) одошто врз некаква хуманистичка филозофија. Тука се и плитката среќа на кичот, во ефтините мелодрамски љубовни заплети со „забранета“ љубов (повторно од политички или верски причини) како и стравот од *судбинското*. Тоа е список на најпримитивни чувства со кои се управува со толпи; управувањето со толпи пак, има исклучиво политички побуди. Познато е дека „стравот е важен политички ресурс на јавните власти, на политичките партии и на интересните организации. Во време кога старите идеологии ја загубија привлечната моќ, стравот е едно од најдобрите средства во политичкиот дискурс.“[4]

И се разбира, наспроти стравот, стои хепиендот, уште едно својство на мелодрамскиот геном кое е омилено во повеќето денешни лесни бестселери. Хепиендот се подразбира, затоа што „добрите“ се секогаш посилни од „лошите“. Така, се исполнува и рамковната дефиниција на жанрот мелодрама – проблеми, проблеми, проблеми, а на крајот – хепиенд со матримониум, или „и волкот сит и овците на број“. Или – бура во чаша вода.

Како што може да се заклучи од сето до сега кажано, оваа масовна „книжевност“ има многу повеќе политика и економија (трговија) во својот корен, одошто изворна, оригинална естетика и интерни правила на жанрот. Наместо своја, автохтона естетика, овој жанр ја злоупотребува мелодрамата, вештачки менувајќи го геномот на мелодрамското и користејќи го за свои, прагматски цели. Така што тоа воопшто не е бенигна културолошка и книжевна појава.

Добрата вест е што тоа воопшто и не е книжевност, туку трговија преку забава. Стара вистина е – сè е она што е, а не нешто друго, и тоа не може да се сокрие. Зашто сè додека постојат Достоевски, Сартр, Ками, Сервантес, Маркес, Фуентес, Кавабата... и

[3] Истото, 20.
[4] Истото, 17.

нивните следбеници, лагата нема да однесе победа. Таа може само да се збогати, а богатата лага лесно се свртува потоа кон нови извори на приход, зашто лагата е ненаситна, за разлика од вистината. Лагата е логореична, вистината молчалива. Така и ќе ја остави книжевноста на мира, откако ќе си ги наполни џебовите. Колку побрзо се случи тоа, толку подобро за сите нас кои читаме *вистински* книги, а не симулакруми.

Људмил Спасов
Филолошки факултет „Блаже Конески“,
Универзитет „Св. Кирил и Методиј“, Скопје
(ljspasov@ukim.edu.mk)

ЗОШТО МОЈОТ ЈАЗИК Е МОЈ ЈАЗИК?

1. Цел на предавањето:

Целта на ова предавање е да се претстават размислувањата погледнати од многу агли, определени со прашањето: зошто мојот јазик е мој јазик? Ова предавање има намера да дообјасни, колку што е можно, зошто еден/една/едни зборувачи (говорители) на еден јазичен идиом нивниот збор го означуваат со името на народот на кој му припаѓаат, или, пак, тој збор го означуваат како дел (дијалект) од јазикот на народот (заедницата) на кој/а му/□ припаѓаат.

Веќе на почетокот сосема е јасно дека секое размислување од овој тип добива различни одговори, не само од другите „размислувачи“, но и од самиот тој што размислува. Зошто? Затоа што, се обидувам да одговорам, навистина е многу сложено да се одговори на прашањето: зошто мојот јазик е мој јазик? Еве и зошто: одговорот не може од гледна точка на 21. век да биде еднозначен! Не може да биде еднозначен затоа што зависи од многу чинители. Тие чинители задираат во сопствената култура на народот кој својот јазик/дијаситем го разбира, или не го разбира, како одделен од другите генетскослични или типолошко слични јазици/дијасистеми, натаму тие чинители задираат во заедничката и/или различната култура на една историска, географска, етничка, да кажам и – политичка, област и сл. Откога се запознав со многу литература на оваа тема, но и откога минав низ едно теренско истражување 2014/2015 г. (в. Spasov 2017: 615-628; Makartsev, Wahlström 2016), си потврдив себеси дека назначеното прашање е мошне сложено и дека не постои еднозначен одговор, но истовремено тоа не може да се остави без одговор од моја страна. Така, на пример, во селото Бобошчица (Boboshticë) во Албанија, во околината на градот Корча/Горица (Korçë) го добив следниов одговор на прашањето за јазикот на кој зборуваше една соговорничка, која инаку е образована, во минатото била наставничка во училиште, (парафразирам слободно): „Нашиот јазик не е ниту 'македонцки', ниту 'бугарцки', нашиот јазик се вика 'кајнас' и е многу, многу стар. (Spasov 2017: 621) “ Или, поинаку, можам и вака да размислувам: соговорничката како

„јазик“ ги разбира стандардните форми на македонскиот, односно на бугарскиот јазик, та својот јазик не го изедналува со нив, или, што е поточно, нејзината јазична заедница својот говор/идиом го оценува на рамниште повисоко од рамништето на дијалект, имајќи ги предвид сите социоисториски настани врзани со нивното разбирање.

2. Темава е посветена на јазикот кој ние Македонците го именуваме – *македонски јазик*.

Во минатото својот јазик сме го именувале и поинаку, на пр.: јазик нашки, болгарски јазик, богарски јазик, јазик словјански, болгарски јазик на Долна или Горна Мизија и сл. сè со цел да го изделиме од друг јазик/јазици кои носеле поинакво име и под тоа име се наоѓала и поинаква содржина од она што сме го разбирале како *јазик мој/јазик нашки*.[5]

Прашањето за јазичниот идентитет се разгледува во согласност со студијата Петар Коруниќ (Korunić 2006). Таму се расправа за научниот модел на истражувањата на етничкиот и на националниот идентитет. Таму, меѓу другото, се вели:

> Овој научен модел – што се темели на проучувањето на создавањето и на развитокот на светот на модерноста, врз кој се темелат истражувањата на етничкиот и на националниот идентитет, појавите и изградбата на народот и на модерната нација, како и на општеството, општествените односи и на општествените и/или социјалните односи и состојби во хуманото општество, што означува дека тој тргнува од животот на населението во една земја – донесува овде суштинска разлика: меѓу предмодерната епоха (и предмодерните етноси и предмодерните народни заедници и предмодерното општество и предмодерниот правен и политички поредок и предмодерните социосистеми и структури, а тогаш станува збор за традиционалното општество и за традиционалниот живот на населението, за традиционалните животни структури на тоа население: и етнички и културни и верски и образовни и економски и социјални) од една страна и епохата на модерното општество и сите форми на граѓанскиот и капитеалистичкиот и индустрискиот општествен живот од друга страна. Ова второто, модрната епоха и модерното општество и модерната нација произлегува од првото, от темелите на предмодерните

[5] Забелешка: веднаш сакам да истакнам и дека преку ова предавање ја бранам субјективноста при што не ја одрекувам универзалноста, му се спротивставувам на тоталитаризмот, не бегајќи од глобалната перспектива на стварноста.

> општества и култури, но сепак сега основните системи (културата, стопанството, образованието, индуструјата, технологијата, комуникацијата итн.) сосема се разликуваат. posve različiti. (Korunić 2006: 321-322)

3. Културолошка заднина:

Однапред имам намера да истакнам дека за мене, и не само за мене, мојата македонска култура му припаѓа на медитеранскиот културен простор и тоа на сите планови: јазичниот, книжевниот (и усната и напишаната литература), аритектурата, облеката, обичаите, храната и др. Може да се забележи, да ги искористам мислите на Предраг Матвејевиќ (Matvejević 1990: 7) дека ние не знаеме до каде се простира Медитеранот. Грците го гледаат меѓу Кавказ на исток и Херкуловите столбови на север. Старите мудреци кажуваа дека Медитеранот е до таму до каде вирее маслинката. Медитеранското копно понекаде се изедначува со брегот, но на друго место медитеранските особености заземаат поголеми делови на континетот. Едноставно, границите на Медитеранот не се исцртани ниту во просторот ниту во времето. Значи, Медитеранот не единствено географија.

Зошто ја прифаќам медитеранската културолошка заднина? Затоа што, повторно да се послужам со зборовите на Предраг Матвејевиќ (Matvejević 1990: 13): „многу противречности претставуваат признаци на старите и новите медитеранските цивилизации: грчката, римската, византиската, италијанската и француската со провансалската, шпанската со каталонската, арапската на различни страни, хрватската од Далмација до Панонија, словенечката од Приморјето до Алпите, српската, црногорската, македонската, бугарската, албанската, романската, турската, како и многу други пред грчко-римските епохи, сите заедно и секоја одделно. Оттука следи дека културите на Медитеранот не се само национални култури“.

4. Балканот како дел од Медитеранот: култура, јазик, идентитети.

Овде сакам да поставам една заграда: не му го спротивставувам Балканот на Медитеранот. Во повеќе свои трудови, повикувајќи се и на други автори, Голомб, Аронсон, покажав дека Балканот е условен поим, можеби и еднакво како Медитеранот, неговите граници не можат да се определат, независно од тоа дали поаѓаме од

лингвистичкиот, географскиот, културолошкиот или политичкиот критериум.

5. **И сега следи основното прашање на моето предавање: какви се и кои се критериумите според кои еден дијасистем /систем на дијалекти може да биде разбран како јазик на една нација?**

Ова прашање има повеќе одговори.

5.1. Првиот одговор потекнува од генетската лингвистика. Според него, излегува дека соседните јазици/дијасистеми треба да имаат заеднички предок, се разбира ако се генетски поврзани, и од него да се изделат во исто или во приближно историско време. Мојот македонски јазик, исто како и словенечкиот, хрватскиот, српскиот, црногорскиот, босанскиот, бугарскиот јазици/дијасистеми се развил од заедничкиот предок прасловенскиот јазик. Не е сега важно прашањето дали постоела јужнословенска јазична заедница.

Натаму ќе ги издвојам оние резултати од дијахрониските процеси кои се најважни во формирањето на македонскиот јазичен дијасистем.

Најнапред треба да се истакне дека местото на македонскиот јазик во јужнословенскиот и словенскиот јазичен свет е определено, сосема правилно, според најстарата дистинкција наспроти развојот на еровите. Како што е познато, балканските словенски јазици (в. на пр. Lunt 1952: 1) можат да се разделат на две групи според развојот на прасловенските редуцирани вокали (еровите): источна - каде што двата ера не се развиле еднакво, и западна - каде што тие се развиле еднакво. Од западниот дел на балканските словенски јазици се изведени два дијалекта (дијасистеми) коишто ја дале основата на словенечкиот и српскиот, хрватскиот, босанскиот, црногорскиот литературен јазик, додека од источниот дел се развиле македонскиот и бугарскиот литературен јазик.

5.2. Вториот одговор го наоѓаме во историската лингвистика. Историски гледано, македонскиот дијасистем преживеал промени од два вида: првиот вид промени се последица на внатрешни развојни тенденции на дијасистемот, на пр. затврднувањето на меките консонанти како последица на упростувањето на односите во рамките на консонантскиот потсистем наследен од прасловенскиот јазик, додека вториот вид промени се последица од другојазични

влијанија, на пример појавата на романско-балкански тип на перфект со има во улога на помошен глагол + глаголска придавка.
Меѓутоа, треба да се нагласи и фактот дека некои промени започнати како последица на внатрешни развојни тенденции нашле на плодна почва во јазичното окружение на македонскиот јазик и биле поддржани во рамките на општата тенденција на изедначување на јазичните системи на јазиците од балканскиот простор. Таков е случајот со процесот на упростување на падежниот систем, кој бил поттикнат од фонетски процеси што значеле изедначување на формата на одредени падежни форми и со тоа настанување на нивна неизразност, на пр. генитивот се изедначил со дативот, сп. од Блажета/на Блажета итн. Губењето на морфолошкиот падеж наследен од прасловенскиот јазик довело до изразувањето на падежните релации со синтагми од предлози и именки (нечленувани односно членувани), сп. *мустаќи на/од стар војник* (генитивска релација) - *мустаќите на/од стариот војник*.

Во источнојужнословенската подгрупа на балканските јазици, и развојот на македонскиот и бугарскиот одел паралелно еден покрај друг, а не еден од друг, македонскиот од бугарскиот, на пример Проучувањата покажуваат дека, иако блиски, македонскиот и бугарскиот јазик не само што покажуваат дивергентни тенденции и се разликуваат значително по степенот на балканизација, туку типски се распордуваат во две групи: македонскиот како најцентрален балкански јазик, а бугарскиот како јазик на значително пумерена балканизација. Иако македонскиот јазик е тесно поврзан со другите два соседни јужнословенски јазици, српскиот и бугарскиот, врската со бугарскиот е поинаква: македонскиот и бугарскиот сочинуваат јазична подгрупа која може да се определи како источно-балканско-словенска.

Во науката се смета, овде го истакнувам Збигњев Голомб, дека балканизмите (да го сфатиме овој термин условно) навлегле во македонскиот јазик (и ја обликувале во многу неговата современа структура) од несловенските јазици, меѓутоа, со право, се поставува прашањето од кои? Одговорот треба да се бара во стариот (10., па до 13 в., вклучувајќи го и него) кога се јавува словенско (македонско) - влашки билингвизам и тоа најсилен во областа каде што доаѓаат во допир Македонија, Албанија и Епир, што се потврдува со најгустата концентрација на влашкиот елемент што се забележува во ова подрачје, а од друга страна со присуството на најгуста концентрација

на балканизми во југозападните македонски говори Голомб (1995: 52).

Според него, во источно-јужнословенската подгрупа на балканските јазици, и развојот на македонскиот и бугарскиот одел паралелно еден покрај друг, а не еден од друг, македонскиот од бугарскиот, на пример Проучувањата покажуваат дека, иако блиски, македонскиот и бугарскиот јазик не само што покажуваат дивергентни текови и се разликуваат значително по степенот на балканизација, туку типски се распоредуваат во две групи: македонскиот како најцентрален балкански јазик, а бугарскиот како јазик на значително поумерена балканизација. Иако македонскиот јазик е тесно поврзан со другите два соседни јужнословенски јазици, српскиот и бугарскиот, врската со бугарскиот е поинаква: македонскиот и бугарскиот сочинуваат јазична подгрупа која може да се определи како источно-балканско-словенска.

Ваквата класификација се аргументира со фактот дека словенските јазици-дијасистеми расположени на источниот дел на Балканскиот Полуостров (пределот на југоисточна Европа) (бугарскиот, македонскиот и југоисточните дијалекти на српскиот) покажуваат инвентар на заеднички особености како што се: губењето на деклинацијата, губењето на инфинитивот, развојот на постпозитивниот член (но: не на еднаков начин и не со еднакви резултати во секој од нив посебно), па покрај посебностите коишто ги разделуваат дијасистемите, сепак не постојат апсолутни граници меѓу македонскиот и српскиот, македонскиот и бугарскиот јазик, како што, впрочем, не постојат такви граници и меѓу босанскиот, црногорскиот, хрватскиот и српскиот јазик наспроти словенечкиот итн., но и пошироко во Европа: меѓу рускиот, украинскиот, полскиот, словачкиот, чешкиот јазик и сл. Ваквото издвојување на бугарскиот и македонскиот јазик во посебна источно-балканско подгрупа произлегува од опозицијата балканизирани *vs* небалканизирани јужнословенски јазици. Во таа смисла, признакот [+балканизиран] е карактеристичен за бугарскиот и за македонскиот јазик, додека за босанскиот, црногорскиот, српскиот и хрватскиот сосема условно важи признакот [-балканизиран].

Во науката се смета дека балканизмите (да го сфатиме овој термин сосема условно) навлегле во македонскиот јазик (и ја обликувале во многу неговата современа структура) од несловенските јазици, меѓутоа, со право, се поставува прашањето од кои? Одговорот треба да се бара во стариот (10., па до 13 век, вклучувајќи го и него) кога се

јавува словенско (македонско) - влашки билингвизам и тоа најсилен во областа каде што доаѓаат во допир Македонија, Албанија и Епир, што се потврдува со најгустата концентрација на влашкиот елемент што се забележува во ова подрачје, а од друга страна со присуството на најгуста концентрација на балканизми во југозападните македонски говори Голомб (1995: 52).

Овде се повикувам на неколку трудови на американскиот слависти Виктор Фридман (Victor Friedman).

Основниот труд на Фридман посветен на социолингвистичките факти на македонскиот јазик е објавен (1993: 31-57) и го носи насловот „Социолингвистика на македонскиот литературен јазик“. Во него се дадени демографски податоци, историски преглед на развитокот на македонскиот народ, преглед на македонските дијалекти, историја на стандардизацијата, примена/прифатеност на стандардизацијата, македонскиот во однос на српскиот/хрватскиот, бугарскиот, грчкиот, како и другите балкански јазици, рускиот и другите главни јазици на Западна Европа.

Особено интересен од социолингвистичка перспектива е трудот под наслов „Една граматика, три речника: идеолошки дополненија и поддршки на балканската јазична заедница“ (1997: 23-44), каде Виктор Фридман разгледува девет хиерархизирани социолингвистички признаци важни за сите балкански јазици. Ги парафразирам слободно: „единство = сила, различности = слабост; единство = подреденост и различност = слобода; нација = јазик = територија = држава; контакт = валкано = лошо = нелегитимно; колоквијално/ ново = добро = современо/чисто; старо = добро = чисто; автохтоно = легитимно; религија = етнитет = јазик; јазици = богатство“.

Фридман, како одличен познавач на речиси сите балкански јазици, прашањата поврзани со македонскиот јазик ги гледа, така да се каже, од поширока перспектива. Тој ја објаснува социолингвистичката ситуација во Македонија поаѓајќи од фактот дека мнозинското население е македонско (словенско-македонско), но и дека на овој регион живеат и други јазични заедници: албанската, турската, ромската, српската, ароманската..., денес, но и во минатото.

Тој како *македонски* ги дефинира оние словенски говори што се зборуваат на територијата на географска Македонија. Овој појдовен факт му овозможува да го поставува македонското прашање не

само во рамките на РМ, туку пошироко, како прашање на регионот на Југоисточна Европа.

6. Сега следи да се обидам да поставам хиерархија на одговорите преку што ќе ја истакнам и нивната важност и нивното значење за современите зборувачи на еден јазик.

6.1. За современите зборувачи најмалку важен е првиот одговор врзан со генетиката на јазикот. Поважен е третиот одговор, типолошкиот одговор врзан со јазичната интерференција. Уште поважен е вториот одговор, историскиот одговор врзан со културата на народот кој го зборува тој јазик. Најважен е, се чини, четвртиот одговор, социолингвистичкиот, врзан со националното чувство.

7. На крајот место заклучок повторно ќе го цитирам Предраг Матвејевиќ (Matvejević 1990: 22): „Зборот за гробиштата доведува до изумрените јазици. Таквите многу ги имало, можеби колку што ги има островите. Зошто едните се имаат загубено на копното додека другите имаат потонато во морето, на тоа не може да одговори само лингвистиката. Некои зборови што им припаѓале останаа распрснати во другите живи јазици: во овие зборови тешко се навлегува оти се отпорни и рапави, без потсетување или без чувство на припадност. Собирачите на таквите старини имаат интересни предлози, кои обично не се практични: ги заменуваат всушност зборовите и нештата, веруваат дека секој збор гарантира за нештото што го означува, та дека може да го замени.“

ЛИТЕРАТУРА

Голомб, Збигњев, „Етничка позадина и внатрешен лингвистички механизам на т.н. ‘балканизација’ на македонскиот јазик“, во: *Studies in Macedonian Language. Literature and Culture* (edited by Benjamin Stolz), Michigan Slavic Publications, 1995, с. 49-66.

Korhonen, Jani; Makartsev, Maxim; Petruševska, Milica; Spasov, Ljudmil „Ethnic and linguistic minorities in the border region of Albania, Greece, and Macedonia: An overview of legal and societal status“, во: *In search of the Center and Periphery: Linguistic Attitudes, Minorities, and Landscapes in the central Balkans (Maxim Makartsev & Max Wahlström, eds.)*, Slavica Helsingiensia 49, Series editors Tomi Huttunen, Jouko Lindstedt, Ahti Nikunlassi, Helsinki, 2019, с. 13-50.

Korunić, Petar, *Rasprava o izgradnji moderne hrvatske nacije (nacija i nacionalni identitet)*, Hrvatski institut za povijest, podružnica za povijest Slavonije, Srijema i Baranje, Slavonski Brod, 2006.

Lunt, Horace, G., *Grammar of the Macedonian Literary Language*, Државно книгоиздателство на Македонија, Skopje, 1952.

Matvejević, Predrag, *Mediteranski brevijar*, Grafički zavod Hrvatske, OOUR Izdavačka djelatnost, Zagreb, 1990.

Spasov, Ljudmil A. „Interviews of three macedonian language speakers, two from Boboshtica (Boboshticë) and one from Shestevo (Sidirohori)“, во: *Пӯтевима речи/Зборник радова у част Даринки Горпан Премк*, Филолошки факултет Универзитета у Београду, Катедра за српски језик са јужнословенским језицима, Београд, 2017, с. 615-628.

Friedman, Victor, „Charakteristyka socjolingwistyczna współczesnego języka macedońskiego“, *Socjolingwistyka*, 1993, бр. XII-XIII, с. 183-197.

Даворин Трпески
Универзитет „Св. Кирил и Методиј“ – Скопје
ПМФ - Институт за етнологија и антропологија

Етнографија на новогодишниот обреден циклус празници во народната култура на Македонците: започнувањето на народната Нова година

Аӣстракӣ: Трудот има за цел да даде една општа преглед за народните верувања и празнувања во Македонија. Главниот акцент е ставен на празнувањата што се поврзани со новогодишниот обреден циклус празници кај Македонците, односно на можните претпоставки околу започнувањето на народната Нова година во Македонија. Треба да се има предвид и тоа дека во зависност од пределот зависел и типот на календарот. Од позастапените била сончевата Нова година, додека во некои од пределите кои биле во низинските делови, етнолозите ја откриле т.н. земјоделска Нова година, а во планинските предели доминирала сточарската Нова година. Меѓутоа сите тие имале свои вариетети и меѓусебни сличности и во некои случаи не едноставно да се направи јасна дистинкција. Во овој труд, приматот ќе биде даден на сончевата Нова година како назастапен облик на практикување на народниот календар во Македонија.
Клучни зборови: Македонија, Македонци, народен календар, Нова година, празници.

Празнувањето претставува општочовечка особина. Луѓето отсекогаш сакале и имале потреба да празнуваат, а притоа практикувале соодветни обредни активности и обичаи. Големата зависност што ја имале од природата ги условувала во исто време и да се плашат од појавите во природата, но, исто така, и да им се восхитуваат на моќите. Стравопочитта, впрочем, придонела тие природни појави да добијат своевидни божествени димензии. Така, празнувањата биле насочени токму на божествата или биле насочени кон нивните пандани кои биле отелотворени во Сонцето, во Месечината, во ѕвездите, во грмотевиците и слично. Празнувањата и вообичаените обреди имале за цел да ги смират божествата, односно да ги смират непогодните активности во природата.

Со оглед на тоа што обичаите и празнувањата не се константни, а и никогаш не биле, туку отсекогаш биле динамични,

вообичаено било да се воведуваат новини или да се позајмуваат одредени елементи од други култури кои требало да „ја подобрат“ нивната суштина. Обичаите и празнувањата претставувале жива материја која постојано била подложна на најразлични промени. Според тоа, многу од празниците, заедно со практикуваните обичаи, дотолку биле видоизменувани со текот на вековите, што најверојатно нивните стари форми се засекогаш изгубени. Други, пак, сè уште се живи и успешно се вклопиле во поновите религиски практики и верувања. Своја улога во губењето или во менувањето на обредите и обичаите има и модерниот начин на живеење. Оние обичаи кои до денес се зачувани, не значи дека отсекогаш се практикувале и дека секогаш на тој начин се празнувале, бидејќи секое време со себе си носи свои обележја, па според тоа и обредните активности луѓето секогаш си ги адаптирале на конкретните политички и економски состојби. Во оние делови каде што Македонците живееле во градовите или близу до нив, многу порано настапило губењето или изменувањето на некои од обредните практики. И обратно, во оние делови на Македонија коишто природно се наоѓале во некои од позатскриените и планински области, изолираноста довела до значително помал број влијанија отстрана, па дури и голем дел од тие обредни активности успеале да се одржат до најново време. Се разбира, и во овие случаи тие не останале константни цело време, туку само можеме да кажеме дека надворешното влијание било значително помало, па тие опстојале во некоја форма. Од тие причини, доколку сакаме да ги дефинираме македонските обичаи, можеме слободно да кажеме дека тие претставуваат сплет од словенските многубожечки верувања и календарски знаења, со примеси преземени од старобалканските народи, со вметнати елементи од никогаш незавршената христијанизација и од интервентно насилната, но неуспешна атеизација. Сето ова може да ни го предочи пресекот од историската судбина на Македонците. Но, мора да се потенцира дека не пропаѓале само селата, туку пропаѓале и царствата, но она што морало и понатаму заедницата да го одржува биле обичаите, независно во која форма и на кој начин ги изведувале. Тие биле зачувани на една исклучително сурова балканска ветрометина, позната според своите историски несреќи и збиднувања.[6]

[6] Даворин Трпески, *Годишни обичаи кај Македонците. Живот според народниот календар*, Младинска книга, Скопје, 2015, 9.

Кога станува збор за народниот календар на Македонците, една од неговите највпечатливи одлики е тоа што во него немало поединци кои биле надредени, туку тој, едноставно, бил своина на сите, па според тоа може да се каже дека имал општественообединувачко значење и општонароден карактер. Треба да се потенцира и тоа дека во зависност од пределот зависел и типот на календарот. Впрочем, постоеле извесни разлики за почетокот на годината. Една од позастапените била сончевата Нова година, додека во пределите кои биле во рамнините, етнолозите ја откриле т.н. земјоделска Нова година, а во планинските предели сточарската Нова година. Со примањето на христијанството, не биле целосно уништени старите претхристијански верувања и обичаи, туку се создале можности за збогатување на обичаите: биле прифатени нови празнувања, па таа спрега меѓу старото и новото, која се зачувала до најново време, се свела во познатото „словенско двоверство“. Тоа довело во македонските верувања да се практикуваат многу прославувања за здравје на семејствата, но исто така и многу празници кои биле наменети за богат род и за заштита на посевите и на добитокот. Со исто значење е и етимологијата на зборот „празник“, кој потекнува од старословенското „праздьнъ“, односно „празен ден“, во смисла, ден на кој нема и не треба да има работни активности, туку тој ден треба да се посвети на нешто друго, на нешто што е поврзано со духовното, со натприродното. Наспроти зборот „празник“, во македонскиот јазик постои и зборот „делник“, а тоа е ден на којшто треба да се работи (не треба да се дела).[7]

Од денешна перспектива, на сите обичаи и обредни практики кои се изведувале во минатото се гледа како на работи кои биле дел од еден мошне сложен систем кој нѐ тера да си го поставуваме прашањето: Како нашите предци можеле толку успешно да се снаоѓаат во сето тоа море од празници во народниот календар и со толкава прецизност да знаат кога е „благден“ или кога има некој празник? Едноставно. Годината ја делеле на две полугодија: „ѓурѓовденско“ и „митровденско“, секое со своите карактеристики и со своите стопански случувања; или годината ја делеле на четири поста и на наизменични четири мрса помеѓу нив.[8]

[7] Исто, 10.
[8] Исто, 11.

* * *

Еден од најзначајните параметри според кое се определувало времето во текот на годината било Сонцето. Во народната култура, тоа било митологизирано, односно било сфатено како божество кое има човечки карактеристики и кое секојдневно „одело“ по небесниот свод. Во текот на една календарска година правело голем круг околу Земјата. Овој *ôд на Сонцето низ Годината* претставувал долг и нерамномерен пат, од кој главно, според народните претстави, зависела и промената на годишните времиња. Идејата за годишното умирање и за повторното раѓање на Сонцето, поточно неговото преродување или раѓањето на новото Сонце, претставувало составен дел на единствената и на сеопштата човечка претстава за новиот почеток на новата календарска година.[9] Овој почеток на народната Нова година се случувал за време на зимскиот солстиција, а тоа било утврдувано преку најконкретно набљудување на моментот кога денот започнувал да се наголемува на штета на долгата зимска ноќ. Но, во народната култура на Македонците постои одредено колебање околу конкретното започнување на новогодишниот циклус. Во некои предели од Македонија овој циклус започнувал на Варвара, а во некои предели на Игнат. Но, и Варвара и Игнат, како претходници на Божик, ја истакнуваат обредноста што се случувала за време на зимскиот солстиција и се во врска со почетокот на новата соларна, но и со почетокот на новата економска година. И во двата случаи може да се каже дека и двата празници претставуваат своевиден религиски остаток од претхристијанскиот период кој бил насекаде во Европа, а особено во границите на Римското царство, но и во поблиските области надвор од него.[10] Сепак, во народната култура на Македонците, новогодишниот празничен циклус, според сончевите активности, во целост се совпаѓал со зимскиот солстиција (21 декември по нов стил). Од тоа веќе може да се утврди дека започнувањето на народниот новогодишен празничен и обреден циклус е со празникот Варвара (17 декември по нов стил).[11] Според народните верувања што ги забележала Анета Светиева,[12] во

[9] Љупчо С. Ристески, *Категориите Простор и Време во народата култура на Македонците*, Матица, Скопје, 2005, 371.
[10] Анета Светеива, *Духовна култура на Македонците* (ракопис), Скопје, 2009, 4.
[11] Љупчо С. Ристески, *Категориите Простор и Време...*, 371.
[12] Aneta Svetieva, “The Festivities of St. Barbara, St. Ignatius – the God Bearer and Nativity Eve in the Area of the Town Kratovo”, во: *Studia Mythologica Slavica*, 4, Ljubljana, 2001, 242.

Кратовско, од празникот Св. Андреја (13 декември по нов стил) до празникот Св. Варвара (17 декември по нов стил) денот, а тука се мисли и Сонцето, стои на „една мера четири дена“. Оваа информација, јасно покажува дека митската мисла го определила овој период како период на крајот, период на митско уништување на старото Сонце.[13] Дури и се вели дека денот на Варвара „се заварува“[14] (се составува), значи умира старото и се раѓа новото Сонце, односно умира старата година и започнува Новата година. Од Варвара, денот / Сонцето „ќе се покажуе како пиле у јајце“.[15] Несомнено, идејата за раѓањето на новиот ден е поврзана со јајцето како онтолошки симбол на новиот почеток, на раѓањето.

Дека Варвара претставува ден кога започнува сончевата Нова година во традициската култура на Македонците нè наведува уште еден значаен етнографски податок, а тоа е обредот *по̄лазување*, односно активноста на обредниот актер кој е наречен *по̄лазеник.* Впрочем, оваа активност е исклучително поврзана со митските претстави за периодите на премин, посебно преминот од старата во Новата година. Обичаите поврзани со обредот *по̄лазување* што започнуваат на Варвара продолжуваат во текот на целиот новогодишен циклус, на празниците како што се Св. Игнат (2 јануари по нов стил) и Бадник (6 јануари по нов стил).[16]

Како поткрепа на согледувањата за временското определување на почетокот на сончевата Нова година би требало да се разгледаат уште некои од обредите поврзани со идејата за поттикнување на активноста на Сонцето. Така, во новогодишната обредност на Македонците, употребата на огнот, меѓу другото, е во функција на поттикнување на сончевата активност. Таква била и функцијата на коледарските огнови, кои според народната традиција на Македонците се палеле секоја ноќ во текот на божикните пости, а најинтензивно тоа се случувало на Коледе, односно Бадник и Божик.[17]

Според народните верувања: „На Варвара се заварува С’лнцето“ или на Варвара денот „се заварувал“, односно се

---

[13] Љупчо С. Ристески, *Ка̄те̄орӣше̄ Прос̄тор...*, 372.
[14] Анета Светиева, „Еротски елементи во обредите со маски кај Македонците“, во: *Обичаи со маски*, Меѓународен симпозиум, Музеј на Македонија, Скопје, 1998, 58.
[15] Aneta Svetieva, “The Festivities of St. Barbara, St. Ignatius...”, 242.
[16] Љупчо С. Ристески, *Ка̄те̄орӣше̄ Прос̄тор и Време...*, 372.
[17] *Ис̄то̄*, 373.

составувал и дека времето застанувало за една минута. На тој ден ноќта е најдолга, а денот најкраток, а оттогаш денот „ќе се покажуе како пиле у јајце“, односно денот ќе почне да расте. Во околината на Куманово се велело „од Варвара денот ќе раснее, ноќта ќе малее“ или „од Варвара ќе порасне денот како петел од праг што ќе скокне“.[18] Црквата на овој ден го празнува Света Варвара, но во народната традиција овој празник е познат само како Варвара, затоа што на тој ден се *вареле* житарки: пченица, јачмен, `рж, овес и сл. Исто, народот го сметал за типичен женски празник и ден кога не требало да се работат „женски работи“.[19] Од житното вариво каснувале сите „по старешинство“ па дури и на најмалото бебе му се ставало малку во устата. Во некои етнички предели од вареното жито се раздавало кај соседите, а некаде вареното жито го носеле во црквата. Варење жито на овој ден бил забележан во околината на Куманово, каде што во ќезве биле варени пченка и пченица (мешан бериќет) и утрото сите членови од куќата каснувале. Тоа го правеле *за да не се заπече πолеᴛо*, односно да биде влажно како што е водата во ќезвето. Истиот ден јаделе и варен грав *за да не го ᴛеπа ґрад πолеᴛо*.[20] Правењето панспермија, на празникот Варвара, или на некој друг празничен ден, во вид на мешање на разни жита или варење каша од разни жита е широко распространето во Македонија и најчесто се поврзува со новиот почеток. Во овој случај тоа е почетокот на Новата година. Освен тоа, овој празник може да се поврзе и со аграрната магија, каде што се забележува изразената желба за добивање богат род на сите житарки во годината што следи. Овој аспект на обичајот е појасно забележителен во Радовишко и Струмичко Поле, кадешто на овој ден се практикувал обичајот „полазувајне“, односно првиот човек што ќе влезел тоа утро во куќата го нарекувале „полезник“. Се верувало дека тој човек треба да е со „лесен полез“, човек кој имал среќа во животот. Полезникот со себе носел неколку сламки и велел: „Дујде Света Варвара сус гуденца, сус пиленца, сус детенца и бериќет и здравје и к`смет да имате во куќата“.[21] Домаќините, полезникот го честеле со кафе, со слатко, а му давале и пари.

---

[18] Велимир Николов, „Земјоделството и обичаите сврзани со земјоделската работа во Куманово“, во: *Гласник на еᴛнолошкиоᴛ музеј*, бр. 1, Скопје, 1960, 349.
[19] Aneta Svetieva, “The Festivities of St. Barbara, St. Ignatius...”, 242.
[20] Велимир Николов, „Земјоделството и обичаите сврзани со земјоделската работа во Куманово“, во: *Гласник на еᴛнолошкиоᴛ музеј*, бр. 1, Скопје, 1960, 349.
[21] Зорка Делиниколова, „Обичаи сврзани со поедини празници и неделни дни во Радовиш“, во: *Гласник на Еᴛнолошкиоᴛ музеј*, 1, Скопје, 1960, 173.

На овој празник, може да се каже, се надоврзувал и празникот Зачетие на Св. Ана, кој кај народот во зависност со пределот, е познат под имињата *Анино Зачатие* (околината на Виница) или *Света Ана*, додека во пределите Пчиња и Козјачија (во близина на Крива Паланка) е познат под имињата *Јанино зачеќе*, односно *Јанино зачиње*.[22] И овој празник има одредени слични карактеристики како Варвара и Игнат, кога станува збор за елементи кои се поврзуваат со народниот новогодишен циклус. Но, на овој празник луѓето избегнувале да одат по гости, поради тоа што верувале во „лош подлаз", односно сакале да го избегнат обвинувањето дека можеби ќе им донесат лоша среќа на домаќините за целата наредна година. Исто така, овој празник важел и како ден на кој што душманите вршеле магиски практики, па од тие причини некои преземале извесни мерки за да ги спречат дејствијата на евентуалните магии. Така, во некои села во Козјачијата, како превентива од магиското собирање на млекото од овците, се засејувало просо и пченица околу трлото. Слични елементи за заштита од магиски дејствија во пределот Пчиња забележал и Јован Хаџи – Васиљевиќ.[23] Имено, на триножно столче, свртено наопаку, толчеле лук, помешан со „жив жар" и масло, па со тоа ги мачкале кравите и овците на вимињата и меѓу роговите, а притоа кажувајќи им ги зборовите: „На нас маст и млеко, а на њи жив жар и лук", потоа се просипувало просо околу стоката и се изговарале вербални магиски формули. Исто така, доколку некоја жена сама се шетала и одела по гости, останатите ќе и речеле: „ти си дошла нешто да ми направиш на стоку".[24]

Кон ова група празници, кои ја најавуваат Новата година, е и празникот кој кај народот е познат под имињата Игњат, Игнат, Игнет, Игњак, Игнатовден, Мала најатка, или Прв Божик.[25] Стар Бадник, како што се среќава во македонската народна култура, се паѓа на 2 јануари и кај народот се славел како значаен празник кој претставува дел од циклусот на божикните празници. Всушност, во некои македонски предели Игнат, место Варвара, е денот кога започнува да расте денот, а ноќта почнувала да се намалува. Во прилог на тоа оди

---

[22] Зоранчо Малинов, *Традициското народен календар на Шопско – брегалничката етнографска целина,* Скопје, 1996, 76.
[23] Јован Хаџи Васиљевић, *Јужна Стара Србија, Прешевска област*, Књ. II, Београд, 1913, 348-349.
[24] Зоранчо Малинов, *Традициското народен календар...*, 77.
[25] Марко Китевски, *Македонски празници и празнични обичаи*, Скопје, Камелеон, 2013, 26.

и поговорката „Од Игњат до Божик денот ќе рипне колку петел од праг“.[26] Во Скопска Блатија,[27] ден пред празникот, домаќинот сечел шума „од три вери“, односно од три вида (зеленика, смрека и даб). Овие гранчиња се оставале до вратата, под стреата, и со нив за идните празници се потсилувал огнот. Исто така, тој ден во трлата фрлале костени за да рипкаат јагнињата како костените. Утрото на Игњат, огнот го разгорувале посилно од вообичаеното, по што домаќинката ги скоривала децата и заедно го изведувале обичајот „силење“ на огнот. Впрочем, со гранките донесени претходиот ден чепкале во огнот, „го силеле“ притоа благословувајќи за добро здравје, за напредок на стоката и за богат род. Во пределот Ежово Поле (околината на Штип) овој празник го нарекувале уште и *Иг̄нат̄ Подиг̄нат̄*, од причина што мајките ги тегнеле, „ги подигале“, своите деца за уши или за глава за да пораснат повеќе,[28] а тоа, во основа, претставува имитативна магија, односно верување дека сличното ќе произведе слично. Овој обред најчесто го правеле рано наутро и тоа на прагот, со верување дека со растењето односно „подигањето“ на денот во однос на ноќта, така ќе растат и нивните деца. Во пределот Бојмија (околината на Гевгелија), овој ден бил сметан за тежок празник и особено го почитувале жените што имале деца. Па така, во негова чест, иако бил период на божикните пости, биле колени свињи и биле сучени сарајлии.[29] Во повеќето македонски предели на овој ден постоел обичај да се оди во блиската шума и да се скине дабова гранка со лисја, т.н. „шумичка“. Во некои села со оваа дабова гранка се вршело *п̄олазување*, односно честитање. Примери за полазување на Игнат постојат во некои македонски шопски предели. Така, на пример, во селото Страцин, полазувач бил домаќинот на куќата. Тој рано наутро одел во блиската шума и таму сечел дабова гранка со лисја. Со неа влегувал во куќата, чепкал во огништето и благословувал, притоа изговарајќи ја магиска формула: „Ај среќна Нова година, с’с бериќет, с’с јагањца, с’с зелен клас, с’с ведро млеко“.[30] Се верувало дека е добро на Игнат, трудната жена да ја полази машко, за да роди машко дете. Во случај, жената да сакала да роди женско дете, порачаувала да ја полази женски полазувач. За тоа

[26] Јермије Павловић, *Малешево и малешевци,* Београд, 1928, 212.
[27] Марко Китевски, *Македонски п̄разници…*, 29.
[28] Александар Донски, *Фолклорното б̄огат̄ство на Шт̄ип*, Штип, 1989, 383.
[29] Стеван Тановић, „Српски народни обичаји у Ђевђелиској кази“, во: *Ср̄пски ет̄ног̄рафски зборник*, књ. XL, Београд, 1927, 79.
[30] Aneta Svetieva, “The Festivities of St. Barbara, St. Ignatius…, 244.

дека, според верувањата, полазувачот имал натприродна моќ потврдува примерот од село Приковци, во близина на Кратово, дека ако полазувачот влезе во куќа каде што се пораѓа жена, таа „се пресекува“ и нема да може да се породи. Во тој случај морале да и проврат јајце низ кошулата, а тоа бил вообичаен обичај при отежнато пораѓање.[31]

Во некои од шопските македонски предели, рано наутро, децата со слама и со гранчиња во рацете и со торби преку рамењата, оделе во обиколка на куќите од селото, или само кај поблиските роднини. Тие на домаќините им давале од гранчињата, притоа велејќи им „дошла Најатка“ и дека „донела среќа, здравје, бериќет“. За возврат домаќините ги дарувале децата со јаболка, ореви, костени, пченка, колачиња кои биле направени посебно за таа пригода, а понекогаш и пари. Но, доколку некаде домаќините не ја отвореле вратата, тогаш децата клекнувале на колена и така постовале покрај куќата, за да им бидат јагнињата сакати, тромави и болежливи“.[32] Обичајот на шетање на децата со гранчиња и слама во рацете по куќите, во село Тработивиште, се нарекувал *пилишкарници*, а и децата биле нарекувани *пиленца* или *пилишкарници*.[33]

* * *

Неколкуте празници што се споменати погоре (пред се, празниците Варвара и Игнат), а биле празнувани започнувајќи од втората половина на месецот декември, според народните верувања кај Македонците, го најавувале раѓањето на новото Сонце, односно почетокот на Новата година. Кулминацијата и интензивирањето на сличните или истите обредни практики ги започнувале за време на празниците кои следеле: Коледе, Бадник и Божик. Сите овие празници изобилуваат со најразлични обредни активности кои најчесто можат да се поврзат со претхристијанските верувања и религии кои биле практикувани и во минатото.

---

[31] *Исто*, 244.
[32] Јермије Павловиќ, *Малешево и малешевци*..., 197.
[33] Зоранчо Малинов, *Традицискиот народен календар...*, 80.

Литература:

1. Делиниколова, Зорка, „Обичаи сврзани со поедини празници и неделни дни во Радовиш“, во: *Гласник на Етнолошкиот музеј*, 1, Скопје, 1960.
2. Донски, Александар, *Фолклорното богатство на Штип*, Штип, 1989.
3. Китевски, Марко, *Македонски празници и празнични обичаи*, Скопје, Камелеон, 2013.
4. Малинов, Зоранчо, *Традицискиот народен календар на Шопско – брегалничката етнографска целина*, Скопје, 1996.
5. Николов, Велимир, „Земјоделството и обичаите сврзани со земјоделската работа во Куманово“, во: *Гласник на етнолошкиот музеј*, бр. 1, Скопје, 1960.
6. Павловић, Јермије, *Малешево и малешевци*, Београд, 1928.
7. Ристески, С. Љупчо, *Категориите Простор и Време во народата култура на Македонците*, Матица, Скопје, 2005.
8. Светеива, Анета, *Духовна култура на Македонците* (ракопис), Скопје, 2009.
9. Светиева, Анета, „Еротски елементи во обредите со маски кај Македонците“, во: *Обичаи со маски*, Меѓународен симпозиум, Музеј на Македонија, Скопје, 1998.
10. Svetieva, Aneta, “The Festivities of St. Barbara, St. Ignatius – the God Bearer and Nativity Eve in the Area of the Town Kratovo”, во: *Studia Mythologica Slavica*, 4, Ljubljana, 2001.
11. Тановић, Стеван, „Српски народни обичаји у Ђевђелиској кази“ во: *Српски етнографски зборник*, књ. XL, Београд, 1927.
12. Трпески, Даворин, *Годишни обичаи кај Македонците. Живот според народниот календар*, Младинска книга, Скопје, 2015.
13. Хаџи Васиљевић, Јован, *Јужна Стара Србија, Прешевска област*, Књ. II, Београд, 1913.

проф. д-р Ѓоко Ѓорѓевски

ОХРИД – ДУХОВНО СВЕТИЛИШТЕ

Познатиот наш преродбеник од 19 век, Константин Миладинов, од далечната Русија ја опева својата носталгија по домот и убавините на Охрид и Струга. Тоа се зборови кои извираат од најдлабоките дамари на душата на писателот, а не можат, а да не допрат до секој дел од срцето на читателот:

Орелски крилја как да си метнех,
И внаши ст'рни да си прелетнех!
...
На наши места ја да си идам,
да видам Охрид, Струга да видам.
...
Поле погледнеш или планина,
сегде Божева је хубавина.

Секако дека Охрид изобилува со голема природна убавина. Од друга страна, во градот се сочувани многу култури коишто сведочат за неговата вековна историска традиција, почнувајќи од антиката, ранохристијанскиот период, средновековните цркви, преродбенската култура, па сè до денес. Неслучајно тоа е град на УНЕСКО, град на бројни и неповторливи сакрални споменици, цркви и манастири, па честопати се нарекува дури и „словенски Ерусалим“. Без нив несомнено Охрид би бил сосема друг град, поинаков и непрепознатлив. Сепак, се поставува прашањето: дали изборот токму Охрид да прерасне во црковен центар и духовно светилиште се должи на духовниот мир и неговата посебна природна положба крај езерскиот брег или, пак, градот го добива својот вистински идентитет дури откако ќе ја осознае својата духовна содржина преку бројните исклучителни црковни градби и богатиот црковен живот низ историјата? Очигледна е присутноста на природната диспозиција на местото. Дури и старото име на градот – Лихнидос на грчки значи „светилник“, со што го подготвува раѓањето на Охрид како христијански светилник.

Познато е дека христијанството е присутно на овие простори уште од првите векови. Меѓу првите проповедници се спомнува свети Еразмо, голем аскет и проповедник, кој покрстил мноштво народ, а

неговиот лик во Охрид силно се почитува сè до денес. За него се вели дека бил родум од Антиохија, а живеел во времето на царевите Диоклецијан и Максимијан. После подвижничкиот живот на Ливанската Гора, веќе како архиерej тргнал да го проповеда Евангелието и така пристигнал во Охрид. Според запишаните сведоштва, свети Еразмо го воскреснал синот на некој човек по име Анастас и потоа го крстил, заедно со многу други луѓе. Во таа прилика ги разорил идолските жртвеници во Охрид, за коешто бил обвинет кај царот Максимијан, кој во тоа време престојувал во Илирија. Царот го извел Еразмо пред бакарната статуа на Зевс и му наредил да се поклони и да принесе жртва на идолот. Но, се вели дека по молитвите на светителот, од статуата излегол страшен змеј и го исплашил сиот народ, а потоа со силата и благодатта на светителот змејот пцовисал. Тогаш свети Еразмо покрстил дваесет илјади души. Огорчен царот наредил да ги убијат сите овие дваесет илјади христијани, а Еразмо го ставил на тешки маки, па потоа го фрлил во затвор. Но, му се јавил ангел Божји и го извел Еразмо од затворот, по што тој заминал за Кампанија, Италија, каде повторно го проповедал Евангелието на народот. Потоа се вратил во градот Хермелија, каде што се повлекол во една пештера, во која се подвизувал до крајот на животот во 303 година. Пештерата со црквичката на „Свети Еразмо“ и денес стои недалеку од Охрид[34].

Нов духовен препород доживува ова подрачје со просветителската дејност на светите Климент и Наум Охридски, кои овде ја продолжуваат својата активност после нивното учество во мисијата на светите Кирил и Методиј. Преку нив, впрочем, се раѓа вистинскиот плод и на нивните учители, бидејќи нивната мисија и не ги постигнала посакуваните резултати. Така свети Климент и Наум се појавуваат како единствени автентични продолжувачи на рамноапостолното дело, кои за центар на своето дејствување го избираат токму регионот околу Охридското езеро, а нивните манастири и до денес опстојуваат како силни духовни центри.

Реконструкцијата на животниот пат на светите Климент и Наум Охридски се врши, главно, врз основа на двете Климентови житија: Пространото житие од охридскиот архиепископ Теофилакт и Краткото житие напишано од охридскиот архиепископ Димитриј Хоматијан, како и житијата на свети Наум Охридски пишувани од

[34] Епископ Николај, *Охридски пролог. Житија, размислувања и беседи, I*, Охрид 2001, 469-470.

некој Климентов и Наумов ученик непосредно по нивното упокојување.

Во овие сведоштва отсуствуваат белешки за раѓањето и потеклото на свети Климент, но врз основа на податокот за упокојувањето на 27 јули 916 година и описот од Пространото житие, во кое светителот се опишува „подгрбен од старост и истоштен од работа", се претпоставува дека доживеал длабока старост, што значи дека би бил роден 30-те или 40-те години од 9 век. Непознато е и местото на Климентовото раѓање, а претпоставките се движат од Моравија, преку словенското кнежество со кое претходно управувал свети Методиј, па сè до Кутмичевица и Охрид. Последново се поткрепува врз основа на гледиштето, според коешто свети Климент се враќа од Моравија во Кутмичевица, затоа што оттаму и потекнува[35]. За свети Наум, пак, врз основа на податоците од житијата, се знае дека имал благородни родители и дека израснал во Мизија, како и тоа дека бил на слична возраст со свети Климент. И тој од својата младост „се присоединил кон рамноапостолите Константин Философ и брат му Методиј“ и ги придружувал „дури до стариот Рим“. Во секој случај, се чини дека и обајцата потекнуваат од овие краишта, од средината на македонските Словени. Тоа го поткрепува „Пофалното слово на свети Кирил“, напишано од свети Климент, кој Словените таму ги нарекува „мој народ“, а свети Кирил – „учител на нашиот народ“.[36]

Свети Климент и свети Наум биле соработници и соучесници во мисијата на светите Кирил и Методиј во Моравија уште од самиот почеток, но по нивната смрт тие се подложени на најразновидни страдања и прогони од латинското свештенство, па по нивното протерување оттаму стигнале во Преслав, тогашна Бугарија. Според сведоштвото од Пространото житие, во 886 година свети Климент бил испратен во областа Кутмичевица, која се наоѓала во југозападна Македонија, а ги опфаќала пределите околу Преспанското и Охридското езеро, чии главни градови биле Охрид и Девол. Неговата главна задача била да го продолжи делото на неговите учители преку продлабочување и унапредување на словенската просвета, примената на словенската богослужба и создавање на словенски свештенички кадар. Познато е дека свети Климент ја основа Охридската книжевна

[35] Јован Белчовски, *Црковна историја на македонскиот народ, книга прва*, Скопје 2016, 45.

[36] Доне Илиевски, *Македонското православно свештенство во борба за национална и црковна слобода*, Скопје 1987, 16-18.

школа низ која минале 3.500 ученици. Подоцна, во 893 година тој бил назначен за прв словенски епископ на тие простори, како надлежен архиерej на Дремвицко-величката епархија. Според некои претпоставки, оваа епархија се наоѓала во струмичко-брегланичкиот регион, но многу поверојатна е тезата дека диецезата се наоѓала југозападно од Преспа и јужно од Охрид. Поради големиот авторитет, некои свети Климента го именуваат и со „архиепископ“, но јасно е дека таа титула му е припишана дури по неговата смрт, кога веќе постоела Охридската архиепископија.[37]

Светите Климент и Наум неуморно и поучувале и пишувале, па од нив се запазени и повеќе текстови, врз кои се уште се вршат бројни истражувања. Врз таквата дејност се развива подоцна и препишувачка школа, каде биле умножувани црковните и богослужбените текстови на словенски јазик, па веројатно дека во Охрид настанува и првата библиотека кај јужните Словени[38].

Периодот непосредно после свети Климент (+916) и свети Наум (+910) е прилично нерасветлен. Охридската книжевна школа ја продолжила својата дејност раководена од нивните ученици, но поголемиот дел од нив остануваат анонимни. Не е познато и кој епископ го наследил свети Климент во неговата епархија, но се знае дека локалното свештенство ревносно го продолжило неговото дело, а манастирите основани од овие охридски светители станале центри на црковната писменост и книжевност.

Врз основа на овие кириловометодиеви ученици е поставен и темелот на
Охридската архиепископија – вистински духовен центар, а подоцна и замена за неостварената државност по Самоиловото царство. Нејзината дејност започнува некаде по 976-та година и континуирано опстојува до 1767 година, кога е аболирана од отоманската власт.[39] Архиепископијата, меѓу другото, ќе претставува и вистинска црковна сила помеѓу византискиот Исток и латинскиот Запад, со истакнати архипастири кои го издигнале нејзиното достоинство во светски рамки. Токму од тие причини, во продолжение ќе бидат претставени

[37] Јован Белчовски, *Автокефалноста на Македонската православна црква*, Скопје 1990, 12-13.

[38] Јован Белчовски, *Црковна историја на македонскиот народ, книга прва*, 48.

[39] Јован Белчовски, *Автокефалноста на Македонската православна црква*, Скопје 1990, 78-79.

неколку најзначајни претставници на тронот на Охридската архиепископија. Во тек на осумте века од нејзиното постоење сменети се голем број на поглавари, некои знајни, а некои и незнајни.

Првиот поглавар на Охридската архиепископија, Герман I Гаврил, имал голема почит од страна на царот Самоил. Познато е дека на почетокот седиштето на црквата се наоѓало на островот Ахил во Преспанското езеро, а подоцна е префрлено во Охрид. Герман Гаврил е канонизиран за светител, а неговиот спомен се чествува на 12 мај.

Прв поглавар на Орхидската архиепископија по падот на Самоиловото царство е Јован Дебарски (1018-1037), човек од словенско потекло, силен духовен пастир со голема грижа за своето паство. Забележан е во споменот на црквата како монах и подвижник и е вброен меѓу најдостојните охридски архиепископи, со забележливи добродетелни и умствени квалитети, кој посебно се грижел за одржување на народниот карактер на Архиепископијата. Се занимавал и со книжевност, но, за жал, не е запазено ниту едно негово дело. Пред изборот за архиерej бил игумен на дебарскиот манастир „Света Богородица, а подоцна е и ктитор на манастирот Свети Јован Бигорски. Тој е впрочем, и прв охридски ерарх со титула „архиепископ“.[40]

По Јован Дебарски следи Лав (Леон) I (1037-1056), еден од најзначајните архипастири на Охридската архиепископија. Тој бил исклучителна личност, кој на охридскиот трон доаѓа од должноста хартофилакс на Константинополската патријаршија. Единствениот автентичен извор за него е содржан во белешката на епископот Михаил Деволски за настаните од 1037 година во текстот на „Историскиот синопсис“ на Јован Скилица, византиски хроничар од крајот на 11 век[41]. Најверојатно Лав бил поставен за архиепископ од тогашниот император Михаил IV, со кого потекнувале од исто место, што можеби делумно влијаело врз изборот на наследник на

[40] Јован Белчовски, *Црковна историја на македонскиот народ, книга прва*, 92-99.

[41] „А откако Јован, бугарскиот архиепископ, се упокои, царот произведе друг, кој беше од Пафлагонија, кој се издвојуваше со својата служба во великата црква, служејќи многу години како хартофилакс. Но, од љубов кон тихувањето и во целосно сознание за недобро раководење на црковните работи, тој се откажа од центарот на метежот и, не сакајќи да влијае врз патријархот, самоволно се повлече во тихование. Тој се викаше Лав и се беше стекнал со секакво образование, и световно, и духовно. Како примат на Бугарија остави зад себе многу спомени за неговата добродетел“. John Skylitzes, *A Synopsis of Byzantine History, 811–1057*, Cambridge 2010, 377.

охридскиот трон по смртта на архиепископот Јован. Но, познато е дека Лав имал одлично образование, коешто не може да биде негирано, како и неговите способности за време на неговата долгогодишна дејност во Цариградската патријаршија.[42]

Живеејќи во еден исклучителен временски период, можно е Лав да има директно влијание врз настаните кои ја насочуваат понатамошната историја на христијанството во светот. За време на исклучително затегнатите односи меѓу Рим и Цариград, мошне веројатно е дека Лав се спротивставувал на обидите за возобновување на врските со Рим. Причините за влошувањето на односите меѓу двата христијански центри на почетокот од XI век остануваат нејасни, но забележани се обидите за нормализирање на меѓусебните релации. Цариградскиот патријарх Евстатиј во 1024 година испратил делегација во Рим, со компромисен предлог – римскиот епископ да го задржи првенството, но Цариградската патријаршија да биде признаена како вселенска на територијата на нејзината јурисдикција. Врз основа на внатрешните притисоци, папата Јован XIX бил спречен да се согласи со предлогот, но истовремено имало силна спротивставеност кон ваквата компромисна иницијатива и од страна на охридскиот архиепископ Лав.[43]

Според сведоштвото на Никита Комнин, против латините никој не пишувал поревносно и посмело од Лав Охридски[44] и веројатно тоа почнало со првото писмо на Лав до епископот Јован Трански во Апулија, насловено „За бесквасниците и саботите“, со цел да ги заштити христијаните во Јужна Италија од латинските литургиски традиции. Се смета дека ова послание има официјален карактер, коешто се гледа од фактот дека се работи за вид на окружно послание „до сите епископи на Франките и монасите и народите и до

[42] Сп. Јован Белчовски, *Црковна исто̄рија на македонскиот̄ народ, кнӣга пр̄ва*, 99.

[43] Во однос на учеството на архиепископот охридски Лав во меѓуцрковните препирки треба да се има предвид и тогашната состојба на Охридска архиепископија. Имено, диецезата во тоа време се протегала главно на западните и централните пределиа на Балканскиот полуостров, во древната црковна епархија на Илирија, која е одземена од диецезата на Рим од страна на императорот Лав III Исаврijанец (717-741). По паѓањето на Самоиловото царство овие области се вратени под директна управа на Византиската империја, а претстојателите на Охридската архиепископија направиле големи напори за да ја потврдат законитоста на нивната катедра.

[44] Migne, t. 120, col. 834.

самиот многупочитуван папа“[45].На латинските обредни различности Лав гледа како на догматски пречки. Своето внимание го посветува на четири латински посебности: 1) извршување на евхаристијата со бесквасен леб, 2) пост во сабота, 3) јадење на удавено, и 4) непеење на „алилуја“ за време на великиот пост, но најмногу се задржува на првата точка.[46] Писмото било предадено на кардиналот Хумберт, а потоа папата одговорил со долго послание од 41 поглавје, адресирано до цариградскиот патријарх Михаил Керуларије и охридскиот архиепископ Лав[47]. Според Снегаров, посланието го вознемирило византискиот император Константин Мономах, кој се подготвувал за политичко обединување со латините, упатувајќи молба до папата да испрати легати во Цариград за повторно воспоставување на мирот меѓу двете цркви. Откако пристигнал во Цариград, кардиналот Хумбер го напишал полемичниот спис “Dialogus”, каде во форма на разговор, точка по точка одговара на обвинењата на Лав Охридски. Од тој момент, па натаму, се вели дека охридскиот архиепископ и цариградскиот патријарх Михаил Керуларије со заеднички сили ја воделе борбата против папата и до самиот крај останале неразделни. Во тоа време Лав пишува уште две многу остри писма, кои уште повеќе ја засилиле борбата, кога на 16 јули 1054 година во цариградската црква Света Софија била произнесена анатемата против Михаил Керуларије и Лав Охридски, а неколку дена подоцна, на 20 јули, цариградскиот патријарх ги одлачил папските легати и на тој начин настанала конечната поделба меѓу Источната и Западната Црква.[48]

Архиепископот Лав веројатно ја покренал оваа иницијатива според упатствата на патријархот, но се поставува прашањето: зошто тој самиот не директно не се обратил до папата? Некои сметаат дека тоа се должи на недостиготот од црковно образование кај Керуларије, имајќи предвид дека тој бил државен службеник пред да биде протеран поради покренување на заговор против императорот

[45] Migne, t. 120 col. 836.

[46] Според мислењето на Лав Охридски, евхаристијата била востановена од Христа на квасен леб, бидејќи само таквиот леб Христос можел да го нарече Свое тело на Тајната вечера, имајќи предвид дека во Христовиот говор е употребен зборот ἄρτος, којшто означува леб подготвен со квас (Migne, t. 120, col. 837.).

[47] Види Михаил Павлович Чельцовъ, *Церковь Королевства Сербскаго со времени приобретения ею автокефальности (1879-1896)*, СПб 1899, 58.

[48] Иван Снѣгаровъ, *Исторія на Охридската Архіепископія, Том 1. Отъ основаванието ѝ до завладяванието на Балканския полуостровъ отъ турцитѣ*, София, 1924; II София, 1995, 261.

Михаил IV, а по карактер бил арогантен, без дипломатски способности, крут и типичен бирократ. За време на прогонството тој се замонашува, а подоцна доаѓа и на патријаршискиот престол во 1043 година. Но, исто така, јасно е дека не е неопходно списот или посланието на еден патријарх да биде лично од него подготвено. Други сметаат дека патријархот да не би сакал да се смета за одговорен за евентуалниот неуспех на обидот за зближување помеѓу императорот и папата.

Освен значајната црковна улога во тие одлучувачки времиња кои ја насочиле понатамошната историја на христијанството, архиепископот Лав е значаен и поради неговиот посебен придонес во црковното градителство, градејќи еден од клучните споменици на византиската уметност. Имено, непосредно по неговото доаѓање во Охрид во 1037 година, Лав ја организирал изградбата на новиот соборен храм „Света Софија“, посветен на Премудроста Божја, со цел на Охридската црква да и даде достоинство како на Цариградската.[49] На ѕидовите од овој велелепен храм се насликани не само почитуваните источни отци на Црквата, како и словенските просветители Кирил и Клиемнт, туку и шестмина римски папи: Климент I (88 - 99), Силвестер I (314 - 335), Инокентиј I (401-417), Лав I Велики (440 - 461), Вигилиј (537 -555) и Григориј I Велики Двоеслав (590-604). Ваквата иконографска програма може да се разбере како силно сведоштво дека охридскиот архиепископ имал соодветно познавање на историската врска на земјите од неговата јурисдикција со Римската црква.[50] Од друга страна, пак, активното вклучување на Лав во борбата на Константинопол против латинските заблуди ја изразува неговата желба да направи категорична разлика помеѓу литургиските пракси на папството од една страна и старите црковни традиции од друга страна. Особено е впечатлива евхаристиската сцена во апсидата на Света Софија, на која Христос, опкружен од апостолите и ангелите, го благословува квасниот леб.[51]

---

[49] Иван Снѣгаровъ, *Историја на Охридската Архиепископија, Том 1*. 197-198.

[50] Види Јован Белчовски, *Црковна историја на македонскиот народ, книга прва*, 109.

[51] „Денес не е можно да се студира византиска уметност ако не се посети Македонија… Гледајќи ги фреските во Света Софија во Охрид, особено се забележува начинот на кој непознатите уметници ги постигнувале ликовните решенија во композициите. Потполно е неоправдано да се зборува за постоење на чиста византиска школа“ (Дејвид Талбот Рајс, британски византолог).

Еден од најзначајните охридски архиепископи е и Теофилакт (1091-?), исклучителен интелектуалец, теолог и писател. Родум од Еврип, ѓакон на Цариградската црква, се школувал во Атина и Цариград и бил вброен меѓу најобразованите личности од тоа време. Не може да се определи точно неговото стапувањето на престол: некои претпоставуваат дека станува збор за 1091,[52] но секако тоа се случило по 1084 година[53]. По природа бил меланхоличен, а раководењето на Охридската црква не го примил со посебна радост[54]. Запазените писмени сведоштва говорат дека на почетокот чувствувал голема одбојност кон локалното паство, силно тагувајќи за византискиот живот, за елинските поети и философи[55]. Веројатно тоа е затоа што тој бил повеќе кабинетски човек, отколку мисионер, иако се работи за исклучително доблесен архиепископ. Сепак, не останал да живее во Охрид до крајот на животот, а како главен проблем се смета непријателствувањето со охриѓаните, кои не можеле да се навикнат на неговото владичко однесување.

---

[52] Види Јован Белчовски, *Црковна историја на македонскиот народ, книга прва*, 101.

[53] Според Голубински, Теофилакт бил избран за охридски архиепископ не порано од 1084-1085 година, ако се има предвид податокот дека Теофилакт бил назначен за учител на Константин Дук (син на императорот Михаил Парапинат), кога тој бил на возраст од 8-9 годишна возраст, а тој бил роден во 1074 година.

[54] Види Славко Димевски, Историја на Македонската православна црква, Скопје 1989, 98-99.

[55] Теофилакт во своите писма пишува „Се наоѓам во ропство не при некоја богата царица, чиста, прекрасна и златна Афродита, туку при нечисти варвари, од кои се шири мирисот на овчи кожи ...“ Далеку од неговата духовна култура, тој се чувствува како во пеколот: „Уште не стапнав во Охрид, јас несреќниот, веќе почнав да тагувам по Вашиот град. Тука уште оддалеку ме нападна некаква смртна тага, каква вее само од адските бездни. Кај Епмедокле победата произведува глави без трупови; овдешното, пак, безначалие – десетици илјади над десетици илјади глави без трупови. Зашто, кој охриѓанец не е труп без глава, кој не знае да го почитува ниту Бога, ниту човекот? Со такви чудовиште јас сум осуден да соживеам. И што е најстрашно од сето тоа, што не постои никава надеж со никакви сили тоа да се подобри и да се прикачат главите врз тие шии...“ (Иван Снѣгаровъ, *Исторія на Охридската Архіепископія, Том 1*, 201). Во Охрид Теофилакт не видел ништо убаво. За него тој бил калиште, нејзините жители – жаби, а самиот тој – орел, птица на Зевс, падната несреќно во тој каллив свет. Во писмото до синот на домесникот Григориј тој вели: „Зошто ме фрли во таа далечина, каде има завист и злоба и други пороци, каде красноречивоста се мрази повеќе од благопријатниот звук на бумбарите. А јас треба да сум благодарен за тоа што ме поставиле да живеам меѓу тие варвари...“ (203).

Од друга страна, пак, потребно е да се истакне дека ниту еден од охридските архиепископи не пројавил таква литературна дејност како Теофилакт. Од него се запазени толкувањата на целиот Нов завет (освен Откровението)[56] и на некои старозаветни книги, две житија (на Петнаесетте тивериополски маченици и на свети Климент Охридски), служба на свети Климент Охридски, поука за својот воспитаник, престолонаследникот Константин Дук, слова, панегирик на Алексеј Комнен, книга за латинските различности и цел зборник писма испратени до значајни лица во граѓанско-воената и црковната ерархија на Византија.[57] При пишувањето на толкувањата, кои се читливи и јасни и без повторувања, Теофилакт ги користел омилиите на свети Јован Златоуст, а на многу дури и буквално го повторува.

Во врска со латинските и догматските обредни разлики има релативно толерантен пристап. Се вели дека императорот Алексеј I Комнен најнапред бил приврзаник на строгата антилатинска позиција, па дури и им забранил на латините во империјата да ја извршуваат евхаристијата користејќи бесквасен леб. Како одговор на тоа, папата Урбан II во 1089 година испратил свои легати, а царот предложува во Цариград да биде свикан собор, на којшто би се разгледувале спорните прашања, а меѓу другото и употребата на бесквасниот леб. Пристапник на умерената позиција од страната на Константинопол бил Теофилакт, близок на раководните византиски политички и црковни сфери. Својот став го изразува во вид на послание до неименувано духовно лице[58], но очигледно е дека писмото е напишано за целиот цариградски клир. Уште на самиот почеток Теофилакт најавува дека според неговото мислење во Латинската црква нема толку различитости за да биде неизбежна црковната поделба (Migne, t. 126, col. 224) и ја отфрла нетрпеливоста на источните богослови од тоа време: "И ние мислиме дека ќе не сметаат за први мудреци во божествените работи, ако повеќе души запишеме за еретици и дека само тогаш ќе докажеме, дека ние имаме очи, кога јасната светлина ја претставуваме за црна темница" (Migne,

[56] Станува збор за мошне ценети егзегетски списи. Во еден запис на ракопис од 17 век се вели дека во 1346 година српската царица Елена, жена на Душан, од светогорските монаси порачала да се преведе на „сопствен јазик... евангелието запишано од блаженият Теофилакт Охридски..." (Л. Стојановић, Стари српски записи III, Београд 1905, 40, № 4939).

[57] Иван Снѣгаровъ, *Исторія на Охридската Архіепископія, Том 1*, 268.

[58] Според Димитриј Хоматијан се работи за ѓаконот Николај, кој подоцна станува малешевски епископ (Pitra VII, col. 626).

t. 126, col. 224)[59]. Теофилакт препорачува толерантност на цариградскиот клир кон латините, но, сепак, не може да им го прости единствено воведувањето на Филиокве во Символот на верата, што го смета за голема заблуда и противречност во догмата за Света Троица. Но, дури и тука е снисходителен и се повикува на лексичката скромност на латинскиот јазик, сметајќи дека веројатно е во ред да се употребува правилно објаснето во црковните слова и беседи, но не и во Символот на верата, кој е израз на едномислието и еднодушноста на Црквата (Migne, t. 126, col. 229).

Во следниот период меѓу охридските архиепископи посебно се издвојува Димитриј Хоматијан (1216-1235), кој на тронот доаѓа како хартофилакс. За архиепископ е поставен за време на епирскиот деспот Теодор Комнен, а хиротонијата ја примил од епископите на Охридскиот синод, веројатно по заземањето на Охрид од страна на деспот Теодор (1216 или 1217)[60]. Тој бил не само велик охридски светител, но и најпознатиот православен ерарх од неговото време. Тој се одликувал со ученост, благост, говорништво, расудителност и добродетелен живот, полн со љубов кон ближните и почит кон непријателите.

Димитриј Хоматијан е познат канонист. Максим Грк го нарекува петти толкувач по Валсамон, Зонара, Матеј Властар и Арменопул[61]. Повеќето од неговите запазени литературни трудови се писма, адресирани до високи личности или акти по разни судски и црковно-административни дела[62]. Врз основа на забележаното, може

---

[59] Со скриена ирониј тој ги набројува сите обвинениј против латините, па вели дека нивните обичаи се без значење и дека значат колку ноктите или косата за телото (Иван Снѣгаровъ, *Историја на Охридската Архиепископија, Том 1*, 272-273).

[60] Од писмата во кои Хоматијан се јавува како архиепископ, само две се датирани: од 1220 година - писмото до српскиот архиепископ Сава и 1223 година - актот за ракополагањето на сервискиот епископ.

[61] Г.А. Розенкампфъ, Обозрѣніе кормчей книги, 1839 , 64-65. Јован Белчовски, *Црковна историја на македонскиот народ, книга прва*, 148.

[62] Од Хоматијан се запазени 152 судски решенија на Охридскиот синод за време на неговото претседавање, од кои може да се забележи дека тој бил одличен правник кој одлично го познавал не само црковното, но и световното византиско право. Тоа веројатно се јавува и како последица на фактот што во подоцнежна Византија границите меѓу световната и црковната јурисдикција сè повеќе исчезнувале, па архиепископот морал да го познава и световното право, односно брачното, семејното, наследното и многу прашања од приватното и кривичното право. Сп. Јован Белчовски, *Црковна историја на македонскиот народ, книга прва*, 148.

да се заклучи дека тој бил одличен познавач на византиското црковно, но и граѓанско право. Тие трудови би можеле да бидат поделени на пет категории: 1) канонско-правни (за брачни, наследствени и имотни прашања), 2) догматски, 3) литургиски, 4) дисциплинарни, 5) полемични и 6) хагиографско - поетски.

Во основата на канонско-правниот мироглед на Хоматијан лежи цезаропапистичката идеја. Според него, царот стои над законите и каноните, кога дејствува во полза на Црквата и општото добро[63] и нему му принадлежи божанска чест. Доколку, пак, наместо на заедничкото добро служи на сопствената страст, тогаш тој беззаконствува. И најголемата грижа за доброто на Црквата му припаѓа на царот, па затоа Хоматијан ја поставува царската дури и над духовната власт[64]. Тој смета дека царот ги има сите архиерејски права, освен правото да свештенодејствува! Според Снегаров, цезарепапизмот на Хоматиајн произлегувал од неговиот силен стремеж да го објасни правото на Охридската архиепископија врз основа на Јутинијановите новели.[65]

Во однос на латинските разлики, и Хоматијан се држел прилично помирувачки кон Западната црква. Според него, без догмата за Филиокве, мали се разликите со православните. Тој дури и не смета дека е престап, ако православно духовно или мирско лице изврши молитва во латински храм или ги почитува западните светители, или, пак, кога православен архиерej посети латински храм, а во православниот раздаде анафора на латините кои присуствувале на литургијата. Впрочем, за Хоматијан тоа е средство за приврзување на латините кон источните обичаи и догми (Pitra VII, col. 727-728).[66]

Култот на Хоматијан кон свети Климент е изразен во едно кратко житие и три канони[67]. Со житието авторот имал за цел да

---

[63] Затоа Хоматијан го оправдува Теодор Дук во случајот со убивањето на разбојникот Петрил со семејството.

[64] Според Хоматијан, разместувањето на епископите од една на друга епархија не се раководи ниту според каноните, ниту по црковното предание, а само царската заповед има сила да ги измени тој ред во Црквата.

[65] И. Снѣгаровъ, *Исторія на Охридската Архіепископія, Том 1*, 275.

[66] Хоматијан не се согласувал со антиохискиот патријарх Валсамон, кој не им дозволувал на латинските заробеници да се причестуваат од православни свештеници. И. Снѣгаровъ, *Исторія на Охридската Архіепископія, Том 1*, 276.

[67] Искоренувањето на незнабожечките остатоци и еретичките заблуди од страна на свети Климент го сочинуваат главниот дел во првите два канона. Во третиот канон, пак, поетот е вдахновен од чудотворната сила на светителот. Во секој стих од каноните се чувствува почитта на архиепископот кон свети Климента,

истакне неколку главни црти кај охридскиот светител, и тоа: а) црковно-литературната дејност на свети Климент во Охрид и Главеница, б) изнаоѓањето на нова појасна словенска азбука, и в) крштевањето на кнез Борис од страна на свети Климент. Можно е тој да е автор и на грчкото житие на свети Наум, кое претставува украсен извадок од пространото житие на свети Климент.

Од голема важност во редот на охридските архиепископи е и св. Константин Кавасила (1250-1261)[68], кој пред доаѓањето на охридскиот трон бил прво струмички епископ, а потоа и драчки митрополит. Познат е по тоа што, макар и притискан, уценуван и затворан, вршел големи усилби да го подигне угледот на својата црква во православната христијанска екумена, живеејќи во времиња на постојани војни и борби за превласт помеѓу христијанските владетели на распарчената Источна империја. За жал, историските прилики придонеле до нас да стигнат мал број податоци за животот и делото на овој значаен охридски архипастир. Свети Константин се родил во градот Драч во областа Илирик. Потекнува од благородничкиот ромејски род Кавасила, од кого произлегле истакнати личности, кои одиграле значајна улога во тогашната империја, како на политички така и на црковен план. Меѓу нив се среќаваат воени управници, аристократи и научници, епископи, монаси и црковни писатели.[69] По Константин, од семејството Кавасила ќе произлезат и други истакнати црковни личности, како што се архиепископот Солунски Нил Кавасила и неговиот внук свети Никола Кавасила Хамаетос.

Свети Константин се здобил со квалитетно образование од световните и црковните области. Околу 1220 година е ракоположен за Струмички епископ, по коешто следи се случува исклучителен духовен напредок во епархијата. Тогаш се возобновува, а потоа и континуирано расте култот на славните Петнаесет Тивериополски маченици, за кои и самиот Кавасила напишал два молебни канона,

---

нарекувајќи го „блажен", „преблажен", „преподобен", „преславен", „ангел, кој се јавил на земјата", „Божји човек", „чудотворец", „мироточив", „горешт застапник".

[68] Тој бил архиепископ за време на императорот Теодор Ласкарис II (1255-1259) и на почетокот од царувањето на императорот Михаил Палеолог (1260-1282). И. Снѣгаровъ, *Исторія на Охридската Архіепископія, Том 1*, 211.

[69] *Свети Константин Кавасила, Архиепископ Охридски, житие, богослужба и акатист* (подготвил Виктор Недески), Охрид 2015, 15-16.

кои се, впрочем, неговите први химнографски творби[70]. Забележана е активна преписка со тогашниот охридски архиепископ, Димитриј Хоматијан, кој станува негов духовен раководител и од кого добива значајни пофалби за успешното раководење со епархијата. Веројатно затоа и наскоро бил унапреден со митрополитско достоинство во градот Драч[71]. Таму останува сè до изборот за Охридски архиепископ, нешто пред 1250 година[72]. На охридската катедра доаѓа со добри сознанија за приликите во Архиепископијата, имајќи предвид дека повеќе години поминал во служба како епископ и митрополит во две нејзини епархии. Сега, пак, целосно се посветува на Охридската црква, па како продолжител на делото на охридските просветители составил еден молебен канон посветен на свети Климент Охридски (се наоѓа во службата ба светителот на 27 јули) и два во чест на свети Наум Охридски, сите во акростих[73].

Со четвртата крстоносна војна и падот на Цариград под власта на Латините, на територииte кои биле под јуриздикција на Охридската Архиепископија се создале нови држави. Токму затоа и позицијата на Охридската Архиепископија станала мошне специфична, имајќи предвид дека најголем дел од борбите за превласт помеѓу Никејското царство и Епирскиот деспотат, како и завојувањата на Српските владетели и Бугарската држава, се одвивале токму на територии кои влегувале во состав на нејзината јуриздикција. Познато е дека Охрид уште од времето на Хоматијан имал блиски врски со Епирскиот двор. Веројатно од тие причини никејскиот император Теодор Ласкарис, почнал да гледа со недоверба кон архиепископот Кавасила, сомневајќи се дека тој е соучесник и поддржувач на неговиот противник, епирскиот деспот Михаил II, па затоа во 1257 година тој ќе биде обвинет за соработка

---

[70] Илија Велев, Низ *преминот на традицијата, Книжевно-историски погледи*, Скопје, 2006, 20.

[71] Драч бил погранична област и значајно пристаниште, па затоа било природно да има луѓе од различни вероисповеди и народности (значително било присуството на Латините и Ерменците), коешто, пак, барало посебна внимателност и посветеност во пастирската работа.

[72] Не е познато дали Кавасила директно го наследил Сергеј, кој доаѓа за охридски архиепископ во 1241 година. Гледиштето дека тој е директен наследник на Хоматијан се чини неосновано. Сп. Сп. Јован Белчовски, *Црковна историја на македонскиот народ, книга прва*, 149.

[73] И. Снѣгаровъ, *История на Охридската Архиепископия, Том 1*, 281-282. Илија Велев, Низ *преминот на традицијата, Книжевно-историски погледи*, 16 и 26.

со Деспотатот, заробен и заточен во Никејскиот затвор.[74] После походот на севастократорот Јован Палеолог, тој го вратил архиепископот Кавасила на Охридскиот трон. Во тој период се случуваат преговорите за надминување на состојбите меѓу црковниот Цариград и Рим, а императорот Михаил VIII од него очекувал поддршката за склучување на Лионската унија со Латините[75]. За Кавасила, пак, бил неприфатлив секој обид за обединување со западното христијанство без претходно решавање на клучните догматски прашања, посебно учењето за Филиокве[76]. Не дочекувајќи ја неуспешната разрешница околу склучувањето на евентуална Лионска унија во 1274 година, Кавасила се упокоил во Охрид на 18 октомври и веројатно бил погребан во архиепископската гробница во Света Софија, која подоцна била уништена од Османлиите[77]. Неговото прославување започнало непосредно по неговото упокојување. Сведоштво за тоа е и наскоро по неговото упокојување насликаната фреска во црквата Пресвета Богородица – Перивлепта во Охрид, и тоа веднаш до свети Климент. Неговите фрески се наоѓаат и во олтарите на свети Јован Богослов во Канео и во храмот „Мали свети врачи“ во Охрид, а потоа и во Старо Нагоричане[78], а култот се проширил дури и до Света Гора, каде што во параклисот посветен на Претечата Господов во Протатонот на Кареја е насликан заедно со свети Еразмо, свети Климент и Теофилакт – великите охридски архипастири[79].

---

[74] *Свети Константин Кавасила, Архиепископ Охридски,* 51-52. Страдањата и тешката положба на Константин Кавасила во Никејскиот затвор се опишани во необјавената Дохијарска богослужба нему посветена, а напишана од еден негов посветен ученик.

[75] *Свети Константин Кавасила, Архиепископ Охридски,* 56.

[76] Дури и иконографската програма во повеќе храмови градени во негово време содржи композиции, кои го потврдуваат неговиот став против обединувањето. Карактеристичен пример за тоа е специфичната претставата на Света Троица во есонартексот на храмот „Панагија Кумбелидики“ во Костур, која може да се протолкува токму како борба против западното учење за происходот на Светиот Дух. На неа Отецот е претставен како единствена причина и начело на Светата Троица од кого се раѓа Синот и исходи Духот. Види: *Свети Константин Кавасила, Архиепископ Охридски,* 57.

[77] *Свети Константин Кавасила, Архиепископ Охридски,* 61-62.

[78] Цветан Грозданов, „О Св. Константину Кавасили и његовим портретима у светлу нових сазнања“, *Зборник радова Византолошког института* XLIV (2007) 313.

[79] *Свети Константин Кавасила, Архиепископ Охридски,* 69-70.

Впрочем, токму оваа фреска јасно укажува на континуитетот на значајните црковни личности од Охрид - од почетокот на христијанството, преку сесловенското просветителско дело, па сè до исклучителните личности на архиепископите, кои остануваат светол пример и за сегашните и за идните црковни пастири, како треба да ѝ се служи на Светата Црква, на својата вера, на својот народ, зашто таков е добриот „пастир, кој за своите овци ја полага душата своја“ (Јован 10, 11). И тоа е уште една потврда дека Охрид е светилиште не само што е град на цркви и свети градби, но затоа што и свети луѓе се вградени Црквата од Охрид, учители и просветители, говорници и писатели, душегрижници и служители на народот. Токму затоа може да си дозволи да биде спореден со најпочитуваниот и најсветиот град во светот и со право да се нарече „словенски Ерусалим“.

Искра Пановска-Димкова
Универзитет „Св. Кирил и Методиј“ – Скопје

ХОМОГРАФИТЕ ВО СОВРЕМЕНИОТ МАКЕДОНСКИ СТАНДАРДЕН ЈАЗИК (ЗАПОЗНАЈТЕ ЈА МИЛЕВА МИЛЕВА)

Кога велиме дека акцентот врши смисловразликувачка функција, тогаш зборуваме за хомографија во јазикот. Хомографи се зборови кои се еднакво напишани, но се со различно звучење (Паноска, 1994, 40). Хомографскиот пар е минимален пар, кој меѓусебно се разликува само по изговорот, а различниот изговор укажува на различното значење на двата збора. Појавата на хомографите се смета за карактеристика на јазиците со слободен акцент, со мелодичен акцент и/или на јазиците со нефонетски правопис (најчесто со правопис базиран на историскиот принцип). Во овие јазици акцентот или различниот фонемски состав врши дистинктивна, смисловразликувачка функција, честопати правејќи и разлика меѓу морфолошките класи. Таков е случајот со македонските источни говори, кај кои акцентот е слободен и врши дистинктивна функција во конјугацијата, на пр. *з'афатӣ* – заповеден начин, *(да) заф'атӣ* – сегашно време, *зафат'и* – минато време (Конески 1996$_1$: 113). Но стандардниот македонски јазик не претставува јазик кај кој би се очекувала појава на хомографи, со оглед на тоа што ниту еден од трите услови (слободен акцент, мелодичен акцент, нефонетски правопис) не е задоволен: акцентот во македонскиот јазик е динамичен и определен, а правописот е базиран врз фонетски принцип. Сепак, хомографи во македонскиот јазик постојат.

За разлика од хомографите, хомофони се зборови кои се пишуваат различно, а исто се изговараат. Фонетскиот принцип кој е во основата на македонскиот правопис го ограничува бројот на можни хомофони, па така тоа се мал број именки со алтернација на звучен и безвучен консонант на крајот на зборот (кои секако се изговараат безвучно), на пример: *рог̄ – рок* [rok], *луд – лӯт* [łut], *без – бес* [bes], *плод – плот̄* [płot], *тр̄уд – тр̄ӯт* [trut], и неколку случаи од типот: *со лист̄ – солист̄, меѓу народните (говори) – меѓународните (односи), по стајките – постајките* (Паноска 1994, 40-42).

Хомографите и хомофоните никогаш не се разгледуваат без укажување на нивниот однос со хомонимите. Хомонимите се дефинираат како зборови кои исто се пишуваат и исто се изговараат.

Но, во трудовите посветени на оваа проблематика, прашањето на дефинирање на хомографите и на хомофоните и нивниот однос со хомонимите, односно дали се хомоними и во која мера – дали се целосни или се делумни, дали се хомоформи итн., е доста различно третирано (Тафра 2011). Разликите се огледуваат како во дефинирањето на значењето на секоја од овие групи зборови и нивниот меѓусебен однос така и во термините кои се користат за нивно означување. Цел на овој труд е да се претстават хомографите во македонскиот јазик, па не навлегуваме и не се обидуваме да ги расплеткаме овие комплицирани односи и термини, кои се најдобро опишани во трудот на Ручимскаја посветен на оваа тема, под наслов „За различните интерпретации на соодносот на хомонимите, хомофоните и хомографите“ (Ручимскаја 2012: „О разной трактовке соотношения омонимов, омофонов, омографов“). Само за илустрација на комплицираноста на материјата, го приложуваме заклучокот што го изведува Ручимскаја, кој гласи: „Все изложенное позволяет сделать вывод, что разные авторы употребляют термины «омоним», «омофон», «омограф», имея в виду совершенно разные вещи. Сам собой напрашивается вывод о необходимости уточнения терминологии, т.к. терминологическая несогласованность (и это касается не только лингвистики) ведет к тому, что специалисты не понимают друг друга“ (Ручимскаја 2012: 51).

Пред да преминеме на хомографите во македонскиот јазик, ќе се задржиме малку на типовите хомографи кои се јавуваат во различни јазици.

1. Првиот тип хомографи претставуваат зборови кои се исто напишани, имаат ист акцент, а при изговорот добиваат различен гласовен состав, односно графемите се исти, но фонемите не се. Овие хомографи се својствени за јазиците чиј правопис е базиран на историскиот принцип. Таков тип на хомографи има во голем број во англискиот јазик: *bow* [bau] (се наведнува) vs. *bow* [bō] (панделка), *read* [rēd] (чита) – *read* [red] (прочита), *lead* [lēd] (води) – *lead* [led] (олово), *live* [liv] (живее) – *live* [līv] (жив), *dove* [dəv] (гулаб) – *dove* [dōv] (нурне минато време), сп. и во францускиот: *notions* [notjõ] (оценувавме) – *notions* [nosjõ] (познавања), *bus* [by] (пивнав) – *bus* [bys] (автобус), *but* [by] (испи) – *but* [byt] (гол именка), *sens* [sã] (чувствува) – *sens* [sãs] (правец) итн.

2. Вториот тип хомографи се зборови кои исто се пишуваат, имаат ист фонемски состав, но различен тип на акцент. Овие хомографи се својствени за јазиците со мелодичен акцент. Дистинктивниот признак може да е квантитетот на акцентот, интонацијата на акцентот или комбинација од двете нешта (Телебак 2011: 77). На пример во српскиот јазик: *grâd* (град, населено место) – *grȁd* (атмосферска појава), *lûk* (растение) – *lȕk* (лак), *skûp* (скап) – *skȕp* (собир) итн.

3. Третиот тип хомографи имаат различно место на акцентот што предизвикува и различен фонемски состав. Овие хомографи се карактеристични повторно за јазиците со правопис базиран врз историскиот принцип (англиски, француски), но и за некои јазици со слободен акцент, како што е рускиот. На пример: англиски: *r'ecord* [r'ekord] (досие, рекорд) – *rec'ord* [rik'ord] (снима), *pr'esent* [pr'ezent] (подарок) – *pres'ent* [priz'ent] (претставува), француски: *c'ontent* [c'õt] (раскажуваат) – *cont'ent* [cõt'ã] (задоволен), *négl'igent* [negl'iʒ] (запоставуваат) – *néglig'ent* [negliʒ'ã] (непедантен), руски: *сто̄'оить̄* [st'oit] (чини, цена) – *сто̄'ить̄* [sta'it] (стои), *хл'опок* [xl'opak] (памук), *хлоп'ок* [xlap'ok] (плесок), *зд'оровo* [zd'orava] (одлично) – *здор'ово* [zdar'ova] (поздрав) и др.

4. И последниот тип хомографи, на кои особено ќе се задржиме, се зборовите кои исто се пишуваат, имаат ист фонемски состав, имаат ист тип на акцент, но местото на акцентот е различно, што значи дека смислоразликувачката функција ја врши акцентот. Такви двојки зборови има особено многу во јазиците со слободен акцент.

Англиски: *c'onduct* (однесување) – *cond'uct* (води, изведува), *inv'alid* (неважечки) – *'invalid* (инвалид), *c'ombine* (комбајн) – *comb'ine* (комбинира) итн. На пример, во рускиот јазик: *в'ести* (вести) – *вести'* (води некого), *пл'ачу* (плачам) – *плач'у* (плаќам), итн. Шпански: *f'abrica* (фабрика) – *fabr'ica* (произведува), *p'apa* (папа) – *pap'a* (тато). Словенечки: *b'olnica* (болница) – *boln'ica* (болна) итн.

Како јазик со определен акцент, македонскиот не спаѓа во јазиците кои би биле „склони“ на појава на хомографи. Но и во македонскиот јазик може да се најдат определен број хомографи, кај кои местото на акцентот ја врши смислоразликувачката функција, а како резултат на постоењето на т.н. отстапувања од третосложното акцентирање. Отстапување од третосложното акцентирање во

македонскиот јазик има и кај домашните и кај туѓите зборови, како и кај проклитичките изрази. Тоа се следниве случаи:

1. Отстапување од третосложното акцентирање кај домашните зборови.

а) Првиот случај на отстапување кај домашните зборови се јавува кај три групи зборови, кои претставуваат исклучоци од третосложното акцентирање на планот на синхронијата, но не и на планот на дијахронијата. Тие се:

- глаголскиот прилог: *од'ејќи, сп̄и'ејќи, орг̄анизир'ајќи*;
- прилозите за време: *зим'ава, лет̄'ово, г̄один'ава*;
- именките од турско потекло што завршуваат на *-ана: ап̄с'ана, т̄оп̄'ана, т̄арап̄'ана*.

На дијахрониски план овие зборови не се исклучоци, односно оригинално акцентот им бил на третиот слог. Станува збор за контракција на два вокала во еден, односно контракција на вториот и третиот слог во еден, при што акцентот не го променил своето место, па останал на вториот (историски трет) слог од крајот на зборот: *сак'аешт̄и > сак'аеќи > сак'ајќи*; *г̄один'а_ова > г̄один'а_ава > г̄один'ава*; *ап̄с'ахана > ап̄с'аана > ап̄с'ана* (Конески 1996$_2$: 142-144).

б) Вториот случај на отстапување од третосложното акцентирање кај домашните зборови се јавува кај некои сложенки каде што акцентот останува на вториот дел од сложенката, па ако е таа двосложна – акцентот се наоѓа на вториот слог од крајот[80]: *п̄олуд'есно, п̄олу'остр̄ов, североз'ап̄ад, свет̄лоц̧'рвен.* Најчесто, кога вториот дел од сложенката е еднослоен, акцентот се префрла на третиот слог (*п̄'олукат̄, св'ет̄лосин*), но, во ретки случаи може и да остане на последниот слог: *црвенок'ос, свет̄лож'олт̄*.

в) Отстапувања има и кај сопствените именки, на пример кај личните имиња: *Ир'ена, Мат̄'еа, Мил'ева* и др., потоа презимиња: *Бет̄'ински, Коч'ишки, Дрвош'анов, Филдиш'евски* итн.

2. Отстапувања од третосложното акцентирање кај зборовите од туѓо потекло. Туѓите зборови, главно од интернационалната лексика, се преземаат во македонскиот јазик со оригиналниот акцент или со акцентот од јазикот од кој е преземен зборот. Интернационалната лексика има тенденција да се вклопи во

[80] Во разговорниот јазик се слуша и изговор од типот: *раков'одст̄во, земјод'елст̄во, очев'идец,* итн., но овој акцент се смета за неправилен.

македонскиот акцентски систем, па оттука постојат три типа на акцентирање на туѓите зборови:

а) зборови со неадаптиран, оригинален акцент, кај кои акцентот може да биде на првиот или на вториот слог од крајот на зборот (последен или претпоследен слог): *плат'о, деп'о*, *телеф'он, велосип'ед, филол'ог*; *материј'ален, лект'ира, реал'изам, тер'аса, организ'ира, култ'ура* итн.;

б) зборови во фаза на адаптирање, што значи дека тие можат да се изговорат и со оригиналниот акцент, но и приспособени кон третосложното акцентирање: *б'иф'е, р'еш'о, п'ер'он* и др. Процесот на адаптација на овие зборови оди побрзо отколку што нормата успева да го следи, па така постојат и зборови кои веќе често се слушаат со акцент на третиот слог, а правописот сè уште ги нема обележано како такви, на пример: *'автобус, н'иво, р'ели, кл'ише* и др.[81]

в) зборови целосно адаптирани кон македонскиот акцентски систем: *пол'итика, к'ино, т'орзо, т'абу, н'ервира* и др.

3. Отстапувања од третосложното акцентирање кај клитичките изрази.

а) Акцентот не се префрла врз проклитиката во следниве случаи:

– кратка заменска форма + глагол: *ме_в'иде, си_се_см'еат, им_д'аде*;

– честица + глагол: *ќе_д'ојде, да_м'ожам, би_р'екле*;

– заменка (релативна употреба) + глагол: *каде_д'ојде, човекот што_р'ече;*

– сврзник + акцентоген збор: *дојде и_з'еде сè, мажот и_ж'ената, рече дека_з'ел* итн.

б) Во составите предлог + именка, акцентот не се префрла врз предлогот ако предлогот е со вторично значење: *од_зл'ато, за_п'ари, до_'утре, без_м'ака* итн. (за разлика од случаите кога предлогот е со своето основно пространствено значење: *'од_дрво, з'а_глава, н'а_гости, д'о_врата*). Предлогот *со* никогаш не го зема акцентот во состав со именка: *со_тр'уд, со_к'ола*. Акцентот исто така не паѓа врз предлогот ако е именката членувана: *до_пр'агот*.

---

81 Тука спаѓа и името на една скопска општина: *Аеродром*, кое се изговара со акцент на *а*, но не станува збор за акцент на четвртиот слог, туку станува збор за претходна контракција на третиот и четвртиот слог во еден: *а + е = ај* и потоа третосложен акцент: *'ајродром*. Оттука, овој збор, бидејќи не може да се напише со *ј*, а акцент на четвртиот слог нема во македонскиот јазик, ќе мора да остане со акцент на последниот слог, односно првиот од крајот: *Аеродр'ом.*

в) Отстапувања од третосложното акцентирање кај проклитичките изрази (освен случаите кога акцентот не се префрла врз проклитиката) има и во некои случаи кога акцентот се префрла врз проклитиката, но наместо на третиот, паѓа на вториот слог. Такви отстапувања главно се прават кога акцентогениот збор е еднослоген, па акцентот останува на вториот слог за да има симетрија со изразите кога акцентогениот збор е двослоген. Таков е примерот со предлозите *пре̄ку, ме̄ѓу, околу, по̄крај* + еднослојна именка: *пре̄к'у_ред, пре̄к'у_sид* (симетрија со: *пре̄к'у_река*), *ме̄ѓ'у_нас, окол'у_нив, по̄кр'ај_нас* итн. Такви се случаите и со негација кога глаголот е еднослоген: на пример може и *н'е_го̄_зел*, но и *не_го̄'о_зел* (симетрија со: *не_го̄'о_зеде*), но само *не_му_го̄'о_зел, не_ѝ_ј'а_дал* (симетрија со: *не_ѝ_ј'а_даде*).

Од прегледот можеме да заклучиме дека отстапувањето од третосложното акцентирање и не е толку ретка појава, а како резултат на тоа, се отвора можноста збор со третосложен акцент да направи минимален пар со збор со акцент на вториот (или на првиот) слог од крајот и на тој начин да се создаде хомографска двојка. За целите на овој труд, ние под хомографи ќе ги подразбираме токму овие парови: ист фонемски состав и иста пишана форма, а различен акцент. Поточно, под хомографи ќе подразбираме минимални парови чиј единствен дистинктивен признак при изговорот е акцентот. Притоа, нагласуваме дека кај одделните зборови најчесто станува збор за хомоформи, односно графиското поклопување е само со една форма на некој збор. Хомографите ѝ припаѓаат на сферата на говорениот јазик, па во таа смисла примерите што следуваат се сфатени малку пошироко од строгиот стандард, односно му припаѓаат на културниот разговорен идиом. Интерпункциските и правописните знаци нема да ги земаме предвид како дистинктивност зашто тргнуваме од изговорот.

1. Хомографи кај одделни зборови.

а) Хомографи кај домашните зборови се прилозите за време со акцент на вториот слог наспрема именките со членска наставка со корен *в*: *веч'ерава – вечер'ава, го̄д'инава – го̄дин'ава, з'имава – зим'ава, л'е̄тово – ле̄т'ово, нед'елава – недел'ава*. Првите одговараат на прашањето *кој?, што̄?* зашто се именки, а вторите одговараат на прашањето *ко̄га?* Во реченицата, на именката ѝ се придружува придавка: *З'имава*

е ст̄удена. (*кој? што?*), а на прилогот прилог: *Зим'ава е ст̄удено* (*ко̄га?*). Еден од тестовите за да определиме за кое значење станува збор е да се обидеме да ставиме кратка заменска форма за индиректен предмет по хомографот зашто таа може да се стави само зад именката: *Год'инава ми беше усп̄ешна, Нед'елава му беше мно̄гу на̄порна*.

б) Друг тип хомографи кај домашните зборови прават именките од женски род со суфиксот *-'ана* со акцент на вториот слог (од турско потекло) наспрема именки членувани со членот *-на*: *к'ӯглана* (топка за куглање, именка со член *-на*: *к'ӯгла, к'ӯглана*) – *кӯгл'ана* (место за куглање, нечленувана именка), *п̄'илана – п̄ил'ана, ш̄'улана – ш̄ул'ана, ц'ӣглана – цӣгл'ана*.

б) Најголемиот број хомографи, сепак, се создаваат кога ќе дојде до случајно поклопување, обично на завршокот, кај домашен збор и збор од туѓо потекло. Тоа најчесто се случува доколку зборот од туѓо потекло завршува на *-ш̄та*, па може да дојде до хомографија со домашна именка од женски род членувана со наставката *-ш̄та*: *к'амата – кам'ата, к'антата – кант̄'ата, кр'ават̄а – крав'ата, с'алата – сал'ата, ш̄'окаш̄а – ш̄ок'ата*, или со придавка ж.р. со членска наставка *-ш̄та*: *п̄р'остата – прост̄'ата.* Други завршоци: на пример, поклопување на именка со глаголска или одглаголска придавка: *вс'елена* (глаголска придавка ж.р. од глаголот *всели*) – *всел'ена* (именка ж.р.), *п̄'ијано* (придавка ср. р. или прилог за начин) – *п̄ијано* (именка ср. р.). Хомографски парови од глагол со акцент на третиот слог наспрема именка со оригинален акцент се случаите кога има поклопување со завршокот на глаголската *л*-форма: *г̄'азела* (глаголска *л*-форма ж.р.) – *г̄аз'ела* (именка ж. р. – вид животно), *к'анела* (од глаголот *кани*) – *кан'ела* (вид зачин), *м'орал* (од глаголот *мора*) – *мор'ал* (систем на правила за однесување), но и други завршоци: *н'ат̄ура* (глагол) – *нат̄'ура* (именка), *б'иде* (глагол од свршен вид) – *бид'е* (именка). Кај хомографите *с'екира – сек'ира*, именката е со акцент на третиот, а глаголот со акцент на вториот слог. Во оваа група би можеле да ги сместиме и примерите од типот: *'идеа* (имперфект 3 л. мн. од глаголот *иде*) – *ид'еја* (именка ж.р.), *ш̄'урнеа* (имперфект 3 л. мн. од *ш̄урне*) – *ш̄урн'еја* (именка ж.р.) бидејќи *ј* во зборовите *идеја* и *ш̄урнеја* е фонетско, нефункционално (Правопис 2017: 10). И двата збора имаат ист фонемски состав, односно кога

акцентот би бил на исто место, во изговорот не би се направила разлика меѓу нив.

в) Постојат определен број случаи и кога два збора од туѓо потекло прават хомографски пар: *р'озе* (розова боја) – *роз'е* (вино), *к'афе* (пијалак, растение) – *каф'е* (кафуле) (сега за сега само како втора компонента од називите на некои кафулиња: *Ла каф'е, Блу каф'е, Броз каф'е), м'етро* (направа за мерење; метар разговорно) – *метр'о* (превозно средство), *м'акро* (префикс со значење голем, огромен) – *макр'о* (подведувач), *р'екет* (криминал, изнудување) – *рек'ет* (спортски реквизит), *комт'аниja* (вид на претпријатие) – *комтан'ија* (детска игра).

г) Хомографи се јавуваат и кај сопствените именки. Тука спаѓа опозицијата машко наспрема женско лично име (со нефункционално *ј*): *М'атеја* (машко име) – *Мат'е(ј)а* (женско име), *'Андреја* (машко име) – *Андр'е(ј)а* (женско име), а еден случај најдовме и на дистинкција меѓу женско име и презиме: *М'илева* (презиме) – *Мил'ева* (име) (Теоретски може некое женско лице да се вика и да се презива исто: *Мил'ева М'илева*). Хомографи се јавуваат и кај опозицијата општа наспрема сопствена именка, со тоа што општата е со третосложен акцент, а сопствената, од туѓо потекло, е со оригиналниот акцент: *бл'изу* (прилог за место) – *Близ'у* (име на компанија), *м'отиви* (именка м.р. мн.) – *Мот'иви* (име на компанија), *б'ордо* (боја) – *Борд'о* (град), но обратно е во случајот *П'ано* (машко лично име) – *пан'о* (ограничена површина што служи за нешто). Тука спаѓаат и хомографите *аеродр'ом* (место за полетување и слетување на авиони) – *'Аеродром* (општина во Скопје), со тоа што во вториот случај станува збор за контракција при изговорот на два слога во еден (*а + е = аj*), што значи дека акцентот паѓа на третиот слог (изговор: *'ајродром*).

2. Хомографи кај проклитичките изрази

а) Хомографи се јавуваат кај проклитичките изрази со заменките *кој (кого, кому)* и *што* или со прилогот *кога*. Во тие случаи, до колку акцентот се префрли врз клитиката (заменката, заменскиот прилог), се добива прашање, а до колку остане на акцентогениот збор – се добива сврзник, сврзувачки збор во релативна или временска зависна реченица. На пример: *ког'а_gојде?* (прашање) – *кога_g'ојде*

(временска зависна дел-реченица: *Кога̄_g'ојде, веднаш се фати за работа.*), *кога̄_г'о_виде? – кога̄_го_в'иде, к'ој_gојде?* (прашање) – *кој_g'ојде* (релативна дел-реченица: *Човеко̄т кој_g'ојде вчера ми е по̄знат.*), *кому_му_ј'а_gаде? – кому_му_ја_g'аде* (*Ма̄ртин, кому_му_ја_g'аде кнӣга̄та, рече...*), *што̄_о_рече? (Девојка̄та што̄_о_рече?) – што̄_р'ече (Девојка̄та што̄_р'ече дека ќе gојде, нӣgде ја нема.)* и др.[82]

б) Во хомографи ги вбројуваме и паровите со негација наспрема кратка заменска форма за 1 л. мн. за директен предмет и глагол. Иако во пишаната форма тука се јавува надреден знак, за хомографи ги сметаме поради фактот што само акцентот е тој што го одредува значењето на говорениот исказ: *н'е_виде – нè_в'иде, н'е_г̄лега – нè_г̄л'ега, н'е_сака – нè_с'ака, н'е_збори – нè_зб'ори* итн.

в) Хомографи се добиваат и кај проклитичките изрази составени од предлог + нечленувана именка, при што акцентот се префрла врз предлогот кога е тој со своето основно пространствено значење, а не се префрла кога е со друго значење: *з'а_г̄лава* (се фати) – *за_г̄л'ава* (апче, повисок), *з'а_раце* (се фатија) – *за_р'аце* (крем), *з'а_фуста̄н* (ја држи) – *за_ф'уста̄н* (материјал), *з'а_очи* (се фатија) – *за_'очи* (капки), *з'а_коса* (ја фати) – *за_к'оса* (шампон, пена), *н'а_штӯн* (оди) – *на_ш'тӯн* (мириса), *н'а_г̄ости* (оди) – *на_г̄'ости* (им даваме само на гости на хотелот), *'од_дрво* (падна, слезе) – *од_g'рво* (направено), *'од_коњ* (слезе) – *од_к'оњ* (месо), *по̄'о_г̄лава* (го удри) – *по̄_г̄л'ава* (на жител) и др.

г) Иако различно се пишуваат (одвоено и споено), со ист гласовен состав се и некои изрази со прв дел сврзник или, почесто, предлог наспрема префиксиран збор: *и_з'еде – 'изеде, и_сп̄'ие – 'испие, по̄_н'ово* (по ново чини 2000 денари) – *п̄'оново* (ова палто е поново од тоа), *по̄_ст̄'аро – п̄'остаро, по̄_м'алку – п̄'омалку, по̄_ш̄'оа – п̄'ошоа, за_ш̄'оа – з'ашоа* и др.

---

[82] И во говорите каде што нема акцентски целости или тие не се толку чести, како на пример во скопскиот, хомографи ќе се појават на начин што кај прашањето акцентирани се и прашалниот збор и глаголот, а кај релативната/временската употреба, акцентиран е само глаголот: *к'ога g'ојде* (прашање) – *кога̄_g'ојде* (временска реченица), *к'ој му_р'ече* (прашање) – *кој_му_р'ече* (релативна реченица) (види точка *g*).

д) За хомографи ги сметаме и случаите на акцентогеност наспрема неакцентогеност, односно случаите кога еден збор функционира како клитика наспрема како збор носител на акцент, со што изразот добива различно значење. Во овие случаи, во едниот хомограф клитиката е таква што не го зема акцентот врз себе (освен негацијата, в. подолу), односно акцентот останува врз единствениот акцентоген збор, додека во вториот хомограф постојат два акцентогени збора. Такви се случаите со сврзникот *ако*: условното *ако* не е акцентирано, а допусното *ако* е. На пр.: *'ако с'акаш* (и покрај тоа што сакаш, иако сакаш) – *ако_с'акаш* (условно *ако*), *'ако ме_к'анаш̄* (не одам!) – *ако_ме_к'анаш̄* (ќе одам). Вакви хомографи се јавуваат и со општата заменка *сѐ* која е акцентоген збор наспрема повратната заменка *се* која е клитика: *с'ѐ 'изми – се_'изми, с'ѐ ср'еди – се_ср'еди, с'ѐ с'акаа̄ш̄ – се_с'акаа̄ш̄* итн. Истиот случај на хомографија го има и со честиците за потврдување и одрекување: *да* и *не*. Честицата *да* за потврдување е акцентирана, а се опонира со сврзникот *да* кој не е акцентиран: *д'а, д'ојде – да_д'ојде, д'а, м'ожам – да_м'ожам*. Негацијата е и во двата случаја честица, но кога е акцентоген збор, негира некое претходно тврдење, а реченицата што иде по неа е потврдна, додека кога е клитика, го зема акцентот врз себе и се вклучува во одречна реченица (го негира глаголот): *н'е, м'ожам – н'е_можам, н'е, б'еше – н'е_беше, н'е, 'учи – н'е_учи.*

Да заклучиме: и покрај тоа што стандардниот македонски јазик не ги исполнува условите за појава на хомографи – акцентот му е динамичен и определен, а правописот е базиран на фонетски принцип – сепак се јавуваат извесен број хомографи и тоа и на рамништето на одделните зборови и на рамништето на клитичките изрази.

Тоа го овозможуваат примерите со нетретосложно акцентирање, т.н. отстапувања, кои на нивото на одделните зборови се огледуваат во примери кои денес се со акцент на вториот слог, а историски гледано не претставувале отстапувања и, најмногу, кај зборовите од туѓо потекло, кои иако имаат тенденција за приклонување кон македонскиот акцентски систем и поместување на акцентот кон третиот слог, сепак во голема мера се останати со оригиналниот нетретосложен акцент.

За разлика од хомографите кај одделните зборови кои сепак претставуваат едно донекаде затворено множество зборови, хомографијата кај клитичките изрази е отворено множество. Таму

постојат хомографски структури кои може да се пополнуваат со различни глаголи. На пример: *кој* акцентирано е прашална заменка, а *кој* неакцентирано е релативна заменка, а по него може да дојде отворено множество глаголи; негацијата како акцентоген збор воведува потврдна реченица, а како клитика припаѓа на одречна реченица итн. Освен тоа, некои хомографски проклитички изрази може да дојдат во ист контекст во реална говорна ситуација, па единствено акцентот е тој што ја врши смислоразликувачката функција: *Ста̄вај по̄ малку! – Ста̄вај по̄малку!; Сѐ измив. – Се измив.*

Прашањата кои овде ги претставивме обично не претставуваат проблем при изговорот за македонските родени говорители, но претставуваат предизвик за странците кои го изучуваат македонскиот јазик, па тие треба на овие прашања да им обрнат внимание со цел да ги избегнат евентуалните недоразбирања.

За крај една мала акцентска гимнастика со четирите хомографи составени од трите зборчиња: *не, не* и *бива*:

Не нѐ бива. → *не_н'е_бива*
Не, нѐ бива. → *н'е не_б'ива*
Не, не бива. → *н'е н'е_бива*
Не, не, бива! → *н'е н'е б'ива*

Користена литература:

Виноградов В.В. 1960. Об омонимии и смежных явлениях. *Вопросы языкознания*. № 5. 3-17.

Конески, Б. 1996$_1$. *Историја на македонскиот јазик*. Скопје: Детска радост.

Конески, Б. 1996$_2$. *Граматика на македонскиот литературен јазик*. Скопје: Детска радост.

Минова-Ѓуркова, Л. 1994. *Синтакса на македонскиот стандарден јазик*. Скопје: Радинг.

Минова-Ѓуркова, Л. 2003. *Стилистика на современиот македонски јазик*. Скопје, Магор.

Николовска, В. 2012. *Македонски јазик со култура на изразувањето*. Универзитет „Гоце Делчев“, Штип.

Паноска, Р. 1994. *Современ македонски јазик*. Универзитет „Св. Кирил и Методиј“, Скопје.

Пердих 2016 – Perdih, A. 2016. Splošni razlagalni slovarji slovanskih jezikov. Ljubljana: Založba ZRC, ZRC SAZU.

Правопис на македонскиот јазик (второ издание). 2017. Институт за македонски јазик „Крсте Мисирков“ – Култура, Скопје.

Ручимская, Е.М. 2012. О разной трактовке соотношения омонимов, омофонов, омографов. *Русская речь*, 3. 47-52.

Тафра 2011 – Tafra, B. 2011. Istopisnice i istoslovnice u hrvatskom jeziku. *Slavenski jezici u usporedbi s hrvatskim 11. Zagreb: FF press, Filozofski fakultet. 173-180.*

Телебак, М. 2011. *Правоговор.* Нови Сад: Прометеј.

Проф. д-р Илија Велев

ЦИВИЛИЗАЦИСКИТЕ СУПСТРАТИ ВО МАКЕДОНСКИОТ КУЛТУРНОИСТОРИСКИ ИДЕНТИТЕТ

Името на народот, на јазикот, на посебноста на фолклорот или на културната традиција се основните атрибути на кој и да е современ национален идентитет, при што следствено истите го афирмираат, го идентификуваат или го потврдуваат и современиот актуелен македонски национален идентитет. Но историските воени и политички контраверзи од стратешките пресметувања и апетити на разни империјални, експанзионистички или на друг вид хегемонистички интереси кон своевидниот феномен МАКЕДОНИЈА, последователно со векови го раскопувале плодното цивилизациско тло на македонскиот простор. Тоа предизвикувало, а за жал и сè уште предизвикува, македонското национално прашање повремено да се држи отворено. Често кога имало обиди за негово политичко неутрализирање, разрешницата се барала во притемнувањето или во асимилацијата на македонскиот културен и национален идентитет. Судбината на честото запретување или отпретување на македонскиот феномен како да ги напластил обидите низ историјата и во нашава сегашност да се прогонуваат пророштвата за Македонците од Библијата и од митовите, но истовремено и да се оневозможува истрајноста на историскиот, духовниот и на културниот формат во македонското национално себепрепознавање и себеидентификување. Тенденцијата секогаш била иста, повремено да се овозможува политичко реализирање на идеите историографијата и филозофијата да го притемнуваат цивилизациското премостување меѓу класичниот хеленоцентризам и древната македонска глобализација, за да се избришат импресиите од цивилизациското претставување за еднаквоста на народите и на културите во функционирањето на новиот концепт на глобалниот евопоцентризам. Ваквите историски и политички односи станале воспоставено правило на општествената сцена за доминација при секој изграден глобален поредок, почнувајќи од римската или од византиската глобална култура и продолжувајќи натаму во наредните цивилизациски подредувања во Југоисточна Европа и на Балканот при функционирањето на проникнувањата на просветителските или на преродбенските национални импресии во Турско-османската Империја, по Балканските војни или по Првата светска војна. За жал, ете и во

најновиот светски поредок на глобалната сцена кога се афирмира културното прелевање на народите, повторно се активира отворањето на македонското прашање дури веќе и по седум децениското афирмирање и потврдување на македонската национална државност, јазик, фолклор, култура и вековна традиција. Иронијата е уште поголема што решенијата се наметнуваат однадвор од моќните политички и воени влијанија во веќе конституирана самостојна македонска национална држава (како матична за сите Македонци), кога единствено на нас како етнитет ни се наметнува домашна задача ние самите да ја актуелизираме промената на македонскиот национален и културен идентитет. Отпорот кон ваквото наметнувано влијание однадвор како да се обидуваме да го артикулираме единствено преку објаснувањата на македонските процеси од поблиското историско воено-политичко минато. Со тоа се допушта поширок простор потврдата на македонскиот национален и културен идентитет да им се подреди исклучително на политичката волја или на моќта на политичкиот диктат. Очигледно е дека насоката на актуелново македонско национално потврдување и афирмација треба да се упатува во македонскиот духовен и културноисториски идентитет, каде што изворно и јасно се препознава будењето на историската и на современата македонска национална свест. Таму најдоследно како македонска совест е сочувана националната смисла што упатува недвосмислена порака за етногенезата на Македонците и на македонскиот културноисториски идентитет.

* * *

Проследувањето на феноменот на посебните културноисториски идентитети во глобалниот контекст на човековото опстојување од неговото историско проникнување, па сè до современите оформени национални колективитети, едноставно мора да се сообразува со процесите на цивилизациското прелевање од една во друга епоха, или од еден до друг социолошки и културолошки амбиент во времињата што поминале. Всушност, назад низ вековите во која и да е географска средина се премостувале повеќе основоположени цивилизации и култури, а притоа секоја од нив оставала своевиден супстрат како непресушен извор од кој современите национални традиции (меѓу кои и македонската) го напојуваат сопствениот културноисториски и национален идентитет. Конкретно на Балканот и пошироко во Југоисточна Европа овој процес на цивилизациско прелевање имал историски континуитет од антиката (хеленизмот и класичниот македонизам), преку

римолатинското и византискохристијанското глобално општество, па сè до втемелувањето и до афирмацијата на словенската цивилизациска свест за духовно и културно себеидентификување и себепрепознавање со словенскиот колективитет.

Затоа и од современа дистанца на толкување, кога сме сведоци дека и нашата генерација феноменолошки повторно ја актуелизира глобализацијата како единствен можен начин за културно прелевање меѓу народите во новите процеси на интеграции, секоја национална традиција треба да се поместува во рамките на заедничките империски конгломерати од минатото како општи цивилизациски придобивки на глобалните културноисториски процеси. Оттука и ниедна современа национална културноисториска традиција не може да претендира да е единствен наследник на определен глобален културноисториски супстрат (хеленистичкиот, римскиот, византискиот и сл.) и не треба единствено таа да се напојува од определен историски протечен цивилизациски извор. Токму и споменатите потреби на времињата за непосредни духовни препознавања и културни прелевања меѓу народите предизвикуваат македонската духовна и културна традиција да се поместува во границите на општите цивилизациски придобивки во рамките на глобалните културноисториски процеси што се одвивале низ историјата на македонскиот простор. Ваквиот социолошки и културолошки феномен треба да ја определи рамката за континуитетот на македонскиот културноисториски развој со древномакедонското творечко наследство во класичнохеленистички супстрат, со римолатинската или со византиската културна историја, како и со културноисториските искуства на општословенскиот колективитет.

Во тој контекст напоменуваме дека, недоволната посветеност кон значењето на глобалните цивилизациски и културолошки интроспекции придонесе сè до поново време истражувањата за културноисториските процеси на просторот на Македонија да се одвиваат во ограничени периодични рамки, зашто и претставата за нив се формираше паушално и со недоволна упатеност за развојниот континуитет во глобален контекст. Повремено дури и сè уште отсуствува чувството за контекстот и за значењето на глобалните и на општоцивилизациските интеркултурни историски процеси. Тоа резултира да се задржуваат анахроните, асимилаторските и идеолошко-политизираните пристапи на научно проследување. Во моментите кога се пренагласува доминацијата на значењето на

словенскиот колективитет за себепрепознавање и себеидентификување меѓу современиве Македонци, почетоците на историскиот развој на македонскиот културен и национален идентитет се бараат во дејноста на св. Кирил и Методиј, а особено континуитетот на нејзиниот творечки растеж почнува да се проследува од делата на нивните најистакнати ученици и следбеници - св. Климент и Наум Охридски, основоположниците на Охридската духовна и книжевна школа и протагонисти за ширење на словенска цивилизациска свест во Македонија. Но во случајот кога нема да се занемаруваат аспектите што произлегуваат од суштината и од карактерот на феноменот произлезен од процесите на цивилизациско прелевање во македонскиот културноисториски идентитет, тогаш ќе биде сосема јасно дека треба да се имаат предвид уште духовните и културните традиции што се одвивале како глобално искуство меѓу домородното население и пред кирилометодиевскиот период, односно во класичноантичкиот и во ранохристијанскиот - а истите останале како супстрати во македонскиот културноисториски идентитет. Историографски е засведочено дека македонскиот простор отсекогаш важел како изворен центар на Балканот и во Југоисточна Европа, од каде што се активирала дисперзијата и премостувањето на влијателните цивилизациски трансформации низ различните епохи. Токму тргнувајќи од ваквиот истражувачки дефицит во културната историографија пред погледот на цивилизациските крстопати се укажува на потребата, континуитетот на македонскиот културноисториски развој да се проследува постапно преку симбиозите на повеќе цивилизациски суспстрати и сè до кирилометодиевската или светиклиментовата традиција, кога се афирмирала цивилизациската свест за припадност на словенскиот колективитет. Впрочем, ваквиот феномен претставува конгломерат од интроспекцијата на цивилизациските искуства кај сите современи народи и национални културни традиции.

Вака произнесената општа тема за проследување на феноменот национален културноисториски идентитет на прв поглед може да се сфати како ангажирано поставен проблем, којшто се манифестира во функција на претенциозна мотивираност од актуелнава политичка ситуација кога сè уште се изнудува потврдување на македонскиот индивидуалитет во сите развојни фази од неговото опстојување. Но современите процеси за градење глобален свет со заедничка архитектура, каде што се вградуваат традициите на секој народ посебно и со кои доаѓа до израз спектарот

на културното прелевање меѓу народите, едноставно ја наметнува ваквата тема како важна, актуелна и приоритетна. Токму тргнувајќи од ваквата современа позиција, неизбежно е во градењето и во развојот на општите цивилизациски рамки што претстојат во европоцентристичкиот културен амбиент да се актуелизира проблемот за статусот на националните културни идентитети во историско-традиционалниот контекст. Особено ваквиот своевиден феномен е интересен за проследување кога станува збор за македонскиот културноисториски идентитет, којшто егзистирал во услови на континуирани присвојувања од различни освојувачи низ вековите - без континуиран историски сопствен државен апарат на функционирање. Во моментов, за нас Македонците, тоа е суштествено зашто живееме во сопствена современа држава што преку своите академски, научни па дури и политички институции не успева (а и доволно не прави) да ги анимира националните традиции како културен влог во европската интеграција меѓу народите. Затоа и само за нас во Македонија се актуелни дебатирањата, колку македонскиот културноисториски идентитет има право да се напојува од античката класичномакедонска традиција, а колку од словенската цивилизација и култура. Следствено од една страна сè уште како да се истражува по смислата да се докаже сопствениот идентитет, а се оди и во крајноста, пак, вниманието да се насочува кон врамувањето на социолошката и на културната форма за препознавањето на македонската нација (која, за жал, и денес е предмет на политичко договарање за потврдување или за делегитимирање на нејзиниот посебен национален индивидуалитет). Сепак, треба да се има предвид дека во универзалната, во космополитската и во хуманистичката димензија на современово општество во кое живееме едноставно е беспредметно и е недозволено да се попречува афирмацијата на вредностите на осознаената македонска историја, култура, јазик и на македонскиот национален идентитет. Особено ваквиот чин е несвојствен кога тие се оспоруваат со политички средства на кое и да е соседско или регионално ниво од политичкото влијание. На тоа се спротивставуваат македонските културни вредности што се посебен и автохтон потврден дел од општите цивилизациски придобивки и нив можат да ги третираат само академски, научни и културни институции. Но за жал дури и во современово општество сè уште имаат влијанија политичките рецидиви од минатото на Балканот да се подредат Македонците во незавидна национална положба на

својот етнички простор, а со тенденција да се принудат на себедистанцирање од сопствениот духовен, културен и национален идентитет. Се оди и до таму при обидите за политичко поттикнување при себепрепознавањето и себеидентификувањето да се самопреименуваме и да се самоискорениме од македонскиот културноисториски идентитет, чиишто корења длабоко се вкоренети преку сите цивилизациски слоеви во историската меморија. Ваквата антихуманистичка контраверза за современово време во кое ние како генерација живееме пред сѐ се должи на историската позиција на Македонија која била отворен простор за завладејување скоро од сите соседи, при што тоа резултирало таа да не успее да промовира сопствена конституирана државна територија и често била во стегите на повеќе туѓи државни протекторати. Токму поради тоа преку поствизантиските просветителски и национално преродбенски идеи меѓу народите на Балканот, Македонците се вклучувале спонтано во одот по мрачните ходници на себепрепознавањето - најчесто губејќи ја насоката на национално освестување кон една, втора, трета или четврта националасимилаторска маршута. Тоа придонесе истражувачите од средините на секој историски завојувач на Македонија самоволно да преименуваат делови од македонскиот културноисториски идентитет како бугарски, грчки или српски - а иронијата да е уште поголема, значи ли тоа кога македонскиот простор бил завојуван од страна на Турскоосманската Империја, тогаш дали овој скоро петвековен периодичен културноисториски идентитет е т у р с к и? Ваквите своевидни асимилаторски доктрини се актуелни и во нашево современие кога се има предвид критериумот на државноста при определувањето на националниот карактер на културните истории. Притоа се заборава на основното социолошко и феноменолошко начело дека, освојувачите на определен туѓ национален простор по нивното повлекување имаат право да претендираат на дел од воената историја, но не и да присвојуваат делови од традициите создавани од домородниот духовен и културен извор - во случајов македонскиот.

Во секој случај треба да се има предвид фактот дека не може лесно да се раскопа сиот наталожен историски пласт со контраверзи на искуствата и на вредностите создавани од народите на Балканот. Токму балканските народи живееле низ историјата преточена со глобалните искуства, зашто имале заедничка судбина да се наоѓаат во составите на повеќе големи империи (античкомакедонската, римската, византиската, турскоосманлиската, или и со последното

историско искуство во југословенската федерација), па овој историски феномен ги поставувал нивните културни и јазични традиции да траат и да опстојуваат: едни до други и едни со други. Но од современа дистанца на проследување низ историскиот развој секој културен и јазичен идентитет може да се распознава како посебен придонес во надополнувањата на општите цивилизациски постигнувања, а тоа ќе помага современиве народи да се распознаваат едни со други и да ги надополнуваат заедничките духовни импресии едни од други. Националниот културен белег што македонскиот народ го наследил и со себе го носи како сопствена препознатлива традиција во современоста не може да се отуѓува или да се посвојува и присвојува, зашто овој феномен претставува јасно препознатливо средство за потврдување на етничката самобитност и припадност. Таму се наоѓа и индивидуалното чувство на денешниот Македонец како поединец дека не е сам во личниот идентитет, зашто него го придружуваат колективните спомени за сопственото поколение. Ваквата културна или традиционална меморија изградила заедничко споделено место на македонскиот национален колектив, каде што се испреплетуваат традицијата и современоста.

Во историскиот контекст на суштината на современите колективитети (така е и со македонскиот) не постои константен едноличен или едообразен национален идентитет, зашто ваквата теза би била ариевска - во смисла за постоење на чисти раси на народи. На секој определен простор низ епохите функционирале своевидни симбиози на цивилизации, култури и традиции како последици на разновидни движења и духовни прелевања на народите кои биле домородни и коишто се населувале или вршеле воени завладејувања.

Следствено, веќе и претходно истакнавме дека на македонскиот простор се премостувале повеќе основоположени цивилизациски вредности низ времињата и секоја самата од себе оставала своевиден супстрат како непресушен извор и извесен степен на влијание. Доцното формирање на македонската историографија како самостоен истражувачки аспект на проследување, но и познатите воено-политички околности во Македонија низ историјата, заедно влијаеле да се притемнува самосвојната културно-творечка орнаментика и постапно да се оттуѓува македонското историско препознавање, за да се позајмуваат делови од нејзиниот идентитет и да се вградуваат како приспособено искуство во темелите на туѓите соседни традиции. Таквата ситуација нужно ги дистанцираше

сознанијата за историската проекција на македонскиот културноисториски идентитет преку античката, ранохристијанската византиска или словенската призма на манифестирање. Затоа бевме и сведоци како во современоста дури и внатре во Македонија се проблематизираше (а и сè уште се проблематизира) македонскиот културноисториски идентитет - дали е антички или е словенски. Загатката на ваквата политички изнасилена дилема лежи во фактот што меѓу двата брега на античкото наследство и на афирмацијата на словенската цивилизација течат историските искуства од римскиот и од византискиот глобален културноисториски свет. Токму и неправилните толкувања на римскиот и на византискиот цивилизациски феномен ја осиромашува претставата за континуитетот на спектарот на македонскиот културноисториски идентитет, но и на оние современи средини и народи кои егзистирале глобално во овие моќни и пространи империја кои не поседувале еднорамковни културни препознатливости (туку претставувале конгломерат од култури).

Во случајов со Македонија и со современиве Македонци нужно е да се нагласи дека треба да се идентификуваат историските цивилизациски прелевања на класичномакедонското културно наследство потпрено, пред сè, врз основата на поддржувачкиот модел на веќе изживеаната, но секогаш инспиративна класичнохеленистичка традиција. Класичномакедонската цивилизација навидум опстојувала сообразена со класичнохеленистичките творечки погледи и естетски произнесувања. Но културните поддржувања биле само формални во доменот на општите претстави и во обидот да се приспособат моделите за претставување на сопствените творечки и мисловни потенцијали. Затоа и не биле случајни идеолошките поларизации на македонистички и на антимакедонистистички (хеленски) страни, кои истовремено продуцирале филозофски и творечки дистанцирања на едното од другото културно поле. Огромниот романтичарски занес што низ вековите се понел за проучувањето на класичнохеленистичката традиција веројатно придонел да се притемнуваат сознанијата за класичномакедонската јазична и пошироко културна традиција, а во прилог на тоа оделе уништувањата или негрижата да се сочуваат пишуваните класичномакедонски споменици како историски сведоштва или како културна меморија. Ваквата историска состојба создава непремостливи дилеми во современите научни толкувања, а како

илустрација ќе ја наведеме ситуацијата во лингвистиката каде што веќе се правеа обиди да се диференцира називот на современиот македонски јазик од оној на античките Македонци - класичномакедонскиот (термин за којшто сметаме дека со право треба да се воведе во индоевропеистиката и во класичната филологија, зашто културолошки соодветствува на класичнохебрејскиот, класичнохеленскиот, класичноегипетскиот и на другите јазични именувања од подалечното минато).

Така, уште во првата половина на XX век италијанскиот индоевропеист Виторе Пизани се обидел да ја изврши наведенава диференцијација, предлагајќи ги терминолошките дистинкции ***macedone*** за класичномакедонскиот јазик, а ***macedonico*** за современиот (словенски) македонски јазик. Сличен обид за диференцијација предложил и американскиот лингвист Ерик Хемп, кога тргнувајќи според *сатем* и *кентум* класификацијата за изговарање на гласот -к за класичномакедонскиот јазик го предложил терминот ***macedonian***, а за современиот (словенски) македонски јазик - ***makedonski*** (во латинична транскрипција). Се разбира дека ваквите терминолошки диференцијации поседуваат доза на политички импровизации, па не може да се врши строго ограничување во именувањето на еден јазик (во случајов класичномакедонскиот и современиот македонски) кога ќе се проследува неговиот историскоразвоен статус. Ваквиот методолошки исклучок (концепт) со преименување би се применувал само за македонското историско писмено и јазично прашање, а за другите национални културни ситуации не се ниту споменува како функционален. Само како пример, зарем трпи поинаков истражувачки пристап толкувањето за протобугарскиот и за современиот (словенски) бугарски јазик, па ете - тоа не е алармантен предмет на специјални (политички) третмани. Па така, според произнесената методологија за диференцијација на развојните ситуации бугарската историска јазична и писмена терминологија би се проектирала преку дистинкцијата: ***bulgarian*** за протобугарскиот јазик, а ***bălgarski*** (***b'lgarski***) со латинична транскрипција за современиот (словенски) бугарски јазик. Тоа покажува дека лингвистиката како научна дисциплина не трпи апсурди со исклучоци, поткрепени со политички диктати. Или, пак, зошто не се почитува пристапот со примерот за именувањето на класичнохеленистичкиот (т.н. старогрчки јазик), византискогрчкиот и новогрчкиот јазик, па следствено на тоа македонската писмена или

јазична развојна ситуација терминолошки да се проектира како: класичномакедонски, старословенско (црковнословенско) - македонски и современ македонски јазик. Ваквата класификација во терминолошкото позиционирање не ги притемнува историските сознанија за различната изворност на класичномакедонскиот и на современиот македонски јазик, а дури и нема тенденции да врши равенство меѓу двете историскоразвојни ситуации и идентификации. Напротив, ваквата терминолошка проекција само ќе ги допрецизира досегашните научни сознанија од класичната филологија и од современата лингвистика во однос на прашањето за писмената и за јазичната традиција на тлото на Македонија. Единствено тоа би било проблематично за гркоманската митоманија, врз којашто, за жал, сè уште слепо се потпираат т.н. европоцентристички мистификации за хеленизмот како еднорамковна култура и цивилизација. Треба да нагласиме дека, ваквите обиди со доза на тенденциозни конструкции и денес повремено се инсталираа при политичките предлози за промена на името на Република Македонија кога на преговарачката маса се нудеше иницијатива со англиска или со македонска варијанта, при што ***Macedonia*** би се однесувало за Грција со право на античкото наследство, а ***Makedonija*** во латинична транскрипција за нас Македонците на кои ќе ни се допушта само современото национално наследство. Следствено на тоа дури постојат обиди ваквите дистинкции политички да се инсталираат во ОН и во ЕУ при именувањето на македонскиот јазик во нивните административни апаратури како ***makedonski*** (без право на превод на другите јазици), што претставува ненаучен, злонамерен и неправеден акт на фалсификување и на дискриминација - неприменети во ниту една друга современа национална ситуација.

Откако згаснала моќната Македонска Империја, нејзиниот древен културен идентитет останал како талог на дното од изворот на новиот римски цивилизациски примат, од кого произлегла афирмацијата на латиничната традиција. Но римолатинската цивилизација и писменост не можеле до крај да истраат во покривањето на древномакедонскиот супстрат како историско и културно наследство, при што дошло до нов процес на духовна и културна глобализација како поширок поредок, во кој се испреплетело наследството на моќната Македонска Империја што згаснала, со исто така моќната Византиска Империја што проникнала главно врз нејзините темели. Таму каде што во историјата духовните и културните процеси ги откопале руините на древномакедонското

сведоштво од антиката, врз истите темели се подигнале новите цивилизациски тврдини на Византија. Во ваквата цивилизациска проекција првенствено се имала предвид македонската духовна и културна традиција на библиска земја, со која Македонија историски се предодредила да стане првата европска средина, каде што апостолот Павле со дел од Христовите ученици почнале да го шират христијанството, кое веќе два милениуми на поголемиот дел од светот претставува општа човекова цивилизациска трансферзала за духовно и културно живеење. Но и Византија не била еднорамковна култура, туку претставувала конломерат од повеќе културни традиции, интегрирани како производ на меѓусебни односи, врски и влијанија. Врските на македонската ранохристијанска и средновековна култура со византиската биле неограничени, како и на оние со Рим, при што во овој домен се вршела трансмисија на верската, филозофската, културната и на научната мисла во двете насоки.

Дилемите кои се наметнуваат при проследувањето на процесот на цивилизациско прелевање на просторот на Македонија и пошироко во Југоисточна Европа како своевидни супстрати во голем дел произлегуваат од т.н. голема преселба на народите (или словенската колонизација), која се реализирала од 80-тите години на VI и низ целиот VII век. Имено, домородното (домицилно) македонско население, кое дотогаш било сообразено со византискиот духовен, културен и просветителски амбиент, дошло во ситуација да се вклучува во новата етничка сибиоза со словенските доселени племиња и постапно станувало билингвално. Ваквата етничка словенско-древномакедонска симбиоза наметнала појава на два важни фактори за духовна трансформација на меѓусебните културни и јазични прелевања: процеси на *словенизирање* и на *христијанизација*. Процесот на словенизирање го зафатил домородното македонско население, со што на општествената сцена во Македонија стапила доминантната позиција на словенството како колективен идентитет. Додека, пак, процесот на христијанизација ги истиснувал паганските традиционални духовни искуства на словенските племиња како резултат на осмислената и функционална политичка доктрина, која требало да ја обезбеди лојалноста за интеграција на Словените во византискиот глобален свет. Финалето на оваа историска епизода на цивилизациско прелевање се реализирало дури по три векови. Кирилометодиевската мисионерска и просветна дејност и заживувањето на нивната традиција во

периодот меѓу втората половина на IX и средината на XI век го мотивирале историскиот процес за постепено создавање на една словенско-византиска и притоа христијанска цивилизација и култура, а ваквата ситуација станала прилог словенската култура да се издигне до степенот на трета христијанска цивилизација во Европа - веднаш по римолатинската и по византискогрчката. Политичката програмска поставеност за развојот на словенската цивилизациска свест првовремено се активирала од Византија во Македонија, за подоцна (по прогонувањето на кирилометодиевите ученици од Велика Моравија) да настапи враќање на реализацијата на изворните идеи од Мисијата назад кон нејзините извори - Македонија. Зацврстувањето на словенската цивилизациска свест на општествената, духовната и на културната сцена во Македонија при дејноста на светите Климент и Наум во Охридскиот духовен и книжевен центар го продлабочило чувството за дистанцирање на македонското духовно и културно живеење од она во Византија. Веќе на самото заживување на словенските културни процеси Византија гледала како на антивизантиски постапки, при што таа не можела да ги спречи во натамошниот развој дури и по уништувањето на Самуиловото словенско владетелство на просторот на Македонија од почетокот на XI век натаму. Едноставно, веќе воспоставената словенска традиција во Македонија, афирмирана преку Светиклиментовата охридска духовна и книжевна школа, почнала да манифестира вкоренето цврсти корења што не се искоренувале. Дури и во XIV век, кога Византија го изгубила влијанието во источните провинции и македонскиот простор почнала да го користи како изворен центар за актуелизирање на развојните тенденции, веќе во Македонија немало историска гаранција да се измести словенската традиција и повторно не успеал да доминира византискиот свет. Македонските духовни и културни центри (меѓу кои и Света Гора) само за извесно време ја пролонгирале погубната судбина за крајот на византискиот свет, при што таму мошне успешно се реализирале сите развојни творечки тенденции што доаѓале од Византија, но тие нагло биле и приспособувани во словенската традиција преку соодветни преводи.

Зацврстувањето на словенската цивилизациска свест на општествената, духовната и на културната сцена во Македонија при дејноста на св. Климент и Наум во Охридската духовна и книжевна школа го продлабочиле чувството за издвојување од феноменот на византискиот глобален свет и за спуштање на историската завеса пред меморијата за домицилното класичномакедонско (или античко)

културноисториско искуство. Веќе воспоставената Светиклиментова традиција во Македонија почнала да манифестира сопствено словенско себепрепознавање и себеидентификување. Тоа значи дека токму дејноста на св. Климент и Наум Охридски и историската улога на Охридската духовна и книжевна школа се втемелени во континуитетот на македонскиот културноисториски идентитет и ја насочуваат изворноста на современата (словенска) македонска духовна и писмена традиција. Оттука и во нашата современа национална свест длабоко е наталожено чувството дека како Македонци сме словенски народ, со словенска цивилизациска свест.

Впрочем, од втората половина на XVI век до крајот на XVIII век во поствизантиска Македонија настапиле забрзани развојни процеси со кои се истакнале појавите на новите просветителски идеи преку примената на македонскиот народен јазик во образовната, писмената и во богослужбената практика. Ваквите форми на просветителски појави послужиле како предвесници на народното будење и на преродбенските идеи во текот на XIX век. Но, за жал, сложените историски околности во Македонија создавале услови да се врши изолација на националното себепрепознавање и себепотврдување, при што соседните народи тоа го користеле како погодност да се поттикне стремежот за асимилација и да се дистанцира афирмацијата на националниот духовен и културен идентитет на македонскиот народ. Сепак, врз македонските темели не можело до крај успешно да се надградуваат туѓите културни идентитети, освен што се наметнувале нивните повремени протекторати. Токму врз реалните историски принципи преточени во современоста, веќе од 40-тите години на XX век наваму слободно почна да се афирмира македонскиот засведочен културноисториски идентитет во рамките на поствоената антифашистичка федерална Југославија. Неговиот социолошки, феноменолошки, културолошки, па дури и политиколошки легалитет веќе целосно е функционален од 1991 година, при осамостојувањето на современата македонска држава Република Македонија.

проф. д-р Гоце Цветановски, н. сов.
Институт за македонски јазик „Крсте Мисирков“ – Скопје

ИЗРАЗУВАЊЕ НА МИНАТОСТА ВО МАКЕДОНСКИТЕ ДИЈАЛЕКТИ

На почетокот од ова предавање сакам да нагласам дека во последниве две децении во македонската наука за јазикот, и посебно во дијалектологијата, се отпечатија многу трудови во кои посебно внимание им се посветува на прашања од областа на семантички ориентираната синтакса. Мотивација за вакви лингвистички истражувања е, секако, излегувањето на двотомната монографија од акад. Зузана Тополињска „Македонските дијалекти во Егејска Македонија − синтакса“, кн. 1 (1995) и кн. 2 (1997). Во тесна врска со оваа монографија, како по ареалот, така и според пристапот, е и трудот на Убавка Гајдова „Темпоралната карактеристика на финитните глаголски конструкции во југоисточните македонски говори“ (2002). Монографијата „Каршијачкиот говор – Скопско (со посебен осврт на синтаксата)“ од Гоце Цветановски (2004), е труд во којшто целосно е опишан еден систем надвор од споменатиот ареал и претставува прв обид за ваков пристап кон дијалектолошките истражувања во Македонија. За вакава концепција и вакво презентирање на изворно собран дијалектен материјал, подоцна се определуваат и други македонски дијалектолози: Веселинка Лаброска „Кичевскиот говор“ (2008), Гоце Цветановски „Говорот на Македонците во Мала Преспа (западнопреспански говор)“ (2010), како и колективните трудови „Вратничко-полошките говори – духовна ризница“ (гл. ред. В. Лаброска, 2012), „Банскиот говор“ (гл. ред. Г. Цветановски, 2014).

Во сите наведени трудови се користи прилично воедначена терминологија, која одговара на теоретската рамка кон којашто се стремат новите лингвистички истражувања.

Со оглед на обемноста на темата, како според проблематиката што треба да се опфати, така и според територијата што треба да се покрие, во ова предавање ќе се задржиме само на дел од начините на изразување минатост во македонските дијалекти.

Во продолжение ќе наведеме некои воведни белешки во поглед на нашето поимање од доменот на семантички ориентираната синтакса.

Под терминот реченица подразбираме минимална комуникативна единица којашто во јазичниот текст (изговорен или напишан) се остварува како исказ. Реченицата како синтаксичка единица содржи конститутивен елемент (глаголска синтагма) и дополнителни елементи (именска синтагма и/или реченична конструкција). Односот што постои меѓу глаголската синтагма и именската синтагма во реченицата е асиметричен. Глаголската синтагма во реченицата има функција на предикатски израз, а именската синтагма како синтаксички единица својата функција ја наоѓа како аргумент на предикатскиот израз.

Во зависност од тоа дали граматичките категории се остваруваат во рамките на предикатскиот израз (во самата глаголска синтагма) или пак се однесуваат на целата пропозиција (на целиот реченичен израз) можеме да изделиме: 1) предикатски категории и 2) реченични категории. Во предикатските категории ги вклучивме модалноста, темпоралноста и аспектуалноста, а во реченичните – граматичката зависност (падежни односи), персоналноста и дијатезата. Неопходно е да нагласиме дека меѓу споменатите категории од двете групи постојат цврсти врски, така што поделбата што ја направивме треба да се прифати условно.

> На формален план, реченицата (= основната реченична конструкција) претставува синтаксичка конструкција којашто содржи конститутивен елемент и дополнителени елементи. Конститутивниот елемент на основната реченична конструкција е предикатски израз кој содржи една финитна глаголска форма (како конститутивен елемент) и дополнителни елементи (во форма на именска синтагма или на основна реченична конструкција). Во функција на дополнителни елементи можат да се јават: а) именски синтагми или реченични конструкции конотирани од страна на конститутивниот предикатски израз и кои заедно со него сочинуваат минимална пропозиционална конструкција и/или б) прилошки синтагми како модификатори на пропозиционалната конструкција (Тополињска, 1995: 11).

> Содржинскиот план на реченицата го сочинуваат нејзината семантичка и прагматичка структура. Семантичката структура на реченицата ја создава еден предикат во кој е одразена некоја релација меѓу елементите на некоја ситуација. Предикатот имплицира одредени аргументи во кои е одразено она што се осмислува како учесник во дадена ситуација. Во прагматичката

структура на реченицата влегуваат елементите преку кои се поврзуваат семантичката и формалната структура на реченицата со конкретната говорна ситуација. Во прагматичката структура на реченицата влегува и тематско-рематската структура односно т.н. функционална перспектива на реченицата во којашто е одразена прагматичката компонента која учествува во оформувањето на смислата на реченицата како начин на претставување и интерпретирање на дадената семантичка структура (Пипер, 1997: 5).

Морфолошко јадро на семантичките категории аспектуалност, темпоралност и модалност претставуваат граматичките категории на глаголот – вид, време и начин.

Граматички категории: вид, начин и време
Категорија вид

Познато е дека некои јазици не ја познаваат граматичката опозиција свршен : несвршен вид, но тоа не значи дека кај нив не постои категоријата аспект. Служејќи се со дефиницијата на рускиот лингвист Бондарко, аспектуалноста ја сфаќаме како функционално-семантичка категорија чијашто содржина е карактерот (начинот) на одвивање на дејството, а како механизми на формализација се јавуваат морфолошки, зборообразувачки и лексички средства при што учествуваат некои синтаксички елементи на реченицата (Бондарко, Буланин, 1967: 50). Категоријата вид ја дефинираме како граматичка, а ја познаваат оние јазици во кои аспектуалните значења добиваат чисто граматички (формален) израз, т.е. во голем дел од глаголската лексика тие се јавуваат како видски парови на еден глагол.

Во македонските дијалекти постои видската опозиција свршен : несвршен вид. Свршените глаголи изразуваат дејство кое го сфаќаме како целосно завршено (без оглед дали дејството се реализирало во еден момент или опфаќа извесен временски период), а не како процес што се врши последователно. Во рамките на несвршениот вид се изделуваат трајните глаголи, со кои се изразува дејство во неговото одвивање, т.е. неговата последователност, и повторливите глаголи, со кои се изразува дејство чиешто извршување се одвива во низа од моменти (или временски периоди). Видските разлики се предаваат на

два начина: со додавање на префикси (префиксација) и со додавање на суфикси (суфиксација).

> Според Галтон, свршениот вид го одразува временскиот редослед на настаните, а несвршениот го одразува течењето на времето додека настаните „мируваат“ (Галтон, 1976: 11).

Категоријата вид носи информација за временската организација (распоредот во времето) на глаголското дејство. Оваа информација е независна од односот на глаголското дејство кон апсолутната временска оска. Несвршениот вид носи информација за процесуалноста на глаголското дејство, а свршениот вид – за измена, за пресврт, за поминување од едно дејство кон некое друго (сп. Тополињска 1995: 176-177). На формален план, во словенскиот глаголски систем, експонентите на видската карактеристика спаѓаат меѓу морфолошките форманти на глаголската лексема (*доаѓа*, *дојде*) додека експонентите на временската карактеристика спаѓаат во рамките на глаголската флексија (*доаѓам, доаѓаш, доаѓа* / (*да*) *дојдам,* (*да*) *дојдеш,* (*да*) *дојде*).

Со оглед на тоа дека секој предикативен израз носи определена видска и определена временска карактеристика и не е лесно да се раздвојат и посебно да се опишуваат, решивме подетално да се осврнеме на категоријата вид при претставувањето на одделните темпорални форми.

Во западното македонско наречје, како и во стандардниот македонски јазик, категоријата вид е разнишана во однос на наследената словенска ситуација. Глаголите од определен глаголски вид, главно, се врзуваат за соодветни темпорални форми, како на пр.: презентот и имперфектот со имперфективниот вид (*носи, носеше*), аористот со перфективниот вид (*донесе*), или пак, независната употреба на одделни форми е ограничена, пр., презентот и имперфектот од перфективни глаголи се употребува само во комбинација со модалните партикули: *ќе*, *да, ако* или *нека* (*да дојде, да дојдеше*). На современ план, речиси е сосема истиснат од употреба и аористот од несвршени глаголи, така, тешко во современиот стандард би се чуле примери од типот: *А, не т̄реба, Бошко, дос̄та п̄ивме*; *Го држа т̄амо цели т̄ри дни и т̄ри ноќи* итн., како што е наведено впрочем и во Граматиката на Блаже Конески (2004: 423).

Во словенските јазици можноста за изразување на видската разлика на лексичко рамниште овозможува во рамките на глаголските времиња да се комбинираат видот на глаголот и

значењето на дадено време, па да се изразат посуптилни нијанси во временската организација на настаните. Постои само една семантичка блокада мотивирана со природата на видската опозиција; глаголите од свршен вид не можат да изразуваат актуелизирана сегашност. Другите комбинации се отворени и можни, но зависи која комбинација е присутна или отсутна во даден јазичен систем.

Во вратничко-полошките говори, имперфектните форми од перфективни глаголи не се употребуваат самостојно, а аористот од имперфективни глаголи веќе не се употребува (Лаброска и др.: 2012).

Во скопската говорна група (поконкретно во каршијачкиот говор како дел од скопско-блатскиот), имперфектните форми од перфективни глаголи не се употребуваат самостојно, додека пак, за разлика од вратничко-полошките, се забележува употреба на аорист од имперфетивни глаголи за изразување свршено дејство: *S'ino¯}a spa kaj-n'as i si-z'amina.*

Понекогаш формата од несвршен глагол се повторува и на тој начин го прикажува дејството како завршено во еден подолг временски интервал, кој зависно од контекстот може да биде конкретно определен, но и не мора:

S'ede, s'ede (nekoe vreme) i si-'otide. vs P'osede, p'osede (malku)...

Во поречко-кичевската група (Видоески 1957 : 78, Лаброска 2008 : 92), исто така е можно образувањето на аорист од имперфективни глаголи. Видоески истакнува: „Имперфективен аорист познаваат и другите централни говори, а се среќава и во литературниот стил. Меѓутоа во кичевскиот (па и во поречкиот) говор тој е особено раширен. Сп.: *Dve nedeli mu i pasof ofcite, posle me nabrka.*“ (Видоески 1957 : 78).

Во преспанската група говори аорист од несвршени глаголи многу ретко се употребува (Шклифов 1979; Цветановски 2010). Шклифов наведува три случаи на употреба на имперфективен аорист, а коментирајќи го кажаното од Шклифов, Тополињска (1995 : 184, 185) забележува: „Првата ситуација е ситуација на дијалог, при што лицето што го покренува дијалогот како да има критички став кон резултатите на извршената „операција“ или пак нема докази дека таа навистина е спороведена па го бара „виновникот“, односно бара да му се даде соодветна информација.“ Станува збор за примерите од типот *Koj go mesi lebo? Jfs go mesif/nestata go mesi*. Втората ситуација е кога има експлицитен сигнал дека операцијата во однос на објектот не е исцрпена (*И јас ѭиф од виноѭо*), односно имаме информација

дека Х пил од виното (но не го испил виното, сфатено во целост). Третата ситуација е со редупликација на глаголските форми со што треба да се потенцира дека соодветното дејство се вршело долго. *Ka (=kako) pif - pif voda na frvejncite, sa naduf ko `aba.*

Ова сведочи дека во западниот дел од македонската јазична територија аористот од несвршени глаголи се повлекува и прераснува во една врзана категорија не само од страна на ситуацијата, туку и од страна на контекстот.

Фреквенцијата на употребата како и разновидноста на имперфективните глаголи од кои се формира аорист се зголемува во југоисточните говори, констатира Гајдова врз основа на корпусот текстови од монографиите. Тука се вклучени мегленскиот, кајларскиот, ениџевардарскиот, сушко-височкиот, дојранскиот и кукушкиот говор.

Во банскиот говор, ситуацијата со глаголскиот вид е многу поархаична од онаа што ни е позната во стандардниот македонски јазик.

Во говорот на Банско, сè уште, се чуваат старите видски разлики, па презентот, аористот и имперфектот се образуваат и од несвршени и од свршени глаголски форми. Она по што се диференцираат е податокот дека презентот и имперфектот од свршени глаголи не се употребуваат во основната употреба на посочените темпорални форми, односно, не се употребуваат за означување на настан актуелен во сегашноста, односно, настан што се претставува во неговото траење во определен конкретизиран простор во минатото. Овде само ќе посочиме еден интересен извадок во кој наизменично се употребуваат имперфективен и перфективен аорист и имперфективен имперфект од глаголот (*da*) *pi{e/zapi{e*, сп.: *I tja z'eme i na{tr'aka na s'i{týe dv'oj}i, m'ene pis'a tr'ojka. Pa, ja kat'o mi-pis'a tr'ojka i dr'uzite takv'o, se-zapis'ahý t'ehnikuma. T'ehnikum. ... Pa t'ija b',,a mn'ogu spos'obni, t'ija b',,a t'olku akfll'ii, no 'et™ }e pisuv'ajme-si na-b'anski tš r'askas i... $ likvidir'a.*

Категории начин и време

Категоријата начин носи информација за тоа дали искажаните настани се или не се дел од реалноста. Настаните што се дел од

објективната стварност му припаѓаат на индикативот: презент, имперфект, аорист, перфект, плусквамперфект; а настаните што

немаат потврда во реалниот свет се модално маркирани: кондиционал, потенцијал, имперцептив, императив, прохибитив, субјунктив.

Категоријата начин претставува граматичко јадро на семантичката категорија модалност. Под модалност подразбираме квалификација којашто говорното лице ја дава во својот исказ. Лексичките и граматичките средства на таквата квалификација во секоја реченица претставуваат функционална целина.

Постојат повеќе класификации на модалноста. Во *Синтаксата на македонскиот стандарден јазик* Минова-Ѓуркова (Минова-Ѓуркова, 1994: 147) ја прифаќа класификацијата што ја направиле Бирјулин и Корди, кои изделуваат шест типови модални значења: 1) оцена на говорителот во поглед на реалноста/ирealноста на содржината на реченицата, 2) оцена на говорителот за можноста, за неопходноста или за пожелноста на ситуацијата изнесена во реченицата (деонтичка модалност), 3) оцена на говорителот за веродостојноста на соопштеното (епистемична модалност), 4) модалност изразена преку комуникативната функција на реченицата, 5) значења на потврдување/ /тврдење наспрема одрекување и 6) емоционална и квалитативна оцена на содржината на реченицата. Овие значења можат да се изразат со морфолошки (глаголскиот начин), синтаксички (конструкцијата на реченицата) и прозодиски (интонацијата) средства.

Категоријата време ја граматикализира информацијата за локализацијата на настанот на апсолутната временска оска во однос на времето на зборување (апсолутно време). Од аспект на категоријата време, настаните ги определуваме како сегашни, минати или идни (презент, имперфект, аорист, перфект, футур). Освен односот кон говорниот чин, дополнително, категоријата време може да ја граматикализира и информацијата за временскиот сооднос на два настана (релативно време – плусквамперфект, футурум praeteriti). Во рамките на категоријата време ќе ги анализираме конструкциите на индикативот. По неколку темпорални парадигми може да разликуваат и модалните конструкции.

Минатост

Во детерминирањето на минатоста се тргнува од настан или дејство што му претходи на моментот на зборување. Во однос на фактивноста на настанот или дејството, говорителот можел да биде сведок или некој друг да му го соопшти тоа. Ако не бил сведок на настанот тогаш постои можност говорителот да се дистанцира од вистинитоста на исказот и тогаш станува збор за категоријата прекажаност.

Минатите настани се дел од објективната реалност, но истовремено тие се достапни за човековата сетилна перцепција, па се подложни на субјективна оцена од гледна точка на вистинитоста. Категоријата вистинитост е тесно врзана со определеноста, односно неопределеноста на минатите настани.

Минато определено време (аорист и имперфект)

Временската определеност ја подразбира еднозначната сооднесеност на глаголското дејство со определен момент/отсечка на временската оска. Фактот дека говорителот знае еднозначно да го смести минатиот настан на определена точка/отсечка од временската оска, зборува дека минатото определено време (аористот и имперфектот) носи субјективна информација во врска со вистинитоста на настаните. Имено, со минатото определено време говорителот искажува настани во чија веродостојност не се сомнева.

Аорист (минато определено свршено време)

Со формите на аористот се искажуваат минати настани не во текот на нивното одвивање (како процес) туку со аористот се искажува само еден момент од минатиот настан без оглед дали се работи за почетокот или за крајот на настанот или за некоја точка помеѓу овие два момента. Како што веќе посочивме со аористот се искажуваат настани кои говорителот знае точно да ги лоцира на определена точка од временската оска со оглед на тоа дека станува збор за лично доживеани настани,

Еве примери за употреба на формите на аористот во вратничко-полошките говори:

þ*'Abe b'ire, sirom'a{tia g'olema - re~e - se izd'igaja, koj 'otie u-T'etoo, koj po-s'ela, koj v'amu, koj t'amuÿ*; *I go p'amtim toj ka-'umre, 'Iljas ef'endija, u-K'opanýce go-don'esoja, go-zak'opaja*; *I toa i n'o{nýata ga-'onadi ga-d'ade. N'o{nýa mu-d'aof, c'ela sve, n'o{nýa kako-{o-se-'oblaka na sebe, sve, i k'ñpa i sve*; *Ama toj, s'elovo se-d'ozbore, s'eqanive,*

n'emavmo str'uja, da-se-'ise~e z'abelot, koj kako ima sn'fga da-'ise~e eq-po-tr'i-metra eq-po-p'et-metra ... I t'oj-zabel se-'ise~e sve, se-d'igna, se-'odnese.

Примери од Скопско: *Go-n'apra–f ku¯}'i~eto i gi-s'obraf d'ecata.*

M'ene me-z'edoa na osumn'aese g'odini.

I si-'otidof u N'ovi-Sat, u p'ʃrva 'armija, Petrov'aradin.

Во кичевскиот говор аористот се употребува и од свршени и од несвршени глаголи така што со аористните форми се покрива едно пошироко поле на изразување на минати дејства, дејства кај кои логично се подразбира дека имаат почеток и крај и се одвивале до еден определен момент во минатото. Видската разлика на глаголите не му пречи на вистинското значење на аористот. Аористната форма си го чува своето темпорално значење без разлика дали е глаголот од свршен или од несвршен вид. Примери: *I-ja i-obraf kru{ite nekako tuka dolu, i vetkata na-ramo i j-odnesof do plotot...*

Во преспанските говори со формите на аористот глаголското дејство се сфаќа како целосно завршено. Од страна на говорителот ваквите форми најчесто се употребуваат за раскажување на настани, кои лицето што зборува ги доживеало лично, или пак, така сака да ни ги претстави:

þ'Oxata mu-st'ore b'elúa na t'aja ~'upataÿ

Ko 'ojde 'eleno na-v'e~erta ne-ja-n'ajde.

S'etne mu-k'aza t'aa, mu-r'e~e }irax'•te ja-z'edoa.

I ko 'o{ol d'oma toj, t'ie go-v'atija i go-z'aklaa.

За банскиот говор, поексплицитни би биле ако речеме дека, според нашиот материјал, со минатото определено време во говорот на Банско се искажуваат лично доживеани настани.

Во споредба со стандардниот македонски јазик, минатото определено време покажува значителни разлики. Имено, во банскиот говор е широко застапена употребата на аористот од несвршени глаголи, како и употребата на имперфектот од перфективни глаголи, како што веќе рековме.

Примери: *Vi{, m'ama e-u~'ila do-vt'oro oddel'enie, a t'a}u do-~etv'ʃrto oddel'enie, a pa n'ie si-v'e}e f-tov'a u~'ili{~e t'uka, tr'ies-{'esta g™d'ina e-gor',,l™, slet-tºv'a se-napra'i n'ovo u~'ili{~e i si-'odejme.; I tja z'eme i na{tr'aka na s'i{tý e dv'oj}i, m'ene p'isa tr'ojka. Pa, ja kat'o mi-pis'a tr'ojka i dr'uzite takv'o, se-zapis'ahý t'ehnikuma.; I edn'a{ p'itam ot-tak'a, pa t'ija r'ekoa ...; Toj slu`'i dve g'odini i polov'ina, no prez-tov'a vr',,me se-o`en'ijme, pedes'e-i-s'edma god'ina si-dojd'e v-'otpuska i se-o`en'ijme. ... Dojd'e p'opo ven~'a-n# ... s-t'aa r'okqa se-ven~'ahý i slet-tov'a s'i~kite {™*

svadbuv'aa p™n'a{a mal'a, s'i{te se-ven~'aa s-moj'ata r'okqa.; D'o`† ot-c'ala B'ƒlgarija, d'a`e od-G''ƒrcija, d'o`† t'uka se-ven~uv†, tuka ƒ-n'a{ata c'ƒrkva Svet'a Tro'ica. 'Ama s'i~k™ se-izmen'i, s'i~k™ se-izmen'i.

Имперфект (минато определено несвршено време)

Минатите настани со формите на имперфектот се искажуваат како процес кој се одвивал во определен сегмент од зоната на минатоста. Притоа не се кажува ништо во врска со прашањето дали минатиот настан се заокружил до крај или не. На пр., со глаголската форма *спиеше* се именува само процесот на спиење во минатото, но не и завршетокот или резултатот од тој процес, како: úспиеше и се наспаû или: úспиеше но не се наспаû.

Еве примери од употребата на формите на имперфектот во текстовите од вратничко-полошките говори што се предмет на наша анализа:

R'adi~ m'ise{e m'ise{e, sn'i{a gl'avata...; Toa b'e{e, c'elo T'etoo se-tr'ese{e; Togaja tia ne-pr'aea. I u-v'odenca Bug'arite na-k'owi, 'onaa, me}a u-vod'encata n'osea, ne-pr'aea t'ia b'elýa.

Поради својот карактер (да го забавува дејството наспроти аористот, кој го води напред раскажувањето), имперфектот многу почесто се среќава во разговорната реч, а поретко во приказните. Примери од Скопско:

Ama-v'idoa t'ogaj d'eka st'anafne pokal'abalak se-popr'ibr†. Pa pr'aeja b'elýi, ama-ne-sm'eeja, b'efne kal'abalak, mn'ogu.

За кичевскиот говор, како што забележува Лаброска: „... имперфектот е второто најупотребувано време за изразување на минати засведочени дејства. Имперфектот се употребува главно за изразување на минато дејство кое се зема во нговото траење, дејство, процес, во тек, без сигнал за крај или пак го искажува дејството или состојбата што трае додека се одвива некое друго дејство, или едноставно со имперфективните форми се опишува некоја состојба што е констатирана во некој минат момент, како што може да се опише состојба со формите на презент во моментот кога ја гледаме (оттука имперфектот со право некои лингвисти го нарекуваат презент за минатоста). Затоа, за изразување на основната функција на имперфектот се употребуваат само имперфективни глаголи. Примери: *I junakot {to be{e da se najt po{to poto; sama `ivej{e vo ku}ana...* “ (Лаброска 2008 : 113, 114).

За преспанската група говори на располагање ни стојат материјалите од Шклифов, но и поновата обемна студија за

западнопреспнаскиот говор од Цветановски во која се вели: „Минатоста се изразува и со формите на имперфектот. Формите на имперфектот го предаваат глаголското дејство во неговата непрекинатост, односно како дејство во процес, притоа нема упатување за крајот на процесот. Со формите на имперфектот може да се изрази и дејство или состојба што трае додека се случува некое друго дејство, или пак да се опише некоја состојба забележана во некој момент од минатото.

Поради ваквиот карактер на имперфектот, неговите форми за изразување на вакви функции се образуваат од несвршени глаголи. Употребата на формите на имперфектот придонесува дејството да оди напред, па оттаму, најчесто се среќава во разговорната реч.

Со формите на имперфектот се означува и дејство што се вршело по навика. За изразување на процесуалноста на дејството кое се одвивало во минатото, но кое прекинало, исто така се употребуваат имперфектни форми.

Примери:

S-'ima{e m'e~ina mal'e~ka–.

T'aa si-go-p'ikna vo-d'upkata i si-go-c'ica{e.

Si-go-c'ica{e, c'ica{e i si-p'oraste toj g'olem.

...ta si-'ode{e f-c'frkva sekoja-n'edela...

... 'ofcite i-m'flzeja i m'a`i i `'eni...“ (Цветановски 2010 : 127).

Ситуацијата на крајниот исток ќе ја илустрираме преку монографијата *Банскиош̄ г̄овор*: „Имајќи предвид дека во говорот на Банско се употребува и аорист од несвршени глаголи, а и минатото неопределено време завлегува во зоната на општиот претерит, може да се разбере податокот дека имперфектот, од аспект на фреквенцијата, не е многу честа форма за искажување на минати настани.“ Сп.: *B'anska le? E t^{o}v'a {o-vi-ka`uv'ah ja, tfkv'ija pr'ikaski ni-ka`uvaja, legý'endi de. V~'era vi-ka`'ah za t$^{o}$v'a, za-svet'a Varv'ara. I na-m'ene, za-t$^{o}$v'a mi-vikaa arnautko! Arnauti t$^{a}$k'ovo pl',,me si-se, ima tak'fv nar'ot, nel'i. ^'eta i p™ 'istorij"ata edn'o, dr'ug™ i t'uka na-sk'oro pis'uva{e vff-ed'in v'esnik }e k'olku otmastitelno e t$^{o}$v'a pl'eme.; Kog'a-e do`'al J'ane Sand'anski v-B'ansko, tš e K'osta i Bl'ata, ™t-tam nag'ore ™t-n'a{ta k'a{~a n'ema{e n'ikakvi k'a{~i,...; Ta 'odejme, ta kak }e da-n'e 'odime; A pa dr'ug™t™ mu-v'ikame roz™v™, e t^{o}v'a e r'oz™v™. Bl'ed™ roz'™v™. A pa dr'ug™t™ e x'unxul'ien™. A pa ja na {'al™ ti v'ika{e t'urunx"ien™.; ... a pa n'ie si-v'e}e f-tov'a u~'ili{~e t'uka, tr'ies-{'esta g™d'ina e-gor',,l™, slet-t^{o}v'a se-napra'i n'ovo u~'ili{~e i si-'odejme.; I b',,jme dvan'aese dr'u{}i, s# ed'en n'abor, s# tr'ies-{'esta*

god'ina r'odeni i kat'o si-d'umajme b'anski i b'anski si-i-pis'uvajme, i se[a] po-st'aro tr'e}i klas ...

За банскиот говор е карактеристично тоа дека минатото определено време навлегува и во сферата на општиот претерит што се согледува со употребата на форми од минатото неопределено време при раскажувања на минати доживеани настани кои обично се искажуваат со формите на минатото определено време (аористот и имперфектот) или со формите на презентот. Во ваков случај станува збор за употреба на 1 л. еднина и множина, како и за вметнување на соговорникот во текот на говорниот акт, сп.: *Em'i da-ti-k'a`a {™ sme-rabot'ili... Ja 'o{te ™d-det'e, ™d-det'e, 'o{te ™d-mal'e~ka de, ™d-mal'e~ka, s'i~ko e-bil'o, ja t'ija resna~'e, tov'a resna~'eto, bl'us~eta, ~'er|ite p™-odaj'ata, 'oti n'ie za-st'aja v'ikame odaj'a, s'i~ko tov'a s'i-sme naprav'eli n'ija, da-pred'e{. 'O{te ™t-s'edem g'odini, kad-s,m-bil'a na-s'edem g'odini, ba{~'a-mi b',,{e vojn'ik uf-G'rcija, na-fr'onta i don'ese mn'ogu pam'uk. I t'oa pam'uk na-takv'ija edn'i... ti dal'i pa zna'e{ be R'ist™, ne-zn'am... na-kvo se-pred'e{e pam'uko... Na-edn'i mal'e~ki 'ur}i, t'uri{ tak'a rak'ata v'atre, izdl'abeno, t'uri{ i nag'ore 'ima{e edn'o izd'adeno i zav'u~i{ kad'elata, i pred'e{. I ja na-s'edem g'odin s,m-pr'ela pam'uk. A pa, tam v'e}e kad'elite v'fna, edn'o-dr'ugo, tov'a ~e'is, tov'a s'i~koto, n'ema{e n'itu plet'a~ki n'itu.., s'i~ko b',,{e, f-k'a{ti si-se-proizv'edva{e.; A p'ita{ me sfs-mf`'e, ot n'ie ne-v'ikame sapr'ug, v'ikame ma{, sme vfrsn'ici, edn'a god'ina sme r'azdelni i s-n'ego se-pozn'avame 'o{te ot-p'frvo oddel'enie. S# f-ed'en klas sme bil'i. Do... do s'edmi klas el'i po-st'aro tr'e}i klas sme bil'i s'edem g'odin f-ed'en klas s-n'ego i ™t-tog'a si-se-pozn'avam.; I za m'ene se-do`'ali zg™dj'atici. N'o{no vr',,me ka-si-sam-legn'ala ~'ukaa na p'ortata & d™{l'i-sme ako m'o`e, v'ika, L'en~et™ da-se-o`'eni za-'edik"ojsi.; Pr'edi be{e fnogu 'inter'esn™, fnogu. 'O{te pred'i, ja ve}e 'ajde tak'a, se sme `en'ili po-sem druk[g] n'a~in, de. Ama pred'i mo– te t'eti ka se-`en'ija.*

Во контекст на погоре реченото сведочи и податокот дека во банскиот говор раскажувањето на приказните, вообичаено оформени во 3 л. се одвива со формите на минатото неопределено време, сп.: *N'ekoa `en'a b'ila mn'ogo len'iva. O`en'il-se br'at-$ i odi{'el da-ja-k'ani na-sv'adba. Pa, tja t'olko bil'a len'iva }e-e-nem'ala {o da-se-oble~'e, ne-e-im'ala fust'ane {o-da-oble~'e. I re{'il ma`'e dod'eka svadb'uva tov'a, {'ureto-mu, `en'ata-mu da-si-napr'a– fust'an.* (Цветановски и др. 2014).

Перфект (минато неопределено време)

Минатото неопределено време служи за искажување на настани што се извршиле пред моментот на зборување без конкретно да ги локализира на апсолутната временска оска. Ваквата слабо маркирана темпорална интерпретација, условила минатото неопределено време во македонскиот јазик да развие низа различни функции, како што ќе проследиме во понатамошното излагање.

Имајќи предвид дека минатото неопределено време потекнува од стариот перфект, граден врз помошниот глагол *сум* во презент и глаголската *л*-форма образувана од аористната основа, јасно е дека минатото неопределено време ја задржува својата стара функција – искажување на резултативност, односно, искажување на состојба актуелна во сегашноста, која е резултат на некој настан што се случил во неопределен отсек од минатоста.

За вратничко-полошките говори е карактеристично дека имаат проширена употреба на минатото неопределено време во сферата на општиот претерит. Односно, во искази кои раскажуваат за настани темпорално определени (искажани со имперфектот и аористот), често се вметнуваат конструкциите на минатото неопределено време. Оваа појава е типична за северните македонски говори (сп. Видоески, 1962: 231-233). Ќе претставиме дел од забележаните примери:

Sr'edorek se-v'ika toa m'estoto, so-{'upeqka i so-g'a–de. G'a–de, L'ade 'Avramof, so-g'a–de da-ti-z'asviri, t'atko-mu na-Zl'at-kota. Ka-}e-zasv'irea oni so-g'a–de, ka-}e-se-n'afa}aa `'ene, n'eeste ml'adi, b'e}ari toa bilo 'urnebes, k'ola ne-m'o`ela da-pr'ojde. P'osle ot-t'ueka se-z'afati so-k'u}e v'amo g'ore. (Лаброска и др. 2010 : 73).

Од посочените примери може да се констатира дека минатото неопределено време во функција на општ претерит често го наоѓаме во формите за прво лице еднина и множина или за говорни ситуации што непосредно го вклучуваат говорното лице во искажаниот настан или ситуација. Првото лице кое непосредно покажува учество на говорителот во искажаниот минат настан е најсоодветен кандидат за искажување на сигурни факти, темпорално определени во минатоста. Фактот дека 1 л. го вклучува говорителот во говорната ситуација потешко ја доведува во прашање вистинитоста на исказот (сп. Конески 2004: 465-471). Со оглед на сличната ситуација, произлегува и податокот констатиран за кумановскиот говор (Видоески 1962: 232-234) дека модалната употреба на *сум*-перфектот, определена како прекажување или дистанциран однос на говорителот спрема вести-

нитоста на искажаниот настан (в. подолу) прво се развива кај формите за 3 л. Во ситуација кога е помал степенот на граматикализираност на категоријата дистанца, се намалува и семантичката дистинкција меѓу минатото определено и минатото неопределено време, па минатото неопределено време може да навлезе во сферата на аористот и имперфектот, што може да се евидентира и во вратничко-полошките говори:

'Imalo 'ovdeka ima i sega ja-sam-ga-tr'a`el od St'ojana K'ubur, on re~e u-\erm'anija sam-g-'ostael i toa e-prev'edena na-}ir'ilica, zn'a~i*; *Porano kak'o-bilo, ne-r'ipale deca kako-s'ega m'ali, m'u`i r'ipale m'o`e p'ostari i-'od-mene, ja s,m-z'atekal, p'ostari i-'od-mene...; *Tamo ima w'ive, ja-sam-z'atek,l, u-moj-g'odine mladi s,m-v'idel w'ive rŸt'in~ani {to-rab'otale tamo.*

За Скопско еве што е забележано од Цветановски: „Перфектот I употребен во функција на кажување служи за соопштување на некое дејство во минатото, без точно да го определиме неговото место на временската оска, односно не го прецизираме моментот на извршувањето на дејството. Единствено знаеме дека тоа се случило во минатото:

I n'ie sne-s'adele b'ostan, sne-s'adele p~'enka i sfe dr'ugo.

Употребата на префектот I во функција на кажување, како што забележува Бл. Конески во *Граматикатa*... (Конески, 1981: 465), пред сè е сврзана со првото лице кое само по себе подразбира учество во дејството што си го припишува:

N'i{to & r'ekol & sum z'aspal i k'ojnite j'ale od-`'itoto, j'a~menot.

Sum bil na-vr'eme mlat, sfe.

@n'eefne, on'adifne, ov'^{f}r{ifne i p'osle 'ovde r'ekof: þN'e-odam, ja sum-'oti{ol t'amo, ti da-me-z'ima{. [t'o-znae{ pr'a– 'ovde, ja v'i{e t'amo n'e-idam.

Горните примери ја покажуваат врската што се создава меѓу употребата на перфектот I и простите минати времиња (аорист и имперфект) кои исто така подразбираат учество на говорителот во настани што се случиле во минатото. Во примерот што следува забележавме употреба на форми на перфектот, кои можат да се заменат со формите на имперфектот:

T'atko-mi 'imal ~'etiri s'ina i tri }'erki. S'edum d'eca 'imal.

Освен тоа, перфектот I го среќаваме и во приказните каде што тој функционира како минато време без точно определување на моментот на случувањето, т.е. како неопределено, а не како прекажано:

Nekoj-~'oek bil vod'enica, m'elel na-k'amen toa, `'ito. I k'oga 'odel p'o-reka 'ugore no¯} go-f'atilo i nekoj-v'ampir mu-d'o{ol.

За прекажаност, обично станува збор кога лицето што зборува не е директен учесник во дејството, односно не е сведок на настаните, па според тоа и не е сигурен во точноста на она што го кажува. Значи, имаме работа со една модална категорија која се накалемила на минатото неопределено време:

Сѓ'ариѓе каж'уеја не-см'ееле д-'искочаѓ оѓ-Шиѓ'ариѓе. Не-см'еале д'еца да-к'fрсѓаѓ н'иѓдека во-ц'fркфа.

Се разбира дека лицето што зборува има можност да даде субјективна оценка и преку интонацијата, а со самото тоа и да верува во она што му било кажано. Ова особено доаѓа до израз кога минатите дејства или настани ги споредува со денешната ситуација. Како потврда за ова ќе го продолжиме редењето на примери од горната ситуација:

T'ogaj T'urcite b'ile, 'ama T'urcite ne-pr'aele zlo. Pr'aele eve-'ovija aram'•ve n'a{i {t'o-se s'ega. 'Arnaut klark! T"ija najg'olemi b'elýi pr'aele. (Cvetanovski 2004).

За поречко-кичевската група податоци дава Лаброска: „Основна карактеристика на сум-перфектот во кичевскиот говор, впрочем какои во стандардниот јазик, е именување на минат настан без сооднос со некоја друга одредена точка/исечка од временската оска. Но, ваквата неопределеност на временската оска на сум-перфектот може да важи само за првото и за второто лице, додека, ако се работи за трето лице, во кичевскиот говор формата на сум-перфектот автоматски носи и значење на прекажаност. *Ко су-му-сѓанала, ко су-му-се-расѓискала на чојкоѓ...*“ (Лаброска 2008 : 115).

Во Преспанско ситуацијата на овој план ја анализираме преку монографијата на Цветановски:

„Кај дел од говорителите се забележува и употребата на *л*-перфектот.

Примери:

Si-`iv'eele vo-eno-s'elo 'eden m'f{ i 'ena `'ena, ml'adi, n'emeja d'e~ina i s'ega r'e{ile da-'ode na-t'u|ina m'f`ot da-sp'e~ali p'ari. A-'ostaj `'enata d'oma t'e{ka i }'inisa na-t'u|ina. 'O{ol t'amo, s'e{ol dolgi g'odini 'ama ne-sp'e~alil n'itu edna-l'eka.

Дадовме поширок контекст за да се спореди мешањето на аористните и имперфектните форми од една страна, и *л*-перфектот, од друга.

Иако, познато е дека формите на перфектот I, континуант на стариот словенски перфект, ги среќаваме употребени во две функции: за кажување и за прекажување, во западнопреспанскиот говор перфектот се употребува само за кажување.

Перфектот I употребен во функција на кажување служи за соопштување на некое дејство во минатото, без точно да го определиме неговото место на временската оска, односно не го прецизираме моментот на извршувањето на дејството. Единствено знаеме дека тоа се случило во минатото.

Во западнопреспанскиот говор перфектот I го среќаваме најчесто во функција на минато неопределено време. Во приказните тој функционира како минато време без точно определување на моментот на случувањето, т.е. како неопределено, а не како прекажано.

Примери:

mu-go-z'ajsle na-man'astiro, go-'oblekle

I 'oti{ol toj d'oma
a t'oa d'eteto st'analo so-n'ea, 'imale d'ete t'ie.
Si-st'anale so-m'ajka-mu, d'emek.
i-'osta–l kor'i~kite i-t'aka i-t'aka, vn'atre n'apolnil l'epe{ot ot-kob'ilata, ja-z'alepil i si-ja-kl'ade vo-t'orbata da-mu-ja-z'ajsi pog'a~ata na-p'opot.
si-go-'ispil v'inoto
'Ojde toj t'amo ena-v'e~er, dve, tri, t'ie ne-mu-otv'orvele.“ (Цветановски 2010)

За банскиот говор е карактеристично тоа дека минатото определено време навлегува и во сферата на општиот претерит што се согледува со употребата на форми од минатото неопределено време при раскажувања на минати доживеани настани кои обично се искажуваат со формите на минатото определено време (аористот и имперфектот) или со формите на презентот. Во ваков случај станува збор за употреба на 1 л. еднина и множина, како и за вметнување на соговорникот во текот на говорниот акт, сп.: *Em'i da-ti-k'a`a {™ sme-rabot'ili... Ja 'o{te ™d-det'e, ™d-det'e, 'o{te ™d-mal'e~ka de, ™d-mal'e~ka, s'i~ko e-bil'o, ja t'ija resna~'e, tov'a resna~'eto, bl'us~eta, ~'er|ite p™-odaj'ata, 'oti n'ie za-st'aja v'ikame odaj'a, s'i~ko tov'a s'i-sme naprav'eli n'ija, da-pred'e{. 'O{te ™t-s'edem g'odini, kad-s,m-bil'a na-s'edem g'odini, ba{~'a-mi b',,{e vojn'ik uf-G'rcija, na-fr'onta i don'ese*

mn'ogu pam'uk. I t'oa pam'uk na-takv'ija edn'i... ti dal'i pa zna'e{ be R'ist™, ne-zn'am... na-kvo se-pred'e{e pam'uko... Na-edn'i mal'e~ki 'ur}i, t'uri{ tak'a rak'ata v'atre, izdl'abeno, t'uri{ i nag'ore 'ima{e edn'o izd'adeno i zav'u~i{ kad'elata, i pred'e{. I ja na-s'edem g'odin s,m-pr'ela pam'uk. A pa, tam v'e}e kad'elite v'fna, edn'o-dr'ugo, tov'a ~e'is, tov'a s'i~koto, n'ema{e n'itu plet'a~ki n'itu.., s'i~ko b',,{e, f-k'a{ti si-se-proizv'edva{e.; A p'ita{ me sfs-mf `'e, ot n'ie ne-v'ikame sapr'ug, v'ikame ma{, sme vfrsn'ici, edn'a god'ina sme r'azdelni i s-n'ego se-pozn'avame 'o{te ot-p'frvo oddel'enie. S# f-ed'en klas sme bil'i. Do... do s'edmi klas el'i po-st'aro tr'e}i klas sme bil'i s'edem g'odin f-ed'en klas s-n'ego i ™t-tog'a si-se-pozn'avam.; I za m'ene se-do`'ali zg™dj'atici. N'o{no vr',,me ka-si-sam-legn'ala ~'ukaa na p'ortata & d™{l'i-sme ako m'o`e, v'ika, L'en~et™ da-se-o``eni za-'edik"ojsi.; Pr'edi be{e fnogu 'inter'esn™, fnogu. 'O{te pred'i, ja ve}e 'ajde tak'a, se sme `en'ili po-sem druk$ n'a~in, de. Ama pred'i mo– te t'eti ka se-`en'ija.

Во контекст на погоре реченото сведочи и податокот дека во банскиот говор раскажувањето на приказните, вообичаено оформени во 3 л. се одвива со формите на минатото неопределено време, сп.: *N'ekoa `en'a b'ila mn'ogo len'iva. O`en'il-se br'at-$ i odi{'el da-ja-k'ani na-sv'adba. Pa, tja t'olko bil'a len'iva }e-e-nem'ala {o da-se-oble~'e, ne-e-im'ala fust'ane {o-da-oble~'e. I re{'il ma`'e dod'eka svadb'uva tov'a, {'ureto-mu, `en'ata-mu da-si-napr'a– fust'an.*

Заклучок

Со ова не ја исцрпивме темата за минатоста во македонските дијалекти, тука опфативме само дел од односнава проблематика. Тука не ги вклучивме итеративно-хабитуалните настани во минатоста, односно временската транспозиција на итеративно-хабитуалните настани од зоната на сегашноста во зоната на минатоста. Со оглед на ограничувањето, не беа разгледани ниту начините на искажување минатост со транспозициски средства, ниту пак временскиот редослед на настаните. Ова се исто така важни теми кои би можеле да се опфатат во еден циклус предавања посветени на македонскиот модално-темпорален дијасистем.

Но, сепак и од изнесеново досега, а и од досегашните проучувања, може да се забележи следново: во балканскиот јазичен ареал сè уште добро се чува опозицијата меѓу аористот и перфектот. Во контекст на јужнословенските јазици ја имаме следнава ситуација: од една страна, словенската тенденција за елеминирање на простите претерити (во прв ред, аористот и имперфектот), како и

истиснувањето на плусквамперфектот од страна на перфектот, кој се преобразил од релативно минато време во општ претерит), се остварува на северозапад, а од друга страна, на југоисток имаме запазување и збогатување на прасловенското наследство. Како главен показател за постоењето на овие две тенденции може да се смета постоењето на корелацијата релативни : апсолутни времиња во македонскиот и бугарскиот јазик и нејзиното распаѓање во словенечкиот, во хрватскиот и , во голем степен, во српскиот јазик.

ЛИТЕРАТУРА

Кирилица

Алексиев Никола 1931: Разлошкият говор*, Македонски преглед*, VI, кн. 2, София.

Белић Александар 1925: „Аорист имперфективних глагола“*, Јужнословенски филолог V*, Београд , 171–182.

Белић Александар 1935: *Галички дијалекат,* Српска краљевска академија, Београд – Срем. Карловци.

БЕР: *Българ̀ски етимологичен речник,* I, II, III, IV, БАН, София, 1971, 1979, 1986, 1995.

Бојковска Стојка 2003: *Радовишкиот говор,* ИМЈ „Крсте Мисирков", Скопје.

Бојковска Стојка 2006: *Мегленскиот говор,* ИМЈ „Крсте Мисирков", Скопје.

Бондарко А.В., Буланин Л. Л. 1967: *Русский глагол*, Ленинград.

Велковска Снежана 1998: *Изразување на резултативноста во македонскиот стандарден јазик*, ИМЈ „Крсте Мисирков“, Скопје.

Видоески Божидар 1950: *Поречкиот говор,* Скопје.

Видоески Божидар 1957: „Кичевскиот говор“*, MJ, VIII*, стр. 31–90.

Видоески Божидар 1962: *Кумановскиот говор,* ИМЈ „Крсте Мисирков", Скопје.

Видоески Божидар 1998: *Дијалектите на македонскиот јазик, том 1*, МАНУ, Скопје.

Видоески Божидар 1999а: *Дијалектите на македонскиот јазик, том 2*, МАНУ, Скопје.

Видоески Божидар 1999б: *Дијалектите на македонскиот јазик, том 3*, МАНУ, Скопје.

Видоески Божидар 1999в: *Географската терминологија во дијалектите на македонскиот јазик,* МАНУ, Скопје.

Видоески Божидар 2000а: *Прашалник за собирање материјал за македонскиот дијалектен атлас,* ИМЈ, Скопје.

Видоески Божидар 2000б: *Текстови од дијалектите на македонскиот јазик,* ИМЈ, Скопје.

Гајдова Убавка 2002: *Темпоралната карактеристика на финитните глаголски конструкции во југоисточните македонски говори,* ИМЈ „Крсте Мисирков", Скопје.

Дрвошанов Васил 1993: *Кајларскиот говор,* ИМЈ „Крсте Мисирков", Скопје.

Конески Блаже 1954: *Граматика на македонскиот литературен јазик, дел II,* Просветно дело, Скопје.

Конески Блаже 1981: *Граматика на македонскиот литературен јазик,* Култура, Македонска книга..., Скопје.

Конески Блаже 1982: *Историја на македонскиот јазик,* Култура, Скопје.

Конески Блаже 2004, *Граматика на македонскиот литературен јазик,* Скопје.

Лаброска Веселинка 2008: *Кичевскиот говор,* ИМЈ „Крсте Мисирков“, Скопје.

Лаброска Веселинка и др. 2012: *Вратничко-полошките говори - духовна ризница,* ИМЈ „Крсте Мисирков", Скопје.

Маленко Билјана 2012: *Штипскиот говор,* ИМЈ „Крсте Мисирков“, Скопје.

Маслов Юрий Сергеевич 1984: *Очерки по аспектологии,* Ленинград.

Минова-Ѓуркова Лилјана 1994: *Синтакса на македонскиот стандарден јазик,* Радинг, Скопје.

Пеев Коста 1979: *Дојранскиот говор,* ИМЈ „Крсте Мисирков“, Скопје.

Пеев Коста 1987: *Кукушкиот говор,* Студентски збор, Скопје.

Петроска Елена, Тофовска Станислава-Сташа 2010, Синтеза 1. Основни средства за изразување сегашност во словенските и во балканските јазици, *Сегашност како лингвистички поим,* ИЦАЛ МАНУ, Скопје, 165–178.

Пипер Предраг 1997: *Оглед српске морфосинтаксе (у поређењу са македонском)*, Сеул.

Стаматоски Трајко 1956: *Градскиот тетовски говор*, *МЈ, VII,* Скопје, 210–242.

Стаматоски Трајко 1957: *Градскиот тетовски говор*, *МЈ, VIII*, Скопје, 91–115.

Стоевска-Денчова Еленка 2004: *Кривопаланечкиот говор,* ИМЈ „Крсте Мисирков“, Скопје.

Тополињска Зузана 1995: *Македонските дијалекти во Егејска Македонија, кн. 1, Синтакса I,* МАНУ, Скопје.

Тополињска Зузана 1997: *Македонските дијалекти во Егејска Македонија, кн. 2, Синтакса II,* МАНУ, Скопје.

Цветановски Гоце 2001: *Местото на перфектот во темпорално-модалниот систем на каршијачкиот говор,* Македонскиот

глагол: синхронија и дијахронија, ИМЈ „Крсте Мисирков", Скопје.
Цветановски Гоце 2004: *Каршијачкиот говор - Скопско (со посебен осврт на синтаксата),* ИМЈ Крсте Мисирков, Скопје.
Цветановски Гоце 2004: *Општествените промени и дијалектите на македонскиот јазик*, Општествените промени и јазикот, ИМЈ <Крсте Мисирков", Скопје.
Цветановски Гоце 2005: *Формална и функционална анализа на сложените глаголски форми (перифрастични конструкции) врз примери од скопскоблатскиот говор*, Литературен збор, LII/4-6, Скопје.
Цветановски Гоце 2008: *Типови плусквамперфектум во скопскоблатскиот и западнопреспанскиот говор (формален и функционален опис),* XXXV научна конференција, Охрид.
Цветановски Гоце 2010: *Говорот на Македонците во Мала Преспа (западнопреспански говор)*, ИМЈ „Крсте Мисирков“, Скопје.
Цветановски Гоце и др. 2014: *Банскиот говор*, ИМЈ „Крсте Мисирков“, Скопје.
Шклифов Бл. 1979: *Долнопреспанският говор*, София.

Latinica

Friedman Viktor 1977: *The Grammatical Categories of the Macedonian Indicative*, Columbus.
Friedman Viktor 1986: "Evidentiality in the Balkans: Bulgarian, Macedonian, and Albanian", *Evidentiality: The Linguistic Coding of Epistemology*, ed. W Chafe and J. Nichols, 168-189. Norwood, N.J.
Galton 1976: Galton H. *The Main Functions Of the Slavic Verbal Aspect*, Skopje.
Gołąb Zbigniew 1964: *Conditionalis typu bałkańskiego w językach południowosłowiańskich,* Kraków.
Skok Petar 1971-74: *Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika*, JAZU, Zagreb.

Проф. д-р Виолета Ачкоска
Филозофски факултет
Република Македонија

МАКЕДОНИЈА ПОМЕЃУ МИНАТОТО И СЕГАШНОСТА

> Пет минути од денонoќието ѝ посветувам на маченицата Македонија, за да се соочам со мојата македонска свест и да се уверам дека не е ништо она што досега сум го сторил за неа. Ја сакам Македонија повеќе од сè друго на светот. (Владислав Ковачев)

На 9 ноември 1989 година падна Берлинскиот ѕид. Овој настан симболично означи почеток на нова европска историја, чиј главен белег беше обединувањето на Германија и падот на комунистичките режими. Разјадувана од внатрешни противречности на економски и политички план, во историјата замина и Социјалистичка Федеративна Република Југославија (СФРЈ). Нејзините дотогашни конституитивни делови го започнуваа животот како посебни, суверени држави. Во овие рамки граѓаните на Социјалистичка Република Македонија (СРМ)[83], како и оние од СР Словенија и СР Хрватска, по пат на референдум, се изјаснија за излегување од федерацијата и прогласија независност[84]. Но, за разлика од Хрватска и Словенија, осамостојувањето на Македонија не беше поздравено, ниту од нејзините соседи, ниту од меѓународната заедница. Повторно се отвори „македонското прашање“, кое се сметаше дефинитивно затворено во Букурешт (1913) и Версај (1919). Во текот на Втората светска војна на 2 август 1944 година на Првото Антифашистичко народноослободително собрание на Македонија (АСНОМ) беше прогласена Демократска Федерална Македонија (ДФМ) во вардарскиот дел од етногеографска Македонија. Така, во 1944 година ова прашање се реши парцијално, во рамките на авнојска

[83] Во јуни 1991 година од името на државата е изоставена назнаката „социјалистичка” и се утврди уставното име Република Македонија.

[84] Референдумот за независност на Македонија беше одржан на 8 септември 1991 година. Од вкупно запишаните 1.495.626 гласачи на тогашна СРМ гласале 71,85%, а од нив дури 95,32% се изјасниле за самостојна и суверена држава. (В. Ачкоска, *Лекции од историјата на современата македонска држава,* Скопје 2011, 244).

Југославија[85] иако целта на антифашистичката Народноослободителна борба на македонскиот народ беше негово повторно обединување и државотворно конституирање во рамките на една југословенска или поширока балканска федерација („Слободна Македонија во слободен Балкан“). За тоа зборуваат и асномските конститутивни документи. За југословенското решение на „македонското прашање“ клучна улога одигра Велика Британија која се плашеше од промена на статусквото на Балканот и од загрозување на нејзините интереси во Грција[86]. Во тие рамки ги подржуваше границите на версајска Југославија во поствоената политичка карта. Ставена пред веќе завршен чин, Велика Британија прифати единствено и максимално решение за Македонците – да се прифати ДФМ како држава со ограничен суверенитет во рамките на Југославија[87]. И тогаш, како и сега, Македонија беше на „линијата на огнот“ помеѓу Истокот и Западот.

Затоа, кога станува збор за Македонија и Македонците како современа нација, како во минатото, така и денес, се соочуваме со кршење на меѓународното право од страна на оние кои треба да го почитуваат. Тие воспоставуваат двојни аршини, односно она кое важи за земјите внатре во Европската Унија (ЕУ) да не важи за некоја земја која е надвор од оваа структура. Ваквата политика се покажа уште на самиот старт на осамостојувањето на Република Македонија

[85] Авнојска Југославија или Демократска Федеративна Југославија (ДФЈ) беше прогласена на Второто заседание на АВНОЈ, на 29 ноември 1943 година во границите на предвоена, версајска Југославија која капитулира по нападот на фашистичките и нацистички сили на 6 април 1941 година. Посебни републики во рамките на федерацијата формираа оние народи кои надвор од нејзините граници немаа матични држави. Значи беше почитуван народносниот принцип за Словенија, Хрватска, Србија, Македонија, Црна Гора, освен за Босна и Херцеговина.

[86] Британија беше активно вклучена во Граѓанската војна во Грција (1946-1949) до 1947 година, а потоа САД го презема приматот. Во оваа војна Македонците земаа масовно учество борејќи се за своите национални права. По поразот на Демократската армија на Грција (ДАГ) започна масовно етничко чистење и промена на етничкиот состав на провинцијата Северна грција која во 1988 година беше преименувана во Македонија.

[87] Во овие рамки, на пример, британската дипломатија внимателно ги следи југословенско-бугарските преговори за федерација, стравувајќи дека во рамките на таквата федерација со обединување на делот од Македонија во Бугарија со новоформираната македонска држава, може да излезе од зацртаните рамки „македонското прашање“. (Н. Велјановски, *Македонија и Балканот,* Скопје 2007, 157-177).

(РМ) во игрите околу нејзиното меѓународно признавање и трае до денес.

Додека РМ со различни уцени и дополнителни критериуми, кои не важат за другите земји, се држеше и се држи надвор од евроатланските интеграции и со тоа секојдневно сè повеќе се дестабилизира, нејзините соседи стануваат членки и на ЕУ и на НАТО без да ги исполнат пропишаните стандарди. Во овие рамки дури се видливи и ретроградни процеси. Со нивното стапување во евроатланските институции, наместо да започне процес на европеизација на Балканот, се случува обратното – балканизација на Европа. За жал, одделни меѓународни фактори ги подржуваат „игрите“ на немирните балкански деца кои сè уште се во кругот на големодржавните идеи од XIX век.

За балканските држави и натаму владеењето со Македонија останува сон за владеење на Балканот, при што се кршат сите норми на почитување на правата на македонскиот народ на нивната територија, изложен, со незначителни прекини, на перманентна асимилација. Така на пример, Бугарија за прв пат го призна постоењето на посебниот македонски народ по 9 септември 1944 година и опстојуваше на таа политика до судирот на КПЈ со Информбирото. За време на судирот на КПЈ со Информбирото (1948-1956) и влошувањето на југословенско-бугарските односи, дотогашната автономија во Пиринска Македонија беше постепено укинувана[88]. По доаѓањето на Тодор Живков на власт (1954) припадниците на не-бугарските националности во Бугарија биле подложени на систематска денационализација и асимилација кое подоцна се оправдува со теоријата за создавање на единствена „социјалистичка нација“[89].

[88] Види: В. Ачкоска, „Улогата на македонската емиграција во Бугарија во создавањето и афирмирањето на современата македонска држава“, *Годишен зборник на Филозофскиот Факултет*, кн. 63, Скопје 2010.

[89] Бугарскиот историчар М. Лалков, изменетите ставови во однос на македонското прашање од страна на Отечествено фронтовската власт по 1944 година ги оценил како грешка и недоволно промислен компромис, во време кога Бугарија требаше да биде казнета како сојузник на нацистичка Германија. (М. Лалков, „Основни насоки във външната политика на балканските народнодемократични държави 1944-1948“, *Проблемът на мира и международните отношения 1919-1980,* София 1987, 117). Истата теза ја застапуваат и други бугарски историчари (Е. Калинова & И. Баева, *Българските преходи 1944-1999,* Софи® 2000, 41).

Но, да тргнеме со ред, следејќи ја етногенезата на овој негаторски процес кој води кон „дефинитивно“ решавање на македонското прашање, кое повторно се отвори во 1991 година преку барања за деноминирање на името на државата и нејзиниот државотворен народ, бришење на неговата историја, традиција, јазик и култура. На очиглед на современа Европа во 20 и 21 век Македонците доживуваат духовен геноцид кој во одделни периоди од минатото имаше и природа на физичко истребување за кое постојат многубројни архивски и други сведоштва.

Неизбришливото паметење на славата на Филип II и Александар III Македонски, геостратегиската положба на Македонија како раскрсница на патишта и природните богатства биле привлечни за многу освојувачи низ историјата. По пропаста на големото Македонско кралство во антиката, Македонија како средиште на Балканскиот Полуостров била предмет на освојување на римската држава, а во средниот век на бугарската, српската и османската држава која тука владеела сè до 1912 година.

Во долгата етногенеза од стариот до најновиот век, на истиот простор живеел народ кој го сочувал македонското име во континуитет и покрај миграционите процеси – доселувања, отселувања, асимилации исл. Не случајно и територијата на Македонската револуционерна организација (МРО) се простирала на просторот на етногеографска Македонија[90]. Оваа организација се борела за автономија на Македонија, како етапа кон политичка независност. Така, и покрај некои етноними што се јавувале како историско наследство од разните повремени и привремени завладувања на Македонија, во свеста и чувството на Македонците постојано живеело и се зацврстувало македонското и како географско и како народносно име. Во европските учебници, карти, грбовници и други печатени текстови тоа име секогаш било диференцирано од соседите. Затоа денес името Македонија во континуитет го носи

[90] МРО беше формирана од група македонски дејци на 23 октомври 1893 година во Солун. На нејзиниот прв конгрес во 1896 година беше наречена Тајна македоно-одринска револуционерна организација (ТМОРО), а на Рилскиот конгрес е преимениувана во Внатрешна македоно-одринска револуционерна организација (ВМОРО). Во периодот меѓу двете светски војни (1919-1934) го носи името Внатрешна македонска револуционерна организација (ВМРО), име кое и денес вообичаено се користи за целокупното делување на оваа организација. (*Македонски историски речник,* Скопје 2000, 108-109).

Република Македонија и македонскиот народ како државотворен во нејзините граници.

Во неколку милениумското постоење етногеографска Македонија доживеала многу промени, но секако денешната нејзина положба и корените на „проблемите“ со соседите, но и со меѓународното признавање на современата македонска држава – Република Македонија, можат да се сместат во XIX век, векот на националното будење на балканските народи и формирање на нивните национални држави. Дури по државното осамостојување на периферните соседи во Европска Турција (Грција, Србија и Бугарија), постепено се цртаат етничките граници на балканските народи. Македонија, како централна област во Европска Турција, беше принудена последна да ги воспостави државните граници, после Албанија која беше создадена, пред сè, од страна на Австро-Унгарија и Италија во 1912 година заради спречување на ширењето на руското влијание.

Актуелната положба на Балканот е многу малку изменета во однос на националните стратегии изградувани во текот на XIX век бидејќи територијалните побарувања за „големи“ балкански држави (Санстефанска Бугарија, Мегало Грција, Душанова Србија и Голема Албанија) се поклопувале и се поклопуваат во средиштето на Балканот, односно на картата на етно-географска Македонија[91]. Притоа, „не е исклучено дека Македонците – доколку воопшто биле запознаени со шпекулациите и интригите на нивните соседи, што треба да се претпостави со оглед на дејноста на бандите од соседните држави – уште на крајот на XIX век се потпирале врз надежта дека антагонистичките интереси на нивните соседи не само што се вкрстуваат во нивната земја, туку дека тие, притоа, со тоа и се неутрализирале...“[92]. Од истата претпоставка, за жал тргнала и македонската политика во 1991 година, укажувајќи „на предноста на Македонија во тоа што таа се наоѓала во „*рамнотежа помеѓу желбите на нејзините соседи*“[93]. Но, ударот е силен. Грција не го признава името на државата ниту пак македонското малцинство во

[91] Д. Мирчев, *Балканскиот меѓаетникум, Националните доктрини на македонските соседи*, Скопје 2012, 233-249.

[92] Х. Ш. Лотар, *Македонскиот јазол, Идентитетот на Македонците прикажан на примерот на Балканскиот сојуз (1878-1914)*, Скопје 2004, 193.

[93] Токму затоа Михаел Вајтман ја употребил метафората за „четирите огнови“ околу Македонија и Стефан Требст за „четирите волци“. (Х. Ш. Лотар, исто, 194)

нејзините граници, како и Бугарија која не го признава јазикот и народот. И во двете држави, членки на ЕУ, македонското малцинство не ужива ни минимум национални права. Србија, која официјално го признва постоењето на македонскиот народ, во кругот на негирања се приклучува со непризнавање на Македонската православна црква (МПЦ). Република Албанија, пак, крајно ги минимимизира и бројот и правата на Македонците во нејзините граници, настапувајќи со максималистички барања во однос на нејзиното малцинство во РМ кое води кон разградување на државата.

Република Грција не го признава името на државата по нејзиното осамостојување, подржана од дипломатијата на ЕУ и други меѓународни фактори. Повикувајќи се на антиката се заборава реалниот историски факт дека за прв пат во грчката историја дел од етногеографска Македонија припадна на Грција по балканските војни (1912/1913), со Букурешкиот договор од 10 август 1913 година. Со ова, во голем степен, дојде до реализација на „мегало“ идејата на Јоанис Колети изнесена 1844 година во грчкиот парламент. Колети бара проширување на Грција на север со освојување на дел од тогашните османски владеења на Балканот, односно Македонија. Ваквата надворешнополитичка концепција мораше да биде поткрепена со докажување на историски легитимитет на Грција над таа територија. Така и покрај жестоките полемики дека Македонците биле варвари и не припаѓале на хеленскиот свет, беше прифатена големодржавната идеја за докажување на грчкиот карактер на античкото македонско царство. Започна интензивна реформа во образованието, особено на историското образование, при што историјата на Античка Македонија и на Источното Римско царство (Византија) се изучуваше како грчка[94].

Додека во грчката држава се кршат копјата околу присвојување на античкото македонско минато, во истиот период, 1844 година, се појавува т.н. „Начертание“ на Илија Гарашанин. Со оваа надворешно-политичка програма Србија ќе бара проширување на југ, во Македонија, односно обнова на средновековната држава на цар

[94] Види: Д. Јовановски, „Цвртување кон античкото минато заради идентитетот – Случајот на Грција“, *Годишник на Филозфскиот факултет,* Скопје 2008, 171-179; Истиот, „Македонија е наша, но...“, *Годишник на Филозфскиот факултет,* Скопје 2009, 265-274;

Душан[95]. Проширување на сметка на Македонија, како и Грција, Србија ќе добие по балканските војни.

Република Србија како сосед, исто така, не го поздрави осамостојувањето на Република Македонија во 1991 година. Дури во април 1996 година тогашна Сојузна Република Југославија (СРЈ) и РМ ја потпишаа Спогодбата за регулирање на односите и унапредување на соработката меѓу двете држави. До денешен ден се уште стои нерешено прашањето за признавање на Македонската православна црква од страна на Српската. Во основа на овој црковен спор лежи непризнавањето на националната посебност на македонскиот народ од страна на најконзервативниот дел од српското општество. Исто, така, актуелната власт во Србија настапува со јавни изјави дека било „грешка признавањето на РМ по уставното име. Ова е алармантно, доколку се анализираат грчко-српските договарања, особено за време на распадот на СФРЈ.

За време на Големата источна криза (1875-1878), во која Македонците подигнаа две востанија (Разловечкото 1876 и Македонското во Кресна 1878), се отвори и „албанското прашање“ кое од почетокот имаше големодржавни претензии. Во рамките на планираната албанска држава, Албанците сочинувале околу 30% од вкупната популација. Ваквата состојба зборува дека етничките причини не биле во содејство со територијалните. Така, започнува реализирање на стратегија за етничко пополнување на територииите на кои Албанците беа малцинство и која трае до денес, прилагодена кон актуелните состојби: преку механички прилив, етничко чистење, енормен наталитет, албанизација на други етнички елементи со исламска вероисповед[96] итн., со истовремено барање подршка од меѓународниот фактор[97]. Притоа константно во РМ се игра на картата

[95] Р. Љушиќ, „Илија Гарашанин (1812-1874)“, *Србија 19 века,* Београд 1994, 182-188.

[96] С. Милосавлевски, М. Томовски, *Албанците во Република Македонија 1945 – 1995*, Легислатива, политичка документација, статистика, Скопје 1997, 15.

[97] Турската Порта за да ги одброволи Албанците пред отворањето на оваа криза, им ветила создавање автономен „арбанашки“ (албански) вилает кој требало да ги опфати просторите на Скадарскиот, Јанинскиот, Битолскиот и Косовскиот вилает. Со формирањето на Призренската лига во јуни 1878 година албанските првенци излегле со радикален предлог за територијата на идната албанска држава во која, меѓу другите, влегувале и повеќе македонски градови (Дебар, Скопје, Гостивар, Прилеп, Велес, Битола и Охрид). (V. Achkoska, The Macedonian-albanian historical borders in the XX century. *Pravne i povijesne odrednice granica srednje i jugoistocne Europe,* Osijek 2011; В. Ачкоска, „Идејата за ‘Голема Албанија’ и

на бројноста на албанското население, при што не е направен ниту еден валиден попис во кој реално би се прикажал етничкиот состав на населението[98]. Лидерите на најголемите албански партии, во текот на последните парламентарни избори (2016) изнудени преку меѓународен притисок, со рушење на Уставот на РМ, беа повикани во Република Албанија, каде добија конкретни инструкции, тн. „Тиранска платформа“ со која се проширува Рамковиот договор од 2001 година, веќе целосно имплементиран во Уставот и законите на РМ. Со новата платформа се бара воведување на албанскиот како втор државен јазик во РМ[99]. Тоа всушност значи рушење на унитарноста на РМ и создавање на трета албанска држава на Балканот, покрај Албанија и Косово, како чекор кон реализација на големоалбанската идеја.

Во текот на XIX век Русија и Австро-Унгарија играле клучна улога на Балканскиот Полуостров и ги подржувале балканските држави во правец на реализација на сопствените геостратегиски интереси. Во втората половина на векот, со продорот на европскиот капитал во Турција на сцената како заинтересирани фактори се појавуваат Германија, Франција и особено Велика Британија, а денес САД кои играат клучна улога на Балканот.

По турскиот пораз во Руско-Турската војна од 1877/78 година во градчето Сан Стефано близу Цариград, на 3 март 1878 беше случен прелиминарен мировен договор со кој Русија ја проектираше „голема“ или Санстефанска Бугарија[100]. Во рамките на оваа творба

некои демографски промени во Западна Македонија во XX век“, *Годишник на факултетот за безбедност,* Скопје 1999, 123-131).

[98] Манипулирајќи со наводни 40% од составот на населението, со закани за радикализација и немири, етничките Албанци не дозволуваат спроведување на реален попис во РМ. Тие го бојкотираа пописот во 1994 година, па според проценка беа утврдени 22,9%, а во 2002 заради спроведување на Рамковиот договор беа прикажани со околу 25%. Но, според бројот на избраните пратеници, во неколку состави на македонскиот парламент, може да се процени дека се некаде околу 18%. (Х. Ш. Лотар, исто, 193). Според најновите проценки преку здравствените осигуреници и други показатели се претпоставува дека се околу 15-16%.

[99] Одредбите на „Тиранската платформа“ задираат во државните симболи (химна, знаме, грб, униформи итн.) кое јасно покажува дека се работи за рушење на унитарноста на РМ, нејзина федерализација и на крај косовизација, односно одделување на дел од македонскта територија зацртана во концептот на Голема Албанија.

[100] При примот во ЕУ и НАТО, Бугарија не беше условена со менување на новиот национален празник (3 март), кој беше воведен во 1988 година, во

влегуваше речиси цела етногеографска Македонија. Претходно, руската политика го подржа создавањето на бугарската независна црква односно Бугарската егзархија (1870). Словенското население бегајќи од Патријаршијата, се приклонуваше кон оваа словенска црква и беше нарекувано бугар-милет, бидејќи во турскиот милет систем етничката припадност се врзуваше со припадноста кон одредена црква. Во Македонија, покрај бугарската, беа присутни и Цариградската патријаршија која го шириле грцизмот, а потоа се вклучува и српската црковна пропаганда. Сите овие цркви со своите пропаганди вршеа поделба на етничката целост и асимилација на македонскиот народ кој без своја посебна црква и просветни институции беше попречуван во националната преродба. Токму затоа таа негова преродба беше поврзана со борбата за обнова на Охридската архиепископија укината со султански ферман во 1767 година. Во Македонија се водеше безмилосна меѓусебна конкурентска борба помеѓу туѓите цркви за превласт и привлекување на македонското население кое го определувале „етнички“ според црквата[101].

По неуспехот на Илинденското востание од 2 август 1903 година[102] и ненадоместливите последици од изгубените човечки животи во текот и по востанието, на сцена стапува инертната и рамнодушна европска дипломатија. За оваа дипломатија беше поважно декларирање на некаква форма за „смирување на

сеќавање на анулираниот договор од Сан Стефано на Берлинскиот конгрес (1878), затоа што со себе носи ревизионистички обележја Сепак, со таквиот тежок анахронизам, Бугарија стана членка на ЕУ и НАТО. (Х. Ш. Лотар, исто, 397).

[101] Еден турски дипломат за време на неговата служба во Македонија кажува дека неговата слугинка по име Зовица за една недела три пати ја сменила националноста. Тој запишал: „Еден петок дојде кај мене дома како Влаинка. Во вторник навечер ја прашав и рече дека станала Гркинка. Затоа што во црквата и рекле дека татко и е Грк, станала Гркинка. Два дена потоа...ми рече дек е Бугарка. Утврдите дека мајка и е Бугарка. Во четврток во 8,30 станала Бугарка. Луѓето од маалото дошле, формирале меџлис (собрание) и ù го примиле бесплатно детето во училиште. Што понатаму направила не знам, но таа стана Бугарка, и за да од бугарска не оди во друга црква, се заколнала врз библијата“. (И. Кочан, *Битка за Македонија (турската историграфија за балканските војни 1912-1913, со посебен осврт за Македонија)*, Скопје 2010, 37).

[102] Илинденското востание предводено од ВМРО и десетдневната Крушевска република беа самостоен чин на македонскиот народ во борбата за ослободување и автономија. Македонските востаници не добија помош ниту од ветените „бугарски штикови“ ниту од големите сили кои во тој момент се залагаа за статуско на Балканот.

состојбите“ отколку било каква суштинска промена која ќе донесе подостоинствен живот или автономија за Македонија слично како што тоа беше направено за другите балкански држави. Македонија стана поле на меѓусебно ривалство на вооружените пропаганди на соседните држави кои се бореа за реализација на нивните политичките програми за завладување на Македонија.

Во 1908 година, во времето кога Русија и Австро-Унгарија закажуваа средба на која требало да се разговара за автономија на Македонија, се јавуваат Младотурците и дел прогресивни сили во Османското Царство кои преку државен преврат (наречен Младотурска револуција) пред европската јавност демонстрираат воведување на парламентарен систем и почитување на граѓанските и други права во етнички и религиозно разнобразната држава. Но, сето тоа било краткотрајно и недоследно, така што соседните балкански држави – Србија, Бугарија и Грција ја договорија поделбата на територијата со која владееше Турција на Балканскиот Полуостров. Кон нив, водени од свои интереси и како сојузници влегоа Црна Гора и Романија. Во преговорите меѓу Србија, Бугарија и Грција најсуштествено било разграничувањето на сферите на нивното „историско“ право над Македонија. Затоа биле склучени посебни воени конвенции и тајни анекси со кои се прецизирани заедничките воени акции – односно која војска до каде ќе оди во својата „ослободителна“ мисија[103]. Така започнуваат балканските војни 1912/1913 во кои македонскиот народ зема масовно учество со наивна надеж дека ќе биде ослободен од „браќата христијани“. Но, наместо ослободување, Македонија ќе биде поделена помеѓу „ослободителите“ Грција, Србија и Бугарија.

Големата војна или Прва светска војна 1914 – 1918 значеше продолжување на воениот кошмар за Македонците. Тие повторно беа регрутирани во различни војски и војуваа за туѓи цели. Од 1915 година низ Македонија поминуваше фронтовата линија – Македонски фронт каде војуваа околу 1.200.000 војници. Конечно со Версајскиот мир од 1919 беа утврдени границите на балканските држави во кои влегоа делови на поделена етногеографска Македонија[104]. Во рамките на овие држави сè до 1944 година, кога

[103] На пример, „Договор за сојуз и пријателство“ помеѓу Србија и Бугарија и тајниот додаток на договорот од 1912 година или „Воената конвенција“ од 14 мај 1913 година помеѓу кралствата Србија и Грција.

[104] Во Неји, во Франција на 27.11.1919 година, со мали измени, биле санкционирани одредбите на Букурешкиот мировен договор. Од територијата на

беше создадена првата современа македонска држава - ДФМ како дел од авнојска Југославија, македонскиот народ, во различни периоди и со различни средства беше подложен на национално-културен и физички геноцид. Така и Друштвото на народите им даде право на Македонците да се „декларираат“ како „Срби“, „Бугари“ или „Грци“. Новите балкански освојувачи на Македонија спроведуваа систематска државна политика на однародување на македонскиот народ и бришење на неговиот историскиот простор, преку водење крајно репресивна политика која во одредени периоди и региони попримаше геноциден карактер[105]. По инерција на една долготрајна непринципиелна политика на интереси и сфери на влијание, моќниците кои ја кројат европската и светската политика, најчесто го притискаат помалиот и послабиот, притоа кршејќи ги конвенциите и документите со кои на секој човек и на секој народ му е загарантирано правото на сопствен идентитет, правото на слобода, правото на национални и човекови права.

Така, прогласувањето на суверена Република Македонија во 1991 година, повторно го ослободи „духот од Букурешт“ и го актуелизира „македонското прашање“, кое британската, американската и другите

етногеографска Македонија чија површина опфаќала 67.741,2 km2, на Грција и припаднал најголем дел – 35.169 km2; на Кралството СХС - 25.774 km2; на Бугарија - 6.798 km2. Еден мал дел од територијата на Македонија останал во границите на Албанија, формирана на Лондонската конференција по Првата балканска војна. Деловите од поделена македонија добија условни одредници – Вардарска Македонија (според реката Вардар, дел кој припадна на Кралството Србија, односно Кралството СХС), Пиринска Македонија (според планината Пирин, припадна на Бугарија) и Егејска Македонија според Егејското Море, припадна на Грција) (*Историја на македонскиот народ,* ред. Тодор Чепреганов, Скопје 2008, 212-225).

[105] Во „новоосвоените“ територии балканските држави воспоставиле специјални режими на терор, етничко чистење и колонизација на немакедонски етнички елементи на територијата на Македонија со цел да ја променат нејзината етничка структура. Со низа мерки на асимилација (преку административно-полицискиот апарат, преку образованието, просветата, црквата итн.), тие си поставиле за цел да направат од Македонците покорни Срби, Грци (Елини) или Бугари, именувајќи ги како Јужни Срби, Македонски Бугари и Грци-Славофони (Славо-Македонци), односно да ги принудат што е можно побрзо да заборават на својата национална посебност. Притоа, секоја од балканските држави пред Друштвото на народите барала заштита на „своето“ малцинство кај соседот (Види: В. Кушевски, *Македонското прашање во Друштвото на народите*. Скопје 2001; Т. Цинго, „Егејска Македонија во периодот 1912-1939“, *Еден век проѓонство, 3.* Скопје 2013, 25-35; Л. Пановска, *Крајот на една илузија: Граѓанската војна во Грција и Македонците 1946-1949*. Скопје 2003).

дипломатии го сметаа дефинитивно затворено. Соседните балкански држави ги поткрепуваат неизживеаните големодржавни опсесии со некаков исфабрикуван историски легитимитет за владеење над Македонија, па во тие рамки го проблематизираат името на државата – Република Македонија, националниот идентитет на Македонците, нивниот јазик, историја, култура, правото на самостојна црква и ред други прашања. Ова е поткрепено со стереотипите на меѓународните фактори кои ги воспоставија сегашниве балкански граници, не според правото на народите, туку според интересите на високата политика во чии рамки влегува и „конечното решение“ на „македонското прашање“.

Во почетокот на декември 1991, по усвојувањето на првиот Устав на РМ од 17 ноември, претседателот на државата Киро Глигоров, побара меѓународно признавање на државата[106]. Министерството за надворешни работи ги достави на Бадентеровата арбитражна комисија сите неопходни документи. На 11 јануари 1992 година, на состанокот на ЕУ беше поднесен извештајот на Комисијата во кој позитивни оценки за исполнување на условите за меѓународно признавање добија Р. Словенија и Р. Македонија.. Обрнувајќи внимание на некои прашања од страна на Р. Грција кои се однесуваа на името на државата, Бадентеровиот извештај јасно нагласува дека името на државата не имплицира никакви територијални претензии. Извештајот беше објавен на 15 јануари, а неколку часови подоцна, новинските агенции јавуваат дека Европскиот совет одлучил да ги признае Словенија и Хрватска, но не и Македонија. Така ЕУ ги прекрши принципите и условите што самата ги поставила во однос на одделни меѓународни прашања. Потоа следеше Лисабонската декларација со која на државата и се забранува употребата на името Македонија под силниот притисок на грчката дипломатија. Истовремено, во есента 1992 година Р. Грција воведе необјавена жестока економска блокада, а потоа, во февруари 1994 година ја затвори границата со РМ[107]. Ова коинцидираше и со трговските

[106] К. Глигоров, *Македонија е се што̄ имаме,* Скопје 2001, 170-172.

[107] На 13 октомври 1995 година во Скопје е потпишан меморандум за прктична примена на Привремената спогодба од Њујорк (од 13 септември 1995) потпишана меѓу Македонија и Грција. На 15 октомври, Република Грција го укина ембаргото за РМ воведено на 16 февруари 1994. Идните напори за македонските евроинтеграции беа сопирани од страната на Грција која ја кршеше привремената спогодба, а нејзините парнери ги тргаа рацете од таквото грчко однесување. Дури на 27 февруари 1996 година, РМ и Република Грција воспоставија дипломатски

санкции на ООН против Србија, во јуни истата година, што од своја страна создаде тешки и дополнителни економски проблеми на РМ[108]. Приемот на Република Македонија во ООН во април 1993 година под привремената референца – Поранешна југословенска Република Македонија –„ПЈРМ“ („FYROM“) исто така значеше кршење на одредбите и принципите на оваа светска организација и негирање на правото на една држава самата да го избира своето име[109]. Иако хеленистичката Република Грција нема право на Република Македонија да и го забранува користењето на коректното име на државата, тука дојде до израз несфатливата солидарност на земјите членки на ЕУ, НАТО, на Советот на Европа и на ОБСЕ, кои го прифатија користењето на привременото име „FYROM“ („ПЈРМ“), настанато спротивно од меѓународното право[110]. Во рамките на ООН беше донесена т.н. Привремена спогодба според која Грција не требаше да го попречува влезот на РМ во ЕУ и НАТО. Спогодбата не беше почитувана од страна на Грција така што на самитот на НАТО во Букурешт во 2008 година следеше вето за РМ. Меѓународниот суд на правдата во Хаг донесе пресуда во корист на РМ, но Грција не го почитува, како што е ирелевантно и за водечките структури на НАТО и ЕУ. Притоа НАТО востанови нов критериум за влез на РМ - решение за спорот со името со Грција[111]. Така во рамките на ООН се водат преговори „околу разликите“ во спорот со името меѓу Македонија и Грција.

Во низот на условувања и блокади, по влезот во ЕУ се вклучи и Бугарија, со нејзините „црвени линии“ и историски багаж за непостоење на посебен македонски народ[112]. Понатаму следи и

односи на амбасадорско ниво. (А. Тунтев, *Република Македонија, Прва декада (1990-1999),* Скопје 2005, 60-72)

[108] Р. Никовски, „Факти за заднината на грчката политика кон Македонија“, *Дневник,* 18.04.2008.

[109] С. Георгиевски & С. Додевски, *Документи за Република Македонија 1990-2005*. кн. 3. Скопје 2008, 226-243.

[110] Х. Ш. Лотар, исто, 397.

[111] С. Даскаловски, „Искуства од отворањето на третиот круг на преговори за проширување на Северноатланската алијанса“, *Годишен зборник на филозофскиот факултет, 46.* Скопје 2009, 623-637.

[112] Во двата повоени пописи во Бугарија постои графата Македонец. Во вториот попис од 1956 година, во Благоевградскиот округ 63,64% од населението се декларирале како Македонци, 33,3% како Бугари и 3,03% други. (В. Јотевски, *Македонците во Пиринскиот дел на Македонија (1949-1989)*. Скопје 2004, 121-127). Понатаму во бугарските пописи ја нема графата – Македонци, а бугарската

Договор за добрососедство со соседна Бугарија, која ја негира посебноста на македонскиот народ и македонскиот јазик, заради што неколку години владата на ВМРО-ДПМНЕ, не се сложуваше со клаузулата за „заедничка“ историја во самиот договор. Инсистирањето на „заедничка“ историја би значело Македонците да се откажат од многу историски дати кои го прават континуитетот на македонската борба за државност, во интерес на големодржавната фикција на Бугарија. Притоа е интересно што Бугарија воопшто нема барања во однос на Грција за признавање на „бугарското“ малцинство. Атакот е насочен врз македонската држава – Република Македонија. Доколку Бугарија и Грција го признаат постоењето на македонскиот народ како државотворен во рамките на РМ, тогаш нормално се поставува прашањето што станало со Македонците во рамките на нивните држави во „новоосвоените“ територии, односно со поделбата на етногеографска Македонија по балканските војни во 1913 година.

Всушност, целокупната тактика е насочена кон негирање на правото на државотворност на македонскиот народ, како наводно „неисториски“, како нечиј производ итн. Играта е провидна: овие држави сакаат да ги прикријат сопствените историски злодела, но и современото кршењето на правата на малцинствата во сопствените држави, заостанувањето во однос на развојот на демократијата и на европскиот економски развој итн. Република Грција има и дополнителен страв од евентуално обештетување за одземените имоти на протераните Македонци („Не-Грци“ по род), доколку ги прифати европските стандарди и се придржува на меѓународното право. За да ја одбегне меѓународната правда, постојано распирува шовинизам преку тезата за наводниот „иредентизам на Скопје“[113].

политика го утврдува ригидниот став дека на територијата на Македонија никогаш не постоела македонска народност, македонска нација и македонска држава, дека Македонија низ вековите била географски поим, а на нејзината територија живееле и живеат Бугари.

[113] Грчките историчари Спиридон Стефас и Киријакос Кетронис во однос на противењето на Република Македонија да го користи уставното име запишале: “Користејќи географско име (Македонија), скопските експанзионисти отсекогаш се стремеле да и дадат национално прифаќање со цел на тој начин да определат една словенска нација. Тоа исто така значи обид грчкиот народ да се лиши од голем дел од културното наследство што со право му припаѓа. Во текот на 45 години, името Македонија за Скопје беше основен инструмент на неговата територијална и културна експанзија на штета на Грција“. (Д. Мирчев, исто, 231).

Да се пласира тезата за „загрозеност“ на бугарската и грчката нација од нивниот западен односно северен сосед е навистина крајно несериозно обвинување, бидејќи се работи за далеку поголеми држави, членки на ЕУ и НАТО. Таа нивна агресивност, во краен случај, како што кажавме, е резултат на стравот од демократијата, која меѓу другото, бара признавање и на индивидуалните и на колективните права на граѓаните за нивна самоидентификација. Токму затоа, овие непризнаени од друга етничка припадност граѓани се изложени на различен вид притисок и со сите средства се попречува нивното политичко организирање. Примерите со македонските партии - „ОМО-Илинден“ во Бугарија или „Виножито“ во Грција, даваат доволно аргументи во прилог на оваа теза. Истовремено Македонците во Албанија се изложени на силен асимилаторски процес и минимизирање на нивните права.

Така од самиот чин на осамостојувањето Република Македонија се соочува со притисоци, уцени, изолација. Во последните неколку години беше спроведено „украинско сценарио“ или т.н. „шарена револуција“. Во овие рамки, преку интервентно рушење на легално избраната власт и правење договори (Пржино 1 и Пржино 2) беше елиминиран Уставот на државата и прегазена волјата на мнозинството граѓани. На крајот, се создаде дополнителна внатрешна дестабилизација, економско назадување и невидено пиреење на „балканизмот“, покрај многустраната камапања дека РМ наводно се вратила на „патот на евроатланските интеграции“. Ослабената држава и политички разединетите граѓани кои со години беа објект на специјална пропаганда, сега се под невиден притисок на соседите со нивните пларформи и наводни договори за „добрососедство“ кои навлегуваат во идентитетските прашања на државотворниот македонски народ. Сето тоа значи дека Република Македонија треба да биде деноминирана и федерализирана со можност за повторување на „косовското сценарио“, а одделни политичари под надворешен притисок да потпишат акти во кои на македонскиот народ му се одзема историјата, името, јазикот, а со тоа и историскиот легитимитет на правото на државност.

Така, и во минатото и во сегашноста, Македонија и Македонците останаа објект на големодржавните стратегии на соседите и на немањето интерес на „големите“ да застанат во одбрана на демократските принципи кои самите ги декларирале.

Весна Мојсова-Чепишевска:

КАКО СЕ ЉУБИ НА МАКЕДОНСКИ

Во периодот 17. 06. – 02. 07. 2017 година во рамките на летната школа се одвиваа секој ден по четири часа, освен саботата (01. 07. 2017) кога се одржаа три часа лекторски вежби за напредната група семинаристи кои се одлучија да работат на усовршување на македонскиот јазик преку изучувањето, коментирањето и анализирањето на текстови од македонската современа литература. Групата беше составена од професори, лектори, предавачи, преведувачи, како и студенти по македонски јазик и македонска литература: Иван Доровски и Дагмар Доровска од Чешка, Ала Шешкен и Алина Костриченко од Русија, Игор Дворшќак од Хрватска, Лара Миховиловиќ од Словенија и Валентина Бактијаревиќ од Србија, а втората недела ни се приклучија и Намита Субиото од Словенија, како и Маја Мастнак-Цар од Хрватска. И оваа година групата беше убав букет од зрели/етаблирани македонисти кои својот научен интерес сè повеќе го насочуваат кон изучувањето на македонската литература и даваат свој исклучителен придонес во преведувањето на македонската литература на своите јазици.

Годината 2017-та работата на часовите беше организирана врз скриптата подготвена од моја страна за потребите на оваа **јубилејна 50-та летна школа**. Се работеше за **мала антологија на македонската љубовна лирика** под наслов „КАКО СЕ ЉУБИ НА МАКЕДОНСКИ“, на педесеттина страници, со додаток од неколку македонски раскази на 20-сетина страници под наслов „КАКО СЕ РАСКАЖУВА НА МАКЕДОНСКИ“. Семинаристите кои беа дел од оваа напредна група работеа на овие две интерни антологии и во текот на летната школа се случија повеќе преводи на некои песни. Беше исклучително инспиративно и многу работно и скоро секогаш се водеше силна и емотивна дискусија. Секако во годината на големиот јубилеј на летната школа тие имаа сериозна задача, а тоа е од понудените песни од антологијата „КАКО СЕ ЉУБИ НА МАКЕДОНСКИ“ да направат свој избор до десет песни или да направат т.н. **своја мини антологија** и тие песни да ги преведат/препеат на своите јазици.

И еве со нивната заложба и посветеност кон македонскиот јазик и македонската литература и нивното исклучително познавање

на македонската литература и култура се случуваат овие **мали антологии на македонската љубовна лирика и тоа на чешки, словенечки, хрватски и српски** во Зборникот од предавања и активности на Меѓународниот семинар за македонски јазик, литература и култура. Овој потфат е мал но исклучително значаен прилог во одбележувањето на **50 години од првообјавата на најубавите љубовни стихови „Деницја“ на Петре М. Андреевски**, зашто излегува во 2018.

Збирката „Деницја“ е **химна на космичката љубов, химна на жената и татковината** и **златна книга на македонскиот модернизам**. Кога се говори за Андреевски, тогаш станува збор за дело кое не само што ја смени свеста за литературата кај македонскиот читател, кое не само што иницираше цели генерации кои се угледуваа на тој модел, туку ја смени и македонската критичка свест. Својата вечна преокупација ја ситуира во родниот крај. Но со тоа, тој не станува локален или регионален автор, зашто успева преку универзализацијата на локалното, тој свој крај да го постави како центар на светот, како тежиште на космосот. Така во неговите стихови сликата на една обична, локална, селска жетва, израснува во метафора на животот, кој е борба, полемика (песната „Жетва“ од збирката „Јазли”). Целокупната поезија на Андреевски се гради врз еден поизразен антагонизам т.е. врз антиномична основа на спротивставени елементи какви што се: вода/оган, небо/земја, ден/ноќ и живот/смрт. Во овој контекст особено се изделува антагонистичкиот тандем в о д а / о г а н како суштествена градбена опозиција на неговите стихови која добива опсесивни размери. Преку антагонистичките спрегови, всушност се потенцира доминацијата на космичкиот дуализам, како и присуството на двојството како принцип на пеењето. Од повеќето надреалистички начела во стиховите на Андреевски се издвојуваат неверојатните споеви, како и редењето на случајните (по диктатот на потсвеста) асоцијации, кои поинтензивно се наложуваат во песните од збирката „И на небо и на земја“, остварувајќи апсолутна доминација во „Деницја”. Темите на љубовта, сонот и детството му овозможуваат на читателот пристапот до сферите на надреалното. Руралното детство на Андреевски го чува во себе сеќавањето на вечерните баења, на несфатливите обичаи и необичните напеви. Во тоа лежи и единствената причина за бришењето на границите меѓу д е т с т в о т о, сфатено како „индивидуално минато“, и самото м и н а т о, сфатено како

„колективно минато“. Но, крајот на „Деницијa“ промовира и една нова поетска слика која станува преокупација во следните негови стихозбирки – смртта. Со тоа се отвора нов свет, светот на задгробното манифестиран преку тажаленките, како особен жанр на кој Андреевски особено им се посветува, плодно и систематски, во стихозбирката „Вечна куќа“.

И да им се вратаиме на преводите/препевите. Се надеваме дека овој антологиски избор што го направи **МОЈАТА ГРУПА**, што го направија Иван Доровски, Дагмар Доровска, Игор Дворшќак, Лара Миховиловиќ, Маја Мастнар-Цар и Валентина Бактијаревиќ водени од уметничката вредност на љубовните стихови од македонските поети како главниот критериум, а не било што друго, претставува и поттик за создавање антологии на македонската љубовна лирика за во иднина. Впрочем, пред нас стои поезија во која жената / мажот е нејзиното потекло и утока, таа е „внатрешно око“, разум, граматика и јазик во разговорот со светот. Притоа имаме едно екстатичко расположение и на лирскиот и на творечкиот субјект, еден екстатички возвишен душевен живот, зашто се работи во крајна смисла за интимистичка лирика која еве преку преведувачкото перо на Иван Доровски, Дагмар Доровска, Игор Дворшќак, Лара Миховиловиќ, Маја Мастнар-Цар и Валентина Бактијаревиќ прозвучува моќно и на некои други јазици. И тоа е така зашто едноставно тие се:

МОЈАТА ГРУПА

Мојата група
е синтагма.
Полека станува
фраза силна,
но и фраза милна.
Мојата група
Не е само заменка
закачена за именка.
Таа е спрефа од два
полнозначни збора.
Мојата група
е форма
со богата содржина.
Мојата група
има ју-зачини:
словенечки, хрватски, српски.
Мојата група
е засладена
со чешки и со руски.
Никаде не пишува дека
Мојата група
е моја!
Мојата група
брои 11 македонисти
исто колку и графеми
во името.
Мојата група е:
А – Ала и Алина,
В – Весна и Вања,
Д – Дагмар,
И – Иван и Игор,
Л – Лара,
М – Маја,
Н – Намита
Љ – ЉУБОВ!
Тое е **Мојата група,**
мала и одбрана
книжевна трупа.

ИВАН ДОРОВСКИ

ДАГМАР ДОРОВСКА

PETRE M. ANDREEVSKI

OBLÉ TVARY

Kulaté jsou tvoje oči a místa,
odkud se na mne díváš
a řídíš moje pohyby.

Oblá jsou tvoje ústa,
která zdaňují slova
a proslavují úsměv.

Oblá jsou tvá ramena
a oblá je tvá šíje,
jež je jediné lešení,
z něhož lze vidět celou vlast.

Oblá jsou tvá prsa,
která jsou jak rozhoupané zvonice
a zbraně v pohotovosti.

Oblé jsou tvé bradavky
a sladké voštiny v nich
a také zdroj mléka,
první dotek s potravou.

Oblé jsou tvé boky,
jež se kulatí do šířky
a rovnoměrně se zas vracejí.

Oblý je tvůj kříž a vítr,
jenž se kolem něj točí

jako Země kolem své osy,
jako příze kolem vřetena.

Oblý je tvůj pupek,
jenž je jizvou zrození
a vzpomínkou na bod,
v němž začal život.

Oblá jsou tvá stehna,
od nichž se odráží světlo,
jež je jediným okénkem
do tmy i do přítmí.

Oblá jsou tvá kolena,
od nichž očekávám, že ke mně promluví,
a oblé jsou tvé paty,
jež tě oddělují od země.

Oblé je tvé objetí,
když mě miluješ, když tě miluji,
a oblá je tvá slza,
když se se mnou loučíš.

Kulatý je stůl,
u něhož obědváš a večeříš,
a také chléb a nádobí
jsou kulaté jak stůl.

Kulaté je jablko,
které uctíváš svými ústy
a kulatá je duha
v melounu, který krájíš.

Oblá je voda,
kterou nabíráš do hrstí,
a voda, která ti ustupuje
a pomáhá ti se očistit.

Oblé je také semeno,
které sázíš na poli,

a oblá je cesta dolů,
po níž sestupují jeho kořínky.

Kulaté je slunce a slunečnice,
které vychází kvůli tobě,
kvůli tvým oblým tvarům,
bez nichž bych neměl kam se dívat.

Přeložil Ivan Dorovský

JULIJANA VELIČKOVSKÁ

OTEVŘENÁ KNIHA

Jsi otevřená kniha,
říká mi, jsi kaktus v podobě srdce.
Jsi kočka, celá mokrá z říjnových dešťů.
Jsi kniha,
říká mi,
hezká, zvláštní kniha,
kterou čtu, pouze když prší
a při poslechu jazzu …
Jsi kniha, kterou chci číst,
kterou si vybírám číst na svátky,
při zvláštních příležitostech.
Jsi kniha, kterou stojí na mém facebook books tab.
Jsi ilustrovaná kniha,
ilustrovaná kniha poezie.
Jsi mokrá kniha,
na niž napršely říjnové deště
a zamrzla ranní jinovatka.
Jsi schoulená,
smutná,
zvláštní kniha.
Stojíš na poličce sama.
Koupila jsem jen pro tebe,
pravila jsi,
poličku jsem ti koupil v Londýně.
Jsi kniha
k zvláštním příležitostem.
Čtu tě, když se chci uctít.
Nenecháš mě však v klidu,
šíříš tu vůni,
ten smrad shnilého kvítí,
mokrého papíru…
Voláš mě,
chceš, abych tě četl každý den?
Vzal jsem tě z poličky,
byla celá mokrá,
ale dnes nepršelo.

Moje milovaná,
slaná,
osamělá kniho,
otevřu tě zítra.
Budu tě číst pozítří.
Přečtu tě
za dva
nebo za tři dny…
Pak tě, moje kniho,
prostě
vrátím do knihovny.

Přeložil Ivan Dorovský

JOSIP KOCEV

MATKA

V tobě jsem vyklíčil
a se samozřejmostí napájel jsem se
zázračným mokem
ve tvém lůnu.
Jen ty jsi ta,
kdož beze slova
odepisuješ mé dluhy
a dáváš, aniž bereš.
Odpusť mi,
občas jsem vzplanul,
když jsem vdechoval tvůj výdech
občas jsem rušil tvůj spánek,
zatímco tvé ukolébavky mě uspávaly.
Odpusť mi,
že jsem poznamenal tvé tělo.
Tělo, které si v zrcadle prohlížíš
jako krásnou vzpomínku
jen proto,
že já jsem na světě.

Přeložil Ivan Dorovský

D. A. LORI (DOLORES ATANASOVA LORI)

AŽ JEDNOU ZEMŘU

Až jednou zemřu,
hledej mě ve vodě,
kterou jsem v dětství
hasila svou žízeň po životě,
hledej mě v letním západu slunce,
v němž pulsuje barva mého tlukoucího srdce,
hledej mě pod kdouloní,
pod níž jsem prospala nejkratší noc,
abych zvětšila vzdálenost mezi hvězdami
a našla tam nahoře svůj kousíček nebe.

Až jednou zemřu,
hledej mne jen tehdy,
když jsi mě našel ještě zaživa.
Pokud ne, do ničeho se nepouštěj,
nechej to tak.

Přeložila Dagmar Dorovská

MILOVAN STEFANOVSKI

RANNÍ KÁVA

Mezi tebou a sluncem je zeleň, která vše prostupuje
a připomíná mi něco vzdáleného.
Ptáš se mě, na co jsem se tak upřeně zahleděl,
leká mě ta vysoká zeď v tobě
a bláhově si představuji,
že pozastavím dnešní ráno.
Místo odpovědi ti ukazuji dva ptáky,
kteří někam odlétají,
zatímco mě pohlcuje den,
bolestně mě zasahuje pomyšlení,
že nakonec spolu zůstanou
jen ty dva hrnečky
neumyté od naší ranní nedopité kávy.

Přeložil Ivan Dorovský

NINA BULGAKOVOVÁ

VEČEŘE

1. Připravuji
   slavnostní večeři
   pro dva
   (intimní menu a několik svíček).
   Jako předkrm podávám úryvek písně.
   Jeden marinovaný verš
   „ryby večeří ticho“
   A jedna oliva v hrdle.
   Snítku
   rozmarýnu
   a lístek máty
   na vykašlávání.

2. Servíruji na stříbrném nádobí
   (k stříbrné svatbě).

   Porce perleťové ryby
   a nakrájený citron
   (dávám hodně citronu,
   abych ti okyselila duši-
   čím kyselejší, tím veselejší).
   Zbavuji rybu kostí
   a šupinky nechávám
   ať si plavou v perlivém víně.
   Tak se snažím
   udržet si chuť
   na jazyku.

3. Zákusek
   podávám
   na nejjemnějším porcelánu.

   Voňavý koláč
   z přeslazených slov.
   Kandované úsměvy

jablka v kouscích.
Adrenalin,
jahody
a šlehačka
posypané mletými ořechy.

(Již mě unavuje
stále opakovat,
že při jídle se nemluví!

4. Slavnostní večeře
pro dva.
Ty a já
a stříbrný svícen
mezi námi.

Tak večeříme ve třech.

Ve slavnostních šatech
a svátečním obleku.
Já
a ty
a jedno
absolutní ticho,
již usedlo na čestném místě.
(V čele stolu!)

Přeložila Dagmar Dorovská

GANE TODOROVSKI

LÁSKA

Byl bych rád, kdybys byla zrníčkem plachu,
které by ke mně zavál tichý vánek…

Zrníčkem lásky, zrníčkem nicotným,
zrníčkem neviditelným,
avšak přece láskou, přece jen láskou.

Chtěl bych tě mít na dlani
beztížnou, abych tě necítil.
Chtěl bych uvěřit, že jsi ve mně,
schoulená někde ve mně.

Byl bych rád, kdybys byla zrníčkem prachu,
které by ke mně zavál tichý vánek…

Chtěl bych tě oplodnit,
jako se na jaře oplodňují květiny,
aby ses ve mně zrodila,
lásko bohačko, lásko movitá,
lásko zplozená, lásko úrodná.

Byl bych rád, kdybys byla zrníčkem prachu,
které by ke mně zavál tichý vánek…

Já tě však mám, bído,
nejtrvalejší v nedostatku,
nejbližší pouze na dosah,
největší, však nevyslovená do konce,
takže místo abych se kvůli tobě trápil,
častěji jsem spokojen sám se sebou.

Přeložil Ivan Dorovský

ИГОР ДВОРШЌАК

PETRE M. ANDREEVSKI

LAKRIMARIJ

Lakrimarij je boca u koju se europske dvorjanke skupljale dječje suze za uljepšavanje lica.
Naše majke, pak, skupljale su svoje suze kako bi imale što odnijeti na grobove.

Ispratila sam muža u rat
kupila sam si bocu za suze
i pozvala sam sunce doma.
I rekla sam mu da sjedne do mene:
da me gleda, da se gledamo,
da mi ne bude prazna soba.
I da mi svijetli dok plačem,
dok punim bocu suzama,
da se, bez njih, ne bih sramotila,
da ga nemam čime dočekati.
O, ti sunce, što svukuda gledaš,
reci koliko sam puta napunila posudu
i koliko sam je puta ispraznila, reci,
i da još plačem, skupljajući suze,
barem suze da mu odnesem na grob.

LILJANA DIRJAN

DOMAĆI BLUES

Između ostalog
- dodaj mi vodu
- nareži kruh
- gdje su mi čarape

nevidljivo se izvukla iz tijela
u kuhinji su i dalje lupali tanjuri i žlice
netko je spomenuo da jelo nije dovoljno slano
u drugoj je sobi škripio ormar
iz radija su ispadale vijesti, posjete, delegacije
i tekla je lagana muzika
bio je vruć ljetni dan
okrenula se unazad
i začudila koliko joj je tijesna bila svučena košuljica
i koliko joj je prozračna svila epiderme
i te male mrlje crveno-smeđi ubodi
zbog kojih je toliko nalikovala pastrvi
udalji se još malo
otiđe skoro do izlaznih vrata
htjela je da bude tiho i da im sve riječi ostavi zajedno s košuljicom
ali vani je zgrabi svjetlina
i postane joj žao, jako žao
što tamo kamo ide neće moći
glasno izgovarati
imena boja

NINA BULGAKOVA

VEČERA

1.
Serviram
svečanu večeru
za dvoje
(intimna zakuska
i nekoliko svijeća).

Za predjelo
stavljam zalogaj pjesme.
Jedan mariniran stih
„ribe večeraju tišinu“
i jedna maslina
u grlu.

Grančica
ružmarina
i listić mente
za iskašljavanje.

2.
Serviram
srebrni tanjur
(za srebrni pir).

Porcija sedefne ribe
i izrezane kriške limuna
(stavljam mnogo limuna
da ti skiselim dušu –
što kiselije
to veselije).

Hrbat vadim,
a krljušt ostavljam
da pliva u pjenušavom vinu.

Tako
shvaćam okus
bježanja
pod nepcem.

3.
Desert
serviram
u najtanjem porculanu.

Aromatični kolač
glaziran riječima.

Kandirani osmjesi.
Jabuke razdrobljene.
Adrenalin
jagode
i šlag
i mrvljeni orasi na vrhu.

(Više
me zamara
potreba za ponavljanjem
da se ne priča dok se jede –
samo se šuti!)

4.
Svečana večera
za dvoje:
ti i ja
i srebrna menora

između nas
dvoje.

Tako večeramo *troje*.

U svečanoj toaleti
i svečanom odijelu.

Ja
i ti
i jedna
gola tišina
posjednuta na počasno mjesto.
(Na čelo stola!)

JULIJANA VELIČKOVSKA

OTVORENA KNJIGA

Ti si otvorena knjiga,
kaže mi,
Ti si kaktus u obliku srca.
Ti si mačka,
sama i pokisla od listopadskih kiša.
Ti si knjiga,
kaže mi,
Lijepa, posebna knjiga,
koju čitam samo kada kiši,
dok slušam jazz…
Ti si knjiga
koju volim čitati,
koju biram čitati za praznike,
u posebnim prigodama.
Ti si knjiga
koja stoji na mojem facebook books tabu.
Ti si ilustrirana knjiga,
ilustrirana knjiga poezije.
Ti si mokra knjiga,
smočile su te listopadske kiše,
zamrznuo te jutarnji mraz.
Ti si zgužvana,
tužna,
posebna knjiga.
Stojiš sama na polici.
Kupio sam je samo za tebe,
rekao je,
Kupio sam ti policu u Londonu.
Ti si knjiga
za posebne prigode.
Čitam te kada se želim počastiti.
No ne ostavljaš me na miru,
širiš taj miris,
taj smrad trulog cvijeća
mokrog papira…

Kažeš mi,
želiš da te čitam svaki dan?!
Uzeo sam te s police,
bila si cijela pokisla,
no danas nije padala kiša?!
Moja draga,
slana,
usamljena knjigo,
otvorit ću te
Sutra…
Čitat ću te
Prekosutra…
Pročitat ću te
za dva
ili tri dana…
I tada, moja knjigo,
jednostavno
ću te vratiti u knjižnicu.

VANJA IZOVA-VELEVA

HLAČE

Zoveš me da ti osjetim krila.
Znaš da sam pješak
Koji pamti korak.

Nudiš mi hlače bez džepova,
a znaš da volim imati mjesto
gdje će mi počivati ruke.

Gledam perje među tvojim noktima
skršenima do mesa
ja svoje volim zariti
u hlače s džepovima
i sakriti ih od onih
što su izmislili
bezdžepne hlače
Crnilo mi vrišti
da će ovaj moj let
biti let u mjestu
let u sebe s hlačama
bez džepova.

MILE NEDELKOVSKI

PJESMA

Na kraju prvoga stiha:
kao dvije točke stavljam tvoje oči.
U drugom, lijepa, kao ogoljena dojka,
treperiš ti.
U trećem zlato na tvoju kosu
topim kao vosak.
U četvrtom se otvara čaška tvoga pupka,
pod njim, u petom, kao dva vodoskoka
klokoću tvoje noge.
U šestom, nekakav i nikakav –
umoran se pojavljujem ja.
A tvoje dojke – tvoje dojke
guguću u posljednjem stihu.

LJUBINKA DONEVA

OSTAVI SOBU TOPLOM

Ostavi sobu toplom
Ne za mene
Za milovanja
Što ti ih nosim.
Ostavi sobu toplom
I vrata otvorena.
Ja ću se počesto prepirati
S ključanicom tvojeg nemira.
Zato
Ostavi sobu toplom
A postelju vrelom
I jedna
Nekakva vrata otvorena.
I dah svoj ostavi toplim
Možda gola od nemira
Kad ću doći
S njim da se pokrijem.
Ostavi sobu toplom…

IVAN DŽPAROVSKI

STRASTVENI PUTUJUĆI SUBJEKT

Kada odlučim nekamo otputovati
i razmišljam o izboru
najboljeg prijevoznog sredstva,
nužno zapadam u apatiju…

Vlakovi me previše podsjećaju
na zastarjelu tvornicu tekstila,
a vezanost za šine me sakati:
oduzima mi otklone i skretanja u stranu.

Automobile semantički prezirem,
možda zato što ne volim ni
borenje grčko-rimskim stilom, a otuda ni
jezično-sportski melanž: αυτοδ-mobilis.

Avioni me ne privlače zato što
odlično poznajem grčku mitologiju,
iako sam se, osobno, uvijek s dužnim poštovanjem
odnosio prema Ikarovom pothvatu.

Ići *pješke po svijetu*
nostalgično je i tužno,
hodom se ne stiže daleko –
samo do prvih žuljeva!

Vjerojatno i zbog sveg ovog
najdraže prijevozno sredstvo
si mi Ti, ljubavi moja, rastuća:
spokojan sam kad putujem prema tebi,
kad dohvaćam daljine ležeći do tebe,
kad se slobodno penjem po tebi,
kad sigurno slijećem u tebe,
i strastveno se svojim tijelom skićem svijetom.

ĐOKO ZDRAVESKI

JEDNO ZA SVE

imao sam sreće:
rođen sam u domu
u kojem su se riječi izgovarale
tiho i jednom je bilo dovoljno
da se zapamti. Ljubav i kazne
iskazivale su se pogledom i mnogo toga
se podrazumijevalo. kruh se mijesio
molitvom i zatim se umakao u salatu
jednu za sve. dom s odjećom koja se nikada
nije prerastala, nego je samo mijenjala
vlasnika. dom s dvoje djece
u jednoj dječjoj sobi. s jednim krevetom
na dva kata. s jednim televizorom. jednim radijem.
jednim automobilom. sa sobama bez ključeva
i jednom kupaonicom ispred koje se strpljivo
čekalo i samo je svjetlo bilo znak
da je netko unutra.
mnoge su stvari bile
jedne i za sve.

i zatim,
kada sam narastao i otišao
od doma, smisla je imalo samo
ljubiti.

MARTA MARKOVSKA

SVE SU LJUBAVI POPUT CIPELA

Sve su ljubavi poput cipela
One koje pažljivo čuvamo
obuvajući ih samo u svečanim prigodama
ostaju neiznošene, a već su se smanjile, suzile,
nismo dozvolili da iščezne njihova ljepota,
no neupotrebljive su
pa se prekoravamo što češće
nismo uživali obuvajući ih
One pak koje s velikim veseljem
svakodnevno obuvamo
svaki put iznova uživajući u njima
najbrže iznosimo, izližemo,
dotrajemo i na kraju bacimo
žaleći što si nismo kupili
dva para istih
da nam traju dulje
da ih imamo u rezervi
da nas raduje ideja
da ćemo ih moći obuti
kad god poželimo
Najdulje u stvari traju one
što nam se najmanje sviđaju
pa ih turnemo na stranu
bacimo u unutrašnjost ormara
zaboravimo tjednima, mjesecima, godinama
da bismo nakon mnogo vremena shvatili
da su uvijek bile ovdje za nas
iako smo ih zaboravili, zametnuli
i nikada ih s radošću nismo obuvali!

Preveo Igor Dvoršćak

ЛАРА МИХОВИЛОВИЌ

LILJANA DIRJAN

DOMAČI BLUES

Med:
- podaj mi vodo
- nareži kruh
- kje so moje nogavice

se je ona nevidno izvlekla iz telesa
v kuhinji so še ropotali krožniki in žlice
nekdo je pripomnil, da jed ni dovolj slana
v drugi sobi je škripala omara
z radija so odmevale novice, delegacije, obiski
in Igrala je lahkotna glasba
zunaj je bil vroč poletni dan
ozrla se je nazaj
in se začudila nad tesno slečeno srajčko
in prozorno, svilnato pokožnico
in temi majhnimi znamenji, rdečkasto-rjavimi vbodljaji
zaradi katerih je bila podobna postrvi
še malo se je oddaljila
prišla skoraj do zunanjih vrat
neslišno jim je želela vse besede pustiti skupaj s srajčko
ampak zunaj jo je zagrabila svetloba
in postalo ji je žal, zelo žal,
ker tam, kamor bo šla
ne bo mogla naglas izgovarjati
imen barv

LINDITA AHMETI

TVOJE OČI

tvoje čudežne oči
narisane na papirju
pred menoj stojijo
o moj bog, kako lepe so
kot sinje planinsko cvetje
ki ima svojo magično moč
tvoje oči
sinje cvetje
darovano tukaj od svetega duha
na papirju
na papirju
le na papirju

VIOLETA TANČEVA ZLATEVA

PRIHOD LJUBEZNI

Nikoli se ne ve
kdaj se lahko zgodi ljubezen.
Preprosto, pritekla bo
ne da bi vedel od kod
in te bo obsedla.
Morda
nisi umit in sveže obrit
imaš malo mastne lase
in že dolgo nisi bila na depilaciji.
Ona ima to rada!
Zgrabila te bo s svojimi mehkimi kremplji
in te stresla
od nemirno štrlečega
belega pramena na glavi
do malega nožnega prsta.
Sigurno bo prišla nenapovedano.
Poznam jaz njo.
Presekala ti bo korak
prekinila neizrečeno misel
in izbruhnila mozolj v srcu.

Ostane ti, da razmisliš
ali jo stisneš
ali pa potrpežljivo počakaš,
da dozori.

NINA BULGAKOVA

VEČERJA

1.
Serviram
svečano večerjo
za dva
(intimno zakusko
in nekaj sveč).

Za predjed
poslužim zalogaj pesmi.
Mariniran verz
"ribe večerjajo tišino"
in olivo
v grlu.
Vejico
rožmarina
in list mete
za izkašljevanje.

2.
Serviram
srebrno posodo
(za srebrno poroko).

Porcijo biserne ribe
in narezane krhlje limone
(razvrstim veliko limon,
da ti skisam dušo –
kolikor bolj kislo,
toliko bolj veselo).

Hrbet odstranim,
luske pa pustim,
da plavajo v penini.

Tako
pričaram okus
po *begu*
v ustnem nebu.

3.
Sladico
serviram
v najtanjšem porcelanu.
Aromatičen kolač
iz glaziranih besed.

Kandirani nasmeh.
Zdrobljena jabolka.
Adrenalin
jagode
In smetana
in nasekljani orehi za povrh.

(Utrujena sem
od ponavljanja
ko se jé □
se molči!)

4.
Svečana večerja
za dva:
ti in jaz
in srebrna menora
med nama.

Tako večerjamo *trije*.

V svečani toaleti
in svečani obleki.

Jaz
in TI
in ena

gola tišina,
ki sedi na častnem mestu
(Na čelu mize!)

IVAN ŠOPOV

ZAPELJEVALNA MANTRA

Okrog bloka gol bom tekel
Tvojemu očetu gume bom spustil
Tvoje sosede izselil bom
Da bi bila z mano.

Gasilsko lojtro vzel bom
Do tvojega okna na četrtem nadstropju se povzpel bom
Ljubezenske pesmi fušal bom
Da bi bila z mano.

Gledanju makedonskih narodnih zgodb se odpovedal bom
Le zate sladoled kradel bom
Te ljubil bolj kot Gjorgji Kolozova, ko sem bil majhen
Da bi bila z mano.

Da moj nos je bolj izkrivljen od tvojega javno priznal bom
Vse, ki ne mislijo, da si najlepša na svetu (in širše) zastrupil bom
In tiste, ki mislijo tako, zastrupil bom
Da bi bila z mano.

Petkrat dnevno te masiral bom
V steklarni se zaposlil bom
Dlačice, ki jih je izpustil tvoj površen depilator, ti pulil bom
Da bi bila z mano.

Flajerje s tvojo sliko naredil bom in jih po celem naselju delil bom
Na majici tvoj lik nosil bom
Čeprav ne znam risati te na ogromnem platnu narisal bom
Da bi bila z mano.

Pivski trebuh spustil bom
Ljubezenskemu tepihu se odpovedal bom
Seksi bradico si pustil bom
Da bi bila z mano..

Dan, ko sva se prvič poljubila, bom razglasil za državni praznik
Zemljo kamor si stopila bom razglasil za narodni park
(jaz bom čuvar)
Stanovanjski kredit vzel bom
Da bi bila z mano.

Z vihanjem ušes te dražil bom
Na javnem mestu te za rit ščipal bom
Ljubezensko akademijo odprl bom
Da bi bila z mano.

Protest proti najinemu slovesu organiziral bom
Nanj povabil vse zaljubljene
Tudi s policaji redarji se stepel bom
Da bi bila z mano.

Vse metode za osvajanje preizkusil bom
Si ime v Metodija spremenil bom
Razumen kompromis naredil bom
Da bi bila z mano.

Kot volk v tvojem trebuščku tulil bom
"Životinjsko carstvo" z mojo sliko ti kupil bom
Kot majhen otrok jokal bom
Da bi bila z mano.

Za edino stran sveta te razglasil bom
Sončnice in štiriperesne deteljice nabral ti bom
Zemljo naokrog zavrtel bom
Da bi bila z mano.

PETRE M. ANDREEVSKI

OKROGLE OBLIKE

Okrogle so tvoje oči
in kraji od koder me gledaš,
ko upravljaš z mojim gibanjem.

Okrogla so tvoja usta,
ki obdavčujejo besede
in slavijo nasmeh.

Okrogla so tvoja ramena
in okrogel je tvoj vrat,
ki je edinstvena lestev
s katere se vidi vsa domovina.

Okrogli sta tvoji dojki,
ki sta gibljiva zvonova
in dvignjeni puški v zasedi.

Okrogli sta tvoji bradavički
in njihov medeni sat
in mlečen rudnik – prva tla
prvo srečanje s prehrano.

Okrogla so tvoja meča,
ki se širijo okroglo
in vračajo enakomerno.

Okrogel je tvoj pas
in veter, ki se vrti okrog njega,
kakor kolo okrog osi,
kakor preja okrog vretena.

Okrogel je tvoj popek,
ki je znamenje rojstva
in spominjanje na točko
iz katere se je začelo življenje.

Okrogli so tvoji kolki
s katerih se odbija svetloba,
ki so edinstvena vratca
v mraku in somraku.

Okrogla so tvoja kolena,
ki jih čakam, da spregovorijo
in okrogle so tvoje pete,
ki te oddaljujejo od zemlje.

Okrogel je tvoj objem,
ko me ljubiš, ko te ljubim
in okrogla je tvoja solza,
ko se poslavljaš od mene.

Okrogla je tvoja jedilna miza
na kateri kosiš in večerjaš,
pa tudi kruh in posoda
sta okrogla, kot jedilna miza.

Okroglo je jabolko,
ki ga z usti grizeš
in okrogla je mavrica
v lubenici, ki jo odpiraš.

Okrogla je voda,
ki jo v prgišče zajameš
in voda, ki ti daje prostor
in ti pomaga, da se umiješ.

Okroglo je tudi seme,
ki ga zaseješ v njivo
in okrogla je pot navzdol
po kateri se spušča njegova korenina.

Okrogla sta sonce in sončnica,
ki vzhaja zaradi tebe,
zaradi tvojih okroglih oblik,
brez katerih tudi jaz ne vem kam bi gledal.

MILE NEDELKOSKI

PESEM

na konec prvega verza:
kot dve piki, postavim tvoje oči.
v drugem, lepa kot razgaljena dojka
drhtiš ti.
v tretjem, zlato tvojih las
kakor vosek topim.
v četrtem se odpira skodelica tvojega popka
pod njim, v petem kot dva slapova
tečejo tvoje noge.
v šestem, ne takšen ne drugačen -
se utrujen pojavim jaz.
tvoji dojki - tvoji dojki
pa strmita v zadnji verz.

VELE SMILEVSKI

EROTIČNA PESEM

Golo jo slačiš
in pred teboj se blešči njena belina.
Pozorno opazuješ
neskončno elastične
krožne oblike.

Dotikaš se je
na najbolj občutljivih mestih,
ker je toplo, mehko in spolzko.

In ona se te dotika
tam, kjer je trdo, hrapavo in vroče.

Uležeš se nanjo.
In ona se uleže nate.
Zdaj ne vesta več, kdo je zgoraj,
kdo spodaj.

Visoko zgoraj
globoko spodaj.

Krikneš z njenim glasom
in se zaveš,
da je tvoj glas
le njen.

Od pesmi.

SNEŽANA STOJČEVSKA

DAJ MI ČAS

Izven te realnosti
v nekem vesolju vzporednem
morda popoln sva par.

V nekem vesolju vzporednem
imava nad kaminom v dnevni
sliko v okvirju.

V tem sva le hipna slika
v izložbah mimo katerih greva.

D. A. LORI (DOLORES ATANASOVA LORI)

ČE NEKOČ UMREM …

Če nekoč umrem,
me išči v vodi,
kjer sem v otroštvu
gasila žejo po življenju,
išči me v poletnem sončnem zahodu,
kjer utripa barva mojega glasnega srca,
išči me pod kutino,
kjer sem prespala najkrajšo noč
in vlekla linije med zvezdami,
tam zgoraj je košček mojega lastnega neba.

Če nekoč umrem,
me išči le, če si me našel, dokler sem živela,
če ne, sploh ne začni.

Prevod: Lara Mihovilović

МАЈА МАСТНАЌ-ЦАР

CANE ANDREEVSKI

RECI MI

Razlila si me
po svojim vrućim poljima.
Kako ćeš me vratiti,
kako ćeš me vratiti u moje korito.

Oplodila si me
na svim golim granama.
Kako ćeš me obrati
kako ćeš me obrati na jesen?

Razdanila si me
u svome vječnom danu.
Kako ćeš od mene učiniti večer,
Kako ćeš od mene učiniti večer u svome danu?

Ponijela si me
u vihoru čežnji.
Kako ćeš me uspavati,
kako ćeš me uspavati u tom vihoru?

Razboljela si me
Jednom vječnom boljkom.
Kako ćeš me ozdraviti,
Ah, kako ćeš me ozdraviti, reci mi?

VIOLETA TANČEVA-ZLATEVA

DOLAZAK LJUBAVI

Nikad se ne zna
kada se može dogoditi ljubav.
Jednostavno, dotrčat će ti
nećeš vidjeti odakle
i samo će te zaposjesti.
Možda
nisi svježe okupan i obrijan
kosa ti je pomalo masna
I odavna nisi bila na depilaciji.
Ma ona baš to i hoće!
Zgrabit će te svojim kandžama od svile
i protrest će te
od nemirne hvalisave
posijedjele dlake na tjemenu
sve do malog nožnog prsta.
Sigurno će doći bez najave
Znam ja nju.
Zaustavit će ti nogu u hodu
presjeći misao nedomišljenu
i izazvati najezdu prištića u srcu.

Ostaje ti još da si misliš
hoćeš li ju stisnuti
ili strpljivo pričekati
neka sazrije.

IVAN ŠOPOV

DODVORITELJSKA MANTRA

Trčat ću gol oko tvoje zgrade
Probušit ću gume tvoga tate
Preselit ću ti sve susjede
Da budeš sa mnom.

Uzet ću požarne ljestve
Popeti se do tvog prozora na četvrtom katu
Pjevat ću ti ljubavne balade falš glasom
Da budeš sa mnom.

Prestat ću gledati makedonske narodne priče i predaje
Krast ću sladoled samo za tebe
Voljet ću te više od Đorđija Kolozova[114] kad sam bio mali
Da budeš sa mnom.

Priznat ću javno da mi je nos iskrivljeniji od tvoga
Otrovat ću sve koji ne misle da si najljepša na cijelome svijetu (i šire)
Otrovat ću i sve one koji to misle
Da budeš sa mnom.

Masirat ću te pet puta dnevno
Zaposlit ću se u staklari
Čupkat ću ti dlačice koje je tvoja nepažljiva kozmetičarka propustila
Da budeš sa mnom.

Napravit ću letke s tvojom slikom i dijelit ću ih po cijelome kvartu
Nosit ću tvoj lik na majici
Nacrtat ću te na ogromnom platnu iako ne znam crtati
Da budeš sa mnom.

Skinut ću pivski trbuh
Odustati od ljubavnog tepiha

[114] Đorđi Kolozov (Ѓорѓи Колосов) je jedan od nanjpoznatijih makedosnkih glumaca. Postao je poznat u igranoj seriji *Makedonske narodne priče i predaje*. Op.prev.

Pustit ću seksi bradicu
Da budeš sa mnom.

Dan kad ćemo se prvi put poljubiti, proglasit ću državnim praznikom
Od zemlje na koju si stala napravit ću nacionalni park
(ja ću biti čuvar)
Uzet ću stambeni kredit
Da budeš sa mnom.

Klempavit ću ti uši da te nerviram
Štipkat ću te za guzu na javnome mjestu
Otvorit ću Ljubavnu akademiju
Da budeš sa mnom.

Organizirat ću protest protiv našeg prekida
Na njega ću pozvati sve zaljubljene
Potući ću se i s policajcima - redarima
Da budeš sa mnom.

Isprobat ću sve metode osvajanja
Promijenit ću ime u Metodija
Napravit ću razuman kompromis
Da budeš sa mnom.

Zavijat ću kao vuk za tvojim trbuhom
Kupit ću ti „Životinjsko carstvo“ s mojom sličicom
Plakat ću kao malo dijete
Da budeš sa mnom.

Proglasit ću te jedinom stranom svijeta
Nabrat ću ti suncokrete i djetelinu s četiri lista
Okrenut ću Zemlju naopačke
Da budeš sa mnom.

MILE NEDELKOVSKI

PJESMA

na kraju prvog stiha:
kao dvije točke stavljam tvoje oči.
u drugom, lijepa, kao nabrekla dojka,
treperiš ti
u trećem zlato tvoje kose
topim kao vosak.
u četvrtom se otvara čaška tvoga pupka,
pod njim, pod petim, kao dva vodoskoka
tvoje noge klokoću.
u šestom, ni ovakav ni onakav –
umoran se pojavljujem ja.
a tvoje grudi – tvoje grudi,
guguću u posljednjem stihu.

LJUBINKA DONEVA

SOBU OSTAVI TOPLU

Sobu ostavi toplu
Ne za mene
Za milovanja
Što ti ih nosim.
Sobu ostavi toplu
I otvorena vrata.
Često se prepirem
S ključanicom tvoga nemira.
Zato
Sobu ostavi toplu
A postelju vrelu
I jedna
Neka vrata otvorena.
I svoj dah ostavi topao
Možda gola od nemira
Kada dođem
Njime ću se ogrnuti.
Sobu ostavi toplu…

SLAVE ĐORGO DIMOVSKI

NOĆ JE CRNA LIEBE MARIJA

Noć je crna Liebe Marija
Osluškujem ju, treperi. Crna je
voda što teče niz moje
Prste. Ti si crna. Noć

Neprestano se trese. Uzima te
I vraća. Noć
Se kreće. Pretvara te
U prašinu koju dišem.

Pretvara te u golemo krilo
Što lepeće na horizontu
Pretvarajući se u točku
Liebe Marija.

VELE SMILEVSKI

EROTSKA PJESMA

Svlačiš ju do gola
i pred tobom bljesne njezina bjelina.
Pažljivo proučavaš
kružne forme
elastične do beskraja.

Dodiruješ ju
po najosjetljivijim mjestima
tamo gdje je toplo, meko i sklisko.

I ona dodiruje tebe
tamo gdje je tvrdo, hrapavo i vruće.

Liježeš na nju.
I ona liježe na tebe.
Sada već, ne znate tko je gore,
tko je dolje.

Gore visoko,
dolje duboko.

Krikneš njenim glasom
i postaje ti jasno –
tvoj je glas
samo njen.

Od pjesme.

ĐOKO ZDRAVESKI

JEDNO ZA SVE

imao sam sreću:
rodio sam se u domu
u kojem su se riječi izgovarale
tiho i jednom je bilo dovoljno
da se zapamte. ljubav i kazne
su se govorile pogledom i mnogo se toga
podrazumijevalo. kruh se mijesio
s molitvom i zatim se umakao u salatu
jednu za sve. dom s odjećom koja se nikada
nije smanjivala, već je samo mijenjala
vlasnika. dom s dvoje djece
u jednoj dječjoj sobi. s jednim krevetom
na dva kata. s jednim televizorom. jednim radijem.
jednim automobilom. sa sobama bez ključeva
i jednom kupaonicom pred kojom se strpljivo
čekalo i samo je svjetlo bilo znak
da je netko unutra.
mnogo je toga bilo
jedno za sve.

i zatim,
kada sam odrastao i kada sam otišao
iz doma, imalo je smisla samo
da se voli.

D. A. LORI (DOLORES ATANASOVA LORI)

JEDNOM, AKO UMREM

Jednom, ako umrem,
traži me u vodi
gdje sam u djetinjstvu
gasila žeđ za životom,
traži me u zalazu ljetnoga sunca
gdje pulsira boja moga glasnog srca,
traži me pod dunjom
gdje sam prospavala najkraću noć,
povlačeći linije među zvijezdama,
ima tamo gore djelić moga vlastitog neba.

Jednom, ako umrem,
traži me samo ako si me našao dok sam živjela,
ako ne, nemoj ni počinjati.

NIKOLINA ANDOVA

BRAŠNO I ZVIJEZDE

Zamijesila sam kćer od brašna i zvijezda
i rodila se na dan kada je moj djed umro

I sada su vršnjaci
Njen život
i njegova smrt

Gledam moju kćer kako raste i mijenja se
i pitam se da li i smrt raste i mijenja se
Pratim ju kako izrasta i sazrijeva
i razmišljam
da li i smrt moga djeda s godinama
izrasta i sazrijeva
postaje li i ona punoljetna
kao nježni vrat moje kćeri
pokriven šalom

Slušam navečer kako se hihoće
dok joj bubice i krijesnice
skakuću u snu

Prepjevala: Maja Mastnak-Car

ВАЛЕНТИНА БАКТИЈАРЕВИЌ

СЛАВЕ ЂОРГО ДИМОВСКИ

НОЋ ЈЕ ЦРНА LIEBE MARIJA

Ноћ је црна Liebe Marija
Ослушкујем је, трепери. Црна је
вода што тече низ моје
прсте. ти си црна. Ноћ

се непрестано тресе. узима те
и враћа те. Ноћ
се креће. Претвара се
у прах што дишем.

претвара те у велико крило
што маше на хоризонту
претварајући се у тачку
Liebe Marija

НИКОЛА МАЦИРОВ

МОЖДА ЈОШ ПУТУЈЕ

Најмила моја.
У писму стоји
да сам се растао са ваздухом.
Прочитаћеш.
У трећем реду је подучено
плавим мастилом
да сам одустао од асфалта.

И још нешто.
Чини ми се да сам ти написао
да сам са бицикле скинуо
помоћне точкове.

Писмо ћеш сигурно добити.
Стићи ће
преко плодних оранице,
закачено за трепавице
што их чувам скопљене
због силног ветра.

Најмила моја.
У писму стоји...

Д. А. ЛОРИ (ДОЛОРЕС АТАНАСОВА ЛОРИ)

АКО НЕКАДА УМРЕМ

Ако некада умрем
Тражи ме у води
где сам у детињству гасила жеђ за животом
тражи ме у заласку летњег сунца
где пулсира боја мог гласног срца
тражи ме под дуњом
где сам преспављивала најкраћу ноћ,
повлачећи линије међу звездама,
има тамо горе парче мог сопственог неба.

ако некада умрем,
тражи ме само ако си ме нашао док сам живела
ако не, ич не полази.

НИКОЛИНА АНДОВА

БРАШНО И ЗВЕЗДЕ

Замесила сам ћерку од брашна и звезда
И она се родила на дан када ми је дека преминуо

И сада су они вршњаци
Њен живот
и његова смрт

Посматрам ћерку како расте и како се мења
па се питам да ли и смрт расте и да ли се мења
посматрам је како расте и како сазрева
па се мислим
да ли и смрт мог деде низ године
раста и сазрева
да ли и она постоје пунолетна
као нежни врат моје ћерке
покријен шалом

Увече је слушам како се кикоће
док јој бубе и свици
голицају у сну.

СНЕЖАНА СТОЈЧЕВСКА

ДАЈ МИ ВРЕМЕНА

Изван ове реланости
У неком паралелном универзуму
можда смо савршен пар.

У неком паралелном универзуму
имамо урамљену фотографију
изнад камина у дневној соби.

У овом смо тренутна фотографија
У излозима крај којих пролазимо.

ПЕТРЕ М. АНДРЕЕВСКИ

ТО ТАМО

Што си тражила да одеш тамо,
Када си знала да то није тамо
и да се одатле ништа не види.

Шта си мислила да радиш:
где нико ни у шта не верује,
где нико никоме
где нико никоме не преговара.

Ниси попустила ни када те ја напустио час
и када си видела на чијој страни је закон
и на чијој страни су сви

Зар ниси помислила да је твоје време
већ прошло, већ измењено
и да то тамо нија за надаље

Шта си тражила тада тамо
Где нико никога не чека,
где нико ништа не говори,
где нико никога не познаје.

Тамо је било све јасно и опасно
и одатле више није било где
и одатле више није имало како.

Шта си тражила да тражиш
када је све то било загубљено
и када нигде није било ничега.

И сада, ај кажи ми сада
шта можеш томе што не не видиш
И шта ти може то што те не види,
када се нико никога не сећа.

ЂОКО ЗДРАВЕСКИ

ЈЕДНО ЗА СВЕ

имао сам срећу
родио сам се у кући
у којој су се речи изговарале
тихо и једном је било довољно
да се упамте. љубав и казне
су се исказивале погледом и многе стваре
су се подразумевале. хлеб се месио
уз молитву, а затим се умакало у салату
једну за све. кућа са одећом која се никада
није смањивала, него је само смењивала
власника. кућа са два детета
у једној дечијој соби. са једним креветом
на два спрата. са једним телевизором. једним радиом
једним аутомобилом. са собом без кључева
и једним купатилом пред којим се стрпљиво
чекало и само је светло било знак
да некога има унутра
много ствари је било
једно и за све

и после,
када сам порастао и изашао
из куће, имало је смисла само
да се воли.

Преводи 2017

Роза Тасевска

Курсот за напреднати преведувачи на L летна школа на Меѓународниот семинар за
македонски јазик, литература и култура при УКИМ (17 јуни - 2 јули 2017)
го подготви и го реализираше лекторката Роза Тасевска. Учесници беа: Софија Заболотнаја, професор по словенска филологија наУниверзитет во Воронеж (Русија), Наталија Бороникова, доцент на Пермскиот државен универзитиет (Русија), Мојца Марич, магистер по словенечки јазик и социологија наУниверзитетот во Марибор (Словенија), Кристина Дуфкова докторант по индоевропска компаративна лингвистика на Масариковиот универзитет во Брно (Чешка), Нина Ковачич, дипл. по словенечки јазик и социологија на Универзитетот во Љубљана (Словенија), Јан Соколовски, професор на Универзитетот во Вроцлав (Полска), Марија Стришевска, докторант на Универзитет во Вроцлав (Полска).

За преведување ја предложив детската книга „Што сонуваше Дедо Мраз“ од авторката Билјана С. Црвенковска во издание на Арс Ламина, Скопје, 2014 година. Познавајќи ги најголемиот дел од учесниците во курсот за преведување, претпоставив дека ќе биде интересен текстот за превод, но не очекував дека до таа мера ќе се внесат во приказната и со таква упорност и задоволство ќе работат на неа. Тоа го потврдија и со илустрациите што ги направија во спомен книгата на Семинарот, и со настапот на литератураната вечер според извадок од книгата. Преведовме повеќе од сто страници, а остатокот го прочитавме и ги разјаснивме непознатите зборови и изрази, бидејќи учесниците изразија желба да продолжат со работа во своите земји за да се подготви за издавање целокупниот текст на книгата на руски, на полски, на словенечки и на чешки јазик. Се разбира, за сите тешкотии и нејасности во понатамошната работа да се консултираат со лекторката и со авторката на книгата.

За ова издание текстови на преводите подготвија и испратија: Наталија Бороникова, на руски јазик, Мојца Марич и Нина Ковачич, на словенечки јазик, Марија Стришевска, на полски јазик и Кристина Дуфкова на чешки јазик.

O čem je sanjal dedek Mraz?

Roman za otroke in za vse, ki želijo sanjati

Biljana S. Crvenkovska

Превод од македонски на словенечки: **Нина Ковачич и Мојца Марич (Nina Kovačič in Mojca Marič)**

1. poglavje: Tam daleč na severu … 226
2. poglavje: »Škandal!«....229
3. poglavje: Palčki Debelinko, Godrnjavko in Zaspanko....232
4. poglavje: Najdražja....237
5. poglavje: Dedek Mraz....241
6. poglavje: Nekje v Snegomrazu....244
7. poglavje: »Uhu! Uhu!«....249
8. poglavje: Ogromne snežne sove....253
9. poglavje: Samovila....256
10. poglavje: Pripovedovalec....259
11. poglavje: Sneguljčica....262
12. poglavje: Svet sanj....266
13. poglavje: Nekoč je živela deklica....273
14. poglavje: Sijaj....281
15. poglavje: Lord Rich....287
16. poglavje: Vseved Beli....290
17. poglavje: Mira Črna Medvedka....295
17. poglavje: Vrhovno sodišče Snegomraza....299
Epilog: Poštar Hitrofurijast....304

dedek Mraz

Živi nekje na daljnjem severu. Potuje s sanmi, ki jih vlečejo severni jeleni. Otrokom vsako leto nosi darila. Najraje sedi ob kaminu, pije kamilični čaj in pripoveduje zgodbe.

Rafaela Mraz

(Znana tudi kot babica Mraz.)

Žena dedka Mraza, resnična gospa. Delovna naloga: glasno branje pisem otrok z vsega sveta, medtem ko vsak večer z dedkom Mrazom pijeta čaj (dedek Mraz ob večerih slabo vidi, a o tem – pssst! Tega ne sme nihče izvedeti!). Najraje ima: letovanja na daljnji jug.

Sneguljčica Mraz

Hči dedka Mraza, prava lepotica. Delovna naloga: da je odličnjakinja na šoli 'Severko Mrzel'. Najraje se ogleduje v zamrznjenem ogledalu, drsa na ledu in prejema komplimente.

Viktor Mraz

Sin dedka Mraza, študent ekonomije. Delovna naloga: da je dober študent in dober človek. Najraje govori o poslu in nekega dne želi postati uspešen poslovnež.

Debelinko

Palček, pomočnik dedka Mraza. Delovna naloga: pakiranje otroških daril. Najraje od vsega na svetu ima: piškote … in čokolado … in torte … in bombone …

Godrnjavko

Prav tako palček, pomočnik dedka Mraza. Delovna naloga: lepljenje etiket z imeni in naslovi otrok na darila (da se dedek Mraz ne zmede). Najraje ima vse pod nadzorom, hitro se razjezi, vendar se tudi hitro pomiri.

Zaspanko

Še en palček, pomočnik dedka Mraza. Delovna naloga: moral bi skrbeti za severne jelene, a najpogosteje spi skupaj z njimi. Najraje objema odejico.

1. poglavje: Tam daleč na severu …

… kjer je vse belo in ledeno, kjer je sneg zasnežil vrhove jelk, kjer veter Severnik poje svojo zimsko pesem in ledene sveče zvonijo, sledeče njegovemu glasu … Daleč od poslednje človeške naselbine se nahaja Snegomraz, mesto najbolj znanega dedka na svetu – dedka Mraza.

Dedek Mraz je zelooo, zelo, zelo star (nikoli ni nihče ugotovil, koliko), a je v odlični formi in ima več energije kot večina tridesetletnih bančnih uslužbencev na svetu. Vsak dan telovadi, dobro jé in veliko časa preživi na svežem zraku, kjer trenira severne jelene (tudi ti morajo, kakor ljudje telovaditi, da so zdravi!).

Njegova žena je gospa Rafaela Mraz. Dedek Mraz jo enostavno kliče – Najdražja, a po svetu je znana kot babica Mraz. Ampak pozor! Pred njo se nikakor (ni-ka-kor, ampak zares ni-ka-kor!) ne sme omenjati tega imena. Če, bog ne daj, zares kdo pokliče Najdražjo s tem imenom, mora biti pripravljen vzdržati najbolj leden pogled na svetu, takšen, ob katerem bi zmrznil še Severnik!

Dedek Mraz (če slučajno niste vedeli, je njegovo pravo ime Nikolaj, da, Nikolaj) in gospa Rafaela imata dva otroka: hčerko Sneguljčico, staro 14 let, ki je v zadnjem razredu osnovne šole, in sina Viktorja, 19-letnika, ki je študent.

Sneguljčica Mraz je učenka desetega razreda šole 'Severko Mrzel' v Snegomrazu. Zakaj desetega? Zato ker gredo otroci Snegomraza v šolo s štirimi leti, a se v prvem razredu ne učijo ničesar drugega razen risanja, petja, igranja različnih iger in peke piškotov. Poleg tega, da je Sneguljčica odlična učenka, je tudi prvakinja v umetnostnem drsanju. Malo je domišljava – misli, da je najlepša in najpametnejša, kar po eni strani ni daleč od resnice, a je po drugi strani njena največja pomanjkljivost. Domišljavost ni niti najmanj lepa lastnost!

Viktor Mraz je študent in živi v tujini. Študira ekonomijo na Cambridgeu v Angliji in gori od želje postati uspešen poslovnež. Iskreno, dedek Mraz ne ve, kaj naj si misli, ko sliši te besede (ekonomija, poslovnež), čeprav je tudi sam zelo uspešen v vodenju najlepšega 'posla' na svetu – tovarne igrač! Po drugi strani je gospa Rafaela zelo srečna, da ima njen sin takšne ambicije …

A o Snegomrazu smo pozabili povedati še nekaj.

To ni pretirano veliko mesto, a vsekakor ne moremo reči, da je vas. Lahko bi zaključili, da je Snegomraz mestece srednje velikosti z veliko tovarno igrač, pošto, šolo, zdravstvenim domom, mestno hišo, butiki z oblačili, slaščičarnami, pekarnami, supermarketom, knjižnico, ledenim parkom, športno dvorano, snežnim igriščem in več kot 250 hišami. Torej, eno povsem dostojno mesto za življenje.

V Snegomrazu živi veliko različnih prebivalcev: največ je palčkov, nato severnih jelenov, psov, mačk, polarnih lisic in kakšen bel medved … Včasih za daljši ali krajši čas tukaj prebivajo tudi ljudje (majhno število teh je že stalnih prebivalcev Snegomraza), a večina pride in gre … Ljudje

imajo na splošno težave z mrazom, zato le redki vzdržijo dlje časa. To, kar morate vedeti, je, da imajo vsi prebivalci iste pravice in ugodnosti, ne glede na to, ali so ljudje, palčki ali živali.

To pomeni, če želimo razložiti tudi s primeri, da lahko v slaščičarno brez problema vstopita tudi beli medved ali severni jelen in naročita zmrznjen jogurt ali sladoled. Ali da se v vseh butikih prodajajo tudi oblačila in obutev za mačke, lisice, medvede in ostale prebivalce. Ali še pomembneje, da je ravnatelj šole 'Severko Mrzel' ogromen in prastar snežen skovir, gospod Vseved Beli, učitelj matematike pa je palček Petko. Takšnih primerov je še veliko, a ti niso tako pomembni za našo zgodbo.

Edino dovoljeno prevozno sredstvo v Snegomrazu so sani. Majhne sani, velike sani, srednje velike sani, sani za ljudi, sani za palčke, tudi sani za živali – saj imajo tudi te, kajne, iste pravice.

Celo za mestni prevoz se uporabljajo ogromne sani z več sedišči! Zamislite si avtobus – sani! Te običajno vleče več severnih jelenov. Severni jeleni so najboljši za to delo, a kadar niso v službi, tudi ti vstopajo in se vozijo kot vsi ostali prebivalci. V Snegomrazu lahko vsi vlečejo sani, celo palčki. Ti lahko vlečejo samo najmanjše sani, tiste s samo enim sedišèem.

Največja hiša v Snegomrazu z dvema nadstropjema, z veliko in prostrano dnevno sobo s kaminom, delovno sobo z majhno knjižnico, tremi spalnicami in celo dvema kopalnicama ter seveda z ogrooomno, ogromno kuhinjo je tista od dedka Mraza. Takoj poleg nje, praktično na istem dvorišču, stoji tovarna igrač, ki je njegova last (ali natančneje last rodbine Mraz). V primerjavi z velikostjo drugih stavb v Snegomrazu je tovarna vsekakor največji objekt v mestu, a v primerjavi s tovarnami v drugih mestih po svetu ta izgleda kot običajna delavnica.

A kot vemo, lahko tisto, kar včasih izgleda običajno in preprosto, skriva veliko presenečenj …

* * *

Hej, počakaj!

Še eno vprašanje!

Kako se pride v Snegomraz?

No, to je skrivnost! Pot v Snegomraz poznajo palčki in živali … in le redki ljudje, ki so ga po dolgem iskanju uspeli najti sami. Po navadi so to vztrajni ljudje z ogromno željo po avanturah in z veliko domišljije.

Nekateri od njih so pisatelji in slikarji, drugi so piloti ali mornarji. Tudi druge poklice najdemo, na primer kakšnega zobozdravnika ali mehanika, vzgojiteljico v vrtcu ali prodajalko.

Čeprav so si zelo različni, sta vsem tem ljudem skupni dve lastnosti: vztrajnost in velika želja, da izpolnijo svoje sanje!

2. poglavje: »Škandal!«

… je zakričal dedek Mraz, stekel na dvorišče in zatreskal z vrati!

Najdražja gospa Rafaela, ki ga je poskušala dohiteti, je obnemela, ko so se vrata zaloputnila dobesedno nekoliko centimetrov pred njenim obrazom. Sneguljčica Mraz, ki je že pol ure stala v predsobi pred velikim zamrznjenim ogledalom in se občudovala, je bila vsa iz sebe zaradi te nepredstavljive scene.

Očka Niki, kot je Sneguljčica klicala dedka Mraza, ni nikoli v življenju povzdignil glasu, kaj šele da bi treskal z vrati …

»Mami?« je s tihim šepetom uspelo izustiti Sneguljčici. »Kaj se dogaja?«

Gospa Rafaela je planila v jok in stekla iz sobe.

»Svet se je obrnil na glavo,« je zaskrbljeno pomislila Sneguljčica.

Nihče v Snegomrazu, vključno z Vsevedom Belim, ni nikoli slišal ali videl kaj takšnega. Še posebej, kar se tiče dedka Mraza …

* * *

Samo eno uro pred tem …

… je gospa Rafaela, brez da bi lahko predpostavila, kaj se bo zgodilo samo uro kasneje, pripravljala popoldanski čaj in si zadovoljno prepevala.

V veliki, topli kuhinji je bilo veliko poličk, na katerih so bili razvrščeni kozarčki in škatlice različnih velikosti, po večini polni z različnimi čaji in dišečimi začimbami z vseh strani sveta. V družini Mraz je bilo pitje čaja pravi obred. Rafaela ni imela najljubšega okusa, vedno je želela poskusiti kakšen nov čaj ali ga spet piti v različnih mešanicah, a dedek Mraz je imel najraje kamilični čaj z malo medu.

Ko je nalivala čaj v skodelice, je v kuhinjo vstopil dedek Mraz.

»Pripravljen je,« je rekla Rafaela. »Lahko greva v dnevno sobo.«

»Aha,« je odgovoril dedek Mraz in še kar stal sredi kuhinje.

Gospa Rafaela je opazila, da ga nekaj muči.

»Kaj je narobe, medo moj?« je vprašala z nežnim glasom (ljubkovalno ga je klicala medo, a samo ko sta bila povsem sama).

»Je bilo zjutraj kaj pošte?« je vprašal dedek Mraz. »Si kaj videla Hitrofurijastega?«

Poštar Hitrofurijast je bil mlad snežen skovir, ki je bil ob svoji resnično veliki hitrosti, kot namiguje njegovo ime, tudi zelo furijast. Ker

je želel vse hitro zaključiti, je naredil tudi veliko nenamernih napak. Za to je bila kriva predvsem njegova mladost. Imel je le 102 leti, kar je za snežno sovo v Snegomrazu (in to niso običajne snežne sove) pomenilo, da je še zmeraj v puberteti.

»Danes ni bilo pošte,« je odgovorila Rafaela in takoj ugotovila, kaj ga je zaskrbelo. Bližal se je 31. december, vendar je letos prispelo zelo malo pisem otrok s celega sveta.

»Bova preverila elektronsko pošto,« je rekla Rafaela, medtem ko je nesla pladenj s čajem v dnevno sobo. »Saj veš, da vse več in več pisem prispe na e-mail.«

Čeprav je to držalo, se je na žalost skupno število prispelih pisem manjšalo iz leta v leto …

* * *

Prejeto (e-poštni predal): **1 neprebrano sporočilo**

»Eno neprebrano sporočilo,« je z negotovostjo v glasu rekla Najdražja Rafaela in odpila požirek čaja, držeč prenosnik v naročju. »Daj, da vidiva, od koga je …«

»Samo eno …« je tiho, že povsem razočarano rekel dedek Mraz. »Daj, hitro preberi,« se je obrnil k Rafaeli. »Da ni od Marka Jovanovskega, običajno mi on piše ob takšnem času.«

»Sedaj bova videla,« je rekla Rafaela in kliknila na prejeto pošto.

Za: contact@dedekmraz.net

Od: viktor.mraz@smail.com

»Od Viktorja?!« je z nejevero izustil dedek Mraz. »O čem mi piše, kar mi ne more povedati po telefonu?«

»Počakaj, takoj …,« je kliknila na sporočilo Rafaela.

»Zdravo, mama, zdravo, očka,

upam, da bosta videla sporočilo, čeprav vem, da e-pošte ne preverjata pogosto …«

»Prosim?« se je vznemiril dedek Mraz. »Kdo ne preverja e-maila? Kaj je temu najinemu otroku?«

»Počakaj …,« je rekla Rafaela in brala naprej.

» … čeprav vem, da ne preverjata e-pošte pogosto …«

»Mrfmff …« je dedek Mraz zamrmral nekaj nerazumljivega, gospa Rafaela pa je nadaljevala z branjem.

»Moj prijatelj in kolega s fakultete, George, mislim, da sem vama pripovedoval o njem, je sin enega najbogatejših ljudi v Angliji, lorda Richa. Lord ima poleg mnogih drugih poslov v lasti največji nakupovalni center v Londonu. Ne vesta, kako ogromen je in koliko obiskovalcev ima dnevno! Milijone! Za vsako novo leto se tukaj zbere množica otrok in

tradicionalno jim dedek Mraz (vsekakor ne ti, očka, temveč nek profesionalni igralec) deli darila. Ta darila pred tem plačajo njihovi starši, no, to ni pomembno.

Lord Rich je preko Georgea ugotovil, da sem tvoj sin. Morda sem to slučajno omenil enkrat v nekem pogovoru, ne vem …«

Tukaj je gospa Rafaela nehala brati in pogledala dedka Mraza. Ta je molčal, njegov obraz pa se je pomračil.

V Snegomrazu je obstajal samo en zakon. Samo en! Vse ostalo so bila pravila lepega obnašanja, a obstajal je le en zakon:

Ultimativna ustava Snegomraza
Zakon 1
Člen 1

Nihče ne sme govoriti o Snegomrazu in o njegovih prebivalcih izven Snegomraza.

Člen 2

Nihče ne sme nikomur in pod nikakršnimi pogoji pokazati poti v Snegomraz.

Pripis: Kršitev tega zakon je v pristojnosti Vrhovnega sodišča Snegomraza.

Gospa Rafaela se je razžalostila. Kako je mogel … kako je lahko komurkoli omenil Snegomraz.

»Zato je napisal e-mail. Sram ga je poklicati in povedati nekaj takega po telefonu,« je rekla.

Dedek Mraz jo je pogledal, a njegov pogled je bil prazen. Kot da bi se mu kar naenkrat porušil ves svet.

»Beri,« ji je tiho rekel.

»Lord Rich se mi je osebno javil in me prosil, naj se pogovorim s teboj, če si zainteresiran, da sprejmeš njegov poslovni predlog. In sicer, bi letos rad naredil nekaj še nikoli VIDENEGA: da bi za novo leto v njegov nakupovalni center prišel RESNIČEN dedek Mraz – torej ti. To bo atrakcija, pravi BUM, nekaj FANTASTIČNEGA! Poleg tega je njegova ponudba res dobra: namesto da bi starši kupovali igrače v prodajalnah nakupovalnega centra, jih bodo kupovali v naši tovarni …«

* * *

Gospo Rafaelo moramo malo prekiniti v njenem branju, da povemo zgodbo tovarne z igračami in cel proces njihove izdelave. Proces izdelave igrač je v vsaki ČAROBNI tovarni drugačen kot v drugih tovarnah.

Da, tudi tam imajo stroje. Tudi tam je tekoči trak, po katerem se premikajo izdelane igrače, da jih takoj zapakirajo v škatle, zavijejo v prekrasen pisan papir, zavežejo z najlepšimi trakovi in na koncu – na vsako škatlo nalepijo ime otroka, ki mu je namenjeno darilo.

Vendar stroji, ki izdelujejo igrače, ne uporabljajo nobenih surovin. V njih se vstavljajo le otroške želje!

V trenutku, ko je gospa Rafaela prebrala otroško željo na glas, počasi ob pitju čaja, so stroji v tovarni začeli izdelovati igračo. Tisto, ki si jo je zaželel otrok – to je izvrgel stroj!

In darilo je bilo točno takšno, kot si ga je zamislil otrok, in edinstveno na celem svetu. Niti eno darilo, izdelano v tej tovarni, ni bilo enako drugemu. In točno zato te igrače niso stale nič. Zaželene so bile iz srca, narejene so bile s čarovnijo želje in nikakor niso bile za prodajo …

* * *

»Ne želim se vmešavati v tvoje delo, očka, vsekakor ga ti poznaš najbolje,« je nadaljeval Viktor, *»a mislim, da je to dobra priložnost. In sam veš, da zaradi staršev, ki kupujejo darila za otroke, in ker je na vsakem koraku kak igralec, ki igra dedka Mraza, mi prejemamo vse manj in manj pisem. Poleg tega mislim, da tudi starši vse pogosteje učijo otroke, naj ne verjamejo v dedka Mraza. A kadar posel ne uspeva, takšne ponudbe niso zanemarljive.*

Očka, razmisli o tem in se mi javi.

Pozdrav,

Viktor.«

Gospa Rafaela še zmeraj ni zmogla verjeti, da je njen sin sposoben napisati kaj takšnega. Zaključila je z branjem in prestrašeno pogledala dedka Mraza.

Obraz dedka Mraza je bil škrlatno rdeč. Molčal je nekoliko sekund – gospe Rafaeli se je zdelo, da je ta molk trajal celo večnost, nato pa je skočil iz naslonjača in stekel iz sobe.

»Škandal!« je vzkliknil, ko je šel po hodniku mimo Sneguljčice, brez da bi opazil njo ali njeno novo frizuro, in stekel na zasneženo dvorišče. Vrata so se zaloputnila s treskom tik pred nosom gospe Rafaele.

3. poglavje: Palčki Debelinko, Godrnjavko in Zaspanko

… so bili praktično brez dela. Ni bilo pisem, ni bilo želja, stroji so mirovali. Tovarna je bila tiha, kar je do neke mere odgovarjalo Zaspanku,

ki je pokrit z odejico mirno spal znotraj ene izmed škatel za darila. Godrnjavko in Debelinko, ki nista imela kaj početi, sta igrala 'Palček, ne jezi se'.

Iskreno, obupani Debelinko si je že nekaj časa želel prekiniti igro, saj se je Godrnjavko preveč jezil, tudi ko je zmagoval. (In zmagoval je ves čas.) Debelinko je nekajkrat poskušal prekiniti igro in si izmisliti neko drugo aktivnost, a takrat se je Godrnjavko še bolj razjezil. In tako se je Debelinko odločil, da grizlja piškote in da pusti prijatelja, da se jezi in zmaguje in jezi in …

»Nič se ne koncentriraš,« je vzkliknil Godrnjavko. »Samo, da se jé. Dovolj si jedel. Daj, igraj!«

»Igram, poglej, poglej … mlask, mlask …« je s polnimi usti zamrmral Debelinko in premaknil figuro – palčka na igralni plošči. »En, dva, tri … mlask, mlask … tukaj sva,« je pogoltnil še en piškotek.

»Eh, stari, stari, pojma nimaš! Kje sem našel tebe za nasprotnika. Ti teslo! Niti šteti ne znaš!« se je razhudil Godrnjavko.

»Znam,« je mrtvo hladno rekel Debelinko. »Daj, poglej: en, dva, tri, štiri, pet piškotov. Joooj, kako malo jih je ostalo! Grem po preostale,« je Debelinko počasi začel vstajati, da bi prinesel še več piškotov.

»Da mi ne migneš!« je zapiskal Godrnjavko. »Da ne vstaneš, dokler te ne premagam.«

»Ampak kako, ne morem nadaljevati brez piškotov,« je protestiral Debelinko. »Brez hrane mi pamet ne dela.«

»Kakšna pamet, stari, daj, daj, ti nimaš pameti. Ničesar nimaš. In ničesar ne potrebuješ. Ti bom jaz povedal, kaj narediti,« je zaključil Godrnjavko, prekrižal roke in se namrdnil. To je bila že dobro naučena poza.

Debelinko je zavzdihnil, pogoltnil še en piškot (sedaj so ostali le še štirje) in se usedel, da bi nadaljevala z igro.

Točno v tem prekrasnem trenutku zmage, ko se je Godrnjavko končno nasmehnil sam pri sebi in se odločil, da je čas, da zmaga tudi tokrat, kdo ve kolikokrat zapored v igri 'Palček, ne jezi se', je v tovarno pridivjal dedek Mraz, ves rdeč v obraz.

* * *

»Kaj je to tukaj, a, lenuhi?!« je kot grom zakričal dedek Mraz. Resnično, zakričal je tako močno, da ne samo, da se je stresla vsa tovarna in cel Snegomraz, temveč je kričanje dedka Mraza povzročilo silen potres na Velikonočnem otoku na povsem drugem koncu zemeljske oble.

Lahko si torej samo predstavljate, kako sta se v tem trenutku prestrašila Debelinko in Godrnjavko! Debelinko je pozabil pojesti še en piškotek, a

Godrnjavko – Godrnjavko je v tem trenutku ugotovil, da ni nikoli zares vedel, kaj je jeza.

In Zaspanko? Zaspanka ni nič ganilo, spal je, on je spal dalje. V tem najstrašnejšem trenutku si je dovolil celo zasmrčati!

»Zakaj nihče nič ne dela?« je vrisnil dedek Mraz. »Kaj je ta nered tukaj? Kaj je to, drobtine od piškotov? V moji tovarni?«

»Ampak, ampak … dedek Mraz, nikoli prej te drobtine niso motile,« je komaj izdavil Debelinko.

»Tišina!« je zakričal dedek Mraz. »Odpuščen si!«

Debelinko in Godrnjavko nista mogla verjeti svojim ušesom. Odpuščen? Le kaj je pomenilo to? V Snegomrazu nihče nikoli ni bil odpuščen iz službe. Nikoli. Obstajala ni niti najmanjša možnost, da bi se zgodilo kaj takega in za to je obstajalo več vzrokov …

* * *

Prvič, v Snegomrazu so vsi delali le, kar so imeli resnično radi in vsekakor so to delali z vsem srcem. Ni se moglo zgoditi, da nekdo dela nekaj, česar ne mara, to je bilo nepredstavljivo.

Drugič, v Snegomrazu so delali vsi! Ko se je delalo, se je delalo s polno paro in nihče ni lenaril, a ko ni bilo dela, je vsak lahko počel, kar je želel. Dremal, jedel piškote, bral knjigo, telovadil, šel na sneg, odigral kakšno igro ali preprosto sedel in sanjaril z odprtimi očmi. Sanjarjenje z odprtimi očmi je bilo nekaj, kar so vsi prebivalci Snegomraza pogosto počeli.

Tretjič, v Snegomrazu ni bil nihče plačan za svoje delo, temveč so vsi delali, ker je to zelo normalno in zdravo početje. V Snegomrazu, če do sedaj ni bilo jasno, na sploh niso imeli denarja. Ko je nekdo, če se lahko izrazimo tako, 'kupoval' nekaj, na primer oblačila, igrače, sladoled, juho, … je moral 'plačati' z lepo besedo! Takšno je bilo pravilo Snegomraza.

In to ne z navadnimi lepimi besedami, kot sta 'Dober dan' ali 'Dobro jutro'. Te besede so tako ali tako vsi redno uporabljali. V Snegomrazu je bilo nepredstavljivo, da se ne pozdraviš z nekom in da si ne izmenjaš nekaj besed v pozdrav, in tako so se vsi vedno pozdravljali ter bili zelo vljudni. Če izračunamo, lahko rečemo, da je povprečno nekaj ur dnevno namenjenih samo pozdravljanju.

Se pravi, plačevalo se je z lepo besedo, a ta beseda je morala biti namenjena točno tej osebi, pri kateri se je kupovalo. Na primer, če ste 'kupovali' vožnjo s sanmi pri kakšnem živahnem severnem jelenu, ste mu morali reči nekaj v stilu: »Prekrasen mlad gospodič z izjemno veličastnimi rogovi, bi bili tako ljubeznivi in me odpeljali do Ledenega parka, če vam to ne predstavlja neke posebej velike težave?«

Vsekakor ste morali komplimente, ki ste jih dajali, misliti resno. V tem je bil ves trik 'plačevanja'! V kolikor ste bili neiskreni, ste bili takoj razkriti in ne samo, da niste prispeli v Ledeni park, temveč ste tudi poleteli s sani. No, kaj takšnega se še nikoli ni zgodilo prebivalcem Snegomraza, niti ljudem, ki so živeli tam …

* * *

»O-o-o-odpuščen?« se je razburil Debelinko. »Ampak, ampak, ampak … zakaj?«

»Nevzdrževanja higiene,« je odgovoril dedek Mraz.

»Nisem še slišal za to pravilo,« je spregovoril Godrnjavko.

»Tudi ti si odpuščen!« se je namrščil dedek Mraz.

»Ampak zakaj?« se je Godrnjavko namrščil nazaj. »Kaj pa sem jaz naredil?«

»Neznanje. Še slabše,« je trmaril dedek Mraz.

»Dedek Mraz, kaj se dogaja, nič mi ni jasno,« je skoraj zajokal Debelinko. »Ničesar nisva zagrešila.«

»Odpuščena sta, oba! Zapustita že enkrat to tovarno.«

»Dedek Mraz, pridi k pameti,« je povsem mirno rekel Godrnjavko, kar sploh ni bilo značilno zanj. »Daj, sedimo in se pogovorimo kakor dedek s palčki in se sporazumimo.«

»Ne moremo se sporazumeti. Želim, da takoj odideta in me pustita samega,« se je dedek Mraz jezil kot majhen otrok.

To je bilo preveč za občutljivega Debelinka, ki je planil v jok. Medtem ko so mu solze polzele po licih, je začel pobirati piškote in se pripravljati na odhod. Če ne bi bil tako vznemirjen, bi najbrž pobral še drobtine.

»Aaaah, imamo kaj za pod zob?« se je slišalo zehanje in zaspan glas iz ene izmed škatel za darila. Gospodič Zaspanko se je komaj prebudil, brez najmanjše ideje o drami, ki se je odvijala v tovarni. »Sanjal sem pico!« je srečno dodal.

»Pica? Ti bom dal pico, lenoba lena!« je zakričal dedek Mraz tako močno, da je Zaspanko skupaj s škatlo (in odejico) dobesedno odletel na drug konec prostora. Vznemirjen, zaspan in razmršen je sedel na tleh z odejico, ki jo je močno stiskal v rokah, in presenečeno gledal v dedka Mraza.

»Dedek Mraz?« je zašepetal Zaspanko. »Kaj ti je? Imaš vročino?«

»Odpuščen si!« je še dalje kuhal mulo dedek Mraz. »Vsi ste odpuščeni. Takoj ven.«

»Zakaj sem odpuščen,« je še zmeraj zaspan vprašal Zaspanko. »Nič mi ni jasno …«

»Zaradi spanja na delovnem mestu,« je bil neutruden dedek Mraz. »A sedaj – vsi ven, nočem vas videti,« je rekel, odšel v kot in jim obrnil hrbet.

Debelinko je v joku (in s piškoti v rokah) stekel ven.

Zaspanko je počasi napotil proti vratom in vlekel odejico po tleh. Preden je izstopil, se je obrnil k dedku Mrazu in rekel: »Res ti ni dobro, dedek Mraz. Izmeri si temperaturo.« In odšel.

Godrnjavko se ni premaknil z mesta. Stal je in s pogledom počasi premeril dedka Mraza, ki se je pretvarjal, da ničesar ne opazi.

Po dolgem molku je Godrnjavko rekel: »Ni vse tako črno, dedek Mraz. Dan je pametnejši od noči. Prespimo, si odpočijmo, jutri vstanimo zgodaj in si nekaj izmislimo. Ne bomo sedeli križem rok, sigurno obstaja način, kako bomo prepričali otroke, da bodo verjeli vate. Da ti bodo spet napisali mnogo pisem. Da bo tovarna polna igrač in mi ne bomo vedeli, česar naj se lotimo najprej. Mora obstajati nekaj, nek trik … Neka skrivnost, ki je ne poznamo. Če bo potrebno, bomo angažirali ves Snegomraz. Kaj praviš, vredno je poskusiti, kajne?«

A dedek Mraz je samo molčal.

Godrnjavko je vzdihnil in se obrnil, da bi odšel. »Jaz se ne predam, dedek Mraz. In vem, da se tudi ti ne boš,« je zaklical, preden je stopil skozi vrata.

Dedek Mraz je še nekaj časa sedel v kotu, nato se je obrnil in pogledal naokoli. Oči je imel polne solz.

»Pustite me samega,« je zašepetal. »Nikogar ne potrebujem. In očitno nihče ne potrebuje mene. Nihče, nikomur, nikoli, ničesar …« je žalostno mrmral.

Tako je stal, ne da bi vedel, kaj bi sam s sabo, potem je odšel na dvorišče. Zunaj se je že mračilo. Luna je močno svetila na nebu, polna kot ogromno rumeno jabolko. Zvezde so utripale in si šepetale, si pripovedovale zgodbe iz različnih koncev Vesolja. A dedek Mraz, ki ni nikoli zamudil priložnosti, da bi prisluhnil tem zgodbam, se tokrat ni ustavil, da bi jih pozdravil in poklepetal z njimi. Luna se je spustila čisto blizu, zvezde so postajale vedno glasnejše, pa nič. Dedek Mraz je strmel v svoje škornje, ki so puščali globoke sledi v snegu, in molčal.

Ko se je približal domu, je obstal in pogledal po oknih. Vsi spijo? Ne, eno okno je bilo osvetljeno. Spalnično. Gospa Rafaela ga je čakala. Postal je še malo, premišljujoč, ali bi vstopil v hišo ali se vrnil v tovarno. V tem trenutku je ugasnila luč tudi na tem oknu. Dedek Mraz je premišljal še nekaj sekund, nato pa s težkimi in počasnimi koraki vstopil v hišo. Zvezdam in luni se je prvič, odkar so vedele zase, zazdelo, da dedek Mraz izgleda postarano, kot kakšen običajen dedek. Ta pretresljiva vest se je v delčku sekunde razširila po vseh koncih Vesolja.

4. poglavje: Najdražja

... je ležala v veliki leseni postelji v spalnici, naslonjena na mehke blazine, in razmišljala, kaj storiti. Bila je zelo žalostna in šokirana zaradi Viktorjevih prestopkov, a načelna gospa Rafaela ni bila človek, ki bi sedel križem rok. Ne, običajno je vzela stvari v svoje roke in jih rešila, tako! Za njo niso obstajale nerešljive situacije, temveč le zapletene situacije. »In ta je najbolj zapletena situacija do sedaj, tako, samo to,« se je tolažila Najdražja.

Še malo je razmišljala, nato pa odločno vzela v roke mobilni telefon in začela pisati sporočilo.

»*Viktor! Ali spiš?«*

»Hej, mami. Ne. Surfam. Kaj je?«

»Sinko, ne želim te grajati, samo ni mi jasno, kako si lahko govoril drugim ljudem. O nas, o Snegomrazu.«

»Mami. Neumnosti. Nič strašnega ni. Zelo ste retro. Časi se spreminjajo. Uživaj. Kul smo.«

»Kaj je kul? Nič ni kul. A veš, kako si prizadel svojega očeta? Kako si sploh lahko pomislil na kaj takega? Da govoriš o poslu, o kupčiji?«

»Hej, kdor noče v korak s časom, mu ni treba. Kul je. Sporočil bom, da zadeva odpade. OK?«

»Zakaj me ne razumeš, kar ti govorim? Kako si se tako zelo spremenil? Kam je odšel moj mali sanjač, kaj se je zgodilo z njim?«

(Prebrano.)

Viktor je prebral sporočilo, a odgovora ni. In ni. In ni.

Kam je odšel njen sin, njen pameten mali Viktor? Otrok s tako veliko domišljijo. Otrok, ki je užival v pravljicah, ki mu jih je pripovedovala, ko je bil majhen: *Rdeči kapici*, *Kraljični na zrnu graha*, o *carjeviču Ivanu in žar ptici* in njemu najljubši – zgodbi o Petru Panu, otroku, ki ni želel odrasti. In tako zelo si je želel postati Peter Pan! In da nikoli, nikoli ne bi odrastel. Kako mu je uspelo tako hitro pozabiti na to svojo željo?

Tako je sedela in se spraševala gospa Rafaela. In čakala Viktorjev odgovor. A odgovora ni bilo.

Čakala je tudi, da pride njen Nikolaj, njen žalostni medo. Tudi njega ni bilo. Nikogar ni bilo. Vsi so se ji izneverili.

Najdražja je ugasnila luč v spalnici z globokim vzdihom. Luna je kukala skozi okno, večja kot kadarkoli. Ko je gospa Rafaela tonila v nemiren sen, se ji je zazdelo, kot da ji luna nekaj govori.

* * *

Medtem so se v hišici, ki se je nahajala v drevesni duplini, trije palčki vznemirjeno pogovarjali o dogodku v tovarni. Na mizici pred njimi so bili čaj in piškoti. To je odlično zdravilo za vznemirjenost, strah, trpljenje, zlomljena srca in podobne duševne rane.

»Dedek Mraz je zelo bolan,« je rekel Zaspanko in zazehal. »Poiščimo zdravnika.«

»Ni bolno njegovo telo … mlask, mlask … bolna je njegova duša. Zelo ga je prizadelo, da otroci več ne pišejo … mlask, mlask … pisem,« je rekel Debelinko s polnimi usti.

»Mislim, da je nekaj več od tega. Še nekaj se je zgodilo,« je bil zamišljen Godrnjavko.

»Kaj drugega?« je vprašal Debelinko.

»Ne vem,« je odgovoril Godrnjavko. »Ampak nameravam odkriti!« je v istem trenutku odločno vstal in si začel oblačiti plašč, zimske čevlje in kapo. Debelinko in Zaspanko sta ga vznemirjeno gledala.

»Kam greš?« je vprašal Debelinko.

»Grem odkrit. Ugotovit. Pomagat. Moramo pomagati dedku Mrazu,« je odločno izjavil Godrnjavko. »Kot vemo in znamo.«

»Potem moramo spakirati dovolj piškotov!« je rekel Debelinko. »Potrebovali jih bomo, kamorkoli bomo že šli.« Pa je vstal tudi on in si začel polniti žepe s piškoti, bomboni, čokoladicami, …

»Kam mislita iti brez mene?« je vzkliknil Zaspanko in zagrabil odejico. »Tudi jaz grem.«

Godrnjavko se je nasmehnil. Vedel je, da ga prijatelja ne bosta nikoli pustila na cedilu. Iskreno, ni imel pojma, kako odkriti, kaj se je zgodilo, in še manj je vedel, kako pomagati dedku Mraz. Bil je le običajen palček in ni posedoval nikakršnih čarobnih moči. A imel je idejo, kdo bi lahko pomagal in točno tja se je odločil iti. In potem … kdo ve, kam jih ponese pot …

Samo petnajst minut kasneje so palčki ugasnili svetilke v drevesni hišici in dobro zaklenili vrata. Malo so postali pred pragom in gledali zimsko nebo, polno zvezd, na katere je močno sijala luna kot ogromna prijateljska petrolejka.

Ko sta ostala dva krenila na pot, se je Godrnjavku zazdelo, da je luna zrastla in da so se zvezde prerazporedile po nebu. A vedel je, da kaj takšnega ni mogoče. Obrnil se je in pohitel, da dohiti prijatelja.

* * *

Sneguljčica je ležala v postelji tiho kot miška. Vsi so mislili, da spi, vendar je samo ugasnila luč in ležala ter molčala. Ni ji bilo jasno, kaj točno se dogaja. Vedela je samo, da je povezano z Viktorjem in da je ta naredil nekaj, česar NIKAKOR ne bi smel narediti. Toliko ji je uspelo razbrati iz materinih nepovezanih besed, pomešanih z jokom. Odkar se je pomirila, gospa Rafaela ni želela povedati ničesar več.

Toliko je razumela Sneguljčica, in to je bilo dovolj. Dovolj, da je vedela, da mora takoj nekaj ukreniti! Po dolgem razmisleku je vedela tudi kaj. Vstala je, se tiho oblekla v temi – topel pulover, škornji, plašč, kapa, šal, rokavice, torbica … Uredila si je frizuro … in odprla okno. Iz torbice je vzela malo srebrno piščalko in zaigrala.

Piščal ni spustila nobenega zvoka, vendar so se hitro zaslišali tihi koraki v snegu. Pred njo se je pojavil Sijaj, mlad in spreten severni jelen z nosom, ki je svetil v noč kot majhna modra lučka. Sijaj je bil najboljši prijatelj Sneguljčice, njen najzvestejši zaupnik. Sneguljčica se je nagnila skozi okno in mu tiho zašepetala. Sijaj jo je pogledal s prekrasnimi globokimi očmi in pokimal.

Sneguljčica se je povzpela skozi okno in skočila na sneg. Na tren se je dvignila na Sijajev hrbet in hop! – poletela sta v nebo.

Kot veste znajo čarobni severni jeleni dedka Mraza zelo hitro leteti po nebu in prispeti iz enega konca sveta na drugega z neverjetno hitrostjo. Ko sta letela navzgor, se je Sneguljčica začudila, ker je bila luna tako velika in da so se zvezde dvigale tako hitro. A ni imela časa razmišljati o tem. Morala je opraviti zelo pomembno nalogo …

* * *

Istočasno je Vseved Beli, najstarejši in najbolj moder skovir v Snegomrazu, pogledal v nebo in začutil vznemirjenje zvezd. Čeprav je bil zelo moder, ni uspel razumeti vseh najmanjših podrobnosti, kaj točno se je zgodilo, no, nekaj je bilo jasno – da je nekdo naredil nekaj, kar je strogo prepovedano!

Kar je pomenilo, da ne sme izgubljati časa. Brez razmišljanja je Vseved Beli odletel skozi okno proti veliki rumeni luni, njegova ogromna bela krila pa so v temi noči izgledala povsem črna.

* * *

V istem trenutku …

Velikanski kipi na Velikonočnem otoku – ogromne kamnite glave, ki so stale na otoku od pamtiveka in so neprekinjeno gledale v nebo, so poslušali šepet zvezd …

… in spoznali vzrok potresa, ki je prizadel otok. Razumeli so tudi vse ostalo, a to jim ni bilo pomembno. Kljub vsemu so bili samo kamnite glave, ki so se nahajale na povsem drugem koncu sveta.

* * *

In skoraj v istem trenutku se je na drugem koncu Vesolja začela dvigati ogromna sijoča zvezda … in se je dvigala čez celo Vesolje, vse hitreje in hitreje, kot da bi jo nekdo preganjal ali kot bi imela neko zeloooo pomembno nalogo …

* * *

»Zakaj me ne razumeš, kaj ti govorim? Kako si se tako zelo spremenil? Kam je odšel moj mali sanjač, kaj se je zgodilo z njim?« je prebral Viktor v svoji sobi v študentskem naselju v Cambridgeu in se namrščil.

Odločil se je, da ne bo odgovoril na sporočilo. Obrnil se je in se zastrmel v računalniški ekran ter na Facebooku odgovoril na sporočilo presladke Mine Jones. Nadaljeval je z dopisovanjem z njo in se nasmehnil, a z znatno manjšim navdušenjem kot prej.

Poskušal je ne misliti na zadnje mamine besede, a nekaj ga je žrlo odznotraj. Nekaj mu preprosto ni dalo miru.

Kako so se lahko tako obnašali do njega, saj ni več otrok! Tudi on bi si lahko nekaj izmislil in predlagal (čeprav predloga ni dal, bodimo iskreni, on, temveč gospod Rich). Pa kaj, če je prekršil neko bedno pravilo, to nič ne pomeni. Zakaj ne bi smel priti v Snegomraz vsak, ki si želi, pa to so drugi časi, moderni …

Tako je torej razmišljal Viktor in si dopisoval s sladko Mino še dolgo, dolgo, dolgo … Čeprav ni odvrnil pogleda z ekrana, ga je v nekem trenutku nekaj vznemirilo in pogledal je proti oknu.

Kot da bi bilo nekaj zunaj? Nekakšno premikanje? Nek šum? Viktor se je stresel in vstal, da bi pogledal skozi okno. No, razen lune, ki je močno svetila na nebu, ni uspel videti ničesar drugega.

»Norost! Pa ti si v šestem nadstropju, kaj bi lahko bilo? Ne domišljaj si stvari,« si je rekel Viktor in se spet vrnil na Facebook in h gospodični Mini Jones.

Najhuje je bilo, da se sploh ni zavedal, kako zelo se moti …

5. poglavje: Dedek Mraz

… je tiho vstopil v dnevno sobo. Vse luči so bile ugasnjene, le kamin je gorel in osvetljeval prostor. Kakšen drug dan bi dedek Mraz užival v tej topli in prijetni atmosferi. A ne nocoj. V tem trenutku mu je bilo tako vseeno, da najbrž ne bi opazil, četudi bi bil prostor povsem temen in ledeno hladen. Tako zelo je bil razočaran nad vsem.

Z zelo žalostnim vzdihom je počasi sedel v svoj naslanjač, kakor bi nosil na plečih vse muke tega sveta. Dolgo je sedel tako in razmišljal o vsem:

o otrocih, ki so vse manj pisali pisma … in vse manj verjeli vanj;

o starših, ki so se vse redkeje trudili spodbujati domišljijo otrok in pozabljali, kako pomembna je čarovnija v življenju nekega otroka. Kot da so pozabili, kako je bilo, ko so sami bili otroci: vznemirjenje silvestrske noči in zbujanje naslednjega jutra … da bi našli darilo iz sanj, točno takšno, kot so si ga zamislili in eno edinstveno na svetu;

o gospodu Richu in drugih takšnih, kot je on, ki služijo na starših in prodajajo darila, proizvedena v tovarnah, ki imajo veliko enakih strojev in veliko enakih tekočih trakov … iz katerih pride tisoč povsem identičnih igrač;

in o Viktorju, največ o Viktorju … svojemu sinu, svojemu malem lumpu, ki je odrastel v nekaj povsem drugega, kot bi moral – v dejanskega naslednika dedka Mraza. V nekoga, ki bi moral nadaljevati z uresničevanjem sanj in želja otrok po svetu … Kaj se je zgodilo in zakaj se je spremenil? Je bilo napak, da so mu dovolili odpotovati iz Snegomraza? A kako bi lahko sicer bil naslednik dedka Mraza, če ni bi prej dobro spoznal sveta in se ne naučil, kaj je dobro in kaj slabo? Če ne bi odkril dobrih in slabih strani ljudi?

Preveč dilem … preveč – je pomislil dedek Mraz. In poleg vsega tega – Viktor je prekršil zakon! Tujcu je povedal o njih in Snegomrazu! To se že dolgo ni zgodilo … koliko časa je minilo od takrat? … Ah, kdo bi se spomnil … in sedaj niti ni pomembno. Tisto, kar je najbolj bolelo, je, da je Viktor, njegov Viktor, ki ga je sam učil in vzgajal, prekršil zakon!

Tako je razmišljal in žaloval dedek Mraz še dolgo v noč, vse dokler ni od utrujenosti zadremal. Ko je zadremal, je začel tudi sanjati …

* * *

Naenkrat se je znašel v centru Snegomraza. In to točno na malem trgu, na katerem je stal zvonik … A nekaj je bilo drugače, nekaj ni bilo tako, kot bi moralo biti. Ampak kaj? Dedek Mraz ni mogel odkriti, kaj ni v redu.

Začel je korakati po ulicah Snegomraza. Le kje so vsi? Zakaj ni nikogar? Ni palčkov, ni živali, ni sani … Dedek Mraz je gledal v hiše in prodajalne in slaščičarne … a svetilke so bile ugasnjene.

»Ali vsi spijo?« se je vprašal dedek Mraz. Približal se je eni izmed hiš in takrat mu je postalo jasno, kaj je narobe. Hiša je bila zapuščena … Vse hiše so bile zapuščene! Okna so bila polomljena, vrata odprta na stežaj, znotraj je bilo vse razmetano, umazano in opustošeno. To je bilo tisto, kar se mu je že na začetku zdelo čudno – niti velik zvonik ni delal. Kazalci in številke niso svetili. Vse je bilo pusto in prazno in strašno!

Dedek Mraz se je prestrašil. »Sanjam,« si je rekel. »To je samo nočna mora!«

Odpravil se je proti svoji hiši. Moral je videti, kaj se dogaja tam …

S strahom se je približeval hiši, boječ se, da jo bo našel povsem uničeno. Ko je stopil na dvorišče, je opazil, da skozi okna sveti šibka svetloba. »Nekdo je tam!« se je vznemiril in pohitel. Približal se je in se ozrl skozi okno v dnevno sobo.

V kaminu je gorelo, v njegovem naslonjaču pa je sedel … »Hmmm,« je pomislim, »to nisem jaz! Kdo je ta človek, ki sedi v mojem naslonjaču?«

A okna so bila motna. Moral bo vstopiti, da bi videl, kdo si je drznil vstopiti in sesti v njegov najljubši naslonjač.

Ko je vstopal v hišo, je pogledal proti tovarni. Prazna, temna in osamljena je stala na dvorišču. Stroji niso delali. Vse okoli je bilo zasneženo. Sneg že mesece ni bil očiščen. Dedek Mraz se je stresel. Še sreča, da so to bile samo sanje!

Vstopil je noter in se napotil proti dnevni sobi. Odprl je vrata. V njegovem naslonjaču, osvetljenem z ognjem, ki je gorel v kaminu, je sedel nek starec. Človek, ki ga dedek Mraz sploh ni poznal. Starec je počasi dvignil glavo in pogledal dedka Mraza.

Le kdo je ta žalosten starec – je pomislil dedek Mraz. Znan mi je, a ne vem, od kod.

Starec se je presenečeno zagledal v dedka Mraza in zazeval. »O-očka?« je spregovoril.

Dedek Mraz se je zaprepaden spomnil, od kod mu je znan ta beden, žalosten starec! To je bil Viktor! Njegov Viktor, samo zelo, zelo postaran. In propadel. In žalosten. Le kaj se mu je zgodilo?

»Očka,« je vzkliknil postaran Viktor. »Očka, prosim, odpusti mi,« in je začel jokati kot majhno dete.

Vidno pretresen dedek Mraz se je približal Viktorju in mu hotel podati roko … a neka nevidna sila mu je to preprečila.

»Sinko,« je rekel dedek Mraz in se ga poskušal dotakniti, da bi ga potolažil … a nevidna sila mu nikakor ni dovolila, da bi prišel do njega, in ga je vlekla nazaj.

»Očka,« je rekel Viktor in stegnil roko, da bi ga dosegel. »Očka, ne zapuščaj me.«

»Sinko,« je vzkliknil dedek Mraz … in se prebudil ves oblit z mrzlim potom!

* * *

Ogenj v kaminu je že skoraj dogorel. Zunaj je luna dokončevala svojo pot, a zvezde … zvezde so si šepetale in se niso zmenile zanj.

»Samo sanje,« si je z olajšanjem rekel dedek Mraz. »Samo nočna mora, nič drugega.«

Vstal je, dodal nekaj drv v kamin in podrezal v ogenj. Prostor je osvetlila prijetna svetloba in postalo je topleje. Odprl je okno, da je spustil noter malo svežega zraka in se zagledal v zvezdnato nebo.

»Samo sanje,« se ji še enkrat ponovil.

Ko je tako stal, je opazil, kako se je ena od zvezd hitro dvigala v nebo … postajala je vse večja in **večja** in **VEČJA** … in **VEČJA**!

»Le kaj je to?« se je vprašal dedek Mraz, medtem ko se mu je zvezda vse hitreje približevala. Obraz je imel že povsem osvetljen in zvezda je bila ogromna kot sonce … kot, kot … Dedek Mraz je zaprl oči, pričakoval je, da ga bo skrivnostna zvezda vsak trenutek pogoltnila!

Iiiiin, BUM! – je naredilo nekaj v sobi za njim. Dedek Mraz se je prestrašeno obrnil in tam, sredi dnevne sobe je, osvetljena s šibko belo svetlobo – stala najlepša ženska v vesolju (ali vsaj tako je v tem trenutku pomislil dedek Mraz). Imela je dolge srebrne lase in ogromne temno vijolične oči. Oblečena je bila v prekrasno srebrno obleko, tenko kakor pajčevina, na hrbtu pa je imela ogromna, nežna in prosojna krila.

»K-kdo … kaj …?« je nekaj razburjeno zamrmral dedek Mraz.

»Samovila, me veseli,« je rekla nezemeljska lepotica z nežnim žuborečim glasom in se zagledala v dedka Mraza z velikimi vijoličnimi očmi.

»Samovila, katera?« je vprašal še vedno razburjen dedek Mraz.

»Samo Samovila,« je ta veselo odgovorila. »Ime mi je Samovila. Veš, tista iz vseh zgodb.«

»Ahaaa …,« je rekel dedek Mraz in se pretvarjal, da mu je vse jasno. »Kako vam lahko pomagam, lepa gospa?« dedek Mraz je pomislil, da Samovila ne bo ugotovila, kako je razburjen, če jo vpraša tako ljubeznivo.

Samovila se je nasmehnila z najlepšim nasmehom na svetu in se smejala in smejala … Dedek Mraz je ob njenem prekrasnem nasmehu pozabil na vse težave in na nočno moro in se začel smejati skupaj z njo.

Ko sta se nehala smejati, ga je še enkrat pogledala z globokim vijoličnim pogledom in mu zelo resno rekla: »Dedek Mraz, tukaj sem, da ti pomagam. Zato ker, veš, vsak od nas kdaj potrebuje pomoč in pomagamo, kolikor zmoremo in vemo pomagati drugim.«

Dedek Mraz se je zamislil in res, Samovila je imela prav. V tem trenutku je potreboval pomoč. A kakšno? S čim naj začne? Toliko težav je imel, toliko dilem … in zlomljeno srce je imel zaradi tistega mladega in nevzgojenega nebodigatreba Viktorja.

Samovila je, kakor da bi mu brala misli, rekla: »Ne sekiraj se, dedek Mraz. Sedaj bova videla, kaj in kako lahko to rešiva. Najprej potrebujeva kamilični čaj. In piškote z višnjevo marmelado. Obožujem višnjevo marmelado.«

Dedek Mraz se je brez razmišljanja odpravil v kuhinjo, da bi izpolnil Samovilino željo. Le kdo ne bi naredil tega?

6. poglavje: Nekje v Snegomrazu

… v neki mali, tesni uličici, ki je Debelinko in Zaspanko nista še nikoli prej videla, je Godrnjavko naenkrat obstal na razpotju in se zamislil.

»Ali je bilo tam … ne spomnim se. Mislim, da je bilo tam,« je rekel negotovo. »Gremo še malo po tej ulici in če ne, se vrnemo nazaj.«

Debelinko in Zaspanko sta ga zaprepadeno gledala.

»Ampak kam gremo?« je vprašal Debelinko. »Tavamo po uličicah skoraj eno uro. Mislim, da se vrtimo v krogu.«

»Seveda se vrtimo v krogu,« se je Godrnjavko obrnil k njemu. »In vse dokler se ne spomnim kako priti do tja, se bomo vrteli.« Nato je s tišjim glasom, skoraj šepetaje rekel: »Nazadnje, ko sem bil pri njem, sem imel pet let. Samo pet. Bil sem majhen palček, ki ni vedel nič o življenju. A spomnim se, kot da bi bilo včeraj, ko sva z mojim očetom vstopila v razpadajočo kolibo.«

»Godrnjavko, prosim te, povej, kam gremo,« je nepotrpežljivo prosil Zaspanko. »Zakaj je to tako skrivnosten kraj?«

Godrnjavko je naenkrat obstal, ves resen in skrivnosten. »Dobro,« je rekel, »pridita bližje, da vama zašepetam.«

Debelinko in Zaspanko sta se mu zarotniško približala. Vsi trije so sedaj stali tako blizu in so imeli tako resne izraze na obrazih, da je bilo videti od daleč že smešno.

»K Ardamelu gremo,« je komaj slišno šepnil Godrnjavko.

Debelinko in Zaspanko sta izbuljila oči in se spogledala. Ta izjava je bila tako neverjetna, da sta palčka dobesedno ostala brez besed.

* * *

Ardamel Prastari je bil legenda! Debelinko in Zaspanko sta mislila, da verjetno sploh ne obstaja ali pač, če je nekoč obstajal, ne živi več. Do sedaj nista niti slišala, da bi ga kdo videl. Zato je bilo to, kar je rekel Godrnjavko, tako fantastično in tako neverjetno, da sta potrebovala dvajsetinko sekunde, da sta prišla k sebi.

»N-n-n-ne morem verjeti,« je prvi prišel k sebi Zaspanko. »Ardamel je najstarejši palček na svetu. In najmodrejši. Mislil sem, da je to le zgodba. Ali zares obstaja?«

»Obstaja,« je rekel Godrnjavko. »Samo spomniti se moram, kako ga lahko najdemo.«

»In ti si ves čas vedel, da obstaja?« je z nejevero vprašal Debelinko. »In nikoli nama nisi povedal? Niti naju peljal k njemu?«

Godrnjavko ga je namrščeno pogledal. »Seveda nisem povedal, o takšnih stvareh se ne govori. Pa kaj mislita vidva, da lahko kar tako greš do najstarejšega palčka na svetu in začneš kramljati z njim?«

»In na čaj in piškote,« je rekel Debelinko.

Godrnjavko je zavil z očmi. »Prosim, nehajta s tem, in to takoj. Želita vedeti, kam gremo? No, tja gremo. Zakaj? Zato ker ne poznam nikogar drugega, ki bi nam lahko pomagal v tako težkih trenutkih. Sedaj pa molčita in mi pustita, da premislim,« je rekel Godrnjavko in jima obrnil hrbet.

Debelinko in Zaspanko sta zelo dolgo molče stala in gledala namrščenega Godrnjavka. Pravzaprav sta se trudila, da ga ne bi gledala, a ju je tako zelo zeblo, da sta ga na trenutke morala pogledati, da sta videla, če se je kaj spremenilo. A Godrnjavko je samo stal in gledal v temo uličic. Pa v eno in v drugo in v tretjo. Ko sta palčka že pomislila, da ni več upanja in da jih bodo zjutraj najbrž vse tri našli zmrznjene na tem mestu, je Godrnjavko poskočil in se nasmehnil.

»Mislim, da vem,« je radosten rekel, s čimer je povsem vznemiril druga dva. Godrnjavko, radosten? Zelo, zelo čudno. »Spomnil sem se podrobnosti te edinstvene poti, na kateri sem bil. Spomnil sem se starega vodnjaka na dvorišču hiške. Če najdemo vodnjak, bomo našli tudi Ardamelovo hišo!«

»Hmm, morda bi se morali razdeliti,« se je utrnilo Zaspanku. »Vsak naj izbere eno uličico in išče.«

»Bravo, Zaspanko! Odličen predlog,« je rekel Godrnjavko. »Vsak izbere eno uličico in gre do konca. Ko končamo z raziskovanjem, se vrnemo nazaj na to mesto. Upajmo, da nam bo uspelo …«

»Bolje, da nam,« je rekel Debelinko. »Zato ker se meni zares že pije čaj … s piškoti.«

In tako je bilo, palčki so se razdelili in vsak je odšel v svojo uličico …

* * *

… Godrnjavko in Debelinko sta čakala približno pol ure, od kar sta se vrnila na razpotje. Nikomur od njiju ni uspelo najti nobenega vodnjaka na dvoriščih hišk, čeprav sta pogledala na vsako dvorišče, ki sta ga našla. A Zaspanka, Zaspanka ni bilo od nikoder.

V trenutku, ko se je Godrnjavko že odločil, da ga gre iskat, se je Zaspanko prikazal iz teme, zaspan in zadihan. Godrnjavko in Debelinko sta stekla k njemu.

»Našel sem … vodnjak sem našel,« je rekel Zaspanko. »Bil je ves zasnežen, komaj sem ga opazil. Tam, čisto na koncu uličice, na nekem temnem, zapuščenem dvorišču. Na dvorišču je hiška, stara in razpadajoča. Okna so bila razsvetljena. Želel sem raziskati, dolgo sem postopal po dvorišču, malo me je bilo strah.«

»Takoj bi se moral vrniti, ne pa da si postopal,« se je namrščil Godrnjavko. »Zaradi tebe samo izgubljamo čas. Pojdi naprej in naju vodi!«

»Dobro, dobro,« je zazehal Zaspanko. »Tako ali tako se mi že drema …«

* * *

Trojica je stala pred vratci razpadajoče hiške. Godrnjavko je dvignil roko, da bi potrkal, a mu je bilo malo nelagodno in je odlašal … Ne trkaš kar tako na vrata Ardamela Prastarega. Pogledal je prijatelja, iščoč odobravanje. Ta sta ga pogledala malo preplašeno, potem pa mu je Debelinko spodbudno pokimal. Zaspanko je naredil isto.

Godrnjavko se je opogumil in hrabro potrkal na vrata.

Nič … kot da ni nikogar. Nikakršnega zvoka, nikakršnega premikanja.

Godrnjavko je še drugič pogumno potrkal. Čez nekaj časa so palčki zaslišali tihe korake. Nekdo je prihajal odpret vrata!

»Škriiiiip,« so zaškripala vrata in palčki so poskočili od strahu. Vrata so se odprla na stežaj in pred njimi je stal, da, brez dvoma je bilo tako – najstarejši palček na svetu.

Ardamel je bil tako zelo star, da je bil ves zguban, zgrbljen ter zaraščen z belimi lasmi in belo brado, kosti so mu škripale z vsakim gibom in oči je

imel skoraj povsem priprte. Še več, na prvi pogled je izgledal popolnoma senilno in palčki so pomislili, da je bilo vso klatenje in vso zmrzovanje po uličicah Snegomraza povsem zaman.

A v trenutku, ko je Ardamel spregovoril, so spoznali, da so se zmotili v svojih prehitrih zaključkih. »Hmmm, če se ne motim, je to mladi Godrnjavko,« je rekel Ardamel. »Le koliko let je minilo, od kar si bil pri meni?«

»D-devetdeset,« je preplašeno odgovoril Godrnjavko. Le kako se ga je Ardamel spomnil? Godrnjavko si tega ni mogel razložiti.

»Samo toliko?« se je nasmehnil Ardamel. »No, gremo, vstopite, vstopite, ne stojte na pragu. Vstopite in mi povejte, kaj je tako pomembno, da vas je prineslo k meni tako pozno ponoči.«

Ardamel se je premaknil in spustil palčke, da so vstopili v hiško. Ko so vstopali, so zaslišali prhutanje kril, kot bi neka velikanska ptica pravkar vzletela z dvorišča. Začudeno so se ozrli, da bi videli, kaj se dogaja, a dvorišče je bilo pretemno, da bi ugotovili, kaj je bilo.

»Kaj je bilo to?« je vprašal Godrnjavko. »Nekakšna ptica?« A Ardamel je že korakal navzdol po tesnem hodniku hiške, vpijoč, naj pohitijo in zaprejo vrata.

* * *

Ardamel je pozorno poslušal Godrnjavkovo pripovedovanje, ki je, brez da bi izpustil najmanjšo podrobnost, razložil vso dogajanje v tovarni. Na koncu je razložil še svoj največji sum: da vzrok za to, kar se je zgodilo, ni bilo samo pomanjkanje prispelih otroških pisem, temveč nekaj drugega, nekaj veliko večjega.

»A ne vem, kaj bi to lahko bilo, niti kako lahko pomagamo,« je rekel Godrnjavko. »Zato smo prišli sem, da vprašamo tebe. Vem, da je tudi moj oče prihajal k tebi takrat, ko so stvari izgledale nerešljive in ko se je iskala nekakšna, hmmm … drugačna rešitev,« je rekel Godrnjavko. »Rešitev, za katero je potrebno, ne vem … malo čarovnije?«

Ardamel se je samo nasmehnil. Resnično ni izgledal presenečen nad tem, kar mu je povedal Godrnjavko. Še več, Godrnjavku se je zazdelo, da je star palček vse to že vedel. »Je to mogoče,« je pomislil Godrnjavko. »Kako bi lahko izvedel?«

»Ali lahko … gric, gric …« je vprašal Debelinko, grickajoč piškote (da, Ardamel jih je res postregel s čajem in piškoti), »pomagate dedku Mrazu? Ali poznate … mlask, mlask … kakšno čarovnijo?«

»Ne, ne znam čarati,« je odgovoril Ardamel. »In ne verjamem, da je naše delo, da se kot palčki pentljamo s čarovnijo. Vendar vam lahko povem, da to, da ste si zadali pomagati, brez da sploh veste, kaj se dogaja … in da ste

se brez pomisleka odpravili iskat rešitev še isto noč … to pove veliko o vas. Pove, da ste resnični prijatelji in hrabri palčki. In veseli me, da je temu tako.«

Godrnjavko in Debelinko sta bila zelo ponosna na te Ardamelove pohvalne besede. Pravimo Godrnjavko in Debelinko, zato ker je moral, kot predvidevate, Zaspanko na kratko zadremati. A nihče se ni jezil zaradi tega. Kajti, če ne bi bilo njega, bi se ti mogoče še vedno klatili naokoli, iščoč Ardamelovo hišo.

»Nam lahko pomagate?« je vprašal Godrnjavko. »Veste, kaj se dogaja z dedkom Mrazom?«

»Ne vem,« je odgovoril Ardamel. »A morda nekaj slutim. Slutim, da je izdan z več strani. In predvidevam, da potrebujeta pomoč on in še nekdo drug, daaa … Nekdo drug še bolj. To, kar se dogaja, bi lahko bilo za vse nas zelo slabo, še posebej, če ne ukrepamo takoj. Zato mislim, da ste prišli na pravo mesto ob pravem času.«

Godrnjavko in Debelinko sta bila malo razburjena zaradi Ardamelovih besed, a sta bila v tem trenutku preveč vznemirjena, da bi prosila za podrobno pojasnilo.

»To pomeni, da nam boš pomagal?« je vprašal Godrnjavko.

»Pomagal vam bom tako, da vas bom napotil do nekoga, ki vam lahko pomaga … ali vsaj tako mislim, daaa … k nekomu, ki za razliko od mene zna malo čarati,« se je skrivnostno nasmehnil Ardamel.

Sedaj sta bila palčka še bolj razburjena.

»H komu nas boste poslali?« je vprašal Debelinko. »K nekemu velikemu čarovniku?«

»Hihi,« se je tokrat glasno zasmejal Ardamel. » Lahko bi se tako reklo, hihi, da, da, čarovnik … na nek način bi se lahko reklo, da je tudi čarovnik.«

»Kdo, kdo je to?« je razburjeno poskakoval Debelinko. Tako razburjeno, da si je pozabil vzeti še en piškot.

»Pripovedovalec,« je brezskrbno odgovoril Ardamel. »Spremil vas bom k Pripovedovalcu.«

»Pripovedovalec je čarovnik?« je z dvomom vprašal Godrnjavko. »Čudno ime, Pripovedovalec.«

»Kot sem rekel,« je že malo jezno zamrmral Ardamel, »on ni resnični čarovnik. Ta je pripovedovalec zgodb.«

»Pa v čem je torej … mlask, mlask … čarovnija?« je vprašal Debelinko, ki mu je uspelo vtakniti v usta še en piškot.

»V tem, da lahko oživi zgodbe,« je odgovoril Ardamel. »Sedaj pa brž, vstanite … da ne izgubljamo časa … vse vam bom pojasnil med čakanjem na prevoz.«

7. poglavje: »Uhu! Uhu!«

… se je slišalo glasno skovikanje sove. Viktor se je prebudil ves oblit s potom! Spomnil se je sanj in zadrhtel. Kakšna mora!

»Uhu! Uhu!« se je ponovno oglasila sova.

Le od kod prihaja ta zvok – se je vprašal Viktor. Približal se je oknu in se ozrl. Zunaj je bilo zelo temno. Luna se je že poslovila. Viktor je odprl okno in se zazrl ven, v temo. Naenkrat je zaslišal prhutanje kril in velika, rjava sova je vzletela v sobo ter se namestila na Viktorjevo pisalno mizo.

Viktor je začudeno gledal v sovo. Sova je mirno gledala Viktorja.

»Pojdi ven, gremo!« je zakričal Viktor.

»Uhu?« kakor da je sova vprašala, zakaj.

»Tukaj ni tvoje mesto, gremo … pojdi ven … in delaj tam, kar delajo vse druge sove … lovi miši … ali nekaj,« je živčno govoril Viktor. Še vedno ga je mučil slab občutek sanj.

»Uhu! Uhu!« se je oglasila sova, ne da bi se premaknila z mesta.

Sova je izgledala kot snežne sove Snegomraza, le da je bila veliko manjša, rjava in seveda je bila samo običajna sova, ki ni znala govoriti. Tako je pomislil Viktor, ko je ocenjeval sovo.

»Uhu!« se je oglasila sova.

»Zakaj me mučiš,« je Viktor zakričal sovi. »Dajmo že, odleti, pojdi, ven.«

A sova ga je samo gledala in se ni premaknila z mesta.

Veter je pihal skozi odprto okno. Viktor je zadrgetal. Zunaj je bilo mrzlo. A sanje … Viktor se je spomnil sanj.

»Da ni bila v sanjah neka sova?« se je zamislil. »Kot da je bilo nekaj …«

* * *

Sen se je začel kot lepe sanje in ne kot mora. Bil je lep privid prihodnosti, točno takšen, kot si ga je zamislil Viktor.

V njem je Viktor podedoval tovarno dedka Mraza in jo razvil v uspešen in sodoben posel. Dedek Mraz se je upokojil, Viktor pa je skupaj s svojim partnerjem Georgeem Richom izdeloval igrače v tovarni in jih pošiljal v nakupovalno središče lorda Richa.

Vsekakor je tovarna obratovala povsem drugače kot prej. Učinkoviteje in bolj ekonomično – to sta Viktorjeva najljubša izraza. Igrače so bile

izdelane serijsko, s čim se je veliko prihranilo, in vsekakor so se prodajale – s čimer se je služil denar. Učinkovitost, prihranek, zaslužek – tako je! Najboljše je bilo, da je Viktor za tovarno izumil povsem nove stroje. Ideja za stroje je bila neverjetna! To sta mu priznala tako George kot lord Rich!

V nove stroje ne bodo vstavljali otroških želj. Zakaj? Prvič, otroci že dolgo ne pišejo več pisem z željami, niti ne vedo, kaj si želijo. Le kako bi vedeli, če so bili z vseh strani zasuti s tonami igrač. Kaj bi izbrali najprej? Zato je bila izdelava daril iz želja povsem zastarela, neučinkovita in draga.

Tudi če bi kdo želel imeti takšno edinstveno igračo, če bi se prodajala, bi morala biti zelo draga. A starši želijo kupovati ceneje, četudi dobijo nekaj manj vrednega.

Zato si je Viktor izmislim nekaj drugega: v stroje namesto otroških želja vstavljamo 'lepe' laži. Verjeli ali ne, rezultat je bil skoraj enak. Igrače so bile vpadljive, raznobarvne, privlačne. Niso bile edinstvene kot tiste, narejene iz otroških želja, a so bile dosti bolj privlačne od vseh drugih navadnih igrač, ki jih proizvajajo v običajnih tovarnah sveta.

Kako je to delovalo? Kako lahko iz laži naredimo lepe igrače? Zelo enostavno, v stroje ne vstavljamo vseh laži, temveč samo tiste lepe. Tiste, ki so pripovedovale nekaj, kar ljudje radi slišijo.

Na primer: »Imate zelo lepe oči,« (tako je lagal nek fant uslužbenki na okencu, da bi hitreje zaključila z delom) – in iz stroja je prišla velika lutka z ogromnimi očmi.

Ali: »Res sem srečen zate, tvoj novi avto je super!« (je rekel fant prijatelju, v resnici pa mu je zelo zavidal) – in hop, stroj je izvrgel lepo igračo avto.

Seveda so se te igrače proizvajale serijsko in niso bile edinstvene, a za otroke so bile veliko bolj privlačne od navadnih igrač, ki so se proizvajale v drugih tovarnah. Laži so naredile svoje, uspele so začarati otroke in odrasle … Ali vsaj tako je bilo v Viktorjevih sanjah.

A to je bil le prvi del sanj … V drugem delu so se stvari obrnile na slabše. Prvič, George se je odločil, da bo vložil še več kapitala in da bo odprl še druge takšne tovarne po svetu. Proizvedlo se je še več strojev, še veliko več strojev. Vsi ti stroji so izdelali še več takšnih istih, privlačnih igrač, narejenih iz laži. Posel je rastel, George je vse več vlagal in vlagal in Viktor se je počutil, kot da ga nihče več ni vprašal za mnenje. Nihče več ga ni poklical na pomembne sestanke. Na njih je hodil samo George.

Nekega dne so v Viktorjevo pisarno vstopili ljudje v temnih oblekah. Predstavili so se kot Georgeevi odvetniki. Viktorju so ponudili odkup njegovega deleža (ki je bil že tako ali tako veliko manjši od Georgeevega). Izvlekli so kupe dokumentov, ki jih je podpisal predhodno in ki so bili

sestavljeni tako, da mu ni ostalo veliko izbire. Ali bo podpisal in prodal svoj delež za določeno (a ne preveliko) vsoto denarja ali bo ostal brez vsega!

»Kakšen tepec sem bil,« je pomislil Viktor v sanjah. »Kako sem lahko verjel tem ljudem.« Najstrašnejše od vsega je bilo, da je George na ta način dobil tudi tovarno v Snegomrazu. Le kaj bo sedaj z njo?

No, saj ni imel izbire, Viktor je moral podpisati. Čim je podpisal dokument, so se Viktorjeve sanje začele spreminjati, zvodenele so, spremenile so se v druge sanje … Čas in prostor sta se povsem zamenjala … in …

* * *

Viktor se je naenkrat znašel zunaj na snegu, na dvorišču hiše v Snegomrazu. Vse naokrog je bilo temno, sneg neočiščen. Hiša in tovarna sta bili povsem zapuščeni. Viktor se je uspel nekako prebiti skozi in odpreti vrata. Vstopil je v hišo. Znotraj je bilo tako mrzlo in temno in tako polno prahu. Viktor je brskal po žepih in našel vžigalnik. Na hodniku hiše so zmeraj bile velike sveče, verjetno je ostala kakšna. Osvetljujoč si pot z vžigalnikom, je uspel najti svečo ter jo prižgal.

»Dajmo, da vidimo, če lahko prižgem tudi ogenj v kaminu,« si je rekel. »Moram se zagreti.«

Na poti do dnevne sobe je šel mimo velikega zamrznjenega ogledala. Obstal je pred njim in se skoraj onesvestil!

Iz ogledala ga je gledal beden, siromašen starec. »Kaj je to?« se je prestrašil. »Zakaj sem tako star, propadel in siromašen, z razcapano obleko kot nekakšen berač?!«

V tem trenutku je starec v ogledalu začel izginjati, ogledalo se je zameglilo in na njegovem mestu se je pojavil odsev velikanskega sneženega skovirja.

»Vseved Beli!« je prestrašeno kriknil Viktor. »Kaj je to, kaj se dogaja z mano? Zakaj sem tako star in siromašen?«

»To si ti čez 50 let,« mu je odgovoril Vseved z glasom, ki je odmeval, kot da je prihajal od daleč. »Star, siromašen in brez vseh na svetu. Vse si uničil in ostal brez nikogar in ničesar. Vse si izdal!«

»To ni mogoče,« je skoraj zajokal Viktor.

Vsevedov odsev je začel počasi bledeti in v ogledalu se je spet pojavil ostareli Viktor – ta strašen privid.

»Vseved! Vrni se,« je zaklical Viktor.

»Uhu! Uhu!« se je oglasila sova in Viktor se je prebudil v svoji sobi v študentskem naselju v Cambridgeu.

* * *

»Da, v sanjah je bila sova. Vseved,« se je vsega spomnil Viktor in pogledal sovo. Ta je, brez da bi pomežiknila, zrla v Viktorja, sedeča na pisalni mizi.

»Samo nočna mora je bila. Verjetno sem bil razburjen. Mama in oče sta kriva za to,« je rekel Viktor sovi.

»Uhu!« je zaskovikala sova, kot bi protestirala.

»A zate je čas, da greš,« ji je jezno rekel Viktor, kakor da bi se resno pogovarjal z nekom, ki ga razume. »Gremo, šic, od tu.«

Sova se ni premaknila.

Viktor je prišel do okna in z roko zamahnil proti sovi.

»Dajmo, ven. Gremo!«

V tem trenutku se je zaslišal glas, a glas je prihajal od zunaj in ne iz notranjosti sobe, kjer je bila sova.

»Kot vidim, si se začel pogovarjati sam s sabo,« je strogo rekel glas. Viktor je ves iz sebe pogledal ven. Pred njim je na malem balkonu, ki obdaja okno, stala njegova sestra Sneguljčica. Sneguljčica se je z enim skokom znašla v sobi. Obstala je pred Viktorjem in ga strogo pogledala: »Izgleda, da si čisto vse zamešal,« je rekla Viktorju.

»Ne pogovarjam se sam s sabo,« se je začel braniti Viktor. »Želel sem pregnati to sovo,« je rekel in pokazal proti pisalni mizi.

»Kakšno sovo?« je zajedljivo vprašala Sneguljčica. »Tam ni nobene sove.«

Viktor je bolje pogledal. O sovi ne duha ne sluha! Začel jo je iskati naokoli, pogledal na vse konce in kraje, tudi pod posteljo. Nič! Kako je lahko izginila? Če bi odletela skozi okno, bi jo videla, saj sta stala ob njem.

Viktor je bil povsem iz sebe. Najprej mamina sporočila, sedaj sanje, pa sova in na koncu še njegova sestra. To je bilo preveč!

»Kaj iščeš tukaj?« je jezno vprašal Sneguljčico.

Sneguljčica ga je prezirljivo pogledala: »Da preverim, kakšno neumnost si storil,« mu je rekla. In da te poskušam rešiti, dokler je še čas!«

»Od česa bi me ti reševala,« je zajedljivo rekel Viktor. »Od mame in očeta? Pa jaz nisem več otrok kot ti!«

»Od Vrhovnega sodišča Snegomraza, teslo,« mu je zasikala Sneguljčica. »Vsakemu prekršku sledita sojenje in izrek kazni. In kot veš, kazen za kršenje zakona Snegomraza je zelo, zelo strašna …«

Viktor je prebledel. Niti za trenutek ni pomislil na Vrhovno sodišče in na možne posledice.

8. poglavje: Ogromne snežne sove

… so tiho letele v noč. Godrnjavko se je trdno oprijel sove, ki ga je nosila. Kot sta vzletela, ga je bilo strah, nekaj časa celo oči ni upal odpreti. A se je hitro navadil in začel uživati v letu. Všeč mu je bil veter, ki je silno pihal, hitrost, s katero sta letela, zvezde, ki so svetile nad njima …

Včasih sta se povzpela vse do oblakov, se spustila navzdol vse do krošenj dreves. Ko sta letela nizko, sta lahko videla vse: hiške v majhnih vasicah, visoke zgradbe v velikih mestih, reke, gore, gozdove, … Letela sta zelo hitro, kot da bi letela z letalom. Snežne sove Snegomraza niso bile tako hitre kot čarobni severni jeleni dedka Mraza, a bile so hitre kot letala ali celo hitrejše. (Godrnjavko ni mogel oceniti zagotovo, ker še nikoli ni letel z letalom.)

Od časa do časa je pogledal drugi dve sovi, s katerima sta potovala Debelinko in Zaspanko in ni mogel verjeti, da Zaspanko spi brez skrbi. »A ga ni strah, da bi padel?« se je vprašal Godrnjavko. Po drugi strani je bil Debelinko preveč vznemirjen. Ko se je njegova sova približala Godrnjavkovi, je Debelinko mahal in vpil od radosti. Godrnjavko ga ni niti v enem trenutku opazil jesti, kar je bilo dobro. Debelinko je jedel preveč piškotov, a vsak palček ve, da jesti veliko piškotov sploh ni zdravo.

»Le koliko časa že letimo?« se je vprašal Godrnjavko in se spomnil Ardamela in pogovora, ki so ga imeli, preden so odšli na pot …

* * *

Ardamel Prastari je izvlekel majhen rog iz usnjene torbe, ga počasi pogladil z dlanjo in pihnil vanj. Debelinko, Godrnjavko in Zaspanko (ki je povsem spočit poskakoval po snegu) so začudeni pogledali naokrog.

»Le s čim bomo šli?« je pomislil Godrnjavko. »In le kje živi Pripovedovalec?«

Kmalu so zaslišali prhutanje kril in tri snežne sove so letele proti njim. Ardamel se je približal in jim dal nekaj navodil, a Godrnjavko je bil predaleč, da bi lahko slišal pogovor. Potem je Ardamel pomahal palčkom, kličoč jim, naj pridejo.

»Pošiljam vas na dolgo pot,« jim je rekel Ardamel, preden so poleteli. »Pripovedovalec živi daleč, v Londonu, v Angliji. Čeprav je to daleč od tukaj, je vseeno blizu vašega končnega cilja.«

»Kako misliš, blizu … do kakega cilja?« se je začudil Godrnjavko. »Ali naj ne bi pomagali dedku Mrazu?«

»Dedek Mraz je tukaj, v Snegomrazu,« je nadaljeval Zaspanko.

»Da, a jaz vas pošiljam v London in od tam v Cambridge,« jim je odgovoril Ardamel, »saj je tam nekdo, ki v tem trenutku veliko bolj potrebuje pomoč.«

»Viktor,« se je spomnil Godrnjavko. »Pošiljaš nas k Viktorju. Vedel sem, da je še nekaj, kar muči dedka Mraza.«

»Ne razumem,« se je vmešal Debelinko, »zakaj je Viktorju potrebna pomoč?«

In v tem trenutku jim je Ardamel na kratko povedal zgodbo: Viktor je prekršil zakon, tujcem povedal o dedku Mrazu in na splošno zašel na kriva pota.

»Če pomagate Viktorju, pomagate tudi dedku Mrazu in celotnemu Snegomrazu,« jim je z resnim izrazom na obrazu rekel Ardamel.

Od kod je Ardamel vedel vse to, Godrnjavku, Debelinku in Zaspanku sploh ni bilo jasno. Predvidevali so, da je imela živa legenda, kot je Ardamel Prastari, zagotovo načine, da izve za vse zadeve Snegomraza in sveta.

»Ta fant potrebuje velikansko pomoč,« je govoril Ardamel. »Nekaj se mu je zgodilo. Pozabil je na sanje, izgubil domišljijo in njegovo srce – preprosto ni več na pravem mestu. Pomagati mu ga morate vrniti nazaj!«

»Ampak kako, kaj moramo narediti?« je vprašal Debelinko.

»O tem se boste pogovorili s Pripovedovalcem,« jim je rekel Ardamel. »Sedaj bi že moral biti obveščen, da prihajate.«

To se je zdelo palčkom čudno. Kdo bi ga lahko obvestil tako hitro? Ardamel je bil ves čas z njimi, niti se ni nikomur javil, niti niso nikogar srečali, razen treh snežnih sov, ki so priletele, ko jih je Ardamel poklical. A palčki so dobro vedeli, da Ardamela Prastarega ne smejo spraševati takšnih stvari.

»Lahko vprašam še nekaj?« je Godrnjavko rekel Ardamelu, medtem ko sta se Debelinko in Zaspanko vzpenjala na snežni sovi. »To z Viktorjem je samo en del zgodbe. A kaj bomo naredili z otroki? Kaj bomo s pismi in željami in igračami in vsem našim delom?«

»Hihihi,« se je nasmehnil Ardamel. »Potrpljenje, mladi Godrnjavko, potrpljenje. Zapomni si, rešuj težavo za težavo, popravljaj napako za napako. Nikakor ne vseh zadev istočasno! Vedno začni s tistim, kar je najbolj pomembno, kar je najbolj nujno, in ne misli na nič drugega, dokler tega ne rešiš. In potem preidi na drugo. Morda se medtem spomniš kakšne rešitve, ki ti prej ni padla na pamet, kajne?«

Godrnjavku so bile Ardamelove besede zelo logične, a vseeno mu slika žalostnega, osamljenega dedka Mraza ni šla iz glave.

»Pa še to,« je dodal Ardamel, »mislim, da je dedek Mraz trenutno v dobrih rokah, hihi … Ta ne bo ostal brez pomoči, hihihi …« Se je skrivnostno nasmehnil in dal sovam znak, naj poletijo.

»Srečno pot,« je zaklical Ardamel, medtem ko se je Godrnjavko vzpenjal na hrbet snežne sove. »Pozdravite Pripovedovalca v mojem imenu. Če bo delo dobro zaključil sedaj, bo imel manj dela kasneje. Hihi …«

Snežna sova je vzletela in Godrnjavko se je že ne vem kolikič vprašal, kaj je želel povedati Ardamel …

* * *

Leteli so dolgo, okoli dve uri, če je Godrnjavko dobro ocenil. Če bi lahko pogledal na žepno uro, bi morda vedel. A se je čvrsto držal sove in je ni imel namena spustiti niti za trenutek, še posebej ne, da bi pogledal, koliko je ura.

V tem trenutku mu je mlada snežna sova, ki ga je nosila, skoviknila: »Približujemo se Londonu. Spustila se bova nižje, razgled je zelo lep.«

Godrnjavko še nikoli prej ni bil v Londonu, in to je tudi povedal sovi. Sova, v bistvu skovir Vid, se je nasmehnila in mu rekla: »Pripovedovalec živi v srcu Londona, tako da boš lahko videl veliko stvari. London je staro mesto, ki skriva veliko skrivnosti in tukaj živi mnogo pomembnih ljudi, prijateljev Snegomraza. Na primer,« je dodal Vid, »tudi Pripovedovalec je prej živel v Snegomrazu.«

Godrnjavka ta izjava ni presenetila. V Snegomraz pogosto prihajajo različni ljudje. Vsi ti, ne glede na to, če ostanejo in živijo tam ali pa če po določenem času odidejo, so veliki prijatelji Snegomraza in večni čuvaji skrivnosti o njegovem obstoju.

* * *

»To je reka Temza,« je pojasnil Vid, medtem ko sta letela nad Londonom, »in sedaj bova preletela Tower Bridge, enega najbolj poznanih mostov v Londonu.« In Vid je elegantno obkrožil Tower Bridge, ki se je Godrnjavku v tem trenutku zazdel najlepši most na svetu.

»Poglej sedaj, to je zvonik, podobno kakor na trgu Snegomraza,« je rekel Vid. Ta stolp se imenuje Big Ben, kar pomeni Veliki Ben. In zares, zvonik je bil ogromen, vsaj v primerjavi s tistim iz Snegomraza.«

In tako so se počasi, malo po malo spuščali in leteli med zgradbami in skozi uličice Londona. Palčki so poleteli v lepo uličico, polno starih zgradb. V zgradbah so bile raznovrstne male trgovinice s prelepimi stvarmi in nad njimi stanovanja z velikimi okni. Palčki so bili brez besed in navdušeni nad vsem, kar so videli do sedaj. Še nikoli v življenju niso bili tako daleč na jugu, še posebej ne v tako velikem mestu, kot je London.

»Pustili vas bomo tukaj,« je rekel Vid. »Ta vrata točno pred vami so vhod v zgradbo, kjer živi Pripovedovalec. Samo pozvonite na zvonec in vam bo odprl.«

»Zahvaljujemo se Vam za vse,« se je poslovil Godrnjavko od Vida in ostalih sov. »Upam, da se boste vrnili po nas, ko zaključimo z nalogo, kadarkoli že bo to.«

Vid se je nasmehnil. »Godrnjavko, ne skrbi glede vrnitve. Vsi upamo, da vas bo dedek Mraz hitro potreboval v Snegomrazu.« Tako so se poslovili in sove so odletele opravljati svoje sovje delo, trije palčki pa so obstali, da potrkajo še na ena vrata, iščoč pomoč.

9. poglavje: Samovila

… je pojedla samo en piškot z višnjevo marmelado in je mirno pila kamilični čaj, udobno nameščena v naslanjaču gospe Rafaele. Dedek Mraz se sedel v svojem fotelju s čajem v rokah in se trudil urediti misli.

»Vse mi povej,« je rekla Samovila dedku Mrazu in mu namenila dolg, vijoličen pogled.

In dedek Mraz je začel govoriti. Pripovedoval je o vsem, kar ga je mučilo, o vsem, o čemer je razmišljal. In povedal je celo za sanje o ostarelem Viktorju. Ko je povedal vse, kar je imel povedati, se je počutil lažje, kot da bi mu nekdo pomagal z bolečino, ki je težila njegovo srce.

Samovila je molčala in ga gledala z najbolj vijoličnim in najlepšim pogledom, kar ga je dedek Mraz kadarkoli videl. In videl je, da je tudi ona žalostna, kakor da se je del bolečine prenesel nanjo.

»Sedaj sem te razžalostil,« se je ponovno namrščil dedek Mraz. »In najbrž je vse to preveč tudi zate … verjetno mi ne moreš pomagati pri vseh teh mukah.«

Samovila je molčala še nekaj sekund, nato pa odgovorila. »Dedek Mraz, kljub temu da znam čarati, moraš vedeti, da ima tudi moja moč meje. Tako sem ustvarjena, lahko pomagam ljudem, a le v določenih mejah. Nihče na svetu, niti največji čarovniki in najmočnejše vile niso vsemogočni. Tako je bilo od pamtiveka in tako tudi bo. Tako je ustvarjen svet.«

Dedek Mraz jo je gledal malce razočarano, kot da je pričakoval, da mu bo razkadila njegove dvome in mu zagotovila, da lahko reši vse njegove težave.

»Imam pa moč, da ti pomagam pri dveh stvareh,« ga je Samovila prekinila v razmišljanju. »Imam moč, ki mi je bila podarjena ob rojstvu: tistim, ki so pošteni in dobri, ter potrebujejo pomoč, lahko izpolnim eno

željo. Samo eno, in ta mora priti od srca. Mora biti to, kar si srce najbolj želi.«

Dedek Mraz je takoj začel razmišljati, katera bi bila ta želja, ki mu je med vsemi najpomembnejša, a Samovila ga je še enkrat prekinila.

»In druga stvar, preden ti uresničim željo, je, da te odpeljem na neobičajno potovanje. Potovanje, ki ti bo pomagalo odkriti, kaj je tisto, kar si srce najbolj želi … in da odkriješ še mnogo drugih stvari, ki morda … morda ti bodo pomagale najti rešitve za vse druge težave … ali za nekatere od njih. Kaj misliš, dedek Mraz? Ali prideš z menoj?« ga je žuboreče vprašala Samovila.

»Potovanje …« je razburjeno vprašal dedek Mraz. »Kam, kakšno potovanje?«

»Potovanje po Svetu sanj,« mu je odgovorila Samovila. »Skozi to, kar je bilo, kar je in kar še bo. In kar bi lahko bilo, če se izbere prava … ali pač napačna pot. Sanje niso samo sanje, dedek Mraz. Te povedo vse o nas, o naši preteklosti in o naši prihodnosti. O naših željah in strahovih. V tem primeru bodo kažipot za naju, zate. Kažipot, ki bo pokazal, kaj narediti in kako izbrati resnično pot.«

Dedek Mraz je molčal in razmišljal. Tudi sam je vedel, da sanje niso le sanje. Da v njih pogosto najdeš rešitve za težave ali odkriješ spoznanja o sebi in drugih, ki jih prej nisi vedel. Posebej so ga mučile sanje, ki jih je sanjal prej. Mučile so ga od prvega trenutka. Vedel je, da niso le sanje. Da so nekaj, kar se lahko zgodi nekoč, če stvari krenejo v napačno smer. Vedel je vse to in zato se je hitro odločil.

»Potovala bova,« je odločno rekel Samovili. »V Svet sanj. V iskanje odgovorov in rešitev. In po to, kar si moje srce najbolj želi.«

»Pridi, dedek Mraz,« mu je tiho zažuborela Samovila. »Pridi in primi me za roko. Da vidiva, kam naju bodo sanje najprej ponesle.«

Dedek Mraz se ji je molče približal, jo prijel za roko in v tem trenutku je vse okoli njiju začelo vodeneti. Barve in predmeti so se začeli razlivati, se izgubljati v gosto meglo. Dedek Mraz je začutil, da je izgubil tla pod nogami. Sedaj sta lebdela v čudni, megleni praznini. Okoli njiju ni bilo ničesar razen megle.

»Kaj je to?« je vprašal dedek Mraz in glas mu je odmeval, kakor da bi govoril iz globokega praznega vodnjaka.

»To je prehod v Svet sanj,« je odmevalo Samovilino žuborenje. »Počakaj, v trenutku bova tam in začel boš prepoznavati predmete.«

In res, okoli njiju so se začeli prikazovati različni obrisi. »Le kaj je to, nekakšna zgradba?« je pomislil dedek Mraz, gledajoč, kako se neka ogromna stavba riše pred njima v megli.

»Kje sva? To mi je znano,« je rekel Samovili.

»Sedaj bova videla,« mu je ta odgovorila. »Počakajva, da se slika izostri in da se pojavijo vse barve, zvoki in vonji. Takrat bova vedela.«

Počasi je vse okoli njiju pričelo dobivati obliko in barvo: ogromna katedrala, zgradbe … trg, trgovine, ljudje, kočije s konji … sneg.

»Počakaj malo, to mi je zelo znano,« je rekel dedek Mraz. »Najprej sem pomislil, da sva v Snegomrazu, a sedaj …«

Takrat sta zavohala tudi vonje, prekrasne vonje cimeta in vanilije … božičnih piškotov. In zvoke, zvoke valčka.

»Dunaj!« se je spomnil dedek Mraz. »Trg in katedrala sv. Štefana. Nekje okoli božičnega časa, če se ne motim.«

»Da, samo, da ugotoviva, kdaj je to? Ali sva v preteklosti ali v eni od možnih prihodnosti,« je rekla Samovila in ga skrivnostno pogledala.

Slika se je že popolnoma izostrila. Bila sta na Dunaju, na trgu sv. Štefana in okoli njiju je bilo vse pisano in veselo. Ljudje so bili oblečeni staromodno, ženske v dolgih oblekah, v ozkih jopičih in z velikimi klobuki ter možje v plaščih in s cilindri. »To je bilo nekje v začetku 20. stoletja,« je pomislil dedek Mraz. Kar je bilo najbolj zanimivo, je, da očitno nihče ni opazil, da sta bila tam, kar je dedku Mrazu povsem odgovarjalo.

V tistem trenutku je mimo njiju pripeljala kočija, ki so jo vlekli konji.

»Greva,« ga je povlekla Samovila, »to je najina kočija!«

In naenkrat, kot se to dogaja v sanjah, sta se znašla sedeča v kočiji in na sedežih nasproti njiju je sedel mlad par – mladenič in prelepo dekle, ki si sploh nista predstavljala, da imata družbo. Fant je v rokah držal odprto škatlico, v kateri se je nahajal prekrasen prstan z majhnim sijočim modrim kamnom.

»Najlepši prstan za najlepše dekle na svetu,« je rekel mladenič dekletu. »S kamnom, modrim kakor tvoje oči. Povej mi, da me ljubiš in da se boš poročila z menoj.«

Dedek Mraz je zaprepadeno gledal mlad par pred seboj, ne da bi zmogel izustiti eno samo besedo. Samovila ga je pogledala in se nasmehnila.

»Ljubim te,« je zadržano odgovorilo dekle. »In vem, da ti ljubiš mene. Vendar to ni dovolj.«

»A kaj več bi še bilo potrebno, Rafi, kaj?« je nepotrpežljivo vprašal mladenič. »Mar ljubezen ni dovolj?«

»O tebi ne vem ničesar, Nik!« se je pritožilo dekle. »Ne vem niti, od kod prihajaš, niti, kdo so tvoji starši, ničesar! Nikoli nočeš govoriti o sebi. Ti veš o meni vse, a jaz … ničesar! Kako lahko pričakuješ, da se kar tako poročim z nekom, ki ga ne poznam.«

»Zelo dobro me poznaš!« je vzkliknil mladenič. »Veš, kaj se učim in kaj berem. Kaj me osrečuje in kaj me žalosti. Kaj rad jem in česar ne. Kakšna oblačila rad nosim, katera so moja najljubša mesta, kamor rad potujem, vse veš. In globoko v sebi veš, da te ljubim in da se ti nikoli ne bi izneveril.«

»Ni dovolj,« je vztrajalo dekle. »Želim vedeli vse, da ti lahko povsem verjamem. In hočem vedeti sedaj!«

»Rekel sem ti, da boš vse izvedela, ko boš moja soproga. Da boš izvedela tudi, od kod prihajam, vse, vse, kar boš želela … ampak zdaj ni mogoče …« je obupano pojasnjeval mladenič.

»Ne in ne!« je rekla mlada gospodična. »Kje si še videl in slišal kaj takega. Vzemi me in potem boš izvedela …«

Dedek Mraz je brez besed pogledal Samovilo. Ta se je še naprej skrivnostno nasmihala. Kočija je počasi začela bledeti in Dunaj je skoraj izginil v globoki megli.

»Da vidiva, kaj naju še čaka,« je prišepnila Samovila in pogledala dedka Mraza. Njene vijolične oči so svetile kakor dve majhni svetilki v megli.

10. poglavje: Pripovedovalec

… je stal ob oknu v svojem stanovanju na ulici 'Nil' v Covent Gardenu v srcu Londona in čakal.

Takoj pod stanovanjem se je nahajala njegova knjigarna – antikvariat, neopazen prostorček, poln raznoraznih starih knjig in drugih neobičajnih predmetov. V tej knjigarnici je bilo zelo veliiiko knjig. Kadar je kdo vstopil vanjo, je tam ostal dobesedno ure, odkrivajoč vedno nekaj, kar do sedaj še ni videl, neko redko knjigo … Zelo pogosto so ljudje vstopali, da bi kupili eno knjigo, a so končali beroč drugo in ure kasneje odšli, natovorjeni z desetimi kupljenimi knjigami. In tako je bilo vsak dan, razen ob nedeljah. V nedeljo je Pripovedovalec počival in knjigarnica je bila tiha. In danes je bila nedelja, točno štiri zjutraj. Pripovedovalec to noč sploh ni spal, temveč je stal ob oknu in čakal …

Bil je suh človek srednjih let z belimi lasmi in očali. Vedno je bil oblečen v obleko s telovnikom, srajco in metuljčkom, tudi doma. Z drugimi besedami, to je bil resničen angleški kavalir, ki je bil vljuden, dostojanstven, urejen. In kot vsak pravi angleški kavalir, je imel Pripovedovalec pogosto pri roki čaj in piškote, za primer, če bi ga obiskali kakšni nenajavljeni gostje. Pa čeprav bi to bilo ob štirih zjutraj.

* * *

Palčki so prispeli točno ob štirih in pet minut. Pripovedovalec je videl, da so prileteli in se takoj spustil po stopnicah, da jim odpre vrata. To je bilo zares ljubeznivo od njega, saj so palčki, ko so prišli do vrat, ugotovili, da nihče od njih ne more doseči zvončka! Ravno so se začeli dogovarjati, kdo bo koga dvignil, da se vzpne in pozvoni, ko je Pripovedovalec odprl vrata in jih radovedno pogledal.

»Dobro jutro, dragi obiskovalci,« jim je vljudno rekel Pripovedovalec. »Prosim, vstopite, vstopite, ne stojte pred vrati. Sigurno ste zelo utrujeni, kajne? In lačni?«

Debelinko se je v trenutku spomnil, da ni jedel vse, od kar so odšli od Ardamela. »Lačni, da zelo smo lačni!« se ni uspel vzdržati.

Godrnjavko ga je samo strogo pogledal. Dobro vzgojeni palčki se ne obnašajo tako. A Pripovedovalec se je nasmehnil in jih še enkrat povabil, naj vstopijo.

Samo nekaj minut kasneje so vsi sedeli v topli jedilnici, pili čaj in jedli piškote, torte, slano pecivo, rogljičke, pite in raznorazne druge okusne stvari, ki jih je pripravil Pripovedovalec. Ko so pojedli, so se prestavili v dnevno sobo, se udobno namestili v naslonjač ob velikem kaminu in Pripovedovalec je začel tiho prepevati.

Zvok melodije je potoval skozi prostor in palčki so lahko videli, kako so skupaj z melodijo v zraku začele lebdeti različne slike. Na začetku so bile slike blede kot dim, ki se kadi iz ognja v kaminu, nato so postajale vse jasnejše in jasnejše. Kakor da bi prihajale iz pesmi, ki jo je pel Pripovedovalec. Pesmi o starodavnem času vitezov, princes in zmajev. Tako so palčki najprej videli viteza na konju, ki je jezdil nekam v daljavo. Potem na neki visoki gori živečega zmaja. Zmaj je ugrabil in zasužnjil prelepo princeso. Vitez je prispel do gore, se boril z zmajem in ga na koncu ubil. Nato je osvobodil princeso in jo odpeljal s seboj. Tako se je zaključila zgodba in Pripovedovalec je nehal peti. Palčki so bili kot začarani od tega nenavadnega načina pripovedovanja zgodb, a niso pripomnili ničesar. Bili so v Pripovedovalčevem domu in take stvari so bile povsem pričakovane.

»Sedaj si moramo izmisliti strategijo,« je po dolgem molku rekel Pripovedovalec. Palčki so ga razburjeno pogledali (pravzaprav je Zaspanko že spet zaspal v naslonjaču ob kaminu, tako da sta ga Godrnjavko in Debelinko vznemirjeno pogledala).

»Strategijo?« je vprašal Debelinko. »Kaj pomeni to?«

»To pomeni, da moramo razmisliti, kako bomo pristopili k mlademu Viktorju. Ne želimo ga razjeziti, prizadeti, prestrašiti … Ne, ne želimo

ničesar od tega. Želimo, da nam prisluhne. Ali da nas vsaj začne poslušati in potem je že vse odvisno od pravljic.«

Palčki so bili sedaj še bolj razburjeni.

»Povejte nam, kaj moramo narediti,« je rekel Godrnjavko. »Kaj pričakujete od nas?«

»Pričakujem, da vi začnete pogovor z mladim Viktorjem. Vseeno ga vi bolje poznate, in to je naša prednost. Ta me ni še nikoli v življenju videl in lahko bi se vznemiril, če se kar tako iznenada pojavim pri njem doma, a vi ste nekaj drugega. Vi ste prijatelji,« jim je rekel Pripovedovalec.

»Samo to želite od nas?« se je začudil Godrnjavko. »Upal sem na kaj več.«

»Ne samo tega. Pričakujem, da boste ob njem. Da boste del tega, kar se mu bo zgodilo, dokler boste z njim. Več vam ne morem povedati, a upoštevajte, da boste morali biti njegovi sopotniki v zanimivem potovanju.«

Godrnjavko in Debelinko sta se spogledala. Ta noč je bila tako čudna, da ju tudi to ni začudilo preveč.

»Dobro, peljite nas torej,« je rekel Godrnjavko. »Sigurno bomo potrebovali nekaj časa, da pridemo do Cambridgea, tudi če gremo s snežnimi sovami.«

»Ah, ne, ne sekirajte se,« se je nasmehnil Pripovedovalec. »Samo v mojo knjigarnico se moramo spustiti. Od tam bomo takoj prispeli v Cambridge, in to naravnost v sobo mladega Viktorja.«

»Huh, kako je to možno,« ni vzdržal, da ne bi vprašal Debelinko.

»Pridite z menoj in boste videli,« je rekel Pripovedovalec, pospravil uro v žep in vzel palico ter pokrivalo. Palčka, presita piškotov in drugih okusnih stvari, sta prebudila Zaspanka in počasi so odšli za njim.

* * *

V knjigarnici, v zadnjem prostoru, ki je služil kot nekakšno skladišče, so se nahajala preprosta vrata, ki so, kakor je izgledalo, vodila v neko shrambo ali klet. Pripovedovalec je obstal pred njimi in skrivnostno pogledal palčke.

»To so ena od skrivnih vrat na Zemlji. Malo jih je in čuvamo jih kot veliko skrivnost. Poznajo jih le tisti, ki so čuvaji vrat, tisti, ki imajo ključe. Vsi čuvaji vedo za vsa vrata, a vsak čuvaj ima samo en ključ od vrat, za katera je zadolžen, da jih čuva. Jaz sem čuvaj teh londonskih vrat,« je ponosno izjavil Pripovedovalec.

Palčki so ga gledali s široko odprtimi očmi. »A v čem je čarovnija?« je vprašal Zaspanko.

»Čarovnija je v tem, ko odprete ta vrata, lahko prispete kamorkoli na svetu, takoj. Samo pomisliti morate, kam želite prispeti, da jih odprete in da lahko greste skoznje.«

»Samo to? Gremo skozi in tam smo, pri Viktorju?« je bil navdušen Debelinko.

»Točno tako,« se je nasmehnil Pripovedovalec. »Skozi vrata naravnost v njegovo sobo v študentskem naselju v Cambridgeu.«

»To pomeni, da vi lahko potujete kamorkoli želite na svetu na tak način? Kamorkoli, kadarkoli?« ni mogel verjeti Godrnjavko.

»Seveda ne, kakor vse čudežne stvari niti skrivna vrata Zemlje ne delujejo tako. Vsako potovanje skozi vrata mora biti upravičeno in predvsem dobronamerno. Poleg tega vrata ne spustijo kogarkoli. Skozi njih lahko gredo le ljudje, ki so dovolj pogumni, dovolj dobri, dovolj modri … ljudje, ki imajo veliko nujo ali so ogromni avanturisti, ki sledijo svojemu srcu. Se pravi, samo izjemni ljudje.«

»In palčki?« je vprašal Zaspanko.

»Ali izjemni palčki,« je z nasmehom odgovoril Pripovedovalec. Iz žepa izvlekel majhen, preprost, železen ključ in odklenil prav tako preprosta vratca.

»Izvolite, gospod Godrnjavko,« je rekel Pripovedovalec. »Mislim, da ste vi palček, ki se mora prvi soočiti z mladim gospodičem Viktorjem.«

11. poglavje: Sneguljčica

… se ni mogla načuditi neumnostim, ki jih je naredil Viktor! Ta je bil pet let starejši in vedno njen vzor.

Spoštovala ga je in občudovala. In naenkrat, kakor da so se ji razblinile vse iluzije. V trenutku se je počutila, kot da je veliko starejša in bolj modra od njega, a on, kakor da je neki mali, nezreli otročaj.

Viktor je sedel nasproti nje in molčal. Verjetno se mu je v trenutku, ko ga je Sneguljčica spomnila na Vrhovno sodišče, porušil ves svet. Celo Viktor se je kljub vsej svoji nezrelosti in vsej svoji aroganci zavedal, kako resna stvar je Vrhovno sodišče. Niti Sneguljčica niti Viktor nista, od kar sta vedela zase, slišala, da bi nekdo prekršil zakon. No, kar vedo že otročički v Snegomrazu (brez razlike, ali so to otročički medvedov, otročički lisic, otročički sov, otročički palčkov ali človeški otročiči) je, da je kazen za prekršitev zakona zelo stroga!

»Nič groznega nisem rekel, Sneguljčica, verjemi mi,« se je branil Viktor. »Omenil sem, da je moj oče dedek Mraz, samo to.«

»Tako praviš, a?« je strogo odgovorila Sneguljčica. »In ti ta George takoj verjame, kot da si mu povedal, da je tvoj oče bližnji sosed? Kot vem, te stvari ne potekajo tako, še posebej ne v teh novih časih, ko vse manj ljudi verjame v dedka Mraza.«

»Ne, ne ravno tako ... v bistvu, je ta sam začel pogovor, da mu je njegov oče, lord Rich, povedal, da dedek Mraz zares obstaja in da živi v nekem mestu, nekje daleč na severu. In George dolgo ni verjel, a njegov oče je bil zelo prepričan v to, kar je trdil. Pojasnil mu je, da če ne verjame, ne bo nikoli prispel tja. Pomisli, on je vedel. In jaz nisem vzdržal, veš, vseeno je George moj najboljši prijatelj … In potrdil sem mu, da je to resnica.«

Ko se je tako branil pred Sneguljčico, je Viktor spregledal, kako veliko neumnost je napravil. Do sedaj sploh ni razmišljal o tem pogovoru z Georgeem, še posebej, ker je bil evforičen zaradi poslovnega predloga lorda Richa. No, sedaj, ko se je spomnil tega, se je počutil zelo slabo. Še več, sumljiv se mu je zazdel način, s katerim je George začel pogovor.

Sneguljčica ga je prekinila v njegovem razmišljanju s povsem istim zaključkom. »Ne morem verjeti, kako si naiven!« mu je zasikala. »Cel pogovor je tako sumljiv, kot da bi on že vedel, kdo si, in je hotel nekaj izvleči iz tebe.«

»Ne, to ni mogoče. Zelo dobro poznam Georgea,« se je zlagal Viktor. Ni želel priznati mlajši sestri, da je takoj spregledala to, česar on ni mogel doumeti.

»Kakorkoli, nimam dokazov,« je sam sebe potolažil Viktor. »Mogoče brez potrebe sumim o Georgeu.«

»Viktor, si mu povedal še kaj o Snegomrazu? Da mu nisi slučajno povedal, kako se pride tja?« je vprašala Sneguljčica.

»Niti slučajno!« je zakričal Viktor. »Za koga me imaš, tepca? Vsekakor ne bi storil nič takšnega, ne da bi prej govoril z očetom.«

Viktor ni lagal o tem. Zares, razen pogovora z Georgeem in telefonskega klica lorda Richa naslednje jutro, Viktor ni imel časa, da bi povedal še kaj. Prvič, minil je le en dan in nič drugega se ni zgodilo. George se mu ni niti javil. In drugič, zares ni bil tako neumen, da bi razkril pot do Snegomraza.

* * *

»Kako lahko vesta za Snegomraz?« se je spraševala Sneguljčica. »Samo tisti, ki zares verjamejo v dedka Mraza, lahko pridejo tja, a ta tvoj George in njegov oče se mi ne zdita takšna človeka.«

Viktor je občutil, da ima Sneguljčica prav. Vsaj George ni bil takšen, a lord Rich … Viktor ni vedel ničesar o lordu Richu. A v tem trenutku se je spomnil na zgodbo, ki sta jo s Sneguljčico poslušala, ko sta bila majhna.

»Sneguljčica, se spomniš tiste zgodbe,« ji je s tresočim glasom rekel Viktor. »O tem, da obstajajo ljudje, ki kljub temu da verjamejo v dedka Mraza, nimajo čistega srca in zato nikoli ne morejo priti v Snegomraz.«

»To ni zgodba,« mu je strogo odgovorila Sneguljčica, »to je resnica. To je majhno število ljudi, ki išče Snegomraz vse svoje življenje, vendar ga ne morejo najti, ker imajo slabe namene. Njihove misli niso čiste in njihova srca so črna. Zato je obstoj Snegomraza takšna skrivnost. Če bi nekdo od teh ljudi našel Snegomraz, kdo ve, kaj bi se zgodilo.«

»Snegomraz bi nehal ostajati,« je tiho odgovoril Viktor, ki se je spomnil sanj. Sedaj mu je bilo že vse jasno, a nekaj v njem tega še vedno ni hotelo priznati.

»Ne, ne morem verjeti,« je rekel Viktor. »George je dober prijatelj, kolega. Vedno je z menoj, vse delava skupaj. In njegov oče je lord, to je zelo pomemben naziv. Je zelo uspešen poslovnež, od njega bi se lahko veliko naučil o poslu.«

»Moraš se učiti od očeta, Viktor, a ne od lorda 'Ne vem katerega',« mu je navrgla Sneguljčica. »Oče te lahko nauči veliko stvari, ki se jih očitno nisi naučil pravočasno.«

»Oče noče sprejeti sodobnih stvari, poleg tega me ne želi poslušati. Misli, da nisem zrel ali da morda nisem dovolj pameten,« je zajedljivo odgovoril Viktor. A bolj kot se je branil pred Sneguljčico, tem bolj je čutil, da ima ta prav.

»Oče sprejema nove ideje, Viktor, vsaj tako je bilo do sedaj. No, prosim te, povej mi, kdaj si mu dal kakšno dobro idejo? Takšno, ki bi bila v dobro vseh? In kdaj si mu dal idejo, ki je bila tvoja? Ta ideja ni bila tvoja ali pač?« ga je izprašala Sneguljčica.

Viktor se je zelo razburil, ko mu je mlajša sestra rekla, da ideja ni njegova. V tem trenutku je od jeze pozabil na vse dvome o Georgeu in se znesel nad Sneguljčico.

»In kaj je narobe s tem, da začnemo tudi služiti, a? Da prodajamo po svetu?« je zlobno rekel.

Sneguljčica ga je gledala s široko odprtimi očmi in ni mogla verjeti, da bratovim neumnostim ni konca.

»Ti si zares povsem izgubljen,« mu je razočarano rekla. »Pomislila sem, da si počasi začel dojemati, za kaj gre, ampak nič.«

»Jaz, jaz izgubljen?« se je še bolj razgrel Viktor. »Pa kdo si ti, da si drzneš reči kaj takšnega? Takoj odidi od tukaj!«

»Naj grem, kaj?« ga je prezirljivo pogledala Sneguljčica. »Če odidem, ali misliš, da bo prišel kdo drug, ki bi ti pomagal? Mogoče mama? Imej v

mislih, da Vrhovno sodišče ne miruje, da sigurno že vedo, kaj si storil. Prej ali slej te bodo ujeli. In takrat ti ni pomoči.«

»Nikakor ne morejo vedeti,« je zajedljivo odgovoril Viktor. »Razen če jim nisi ti povedala. Mama in oče zagotovo nista.«

Sneguljčica se je začela smejati. »Moram ti povedati nekaj. Ali si zelo neumen ali pa si povsem izgubljen za nas. Ti nisi več del Snegomraza. Niti en prebivalec Snegomraza ne bi mogel biti takšen.«

»Odidi!« ji je zakričal Viktor. »Da te ne vidim več!«

Sneguljčica se je še enkrat nasmehnila, se povzpela na okno in skočila z majhnega balkona.

Viktor je prestrašeno stekel do okna. »Ali je normalna?« je pomislil. »Kako lahko skoči iz šestega nadstropja, pa saj ne bo preživela takšnega padca!« A čim je pogledal skozi okno, je pred njim poletel severni jelen in na njem je jezdila Sneguljčica.

»Teslo. Vse nas boš uničil!« mu je zaklicala in poletela v nebo.

Viktor se je ves iz sebe vrnil nazaj v sobo. Čuden občutek v želodcu se je vrnil. Ta občutek, ki mu je že ves čas govoril, da dela nekaj narobe.

»Kaj pa, če ima Sneguljčica prav?« je rekel z vzdihom. »Kaj, če sem nasedel igri nekih zelo slabih ljudi?«

»Uhu!« se je pritrdilno oglasila sova, ki se je, brez da bi Viktor vedel kako, znova znašla na pisalni mizi.

»Od kod si se spet vzela?« se je začudil Viktor.

»Skozi ena skrivnih vrat sveta,« mu je odgovoril glasek. Viktor je pomislil, da je znorel. Sedaj je sova začela še govoriti. Pogledal je v sovo, a ta je molčala in še več, kakor da je zadremala. Obrnil se je in v tem trenutku je postalo njegovo presenečenje še večje. Sredi sobe se je od nikoder vzel Godrnjavko.

Viktor si je pomel oči in spet pogledal. In sedaj, sedaj je bil tukaj še Debelinko.

»Kaj je to, nekakšne sanje?« je vprašal Viktor.

»Bilo bi dobro, če bi bile, a žal niso,« je rekel človek, ki se je naenkrat pojavil ob Debelinku in Godrnjavku in ki ga Viktor še nikoli v življenju ni videl.

»Kaj iščete vi trije tukaj, v moji sobi? In od kod ste se naenkrat vzeli?« je bil Viktor povsem iz sebe.

»Štirje, mi štirje,« se je v tem trenutku pojavil pred njim še Zaspanko. »Prišli smo skozi skrivna vrata, skozi katera lahko gredo le izjemni ljudje … in palčki,« je ponosno dodal in zazehal.

»Ne razumem, zakaj ste tukaj?« je malce mirneje vprašal Viktor, vedel je, da povezano z neumnostjo, ki jo je napravil. Nekaj vsekakor ni bilo, kot bi moralo biti in bil je glavni krivec.

»Viktor, vse ti bomo pojasnili, prosim, ne vznemirjaj se. Lahko sedemo in ti razložimo vse od začetka?« je vprašal Godrnjavko.

»Hmm,« je kolebal Viktor. »Paaa, dobro, lahko. A kdo ste vi?« je Viktor vprašal Pripovedovalca.

»Jaz sem Gospodar zgodb in čuvaj enih izmed skrivnih vrat sveta. Tistih londonskih,« je povedal svoj cel naziv Pripovedovalec, da bi zvenel bolj resno. In na srečo mu je uspelo. Viktor je zazijal in se mu skoraj priklonil, čeprav ni razumel ničesar od tega, kar mu je rekel.

»Tukaj sem z namenom,« je nadaljeval Pripovedovalec. »Da odprem portale sveta fantazije, da izprašam sedanjost in razburkam prihodnost.«

Viktor je samo sedel na tla svoje sobe, utrujen od vsega in resno preplašen. Ničesar ni razumel, prvič po dolgem času je začutil, da resnično potrebuje pomoč.

»D-dobro,« je prestrašen odgovoril. »K-kaj m-moram narediti?«

»Sprosti se in se osredotoči na to, kar ti bom povedal,« mu je rekel Pripovedovalec.

Vsi so sedli, en na tla, drug na posteljo, tretji na kakšen stolček … in Pripovedovalec je začel pripovedovati. »Nekoč je živela deklica …«

Medtem ko je pripovedoval, je čudna megla počasi napolnila prostor.

12. poglavje: Svet sanj

… je bil zelo čuden in nepredvidljiv kraj. Nikoli ne moreš predvideti, kje boš pristal, celo če se imenuješ Samovila in imaš čarobne moči.

Od kar sta zapustila Dunaj iz začetka 20. stoletja in sta bila še nekaj časa v megli, sta se dedek Mraz in Samovila znova znašla v Snegomrazu. Pravzaprav v dnevni sobi dedka Mraza. Slika še vedno ni bila izostrena, a brez dvoma sta se vrnila nazaj.

»Kaj je to, sva že nazaj?« se je začudil dedek Mraz.

»Počakaj,« je zašepetala Samovila. »To so sanje, prepričana sem. Počakajva, da se izoblikujejo.«

Počasi sta se pred njima v dnevni sobi pojavili dve obličji. Eno je bil Nik, mladenič, ki smo ga videli že prej, a drugo – nek star človek, ki je bil zelo podoben dedku Mrazu. A če dobro pogledaš, lahko vidiš, da je drugačen: višji, bolj suh, z večjim nosom, z velikimi očali …

Dedek Mraz je pogledal Samovilo … »Vem, kdaj je bilo to,« ji je rekel. »Ta trenutek sem si zapomnil za celo življenje in ga ne bom nikoli pozabil. Zakaj sva tukaj?«

»Morda morava videti nekaj, česa ne veš ali kar si pozabil,« je odgovorila Samovila.

Star človek, ki je izgledal kakor dedek Mraz, je tiho govoril Niku.

»Nikolaj, sinko, čas je, da ti razkrijem skrivnost, ki se prenaša v naši družini iz roda v rod, iz očeta na sina … Čas je, da izveš, kako je bilo od nekdaj in kako bo še dolgo v prihodnosti.«

Mladi Nikolaj je samo pogledal svojega očeta z bistrim pogledom in molčal, ne da bi si ga drznil prekiniti.

»Kot veš, je naša družina v Snegomrazu že od začetka svojega obstoja, že stoletja. To, da živimo tukaj, nas dela drugačne od drugih ljudi. Prvič, živimo zelo dolgo, dlje od kateregakoli drugega živega človeka. Čarobna moč Snegomraza omogoča njegovim prebivalcem, da živijo zelo, zelo dolgo.

Drugič, zmoremo stvari, ki jih drugi ljudje ne zmorejo: razumemo jezik živali, tudi tistih, ki ne živijo v Snegomrazu in ne znajo govoriti; tolmačimo govor nebesnih teles; potujemo z enega konca sveta na drugega z ogromnimi hitrostmi … Te stvari in še nekatere druge, ki jih že poznaš.

Vsekakor je najpomembnejše od vsega tega, kako vdahniti življenje otroškim željam. To je naša največja čarovnija, da uspevamo razveseliti otroke po vsem svetu in da vnašamo čarovnijo v njihova življenja … ne glede na to, kdo so in kakšni so. Nekateri so siromašni, drugi spet iz zelo bogatih družin; nekateri so sirote brez staršev in brez nikogar svojega na svetu; drugi spet imajo sorodnike, od katerih dobijo vso ljubezen, ki jo potrebujejo – ti so najsrečnejši, a tudi ti imajo želje; potem so tukaj tudi tisti, ki dobivajo vse, kar poželijo, a jim manjka to, kar najbolj potrebujejo – starševska ljubezen. Otroci, ki jih starši zapostavljajo in so prepuščeni sami sebi, so prav toliko žalostni kot otroci brez staršev.

Naša naloga je, da pomagamo vsem tem otrokom, da vnesemo v njihova življenja kanček ljubezni, upanja in sreče, tako da jim izpolnimo eno željo na leto, damo jim to, kar si njihovo srce najbolj želi.«

Dedek Mraz je pogledal Samovilo. Samovila se je samo dotaknila njegove roke in molčala.

»Sedaj, sinko, si ti na vrsti, da prevzameš to nalogo. Čas je, da postaneš dedek Mraz,« je rekel oče Nikolaju. »Sedaj si že odrasla oseba, zaključil si fakulteto, delal različne stvari, se poročil … sedaj si ti na vrsti, zame je čas, da se umaknem.«

»Očka!« se je začudil Nikolaj. »Seveda si želim, ampak … ali ti več ne želiš delati tega … mislil sem, da ti ni nič pomembnejšega na svetu od dela, od otrok …«

»In mi ni,« je odgovoril starec z utrujenim glasom. »Ničesar pomembnejšega ni od našega dela, nikoli. Zapomni si to. A obstajata dve stvari, ki mi prepričujeta delati. Prva je, da sem že zelo star, sinko. Nihče od nas ni večen, čeprav živimo veliko dlje kot ostali ljudje. Moji dnevi so šteti.«

»Ampak, ampak … kako?« je vzkliknil Nikolaj. »Zakaj govoriš tako?«

»Zato ker je tako, kmalu me ne bo več. In, prosim te, ne skrbi! Imel sem zelo dolgo in prekrasno življenje, izpolnjeno z neskončnimi otroškimi nasmehi. To je nekaj najdragocenejšega na svetu. Ničesar drugega si ne bi mogel želeti.

Druga stvar … Sinko, pravilo je, da ti moram predati to dolžnost, kot je to naredil moj oče z menoj in pred tem njegov oče z njim … in tako boš ti moral svojemu sinu. V trenutku, ko boš začutil, da je pripravljen, da postane tvoje naslednik, kot sedaj čutim jaz … To bo trenutek, ko se boš moral umakniti in mu predati dolžnost ter mu razložiti vse to, kar sem jaz tebi.«

Slika je začela toniti v meglo. Samovila je pogledala dedka Mraza. Njegove oči so bile polne solz.

* * *

V tretjih sanjah, v katere sta vstopila, je bil nek kraj, ki ga dedek Mraz sploh ni poznal. Ta je drugače poznal vse hiše na svetu, se pravi, poznal je vse hiše, v katerih so kadarkoli živeli otroci, ki so mu pisali pisma. A ta ogromna hiša je bila povsem nov kraj, ki ga ni videl še nikoli prej. Poleg tega mu je kraj povzročal mravljince. Neko zlo je prebivalo tukaj, nekaj umazanega in pokvarjenega. Pogledal je Samovilo in takoj opazil, da tudi ona občuti isto.

Samovila mu je prestrašeno zašepetala. »Čutim nekaj, mislim, da je to sedanjost. Če se to ne dogaja v tem trenutku, se bo zgodilo kmalu. Skoraj povsem sem prepričana v to.«

Dedek Mraz je vzravnano obstal in se namrščil. »Ne vem, kaj je to zlo, ki je zbrano tukaj, a kakršnokoli že je, naj se pazi. Dedek Mraz se je znal spoprijeti z vsakršnimi nepridipravi, tudi s tistimi najslabšimi.«

Čim je to izgovoril, je v velik prostor (nekakšen ogromen salon z mnogimi starimi slikami in knjigami) vstopil mlad človek, približno iste starosti kot Viktor. Mlad človek je postopal naokoli, očitno čakajoč nekoga.

Hitro zatem je vstopil starejši človek, oblečen v sivo obleko, suh, s prodornim pogledom. Mlad človek je bil podoben starejšemu, očitno je bil njegov sin. Dedek Mraz je začutil, da sta ta dva lahko samo lord Rich in George, o katerih je pisal Viktor v svojem pismu.

»Ali si se danes srečal z mladim Mrazom?« je vprašal starejši človek.

»Ne, nisem ga videl,« je nepotrpežljivo odgovoril George. »Nisi rekel, naj ne pritiskam nanj, da ne bi česa posumil? Čeprav, oče, jaz najiskreneje mislim, da je vse to velika izmišljotina. Še zmeraj ne morem verjeti, da tam nekje obstaja neko mesto, kjer živi dedek Mraz.«

»Ti si teslo, zato misliš tako,« je lord zakričal na svojega sina.

Dedek Mraz se je namrščil. Ve se, da se ne bi noben dober starš tako obnašal do svojega otroka. Lord je bil očitno zelo zloben človek.

»To mesto obstaja in v njem obstaja velika čarovnija. To čarovnijo bi rad imel zase. Da jo uporabim za svoje cilje. Da vladam otrokom in ljudem in s tem vladam tudi svetu. In ne bom miren, dokler ne odkrijem, kje je to mesto in v čem je njegova skrivnost. Zato potrebujem tebe, da izvlečeš vse iz tega mladega tepca.«

»Dobro, naj ti bo,« je zamomljal George. »Potrudil se bom. Ampak ne morem ti zagotoviti, da mi bo povedal karkoli.«

Lord Rich je postal ves rdeč v obraz. »Če želiš živeti udobno in zapravljati moje bogastvo kot do sedaj, se boš potrudil izvedeti. Če ne, te bom črtal iz oporoke.«

Ta izjava je malo stresla mladega Georgea. »Ampak, oče, kaj če posumi vame. Kaj potem?«

»Kakšen neumnež si, to je nekaj neverjetnega,« je postal živčen lord. »Pripelji ga k meni z izgovorom, da se želim z njim pogovoriti o poslu. To ga bo pritegnilo. In potem se bom jaz potrudil izvleči iz njega vse, kar potrebujem. Hehe, še več, če mu ponudim skupen posel, bo mali nasedel in bo naredil vse, kar bom zahteval od njega. In če to ne bo uspelo, se ne sekiraj, pripravljen imam tudi plan B.«

* * *

Medtem ko je lord Rich govoril, je George samo molčal in ga gledal. Nekako se mu ni zdelo prav, da ga je oče ponižal in se potem celo spomnil, da bo Viktorju ponudil delo.

In George, George je bil tako zelo ljubosumen na Viktorja. Ta je bil boljši študent, odličen športnik, imel je prekrasno družino … In za nameček je ukradel srce Mine Jones, ki jo je George tako zelo ljubil. Zgodilo se je tako, da je George brskal po Viktorjevem računalniku, medtem ko je ta bil v kopalnici. George mu je želel škodovati, da bi ga sprl z Mino … Takrat je naletel na sporočila med Viktorjem in njegovo sestro,

Sneguljčico. Sporočila, ki so pripovedovala o izjemnih stvareh. Georgeu sporočila niso bila povsem jasna, vendar je uspel razbrati, da govorijo o nekem čarobnem mestu. Mestu dedka Mraza.

Ker je George že od malega vedel za očetovo obsedenost, čeprav ni verjel vanjo, je šel in mu vse povedal. In tako se je vsa stvar začela. V bistvu se je George z vsem strinjal samo zato, ker je bil tako zelo ljubosumen na Viktorja.

* * *

Dedek Mraz in Samovila sta bila ponovna v globoki megli. Dedek Mraz je bil besen.

»Dajva, vrniva se nazaj, takoj,« je rekel Samovili. »Moram pretepsti ta nepridiprava.«

»Počasi,« mu je odgovorila Samovila. Nisva še končala. Ti še vedno ne veš, kaj je to, kaj si tvoje srce najbolj želi, kajne?«

Dedek Mraz se je zamislil. »Moram ju ustaviti. Kaj če se medtem kaj zgodi?«

Samovila se je nasmehnila: »Midva sva v svetu sanj, dedek Mraz. Tukaj čas teče drugače. Tebi se zdi, da sva tukaj ure, a jaz ti povem, da ni minilo niti deset minut. Pomiri se, morava potovati še malo in potem se bova vrnila nazaj. Obljubljam ti.«

Kakor je rekla to, se je megla naglo razkadila. Dedek Mraz in Samovila sta se znašla sredi tovarne igrač. V bistvu je ta bila vse, samo ista tovarna ne!

* * *

Stroji so delovali s polno paro. A ne tisti stroji, ki so izdelovali prekrasne, čarobne in edinstvene igrače, narejene iz otroških želja. To so bili grozljivi, ogromni stroji, ki so izdelovali nekaj povsem drugega!

V vsakem stroju je bila ogromna kristalna krogla. Kot tiste kristalne krogle, v katerih so čarovniki iz zgodb napovedovali prihodnost, a te so delale nekaj drugega. Lovile so trenutke sedanjosti: lovile so ljudi iz vseh strani sveta, ki so govorili laži, 'lepe' laži … ne morete si predstavljati, koliko takšnih laži se izgovori dnevno! Tisoče! Vsak stroj, loveč te lepe laži, je ekspresno izvrgel ogromno igračo. Igrača je šla v drug stroj, ki je nato izvrgel tisoče takšnih istih igrač, medtem ko je prvi stroj že iskal novo laž.

In palčki? Zelo obupani palčki iz Snegomraza so pakirali tisoče igrač, ki so prihajale iz strojev. Brez premora, brez prestanka. »Le kaj je to?« je nemo vprašal dedek Mraz, gledajoč Samovilo. Samovila ga je žalostno pogledala, njene vijolične oči so spremenile barvo. Sedaj so bile povsem temne kakor najgloblja povodna brezna v ogromnih oceanih.

V tem trenutku je v tovarno vstopil George, a to ni bil isti fant kot prej. Imel je povsem spremenjen obraz in njegove oči so bile sedaj tako zlobne kot oči njegovega očeta.

»Zlo je kakor virus,« je pomislil dedek Mraz. »Ko te enkrat okuži, se bolezen širi vse bolj in bolj, vse dokler povsem ne razje srca.« Samovila ga je pogledala in pokimala. Niti potrebe po pogovoru ni bilo več. V Svetu sanj je bilo branje misli običajna stvar.

In takrat se je za Georgeem v tovarno vstopil tudi Viktor. Skljućen kot nek ponižen sluga, zgrbljen in suh, z vdrtimi očmi in bledim obrazom. Tekal je za Georgeem sem in tja, ne da bi vedel, kako naj se obnaša. Ko je šel mimo palčkov, je dedek Mraz opazil prezir v njihovih očeh, in kakor da bi mu igla prebodla srce.

»To ni moj sin!« so zagrmele misli dedka Mraza. »To je izdajalec, o katerem ne želim vedeti ničesar.«

Samovila ga je počasi, tiho pogledala. »To je ena izmed možnih prihodnosti. Še vedno je čas, da jo preprečiva. Zagotovo jo bova preprečila!« je bila prepričana Samovila.

»In četudi jo preprečiva, se mu bom po vsem tem odrekel!« se že zmeraj ni mogel pomiriti dedek Mraz.

A Samovila ga je molče prijela za roko in jo ujela med svoje dlani. Pogledala ga je s temnimi, globokimi očmi in poglej, dedek Mraz je opazil, da te zopet pridobivajo tisto prekrasno vijolično barvo. In megla okoli njiju je postala neverjetno gosta!

* * *

Viktorjeva soba v hiši Mrazovih je bila vedno polna nečesa prekrasnega: igrač, mnogih lepih starih knjig, ki so skrivale neznane zgodbe, slik in plakatov, globusov in starih zemljevidov sveta. Viktor jih je od malega rad gledal in poslušal zgodbe o daljnih krajih, razpravljal o likih pravljic in si celo izmišljal svoje zgodbe.

Samovila in dedek Mraz sta se znašla točno tam, v sobi, polni zgodb in sanj. V postelji je ležal mali Viktor, otroček 3–4 let. Ob postelji je sedel dedek Mraz – mladi Nik in mu nekaj razlagal …

»In tako je naloga dedka Mraza, da osrečuje otroke po svetu in da jim uresniči eno željo vsako leto,« je rekel Nik.

»Ampak, očka, samo dobrim otrokom, kajne?« je vprašal mali Viktor.

»Ne, sinko, vsem otrokom. Veš, slabi otroci ne obstajajo.«

»Ne?« je začudeno vprašal Viktor.

»Ne, obstajajo le nesrečni otroci in včasih se zaradi tega zdijo slabi. In včasih zaradi tega postanejo slabi ljudje, a otroci vsekakor ne morejo biti

slabi. Zato moramo izpolniti vse želje vseh otrok. Nekega dne bo to tudi tvoja naloga.«

»Tudi moja?«

»Da, sinko, nekega dne … No, o tem bova govorila, ko boš dovolj velik. In sedaj je čas za spanje.

»Neee, očka, ne še,« se je razburil Viktor. »Prosim te, pripoveduj mi o Petru Panu.«

»Spet o Petru Panu, a?« se je nasmehnil Nik.

»Daaa, daj! Jaz bom kot Peter Pan, veš?« je vzkliknil Viktor.

»Hehe, tako praviš? Hehe, dobro … Se pravi … nekoč davno v Londonu, blizu Kensingtonskih vrtov, je živel majhen deček po imenu Peter …«

* * *

In megla je bila spet povsod okoli njiju.

»Spet potujeva,« je rekla Samovila.

Dedek Mraz je bil zelo vznemirjen in je molčal. Zadnje sanje so ga zelo raznežile, celo razžalostile. Povsem je pozabil na ta trenutek iz preteklosti …

Ko sta stopila iz megle, sta se znašla v še eni otroški sobi. Ogromni, hladni, polni zelo dragih igrač. In ponovno je bil prisoten isti občutek – nekaj podlega in pokvarjenega je bilo v zraku.

»Vrnila sva se nazaj v to hišo!« je s trepetom v glasu rekel dedek Mraz.

»Da …« je tiho odgovorila Samovila, a očitno je to že vedela.

Pred njima je za mizico sredi sobe sedel otroček in nekaj pisal. George – je pomislil dedek Mraz.

George je zaključil s tem, kar je pisal, in nagnil glavo na eno stran, kot da je ocenjeval, kar je napisal. Potem je začel tiho brati:

Dragi dedek Mraz,

sem George Rich. To je prvo pismo, ki ti ga pišem. Veš, očka mi ne pusti, da ti pišem pisma, pravi, da je to neumnost. Pravi, da mi bo on kupil vse, kar želim.

Ampak jaz ne želim nikakršnih igrač in oblek, imam jih veliko. Pišem ti, ker imam samo eno željo: da bi bil moj očka pogosteje doma in da bi preživel več časa z mano. Da bi bil dober z menoj, da bi me včasih objel in poljubil. Želim si, da se vrne mamica, ampak očka pravi, da je ta na nebu in da se ne more nikoli vrniti. Zato te prosim, da mi izpolniš željo, da bi očka videl pogosteje. Tako.

George Rich

Ko je zaključil z branjem, je bil George zelo zadovoljen sam s sabo. Preložil je list papirja in vstavil pismo v kuverto. Dedek Mraz je žalostno pogledal Samovilo.

»Nikoli nisem dobil takega pisma,« ji je rekel. »Veš, da ni pisma, ki ga ne bi pomnil.«

Ob tem mu je Samovila z očmi pokazala proti vratom sobe. Skoznje je vstopil butler in strogo pogledal Georgea.

»Mladi gospodar, kaj delate?« je vprašal butler.

»Paaa, tole,« se je malce zmedel George. »Pisal sem pismo. Za dedka Mraza. Veš, Charles, bliža se božič in mislil sem …«

»Veste, kaj si o tem misli vaš oče, kajne?« je bil strog butler.

»Paaa, vem, ja,« je nesrečno zamrmral George.

»Dajte mi sem to pismo, mladi gospodar,« je bil neomajen butler. »Jaz bom poskrbel zanj.«

George je nejevoljno predal pismo butlerju in spustil pogled. Butler se je obrnil in brez besed odšel, George pa je začel tiho hlipati. Megla se je neizprosno vila v otroško sobo in svet okoli dedka Mraza in Samovile je začel bledeti.

* * *

»Dovolj!« je rekel dedek Mraz. »Vrniva se nazaj, vem, kaj si srce najbolj želi. Ves čas sem vedel, samo zavedal se nisem tega.«

Samovila se je nežno nasmehnila in potonila v meglo.

13. poglavje: Nekoč je živela deklica

»… z rdečo kapico in rdečim ogrinjalom. Njena najljubša igra je bila sprehajati se skozi gozd, poslušati žvrgolenje ptic in pogovarjati se z živalmi, ki živijo tam …« je tiho pripovedoval Pripovedovalec.

Viktor je opazil, da je megla napolnila vso sobo. In naenkrat so se zaslišali glasovi, ki niso pripadali nikomur od že prisotnih v prostoru.

»Pridi, ne boj se, nič strašnega ni,« je rekla neka majhna deklica.

»Počakaj, počakaj, ne priganjaj me,« je odgovoril globok in hrapav glas.

In iz megle sta stopila, verjeli ali ne, Rdeča kapica … in volk! Volk si je zakril oči s šapami in se ves tresel od strahu. Rdeča kapica ga je vodila pod roko in ga gledala s sočutjem.

»Daj, odpri oči,« je Rdeča kapica rekla volku. »Boš videl, da ni nič groznega. Dajmooo …«

Volk je počasi pokukal skozi šape in takoj spet zakril oči.

»Strah me je,« ji je rekel. »Zunaj gozda sva, v nekem velikem mestu. Ni mi všeč tu. In kdo so ti tukaj? Ne poznam jih. Morda so slabi ljudje. Mogoče me bodo ubili!«

»Niso, niso slabi,« se je Rdeča kapica obrnila k ostalim in jim začela pojasnjevati. »Volk, veste, zadnje čase ne hodi iz globokih gozdov. Boji se tistih slabih ljudi, ki lovijo volkove za zabavo in jih pobijajo kot trofeje.«

Debelinko je začudeno vprašal: »In ti, Rdeča kapica, si volkova prijateljica? Te ni strah, da bi te požrl?«

Temu se je Rdeča kapica od srca nasmejala: »Ne verjemite vsega, kar preberete v pravljicah. To je sodoben volk. Njegova najljubša hrana je pica.«

»Moja tudi!« se je oglasil Zaspanko. »Tudi jaz imam zelo rad pico!« na kar mu je Godrnjavko namenil dolg, karajoč pogled, s katerim mu je želel sporočiti: »Molči in ne prekinjaj!«

Sicer pa je volk še vedno zgrbljeno stal, s šapami preko oči in se tresel od strahu. Pripovedovalec se je smehljal, Viktor pa je gledal, a ni mogel verjeti, da pred njim stojita oživljena lika iz pravljic.

Rdeča kapica se je obrnila k volku in mu rekla: »Volk, ne boj se. Vse poznaš. Poglej, to je Pripovedovalec.«

Volk je pokukal proti Pripovedovalcu in se malo opogumil, pa je odmaknil šape iz oči, a še vedno se je držal ob strani.

»Zdravo, Volk,« mu je rekel Pripovedovalec. »Dobrodošel.«

»Zdravo,« je zamrmral Volk in se obrnil k Rdeči kapici: »Ostalih ne poznam. Dajva, pojdiva.«

»Kako jih ne poznaš, dobro poglej. Tukaj so Godrnjavko, Debelinko in Zaspanko, palčki – pomočniki dedka Mraza. Vidiš!«

Volk je od ne vem kod izvlekel očala, jih nadel na gobec in si jih bolje ogledal: najprej Godrnjavka, nato Debelinka, pa še Zaspanka. »Da, poznam jih,« je rekel Volk z olajšanjem, kakor da bi mu padel kamen od srca.

Nato je pogledal Viktorja. »In kdo je to? Njega vsekakor ne poznam!« je izjavil Volk.

»Poznaš ga, poznaš,« je odgovorila Rdeča kapica. »To je mali Viktor Mraz. Samo odrastel.«

Volk se je skozi očala zazrl v Viktorjev obraz. Dolgo ga je gledal, a potem je odsekano rekel: »Ne, to ni Viktor, motiš se.«

»Kako ni. Daj, poglej bolje, samo zrastel je, ti pravim,« ga je prepričevala Rdeča kapica.

Volk se je čisto približal in se zagledal v Viktorjeve oči.

»Ni možno,« se je Volk obrnil k Rdeči kapici. »Pridi in poglej. Pridi in se dobro zazri v njegove oči. Vidiš?«

»Kaj naj bi videla?« je vprašala Rdeča kapica.

»No, če je Viktor, kje je sijaj v njegovih očeh? Ta ne izgine, ko odrasteš. Ali pač? In vsi vemo, da iskra v očeh odraža srce, polno želja in upov … srce, ki je željno odkrivati nove in prekrasne reči, se spuščati v avanture … Kje je njegov sijaj?«

»Oh, ni ga …« je žalostno zašepetala Rdeča kapica. »Ugasnil je! Ampak to je Viktor, prepričana sem. Ali ni tako, otroci? Ni tako, palčki?«

»Viktor je, definitivno,« se je v pogovor vmešal Zaspanko. »To vam zagotavljamo.«

»Hmmm,« je sumil Volk. »Počakaj, da ga povoham.« In začel ga je vohljati, pa iz ene in iz druge strani. »Ni šans,« je zaključil Volk. »On ne diši kot Viktor.«

Zdaj se je Viktor razjezil. »Jaz sem Viktor, kako da nisem. In kako dišim, če ne dišim po samem sebi?«

»Prvič, ne dišiš po Snegomrazu. Sever ti ne teče po žilah. Vsi, ki živijo v Snegomrazu, dišijo po severu,« mu je zajedljivo odvrnil Volk. »Niti ne dišiš, kakor je dišal Viktor, ki ga poznam jaz, mhm.«

»In kako diši on?« je vprašal Viktor.

»Viktorjev vonj je bil tisti, ki nam je govoril, da verjame,« je rekel Volk. »Zato smo ga tudi imeli tako zelo radi.«

»Da verjamem v kaj?« je vprašal Viktor.

»V nas,« je odgovoril Volk. »V pravljice. Ti ne verjameš v nas. Pravi Viktor verjame v nas, ker je sin dedka Mraza. Ti nisi!« je Volk prišel do končne odločitve. »To je neki lažni Viktor,« je Volk dejal palčkom.

»Verjemi mi,« mu je rekel Godrnjavko. »To je Viktor. Samo ni čisto pri sebi. Veš, že nekaj časa ne živi več v Snegomrazu.«

»Tako torej …« je Volk sumljivo gledal Viktorja, nato pa se obrnil k Rdeči kapici. »Dobro, še zadnjič preveriva, prav?«

»Dajva,« je odgovorila Rdeča kapica.

In v tem trenutku se je Volk približal Viktorju in položil svojo veliko, sivo glavo na njegove prsi, poslušajoč njegovo srce. Viktor se je malo prestrašil, posebej zato, ker je volk imel zelo velike in strašne zobe.

Volk je nekajkrat premaknil glavo na levo – na desno, se zravnal in prestrašeno pogledal v Rdečo kapico.

»Zelo slabo,« ji je rekel. »Poslušaj.« Še preden je Viktorju uspelo ugovarjati, se je na njegovih prsih znašla glavica Rdeče kapice.

»Poglej, poglej…« je rekla. »Zelo strašno.«

»Kaj se dogaja? Kaj je narobe z menoj?« je še sam prestrašen vprašal Viktor.

»Zares, povejta, v čem je problem,« je rekel Debelinko.

»Izvolite, poslušajte, srca nima! Njegovo srce ni na pravem mestu! Tako, tudi če je to Viktor, je isto, kot da ni,« je zaskrbljeno zaključil Volk.

»Isto, kot da ni?« se je začudil Debelinko in takoj odšel še on poslušat, če je Viktorjevo srce tam ali ne. Viktor je poskušal ugovarjati, a zaman. Za Debelinkom je začel srce poslušati še Zaspanko.

»On je, ampak tudi ni,« je pojasnjeval Volk. »Na primer, ko sem se pred kratkim bal, nisem bil jaz. Srce mi je od strahu padlo v hlače in bilo je, kot da pred vami stoji zajec in ne volk! Je tako?«

»Točno tako,« je rekel Zaspanko in se pretegnil.

»No ja, tako tudi Viktor … ni Viktor. In niti ne bo, vse dokler se mu srce ne vrne na pravo mesto. In ko se srce vrne …«

»Bo začel dišati po sebi in najbrž bo spet imel sijaj v očeh,« ga je dopolnila Rdeča kapica.

»Nič mi ni jasno,« jim je rekel Viktor. »Zakaj govorite tako?«

A vendar se je med upiranjem globoko v sebi zavedal, da imajo prav. V celoti je izgubil vso navdušenje, ki ga je imel kakor otrok. Vse želje, vse sanje so izginile … kdo ve kam. Poleg tega, če bolje razmisli, spozna, da se resnično ne počuti več kot del Snegomraza. To ga je še bolj vznemirilo.

»No, če je res tako …,« je začel jecljati Viktor …

»Seveda je tako!« mu je strogo odgovoril Volk. »Diagnoza je postavljena! Srce ni na svojem mestu. In pika.«

»In pika,« je z obžalovanjem zavzdihnila Rdeča kapica.

»Ali lahko nekaj vprašam, gospod doktor,« se je Godrnjavko malo zajedljivo obrnil k Volku. »Če njegovo srce ni na svojem mestu, kako ga lahko vrnemo nazaj?«

»Uf,« je rekel Volk.

»Oh,« je vzdihnila Rdeča kapica.

»Ah,« sta vzkliknila Debelinko in Zaspanko.

»Ne jamrajte zdaj vsi, povejte fantu,« jih je jezno pozval Godrnjavko, medtem ko ga je Viktor gledal kot vkopan.

»Mislim, da nisem tak strokovnjak, da bi poznal zdravilo,« je z obžalovanjem rekel Volk. »Lahko pa gremo vprašat babi – to je babica Rdeče kapice, ona zagotovo ve!«

»Jaz pa sem mislil, da si babico požrl,« se mu je posmehoval Debelinko.

Volk je postal jezen in zarenčal, Debelinko in Zaspanko pa sta se začela hihitati.

Pripovedovalec jih je strogo prekinil: »Takoj nehajte! Našli bomo zdravilo. Dajmo, Volk, dajmo, Rdeča kapica … pridružita se nam. Še nekaj skupnih prijateljev pričakujemo.«

Medtem ko sta Volk in Rdeča kapica iskala, kam bi se usedla v mali študentski sobi, je Pripovedovalec nadaljeval s pripovedjo in čarobna megla je zapolnila prostor. Le kaj je sedaj na vrsti, je v obupu pomislil Viktor.

»Nekoč, pred davnimi časi, za sedmimi vodami in sedmimi gorami, v nekem daljnem kraljestvu …«

* * *

Kraljična je bila prelepa kot vse princeske iz pravljic. Oblečena v prečudovito obleko in s kronico na glavi. Princ je bil uglajen, vljuden in hraber že na prvi pogled. Par je stal sredi majhne sobe in gledal Viktorja.

Princ je bil prvi, ki je spregovoril z Viktorjem. »Midva se poznava že od nekdaj, ali ni tako, Viktor?« A Viktor ni vedel, kdo je princ, in je samo pogledal vstran, kot da nekaj išče. Pravzaprav mu je bilo zelo nerodno.

»Se me ne spomniš?« se je začudil princ. »Jaz sem carjevič Ivan brez žar ptice.«

»Carjevič Ivan. Moj ljub lik iz pravljic,« se je spomnil Viktor. »Ampak zakaj brez žar ptice?«

»Če se spomniš pravljic, potem veš, da sem dolgo iskal čarobno žar ptico. Ptico z veliko močjo, ki je nihče nikoli ni ulovil. In mislil sem, da je vse v življenju odvisno od tega, da jo najdem. Mislil sem, da brez njene čudežne moči nikoli ne bom uspel narediti ničesar.«

»Da, in?« je vprašal Viktor.

»In ko se jo končno našel, sem ji pustil oditi,« je rekel carjevič Ivan.

»Zakaj?« se je začudil Viktor. »Se je izkazalo, da ni čudežna?«

»Ne sprašuj neumnosti, vsekakor je čudežna, to je žar ptica,« mu je nepotrpežljivo odgovoril carjevič Ivan.

»Pa zakaj si jo izpustil?« ni bilo jasno Viktorju.

»Ker sem spoznal, da ni bila to, kar sem iskal.«

»Ni bila?« je začudeno vprašal Viktor.

»Ni bila?« sta v en glas vprašala Debelinko in Zaspanko, Godrnjavko pa ju je strogo pogledal.

»Ni bila!« je odvrnil carjevič Ivan.

»Ampak zakaj, kako?« se je še naprej čudil Viktor.

»Zato, ker sem ves čas iskal nekaj drugega. Nekaj, kar je bilo ves čas pred mojim nosom, ampak jaz nisem opazil, da to že imam,« je odgovoril Ivan in se nasmehnil, zroč lepo princeso.

»Kako lahko nekaj iščeš, ne da bi vedel, da to že imaš,« je protestiral Viktor, čeprav mu je postalo jasno, da mu carjevič Ivan želi nekaj povedati.

»Ker stvari v življenju pogosto niso takšne kot v pravljicah, dragi moj Viktor,« je rekel carjevič. »In tisto, kar si srce zares želi, je lahko skrito.

Sijaj dragocenih, nedosegljivih stvari te mami in te prepriča, da jih potrebuješ. Zato moraš od čas do časa postati in prisluhniti svojemu srcu … in mu resnično prisluhniti … in takrat boš vedel, ali si na pravi poti ali ne.«

»Pfff,« se je oglasil Volk. »Pa njegovo srce ni na pravem mestu, nima česa poslušati.«

»Volk, dovolj,« je rekel Pripovedovalec. »Pusti, da slišimo vse, potem bomo debatirali.«

»Jaz sem povedal svoje,« je rekel carjevič. »Sedaj je na vrsti Kraljična z zrnom graha.«

Viktor se je obrnil h Kraljični, ki je stala tam v vsej svoji lepoti in se nežno nasmihala. »A zakaj z zrnom graha?« je vprašal Viktor. »Nisi v pravljici ti spala NA zrnu graha, zaradi česar so vsi videli, da si resnična kraljična.«

Kraljična se je zasmejala s svojim milim glasom. »Spala sem na njem, da. Takrat so vsi videli, da mi je eno zrno graha uspelo napraviti modrico čez vse te tako zelo mehke pernice. Na ta način sem dokazala, da sem resnična kraljična. Po vsem, kar se je zgodilo, sem vzela zrno graha in se nikdar več ločila od njega. Poglej,« je rekla Kraljična in izvlekla majhno, srebrno škatlico, »tukaj je, v škatlici. Vedno ga nosim s seboj.«

»Zakaj?« se je čudil Viktor.

»Da me opominja, da so tudi najmanjše stvari v življenju pomembne. Da lahko včasih neka majhna, na videz nepomembna stvar resnično spremeni življenje – na bolje ali na slabše. Od takrat pazim tudi na najmanjše stvari in jim namenjam pozornost. In ne podcenjujem ničesar, pa naj bo še tako običajno in nepomembno.« Kraljična se je ob tem nasmehnila in princ jo je pogledal z odobravanjem.

A Viktor, Viktor je gledal v tla, preveč ga je bilo sram, da bi dvignil pogled.

* * *

Tretjič in zadnjič, ko je Pripovedovalec odprl prehod v svet zgodb, se je megla svetlikala v prekrasni, celo čarobni svetlobi. Kot da bi bilo v njej na tisoče drobnih zvezdic. Kmalu so se iz megle zaslišali glasovi …

»Pohiti, daj, no, pohiti … ne vleči se,« je zazvenel prekrasen ženski glasek, kot da bi v tem trenutku zvonila množica majhnih, srebrnih kraguljčkov.

»Ne vlečem se, gledam, da nama kdo ne sledi,« je rekel glas, ki je zvenel, kot da pripada mlademu fantu. »Predvidna morava biti, zelo previdna …«

Ko se je megla razkadila, je Viktor takoj prepoznal nova gosta. Njegov najljubši lik iz pravljic – Peter Pan in mala vila Zvončica!

»Peter Pan!« Viktor ni mogel skriti navdušenja. Kakor da bi se v njem ponovno prebudil tisti mali Viktor, ki je verjel v pravljice in ni želel nikoli odrasti.

Peter Pan ga je pogledal in se nasmehnil. »Hej, Viktor, daj petko!«

Viktor je dvignil roko, da bi dal petko. Naenkrat mu je namesto Petra Pana petko dala njegova senca. Peter je stal z rokami, uprtimi v bok, in umiral od smeha.

Zvončica se je namrščila in rekla: »Peter, ne norčuj se iz njega, samo to mu še manjka!«

A Viktor je bil tako vznemirjen, da ga to sploh ni motilo. Začudeno je gledal Petrovo senco, ki je spet postala 'navadna' senca … in ni delala nič drugega kot druge sence.

»Senca te posluša?« je začudeno vprašal Viktor, ki ni vedel, kakšen drug pogovor naj začne s svojim junakom iz otroštva. »Ne beži več?«

»Ne beži,« je mirno odgovoril Peter. »Odločil sem se, da jo pustim, da dela, kar hoče, da vidim, ali je lahko sama. Tavala je malo sem, malo tja, videla svet, naredila je vse, kar je lahko in kar ne bi smela, in na koncu se je vrnila. In sedaj je vedno ob meni. Saj veš, kako je, nečemu, kar je del tebe, ne moreš ubežati.«

In tedaj se je Peter začel glasno smejati. »Preveč filozofiram, kajne? Viktooor, stari, kaj je s tabo? Kolikor sva razumela, ti je srce zbrisalo nekam. Tako kot moja senca, ne posluša, kajne?« se je še bolj smejal Peter.

Viktor ga je samo osramočeno gledal in molčal. Zares pošteno lekcijo mu je dal Peter Pan.

»Njegovo srce ne more biti daleč,« je rekel carjevič Ivan.

»Moramo se potruditi, da ga najdemo,« je rekla Rdeča kapica.

»Pff, nisem povsem prepričan,« se je vmešal Volk.

Debelinko in Zaspanko sta se smejala. Godrnjavko je bil utrujen od vsega in ni več vedel, kam vodi pogovor. In takrat je spregovoril Pripovedovalec in vsi so umolknili.

»Peter, Zvončica,« je rekel Pripovedovalec. »Morda vesta, kako pozdraviti Viktorja? Kako naj vrnemo srce na pravo mesto?«

»Veva,« je rekel Peter. »Zato sva tudi prišla. Mislim, da ne bi smelo biti pretežko. Zdi se mi, da se naš stari Viktor že vrača.« Peter se je nasmehnil in pomežiknil Viktorju.

»Kaj moram narediti?« je vprašal Viktor. V tem trenutku si je resnično želel narediti nekaj, nekaj, kar bi mu pomagalo, da bi se počutil bolje.

»Začeti moraš spet verjeti,« je zazvonila Zvončica z milim glaskom. »Verjeti v nas – pravljice. Verjeti v Snegomraz, v dedka Mraza, v vse lepe

čarobnosti … in verjeti vase! Najbolj vase! In verjeti, da si spet lahko tisti vesel, srečen fant od prej!«

»Verjamem,« je tiho izustil Viktor.

»Če verjameš, potem veš, kaj moraš narediti?« je vprašala Zvončica.

»Povej mi,« je rekel Viktor. »Pomagaj mi …«

»Spomni se pravljice o meni in Petru Panu … spomni se, kako sem se ozdravila po tem, ko me je zloben kapitan Kljuka zastrupil. Takrat, ko sem pojedla zastrupljeno torto, da bi rešila Petra … Kaj me je rešilo takrat, se spomniš?«

»Ploskanje,« je takoj odgovoril Viktor. »Vsi otroci na svetu, ki verjamejo v vile, so začeli ploskati in njihovo verovanje te je pozdravilo.«

»To je tudi tvoje zdravilo,« je rekla Zvončica. »Ploskaj, Viktor, ploskaj in mi pokaži, da verjameš. Ploskaj, da ozdraviš. Ploskajte vsi, dajmo, palčki, dajmo, prijatelji, dajmo, otroci …«

Viktor je začel ploskati. In skupaj z njim so ploskali Godrnjavko in Debelinko in Zaspanko … In carjevič Ivan in Kraljična z zrnom graha in Rdeča kapica in Volk … in Pripovedovalec in Peter Pan … In medtem ko so ploskali, so Viktorju začele teči solze. Bilo je, kot da bi mu z oči padla temna preveza, in razžalostil se je. Razžalostil se je, ker je dojel, kako neumen je bil in kako sebičen in koliko zla je vsem povzročil. In je jokal in ploskal in ploskal in jokal, vse dokler se ni počutil osvobojen vsega zla.

»Počutim se, kot bi se prebudil iz nočne more,« je rekel Viktor drugim. »Ni mi jasno, kaj sem mislil in zakaj sem storil, kar sem.«

»Zato, ker v življenju vsi delamo napake,« je rekel Pripovedovalec. »Še posebej, ko smo mladi. Zato je pomembno, da imamo prijatelje, ki nam vedno stojijo ob strani,« se je nasmehnil in ponosno pogledal palčke.

»Ups, počakaj!« je rekel Volk. »Preverimo, ali se je srce vrnilo na svoje mesto.«

In en po en, vsi so preverjali, vonjali so Viktorja, mu gledali v oči, poslušali njegovo srce … Na koncu so enoglasno zaključili, da je bilo zdravilo uspešno in da se je srce »vrnilo na pravo mesto«. Vsi so bili zelo veseli in so se smejali, a Viktor je bil še vedno žalosten. Zelo mu je bilo hudo in ni si mogel oprostiti, da je naredil toliko neumnosti.

»Kaj lahko naredim?« je Viktor vprašal Pripovedovalca. »Naj se javim očetu?«

»Uhu,« se je zaslišal dobro znan glas sove. Viktor je povsem pozabil nanjo. Pogledal je proti pisalni mizi, pričakoval je, da bo zagledal nadležno, rjavo ptičurino … vendar je namesto nje zagledal najstrožje bitje, kar jih je poznal, 'nočno moro' iz svojih šolskih dni v Snegomrazu …

14. poglavje: Sijaj

… je z ogromno hitrostjo hitel nazaj na daljnji sever. Sneguljčica ni smela izgubljati časa. Viktor je ni želel poslušati, a to je bil manjši problem. Večja težava sta bila George in lord Rich. Kdo bi vedel, kakšne načrte sta kovala v tem trenutku?

Sijaj je bil čudežni severni jelen. Če so snežne sove potrebovale 2–3 ure, da prispejo v London, je Sijaj potreboval le pol ure, da se vrne v Snegomraz. A Sneguljčica se je bala, da je še to preveč, še posebej, ker je tokrat morala poiskati pomoč pri najbolj skrivnostnem prebivalcu Snegomraza …

* * *

Visoko nad Snegomrazom se je dvigala Ledena gora, kraj, ki se ga je Sneguljčica že od nekdaj malce bala. Tja so palčki odhajali kopat v svoje rudnike, sovji mladiči so se tam učili letenja in medvedi so tja hodili taborit. Kljub temu je bila Ledena gora zelo nevarno mesto za otroke, kot sta bila Sneguljčica in Viktor, in zato jima je gospa Rafaela prepovedala, da hodita tja.

A Viktor je bil že od malega svojeglav fantič in Sneguljčica se ni želela ločiti od njega, pa sta nekega zimskega dne odšla raziskat skrivnostno goro…

* * *

Viktor je imel enajst, Sneguljčica pa samo šest let. Kot otroka dedka Mraza sta bila zelo močna in vzdržljiva in nista opazila, kdaj in kako sta se povzpela tako visoko na goro.

Severnik je močno pihal vanju in sneg je naletaval vse gosteje in gosteje. A Viktor je vztrajal, naj se povzpneta še višje in Sneguljčica ni imela druge izbire, kot da ga je poslušala.

»Fuuuuuuu uuuuuuuuf,« je zavijal Severnik v opozorilo. A otroka ga nista poslušala in sta se vzpenjala vse višje in višje. Naenkrat je postalo zelooo hladno. Kljub temu sta Sneguljčica in Viktor prenašala mraz bolje kot katerikoli drugi otroci, takšnega mraza do sedaj še nista občutila.

A Severnik je pihal še bolj neusmiljeno. »Fuuuuuuu uuuuuuuf!«

Viktor si je že premislil. A ko je pogledal navzdol, je dojel, da zaradi snežnega meteža ne vidi ničesar, pot pa je bila strma in nevarna. Sneguljčica je začela jokati in Viktor je bil obupan. Naredil je še nekaj korakov navzgor in nenadoma zagledal odprtino v skali, nekakšen vhod v jamo.

»Hitro,« je rekel Sneguljčici. »Sem se bova zatekla.«

* * *

Jama je bila velika in temna, a dovolj globoka, da sta se lahko zatekla pred mrazom in snegom. »Če bi le imel kaj, s čimer bi zanetil ogenj,« je Viktor rekel Sneguljčici in razmišljal, kako bi ogrel sestro.

Sneguljčica se je tresla od mraza, vendar je bila presrečna, da se je skrila pred snegom in Severnikom. Medtem ko je Viktor raziskoval, je Sneguljčica opazila, kako se je nekaj premaknilo globoko v temi jame.

»Viktor,« je prestrašeno zavpila, »tam je nekaj.«

Viktor se je obrnil proti mračnemu delu jame in res, nad njiju se je dvigalo nekaj velikega – nekakšna žival z očmi, ki so se svetile v mraku. Takrat je velik črn medved stopil pred njiju in se povzpel na zadnje noge. Viktor in Sneguljčica nista bila vajena srečevati črnih medvedov. V Snegomrazu so živeli samo beli polarni medvedje.

Viktor se je, tudi sam malo prestrašen, postavil pred Sneguljčico, da bi jo zaščitil in zakričal medvedu: »Pridi sem, če si upaš, ti zlobni stvor.«

Medved mu je odgovoril s hladnim, ženskim glasom: »Viktor Mraz, pričakovala sem, da te je gospa Rafaela bolje vzgojila. Pričakovala sem, da mi bo voščil dober večer.«

Viktor in Sneguljčica sta zmedeno gledala velikega, črnega medveda, ki se je pred njunimi očmi spremenil v žensko z dolgimi, črnimi lasmi, plaščem iz medvedjega krzna in sekiro, pripeto za pasom.

* * *

Bila je Mira Črna Medvedka, ki ju je odvedla globoko v jamo. Z roko je odrinila veliko skalo, kot da bi bila peresce. Za njo se je odprla velika, lepo urejena jamska hiša, osvetljena, topla in udobna.

Mira ju je popeljala v veliko kuhinjo in jima molče postregla s toplo obaro. Otroka sta se bala spregovoriti, ker pa sta bila zelo lačna, sta pojedla obaro.

Ko sta se ogrela in najedla, ju je Mira pogledala s prodornim pogledom in rekla: »To je bilo zadnjič, da sta naredila takšno neumnost. Ali vama Nikolaj in Rafaela nista povedala, kako nevarna in nepredvidljiva je gora?«

Viktor je samo molčal in gledal v tla. Sneguljčica je gledala Viktorja, a ga ni hotela izdati. Miri pa je bilo vse jasno.

»Nocoj bosta ostala tukaj. Gospe Rafaeli bom takoj poslala sporočilo, kje sta, da je ne bo skrbelo, a burja je tako močna, da nas nocoj ne bosta mogla doseči. Severnik je danes zelo slabe volje in ne bo nikomur dovolil, da se sprehaja po njegovi gori.«

»Kako pa boste poslali sporočilo?« je vprašal Viktor.

Mira ga je samo ošinila s pogledom in zažvižgala. Naenkrat je od nikoder pritekla majhna miška. »Pojdi,« ji je rekla. »Samo pod zemljo, nikakor nad njo, da ne boš zmrznila. Naravnost do gospe Rafaele, saj je revica sigurno že vsa iz sebe od strahu.«

In miška je brez besed izginila na isti način, kot je prišla.

Mira je pogledala otroka: »Čas je za spanje,« je rekla. »Pridita z menoj.«

* * *

Viktor in Sneguljčica sta ležala v veliki, topli postelji, pokrita s toplim medvedjim krznom. Blizu njiju je gorel ogenj v velikem ognjišču. Mira se je usedla v udoben, improviziran naslanjač ob ognju, prav tako pokrita z medvedjim krznom.

»Sedaj vama bom povedala zgodbo,« jima je rekla Mira. »Zgodbo, za katero je zelo pomembno, da si jo zapomnita. In potem mi lahko vsak od vaju postavi eno vprašanje, na katerega bom odkrito odgovorila. Lahko me vprašata, kar želita. A na vajinem mestu bi dobro razmislila, kaj vprašati.« In Mira se je nasmehnila prvič in zadnjič v tem večeru.

* * *

»Zgodba je v bistvu zgodovina, a ker vključuje veliko pripovedovanja, mi je lažje, če jo imenujem zgodba,« je zamišljeno govorila Mira, strmeča v ogenj. »Kot vesta, je Snegomraz čarobno in skrito mesto, o katerem nihče – ampak prav noben tujec ne sme nikoli izvedeti ničesar. Tako je bilo od nekdaj in tako mora biti. Dolžnost vseh prebivalcev Snegomraza je, da čuvajo to skrivnost.«

»Tisto, kar je najpomembnejše za Snegomraz, je to, da je kot ostala čarobna mesta neviden za tujce. To je njegova največja skrivnost in tako uspeva ostati nedotaknjen od slabih ljudi. Na primer, če Snegomraz preleti kakšno letalo ali če ljudje na saneh uspejo priti do sem, ti ne vidijo ničesar razen ogromne, prazne, snežne prostranosti. Kakor da je vso mesto in vse okoli njega pokrito z ogromno tančico ali s kupolo, ki ga naredi nevidnega in nedostopnega.«

»Vendar, včasih, zelo redko, nekaterim ljudem, ki niso iz Snegomraza, uspe priti sem. Uspe jim ga najti. Se sprašujeta, kako? To so izjemni ljudje, ki verjamejo v njegov obstoj (za razliko od večine ljudi, ki sploh ne vedo, da obstaja). Ljudje z ogromnimi srci, v katerih tli želja po avanturah, po malo magije, po ustvarjanju lastnih sanj … Samo tisti dobri, pametni in posebni ljudje lahko zaradi svoje velike želje in svoje vztrajnosti pridejo v Snegomraz. Za ljudi, ki verjamejo vanj in imajo velika ter čista srca, Snegomraz ni neviden. Ravno nasprotno, celo blešči se iz daljave, medtem ko se mu približujejo … želi jim pokazati pot.«

»Po drugi strani obstaja veliko slabih ljudi s črnimi in gnilimi srci, ki Snegomraz iščejo stoletja. Ti ljudje vedo, da obstaja in ga želijo najti za vsako ceno, a ta je zanje neviden. Zato ti celo življenje iščejo tiste, ki so povezani s Snegomrazom (ne glede na to, ali so njegovi prebivalci ali so nekoč samo živeli tukaj), in se jim želijo pridobiti na svojo stran. Pravzaprav je edini način, da zli ljudje pridejo v Snegomraz s pomočjo njegovih prebivalcev. Zato je tako pomembno, da se čuva skrivnost njegovega obstoja. Če komu od teh ljudi uspe vstopiti v Snegomraz, to pomeni konec za vse nas.«

»Zakaj konec za vse nas?« je vprašal Viktor. »Pa mi se vendar lahko borimo s temi slabimi ljudmi?«

Mira Črna Medvedka je pogledala Viktorja z najstrašnejšim možnim pogledom, ki si ga lahko zamislite. »Kaj sem rekla o postavljanju vprašanj in prekinjanju zgodbe?« je strogo vprašala.

Viktor se je skril pod medvedjo kožo in izustil piskav 'oprostite', Mira pa je nadaljevala z zgodbo … ali zgodovino.

»Če komu od teh ljudi uspe vstopiti v Snegomraz, se bo čarovnija zlomila in mesto ne bo več nevidno. Takrat lahko sem pride kdorkoli in dela karkoli. Pride in uniči naš način življenja. Uniči vsa edinstvena, čudežna bitja, ki živijo tukaj. Vnese sovraštvo, zlobo, ljubosumje, pohlep, denar, kriminal … stvari, ki pri nas ne obstajajo … in ki jih niti ne potrebujemo.«

»Viktor, seveda se lahko branimo,« je odgovorila Mira, gledala ogenj in nežno, kakor da bi bila dete, božala sekiro, ki se je, bog ve kako, znašla v njeni roki. »Moramo se braniti. Zato smo vedno pripravljeni. Mi, medvedja straža Snegomraza in vsi drugi prebivalci. Ampak branimo se lahko samo, preden kdo vstopi v mesto. Potem bi bilo vse zaman, pa naj se borimo še tako goreče.«

Otroka sta molčala. Nekaj časa je molčala tudi Mira in gledala ogenj. Nato se je obrnila k njima in ju pogledala.

»Ali sta se spomnila, kaj bi me rada vprašala?« jima je rekla.

Otroka sploh nista razmišljala o vprašanjih, a ker ju je že vprašala, je Viktor izstrelil kot iz topa.

»Da, sva,« je rekel.

»Hah,« je zavrisnila Mira. »Hitiš, fantič. A si pomislil, če je to pravo vprašanje?«

Viktor sploh ni razmišljal, če je to pravo vprašanje. To je bilo preprosto vprašanje, na katerega je želel odgovor, in to je Miri tudi povedal.

»Da slišim,« je rekla Mira.

»Kaj je medvedja straža? Kako brani Snegomraz? Z bojem in še s kakšno čarovnijo?« ni nehal spraševati Viktor.

Mira ga je opazovala in Sneguljčica se je zazdelo, da se je za trenutek celo nasmehnila, ampak ko je pogledala bolje, je videla, da je Mira stroga in strašna kot prej.

»Uhhh. Bljak. Čarovnija!« je zamrmrala Mira. »Kaj je to za ena beseda? Čarovnija! Ti pa res veš, kaj so čarovnije. Na to besedo nočem niti pomisliti. No, da odgovorim na tisto drugo. Medvedja straža … To so zelo sposobni beli medvedi Snegomraza, usposobljeni za boj, katerih osnovna naloga je, da branijo mesto in njegovo okolico. Dajmo, naslednje vprašanje,« se je obrnila k Sneguljčici.

»Samo toliko boš odgovorila?« se je pritožil Viktor. »Še nekaj bi rad vprašal, vi ste glavna poveljnica vseh medvedov? V … v straži?«

»Samo toliko. Eno vprašanje sem rekla, a ne?« mu je zarenčala Mira. »Sneguljčica, tvoje vprašanje?«

Sneguljčica je imela čas za razmislek, a ker je bila še majhna, je mislila, da njeno vprašanje ni pravo vprašanje. To je Miri tudi povedala. A Miro je zanimalo vprašanje in Sneguljčica je končno spregovorila.

»A kako … kako lahko nek prebivalec Snegomraza pripelje te ljudi sem, če je mesto nevidno za slabe ljudi? Ali ni za njih neviden, a viden samo za dobre ljudi?« To Sneguljčici nikakor ni šlo v račun, pa je morala vprašati.

»Na žalost,« je rekla Mira in strogo pogledala Viktorja. »Če kak prebivalec Snegomraza preide na stran zla, če se njegovo srce pokvari in se odloči, da jih sam pripelje do mesta in vanj, ti lahko vstopijo. Prebivalci imajo moč napraviti mesto vidno za vsakogar.«

»A v Snegomrazu živijo samo dobri ljudje. Nihče ne bi naredil tega, kajne?« je prestrašeno vprašala Sneguljčica.

»Upajmo,« je zamrmrala Mira. »Upajmo …«

Bilo je že pozno in otrokoma se je zelo spalo. Mira je sedela in zamišljeno gledala ogenj. Potem je začela tiho peti pesem v nekem neznanem jeziku, ki ga Sneguljčica še nikoli prej ni slišala. Viktor je že spal in Sneguljčica je počasi tonila v sen. Medtem ko je dremala, se ji je zazdelo, da je v plamenih, ki so goreli v ognjišču, zagledala slike – množico belih medvedov, ki se borijo s slabimi ljudmi. Ljudmi, ki so prišli napast Snegomraz … Med njimi je stala Mira, s plaščem, ki je plapolal v vetru, in s sekiro v roki, močna in neustrašna …

* * *

Sijaj se je približeval Ledeni gori. Za razliko od noči pred mnogimi leti je bila Ledena gora tiha in spokojna. Ne duha ne sluha o jeznem Severniku. Sneguljčica se ni točno spomnila, kje je bila Mirina jama, a verjela je Sijaju

in njegovemu brezhibnemu vidu. Severni jeleni dedka Mraza so bili znani po tem, da so videli zelo daleč in opazili najmanjše podrobnosti.

Sijaj je krožil okoli gore, kot bi to počelo majhno letalo ali helikopter. Letel je hitro, ker je vedel, za kako nujno stvar gre. V nekem trenutku je skoraj obstal in se počasi spustil na majhno pobočje.

»Tam,« je Sijaj pokazal Sneguljčici.

In res, pred njima se je v skalah odprl pogled na vhod v jamo. Sneguljčica ni bila povsem prepričana, da je to isto mesto, a bilo je vredno poskusiti srečo.

»Počakaj me tukaj,« je rekla Sijaju in se začela vzpenjati. Pred vhodom v jamo je rahlo oklevala, nato pa pogumno vstopila, in, poglej čudo, notranjost jame je bila osvetljena z gorečimi baklami, ki so označevale pot v notranjost. Sneguljčica je morala samo slediti baklam. Tako je uspela priti do velike skale, vhoda v Mirin jamski dom. Skala je bila priprta, točno toliko, kot je Sneguljčica potrebovala, da se zmuznila noter.

Čim je vstopila, se je skala zaprla za njo, a Sneguljčica se ni prestrašila. Bilo ji je jasno, da jo Mira pričakuje. Ko je uspela najti veliko kuhinjo, katero je prvič obiskala z Viktorjem, Sneguljčica ni mogla skriti nasmeha. Zalotila je Miro, kako pripravlja obaro, prav tako kot takrat pred mnogimi leti. Mira je samo na kratko pogledala Sneguljčico in ji rekla: »Zamujaš! Obara se ti bo shladila.«

V tistem trenutku se je Sneguljčica borila z ogromno željo, da bi skočila k Miri, jo objela in poljubila. Bila je tako srečna, da jo je Mira pričakala na tak način. To ji je samo potrdilo, da je prišla na pravo mesto.

Sneguljčica je sedla za veliko mizo in s slastjo pojedla obaro. Kdo ve, kdaj je nazadnje jedla, a je prepotovala skoraj polovico Zemljine oble. Ko se je najedla, je Sneguljčica pogledala Miro. Mira je sedela in gledala ogenj, nad katerim je visel kotel z obaro.

»Dobro je, dobro,« je mrmrala Mira. »Tvoj brat se je spametoval, končno. To nama olajša delo do neke meje. Zunaj se dani,« se je obrnila k Sneguljčici, »a mi imamo čas do večera. Jaz – da organiziram svojo stražo, a ti in tvoj severni jelen – da si spočijeta.«

»Ampak,« je protestirala Sneguljčica, »želim pomagati!«

»Pomagala boš zvečer. A sedaj, takoj spat! Kdor ni dobro spočit, se ne more boriti v moji straži.«

Sneguljčica je bila ponosna, ko je slišala, da bo tudi ona del straže. Mira jo je peljala v velik prostor, kjer je pred mnogimi leti kot otrok poslušala zgodbo. Tukaj je bil ob velikem ognjišču že ugnezden Sijaj. Mali severni jelen je prav tako povečerjal in sedaj je mirno dremal. Mirine mišje pomočnice so ga poklicale noter in pogostile.

Sneguljčica je legla v veliko posteljo in se pokrila z medvedjim krznom. »Kaj če je mama v skrbeh?« je vprašala.

»Nič ne skrbi,« je odgovorila Mira. »Poskrbela bom, da bodo vsi obveščeni. Ti si samo odpočij. Lepe sanje.«

Mira je izginila po temnem hodniku jamske hiše, Sneguljčica pa se je potopila v globok spanec.

15. poglavje: Lord Rich

… je nepotrpežljivo čakal Georgea, da se vrne iz Cambridgea. Če je to, kar mu je povedal, res in če je mladi Viktor odšel v čarobno mesto, ki ga že tako dolgo išče, potem bodo našli način, da mu sledijo.

Moj idiotski sin je vsaj eno nalogo opravil tako, kot je treba – je pomislil lord in pozvonil na majhen zvonček ob vratih svoje delovne sobe.

Nekaj minut kasneje se je pojavil butler lorda Richa. »Želite, moj lord.«

»Je vse v redu? Ali je pilot pripravljen za letenje?«

»Da, lord, vse smo naredili po vaših navodilih. Pilot je v letalu in vas čaka na pisti. Vaši telesni stražarji so pripravljeni in čakajo na vaša navodila. V tovornem delu letala so shranjene motorne sani in druga oprema.«

»V redu. Lahko odideš,« je živčno odgovoril lord Rich. V bistvu je bil tako vznemirjen. Končno bo uspel uresničiti svoje sanje in priti v skrivnostno mesto.

* * *

Ure prej se je George pritihotapil v zgradbo, v kateri je živel Viktor v študentskem naselju v Cambridgeu. Poskušal je nekako odkriti, kje je Viktor in kaj dela. Ker ni mogel kar tako vdreti v njegovo sobo, je George dolgo razmišljal in taval po hodnikih zgradbe, da bi se spomnil, kaj lahko naredi.

Takoj zraven Viktorjeve sobe je bila majhna shramba. To je bil prostor, kjer so študentje lahko pustili svoja kolesa in kakšne druge stvari, ki niso spadale v njihove sobe. Te shrambe so bile zaklenjene in ključe so imeli vsi študentje bližnjih sob. Vrata so bila stara, čas je načel ključavnico, zato je Georgeu ni bilo težko zlomiti in se prikrasti noter.

V malem prostoru je bilo veliko okno, ki je vodilo na majhen, zelo ozek balkon. Nasproti je George videl takšen, povsem enak balkon, za katerim se je nahajalo okno Viktorjeve sobe. Vzdolž celotne stavbe v študentskem naselju se je med obema balkonoma raztezala kamnita ograja, dovolj široka, da se je lahko nekdo premikal po njej.

George se je malo bal višine, vendar ni imel druge izbire, kot da opravi nalogo, ki mu ju je dal oče. Ni smel napraviti napake in se mu izneveriti, čeprav mu je bila naloga mučna. Tokrat je moral očetu dokazati, da je sposoben opraviti nalogo, ki mu jo je zaupal. Mora mu dokazati, da je lahko njegov naslednik. Mogoče ga bo potem oče končno pohvalil, morda ga bo celo objel … sploh pa izguba dediščine za Georgea nikakor ni prišla v poštev!

Počasi se je povzpel čez ograjo balkona in obstal na kamniti ograji. Trudi se je ne gledati navzdol in počasi, korak za korakom, se je približeval Viktorjevemu oknu. Ko je prišel do njega, se je prilepil ob zid in počasi pokukal skozenj.

Viktor je bil v sobi. Nekaj je pisal na prenosnem računalniku, s čudnim nasmehom na obrazu. George je pozelenel od jeze in ljubosumja! Viktor si sigurno dopisuje z Mino Jones. George si nikakor ni mogel oprostiti, da jo je predstavil Viktorju.

»Preklet naj bo!« je pomislil George. V tem trenutku je Viktor obrnil glavo proti oknu in George se je sklonil pod okno. »Če me vidi, bo vsega konec,« se je prestrašil George.

Viktor je vstal in se približal oknu. Georgea je oblil mrzel pot. »Samo naj ne pogleda na desno, samo naj me ne vidi,« si je mislil.

Viktor se je zazrl skozi okno, v luno, ki je bila nocoj neverjetno velika, potem pa se je vrnil, brez da bi opazil Georgea. George je dolgo časa stal čisto pri miru in razmišljal, kaj naj naredi. Naj se vrne v shrambo in čaka? Ni bil prepričan. Čez nekaj časa se je odločil, da bo preveril, kaj počne Viktor, potem pa se je odločil za naslednji korak. Zravnal se je in se zazrl skoti okno ter pomislil – sreča! Viktor je zadremal ob prenosniku.

Počasi je splezal na balkon in rahlo odrinil okno. To se je odprlo, George pa je počasi švignil v sobo in se približal spečemu Viktorju. Zagledal se je v ekran prenosnika in v trenutku še bolj zasovražil Viktorja. Z Mino sta si izmenjevala ljubezenska sporočila!

A George ni smel izgubljati časa z razmišljanjem o tem. Iz žepa je izvlekel majhno kovinsko ploščico, nekakšno značko … tiho, po prstih je odšel in jo pripel v notranji del Viktorjeve jakne.

»Značka je v bistvu oddajnik, ki nam bo pomagal slediti mlademu Mrazu,« je lord Rich rekel Georgeu, preden je ta odšel v študentsko naselje. »Pošiljala nam bo signal in nam kazala, kje je Viktor v vsakem trenutku. Torej, če bo odšel na sever, kar bi se moralo zgoditi v kratkem, bomo vedeli, kje je, in bomo preko njega prišli do Snegomraza. Medtem morava delati še na drugem načrtu – kako ga pridobiti na najino stran.

Upam, da nama bo ta načrt uspel, četudi nama ne uspe, je tukaj sledilna naprava. Pripravljena morava biti na oba scenarija.«

* * *

George se je vrnil nazaj v majhno shrambo. V bistvu je bila naloga, ki mu jo je naložil oče, opravljena – oddajnik je bil pripet na Viktorjevo jakno. A nekaj Georgeu ni dalo oditi. Imel je čuden občutek, da se bo nekaj zgodilo. Zato se je odločil počakati. Nekaj časa je samo sedel v shrambi, nekaj časa je bil na balkonu in gledal nebo. Luna je počasi zahajala in postajalo je vse temnejše in temnejše, kar je bilo dobro. Georgu nocoj sploh ni bilo všeč, kako je izgledala! Kakor da ga je čudno gledala in mu grozila …

»Samo zdi se mi,« je pomislil George. Vseeno je bil vesel, ko je popolnoma zašla in je nebo postalo povsem temno.

Med gledanjem v nebo je George naenkrat opazil nekaj velikega, kako leti in se približuje zgradbi študentskega naselja. Sklonil se je in se skril za ograjo, še vedno pa je lahko videl, kaj se je dogajalo zunaj.

Ogromna ptica – da, to je bila ptica, natančneje sova! – ogromna svetla sova (bela? – George v temi ni dobro videl), velika skoraj kakor konj! (ali natančneje – kakor konj s krili!), je počasi letela točno proti Viktorjevem oknu.

Čim se je približala oknu, se je sova naenkrat začela manjšati in spreminjati barvo. Iz ogromne, svetle sove se je spremenila v majhno, čisto navadno temno sovo. »Le kakšna čarovnija je to?« George ni mogel verjeti svojim očem.

Sova je pristala na balkonski ograji in začela skovikati: »Uhu! Uhu!«

Čez nekaj časa se je odprlo okno in sova je zletela v sobo! Ohhh, ko bi le lahko šel in videl, kaj se dogaja – si je grizel ustnico George in se komaj zadrževal. A v tem trenutku se mu je to zdelo popolnoma neizvedljivo, še posebej, če je želel ostati neopazen. Viktor se je zagotovo prebudil, kako je sicer sova vstopila? George je skrbno zaprl okno za sabo, ko je odšel od tam.

George je oprezal še nekaj časa. Ko je že pomislil, da se ne bo zgodilo ni več in se pripravljal, da se vrne v shrambo in malo ogreje, je okoli zgradbe študentskega naselja priletel severni jelen in na njegovem hrbtu – dekle! »Sanjam,« si je rekel George. A severni jelen je bil tukaj in prav tako dekle. Še enkrat sta obkrožila zgradbo, potem pa je severni jelen obstal ob Viktorjevem oknu. Dekle se je spustilo z njegovega hrbta in izginilo v notranjost.

»Sedaj pa ne razumem ničesar več,« si je George nepotrpežljivo grizel ustnico in razmišljal, kaj storiti. Čakal je in čakal še dolgo, se vračal notri

in spet stopal ven. V nekem trenutku je opazil, kako je dekle spet na hrbtu severnega jelena in z veliko hitrostjo leti skozi nočno nebo.

»Teslo. Vse nas boš uničil!« je zaklicala, medtem ko je Viktor zrl v njo skozi okno. George se je hitro skril v shrambo in skoraj nehal dihati. »Kaj naj naredim sedaj?« je pomislil. »Počakam ali grem?«

Kljub vsemu se je odločil, da ostane še malo. Sedel je v shrambi in od utrujenosti zaspal. Ko se je prebudil, se je zunaj danilo. Odšel je na balkon in pogledal proti Viktorjevi sobi, ko – okno se je odprlo in iz njega je odletela ogromna bela sova. Na njenem hrbtu je sedel Viktor!

»V Snegomraz,« je zaklicala sova in odletela in za njo – neverjeten prizor! Sledila ji je množica vseh čudežnih bitij: majhna svetloba, ki se je dvigala in vodila druge, sledili so ji trije palčki, en angleški kavalir, otrok v zelenih oblačilih (Peter Pan???), princ in princesa, volk (!) in na koncu še Rdeča kapica.

»Svet je znorel. Ali pa sem znorel jaz, nekaj od tega,« si je rekel George in izvlekel mobilni telefon. To je moral povedati očetu, pa čeprav še sam ni povsem verjel temu, kar je videl.

16. poglavje: Vseved Beli

… je dolgo molčal in gledal Viktorja. Med to tišino se je Viktorju zazdelo, da je Vseved še bolj zrastel, njegovo perje pa je postajalo vse bolj belo in belo. Naenkrat je stal pred njim v vsej svoji veličini – velikanski snežni skovir, nočna mora vsakega učenca šole 'Severko Mrzel' v Snegomrazu.

Vsi okoli so utihnili in kakor, da bi postali manjši kot zrnce peska, razen Pripovedovalca, ki je položil roko na Viktorjevo ramo in prvi spregovoril z Vsevedom.

»Dober večer ali natančneje, dobro jutro, stari prijatelj.«

Viktor je pogledal skozi okno in opazil, da se je nebo začelo svetliti. Zora se je počasi prebujala in pretegovala roke in vsa čarovnija te čudne noči je počasi izginjala.

Vseved Beli je pokimal in pozdravil Pripovedovalca: »Dobro jutro, David.«

Palčki so se spogledali. To je bilo prvič, da so slišali njegovo pravo ime.

Vseved se je ponovno strogo zazrl v Viktorja, Viktorju pa je komaj uspelo izdaviti: »Zelo mi je žal za vse, kar sem storil. Jaz, jaz nisem hotel!«

Vseved Beli je še nekaj časa molčal, nato pa rekel: »Tudi meni je žal, Viktor. Verjamem, da se iskreno kesaš, a zakon je zakon. Vrniti se boš moral z mano v Snegomraz. Sojenje bo čez dva dni.«

Viktor je prebledel. Palčki in ostali prisotni so se vznemirili, a nihče si ni drznil ugovarjati. Vseved Beli je imel prav. Vedelo se je, da se mora vsak, ki prekrši zakon, soočiti z Vrhovnim sodiščem Snegomraza.

»Ampak, ampak …« je rekel Viktor. »Nočem tega!«

»Tudi jaz si ne želim tega,« je odgovoril Vseved. »Ampak tak je zakon. Imel boš možnost, da se zagovarjaš pred sodiščem, imel boš dobrega odvetnika, ki te bo branil, ni tako, David?«

Pripovedovalec je pogledal Viktorja in mu rekel: »Tvoj odvetnik bom, Viktor. Zaključil sem pravo, preden sem se začel zanimati za književnost, zato me je Vrhovno sodišče Snegomraza imenovalo kot odvetnika za obrambo – kadar je potrebno. Čeprav ti moram povedati, da bom prvič zastopal nekoga. Ampak ne obremenjuj se, vsi prisotni tukaj bodo priče. Pričali bodo v tvojo korist!«

Vsi so začeli navdušeno govoriti in zagotavljati, da bodo prišli pričat v Snegomraz, Vseved jih je prekinil.

»Iti moramo,« je rekel. »Moja dolžnost je, da tega fanta privedem v Snegomraz. Viktor, prosim, obleči jakno in vzemi stvari, ki jih potrebuješ. Takoj odhajamo. Zvončica, prosil bi te, da vse prisotne posipaš z malo zvezdnega prahu. Če ste vsi tukaj priče, morate tudi vi v Snegomraz. Pot je dolga, torej – leteti moramo.«

Zvončica se je nasmehnila in začela letati nad palčki in ostalimi gosti ter jih posipala z zvezdnim prahom.

»Tako, tako, malo zvezdnega prahu za vsakega,« jo je nadzoroval Vseved. »Za vse, razen za Viktorja. Ta bo letel z menoj.«

* * *

Medtem je gospa Rafaela spala in nemirno sanjala. Od časa do časa se je kakor v deliriju prebudila, zrla je na prazen prostor poleg sebe. A Nikolaja ni bilo. K sreči je opazila, da ni povsem sama. Zvit ob njenih nogah je spal mačkon Maks, njen ljubljenček in zvesti prijatelj. Maks je kot vse druge živali v Snegomrazu znal govoriti, čeprav je, bodimo iskreni, to le redko počel.

»Ničesar ti nimam povedati,« je nekoč rekel gospe Rafaeli. »Zato raje molčim.«

Rafaela je bila hvaležna, da je bil vsaj on tukaj z njo. A ni je mogel rešiti pred morami. Mučile so jo celo ob zori, ko je že povsem odprla oči in je samo tako ležala v postelji ter zrla skozi okno. V nekem trenutku je Maks dvignil glavo in zastrigel z ušesi. Začel je premikati brke in vohati zrak.

»Maks, kaj je?« je vznemirjeno vprašala gospa Rafaela.

Maks je skočil iz postelje in stekel v kot sobe, v posteljo pa se je vrnil že čez nekaj sekund – v ustih je držal miš! Gospa Rafaela bi verjetno zavreščala, če bi to bila navadna miš, a miši Snegomraza so bile, se ve, nenavadne miši. Ko je Maks nežno spustil miš na posteljo, jo je Rafaela pogledala in takoj vedela, kdo jo je poslal.

* * *

»V Snegomraz,« je zaklical Vseved in poletel proti nebu. Viktor se je namestil med njegova krila, kot bi jezdil krilatega konja. Viktor je bil fant iz Snegomraza in takšno letenje zanj ni bilo nič nenavadnega. S Sneguljčico sta kot otroka pogosto letala na snežnih sovah in severnih jelenih dedka Mraza.

A dejstvo, da je Viktor letel z Vsevedom, ki se ga je, če smo iskreni, že od nekdaj bal, in poleg tega, v tem trenutku ni šel na sprehod, temveč na sojenje – to ga je pahnilo v obup.

Vendar, ko je pogledal nazaj, je imel kaj videti. Razgled je bil kljub vsemu njegovemu obupu zares smešen.

Takoj za Vsevedom, ki je skupaj z Viktorjem letel na čelu povorke, sta bila Zvončica in Peter Pan, ki sta za razliko od drugih znala leteti in sta se važila z različnimi piruetami v zraku. Za njima sta, držeča se za roke, letela carjevič Ivan in Kraljična, elegantna kot vsi princi in princese. Vsake toliko se je Viktorju zazdelo, da celo plešeta, tako zelo sta bila elegantna.

In preostanek druščine – za umret smešni! Godrnjavko je komaj lovil ravnotežje in se očitno bal letenja, Pripovedovalec ga je moral kdajpakdaj opogumljati, rekoč mu, da letenje z zvezdnim prahom ni nič strašnega. Debelinko se je ne glede na svojo prekomerno težo zelo dobro znašel in bil očitno srečen, da leti. A ves čas je moral paziti na Zaspanka, ki je med letom zaspal in začel padati … na kar sta ga Debelinko ali Pripovedovalec šla iskat in ga prebudila.

Volk in Rdeča kapica sta bila še bolj smešna. Če se je Godrnjavko bal letenja, potem je bil Volk prvak v strahu! Srce mu je spet padlo v hlače in moral je leteti z zaprtimi očmi, Rdeča kapica pa ga je vodila.

»Le kaj bi pomislil nekdo, ki bi nas gledal od daleč?« si je rekel Viktor. »Poglejte nas, mirno se lahko imenujemo 'Leteči cirkus Viktorja Mraza'.« Ta misel ga je tako razveselila, da se je začel glasno smejati … in se je smejal in smejal …

Vseved se je obrnil in ga zmedeno pogledal. »Hah,« je pomislil Viktor, »no, še to mi je uspelo, da sem zmedel Vseveda. Ne vem, če je komu že kdaj uspelo kaj takšnega.«

Ta misel je pri Viktorju sprožila nov val smeha …

* * *

Ko se je spustila v dnevno sobo, je gospa Rafaela obstala med vrati in oči so se ji zasolzile. Dedek Mraz je zaspal na svojem naslonjaču, kar v škornjih, ki si jih ni uspel niti sezuti. Ogenj je povsem ugasnil in prostor je bil mrzel. Nemirno je spal v naslanjaču, očitno sanjajoč nočno moro, in tiho nekaj mrmral.

»Prebudi se, medo moj,« je nežno rekla Najdražja. »Nik … vstani, čas je, da se prebudiš.«

»Ooohh, Samovila …« je vzkliknil dedek Mraz. »Samovila …«

»To pa je nekaj novega,« mu je rekla Rafaela in se nasmehnila. »Še nikoli mi nisi rekel samovila.«

Dedek Mraz je zmeden pomel oči. Zazrl se je v gospo Rafaelo, nato pa pogledal naokoli, iščoč Samovilo. A od njej – ne duha ne sluha!

»Kje je Samovila?« je zaspano vprašal dedek Mraz.

»Samovila?« se je začudila gospa Rafaela. »Sanjal si, medo moj, tukaj ni nobene samovile.«

»Bila je Samovila,« se je pritožil dedek Mraz. »Tukaj je bila, nisem sanjal. Imela je prekrasne srebrne lase in ene takšne vijolične oči, da, ko te pogleda …« in dedek Mraz je prišel k sebi, ker se je ob teh besedah Najdražja začela mršiti.

»Vsekakor so tvoje oči mnogo lepše,« je takoj dodal dedek Mraz. »Modre kot nebo!«

»Mhm …« ga je sumničavo gledala gospa Rafaela, potem pa se je spomnila miši in se zresnila. »Takoj ti moram povedati, kaj se dogaja,« je razburjeno rekla. »Mira je poslala sla …«

* * *

Medtem ko je z naglico vpregel severne jelene v sani, je dedek Mraz razmišljal o sinočnjem večeru. Kaj od tega je bila resničnost in kaj sanje? Je Samovila prišla k njemu ali je bila samo del sanj? Izgledalo je tako resnično! Dedek Mraz enostavno ni mogel verjeti, da ta ne obstaja … In po drugi strani, kaj je z željo, ki je obljubila, da jo izpolni?

»Torej, veš, kaj je tisto, kar si tvoje srce najbolj želi?« ga je vprašala Samovila, medtem ko sta potovala skozi meglo, iz Sveta sanj nazaj v resničnost.

»Vem,« je odgovoril dedek Mraz. »Od nekdaj sem vedel. Veliko stvari je, ki jih ima srce rado: mojo Najdražjo, moje otroke … celo tega malega nebodigatreba Viktorja … rad imam Snegomraz in vse njegove prebivalce in svoje zveste severne jelene in svoje ljube palčke … vendar obstaja nekaj, kar si srce najbolj želi in nič ni pomembnejšega od tega. To so otroški nasmehi! Zaradi tega obstaja dedek Mraz, to je edina zapuščina

mojega očeta in njegovega očeta pred njim in njegovega pred njim … Zato obstajamo in smo obstajali – da osrečujemo otroke.«

»Potem vem, katero željo ti moram izpolniti,« se je nasmehnila Samovila in dedek Mraz se je potopil v njen prekrasen vijoličen pogled.

To je bilo zadnje, česar se je spomnil od pretekle noči.

* * *

Gospa Rafaela se je bližala oknu. Njen Nikolaj, njen dragi medo, se je povzpel na sani, pogledal k njej, ji pomahal – in odletel proti nebu z največjo možno hitrostjo. Mira ga je že nepotrpežljivo čakala.

»Ah,« je zavzdihnila Najdražja in pobožala Maksa, ki je skupaj z njo zrl čez okno. »Kaj vse se lahko zgodi v enem samem dnevu.«

V tem trenutku se je Maks vidno naježil, nepremično strmeč čez okno. Gospa Rafaela se je ozrla, da bi videla, kaj ga je vznemirilo.

»Nič posebnega ni, Maks,« mu je rekla, »jata ptic, vidiš?« Ko je bolje pogledala, je bilo tisto, kar se je zdelo kot jata ptic, nekaj povsem drugega…

* * *

Sneguljčica je sanjala bele medvede.

Mira je stala med njimi in jim dajala navodila, medvedje pa so kimali z velikimi belimi glavami. Nato so se medvedje začeli vzpenjati po snegu … množica belih medvedov v belem snegu, snežinke pa so padale in padale …

Sneguljčica se je prebudila in opazila, da ni sama.

Ob ognjišču so stali Sijaj, Mira in – očka Niki! – in gledali v ogenj. Plameni so risali čudne slike … Letalo, ki pristaja v snegu … Več ljudi z motornimi sanmi, ki hitro vozijo, hiteč nekam. In bele medvede, veliko belih medvedov, ki jih čakajo.

»Torej, nisem sanjala,« je pomislila Sneguljčica.

Takrat se je Mira obrnila k njej in ji rekla: »Budna si. Čas je, Sneguljčica. Dolžnost nam nalaga, da branimo Snegomraz.«

Sneguljčica je tekla objet svojega očka, ki ji je vrnil objem in jo poljubil, Sneguljčica pa je lahko opazila, da je zamišljen, namrščen, mračen … Kot bi mu v očeh gorel čuden ogenj, Sneguljčica pa je pomislila, da je to samo odsev plamenov, ki plešejo svoj čuden ples v velikem ognjišču.

* * *

Gospa Rafaela je sedela v svojem naslanjaču in poslušala, kaj so ji imeli povedati njeni nepričakovani gosti. In gostje so ji pripovedovali nekaj, česar do sedaj še ni videla! Čeprav je, bodimo iskreni, gospa Rafaela v vseh teh letih, ki jih je preživela z dedkom Mrazom, videla veliko nenavadnih stvari.

Velika dnevna soba je bila polna pravljičnih likov! Gospa Rafaela je dobro poznala Davida – Pripovedovalca, ki je bil drag prijatelj, vendar ga še nikoli ni videla 'pri delu' – na primer pri oživljanju zgodb. Ko je bil Viktor še dojenček, je David (takrat stalen prebivalec Snegomraza) vedel, kako ustvariti slike iz zgodb, da so se premikale v zraku, in tako je očaral vse. A to je bilo nekaj povsem drugega. To je bila čarovnija!

A sedaj je bilo to, kar je govoril David, veliko bolj pomembno od njegove čarovnije, bolj pomembno od vsega drugega. Vseved je odpeljal Viktorja v Mestno hišo, katere dvorana se je v nujnih primerih uporabljala kot sodna dvorana. Vendar v vseh letih, kar jih je gospa Rafaela preživela v Snegomrazu, dvorana še nikoli ni bila uporabljena v ta namen. To je bilo prvič. In to za njenega Viktorja. Zelo strašno, zelo sramotno, zelo žalostno!

Sedaj, kot je razložil David, bo Viktor noč preživel tam, v začasnem priporu pod nadzorom Vseveda. A jutri zgodaj zjutraj bi ga morali privesti pred Vrhovno sodišče Snegomraza.

»Ampak ne skrbi, Rafi,« jo je tolažil Pripovedovalec, »naredil bom vse, da bom Viktorja predstavil v dobri luči, in seveda imamo tukaj tudi priče.«

Gospa Rafaela je pogledala naokoli. Volk je ležal na hrbtu ob kaminu in Rdeča kapica ga je praskala po trebuhu … Zaspanko je spal poleg njiju in stiskal svojo odejico. Godrnjavko je bil sredi razgrete debate s Petrom Panom. Debelinko je grickal piškote. In Zvončica … kdo ve, kje je bila Zvončica. Aha, tukaj je, jezdi Maksa.

»Ah,« je zavzdihnila gospa Rafaela že drugič v tem dnevu. Toliko ni vzdihovala že, odkar sta se Viktor in Sneguljčica povzpela na Ledeno goro pred osmimi leti. »Ah,« je zavzdihnila še enkrat, da bi ji bilo lažje. »Upajmo, da bodo priče pomagale.«

17. poglavje: Mira Črna Medvedka

… je vzravnano stala s sekiro v roki in čakala. Plašč ji je plapolal v vetru, a za njo se je dvigala Ledena gora, zlovešča in hladna. Okoli nje je stala množica belih medvedov, ogromna neustrašna vojska kot neprebojen zid.

Sneguljčica je tiha in vznemirjena sedela na Sijajevem hrbtu, ob njej pa je stal dedek Mraz, strašnejši in nevarnejši kot kadarkoli doslej. Nebo nad Ledeno goro je postajalo vse temnejše in temnejše, Severnik pa je začel peti svojo neusmiljeno pesem.

»Fuuuuuuu uuuuuuuf,« je zavijal kot nikoli do sedaj, surov in leden.

Sprva so se sani zdele le majhne pike v daljavi, a sedaj so se približevale vse bližje in bližje. Medvedje so stali mirno kot snežni kipi … potrpežljivo so čakali v tišini.

Ko so se približali dovolj blizu, da so videli, kaj je pred njimi, so se sani ustavile. Lord Rich je z izbuljenimi očmi gledal v neverjetno, strašljivo medvedjo vojsko, ni vedel, da je kaj takega sploh mogoče. Očitno ni predpostavljal, koliko čarobne moči se skriva v Snegomrazu. A čas je bil, da spozna.

»Ali je pričakoval, da nas nihče ne bo branil?« se je začudila Sneguljčica.

Lord Rich je hitel dajati navodila svojim možem. Sani so se začele obračati in vračati nazaj. Ko se je obrnil, je lord doživel presenečenje. Beli medvedje so jih obkrožili … preprosto ni mogel pobegniti!

Medvedje so začeli počasi in molče krčiti krog. A v tem trenutku se je zdelo, da je lord Rich našel nek nor pogum. Njegove oči so bile temne in krvave, kot da bi se vanje naselila čudna norost.

»George,« je vzkliknil. »Če bomo vozili dovolj hitro, se lahko zmuznemo naprej, proti gori. Poglej, tam pot ni povsem zaprta, če ta dva stojita tam,« je pokazal na dedka Mraza in Sneguljčico, »mora biti mesto v tisti smeri. Stavim, da je na gori!«

A George ni slišal niti besede. Strah ga je ohromil na sani. Z odprtimi usti je strmel v medvede in ni mogel verjeti svojim očem.

»Prekleti otrok,« je zavreščal lord Rich. »Za nič nisi dober.«

V tem trenutku so medvedje dosegli prve sani. Možje lorda Richa so izvlekli pištole in puške in jih začeli streljati, medvedje pa, kot da bi klili iz snega. Tako veliko jih je bilo.

Lord je pobesnel, stopil na plin in se premaknil naprej. Sani so brzele po snegu. Dedek Mraz je pogledal Miro, ki je stala mirno, ne da bi trznila.

Dedek Mraz je stekel naprej, da bi mu preprečil prehod, Mira pa je rahlo dvignila sekiro … A lord je hitro spremenil smer, še bolj pospešil in se napotil naravnost do Sneguljčice! Sneguljčica se je prestrašila, vendar, preden je imel lord čas storiti karkoli, se je Sijaj odrinil in mu odprl pot. Sani so poletele proti Ledeni gori.

Dedek Mraz je pobesnel, a začuda je bila Mira povsem mirna.

»Pobegnil je,« je kričal dedek Mraz Miri, medtem ko se je Sijaj spuščal k njima v sneg. A Mira se je nasmehnila. Sneguljčica je samo enkrat pred tem videla Miro smejati se.

Mira je pokazala z glavo proti Ledeni gori. Dedek Mraz je pogledal tja in postalo mu je jasno, kaj mu je želela povedati.

Sani lorda Richa so se že vzpele na Ledeno goro … a tam je kakor vedno kraljeval Severnik. To je bilo njegovo kraljestvo, njegova gora. In tam, kjer je bil on gospodar, nepovabljeni gostje niso bili niti najmanj zaželjeni.

»Fuuuuuuu uuuuuuuf,« je grozil s svojim mogočnim glasom. A lord Rich ni razumel njegove pesmi, morda je ni želel slišati. Zaslepljen od beline snega, je vozil gor, gor, gor … misleč, da je namenjen v čarobno mesto, o katerem je tako dolgo sanjal.

* * *

Ko se je približala sanem, je Sneguljčica opazila, da so vsi možje lorda Richa negibno ležali v snegu. Z obžalovanjem je opazila, da sta obležala tudi dva bela medveda in da nista dihala. Sneguljčici so se orosile oči, a se je odločila, da bo močna in ne bo jokala. Objela je Sijaja in on je s svojim modrim gobcem obrisal solzo, ki je spolzela po njenem licu.

Dedek Mraz in Mira sta stala pred Georgeem, ki je počepnil k sanem in trepetal od strahu. Bil je edini ostal od odprave lorda Richa, a medvedje se ga niso niti dotaknili, saj so videli, da jim ne predstavlja nobene grožnje. Le obkrožili so ga in čakali Miro.

Dedek Mraz ga je pogledal z gorečim pogledom – grozeče in neizprosno. Sneguljčici se je zdelo, da ga bo pretepel. A takrat se je nekaj v njem prelomilo in počasi se je umiril in razklenil pesti. Obrnil se je k Miri in ji rekel: »Tvoj je. Ti se odloči, kaj se bo zgodilo z njim.«

George je ob tem še bolj zatrepetal. Mira, ki je stala tam s plaščem iz medvedjega krzna in z ogromno sekiro v roko, je izgledala kot zastrašujoča severnjaška boginja iz starodavnih pripovedi … ena tistih, ki jedo ljudi in pijejo iz kosti svojih sovražnikov!

Mira je pogledala Georgea in mu rekla z ledenim glasom: »Kazen za nepovabljen prihod v naše kraje je ista že stoletja: smrt!«

»Smrt!« so beli medvedje ponovili v en glas, George pa se je začel tresti od strahu in jokati kot majhen otrok.

Dedek Mraz ga je opazoval s pomilovanjem. Ni mogel izbrisati podobe iz svojega spomina: tistega ubogega, osamljenega otroka v ogromni hladni hiši … in pisma, ki nikoli ni prispelo. Resnično mu je bilo žal tega mladega človeka.

»Ampak,« se je tiho in nežneje obrnila k njemu Mira, »v tem primeru obstajajo olajševalne okoliščine, za katere sem izvedela danes.« Na kratko je pogledala dedka Mraza in nadaljevala: »Zato bo kazen drugačna. Odločila sem se, da ostaneš tukaj z menoj kot moj pomočnik,« je rekla Georgeu.

George je strmel vanjo, kot da ni razumel njenih besed. Ko je končno dojel, kaj je rekla, se mu je obraz razvedril.

»Vendar,« je rekla Mira, »spremeniti boš moral svojo pojavo in služiti stotine let, vse dokler ne bom videla, da si se spremenil in si postal dober človek.«

George je debelo pogledal in želel nekaj reči, a kakor da je bil brez glasu. Mira je prišla do njega in se ga dotaknila in v tistem trenutku – poglej čudež! Georgeu je začela rasti dlaka po celem telesu. Dobil je krzno in zvil se je v nekakšno čudno krzneno kepo … na koncu je pred njimi stal majhen rjav medved.

»Bodi vsaj srečen, da boš dolgo živel, dlje kot marsikdo,« mu je strogo rekla Mira. »Sedaj si uraden prebivalec Snegomraza, mar si nisi želel tega?«

George si ni nikdar želel postati prebivalec Snegomraza, a sedaj se več ni imelo smisla pritoževati. Poti nazaj ni bilo več. Bil je medved in ne več človek. Po dolgem času je bil spet srečen. Snežinka je padla na njegov črn smrček in razveselil se je je kot majhen otrok.

Mira se je obrnila k dedku Mrazu in Sneguljčici. »Prijatelja, moja naloga je končana,« je rekla. »Vsaj zaenkrat. Bodita dobro in poskrbita za Viktorja. Mislim, da vaju potrebuje.«

In takrat se je Mira sklonila in se pred njunimi očmi spremenila v veliko črno medvedko. Počasi se je začela povzpenjati na goro, beli medvedje pa so ji sledili. Mali rjavi medved George je srečno tekal za njimi po snegu in se igral s snežinkami.

»Greva, Sneguljčica,« je utrujeno in žalostno rekel dedek Mraz, »še vedno naju čaka delo.«

* * *

Lord Rich je pešačil na goro. Sani so že zdavnaj obstale v močnem snežnem viharju, on pa se je vzpenjal vse višje in višje. Kot da ni opazil snežnih zametov in kakor da ni slišal opozoril Severnika.

»Še malo,« si je rekel. »Še malo in sem tam. In potem – bo mesto moje! In ves svet bo moj! Nihče mi ne more ničesar.«

»Fuuuuuu uuuuuuuf,« je zavijal Severnik in sneg je padal in padal.

A lord ni opazil ničesar. Oči je imel krvave, pogled, kot bi znorel. Sploh ni opazil, da ne hodi več, ampak se plazi po globokem snegu.

»Fuuuuuu uuuuuuuf,« je zavijal Severnik in zunaj je postajalo vse hladneje in hladneje.

Lord ni mogel več hoditi niti se plaziti. Roke so mu otrpnile od mraza. Sedel je v snegu in z blaznim pogledom strmel v vrh gore.

»Tam je, vidim ga,« je bledel. »Snegomraz, ledeno mesto. Samo malo si odpočijem in bom odšel tja. Samo malo … si odpočijem …«

»Fuuuuuu uuuuuuuf,« je zavijal Severnik, snega pa je neumorno zasipaval lorda Richa, ki je še vedno sanjal, da bo zavladal svetu.

17. poglavje: Vrhovno sodišče Snegomraza

… je sestavljalo pet sodnikov. Viktor je sedel zraven Pripovedovalca, ves pomečkan, in čakal, da bo videl, katera peterica bo vstopila v prostor. Predvideval je, da je eden od njih Vseved. Za njim so sedele vse njegove priče, mama, Sneguljčica, …

»Kje je oče?« se je vprašal Viktor, takoj zatem pa pomislil, da ga oče ne želi več videti, in se zelo razžalostil.

»Tata-rata,« je zatrobentala ena izmed uslužbenk sodišča, mlada snežna sova, ki je Viktor ni poznal. »Vsi vstanite. Zaseda Vrhovno sodišče Snegomraza.«

Vsi so vstali, v prostor pa so začeli, eden za drugim, vstopati sodniki. Mlada snežna sova je navajala njihova imena.

»Spoštovani Vseved Beli, ravnatelj šole 'Severko Mrzel'. Spoštovani Ardamel, svetnik mestnega sveta Snegomraza. Spoštovani Gregor Sivi, župan Snegomraza.«

Gregor Sivi je bil star polarni lisjak, ki ga je Viktor zelo dobro poznal. Bil je pogost gost hiše Mrazovih. Za Ardamela, starega palčka, ki se komajda povzpne na stol in s težavo sede, Viktor do sedaj še ni slišal.

»Spoštovana Bela Breda, ravnateljica mestne knjižnice in svetnica mestnega sveta Snegomraza.«

Bela Breda je bila, kot pravilno predpostavljate, stara bela medvedka, ki so jo učenci 'Severka Mrzlega' klicali 'bela brada'. Z neodobravanjem je pogledala Viktorja. »Slabo se mi piše,« je pomislil ta. Bela Breda ga je enkrat slišala, da ji je rekel 'bela brada', in to ji ni bilo niti malo všeč.

»Spoštovani Nikolaj Mraz, znan kot dedek Mraz, lastnik tovarne 'Mrazovi' in svetnik mestnega sodišča Snegomraza.«

Ob teh besedah je Viktor obstal kot vkopan in izbuljil oči ter nekaj časa ni prišel k sebi. »Kako je to mogoče?« je pomislil. »Mar mi bo sodil oče?« Ves iz sebe je pogledal Pripovedovalca, a ta je bil hladen kot led in ni niti trznil. Viktor si je želel, da bi se odprla zemlja in ga pogoltnila, na žalost ali na srečo se kaj takega ni zgodilo.

»Sodišču predseduje spoštovani Vseved Beli,« je najavila mlada snežna sova, »ki bo sedaj prebral obsodbo, nato pa bo obramba lahko začela s svojim zagovorom.«

Vseved Beli je strogo pogledal vse prisotne, nato pa začel: »Obtoženi Viktor Mraz je prekršil zakon Snegomraza v Ultimativni ustavi Snegomraza v 1. členu, ki se glasi: *Nihče ne sme govoriti o Snegomrazu in o njegovih prebivalcih izven Snegomraza.* Glede na dokaze je obtoženi dejal nekemu Georgeu Richu, da je sin Nikolaja Mraza (znanega kot dedek Mraz) in da prihaja iz Snegomraza. V kolikor lahko obramba predloži dokaze in olajševalne okoliščine za ta primer, ima pravico to narediti sedaj, po čemer se bo Vrhovno sodišče umaknilo, da zaseda in razsodi.«

Od vseh teh groznih besed se je Viktorju pošteno zavrtelo v glavi. »Ni mi pomoči,« je pomislil.

* * *

»Khm,« se je odkašljal Pripovedovalec. »Kličem prvo pričo obrambe, gospodiča Debelinka.«

Debelinko je ponosno in vzravnano zakorakal v sodno dvorano in zasedel zatožno klop. Viktorju se je zazdelo, da priča nekaj žveči.

»Gospodič Debelinko, ali poznate kakšno olajševalno okoliščino v primeru, ki ga obravnava sodišče. Kaj, kar bi pomagalo obtoženemu?«

»Poznam,« je z nasmeškom odgovoril Debelinko. »Takole je bilo, spoštovani predsednik sodišča, spoštovani sodniki in vsi prisotni: obtoženi je šel živet v Cambridge in tam ljudje niso takšni kot tukaj. Niso ga dovolj hranili s piškoti in vsi vemo, da nikjer ne obstajajo piškoti, takšni kot tukaj … In potem so mu lagali o nečem, ga prestrašili in vse to (predvsem slabi piškoti) je pregnalo njegovo srce, ki se je skrilo in komaj smo ga našli. Vsi smo ploskali in srce se je vrnilo na pravo mesto in takrat je Viktor spoznal, da ves čas ni bil priseben. Ampak če mu damo še nekaj naših piškotov, bo še bolje,« je Debelinko končal z izjavo.

»Po meni je!« je v obupu pomislil Viktor.

* * *

»Gospodič Zaspanko, vaša spoznanja, prosim,« je Pripovedovalec vprašal Zaspanka.

»Aaaaah,« je zazehal Zaspanko, kot da so ga pravkar zbudili, da priča. »Moja spoznanja so sledeča: naš Viktor je naredil nekaj neumnosti, to vemo vsi. Ampak, kot vidimo, to nima nekih večjih posledic za Snegomraz. Vsaj tako so mi rekli. Vsekakor mora biti kaznovan. Vendar njegovo srce ni bilo na pravem mestu, in to je v bistvu olajševalna okoliščina.«

»To je vse, gospodič Zaspanko?« je resno vprašal Pripovedovalec.

»Mislim, da je to vse,« je odgovoril Zaspanko. »Ne vem, kaj se je dogajalo preostanek časa, ker sem moral malce zadremati. Veste, kako naporno je potovati.«

Viktor si je še enkrat zaželel, da bi se zemlja odprla in ga požrla. Neuspešno.

* * *

»In tako, raziskali smo situacijo in ugotovili, da Viktor ni bil tak, kot ga poznamo od prej. Ni imel iskrice v očeh, ni dišal, kot bi moral, in srca ni imel na pravem mestu. Morali smo sprejeti določene ukrepe, da smo vrnili srce na pravo mesto. Jaz, če sem iskren, nisem verjel, da lahko ozdravi, tako hudo je bilo,« je pričal Volk.

»Zelo strašno je bilo, srca ni bilo tam,« je razburjeno govorila Rdeča kapica. »A k sreči se je našlo zdravilo in Viktor je spet začel dišati po Snegomrazu. In tukaj, poglejte, še iskra v očeh se mu je vrnila.«

»Mislim, da je Viktor ugotovil, da so ga zavedle lažne obljube ali neke lažne ideje … Spoznal je, da je bil naiven in da je skrenil s prave poti … in to obžaluje. To je olajševalna okoliščina,« je govoril carjevič Ivan.

»Spoznal je, da nič v življenju ni tako, kakor je mislil, in da so majhne stvari, dobrota, ljubezen, ljudje, ki ti dosti pomenijo – to se je tisto, kar je dragoceno,« je razlagala Kraljična z zrnom graha. »In bil je zelo žalosten,« je dodala s solzami v očeh.

Peter Pan je pojasnjeval sodnikom: »On še ni odrasla oseba, prijateljčki … ups, mislim sodniki … spoštovani sodniki. Nikoli ni odrastel, jaz vsaj vem, kako je to, oh yeaaah. Samo – sam sebi je lagal, da je odrastel, no, tukaj je težava. Mhm. To je olajševalna okoliščina.«

»In tako smo ploskali. To je zdravilo. Poznala sem ga že od prej, kajne. Samo to, ploskanje! Spet je začel verjeti in tako je ozdravel. Poglejte ga, zdrav, pravi, stari Viktor. Poglejte in prepričajte se,« je zvonila Zvončica.

Ves ta čas je Viktor imel kepo v želodcu, ki je večala in večala z vsakim novim pričanjem. »Nihče me ne brani na pravi način,« si je mislil.

A takrat je na vrsto prišel Godrnjavko …

* * *

Godrnjavko je sedel na zatožni klopi in gledal sodnike brez besed. Sodniki so ga gledali in čakali, da začne. Po dolgem molku in dolgem ocenjevanju je Godrnjavko začel govoriti.

»Spoštovani sodniki, mislim, da ste slišali dovolj o tem, kako Viktor ni bil priseben in kako je ozdravel. Zato tega ne bom ponavljal stotič. To, kar želim povedati, je: vsak od nas je kdaj zašel na napačno pot. Če se dobro spomnim, je za čas mojega očeta še nekdo drug prekršil zakon.« Takrat je Godrnjavko vrgel kratek pogled proti dedku Mrazu, a ta je samo molčal in gledal nekam na stran.

»No, takrat, ne glede na to, da so bili razlogi in motivi za tisti prekršek plemenitejši, da ne rečem zaradi ljubezni …« in v tem trenutku je

Godrnjavko naredil kratek premor in pogledal proti občinstvu, točno tja, kjer je sedela gospa Rafaela, »se je vseeno naredila napaka. Nočem primerjati, to ni bil moj namen. Samo poudariti sem želel, da vsi delamo napake. A pomembno je nekaj drugega: da obstaja nekdo, ki verjame v nas in nam želi pomagati. Vse dokler nekdo verjame, da smo lahko boljši, da smo spoznali napako in se resnično kesamo, se to lahko vzame kot olajševalna okoliščina. V tem primeru, spoštovani sodniki, se je pojavljalo veliko prič in vsem njim je skupna ena stvar: vse verjamejo v Viktorja. Zahvaljujem se vam, da ste me poslušali.«

In tako je Godrnjavko vstal z zatožne klopi in počasi odšel proti svojemu mestu v sodni dvorani. Naokoli je vladala popolna tišina.

* * *

»Kot zadnjo pričo, spoštovani sodniki, želim poklicati mladega Viktorja,« je rekel Pripovedovalec, a Viktor je v tem trenutku od strahu in od razburjenosti ostal brez besed.

»Kaj naj rečem,« si je mislil. Enostavno mu ni padlo na pamet nič, kar bi lahko rekel v svojo obrambo, razen 'zelo mi žal' in 'nisem hotel'. A ni imel druge izbire, kot da se povzpne na zatožno klop.

Tako je stal tam in molčal. Čez nekaj časa je dvignil glavo in pogledal očeta: »Ne vem, kaj naj rečem razen tega: očka, samo takšen kot ti sem želel biti, a nisem vedel, kako. Želel sem ti pomagati in si nekaj izmisliti, a nisem vedel, kako. Ravnal sem napak. Žal mi je.«

In takrat več ni mogel zadržati solz. Začel je jokati in pogled se mu je zameglil. Okoli njega se je nekaj dogajalo, a ni vedel, kaj. Ko se je končno uspel pomiriti in pogledati okoli sebe, je videl Pripovedovalca, kako stoji pred sodniki, in govori:

»In to je moja obramba, gospodje. O tem lahko pričam. Mislim, da si ta mlad človek zasluži novo priložnost.«

Sodniki so molčali. Vseved Beli je vstal in spregovoril: »Sodišče je poslušalo priče, obtoženega in obrambo. Sodišče se bo za naslednjih nekaj ur umaknilo, da preuči primer in sprejme odločitev. Poklicani boste na razsodbo.«

* * *

»Tata-rata. Vsi vstanite. Zaseda Vrhovno sodišče Snegomraza,« je razglasila mlada snežna sova in vsi v sodni dvorani so vstali. Sodniki so razsojali celih pet ur, kar Viktorja ni navdajalo z upanjem. Pripovedovalec pa je bil miren tako kot prej.

Sodniki so vstopili v sodno dvorano in sedli na svoja mesta. Vseved je strogo pogledal prisotne in jim rekel: »Vrhovno sodišče Snegomraza je

razsodilo o dotičnem primeru, upoštevalo je izjave pozvanih prič, obtoženega in obrambe ter odločilo sledeče: mladi Viktor Mraz po vseh pravilih Snegomraza še ni dosegel polne zrelosti, kar je olajševalna okoliščina, kakor je pričala tudi ena od prič,« je Vseved pogledal Petra Pana.

»Vendar,« je nadaljeval Vseved, »se je mladi Mraz obnašal zelo neprimerno glede na svoje poreklo, vzgojo in izobrazbo. Glede na to, upoštevajoč vse okoliščine, vključno z njegovim obžalovanjem in, če se lahko tako izrazimo, z okrevanjem – je sodišče odločilo, da se mu izreče blažja kazen od tiste, ki je predpisana z zakonom.«

Na to je Pripovedovalec izdihnil z olajšanjem, kot bi mu padel kamen od srca.

»Kakšna je kazen, predpisana z zakonom?« je vznemirjeno zašepetal Viktor.

»Zamrznitev,« mu je prišepnil Pripovedovalec. »Spremenijo te v ledeni kip in postavijo na glavni trg v svarilo vsem.«

Ko je Viktor to slišal, se je skoraj onesvestil. Zakaj mu tega do sedaj nihče ni povedal?

»Zato,« je s svojo izjavo nadaljeval Vseved, »je sodišče enoglasno razsodilo, da je obtoženi *pogojno kriv* in da se mu izreče naslednja kazen: mlademu Viktorju Mrazu se izreka pogojna kazen petih let, ki jih mora preživeti v Snegomrazu in pomagati v tovarni 'Mrazovi' pod nadzorom dedka Mraza. Po izteku roka petih let mora Viktor Mraz priti na ponovno oceno Vrhovnega sodišča Snegomraza in v kolikor bo sodišče presodilo, da ga je kazen izučila, bo lahko nadaljeval s študijem v tujini.«

Viktor je bil zmeden. Po eni strani je bila kazen zelo mila, po drugi strani pa je to pomenilo, da ne bo več videl Mine Jones. In to zanj ni bila dobra novica.

»Želi obtoženi kaj vprašati?« ga je strogo pogledal Vseved.

»D-da,« je zajecljal Viktor. »Glede študija … če bi lahko študiral vsaj izredno … pa samo včasih odšel v Cambridge, ko bi imel izpit …«

»Po enem letu lahko vložiš pritožbo,« mu je rekel Vseved. »Šele takrat bo sodišče presodilo, če ti bo dovolilo izredni študij.«

Viktor je povesil glavo. Zavedal se je, da je bilo sodišče popustljivo, in to zelo, samo zato, ker je bil sin dedka Mraza. Ni smel prositi za več.

»Khm,« se je odkašljal dedek Mraz. »Sedaj pa bi jaz povedal nekaj.«

V sodni dvorani je zavladala tišina.

»Kaj pričakujem od obtoženega,« je rekel dedek Mraz s strogim glasom, »pod mojim nadzorom v naslednjih petih letih.«

Viktor je pogoltnil slino.

»Pričakujem, da pripomore k razvoju in modernizaciji *posla*,« je dedek Mraz namerno uporabil to besedo, »tovarne 'Mrazovi', a v skladu z načeli ljubezni, dobrote in človečnosti. Kaj mislim z modernizacijo?« je bil dedek Mraz že bolj blag.

»Pričakujem, da se bo uvedel način, kako bomo lažje prihajali do otroških želja, še posebej, kako bi nas te lažje dosegle. Zaenkrat od *modernih* stvari uporabljamo samo elektronsko pošto. To se mora spremeniti. Zakaj ne bi prejemali sporočil na mobilec? Ali zakaj ne odpremo strani na … kako se že reče …«

»Facebook,« mu je prišepnila Sneguljčica.

» … ne odpremo strani na Facebooku,« je ponosno ponovil dedek Mraz. »In da svitamo …«

»Da tvitamo,« ga je popravila Sneguljčica.

»In da tvitamo! In da bodo tvitali nazaj. Otroci in starši. Tako, takšne ideje in takšno pomoč pričakujem od Viktorja … od svojega sina,« je rekel dedek Mraz in stekel objet Viktorja. Viktor je vstal in s solzami v očeh padel očetu v objem.

Sedaj je bil povsem prepričan, da se mu je srce vrnilo na pravo mesto.

Epilog: Poštar Hitrofurijast

… je hitel skozi snežni metež, kakor bi ga kdo preganjal. Vlekel je dve ogromni vreči, ki sta upočasnjevali njegov let in ga utrujali, vendar se ni smel ustaviti. Nikakor! In če dežuje in če brije burja do kosti … Hitrofurijast leti in pošta se nosi!

* * *

V domu družine Mraz je vladalo veselo razpoloženje. Včerajšnji obupen dan je bil že za njimi in z njim so se poslovile vse druge mračne misli in težave.

Gospa Rafaela je pripravljala večerjo in Debelinko ji je pomagal.

Dedek Mraz, David in Vseved so sedeli ob kaminu ter klepetali.

Viktor, Sneguljčica in Godrnjavko so zbrani okoli prenosnika že odprli stran na Facebooku z imenom 'Resničen dedek Mraz – piši mi sem'. Sedaj so razmišljali, kako poimenovati profil na Twitterju.

Zaspanko je spal skupaj z Maksom na enem udobnem naslonjaču.

In liki iz pravljic? Ti so odšli že prej, ker so jih otroci po vsem svetu že močno pogrešali. Slovo je bilo veselo in žalostno hkrati, vendar jim je

Pripovedovalec obljubil, da bo organiziral ponovno srečanje naslednjo leto.

»Večerja je gotova in miza je pripravljena,« je zaklicala Najdražja in vsi so pohiteli k mizi, saj so bili zelo lačni.

»Tok, tok, tok,« je nekdo močno potrkal na vrata.

»Le kdo je sedaj ob tej uri?« se je začudila Rafaela, Sneguljčica pa je stekla odpret.

Naenkrat je kot furija v sobo priletel poštar Hitrofurijast, ki je vlekel za sabo dve ogromni vreči s pismi.

»Jaz … jaz … jaz …« ni mogel priti do sape Hitrofurijast, tako zelo je bil zadihan. »Jaz …«

»Počasi,« ga je miril dedek Mraz. »Počasi, pomiri se.«

Ko je prišel k sebi, je Hitrofurijast začel pojasnjevati, a ga je bilo očitno zelo sram in neprestano je gledal v tla. »Jaz … dedek Mraz … sem naredil napako … Prosim, ne jezi se name. Ko sem pred nekaj dnevi prevzel pošto od volkov, tam na zadnjem poštnem postajališču pred Snegomrazom, saj veš … sem v naglici … nekaj spregledal. In sem pozabil dve polni vreči pisem,« je Hitrofurijast na hitro povedal zadnji stavek in pogledal dedka Mraza ter pričakoval, da bo kregan.

A dedek Mraz je s široko odprtimi očmi gledal malo vanj, malo v vreči, kot da mu ni najbolj jasno, kaj mu je povedal. In potem je zgrabil Hitrofurijastega in ga stisnil v objem ter se od srca nasmejal.

»Ho ho ho ho hooooo,« je zaklical dedek Mraz. »To pomeni, da so pisali! Pisali so! A ti si samo pozabil pisma.« Dedek Mraz je bil presrečen in ker so vsi ugotovili, kaj se je zgodilo, so delili njegovo radost.

Najdražja ga je objela in poljubila, Godrnjavko pa mu je rekel: »Vidiš, dedek Mraz, sem ti rekel, da bo vse v redu.« Samo Vseved je strogo pogledal Hitrofurijastega, ki je postal ves rdeč v obraz.

Dedek Mraz je dobro pogledal vreči. »Tukaj je na tisoče pisem,« je rekel. »Jutri nas čaka veliko dela!« Palčki so začeli kričati od veselja.

»Mislim, da vas čaka veliko več dela, kot si mislite,« se je nasmehnil Viktor, ki je še vedno nekaj tipkal po prenosniku. »Natančneje, nas čaka.«

»Kaj želiš povedati, sinko?« se je začudil dedek Mraz.

»Paaaa, tukaj vidim, da sta ves čas dobivala sporočila po elektronski pošti, a vsa so prispela, ne vem zakaj, pod vsiljeno pošto. Poglejta, ne tisoče, deset tisoče otroških sporočil je bilo poslanih iz različnih koncev sveta.«

Gospa Rafaela in dedek Mraz sploh nista vedela, da obstaja nekaj takega kot vsiljena pošta. Vsi so se začeli smejati in zbijati šale in v resnici je bilo vsem zelo všeč, da je bil Viktor ta, ki je to odkril.

»In sedaj, večerjajmo!« je ukazala Najdražja in vsi so morali takoj ubogati. Naredili so prostor še za Hitrofurijastega in sedli za bogato obloženo mizo.

Pozno zvečer, ko so gostje že odšli in sta otroka že spala, je dedek Mraz obul škornje in stopil na dvorišče.

»Hitro bom nazaj,« je rekel Najdražji. »Samo malo se bom sprehodil po snegu.« Najdražja se je samo nasmehnila. Vedela je, da gre dedek Mraz na kratek klepet z luno in zvezdami. To je bil ritual, ki ga ni nikoli izpustil.

* * *

Dedek Mraz je stal na snegu in gledal v nebo ter poslušal zgodbe zvezd. Luna ga je pozdravila in se mu nasmehnila. Bila je zelo srečna, da se je vse končalo tako, kot treba.

Dedek Mraz je stal in še dolgo gledal v zvezdnato nebo. Slišal je že vse, kar so imele povedati zvezde, vendar se še ni hotel vrniti. Samo stal je in čakal.

In takrat je nebo preletel zvezdni utrinek, ki je zasijal v prekrasni srebrni svetlobi, in ko je izginil, je za njim ostala nežna srebrna sled. Dedek Mraz se je nasmehnil, na to je čakal.

»Hvala,« je rekel utrinku. »Tega ne bom nikoli pozabil.«

Utrinek pa se je nasmehnil s svojim žuborečim glaskom in izginil na drugo stran Vesolja.

Piši dedku Mrazu, kaj je tisto,
česar si tvoje srce najbolj želi,
na naslednji e-poštni naslov:
contact@dedomraz.net

Биляна Црвенковска

О чем мечтал Дед Мороз?

Превод од македонски на руски: **Наталија Бороникова (Наталия Боронникова)**

Герои:

Дед Мороз живёт далеко-далеко на севере. Ездит на санях, запряжённых северными оленями. Каждый год приносит подарки детям. Больше всего на свете любит сидеть у камина, пить ромашковый чай и рассказывать сказки.

Рафаэла Мороз (более известна как Баба Мороз) – жена Деда Мороза, настоящая леди. В ее обязанности входит чтение с Дедом Морозом писем от детей со всего светаза вечерним чаепитием (вечером Дед Мороз плохо видит, но об этом – тссс! – никто не должен догадываться). Больше всего она любит отдыхать на далеком юге.

Снежинка Мороз – дочка Деда Мороза, настоящая красавица. В её обязанности входит учиться на одни пятерки в школе им. Северко Студёного. Больше всего на свете она любит смотреться в заиндевевшее зеркало, кататься на коньках и получать комплименты.

Виктор Мороз – сын Деда Мороза, студент, изучает экономику. В его обязанности входит быть примерным студентом и хорошим человеком. Больше всего на свете он любит говорить о бизнесе и о том, что в один прекрасный день станет успешным бизнесменом.

Пухлощёк – гном, помощник Деда Мороза. В его обязанности входит упаковка подарков для детей. Больше всего на свете он любит сладости: печенье и шоколад, торты и конфеты…

Ворчун – тоже гном и помощник Деда Мороза. Он наклеивает этикетки с именами детей и их адресами на подарки (чтобы Дед Мороз ничего не перепутал). Обожает все и всех контролировать; чрезвычайно вспыльчив, но отходчив.

Лежебока – еще один гном-помощник Деда Мороза. В его обязанности входит уход за северными оленями, но чаще всего он засыпает прямо у них в стойле. Больше всего на свете любит вздремнуть, уютно завернувшись в одеяльце.

Глава первая

Там далеко на севере…
где все бело и сковано холодом, где снежные шапки лежат на еловых лапах, где северный ветер поет свою зимнюю песню, а сосульки звенят, аккомпанируя ему…, вдалеке от людских жилищ находится Снегоград, место, где живет самый известный дед на свете – Дед Мороз.

Деду Морозу ооооооочень много лет (никто и не знает, сколько точно), однако он в прекрасной физической форме и энергичнее многих тридцатилетних банковских служащих. По утрам делает зарядку, правильно питается и проводит много времени на свежем воздухе, занимаясь своими оленями (им, как и людям, необходимо много двигаться, чтобы быть здоровыми).

Свою жену, госпожу Рафаэлу, Дед Мороз называет просто – Моя Милая, хотя она больше известна как Баба Мороз. Внимание! В ее присутствии никогда, повторяю, никогда, нельзя упоминать это имя. Если кто-то обратится подобным образом к Милой, он должен быть готов к тому, что его наградят таким ледяным взором, от которого и северному ветру стало бы не по себе.

У Деда Мороза (если вы еще не знаете, его настоящее имя – Николай, да, Николай) и госпожи Рафаэлы двое детей: дочка Снежинка четырнадцати лет, старшеклассница, и сын Виктор девятнадцати лет, студент.

Снежинка Мороз учится в десятом классе средней школы им. Северко Студеного в Снегограде. Почему в десятом? Потому что в Снегограде дети идут в школу в четыре года, но в первом классе они только рисуют, поют, играют в разнообразные игры и стряпают куличики.

Снежинка не только отлично учится, она чемпионка по фигурному катанию. Она немного заносчива: думает, что самая красивая и умная, что, с одной стороны, недалеко от истины, но с другой стороны – это ее недостаток. Ведь самовлюбленность – это не лучшая черта характера!

Виктор Мороз – студент, живет за границей. Изучает экономику в Кембридже, в Англии, и мечтает стать успешным бизнесменом. По правде говоря, Дед Мороз теряется, когда слышит слова «экономика», «бизнесмен», хотя у него самый замечательный на свете «бизнес» – фабрика игрушек! А вот госпожа Рафаэла гордится тем, что у ее сына такие амбиции…

Не забыть бы рассказать и о Снегограде.Это, конечно, не большой город, но и не село. Можно сказать, что Снегоград – это город средней величины. Здесь есть большая фабрика игрушек, почта, школа, поликлиника, городская управа, магазинчики одежды, кондитерские, пекарни, супермаркет, библиотека, ледовый парк, спортзал, каток и более двухсот пятидесяти домов. Вполне пристойное место для жизни.

В Снегограде кто только не живет: больше всего тут гномов, потом северных оленей, есть собаки, кошки, полярные лисы, встречаются и белые медведи… Иногда здесь на долгое или краткое время останавливаются и люди (некоторые из них уже стали постоянными жителями Снегограда), но большинство приезжает и уезжает… У людей возникают проблемы с холодом, поэтому только самые стойкие задерживаются здесь надолго. Важно, что у всех жителей города одинаковые права и привилегии, не важно, кто ты – человек, гном или животное.

Это означает, если рассмотреть это на примере, что в кондитерскую запросто может войти белый медведь или северный олень и заказать себе сладкий лед или мороженое. А во всех магазинчиках продаются одежда и обувь для кошек, лис, медведей и прочих зверей. И еще очень важно, что директором средней школы им. Северко Студеного является огромный старый белоснежный филин – господин Всезнай Белый, а учителем математики работает гном Пятеркин. И таких примеров можно привести великое множество, но это не касается нашей истории.

Единственное разрешенное транспортное средство в Снегограде – это сани. Малые сани, большие сани, сани средних размеров, сани для людей, сани для гномов, сани для животных, поскольку и они полноправные жители города.

Даже в качестве городского транспорта используются огромные многоместные сани! Представьте только себе автобус-сани! Их обычно тащит целая упряжка оленей. Северные олени лучше всегодятся для транспортировки саней, но когда они не на работе, то сами ездят на санях, как и другие жители города. В Снегограде любой житель может ходить в упряжке, даже гном. Правда, они таскают малюсенькие санки, рассчитанные на одного пассажира.

У Деда Мороза в Снегограде самый большой дом. Он двухэтажный, в нем просторная гостиная с камином, кабинет с небольшой библиотекой, три спальни, две ванные и, конечно же, огроооооомная кухня. Рядом с домом, практически в том же дворе, находится фабрика игрушек, принадлежащая Деду Морозу (или, точнее, семье Мороз). Рядом с другими городскими строениями фабрика огромная, но если сравнивать ее с фабриками в других городах, это самая обыкновенная мастерская.

Но как известно, то, что на первый взгляд выглядит буднично и невзрачно, может скрывать множество тайн…

Ой, подождите! Еще один вопрос! А как попасть в Снегоград? А вот это большой секрет! Дорогу туда знают только гномы и животные… и очень немногие люди, нашедшие его после долгих поисков. Обычно это упорные люди, фантазеры и искатели приключений.

Некоторые из них – писатели и художники, другие – летчики и моряки. Имеются и представители других профессий: зубные врачи и механики, воспитательницы детского сада и продавщицы.

Несмотря на то, что они все разные, всех их объединяют две черты: упорство и огромное желание осуществить сокровенные мечты!

Глава вторая
«Это неслыханно!»

… закричал Дед Мороз и вылетел на улицу, хлопнув дверью!

Милая госпожа Рафаэла, пытавшаяся его удержать, застыла перед дверью, захлопнувшейсябуквально в нескольких сантиметрах от кончика ее носа. А Снежинка Мороз, которая уже полчаса стояла в холле перед большим заиндевевшим зеркалом и любовалась собой, была потрясена этой невиданной сценой.

Папа Ники, так называла его Снежинка, никогда в жизни даже не повышал голоса, а чтобы уж хлопать дверью…

- Мама? - прошептала Снежинка. - Что случилось?

Госпожа Рафаэла всхлипнула и выбежала из комнаты.

- Мир перевернулся с ног на голову, - озадаченно пробормотала Снежинка.

Никто в Снегограде, даже Всезнай Белый, никогда не слыхал и не видал ничего подобного. Особенно от Деда Мороза…

* * *

Всего час назад…

… госпожа Рафаэлаи представить себе не могла, что случится чуть позже.Она готовила послеобеденный чай и мурлыкала под нос песенку в большой теплой кухне со множеством полочек, уставленных баночками и коробочками различной величины, заполненными разными сортами чая и ароматными специями со всех уголков мира.

В семье Мороз чаепитие было настоящим ритуалом. У Рафаэлы не было любимого чая, она каждый день пробовала что-то новое или смешивала разные сорта чая, а вот Дед Мороз оставался верен чаю с ромашкой и ложечкой меда.

Когда Рафаэла разливала чай по чашкам, в кухню вошел Дед Мороз.

- Все готово, - сказала она, - можно идти в гостиную.

- Ага, - задумчиво пробормотал Дед Мороз, продолжая стоять посреди кухни.

Госпожа Рафаэла заметила, что его что-то беспокоит.

- Что случилось, медвежонок? - спросила она его нежным голосом (она называла его ласково медвежонком, когда их никто не слышал).

- А почта утром была? - спросил Дед Мороз. - Что-то я сегодня не видел Путаника Торопыжкина.

Путаник Торопыжкин – это почтальон, молодая полярная сова, который действительно был очень тороплив, фамилия не даст соврать, и все всегда путал. Желая все сделать как побыстрее, он совершал множество нелепых ошибок. Это можно было объяснить его молодостью, ведь ему

было всего 102 года, а для полярных сов из Снегограда это всего ничего, можно сказать,подростковый возраст.

- Сегодня не было почты, - ответила Рафаэла и наконец поняла, что тревожит мужа. Близилось 31 декабря, а писем от детей пришло совсем мало.

- Давай проверим электронную почту, - сказала она, унося поднос в гостиную. - Знаешь, в последнее время все больше писем приходит на e-mail.

Хотя она была права, к сожалению, количество писем уменьшалось год от года…

* * *

Inbox (почтовый ящик): **1 непрочитанное сообщение**.

- Одно непрочитанное сообщение, - неуверенно прочитала МилаяРафаэла, держа ноутбук на коленях, и отпила глоток чаю. - Давай посмотрим, от кого оно…

- Всего одно… - разочарованно произнес Дед Мороз. - Быстрее читай, - повернулся он к Рафаэле, - Это, наверное, от мальчика из Македонии Марко Йовановского, он обычно пишет в это время.

- Сейчас глянем, - протянула Рафаэла и кликнула на входящие сообщения.

Кому: contact@dedomraz.net

От кого: viktor.mraz@gmail.com

- От Виктора?! - недоверчиво воскликнул Дед Мороз. - Чего это он вдруг пишет, почему не позвонил?

- Подожди, сейчас, - кликнула на сообщении Рафаэла.

- Привет, мам, привет, пап, я надеюсь, что вы читаете мое сообщение, хотя знаю, что вы редко проверяете почту…

- Ничего не понимаю, - разнервничался Дед Мороз. - Кто это не проверяет почту? Что такое происходит с парнем?

- Подожди, - остановила его Рафаэла и продолжила читать.

… хотя я знаю, что вы редко проверяете почту…

Дед Морозпроворчал что-то неразборчивое, а госпожа Рафаэлачитала дальше:

- Мой друг и коллега из университета Джордж, мне кажется, я говорил вам о нем, это сын одного из самых влиятельных людей в Англии, лорда Рича. Лорд, кроме всего прочего, является собственником крупнейшего торгового центра в Лондоне. Если бы вы только знали, какой он огромный и сколько посетителей проходит через него ежедневно! Миллионы! Каждый Новый Год здесь собирается множество детей и по традиции Дед Мороз (не ты, папа, а профессиональный артист) дарит

детям подарки. Подарки, конечно же, оплачиваются родителями, но это не относится к делу. Лорд Рич узнал от Джорджа, что я твой сын. Может быть, я упоминал когда-нибудь об этом в разговоре – не припомню…

Тут госпожа Рафаэла прервала чтение и глянула на Деда Мороза. Он сидел молча, лицо его было мрачным.

В Снегограде был только один закон. Только один! Все остальные можно было назвать, скорее, правилами хорошего тона, но закон был один единственный:

Ультимативная конституция Снегограда

Закон 1

Статья 1

Никто не должен говорить о Снегограде и его жителях за пределами Снегограда.

Статья 2

Никто и ни при каких условиях не должен рассказывать о дороге в Снегоград.

Примечание: Нарушение этого Закона находится в ведении Верховного Суда Снегограда.

Госпожа Рафаэлярасстроилась. Как он мог…, как он мог рассказать кому бы то ни было о Снегограде.

- Вот почему он пишет по e-mail. Ему просто стыдно позвонить и рассказать о том, что он натворил, по телефону, - вымолвила она.

Дед Мороз поднял глаза на нее, они были совсем пустые. Как будто бы мир рухнул в одночасье.

- Читай, - тихо потребовал он.

- *Лорд Рич мне позвонил и попросил поговорить с тобой, готов ли ты принять его деловым предложение. Потому что в этом году он хотел бы организовать нечто НЕВИДАННОЕ: в Новый Год в его шопинг-центр придет НАСТОЯЩИЙ Дед Мороз, т.е. ты, папа. Это будет реальная БОМБА, что-то ФАНТАСТИЧЕСКОЕ, народ валом повалит! Плюс и сделка, которую он нам предлагает, очень выгодная: родители будут покупать новогодние подарки не в шопинг-центре, а на нашей фабрике…*

* * *

Мы должны ненадолго прервать госпожу Рафаэлу и рассказать о фабрике игрушек и о самом процессе производства игрушек. Как на любой волшебной фабрике, процесс создания игрушек волшебный.

Да, и тут есть специальные машины. И конвейер, по которому движутся готовые игрушки, их заворачивают в прекрасную цветную бумагу, завязывают красивыми ленточками и на каждую игрушку наклеивают этикетку с именем ребенка, которому предназначен подарок.

Но машины, производящие игрушки, не используют никаких материалов. Они работают от детских желаний!

В тот миг, когда госпожа Рафаэла, попивая свой чай, читает вслух письмо с желанием ребенка, машины на фабрике начинают крутиться и делать игрушки. Что пожелает ребенок, то и выходит из машины!

Подарки были такими, какими представляли их себе в мечтах дети, а сделаны они были в одном единственном экземпляре:ни один из подарков, созданных на фабрике, не походил ни на какой другой. И эти подарки совсем ничего не стоили, ведь их делали с помощью волшебства из детских желаний, поэтому они не были предназначены для продажи.

- Я, конечно, не хочу вмешиваться в твои дела, папа, все-таки ты опытней, - продолжал Виктор, - *но, думаю, что это прекрасная возможность заработать. Ты знаешь, что из-за того, что родители сами покупают подарки детям, и на каждом шагу любой актеришко может зарабатывать деньги, изображая Деда Мороза, мы получаем все меньше и меньше писем. Плюс родители все чаще говорят детям, что Деда Мороза не существует. А когда дела идут плохо, такими предложениями не следует разбрасываться.*

Папа обдумай все это хорошенько и сообщи мне свое решение.

Привет, Виктор.

Госпожа Рафаэла все никак не могла поверить, что ее собственный сын способен написать такое письмо. Закончив читать, она подняла испуганные глаза на Деда Мороза.

Лицо его побагровело. Несколько секунд он молчал.Госпоже Рафаэле показалось, что это молчание длится вечность. Потом резковскочил с кресла и вылетел из комнаты.

Это неслыханно! - прокричал он, несясь по коридору мимо Снежинки, не заметив ни ее, ни ее новой прически, и выбежал на улицу. Дверь с треском захлопнулась за ним, прямо перед носом госпожи Рафаэлы.

Глава третья

Гномы Пухлощёк, Ворчун и Лежебока

… сидели без работы. Не было ни писем, ни желаний, машины не работали. На фабрике царилобезмолвие, что в какой-то мере устраивало Лежебоку.Он, укрывшись одеялком, мирно посапывал в одной из подарочных коробок. Ворчун же и Пухлощёк от нечего делать играли в «Гном, не сердись»[115].

[115] От названия командной настольной игры «Mensch, ärgereDichnicht» («Приятель, не сердись»), придуманной в 1907 г. немцем Йозефом Шмидтом. *Прим. переводчика*.

По правде сказать, Пухлощёкуже давно хотел прервать игру, потому что Ворчун все время сердился, даже тогда, когда выигрывал (а выигрывал он все время).Пухлощёк несколько раз пытался переключить своего приятеля на какое-нибудь другое занятие, но Ворчун начинал ворчать еще сильнее. И Пухлощёк решил перекусить печеньем, пусть он сидит себе, злится и выигрывает, злится и…

- Ты совершенно не можешь сконцентрироваться, - взвизгнул Ворчун, - Тебе бы все жевать. Хватит уже, давай играть!

- Играю я, вот и вот, хрум-хрум, - с набитым ртомсказалПухлощёк и переместил фигуру гномика по доске. - Раз, два, три… хрум-хрум, а мы так, - и схрумкал еще одно печенье.

- С тобой каши не сваришь! Тоже мне игрок! Глупец! Даже считать не умеешь! - вскипел Ворчун.

- Умею, - мгновенно отреагировалПухлощёк. –Вот смотри: раз, два, три, четыре, пять печенек. Ой, как мало осталось! Пойду принесу еще, - потянулся он за печеньем.

- Сиди на месте! - пискнул Ворчун. –Ты никуда не пойдешь, пока я не выиграю!

Но Пухлощёк запротестовал: - Нет-нет, без печенья я играть не буду. Без еды у меня голова не работает.

- Что?! Какая такаяголова? Нету тебя никакойголовы. Да тебе онаи не нужна. Что я тебе скажу, то и будешь делать, - отчеканил Ворчун, скрестил руки на груди и нахмурился. Это была хорошо отрепетированная поза.

Пухлощёк тяжело вздохнул, схрумкал еще одно печенье (теперь их осталось всего четыре) и сел играть дальше.

И в этот триумфальный момент, когда Ворчун внутренне восторжествовав, твердо шел к победе в кто его знает какой по счету партии игры «Гном, не сердись», на фабрику влетел побагровевшийот злости Дед Мороз.

* * *

- Что у вас тут происходит, бездельники?! – страшным голосом закричал он. Серьезно, он крикнул так громко, что содрогнулись не только фабрикаи Снегоград, крик Деда Мороза вызвал землетрясение на далеком острове Пасха, совсем на другом краюземли.

Можете только себе представить, как в этот момент переполошились Ворчун и Пухлощёк! Пухлощёкпозабыл проглотить печенье, а Ворчун, Ворчун в этот миг забыл о том, что такое ворчать.

- А Лежебока? - спросите вы. Лежебока же беззаботно посапывал в своей коробочке. И в самый страшный момент позволил себе даже всхрапнуть!

- Почему никто ничего не делает? - завопил Дед Мороз. – Что за беспорядок? Почему везде крошки от печенья? На моей фабрике?!

- Но, но…, Дед Мороз, раньше тебе никогда не мешали крошки, - заикаясь от страха, пробормотал Пухлощек.

- Молчать! Ты уволен! - закричал Дед Мороз.

Пухлощёк и Ворчун не поверили своим ушам. Уволен? Что это могло бы значить? В Снегограде никого и никогда не увольняли с работы. Никогда. Никто даже представить себе не мог ничего подобного, и вот почему…

* * *

Во-первых, в Снегограде все делали только то, что им нравится. Невозможно было даже представить себе, чтобы кто-то делал то, что ему не нравится.

Во-вторых, в Снегограде работали все! И при этом работали на совесть. Когда была работа, все работали в полную силу, не зная отдыха. А когда работы не было, всякий мог делать то, что хочет. Вздремнуть, съесть печенье, почитать книгу, поупражняться, прогуляться по снегу, сыграть в какую-нибудь игру или просто посидеть и помечтать. А мечтать любили все жители Снегограда.

А в-третьих, в Снегограде за работу не платили, все работали, потому что это естественно и полезно. В Снегограде, если вы еще не поняли, вообще не было денег. Если кто-то хотел «купить» что-либо, к примеру, одежду, игрушку, мороженое или суп, «расплачиваться» нужно было хорошим словом! Это было правилом Снегограда.

И это были не обычные хорошие слова вроде «добрый день» или «доброе утро». Эти слова и так использовали постоянно. Даже представить себе невозможно, чтобы кто-то не поздоровался или не попрощался, все были очень культурными. Если посчитать, то в среднем жители города проводили несколько часов в день за приветствиями и прощаниями.

«Платить» же хорошим словом – это значит придумать особое хорошее слово именно для того, у кого ты покупаешь. Например, если вы хотите «расплатиться» с резвым оленем, везущим вас на санях, вы должны произнести нечто подобное в возвышенном стиле: «Прекрасный молодой господин с ветвистыми рогами, не будете ли Вы так любезны подвезти меня к Ледовому парку, не затруднит ли Вас это?»

И комплименты должны быть искренними. В этом-то и суть самого «платежа»! Если же вы говорите неискренне, вас сразу же разоблачат, и вы не то что не доедете до Ледового парка, вылетите из санок на первом же повороте. Но ничего подобного не случалось со зверьми, живущими в Снегограде, и даже с людьми…

* * *

- Уууволен? - растерянно пролепеталПухлощёк, - Но-но за что?!

- За несоблюдение гигиены, - отрезал Дед Мороз.

- Я не слыхал о таком правиле, - вмешался в разговор Ворчун.

- И ты уволен! - насупил брови Дед Мороз.

- А я почему? Я-то что сделал? - рассердился Ворчун.

- Незнание – худшее из зол, - продолжал упрямиться Дед Мороз.

- Дед Мороз, что произошло? Я ничего не понимаю. Мы ни в чем не виноваты, - чуть не плакал Пухлощек.

- Вы все уволены! Все! Вон с фабрики, сейчас же!

- Дед Мороз, опомнись, - смиренно произнес Ворчун, что вовсе было не типично для него, - Давай сядем и поговорим, как дед с гномами, и постараемся разобраться во всем.

- Не желаю ни в чем разбираться. Хочу, чтобы вы побыстрее ушли и оставили меня одного, - упирался, как малое дитя, Дед Мороз.

Это было уже слишком для чувствительного Пухлощёка, и он расплакался. Глотая слезы, он укладывал свое печенье в коробочку. Если бы он не был так расстроен, то, вероятно, собрал бы и крошки.

- А-а-а-а, нет ли чего перекусить, - послышались зевание и сонный голосок из подарочной упаковки. Господин Лежебока только что проснулся, не имея никакого представления о драме, разыгравшейся только что на фабрике. - Мне приснилась пицца! - радостно добавил он.

- Пицца? Я тебе покажу пиццу, лентяй нечастный! - гаркнул Дед Мороз так громко, что Лежебока вместе со своей коробкой (и с одеяльцем) отлетел на другой край комнаты. Растерянный, сонный и взлохмаченный, сидел он на полу, прижимая к себе одеяльце и ошеломленно глядя на Деда Мороза.

- Дед Мороз? - прошептал Лежебока, - Что с тобой? Ты не заболел?

- Ты уволен! - затопал ногами Дед Мороз. –Вы все уволены. Вон отсюда!

- Почему я уволен? – спросонья недоумевал Лежебока, - Ничего не понимаю.

- За сон на рабочем месте, - отрезал Дед Мороз. –А теперь все вон, не хочу вас больше видеть, - сказал он, забился в угол и повернулся к ним спиной.

Пухлощёк с плачем (и с печеньем в руке) выбежал на улицу.

Лежебока тихонько поплелся к двери, волоча за собой по полу одеяльце. Перед тем как выйти, он повернулся к Деду Морозу и сказал: - Что-то с тобой не так, Дед Мороз. Тебе надо измерить температуру.

И ушел.

Ворчун не сдвинулся с места. Он стоял и смотрел на Деда Мороза, который притворялся, будто ничего не видит.

После продолжительного молчания Ворчун произнес: - Все не так плохо, как кажется, Дед Мороз. Утро вечера мудренее. Надо поспать, отдохнуть, встать утром пораньше и что-нибудь придумать. Мы не будем сидеть без работы, должен быть способ заставить детей снова поверить в тебя. Они еще завалят нас письмами. Фабрика будет ломиться от игрушек,

а у нас опять будет так много работы, что мы не будем знать, за что схватиться. Должен быть какой-то способ, или какая-то тайна, которую мы не знаем… Если будет нужно, мы весь Снегоград на ноги поднимем. Ведь стоит попробовать, как ты думаешь?

Но Дед Мороз продолжал угрюмо молчать.

Ворчун вздохнул и пошел к выходу. - Я никогда не сдаюсь, Дед Мороз. И знаю, что ты тоже, - выкрикнул он, выходя из двери.

Дед Мороз посидел в углу еще какое-то время, в потом повернулся и осмотрелся кругом. Глаза его были полны слез.

- Оставьте меня одного, - шептал он. –Никто мне не нужен. И я, очевидно, никому не нужен. Никто, никому, никогда, ничего, - бормотал он грустно.

Он постоял так некоторое время, не зная, куда податься, а потом вышел на улицу. Уже стемнело. Полная луна, похожая на огромное желтое яблоко, ярко светила на небе. Звезды мерцали и перешептывались, рассказывая друг другу сказкио разных уголках вселенной. Но Дед Мороз, никогда не упускавший возможность послушать сказки, на этот раз не остановился, чтобы поприветствоватьзвезды и поболтать. Луна спустилась пониже, звезды загалдели громче – ни-че-го. Дед Мороз молча уставился на свои сапоги, оставлявшие глубокие следы на снегу.

Подойдя к дому, он остановился и заглянул в окна. Все спят? Нет, в одном окне горел свет. Госпожа Рафаэла ждала его. Он постоял еще немного, раздумывая, войти ли в дом или вернуться на фабрику. Но в это мгновение свет погас и в этом окне. Дед Мороз помедлил еще несколько секунд и тяжело и медленно зашагал к дому. Звезды и луна впервые заметили, что Дед Мороз выглядит постаревшим, почти как самый обычный дед. Эта шокирующая новость в долю секунды разнеслась по всем уголкам вселенной.

Глава четвертая

Милая

…лежала в огромной деревянной кровати у себя в спальне, утопая в мягких подушках, и размышляла о том, как исправить ситуацию. Поступок Виктора ее очень расстроил, если не сказать – шокировал, но госпожа Рафаэла была не из тех людей, что сидят сложа руки. Нет, обычно она берет инициативу в свои руки и решает проблемы, именно так. Для нее не существовало неразрешимых ситуаций, были только сложные случаи.

- А это просто самая сложная ситуация из тех, с которыми мне до сих пор приходилось сталкиваться, - уговаривала себя Милая.

Подумав еще немного, она решительно взяла в руки телефон и начала набирать сообщение.

- *Виктор, ты не спишь?*
- *Привет, мам. Нет. Сижу в интернете. Что ты хотела?*
- *Сынок, я бы не хотела тебя ругать, только мне не совсем понятно, как ты мог рассказать о нас другим. О нас, о Снегограде.*
- *Мааам, глупости. Ничего страшного не случилось. Вы совсем отстали от жизни. Времена меняются. Расслабься. Все ОК.*
- *Что ОК? Ничего не ОК. Ты знаешь, как ты обидел папу? Как ты мог такое ему предложить? Какой-то бизнес, сделки?*
- *Ну, кто не хочет меняться, пусть не меняется. Все супер. Скажу, что сделка не состоится. ОК?*
- *Почему ты не хочешь понять, что я тебе говорю? Как ты мог так измениться? Куда исчез мой маленький фантазер? Что с ним стало?*

(Прочитано)

Виктор прочитал сообщение, но ничего не ответил. Ответа нет и нет.

Куда подевался ее сын, ее маленький умный Виктор? Малыш с бурной фантазией. Ребенок, обожавший сказки, которые она читала ему в детстве: «Красную шапочку», «Принцессу на горошине», «Ивана-царевича и жар-птицу» и самую любимую – сказку о Питере Пэне, мальчике, который не хотел взрослеть. Как он хотел быть Питером Пэном! И никогда, никогда не становиться взрослым. Неужели он мог забыть свои мечты?

Госпожа Рафаэла все сидела и задавала себе вопросы. И ждала ответа от Виктора. А ответа не было.

Ждала и когда вернется Николай, ее грустный медвежонок. Но и его не было. Никого не было. Все ее бросили.

Милая со вздохом погасила свет в спальне. Огромная луна заглядывала в окно. И госпоже Рафаэле, засыпавшей беспокойным сном, показалось, что луна ей что-то рассказывает.

* * *

А тем временем в домике в дупле старого дерева три гнома возбужденно обсуждали происшествие на фабрике. На столике перед ними стоял чай и лежало печенье. Ведь это отличное лекарство от тревог, страха, страданий, разбитых сердец и других душевных невзгод.

- Дед Мороз страшно болен, - сказал Лежебока и зевнул. – Надо вызвать к нему врача.

- Он болен не физически…, хрум-хрум…, больна его душа. Его очень расстроило, что дети больше ему не пишут… хрум-хрум… письма, - произнес с набитым ртом Пухлощёк.

- Я думаю, что не только это. Что-то еще случилось, - задумался Ворчун.

- А что еще? - спросил Пухлощёк.

- Не знаю, - ответил Ворчун. - Но непременно узнаю! - решительно встал он и начал надевать пальто, сапоги и шапку. Пухлощёк и Лежебока растерянно смотрели на него.

- Куда ты идешь? - спросил Пухлощёк.

- Понять. Узнать. Помочь. Мы должны помочь Деду Морозу. – решительно заявил Ворчун. – Как можем и как умеем.

- Тогда давайте захватим побольше печенья! - сказал Пухлощёек. – Оно пригодится нам в пути.

Он встал и начал наполнять рюкзачки печеньем, конфетами, шоколадками…

- Куда вы собрались без меня? - завопил Лежебока и схватил одеялко. – Я тоже пойду!

Ворчун улыбнулся. Он знал, что друзья не подведут его. На самом деле он понятия не имел, что происходит, а тем более не знал, как помочь Деду Морозу. Он был самым обычным гномом и не обладал никакой волшебной силой. Но у нее появилась идея, кто может помочь им, и именно туда он решил отправиться. А потом… кто знает, куда приведет их дорога?

Через пятнадцать минут гномики погасили свет в своем домике-дупле и хорошенько заперли дверь. Постояли немного у порога, разглядывая звездное зимнее небо, с которого ярко светила луна, похожая на огромный фонарь в приятельской руке.

Когда друзья ушли вперед, Ворчун показалось, что луна увеличилась в размерах, а звезды словно разлетелись по небу. Но он знал, что это невозможно, повернулся и побежал догонять своих друзей.

* * *

Снежинка лежала в кровати тихо, словно мышка. Все думали, что она давно спит, но она просто выключила свет, лежала и размышляла. Она не понимала, что происходит. Только знала, что это как-то связано с Виктором, и что он сделал что-то ТАКОЕ, чего ни в коем случае нельзя было делать. Только это она смогла разобрать из бессвязных слов матери,

прерываемых рыданиями. Успокоившись, госпожа
Рафаэлаотказаласьразговариватьна эту тему.

Но и того, что поняла Снежинка, было достаточно. Довольно для того, чтобы понять, срочно что-то нужно делать! А после размышлений она поняла, что именно. Она встала, бесшумно оделась в темноте – теплый свитер, сапоги, шапка, шарф, перчатки, сумка…, поправила прическу… и открыла окно. Достала из сумки маленький серебряный свисток и поднесла его к губам.

Из свистка не вылетело никаких звуков, по вскоре послышался тихий скрип снега. Перед ней появился Всполох, молодой резвый олень, нос которого светился в темноте, словно маленький синий фонарик. Всполох был лучшим другом Снежинки, ее верным спутником. Снежинка нагнулась и что-то прошептала ему на ухо. Всполохподнял на нее бездонные глаза и кивнул.

Снежинка перелезла через подоконник и выпрыгнула на снег. Вмиг взобралась на Всполохаверхом,и оп! – оба взмыли в небо.

Как известно, волшебные олени Деда Мороза умеют летать по небу и передвигаться с одного конца света на другой с невероятной скоростью. Взлетев наверх, Снежинка удивилась, что луна сегодня такая огромная, а звезды настолько быстро движутся по небу. Но времени все это обдумать у нее не было. Она должна была выполнить важную миссию…

В то же время Всезнай Белый, старейший и мудрейший филин в Снегограде, смотрел на небо и удивлялся беспокойству звезд. И хотя он был очень мудрым, он не смог разобраться в мельчайших деталях того, что происходит, одно ему было ясно – кто-то совершил что-то строго запрещенное!

А это означало, что нельзя терять времени. Не раздумывая, он вылетел в окно и направился к огромной желтой луне, а его белые крылья в ночи казались совсем черными.

* * *

В тот же самый миг…
гигантские статуи на острове Пасха, огромные каменные головы, стоящие на островах с незапамятных времен и пристально смотрящие в небо, услышали шепот звезд…

… и узнали причину землетрясения, случившегося на острове. Поняли и все другое, но только первое для них было важно. Все-таки это всего-навсего каменные головы, а плюс ко всему они находятся на другом краю земли.

* * *

И именно в это мгновение огромная сияющая звезда на противоположномкраю вселенной начала свое движение, она двигалась через всю галактику, все быстрее и быстрее, как будто кто-то гнался за ней или же у нее была какое-то крайне важное дело…

* * *

- *Почему ты не хочешь понять, что я тебе говорю? Как ты мог так измениться? Куда исчез мой маленький фантазер? Что с ним стало? –* прочитал Виктор, сидя в своей комнате в студенческом кампусе, и нахмурился.

Он решил не отвечать маме на сообщение. Повернулся и уткнулся в экран компьютера, где на страничке Фейсбука его ждало письмо от прелестной Мины Джонс. Он продолжал переписываться с ней и шутить, однако с гораздо меньшим энтузиазмом, чем прежде.

Виктор старался не думать о последних словах матери, но что-то грызло его изнутри, не давало ему покоя.

Почему они продолжают относиться к нему, словно к ребенку! Может и он что-то придумать и предложить (хотя, по правде говоря, предложение принадлежало не ему, а господину Ричу). А то, что он нарушил какое-то там правило, не имеет никакого значения. Почему в Снегоград не может приехать тот, кому захочется, сейчас совсем другое время…

Так рассуждал Виктор, переписываясь с прелестной Миной еще долгое время… И хотя он не отрывал взгляда от экрана, в какой-то момент он почувствовал беспокойство и глянул в окно.

За окном что-то происходило, какое-то движение, шум… Виктор встал, встряхнул головой и выглянул в окно. Но кроме луны, ярко светившей на небе, он не смог ничего разглядеть.

- Ерунда! Я на шестом этаже, кто здесь может быть? Просто игра воображения, - успокоил себя Виктор и вновь вернулся к Фейсбуку и мисс Мине Джонс.

Но если бы он только знал, как же ошибается…

Глава пятая

Дед Мороз

… тихо вошел в гостиную. Свет был погашен, но огонь в камине мягко освещал комнату. В другой ситуации Дед Мороз обрадовался бы теплу и уюту, царившим тут, но не сейчас. Он ничего бы и не заметил, вероятно, даже если бы комната была совсем мрачной и холодной. Настолько он был разочарован.

Тяжело вздохнув, он медленно опустился в свое кресло, словно все тяготы мира лежали у него на плечах. Он сидел долго-долго и думал обо всем на свете.

О детях, которые перестали верить в него и писатьписьма.

Об родителях, которые перестали будить фантазию детей и словно забыли о том, что волшебство играет важную роль в жизни ребенка. Они совсем забыли, что когда-то тоже были детьми. Позабыли свое волнение в

новогоднюю ночь и волшебное утреннее пробуждение, когда обнаруживали подарок своей мечты, именно такой, какой они видели во сне, один единственный на свете.

О господине Риче и ему подобных, наживающихся на продаже стандартных фабричных подарков, тысячами выходящих с конвейеров…

И о Викторе, больше всего о Викторе…, о своем сыне, о своем маленьком озорнике, из которого вырос не настоящий наследник Деда Мороза, который продолжил бы осуществлять мечты и желания детишек во всем мире, а кто-то совсем непонятный… Что с ним произошло? Почему он так изменился? Правильным ли было решение отпустить его из Снегограда? Но как в таком случае наследник Деда Мороза познакомился бы с миром, как бы узнал, что такое добро и зло? Если бы не открыл для себя плохие и хорошие стороны людей?

- Кругом вопросы, кругом, - подумал Дед Мороз. - И кроме всего прочего, Виктор нарушил закон! Он рассказал чужаку о Снегограде! А такого давно не случалось…, сколько же времени прошло с тех пор? И не упомнить, да это сейчас и не важно. А что больше всего его угнетало, что Виктор, его Виктор, которого он сам учил и воспитывал, нарушил закон!

Горькие мысли терзали Деда Мороза до глубокой ночи, пока от усталости он не забылся тяжелым сном. А задремав, увидел …

* * *

… что стоит в центре Снегограда. На маленькой площади, где находится часовая башня.Кругом все знакомое, но что-то неуловимо изменилось, что-то не так… Только что? Дед Мороз никак не мог понять.

Он зашагал по пустынным улицам Снегограда. Куда же все подевались? Почему вокруг никого нет? Ни гномов, ни животных, ни саней… Дед Мороз смотрел на темные окна домов, магазинов, кондитерских…

- Неужели все спят? – удивился Дед Мороз. Он подошел поближе к одному из домов, и только тогда ему стало ясно, что не так. Дом был заброшен. Все дома стояли пустые! Окна разбиты, двери раскрыты настежь, внутри все разбросано, растащено, разорено. И он наконец понял, что вначале ему показалось странным: часы на башне стояли. Циферблат не светился, стрелки замерли на месте.

Дед Мороз испугался.

- Я сплю. Это только дурной сон, - прошептал он.

Он двинулся к своему дому. Он должен был увидеть, что происходит там…

Со страхом приближаясь к дому, он опасался, что найдет его совсем разрушенным. Войдя во двор, заметил, что из окон пробивается слабый свет.

- Внутри кто-то есть! - заволновался он и ускорил шаги. Приблизился к дому и заглянул через окно в гостиную.

Горел камин, а в его кресле кто-то сидел.

- Хм, - озадаченно пробормотал он, - Это же не я. Что за человек сидит в моем кресле?.

Но через мутные окна ничего не было видно. Нужно было войти в дом, чтобы увидеть, кто осмелился сесть в его любимое кресло.

На пороге дома он оглянулся на фабрику. Пустая, темная и заброшенная, стояла она. Машины не работали. Все вокруг было завалено снегом. Снег, похоже, не убирали месяцами. Дед Мороз содрогнулся от ужаса. Как хорошо, что это всего лишь сон!

Он вошел в дом и направился в гостиную. Открыл дверь. В его кресле, освещаемый огнем камина, сидел какой-то чужой старик. Старик медленно поднял голову и посмотрел на Деда Мороза.

- Кто этот грустный старик? – недоумевал Дед Мороз. – Почему-то он кажется мне знакомым.

Старик ошеломленно смотрел на Деда Мороза, раскрыв рот от изумления.

- Па-па? – произнес он.

Дед Мороз с ужасом понял, почему ему показался знакомым этот бедный печальный старик. Это же Виктор! Его Виктор, только сильно постаревший и опустившийся. И очень грустный. Что с ним произошло?

- Папа! – воскликнул постаревший Виктор. – Папа, умоляю тебя, прости меня, - и заплакал, словно малое дитя.

Дед Мороз, не скрывая потрясения, подошел к Виктору, хотел было протянуть ему руку, но какая-то невидимая сила его останавливала.

- Сынок, - произнес Дед Мороз, пытаясь прикоснуться к нему, чтобы утешить его, но его что-то словно не пускало, отбрасывало назад.

- Папа, - просил Виктор, протягивая руку. - Папа, не бросай меня.

- Сынок, - крикнул Дед Мороз… и проснулся весь в холодном поту.

* * *

Огонь в камине почти погас. Луна на небе уже исчезла, а звезды… Звезды продолжали перешептываться, совершенно не обращая внимания на Деда Мороза.

- Это только сон, - перевел с облегчением дух Дед Мороз.

Он встал, подбросил дров в камин, разгреб угли. Комната осветилась мягким теплым светом. Он открыл окно, чтобы впустить немного свежего воздуха, и глянул на звездное небо.

- Это только сон, - повторил он.

Вдруг он заметил, что одна звезда быстро движется по небу, становясь все больше и больше, И БОЛЬШЕ.

- Что это такое? – удивлялся Дед Мороз, смотря на приближающуюся звезду. Огромная, как солнце, звезда уже ослепляла его. Дед Мороз зажмурился от страха, ожидая, что таинственная звезда поглотит его.

- Вжиик, хлоп! – раздался хлопок позади него. Дед Мороз испуганно обернулся, а там, посреди гостиной, излучая мерцающий белый свет, стояла самая прекрасная женщина во Вселенной (или, по крайней мере, Деду Морозу так показалось в этот момент). У нее были длинные серебристые волосы и огромные темнофиалковые глаза. Она была одета в прекрасное серебряное платье, тонкое, словно паутина, а из-за спины ее виднелись большие тонкие ипрозрачные крылья.

- К-кто вы? – заикаясьпромямлил Дед Мороз.

- Фея, приятно познакомиться, - нежно прожурчалачудесная красавица и глянула на Деда Мороза огромными фиалковыми глазами.

- Фея, это которая? – спросил все еще смущенный Дед Мороз.

- Просто фея, - весело ответила она. – Меня зовутФея. Фея из сказки.

- Ага, - протянул Дед Мороз, делая вид, что все понял. – Чем я могу помочь Вам, прекрасная госпожа? – Он подумал, что если обратиться к ней как можно учтивей, она не поймет, насколько он растерялся.

Но Фея только очаровательно рассмеялась, и все смеялась-смеялась… А Дед Мороз, слушая ее заразительный смех, забыл обо всех невзгодах и плохих снах и захохотал вместе с ней.

А когда они отсмеялись, Фея внимательно посмотрела на него своими фиалковыми глазами и очень серьезно произнесла:

- Я здесь, Дед Мороз, чтобы помочь тебе. Каждому из нас иногда очень нужна помощь, поэтому мы должны помогать, чем можем.

Дед Мороз подумал, что Фея права. Сейчас ему просто необходима помощь. Но какая? В чем? Столько проблем, столько вопросов …, а сердце его было разбито юным негодником Виктором.

Фея, похоже, читала его мысли:

- Не тревожься, Дед Мороз, - сказала она, - посмотрим, что мы сможем сделать. Но сначала давай выпьем чаю с ромашкой. И с печеньем с вишневым джемом. Я обожаю вишневый джем.

Дед Мороз не раздумывая бросился на кухню, чтобы исполнить желание Феи. А кто бы смог ей отказать?

Глава 6

Где-то в Снегограде

… на перекрестке среди узеньких улочек, на которыхПухлощёк и Лежебока никогда раньше не бывали, Ворчун вдруг внезапно остановился и задумался.

- Где же это было, там? Никак не могу вспомнить. Думаю, что нам туда, - неуверенно сказал он. – Давайте пройдем еще немного по этой улице, если же не туда, вернемся назад.

Пухлощёк и Лежебока растерянно посмотрели на него.

- А куда мы идем? – спросил Пухлощёк. – Мы бродим по этим улочкам битый час. Мне кажется, мы ходим по кругу.

- Понятно, что ходим по кругу, - сердито ответил Ворчун. – И пока я не вспомню, как туда попасть, так и будем кружить. А потом понизил голос почти до шепота и произнес:

- Когда я был у него в последний раз, мне было пять лет. Всего пять. Я был гномом-несмышленышем, который ничего не знает о жизни. Но как сейчас помню, мы с отцом входим в ветхую хижину…

- Ворчун, скажи же наконец, куда мы идем? – нетерпеливо спросил Лежебока. – Что это за таинственное место?

А Ворчун, напустив на себя очень серьезный и загадочный вид, произнес:

- Хорошо. Встаньте поближе, я шепну вам на ухо.

Пухлощёк и Лежебока с заговорщическим видом приблизились к нему. У всей троицы были настолько серьезные выражения лиц, что со стороны это казалось крайне забавным.

- Мы идем к Ардамелю, - едва слышно прошептал Ворчун.

Пухлощёк и Лежебока вытаращили глаза и переглянулись. Это заявление было настолько невероятным, что гномики буквально онемели.

* * *

Ардамель Старейший был настоящей легендой! Пухлощёк и Лежебока думали, что его на самом деле не существует, а если он и был когда-то, его уже нет в живых. И до сих пор не слыхали, чтобы его кто-то вообще видел. Поэтому то, что рассказал им Ворчун, было настолько невероятным, что им потребовалось две-три секунды, чтобы прийти в себя.

- Н-н-н-е могу поверить, - первым очнулся от удивления Лежебока. – Ардамель – это самый старый гном на свете. И самый мудрый. Но я всегда думал, что он – это только легенда. Неужели он на самом деле существует?

- Да, - ответил Ворчун. – Только я никак не могу вспомнить, как его найти.

- И ты все время знал, что он существует? – недоверчиво спросил Пухлощёк. – И не проговорился? И не сводил нас к нему?

Ворчун недовольно глянул на него. – Конечно, не проговорился, о таком не рассказывают. Вы думаете, что так запросто можно пойти к самому старому гному на свете, чтобы поболтать?

- И выпить чайку с печеньем, - встрял Пухлощёк.

Ворчун сверкнул на него глазами. – Пожалуйста, сейчас же перестаньте. Вы хотите знать, куда мы идем? Вот туда и идем. Почему? Потому что я не знаю, кто бы еще смог нам помочь в безвыходной ситуации. А сейчас чуток помолчите, мне нужно сосредоточиться, - сказал Ворчун и повернулся к ним спиной.

Пухлощёк и Лежебока стояли и смотрели на хмурого Ворчуна, то есть они пытались на него не смотреть, но им было так холодно, что время

от времени он непроизвольно смотрели на него, чтобы узнать, не изменилось ли чего. Но Ворчун все стоял и вглядывался в темные улочки. То в одну, то во вторую, то в третью. И когда гномики уже было подумали, что надеяться больше не на что и наутро их, скорее всего, обнаружат замерзшими на этом самом месте, Ворчун подскочил и засмеялся.

- Я знаю, где это! – радостно завопил он, чем абсолютно озадачил двух остальных гномов. Радостный Ворчун? Странно, очень странно…

- Я вспомнил одну примету. Это старый колодец во дворе дома. Если мы найдем этот колодец, то найдем и дом Ардамеля.

- Хм, наверное, нам лучше разделиться, - пришла Лежебоке в голову гениальная мысль. – Каждый отправится по своей улочке и будет искать.

- Браво, Лежебока! Замечательная идея! – поддержал его Ворчун. – Каждый пойдет по своей улице и осмотрит ее до конца. Встречаемся на этом самом месте, когда закончим поиски. Надеюсь, что они будут успешными.

- Хорошо бы, - сказал Пухлощёк, - потому что мне ужасно хочется чаю с печеньем…

И гномики отправились каждый по своей улочке, как и договаривались…

* * *

Ворчун и Пухлощёк уже полчаса как вернулись на перекресток. Ни один из них не нашел колодца во дворах домиков, хотя заглядывали они во все дворы. А Лежебока? А Лежебоки все не было.

И когда Ворчун уже готов был отправиться на его поиски, Лежебока возник из темноты, запыхавшийся и сонный. Ворчун и Пухлощёк бросились ему навстречу.

- Я нашел… колодец. Нашел. – задыхаясь произнес Лежебока. – Его совсем засыпало снегом, я едва его разглядел. Там, в конце этой улочки, в темном заросшем дворе. Во дворе стоит хижина, очень старая и ветхая. Но окнах горит свет. Я хотел было зайти туда, долго вертелся под окнами, но мне стало страшно.

- Надо было сразу же возвращаться, а не заглядывать в окна, - рассердился Ворчун. – Только время из-за тебя потеряли. Топай вперед, веди нас!

- Хорошо-хорошо, - зевнул Лежебока. - Как же мне хочется спать…

* * *

Три гномика стояли под дверью ветхого дома. Ворчун занес руку, чтобы постучать в дверь, но никак не мог решиться… Как непросто постучать в дверь самого Ардамеля Старейшего. Он обернулся и посмотрел на друзей, ища их одобрения. Они смотрели на него испуганно, но потом Пухлощек кивнул, подбадривая его. Лежебока тоже кивнул.

Ворчун набрался смелости и постучал в дверь.

Ничего, словно и нет никого внутри. Никаких звуков, никаких движений.

Ворчун постучал еще раз, настойчивее. Через какое-то время гномики услышали тихие шаркающие шаги. Кто-то шел к двери!

- Скрррррип, - дверь широко распахнулась, гномики подпрыгнули от неожиданности. Перед ними на пороге стоял старейший гном на свете.

Ардамель был настолько дряхлым, что весь сморщился, сгорбился, оброс длиннющими седыми волосами и бородой. Кости его скрипели при каждом движении, а глаз под морщинами почти не было видно. Гномам показалось, что он не совсем в себе, и они подумали, что напрасно целый день бродили по заснеженным улицам Снегограда.

Но когда Ардамель заговорил, гномики поняли, что поспешили с выводами.

– Хм, - если я не ошибаюсь, - это юный Ворчун, - проскрипел Ардамель. – Сколько же лет прошло с тех пор, когда ты был у меня?

- Д-девяносто, - заикаясь прошептал Ворчун. Как Ардамель мог помнить его? Ворчун никак не мог понять.

- Всего-то? – улыбнулся Ардамель. – Входите в дом, не стойте на пороге. Рассказывайте, что привело вас ко мне в такое время?

Ардамель посторонился, пропуская гномиков в дом. Когда они входили, услышали шум гигантских крыльев, словно какая-то огромная птица вылетела из дома. Они испуганно обернулись, но в кромешной тьме ничего не было видно.

- Что это? Что это за птица? – спросил Ворчун. Но Ардамель уже зашагал вперед по узкому коридору, крича им, чтобы они поспешили за ним и поплотнее закрыли дверь.

* * *

Ардамель внимательно выслушал рассказ Ворчуна о драме, разыгравшейся на фабрике, не упуская ни малейшей детали. И даже высказал предположение, что причиной происшествия сталоне только отсутствие писем от детей, случилось,вероятно,что-то гораздо более серьезное.

- Мы не знаем, что произошло и как помочь Деду Морозу, - сказал Ворчун. – Поэтому и пришли к тебе. Я знаю, что и отец приходил к тебе в самых безвыходных ситуациях. Когда помочь могла только твоя волшебная сила.

Ардамель улыбнулся. Он вообще не удивился рассказу Ворчуна. Ворчуну даже показалось, что старый гном откуда-то уже обо всем знал.

– Неужели это возможно? Откуда он мог узнать? – подумал Ворчун.

- А вы можете… хрум-хрум… - спросил Пухлощёк, жуя печенье (потому что Ардамель угостил их чаем с печеньем), - помочь Деду Морозу? Знаете ли вы … чав-чав… какие-то волшебные слова?

- Нет, не знаю, - ответил Ардамель. – И не думаю, что гномам нужно иметь дело с магией. Но могу сказать, что то, что вы решили помочь, даже

и не зная толком, что случилось, без раздумий в ночи бросились искать выход из трудной ситуации, - многое о васговорит. Вы настоящие друзья и очень храбрые гномы. Я чрезвычайно рад, что познакомился с вами.

Ворчун и Пухлощек были горды, что услышали похвалу от Ардамеля. Мы говорим только о Ворчуне и Пухлощёке, потому что, как вы уже догадываетесь, Лежебока решил чуток вздремнуть. Но никто не сердился на него из-за этого. Потому что если бы не он, кто знает, где бы они плутали сейчас в поисках хижиныАрдамеля.

- Вы можете нам помочь? – спросил Ворчун. – Вы не знаете, что случилось с Дедом Морозом?

- Не знаю, - ответил Ардамель. – Но, пожалуй, догадываюсь. Мне кажется, что его обманули. И что помощь нужна не только ему, но и кому-то еще… в особенности кому-то еще. То, что может произойти, очень опасно для всех нас, если мы будем медлить. Поэтому я считаю, что вы пришли в правильное времяв правильное место.

Ворчун и Пухлощек немного растерялись от слов Ардамеля, но они были слишком возбуждены, чтобы просить детальных объяснений.

- Значит, вы поможете нам? – спросил Ворчун.

- Я вам помогу, но тем, что отправлю вас к тому, кто точно сможет помочь. Или, по крайней мере, я так думаю. К тому, кто в отличие от меня владеет магией, - загадочно улыбнулся Ардамель.

Гномики еще больше растерялись.

- К кому вы нас отправите? – спросил Пухлощек. – К великому волшебнику?

- Ха-ха-ха, - громко рассмеялся на этот раз Ардамель. – Можно и так сказать, к великому волшебнику. Он в своем роде великий волшебник.

- Кто же это? –подпрыгивал от нетерпения Пухлощёк. Он так разволновался, что забыл съесть очередное печенье.

- Это Сказочник, - спокойно ответил Ардамель. – Я отправлю вас к Сказочнику.

- Разве Сказочник – это волшебник? – с сомнением произнес Ворчун. – Странное имя, Сказочник.

- Я же говорил вам, - уже сердито пробормотал Ардамель. – Он не настоящий волшебник. Он рассказывает сказки.

- Ну и в чем же тогда магия? Чав-чав, - спросил Пухлощек, торопливо проглатывая очередное печенье.

- А в том, что он умеет оживлять сказки, - ответил Ардамель. – А теперь поторопитесь, нельзя терять время! Пока ждем тех, кто нас перевезет, я вам все объясню…

Глава седьмая

У-гу! У-гу!

… послышался громкий крик совы.

Виктор проснулся весь в поту. Он вспомнил свой сон и содрогнулся. Какой кошмар!

- У-гу! У-гу! – опять прокричала сова.

- Откуда это? – удивился Виктор. Он подошел к окну и выглянул наружу. На улице была кромешная тьма. Месяц уже скрылся. Виктор распахнул окно и высунулсяна улицу, в темноту. Внезапно раздался шум крыльев.Большой коричневый филин влетел в комнату и уселся на письменный стол Виктора.

Виктор удивленно уставился на филина. Филин спокойно смотрел на Виктора.

- Кыш отсюда, убирайся! – прикрикнул Виктор на филина.

- У-гу? – филин как будто бы спрашивал, почему он должен улетать.

- Тебе не место здесь, кыш, улетай, лови мышей, как все совы, или чего там еще… - нервничал Виктор. Его до сих пор преследовал неприятный осадок от ночного кошмара.

Филин походил на полярных сов из Снегограда, только был меньшего размера и коричневый. Это был самый обычный филин, не умеющий разговаривать. Так думал Виктор, разглядывая его.

- У-гу, - согласился филин.

- Чего ты ко мне пристал? – прикрикнул Виктор на филина. – Хватит уже, марш на улицу!

Но филин не сдвинулся с места и продолжал таращиться на него.

В открытое окно начало задувать. Виктор задрожал от холода. Сон… Он опять вспомнил о ночном кошмаре.

- А был ли во сне филин? – пытался вспомнить он. – Мне кажется, был…

* * *

Сон наччинался прекрасно. Он был продолжением грез о будущем, таком, о котором мечтал Виктор.

Во сне Виктор унаследовал фабрику Деда Мороза и превратил ее в очень современное и успешное предприятие. Дед Мороз удалился на пенсию, а Виктор вместе со своим деловым партнером Джорджем Ричем занимался производством игрушек на фабрике и поставлял их в шопинг-центр лорда Рича.

Конечно же, фабрика работала совсем не так, как раньше. «Гораздо эффективнее и экономичнее», используя любимые выражения Виктора. Игрушки производились партиями, что позволяло экономить, и

продавались, а это приносило немало денег. Эффективность, накопления, заработок – именно так!

Виктор придумал совсем новые машины для фабрики. Его идея с машинами была просто гениальной! Это признавали и Джордж, и лорд Рич.

Новые машины работали вовсе не от детских желаний. Почему же? Во-первых, дети уже давно не писали никаких писем с желаниями, а, во-вторых, они уже и не знали, чего пожелать. Чего им желать, ведь они были завалены тысячами подарков. А сам процесс производства подарков из желаний безнадежно устарел, был неэффективным и дорогим.

Даже если бы кто-то и пожелал уникальную игрушку, она стоила бы немалых денег. А родители не хотели платить много денег, поэтому на фабрике производили менее ценный товар.

Виктор придумал кое-что другое: в машины вместо детских желаний ставили «красивую» ложь. Хотите верьте, хотите нет, а результат был практически тот же. Игрушки были впечатляющие: разноцветные, интересные. Они не были уникальными, как те, старые, сделанные из детских желаний, но были гораздо привлекательнее обычных игрушек.

Как это работало? Как из лжи можно было сделать красивые игрушки? А очень просто: в машинах использовали не всякую ложь, а только красивую. Ту, которой люди пользуются, чтобы казаться интереснее и обходительнее.

Например, «Какие у вас прекрасные глаза», - польстил девушке на кассе молодой человек, чтобы она побыстрее его обслужила, – и вот, из машины выходит большая кукла с огромными глазами.

Или же: «Как я рад за тебя, у тебя отличная новая машина!» - сказал другой молодой человек своему приятелю, хотя на самом деле отчаянно ему завидовал, - и оп, машина выдает превосходный игрушечный автомобиль.

Конечно же, это были игрушки серийного производства, но для детей они были гораздо привлекательней обычных фабричных игрушек. Ложь делала свое дело, она очаровывала как детей, так и взрослых, по крайней мере так обстояли дела во сне Виктора.

Но это была только первая часть сна. Во второй его дела пошли гораздо хуже. Во-первых, Джордж решил вложить капиталы в строительство других подобных фабрик. Были закуплены машины, множество машин. На этих машинах производились такие же привлекательные игрушки, сделанные из лжи. Бизнес шел в гору, Джордж вкладывал в него все больше и больше денег, и Виктор почувствовал, что его мнение уже больше никого не интересует. Его не приглашали на важные встречи. На них ходил только Джордж.

А однажды в кабинет Виктора вошло несколько человек в темных костюмах. Он представились юристами Джорджа и предложили продать свою долю бизнеса (она, кстати, и так была гораздо меньше доли Джорджа). Вытащили кипу документов, которые он подписывал раньше, а формулировки в этих документах не оставляли ему никакого выбора. Или

он подпишет эти документы и продаст свою долю по весьма скромной цене, или же останется без ничего.

- Каким же дураком я был! – подумал Виктор во сне. – Как я мог поверить этим людям?

Самым страшным было то, что Джордж в результате этой сделки получал и фабрику в Снегограде. Что с нейбудет?

Но так как выбора у него не было, Виктор вынужден был подписать документы. И как только он поставил свою подпись, картинка начала меняться, расплываться, он оказался в другом времени и месте…

* * *

Виктор очутился в заснеженном дворе своего дома в Снегограде. Все вокруг было темно ипустынно. Дом и фабрика заброшены. Двор был так заметен снегом, чтоВиктор еле-еле пробрался к дверям дома. Вошел внутрь. Там было темно и холодно, на мебели толстым слоем лежала пыль. Он порылся в карманах и вытащил зажигалку. В коридоре всегда лежали большие свечи, наверняка что-то из прежних запасов осталось. Подсвечивая себе зажигалкой, он нашел одну свечу и зажег ее.

- Надо посмотреть, можно ли развести огонь в камине? –подумал он. – Мне необходимо согреться.

Направляясь в гостиную, он прошел мимо большого заиндевевшего зеркала. И замер перед ним от ужаса!

Из зеркала на него смотрел изможденный несчастный старик. - Что это? - испугался Виктор. –Почему я такой старый, опустившийся, в нищенской одежде?

В это мгновение отражение старика в зеркале начало бледнеть, зеркало затуманилось, на месте старика возник гигантский белый филин.

- Всезнай Белый! – испуганно воскликнул Виктор. –Что происходит, почему я стал старым и нищим?

- Это ты через пятьдесят лет, - ответил ему Всезнайглухим голосом, доносящимся откуда-то издалека. – Старый, обнищавший, одинокий. Ты все уничтожил и остался без никого и без ничего. Ты предал всехнас!

- Но это же невозможно? – Виктор чуть не плакал.

- У-гу! У-гу! – прокричал филин, и Виктор проснулся в своей комнате в университетском кампусе Кембриджа.

- Да, во сне тоже был филин. Всезнай, - вспомнил сон Виктор и посмотрел на филина. А тот, не мигая таращился на Виктора с письменного стола.

- Это только дурной сон. Я просто разнервничался. Это все папа и мама виноваты, - заговорил с филином Виктор.

- У-гу! У-гу! – крикнул филин, протестуя.

- Давай-ка выметайся отсюда, - рассердился Виктор. – А ну, кыш!

Филин не шелохнулся.

Виктор подошел к окну и махнул рукой филину.

- Ну, лети отсюда. Убирайся!

И в этот миг он услышал голос, который доносился откуда-то снаружи, а не из комнаты, где сидел филин.

- А ты, как я вижу, уже начал сам с собой разговаривать. – строго произнес этот голос. Виктор испуганно выглянул на улицу. Перед ним на маленьком балкончике под окном стояла его сестра Снежинка!

Снежинка легко впорхнула в комнату. Встала напротив Виктора и сурово на него посмотрела. – Похоже, ты совсем спятил.

- Я не разговариваю сам с собой, - начал было он оправдываться. – Я просто хотел выпроводить этого филина, - произнес он, показывая рукой на стол.

- Какого еще филина? – насмешливо спросила Снежинка. – Нет тут никакого филина.

Виктор глянул на стол. Филина и след простыл! Он начал искать его по всей комнате: заглянул во все углы, под кровать… Ничего! Куда он мог исчезнуть? Если бы вылетел через окно, то он бы точно его заметил.

Виктор был вне себя от ярости. Сначала смски от мамы, потом этот дурацкий сон, потом филин и наконец сестра! Это уже слишком!

- Что тебе здесьнужно! – сердито повернулся он к Снежинке.

Снежинка глянула на него с подозрением:

- Я хочу узнать, что за глупости ты натворил. И попытаюсь спасти тебя, пока еще не поздно.

- И от кого ты собралась спасать меня? – язвительно подначивал ее Виктор. – От мамы и папы? Я уже не ребенок, я старше тебя!

- От Верховного суда Снегограда, болван! – крикнула Снежинка. – За каждое преступление виновный должен понести наказание. А как тебе известно, за нарушение закона Снегограда наказание предусмотрено очень суровое…

Виктор побледнел. Он и не подумал о Верховном суде и возможных последствиях своих поступков.

Глава 8

Гигантские полярные совы

… тихо парили в ночном небе. Ворчун крепко ухватился за перья совы, на которой сидел верхом. В начале полета он отчаянно боялся и сидел зажмурив глаза. Но вскоре пообвыкся и даже начал получать удовольствие. Он наслаждался сильными потоками ветра, скоростью полета, звездами, светившими над головой…

Они то поднимались к облакам, то спускались вниз, почти касаясь крон деревьев. Внизу виднелисьдеревенские домишки, высокие городские здания, реки, горы, леса… Совы летели очень быстро, как самолеты! Полярные совы из Снегограда не такие быстрые, как волшебные олени Деда

Мороза, но такие же быстрые, как самолеты, а может, даже быстрее. (Ворчун не был уверен в этом на сто процентов, поскольку никогда не летал на самолетах).

Время от времени он видел двух других сов, на которых летели Пухлощёк и Лежебока. Лежебока беззаботно дремал.

- Как он не боится упасть? – думал Ворчун.

Пухлощёк же наоборот был возбужден. Когда его филин подлетал к филину Ворчуна, Пухлощёк начинал махать руками и радостно вопить. И Ворчун ни разу не заметил, чтобы он что-то жевал, а это было хорошим знаком. Пухлощёкел слишком много печенья, а всякий гном знает, что питаться печеньем не очень здорово.

- Сколько мы уже летим? – подумал Ворчун, вспоминая Ардамеля и разговор с ним, который произошел перед тем как отправиться в путь.

* * *

Ардамель Старейший вытащил из кожаной сумки маленький рог, потер его ладонью и дунул в него. Пухлощёк, Ворчун и Лежебока (последний, отдохнувший, прыгал в снегу) оглянулись вокруг с удивлением.

- На чем мы поедем? – подумал Ворчун. – И где живет Сказочник?

Через некоторое время послушался шум крыльев, прилетели три полярных совы. Ардамельподошел к ним, чтобы дать какие-то указания, но Ворчун был слишком далеко, чтобы слышать их разговор. Потом Ардамель махнул рукой гномам, подзывая их подойти поближе.

- Вы отправляетесь в долгий путь, - наставлял Ардамель гномов перед полетом. – Сказочник живет в самом Лондоне, в Англии. И хотя это далеко отсюда, но близко от конечной цели вашего путешествия.

- Почему? Какой цели? – удивился Ворчун. – Мы же должны помогать Деду Морозу.

- А Дед Мороз тут, в Снегограде, - добавил Лежебока.

- Да, но вы полетите сначала в Лондон, а потом в Кембридж, - ответил Ардамель. – Потому что именно там находится человек, которому сейчас необходима помощь.

- Виктор, - догадался Ворчун. – Ты посылаешь нас к Виктору. Я так и знал, что есть еще какая-то причина переживаний Деда Мороза.

- Не понимаю, - вмешался Пухлощёк. – Почему Виктору нужна помощь?

И тут Ардамель вкратце поведал им о случившемся: Виктор нарушил закон, рассказал чужакам о Деде Морозе и вообще вступил на скользкую дорожку.

- Если вы поможете Виктору, то поможете и Деду Морозу, и всему Снегограду, - с самым серьезным выражением на лице сказал им Ардамель.

Откуда Ардамель все это узнал, Пухлощёку, Ворчуну и Лежебоке вообще было непонятно. Но они предполагали, что такая живая легенда, как

Ардамель, может знать обо всем, что происходит в Снегограде, и не только в нем.

- Этому парню просто необходима помощь, - говорил Ардамель. – С ним что-то произошло. Он совсем забыл про свои мечты, утратил фантазию, и сердце его заледенело. Нужно попытаться помочь ему вернуть себя.

- Но как? Что мы должны сделать? – спросил Пухлощек.

- Об этом вы поговорите со Сказочником, - ответил Ардамель. – Его уже должны были известить, что вы прилетаете.

Этот ответ очень удивил гномов. Кто мог передать известие так быстро? Ардамель был с ними все время, никому ничего не сообщал, ни с кем не встречался, кроме трех полярных сов, прилетевших на его зов. Однако гномы очень хорошо понимали, что не стоит задавать Ардамелю Старейшему лишних вопросов.

- Могу я спросить еще кое о чем? – спросил Ворчун Ардамеля, когда Пухлощёк и Лежебока ушли седлать своих сов. – История с Виктором – это только часть всего происходящего. А что делать с детьми? Что делать с письмами, желаниями, фабрикой игрушек и с нашей работой?

- Хе-хе, - проскрипел Ардамель. – Терпение, юный Ворчун, терпение. Запомни раз и навсегда, проблемы нужно решать поочередно, одну за другой, исправляй ошибку за ошибкой. Нельзя делать все дела одновременно! Всегда начинай делать то, что в данный момент является самым важным, то, что не терпит отлагательств, и не думай ни о чем другом, пока не сделаешь начатое. А потом берись за следующее дело. Может быть, тем временем тебе придет в голову какое-то решение, о котором ты раньше и не мог подумать.

Слова Ардамеля показались Ворчуну очень убедительными, но все-таки образ грустного и одинокого Деда Мороза никак не выходил у него из головы.

- И плюс ко всему, - добавил Ардамель, – думаю, что Дед Мороз сейчас в хороших руках, хе-хе. Он не останется без помощи, хе-хе-хе. – Тут он таинственно улыбнулся и взмахнул рукой, давая совамзнакприготовиться к полету.

- В добрый путь! – крикнул Ардамель, как только Ворчун вскарабкался на своего филина. Передавайте Сказочнику привет от меня. Если сейчас все получится, дальше все пойдет проще. Хе-хе…

Полярная сова взмыла в небо, а Ворчун все пытался понять, что же хотел сказать Ардамель…

* * *

Летели они долго, как показалось Ворчуну, часа два. Если бы он мог взглянуть на карманные часы, то узнал бы точно. Но он так крепко держался за перья своего филина, что никакие карманные часы не заставили бы его разжать рук.

И вдруг молодой белоснежный филин, который вез его, крикнул:

- Приближаемся к Лондону. Когда спустимся ниже, можно будет полюбоваться на види города.

Ворчун никогда раньше не бывал в Лондоне, и он сказал об этом филину. Филин же, которого звали Видан, довольно гукнул:

- Сказочник живет в самом сердце Лондона, поэтому ты сможешь увидеть сразу кучу достопримечательностей. Лондон – старый город, скрывающий множество тайн, и здесь живет много важных людей, друзей Снегограда. Сказочник раньше тоже жил в Снегограде.

Ворчуна не удивили эти слова. В Снегоград постоянно приезжали разные люди. Все они, не важно, оставались ли они там жить или же уезжали через некоторое время, были большими друзьями Снегограда и хранителями тайны его существования.

* * *

- Это река Темза, - объяснял Видан, когда они пролетали над Лондоном. – А сейчас мы пролетаем над Тауэрским мостом, одним из самых известных мостов Лондона. Эта башня называется Биг-Бен, что означает Большой Бен. И действительно, эта часовая башня была очень большая, особенно по сравнению с башней в Снегограде.

И так не спеша, неторопливо снижаясь и пролетая между зданий по улицам Лондона, гномы добрались до одной симпатичной улочки, застроенной старыми зданиями. В них располагались маленькие магазинчики с прекрасными товарами, а над магазинами – квартиры с большими окнами. Гномики онемели от восторга. Они никогда в жизни даже не мечтали улететь так далеко на юг, и в особенности в такой большой город, как Лондон.

- Я оставлю вас здесь, - сказал им Видан. – Дверь перед вами ведет в дом Сказочника. Позвоните в дверь, и он вам откроет.

- Спасибо вам за все! – поблагодарил Ворчун Видана и остальных сов. – Я надеюсь, что вы вернетесь за нами, после того как мы выполним свое задание, правда, я не знаю, когда это будет.

Видан улыбнулся:

- Не думай об обратном пути, Ворчун. Все мы надеемся, что вы скоро понадобитесь Деду Морозу в Снегограде.

Так они попрощались, и совы улетели по своим совиным делам, а три гнома постучали в очередную дверь в поисках помощи.

Глава девятая

Фея

… съела печенье с вишневым джемом и неторопливо попивала ромашковый чай, удобно расположившись в кресле госпожи Рафаэлы. Дед

Мороз сидел в кресле напротив, держа кружку с чаем в руках и пытаясь привести мысли в порядок.

- Расскажи мне обо всемподробно, - попросила его Фея, пытливо посмотрев на него фиалковыми глазами.

И Дед Мороз начал рассказывать. Он говорил обо всем, что его мучило, о чем он думал в последнее время, рассказал даже сон о постаревшем Викторе. И только поведав обо всем, почувствовал такое облегчение, как будто гора с плеч свалилась.

Фея молчала и смотрела на него прекраснейшимина свете глазами. Он увидел, что она погрустнела, словно часть его ноши она взвалила на себя.

- Теперь и ты расстроилась, - насупился Дед Мороз, - Это слишком тяжело для тебя, ты, наверное, не сможешь мне помочь.

Фея помедлила несколько секунд, а потом ответила:

- Дед Мороз, хоть я и волшебница, ты должен знать, что сила моя не безгранична. Я создана, чтобы помогать людям, но только в определенных рамках. Никто на свете, ни всемогущие волшебники, ни самые искусныефеи, не всесильны. Так было испокон веков, и так будет. Так устроен мир.

Дед Мороз смотрел на нее по-детски разочарованно, словно ожидал, что она развеет все его сомнения и подтвердит, что может решить все его проблемы.

- Но в моих силах помочь тебе в двух вещах, - прервала его раздумья Фея. – С рождения я наделена особым даром – могу исполнить желание добрых и честных людей, попавших в беду. Но только одно, самое искреннее и заветное.

Дед Мороз пустился было в размышления о своем самом заветном желании, но Фея еще раз вывела его из раздумий.

- А второе – перед тем как выполнить твое желание, я отправлю тебя в необычное путешествие. Путешествие, которое поможет тебе не только понять, какое же из твоих желаний самое сокровенное, но поможет найти решение всех других проблем… или хотя бы части из них. Что ты думаешь об этом, Дед Мороз? Идешь со мной? – спросила Фея мелодичным голосом.

- Путешествие? – растерянно переспросил Дед Мороз. – Куда, какое путешествие?

- Путешествие в страну снов, - ответила ему Фея. – Путешествие в прошлое и в будущее. Туда, куда тебя приведет правильно выбранный путь или же, наоборот, ошибочный… Сны – это не просто сны, Дед Мороз. Они рассказывают о нас самих, о нашем прошлом и будущем. О наших желаниях и страхах. В твоем случае они станут покажут правильный путь. Расскажут, что нужно сделать, чтобы пойти в верном направлении.

Дед Мороз молча раздумывал. Он сам понимал, что сон – это не просто состояние покоя. Во сне ты часто находишь решение проблем или же осознаешь что-то такое, чего раньше не понимал в себе или в других.

Особенно его пугал сон, который он видел накануне. Он мучил его с первого мгновения. Дед Мороз понимал, что это не просто сон. Что он рассказывает о том, что может произойти, если дела вдруг пойдут не так, как нужно. Он осознавал всю важность снов и поэтому быстро решился.

- Едем, - твердо ответил он Фее. – Едем в Страну снов. На поиск ответов и решений. И самых заветных желаний.

- Подойди ко мне, Дед Мороз, - раздался тихий мелодичный голос Феи. – Подойди ко мне иподай руку. Посмотрим, куда сначала отведет нас сон.

Дед Мороз молча приблизился к ней, взял за руку, и в тот же миг все вокруг них начало расплываться. Краски и предметы вокруг стали неясными, затуманенными. Дед Мороз почувствовал, что ноги его оторвались от земли. Сейчас они оба летели по какой-то странной туманной пустоте. Вокруг ничего не было, кроме тумана.

- Что это? – спросил Дед Мороз, и голос его отозвался эхом, словно он находился в глубоком пустом колодце.

- Это тоннель, ведущий в Страну снов, - эхом отозвался мелодичный голос Феи. – Подожди минутку, мы скоро будем на месте, и ты начнешь узнавать предметы.

И действительно вокруг них начали возникать контуры различныхпредметов.

– Что это, какой-то дом? – подумал Дед Мороз, увидев какое-то здания, очертания которого возникли перед ним в тумане.- Где мы? Мне кажется, я уже был здесь, - обернулся он к Фее.

- Сейчас увидим, - ответила она. – Пусть картинка станет яснее, появятся краски, звуки, запахи. Тогда и узнаем.

Все предметы вокруг них приобретали формы и цвета: большой кафедральный собор, здания, площадь, магазины, люди, повозки, запряженные лошадьми, снег.

- Подожди-ка, я знаю, где мы! – воскликнул Дед Мороз. – Я подумал было, что мы в Снегограде, но теперь…

Сейчас слышны были божественные запахи корицы и ванили, рождественской выпечки. И звуки, звуки вальса.

- Вена! – понял Дед Мороз. – Площадь у кафедрального собора св. Стефана. Приближается Рождество, если я не ошибаюсь.

- Да, только нужно понять, когда это происходит? Где мы, в прошлом или в далеком будущем? – произнесла Фея и загадочно посмотрела на него.

Картинка стала совсем ясной. Они были в Вене, на площади св. Стефана, а вокруг шумела веселая разноцветная толпа. Люди были одеты в старомодную одежду: женщины носили длинные платья, узкие пальто и шляпы с широкими полями, мужчины были одеты в пальто и цилиндры на голове. Это где-то в начале двадцатого века, подумал Дед Мороз. Самое

интересное, что никто не замечал, что они здесь, и это очень понравилось Деду Морозу.

Вдруг рядом с ними проехала конная повозка.

- Пойдем, - потянула его за собой Фея, - это наша коляска.

И тут же, как это обычно и происходит во сне, они оказались в коляске, напротив сидела молодая пара – юноша и очень красивая девушка, и они совсем не замечали своих спутников. Юноша держал в руке открытую коробочку, в которой виднелось прекрасное кольцо с маленьким сияющим синим камешком.

- Самое красивое кольцо для прекраснейшей девушки на свете, - сказал юноша девушке. – Камень такой же синий, как твои глаза. Скажи, ты выйдешь за меня?

Дед Мороз онемел от удивления, смотря на молодую пару. Фея глянула на него и заулыбалась.

- Я тебя люблю, - осторожно ответила девушка. – И знаю, что ты тоже меня любишь. Но этого недостаточно.

- Чего же еще, Рафи? – нетерпеливо спрашивал юноша. – Неужели любви недостаточно?

- Я ничего не знаю о тебе, Ник! – смутилась девушка. – Не знаю, откуда ты приехал, кто твои родители, ничего. Ты никогда не говоришь о себе. Ты все знаешь обо мне, а я ничего о тебе. Как я могу выйти замуж за человека, о котором ничего не знаю?

- Но ты очень хорошо меня знаешь! – воскликнул он. – Знаешь, что я изучаю, что читаю. Что меня делает счастливым, а что несчастным. Что я люблю есть, а что нет. Какую одежду предпочитаю носить, где я люблю путешествовать. Все знаешь. И прекрасно знаешь, что я тебя сильно люблю и всегда буду верен тебе.

- Этого недостаточно, - настаивала девушка. – Я должна знать все, чтобы полностью тебе доверять. И хочу знать все и сейчас!

- Я уже говорил тебе, что ты узнаешь все, когда станешь моей женой. Увидишь место, где я родился, все-все, что пожелаешь, но не сейчас… - отчаянно сопротивлялся юноша.

- Нет и нет, - упиралась юная дама. – Где это видано? Сначала выйдешь за меня, а потом узнаешь…

Дед Мороз посмотрел на Фею и ничего не сказал. Она продолжала загадочно улыбаться. Коляска начала потихоньку бледнеть, и вскоре Вена исчезла в глубоком тумане.

- Посмотрим, что ждет нас дальше, - прошептала Фея и взглянула на Деда Мороза. Ее фиалковые глаза огнями светились в тумане.

Глава 10

Сказочник

…стоял у окна своей квартиры на Нил-стрит в Ковент-Гарден, в самом сердце Лондона, и ждал.

Под окном располагался небольшой букинистический магазин, принадлежащий ему. Здесь можно было купить разнообразные старые книги и необычные вещи. В этом магазине было много, оченьмноооооооого книг. Случайный прохожий, зайдяв магазин, застревал тут надолго, открывая все новые и новые, доселе невиданные или очень редкие книги. Очень часто люди приходили сюда, чтобы купить одну книгу, а в результате зачитывались совсем другой, а несколько часов спустя выходили нагруженные десятком купленных томов. И так каждый день, кроме воскресенья. В воскресенье Сказочник отдыхал, в магазине было тихо. Сегодня как раз было воскресенье, четыре часа утра. Сказочник вообще не ложился спать этой ночью, он стоял у окна и ждал…

Это был худой человек средних лет с седыми волосами и в очках. Он всегда ходил в костюме-тройке, рубашке и галстуке-бабочке, даже дома. Одним словом, это был настоящий английский джентльмен, учтивый, изысканный, ухоженный. И как любой настоящий джентльмен, Сказочник под рукой держал чай с печеньем, чтобы в случае чего угостить нежданных гостей. Пусть даже в четыре часа утра.

* * *

Гномы прибыли в четыре часа, пять минут. Сказочник увидел, что они приземлились, и спустился вниз по лестнице, чтобы открыть дверь. Это было очень любезно с его стороны, потому что гномы, подойдя к двери, поняли, что никто из них не дотягивается до звонка. И только они начали договариваться, кто на кого заберется, чтобы позвонить, как Сказочник распахнул дверь и посмотрел на них с любопытством.

- С добрым утром, дорогие гости, - учтиво обратился к ним Сказочник. – Проходите, пожалуйста, не стойте в дверях. Вы, наверное, устали и проголодались?

Пухлощек в тот же миг понял, что он ничего не ел с тех пор, как они вышли от Ардамеля.

– Мы голодные, да, очень голодные, - не выдержал Пухлощек.

Ворчун строго на него посмотрел. Хорошо воспитанные гномы никогда так не делают. Но Сказочник только улыбнулся и пригласил их войти в дом.

Несколько минут спустя все сидели в теплой столовой, пили чай, ели печенье, пирожные, булочки, пирожки, соленые орешки и множество других вкусностей, поставленных на стол Сказочником. Перекусив, они переместились в гостиную, где удобно расположились в креслах у большого камина, а Сказочник начал тихо мурлыкать песенку.

Звуки мелодии разливались по комнате, и гномики увидели, что в воздухе появляются различные картинки. Вначале они были бледные, похожие на дым из камина, но потом стали приобретать все более отчетливые очертания. Это были герои песни, которую пел Сказочник. Песни старых времен, времен рыцарей, принцесс и драконов. Сначала гномы увидали рыцаря на коне, отправившегося в дальний путь. Потом появилась высокая-высокая гора, на которой жил дракон. Дракон похитил прекрасную принцессу и держал ее у себя в плену. Рыцарь доехал до горы, вступил в битву с драконом, победил его и убил. Потом освободил принцессу и забрал ее с собой. Так закончилась сказка, и песня Сказочника. Гномы былитак очарованы его чудесной манерой рассказывать сказки, что забыли поблагодарить.

Все-таки они были в доме у Сказочника, где можно было ожидать что-то необычное.

- Нам надо продумать план действий, - сказал Сказочник после продолжительного молчания. Гномы растерянно посмотрели на него (а точнее, посмотрели только Ворчун и Пухлощек, потому что Лежебока опять уснул, пригревшись в кресле возле камина).

- План действий? – переспросил Пухлощек. – Что это значит?

- А это значит, что мы должны придумать, как подступиться к юному Виктору. Мы не хотим его рассердить, обидеть или напугать. Вовсе нет. Мы хотим, чтобы он нас услышал. Или хотя бы начал слушать, а потом за нас все сделают сказки.

Гномы еще больше растерялись.

- Скажите, что мы должны сделать? – спросил Ворчун.

- Вы должны завязать разговор с Виктором. Все-таки вы хорошо его знаете, и это сыграет нам на руку. Меня же он никогда в жизни не видел, и может испугаться, если я ни того ни с сего ворвусь в его дом, вы же совсем другое дело. Вы старые друзья, - продолжал Сказочник.

- Только это потребуется от нас? – удивился Ворчун. – Мы надеялись, что сгодимся еще для чего-то.

- Не только это. Вы должны быть там с ним. Стать участниками всего, что произойдет. Сейчас я не могу вам рассказать ничего больше, но считайте, что вы будете его спутниками в одном увлекательном путешествии.

Ворчун и Пухлощек переглянулись. Но эта ночь была такой волшебной, что даже этим событиям уже не стоило удивляться.

- Хорошо, тогда ведите нас, - сказал Ворчун. – Нам, конечно же, потребуется время, чтобы добраться до Кембриджа, наверное, придётся лететь на полярных совах?

- Не думайте об этом, - улыбнулся Сказочник. – Нам нужно спуститься вниз, в мой книжный магазин. Оттуда мы и попадем в Кембридж, прямиком в комнату юного Виктора.

- Как это? – не сдержал удивления Пухлощек.

- Пойдем со мной и все увидите, - произнес Сказочник, положил в карман свои часы, взял трость и шляпу. Гномы, сытые и довольные, растолкали Лежебоку и дружно последовали за Сказочником.

* * *

В книжном магазине, в дальнем помещении, которое использовалось как склад, находилась одна неприглядная дверка, которая, судя по всему, вела в кладовку или подвал. Сказочник остановился перед этой дверкой и загадочно посмотрел на гномов.

- Это одна из потайных дверей на Земле. Их немного, и все они секретные. О них знают только хранители ключей. Все хранители знают, где находятся потайные двери, но ключ у каждого только от одной. Я хранитель вот этой самой двери, лондонской, - гордо заявил Сказочник.

Гномы смотрели на него широко раскрытыми глазами. – А в чем здесь магия? – спросил Лежебока.

- Магия заключается в том, что если вы откроете эту дверь, то попадете в любое место в мире, сразу. Вам нужно только подумать, куда вы хотите попасть, открыть дверь и зайти в нее.

- И все? Заходим, и мы на месте, у Виктора?! – воодушевился Пухлощек.

- Именно так, - улыбнулся Рассказчик. – Дверь приведет вас прямо в его комнату в кампусе Кембриджа.

- Значит, вы можете путешествовать, куда пожелаете и когда захотите? – все никак не мог поверить Ворчун.

- Как и все волшебные предметы, тайные двери работают при определенном условии. Во-первых, путешествие должно быть оправданно, а во-вторых, цель путешествия должна быть доброй. Кроме того, дверь пропускает не всех. Через эти двери могут пройти только очень храбрые, добрые и мудрые люди, у которых есть важная цель, или же неутомимые авантюристы, следующие за своим сердцем. Значит, только исключительные люди.

- А гномы? – спросил Лежебока.

- Или исключительные гномы, - подтвердил с улыбкой Сказочник. Он достал какой-то невзрачный железный ключ из кармана и открыл эту неприметную дверку.

- Пожалуйте, господин Ворчун, - сказал он. – Думаю, что вы тот самый гном, который должен встретиться лицом к лицу с молодым господином Виктором.

Глава одиннадцатая

Снежинка

… никак не могла прийти в себя. Сколько глупостей натворил Виктор! Он был старше ее на пять лет и всегда являлся примером для подражания. Она им восхищалась. И вдруг в одночасье рухнули все иллюзии. В этот момент она казалась себе старше и мудрее брата, он же вел себя как глупый несмышленыш.

Виктор сидел напротив Снежинки и молчал. Вероятно, весь мир рухнул вокруг него в то мгновение, когда Снежинка упомянула Верховный суд. Даже Виктор, несмотря на свою незрелость и надменность, понимал, насколько это серьезно. Ни Снежинка, ни Виктор никогда не слыхали, чтобы кто-либо нарушал Закон. И все дети в Снегограде знали (и медвежата, и лисята, и ребята), что наказание за нарушение Закона очень суровое!

- Я ничего такого не говорил, Снежинка, поверь мне, - оправдывался Виктор. – Только упомянул, что мой папа – Дед Мороз, и все.

- Все, говоришь? – строго спросила Снежинка. – И Джордж сразу так тебе и поверил, словно ты сказал ему, что твой отец – это сосед напротив? Так не бывает, особенно в наше время, когда все меньше людей верит в Деда Мороза.

- Ну, не совсем так… Он сам затеял разговор о том, что, мол, его отец, лорд Рич, рассказывал ему, что Дед Мороз существует на самом деле и живёт где-то на севере, в одном таинственном городе. Джордж долго не мог поверить, но его отец упорствовал. Он объяснил ему, что если не верить в Деда Мороза, то никогда не попадешь в его город. Только подумай, он знал и об этом! И я не сдержался, ты знаешь, все-таки Джордж – мой лучший друг, я подтвердил, что все это правда…

Только рассказав эту историю Снежинке, Виктор осознал, какую глупость он совершил. До этого он вообще не думал о своем разговоре с Джорджем, находясь в эйфории от бизнес-предложения лорда Рича.

Снежинка прервала его раздумья фразой:

- Никак не могу поверить, насколько ты наивен! Весь этот разговор подозрителен с самого начала, словно он уже все знал о тебе и хотел получить только какую-то дополнительную информацию.

- Этого не может быть, я хорошо знаю Джорджа, - продолжал обманывать себя Виктор. Он никак не хотел признаться, что младшая сестренка оказалась прозорливее и мудрее его.

- И у меня нет никаких доказательств, чтобы подозревать Джорджа в чем-либо, - успокаивал себя Виктор.

- Виктор, а ты рассказал ему о Снегограде? О том, как добраться туда? – спросила Снежинка.

- Вовсе нет! – раскричался Виктор. – Ты меня совсем за дурачка держишь? Я бы никогда не сделал ничего подобного, не посоветовавшись с отцом.

Виктор говорил правду. Кроме разговора с Джорджем и телефонного звонка лорда Рича на следующее утро, у Виктора ни с кем не было разговора. Во-первых, после разговора прошел всего один день. И Джордж больше не звонил. А во-вторых, не так уж он и глуп, чтобы рассказывать, как доехать в Снегоград.

- Как могли они узнать о Снегограде? – недоумевала Снежинка. – Ведь в Снегоград могут попасть только те, кто на самом деле верит в Деда Мороза, а эти твои Джордж и его папаша не похожи на таких людей.

Виктор понимал, что Снежинка права. Джордж, конечно, не такой, но что он знает о лорде Риче… В этот момент он вдруг вспомнил старую сказку, которую они со Снежинкой слушали в детстве.

- Снежинка, а ты помнишь сказку о людях, которые хотя и верят в Деда Мороза, но никак не могут попасть в Снегоград, потому что сердца их злые? – прерывающимся голосом спросил Виктор.

- Это не сказка, - строго ответила ему Снежинка, - это самая что ни на есть настоящая быль. Этих людей немного, но они ищут Снегоград всю жизнь и никак не могуттуда попасть, потому что у них злые намерения. У них темные мысли и недобрые сердца. Поэтому существование Снегограда и хранится в такой строгой тайне. Если же кто-то из них найдет Снегоград, кто знает, что с ним будет…

- Снегоград перестанет существовать, - тихо произнес Виктор, вспоминая свой сон. Сейчас ему все стало ясно, но что-то внутри все никак не давало ему признать свою вину.

- Нет, я не могу поверить в это, - произнес Виктор. – Джордж – хороший друг, коллега. Мы всегда вместе, все делаем сообща. Иотец его – лорд, очень достойный человек. При этом успешный бизнесмен, я мог бы многому научиться у него.

- Тебе нужно учиться у папы, а не у какого-то там лорда, - фыркнула Снежинка. – Папа может научить тебя тем вещам, которые ты, очевидно, не усвоил в свое время.

- Папа не хочет принимать ничего современного, плюс ко всему он не хочет слушать меня. Думает, что я еще зеленый юнец или недостаточно умен, - язвительно парировал Виктор. Но чем больше он сопротивлялся Снежинке, тем больше понимал, что она права.

- Папа всегда был открыт новым идеям, Виктор, по крайней мере, до сих пор. И скажи мне, пожалуйста, когда ты ему подал хорошую идею? Такую, которая пошла бы людям на пользу? И когда ты высказал свою собственную идею? Это же была не твоя идея? – допытывалась Снежинка.

Виктор очень нервничал, потому что младшая сестра усомнилась в том, что идея была его собственной. В этот момент от злости он забыл о всех своих сомнениях относительно Джорджа и набросился на Снежинку.

- А что плохого в том, если мы начнем зарабатывать и продавать свои товары? – спросил он вредным голосом.

Снежинка смотрела на него широко открытыми глазами и никак не могла понять, докуда простирается глупость ее брата.

- Ты действительно не в себе, - с сожалением сказала она. – Я подумала было, что ты начинаешь понимать, что натворил, но нет.

- Я? Я не в себе? – разгорячился Виктор. – Как ты смеешь говорить мне такое? Сейчас же уходи отсюда.

- Мне уйти? – презрительно глянула на него Снежинка. – Если я уйду, ты думаешь, не найдется ли кто другой, кто захочет тебе помочь? Мама, например. Имей в виду, что Верховный Суд не дремлет, они точноуже знают, что ты натворил. И где бы ты ни был – найдут тебя и схватят. И тогда спасения не будет.

- Откуда они узнают? – с вызовом спросил Виктор. – Если только ты им не скажешь. Мама и папа точно ничего не скажут.

Снежинка захохотала:

- Ты или совсем сбрендил, или забыл, откуда ты родом. Ты ведешь себя так, словно и не родился в Снегограде. Ни один житель Снегограда не будет вести себя так.

- Убирайся! – завопил Виктор. – Не желаю видеть тебя!

Снежинка улыбнулась еще раз, вспорхнула на подоконник и спрыгнула с балкончика.

Ошеломленный Виктор подбежал к окну.

– Она в себе? – подумал он, - Куда она спрыгнула с шестого этажа? Она же разобьется насмерть. Но за окном пролетел северный олень, верхом на котором сидела Снежинка!

- Какой ты глупый! Ты всех нас погубишь, – крикнула она ему, поднимаясь в небо.

Взбешенный Виктор вернулся назад в комнату. Странное ощущение в животе вернулось к нему опять. Оно подсказывало, что он сильно ошибается.

- А что если Снежинка права? – вздохнул он. – Что если я только пешка в игре каких-то нечистых на руку людей?

- У-ху, - вновь заухал филин, который опять каким-то чудом оказался на письменном столе.

- Да откуда ты взялся? – удивился Виктор.

- Через одну из потайных дверей, - прозвучал тонкий голосок.

Виктор подумал, что сходит с ума. Теперь и филин начал разговаривать. Он пристально посмотрел на филина, но тот не только безмолвствовал, но, казалось, задремал. Виктор отвернулся от стола, и подпрыгнул от удивления. Посреди комнаты из воздуха материализовался Ворчун.

Виктор протер глаза и посмотрел еще раз. Теперь тут был и Пухлощек!

- Что это? Опять сон? – спросил себя Виктор.

- Хорошо бы, но, к сожалению, нет, - ответил ему незнакомый человек, который появился около Ворчуна и Пухлощека.

- Что вы трое делаете в моей комнате? Откуда вы тут взялись? – совсем растерялся Виктор.

- Четверо, нас четверо, - теперь возник и Лежебока. – Мы пришли через потайную дверь, в которую могут войти только исключительные люди и … гномы, - гордо добавил он и зевнул.

- Не понимаю, что вам здесь нужно? – чуть успокоившись, спросил Виктор, осознавая, что их появление как-то связано с той глупостью, которую он совершил. Что-то шло совсем не так, как должно было, и он был главным виновником всего происходящего.

- Виктор, сейчас мы тебе все объясним, не переживай. Можно мы присядем и расскажем все по порядку? – спросил Ворчун.

- Хм, - недоумевал Виктор. – Думаю, что можно. А вы кто? – обратился он к Сказочнику.

- Я повелитель сказок и хранитель одной из потайных дверей. Той, что в Лондоне, - назвал все свои титулы Сказочник, желая, чтобы все прозвучало как можно солидней. Виктор раскрыл рот и чуть было не поклонился ему, хотя не понял ничего из того, что он сказал.

- Я здесь, чтобы открыть двери фантазии, бросить вызов настоящему и изменить будущее, - продолжил Сказочник.

Виктор опустился на пол посреди комнаты, серьезно напуганный происходящим и утомившийся от впечатлений. Он не понимал, что происходит, но впервые осознал, что ему необходима помощь.

- Х-хорошо, - испуганно промямлил он , - что я должен делать?

- Расслабься и сконцентрируйся на том, что я тебе говорю, - ответил Сказочник.

Все расселись: кто на полу, кто на кровати, кто на стуле. А Сказочник затянул историю: - Жила-была маленькая девочка…

Пока он говорил, чудесный туман потихоньку наполнял комнату.

Глава двенадцатая

Страна снов

… была очень странным и непредсказуемым местом. Никак не предугадать, куда ты попадешь, даже если ты зовешься Феей и обладаешь волшебной силой.

Покинув Вену начала двадцатого века и проведя некоторое время в тумане, Дед Мороз и Фея опять оказались в Снегограде. А точнее – в комнате Деда Мороза. Очертание комнаты пока было неясным, но несомненным было то, что они вернулись назад.

- Что это, мы уже вернулись? – удивился Дед Мороз.

- Подожди, - прошептала Фея. – Я уверена, что это все еще сон. Давай подождем, пока изображение не станет ясным.

В гостиной перед ними появились две фигуры. Одна – это сам Ник, парень которого мы видели в предыдущем сне, а другая – какой-то пожилой человек, очень похожий на Деда Мороза. Но если присмотреться повнимательнее, станет понятно, что это не он: выше, худощавей, нос крупнее, в больших очках…

Дед Мороз посмотрел на Фею и сказал:

- Я знаю, кто это. Этот момент я буду помнить всю свою жизнь, никогда не забуду. Почему мы здесь?

- Может быть, ты увидишь нечто такое, о чем не знаешь, или о чем позабыл, - ответила Фея.

Старик, похожий на Деда Мороза, о чем-то тихо говорил Нику.

- Николай, сынок, пришло время открыть тебе тайну, которая передается в нашей семье из поколения в поколение, от отца к сыну… Время и тебе узнать, что было всегда и что будет еще долгое время …

Молодой Николай молча смотрел на своего отца умными глазами, не решаясь его прервать.

- Как ты знаешь, наша семья живет в Снегограде с момента его основания сотни лет назад. То, что мы живем здесь, отличает нас от других людей. Во-первых, мы живем очень долго, гораздо дольше обычных людей. Волшебная сила Снегограда помогает нам, его жители живут очень и очень долго.

Во-вторых, мы умеет делать то, чего не могут обычные люди: понимаем язык наших животных, а те животные, что не живут в Снегограде, вообще не умеют разговаривать; мы можем толковать язык небесных светил; путешествовать с огромной скоростью с одного края света на другой… Обо всем этом и о некоторых других наших свойствах ты уже знаешь.

Но самое важное из наших умений – это то, что мы можем воплощать в реальность детские мечты. Это самое великое наше волшебство, мы можем развеселить детей по всему миру, принести магию в их жизнь, невзирая ни на что.

Это могут быть бедняки, или наоборот, дети богатых родителей, это могут быть сироты, у которых никого нет на белом свете; другие же напротив из семей, которые отдают им всю свою любовь, самые счастливые дети на свете, но и у них есть желания; это могут быть те дети, которые получают все, что захотят, но им недостает того, что им нужнобольше всего, – любви родителей. Дети, забытые родителями и предоставленные самим себе, такие же несчастные, как и дети без родителей.

Наша задача – помочь всем этим детям, привнести каплю любви, надежды и счастья в их жизнь, осуществляя раз в году их заветные желания, то, что они хотят больше всего на свете.

Дед Мороз посмотрел на Фею. Фея молча коснулась его руки.

- А сейчас, сынок, пришел твой черед выполнять эту задачу. Пора тебе становиться Дедом Морозом, - сказал отец Николаю. – Ты уже реализовался как личность: закончил университет, умеешь многое, женился… Пришло твое время, а мне пора уходить…

- Папа! – удивленно воскликнул Николай. – Конечно, я хочу быть Дедом Морозом, но я думал, что для тебя нет ничего важнее на свете, чем работа, дети…

- Да, так и есть, - устало ответил старик. – Никогда не было и не будет ничего важнее нашей работы. Запомни это. Но есть две причины, по которым я не могу продолжать работу. Во-первых, я очень стар, сынок. Никто из нас не вечен, хотя мы живем гораздо дольше обычных людей. Мои дни уже сочтены.

- Но, но… как? – воскликнул Николай. – Почему ты так говоришь?

- Потому что это так, скоро меня не станет. Но я прошу тебя, не переживай! У меня была долгая и прекрасная жизнь, наполненная заливистым детским смехом. Это самое драгоценное, что есть на свете. Другого и не пожелать.

А сейчас второе… Сынок, соблюдай правило: я должен передать тебе свои обязанности, как это в свое время сделал мой отец со мной, а до этого его отец с ним, так и ты должен передать их своему сыну в тот момент, когда почувствуешь, что он готов стать твоим преемником. Тогда ты должен будешь уйти и передать обязанности ему, рассказать ему все, что я говорил тебе…

Картинка начала таять в тумане. Фея взглянула на Деда Мороза. Глаза его наполнились слезами.

* * *

Третий сон унес их в такое место, которое вообще не было знакомо Деду Морозу. Хотя он знал почти все дома на свете, а точнее, знал все дома, в которых жили дети, писавшие ему письма. Но этот огромный дом не был ему знаком. Но в этом доме ощущалось что-то злое, нехорошее, испорченное. У Деда Мороза мурашки побежали по телу. Он глянул на Фею и понял, что она чувствует то же самое.

Фея испуганно прошептала:

- Думаю, что мы в настоящем. Я что-то чувствую. Что-то страшное происходит в этот момент или вот-вот случится. Я в этом почти уверена.

Дед Мороз неподвижно застыл и нахмурился:

- Не знаю, что за зло притаилось здесь, но как бы то ни было, надо быть начеку. Дед Мороз умеет справляться с любыми негодяями, даже самыми пропащими.

Не успел он произнести эти слова, как в огромный зал (вероятно, это была гостиная, где вдоль стен были расставлены книжные шкафы, висели

картины) вошел какой-то молодой человек возраста Виктора. Он в нетерпении шагал туда-сюда, вероятно, поджидая кого-то.

Вскоре в комнату вошел пожилой человекс пронзительным взглядом, одетый в серый костюм. Молодой человек был похож на него, вероятно, это был его сын. Дед Мороз понял, что это могут быть только лорд Рич и Джордж, о которых писал Виктор.

- Ты виделся сегодня с молодым Морозом? – спросил пожилой.

- Нет, я его не видел, - отмахнулся Джордж. – Я не хочу давить на него, чтобы он чего лишнего не подумал. По правде говоря, отец, я не верю в эти небылицы. Какой-то город, в котором живет Дед Мороз…

- Глупец, что ты понимаешь! - вскричал лорд.

Дед Мороз нахмурился. Он знал, что ни один порядочный родитель не будет так обращаться со своими детьми. Лорд, по всей видимости, был плохим человеком.

- Этот город существует, и он волшебный. Я хочу завладеть этим волшебством, чтобы использовать его в своих целях. Чтобы управлять детьми и их родителями, и всем миром! И не успокоюсь, пока не найду его. Поэтому-то ты мне и нужен, чтобы выпытать эту тайну у юного глупца.

- Хорошо, я тебе помогу, - небрежно ответил Джордж. – По крайней мере, постараюсь. Но не гарантирую, что он мне откроется.

Лицо лорда Рича позеленело от злости:

- Если ты хочешь, как и прежде, жить в роскоши и тратить мои деньги, то потрудишься узнать. В противном случае я лишу тебя наследства.

Это заявление испугало юного Джорджа:

- Но, папа, а если он не поверит мне? Что тогда?

- Ты ужасно глупый, просто невероятно, - разнервничался лорд. – Притащи его ко мне под предлогом, что я хочу побеседовать с ним о бизнесе. Это его привлечет. А я уж постараюсь выведать у него все, что мне необходимо. Ха, даже предложу ему работать вместе с нами, юнец клюнет на эту удочку и сделает все, что я захочу. А если не получится, то не переживай, у меня есть план Б.

Пока лорд Рич говорил, Джордж молча смотрел на него. Его обижало, что собственный отец считает его глупцом и хочет предложить партнерство Виктору.

Джордж жутко ревновал к Виктору. Тот был прекрасным студентом, отличным спортсменом, у него была превосходная семья… И в довершение ко всему он похитил сердце Мины Джонс, в которую был влюблен Джордж. Джордж, будучи в гостях у Виктора, пока тот отлучился в ванную, сунул нос в его компьютер.Он хотел написать какую-нибудь гадость Мине, чтобы рассорить их, но… неожиданно наткнулся на переписку Виктора и его сестры Снежинки. В сообщениях говорилось о

фантастических вещах. Джордж толком ничего не понял, но уяснил, что речь идет о каком-то волшебном городе. Городе, где живет Дед Мороз.

И поскольку Джордж с малых лет знал об одержимости своего отца поисками этого города, то пошел к нему и рассказал обо всем. Так все и закрутилось. Впрочем, Джордж ввязался в это дело из-за ревности к Виктору.

* * *

Дед Мороз и Фея вновь погрузились в густой туман. Дед Мороз был в ярости!

- Давай сейчас же вернемся назад, - повернулся он к Фее. – Я уничтожу этих негодяев.

- Не горячись, - успокаивала егоФея. – Мы пока не готовы. Ты все еще не понял, чего больше всего на свете желает твое сердце. Не так ли?

Дед Мороз задумался:

- Но я же должен их остановить. Вдруг что-то случится, пока мы раздумываем.

Фея улыбнулась:

- Мы в стране снов, Дед Мороз. Здесь время течет по-особому. Тебе кажется, что мы провели здесь несколько часов, а на самом деле не прошло и десяти минут. Успокойся, мы должны слетать еще в одно место, а потом вернемся назад. Я тебе обещаю.

Как только она произнесла это, туман мгновенно рассеялся. Дед Мороз и Фея оказались на фабрике игрушек. Но это не была прежняя фабрика!

* * *

Машины работали на полную мощность. Но это были не те машины, которые производили прекрасные волшебные, уникальные игрушки, созданные из детских желаний. Тут стояли ужасные огромные машины, производящие нечто совсем другое!

В каждой из машин находилось по огромному хрустальному шару, похожему на хрустальные шары из сказок, по которым некоторые волшебники могут предсказывать будущее. Но эти шары были предназначены для другого. Они ловили моменты в настоящем: ловили те мгновения, когда люди говорили друг другу «красивую» неправду. Если бы вы только знали, сколько такой лжи встречается на каждом шагу! Тысячи случаев. И каждая из этих машин, поймав «красивую» ложь, тут же выплевывала огромную игрушку. Игрушка поступала в другую машину, которая тиражировала тысячи одинаковых игрушек. А первая машина уже занималась поиском новой лжи.

А гномики? Множество несчастных гномов из Снегограда упаковывали тысячи игрушек, производимых машинами. Без отдыха, без конца и края.

- Что это? – прочитала немой вопрос в глазах Деда Мороза Фея. Она грустно посмотрела на него в ответ, ее фиалковые глаза потемнели. Сейчас они казались совсем черными, словно глубоководные пещеры на дне океана.

В этот миг на фабрику вошел Джордж, но это был не тот юноша, которого мы знаем. Лицо его изменилось, глаза казались такими же злобными, как и глаза его отца.

Зло как вирус, подумал Дед Мороз. Если ты однажды им заразишься, болезнь будет распространяться все шире и дальше, пока совсем не разъест твое сердце. Фея посмотрела на него и кивнула. Им уже больше не нужно было разговаривать, в Стране Снов все умели читать мысли друг друга.

Вслед за Джорджем на фабрику вошел и Виктор. Худой, сутулый, словно униженный слуга, с бледным лицом и пустыми глазами. Он бегал за Виктором туда-сюда, не зная как себя вести. Когда он проходил мимо гномов, те смотрели на него с презрением. Сердце Деда Мороза словно иглой пронзило.

- Это не мой сын! – ужаснулся Дед Мороз. – Это предатель, с которым я не хочу иметь ничего общего.

Он искоса глянул на Фею.

- Это один из возможных вариантов развития будущего. Но еще есть время все остановить. И мы, конечно, это сделаем! – была уверена Фея.

- И даже если мы все остановим, после всего этого я не смогу простить его! – никак не мог успокоиться Дед Мороз.

Но Фея, не говоря ни слова, обхватила руку Деда Мороза своими ладонями. И посмотрела на него своими глубокими темными очами, которые, смотри-ка, опять приобрели прекрасной фиалковый цвет. Туман вокруг них стал невероятно густым.

* * *

В комнате Виктора в доме Морозов всегда было полно прекрасных вещей: игрушек, хороших старых книг со сказками, картин, постеров, глобусов, старых карт. Виктор с малых лет любил смотреть и слушать сказки о далеких краях, задавать вопросы о героях сказок и даже сочинять собственные истории.

Фея и Дед Мороз оказались именно тут, в комнате, где роились сказки и мечты. На кровати лежал маленький Виктор, малыш трех-четырех лет. Около него сидел Дед Мороз – молодой Ник – и рассказывал ему что-то…

- Так вот, задача Деда Мороза – делать счастливыми всех детей на свете и выполнять по одному их желанию каждый год, - сказал Ник.

- А разве не только хороших детей, папа? – спросил маленький Виктор.

- Нет, сынок, всех детей. Не бывает плохих детей.

- Неужели? – спросил удивленно Виктор.

- Нет, бывают только несчастные дети, поэтому они иногда кажутся плохими. И поэтому, может быть, вырастают в плохих взрослых, но плохих детей не бывает. Поэтому мы должны выполнять желания всех детей. Однажды и ты должен будет это делать.

- И я?

- Да, сыночек, однажды, когда ты вырастешь. А сейчас тебе пора спать.

- Нееет, папа, - начал упираться Виктор. – Расскажи мне, пожалуйста, про Питера Пэна.

- Опять про Питера Пэна? – заулыбался Ник.

- Дааа, ну расскажи. Я буду как Питер Пэн, - воскликнул Виктор.

- Хе-хе, так говоришь, а? Хе-хе, хорошо, тогда слушай. Значит, так… Однажды, давным-давно, в Лондоне, недалеко от Кенсингтонских садов, жил-был мальчик по имени Питер…

* * *

Туман вновь сгустился вокруг них.

- Снова в путь, - сказала Фея.

Дед Мороз был очень растревожен, он молчал. Он предался приятным воспоминаниям, был растроган последним сном. Совсем забыл этот момент из прошлого…

Когда они вышли из тумана, очутились еще в одной детской комнате. Огромная, холодная, набитая дорогими игрушками до отказа. И вновь вокруг присутствовало ощущение чего-то предательского и нехорошего.

- Мы опять вернулись в тот треклятый дом! – с дрожью в голосе воскликнул Дед Мороз.

- Да, - прошептала Фея. Очевидно, она уже знала об этом.

Перед ними за столиком посреди комнаты сидел мальчишка и что-то писал.

- Это Джордж, - подумал Дед Мороз.

Джордж закончил писать, наклонил голову набок, словно перечитывая то, что написал. Потом начал тихо читать вслух:

- *Дорогой Дед Мороз!*

Меня зовут Джордж Рич. Это мое первое письмо, которое я тебе пишу. Понимаешь, мой папа запрещает писать тебе письма, говорит, что это глупости. Говорит, что он может мне купить все, что я захочу.

Но я не хочу никаких игрушек и одежды, у меня всего много. Я пишу тебе, потому что у меня есть одно-единственное желание: пусть мой папа почаще бывает дома и проводит время со мной. И пусть он будет добрым со мной, обнимает и целует меня хотя бы иногда. Я бы хотел, чтобы и мама вернулась, но папа говорит, что она на небе и больше никогда не вернется. Поэтому, прошу тебя, исполни мое желание, я хочу почаще видеться с папой. На этом все.

Джордж Рич.

Закончив читать, Джордж остался доволен своим письмом. Он согнул лист бумаги и положил его в конверт. Дед Мороз грустно посмотрел на Фею.

- Я не получал такого письма. Я его не помню.

Фея молча показала взглядом на дверь. В нее вошел мажордом и строго посмотрел на Джорджа.

- Чем вы занимаетесь, молодой господин? – спросил он.

- Ну, - смутился Джордж. – Я писал письмо. Деду Морозу. Знаешь, Чарльз, приближается Рождество, и я думал, что…

- Ваш отец будет очень недоволен, - строго сказал мажордом.

- Я знаю, но…, - жалобно пробормотал Джордж.

- Дайте мне ваше письмо, молодой господин, - мажордом был неумолим. – Я позабочусь о нем.

Джордж неохотно протянул ему письмо и опустил глаза. Мажордом повернулся спиной и молча вышел. А Джордж начал тихонько всхлипывать.

Туман неожиданно заполнил детскую, и картинка начала бледнеть.

* * *

Хватит! – твердо произнес Дед Мороз. – Возвращаемся назад, я знаю, чего я хочу больше всего на свете. И всегда знал и понимал это.

Фея нежно улыбнулась и растворилась в тумане.

Глава тринадцатая

Жила-была одна девочка

… носившая красную шапочку и краснуюнакидку. Больше всего на свете она любила гулять по лесу и слушать щебет птиц, разговаривать с лесными зверями, - лился тихий голос Сказочника.

А Виктор заметил, что комнату заполнил густой туман. И вдруг раздались какие-то незнакомые голоса.

- Не бойся, тут не страшно, - проговорила какая-то маленькая девочка.

- Подожди, подожди, не торопи меня, - ответил низкий хриплый голос.

Из тумана возникли, верьте или верьте, Красная Шапочка и Серый волк. Волк закрыл лапами глаза и как будто бы дрожал от страха. Красная Шапочка вела его за лапу и смотрела на него с сочувствием.

- Ну же, открой глаза, - уговаривала она волка. – Посмотри, здесь не страшно. Давай…

Волк слегка разжал лапы, глянул в образовавшуюся щелочку и снова крепко зажмурился.

- Мне страшно. Мы не в лесу, а в каком-то большом городе. Мне тут не нравится. И кто это вокруг? Я их не знаю. Может, это нехорошие люди. Может, они хотят убить меня! – сказал он.

- Нет-нет, они хорошие! – Красная Шапочка обернулась к присутствующим и начала объяснять:

- Понимаете, Волк в последнее время не выходит из чащи леса. Он боится людей, которые ловят волков для развлечения и убивают, чтобы заполучить трофей.

Пухлощек удивленно спросил ее:

- А ты, Красная Шапочка, дружишь с волком? Ты не боишься, что он съест тебя?

В ответ Красная Шапочка лишь звонко рассмеялась:

- Нельзя верить всему, что написано в сказках. Это современный волк. Больше всего на свете он любит пиццу.

- И я! – откликнулся Лежебока. – Я тоже очень люблю пиццу! Ворчун бросил на него долгий укоризненный взгляд, словно хотел сказать: - Молчи и не перебивай!

Волк так и стоял, съежившись, закрыв лапами глаза и трясясь от страха. Сказочник улыбался, а Виктор смотрел во все глаза и никак не мог поверить, что перед ним стоят ожившие герои сказок.

Красная Шапочка повернулась к волку и произнесла:

- Волк, не бойся. Ты всех тут знаешь. Вот смотри, это Сказочник.

Волк глянул на Сказочника и немного приободрился, убрал лапы с глаз, но все же опасливо держался в стороне.

- Привет, Волк! – поздоровался Сказочник. – Добро пожаловать.

- Привет, - промямлил Волк и повернулся к Красной Шапочке: - А остальных я не знаю.

- Как не знаешь, вглядись повнимательней. Это Ворчун, Пухлощек и Лежебока, гномы-помощники Деда Мороза. Посмотри же!

Волк откуда-то извлек очки, нацепил их на морду и хорошенько всех рассмотрел: сначала Ворчуна, потому Пухлощека, потом Лежебоку.

– Да, я их знаю, - произнес волк с облегчением, словно камень упал у него с души.

Но потом его взгляд наткнулся на Виктора.

– А это еще кто? Его я определенно не знаю! – заявил Волк.

- И его знаешь, знаешь, - ответила ему Красная Шапочка. – Это юный Виктор Мороз. Только он вырос.

Волк через очки стал разглядывать лицо Виктора. Смотрел долго, а потом твердо отрезал:

- Нет, это не может быть Виктор. Ты ошибаешься.

- Как это не он? Смотри внимательней, говорю же тебе, он вырос, - убеждала его Красная Шапочка.

Волк придвинулся ближе и заглянул в глаза Виктора.

- Нет, это невозможно, - повернулся он к Красной Шапочке. – Посмотри сама. Загляни ему в глаза. Видишь?

- Что я должна увидеть? – спросила Красная Шапочка.

- Ну, если это Виктор, где же блеск в глазах? Он не исчезает, когда вырастаешь, не так ли? А мы все знаем, что сияние глаз – это отражение сердца, полного желаний и надежд, сердца, готового узнавать что-то новое и прекрасное, готового пуститься в дальние странствия… Ну и где же это сияние?

- Ох, а его нет, - грустно прошептала Красная Шапочка. – Исчезло! Но все же я уверена, что это Виктор. Не так ли, ребята? Не так ли, гномики?

- Определенно Виктор, - поддержал беседу Лежебока. – Мы подтверждаем!

- Хм, - продолжал сомневаться волк. – Надо его понюхать. И начал его обнюхивать: то с одной стороны зайдет, то с другой.

– Нет, точно не он. Вообще не пахнет Виктором, - пришел к заключению волк.

Тут уж и Виктор рассердился. – Я Виктор, как это я не я? И чем же я пахну, если не самим собой?

- Ну, прежде всего, ты не пахнешь Снегоградом. В твоей крови нет духа севера. А все, кто живет вСнегограде, пахнут севером, - язвительно заявил волк. – И ты вообще не пахнешь тем Виктором, которого я знаю.

- Как это? – озадаченно спросил Виктор.

- По запаху Виктора можно было определить, что он верит, - сказал волк. – Поэтому мы его так и любили.

- Верю во что? – уточнил Виктор.

- В нас, - ответил волк, - в сказки. Ты в нас не веришь. Настоящий Виктор верил в нас, потому что он сын Деда Мороза. А ты нет! – произнес вердикт волк. – Это какой-то поддельный Виктор.

- Поверь мне на слово, - обратился к нему Ворчун. – Это действительно Виктор. Только немного чужой, ты же знаешь, он долгое время не живет в Снегограде.

- Так ли это? – Волк с сомнением посмотрел на Виктора, а потом повернулся к Красной Шапочке. – Ну тогда последняя проверка, ты готова?

- Приступай, - ответила ему Красная Шапочка.

Волк тут же приблизился к Виктору и положил свою огромную серую голову ему на грудь, прислушиваясь к сердцебиению. Виктор немного испугался, особенно когда увидал большие и страшные зубы.

Волк несколько раз перемещал голову направо-налево, а потом выпрямился и испуганно посмотрел на Красную Шапочку.

- Все очень плохо, - сказал он ей. – Послушай. И не успел Виктор запротестовать, как у его груди оказалась головка Красной Шапочки.

- Ой-ой-ой, - запричитала она. – Ужас-то какой!

- В чем дело? Что со мной не так? – Виктор и сам перепугался.

- Действительно, скажите же, в чем дело? – спросил Пухлощек.

- Ну вот, послушайте, у него нет сердца! Там, где оно должно стучать, тихо. Поэтому вроде бы это и Виктор, а вроде бы и нет, - подвел итоги исследований встревоженный волк.

- Как это может быть и Виктор, и не Виктор? – удивился Пухлощек и тоже пошел слушать сердце Виктора. Виктор попытался было протестовать, но напрасно, тут же начали искать его сердце Лежебока и Ворчун.

- И он, и не он, - объяснял волк. – Вот я, например, давеча был испуган, тогда я был не я. Сердце со страху у меня убежало в пятки, и перед вами стоял какой-то испуганный заяц, а не волк. Так ведь?

- Точно так, - согласился Лежебока и потянулся.

- Вот и Виктор – это не Виктор. И не будет Виктором, пока сердце его не вернется на положенное ему место, а вот когда сердце вернется…

- Тогда он опять будет пахнуть собой, и, вероятно, вернется блеск в его глаза, - добавила Красная Шапочка.

- Ничего не понимаю, почему вы так говорите? – сказал им Виктор.

Но хотя он и протестовал, где-то глубоко в душе понимал, что они правы. Он растерял весь свой детский энтузиазм. Все желания, мечты куда-то исчезли, кто знает куда? Плюс, призадумавшись, он понял, что действительно больше не ощущает себя частью Снегограда. Это сильно его обеспокоило.

- Н-ноо если это д-действительно так, - начал заикаться от волнения Виктор…

- Конечно, так! – строго сказал Волк. – Диагноз поставлен. Сердце у него не на месте. Точка.

- Точка, - жалобно вздохнула Красная Шапочка.

- А могу я кое-что у вас спросить, доктор? – немного иронично спросил Ворчун у Волка. – Если сердце не на месте, то как мы можем вернуть его назад?

- Уф, - вздохнул волк.

- Ох, - поддержала его Красная Шапочка.

- Ах, - заголосили Пухлощек и Лежебока.

- Не охайте тут все сразу, а скажите парню, что делать, - сердито накинулся на них Лежебока. Виктор же смотрел на окружающих во все глаза.

- Думаю, что я не специалист в таких делах, не знаю лекарство от этой болезни, - с сожалением сказал Волк. – Давайте пойдем спросим бабушку, бабушку Красной Шапочки, она наверняка знает!

- А я думал, что ты проглотил бабушку, - насмешливо сказал ему Пухлощек.

Волк разнервничался и зарычал, а Пухлощек и Лежебока захихикали.

Сказочник строго их одернул:

- Сейчас же перестаньте! Мы найдем лекарство. Волк и Красная Шапочка, присоединяйтесь к нам. Сейчас должны прибыть на подмогу другие ваши и наши друзья.

И пока Волк и Красная Шапочка искали место, чтобы сесть, в маленькой студенческой комнате, Сказочник продолжил свою историю. Волшебный туман наполнил комнату.

– Что же дальше? - в отчаянье подумал Виктор.

– Давным-давно за семью морями и семью горами в тридевятом царстве-государстве…

* * *

Принцесса, была прекрасная, как и все сказочные принцессы. На ней было красивое платье, голову венчала маленькая корона. Принц же был воспитанный, с изысканными манерами, вероятно, храбрый. Оба стояли посреди маленькой комнаты и смотрели на Виктора.

Принц первым заговорил с Виктором.

– Мы давно знакомы с тобой Виктор. Ты помнишь?

Но Виктор не помнил принца, он оглядывался по сторонам, словно искал кого-то или что-то. Вообще-то, ему было очень стыдно.

- Ты не помнишь меня? – удивился принц. – Я Иван-царевич, только без жар-птицы.

- Иван-царевич. Мой любимый сказочный герой, - вспомнил Виктор. – А почему без жар-птицы?

- Если ты помнишь сказки, тогда знаешь, что я долго искал повсюду следы волшебной жар-птицы. Птицы, наделенной большой силой, птицы, которую никто и никогда не мог поймать. И я думал, что все в моей жизни зависит от того, найду ли я ее. Я думал, без ее волшебного могущества я ничего не смогу сделать.

- Да, и что? – спросил Виктор.

- И когда я наконец нашел ее, я отпустил ее на все четыре стороны, - ответил Иван-царевич.

- Почему? – удивился Виктор. – Ты понял, что она никакая не волшебная?

- Не говори глупости, конечно же, она была волшебной, на то она и жар-птица, - ответил нетерпеливо Иван-царевич.

- Ну и почему же ты тогда ее отпустил? – недоумевал Виктор.

- Потому что я понял, что она не то, что я искал.

- Не то? – воскликнул пораженный Виктор.

- Не то? – хором подхватили Пухлощек и Лежебока, а Ворчун строго глянул на них.

- Не то! – ответил Иван-царевич.

- Почему же? – недоумевал Виктор.

- Потому что я все время искал другого. Оно было совсем рядом со мной, а я его не замечал, потому что оно уже было у меня, - ответил Иван-царевич и улыбнулся, глядя на прекрасную принцессу.

- Как это может быть, ты ищешь чего-то и не знаешь, что оно уже есть у тебя?! – протестовал Виктор, однако он уже начал понимать, что Иван-царевич имел в виду совсем другое.

- Потому что в жизни дела обстоят совсем не так, как в сказках, милый Виктор, - ответил Иван. – И то, чего твое сердце действительно хочет, может быть скрытым. Блеск драгоценных, недостижимых вещей манит тебя, заставляет думать о том, что они необходимы. Поэтому время от времени нужно остановиться и прислушаться к тому, что говорит твое сердце, только очень и очень чутко, и тогда ты поймешь, на верном ты пути или нет.

- Пффф, серьезно? – встрял в разговор волк, - У него сердца вообще нет, что он может услышать.

- Перестань, Волк, - одернул его Сказочник. – Давайте послушаем всех, а потом уже подискутируем.

- Я сказал все, что хотел, - ответил царевич. – Сейчас очередь Принцессы с горошиной.

Виктор повернулся к принцессе, она стояла в стороне, сияя красотой и нежной улыбкой.

- А почему с горошиной? – спросил Виктор. – В сказке же ты спала НА горошине, после чего все поняли, что ты настоящая принцесса.

Принцесса мелодично рассмеялась. - Да, я спала на ней. После чего все увидели, что от одной горошинки, лежащей под горой мягких перин, у меня появился синяк. Так я доказала, что являюсь настоящей принцессой. После этого случая я всегда ношу горошинку с собой, никогда с ней не расстаюсь. Вот она, - пояснила принцесса, извлекая маленькую серебряную шкатулку, - здесь, в шкатулке. Я всегда ношу ее с собой.

- Почему? – удивился Виктор.

- Чтобы она напоминала мне о том, что в жизни важны даже самые незначительные мелочи. Любая, на первый взгляд неважная, мелочь может серьезно изменить твою жизнь – к лучшему или к худшему. С тех пор я обращаю внимание на мельчайшие детали и уделяю им внимание. И не пренебрегаю ничем, будь оно самым обычным и незначительным, - принцесса опять улыбнулась, а царевич посмотрел на нее с одобрением.

А Виктор? А Виктор уставился в пол, ему стыдно было смотреть им в глаза.

* * *

Третий и последний раз Сказочник открыл врата в мир сказок, туман искрился прекрасным, волшебным светом. Точно тысячи маленьких звездочек переливались в нем. А вскоре из тумана послышались голоса.

- Поспеши, давай побыстрей, не отставай, - прозвенел прекрасный женский голосок, словно тысячи серебряных звоночков зазвенели одновременно.

- Я не отстаю, смотрю, не преследует ли нас кто, - произнес юный голос, - Мы должны быть осторожны, очень осторожны.

И как только туман рассеялся, Виктор сразу узнал новых гостей. Своего любимого сказочного героя Питера Пэна и маленькую фею Динь-Динь.

- Питер Пэн! – не смог скрыть волнения Виктор. В нем словно вновь проснулся тот самый маленький Виктор, который верил в сказки и никак не хотел взрослеть.

Питер Пэн посмотрел на него и улыбнулся: - Эй, Виктор, дай пять!

Виктор двинулся было к нему на встречу. Но внезапно руку вместо Питера Пэна ему протянула его тень. Питер же Пэн стоял подбоченившись и громко хохотал.

Динь-Динь нахмурилась и сказала: - Питер, не шути с ним, только этого ему сейчас и не хватало!

А Виктор был настолько возбужден, что вообще не разволновался. Он удивленно смотрел на тень Питера, которая вернулась на свое привычное место, и не делала ничего такого, что не могла бы делать самая обычная тень.

- Твоя тень тебя слушается? – смущенно спросил Виктор, не зная с чего начать разговор с кумиром своего детства. – Больше не убегает?

- Нет, не убегает, - спокойно ответил Питер Пэн. – Я решил отпустить ее туда, куда она пожелает, пусть увидит, что она может без меня. Она погуляла там-сям, посмотрела мир, сделала все, что ей было нужно и не нужно и в конце концов пришла обратно. И сейчас все время со мной. Как бы то ни было, то, что является частью тебя, далеко не убежит.

Тут Питер Пэн начал громко хохотать. – Я что-то расфилософствовался. Виктор, приятель, скажи, что с тобой происходит? Мы слышали, что сердце твое куда-то подевалось? Как и моя тень, не слушается тебя, да? – заливался смехом Питер.

Виктор смотрел на него смущенно и молчал. Действительно хороший урок преподал ему Питер Пэн.

- Сердце не может убежать далеко, - сказал Иван-царевич.

- Мы должны постараться найти его, - добавила Красная Шапочка.

- Хм, а я не уверен, - вмешался Волк.

Пухлощек и Лежебока смеялись. А Ворчун так устал, что перестал следить за разговором. Но вдруг заговорил Сказочник, и все замолчали.

- Питер, Динь-Динь, может быть, вы знаете, как вылечить Виктора? – спросил Сказочник. – Как вернуть его сердце на место?

- Мы знаем, - ответил Питер. – Поэтому и пришли. Я думаю, что это не будет сложно. Мне кажется, что наш старый приятель Виктор уже вернулся. – Произнеся это, Питер Пэн улыбнулся и подмигнул Виктору.

- Что мне нужно сделать? – спросил Виктор. В этот момент ему действительно хотелось сделать что-то, что поможет ему чувствовать себя лучше.

- Тебе снова надо начать верить, - зазвенел милый голосок Динь-Динь. – Верить в нас, в сказки. Верить в Снегоград, в Деда Мороза, в волшебство, верить в себя! Прежде всего в себя! Ты должен поверить, что можешь снова стать тем веселым, счастливым парнем, каким был всегда!

- Я верю, - тихо произнес Виктор.

- Если ты веришь, тогда знаешь ли ты, что делать? – спросила Динь-Динь.

- Подскажи мне, - попросил Виктор. – Помоги мне…

- Вспомни сказку про меня и Питера Пэна, вспомни, как я поправилась, когда меня отравил злой капитан Крюк. Тогда я съела отравленное пирожное, чтобы спасти Питера… Что меня спасло тогда, ты помнишь?

- Аплодисменты, - сразу же ответил Виктор. – Все дети на свете, которые верят в фей, начали рукоплескать и их вера помогла тебе поправиться.

- Это лекарство подходит и тебе, - сказала Динь-Динь. – Хлопай, Виктор, хлопай, чтобы показать, что ты веришь. Хлопай изо всех сил, чтобы поправиться. Хлопайте все, давайте же гномы, хлопайте, друзья, хлопайте дети…

И Виктор начал хлопать в ладоши. Вместе с ним захлопали Ворчун, Пухлощек и Лежебока. И Иван-царевич, и Принцесса с горошиной, и Красная Шапочка, и Волк… И Сказочник, и Питер Пэн.А пока все хлопали, у Виктора полились слезы. Словно темная пелена спала с его глаз, он опечалился, потому что вел себя глупо и эгоистично, понял, сколько зла он причинил остальным. Он хлопал и плакал, плакал и хлопал, пока не почувствовал себя освободившимся от зла.

- Чувствую себя так, словно я очнулся от дурного сна, - сказал Виктор друзьям. – Мне не ясно, почему я так думал и делал то, что делал.

- Потому что все мы совершаем ошибки, - сказал Сказочник. – А особенно в молодости. Поэтому очень важно иметь друзей, которые всегда придут на помощь и вступятся за нас, - тут он улыбнулся и посмотрел с гордостью на гномов.

- Упс, подожди, - остановил его волк. – Давай-ка послушаем, вернулось ли сердце на место.

И все, один за другим, начали проверять, обнюхивать Виктора, заглядывать ему в глаза, слушать его сердце. И в конце концов единогласно пришли к заключению, что лекарство сработало и что сердце вернулось на свое место. Все очень обрадовались, весело загалдели, но Виктор все еще казался грустным. На сердце у него было очень тяжело, он никак не мог простить себе того, что наделал столько глупостей.

- Как я могу все исправить? – спросил Виктор Сказочника. – Может, мне позвонить папе?

И тут послышался знакомое уханье филина: - У-у.

Виктор совсем забыл о нем. Он повернулся к письменному столу, ожидая увидеть надоедливую коричневую птицу, но когда повернулся, глаза его встретились с самыми строгими глазами на свете, которыми пугали детей в Снегограде…

Глава четырнадцатая

Всполох

… на огромной скорости летел назад, на далекий Север. Снежинка спешила. Виктор не хотел ничего слушать, но это было полбеды. Большая беда была связана с Джорджем и лордом Ричем. Кто знает, какие козни они сейчас строят?

Всполох был волшебным оленем. И если полярным совам требовалось два-три часа, чтобы добраться до Лондона, то Всполох за полчаса мог вернуться назад в Снегоград. Но Снежинке казалось, что это очень долго, особенно потому, что в этот раз ей нужно было найти самого таинственного жителя Снегограда, чтобы попросить у него помощи.

* * *

Нависшая над Снегоградом Ледяная гора всегда была местом, которого Снежинканемного опасалась. Там гномы работали на своих рудниках, совята учились летать, а медведи останавливались на летний отдых. Однако Ледяная гора считалась опасным местом для детей, таких как Снежинка и Виктор, именно поэтому госпожа Рафаэла запретила им ходить туда.

Но Виктор с детства был очень упрямым мальчишкой, а Снежинка не хотела от него отставать, и однажды зимним днем они отправились исследовать таинственную гору…

* * *

Виктору было одиннадцать, а Снежинке – шесть. Но так как они были детьми Деда Мороза, то были очень сильными и выносливыми, и не заметили, как поднялись высоко на гору.

Северный ветер сбивал их с ног, а снег валил все сильнее и сильнее. Но Виктор упорно продолжал карабкаться вверх, а Снежинке не оставалось ничего не оставалось, как последовать за ним.

- Фииуууууу, уффффф, - завывал ветер, предупреждая их об опасности. Но дети его не слушали и поднимались все выше и выше. Наверху стало невыносимо холодно. И хотя Снежинка и Виктор в отличие

от других детей легко переносили холод, с такой стужей они до сих пор не встречались.

Ветер дул все немилосерднее: - Фиииууууууу, уффффффф!

Виктору захотелось вернуться. Но взглянув вниз, он понял, что из-за снежной метели ничего не видно, а дорога была очень крутой и опасной. Снежинка заплакала, Виктор пришел в отчаяние. Сделав еще несколько шагов вперед, он внезапно увидел отверстие в скале, похожее на вход в пещеру.

- Быстрее, - скомандовал он Снежинке. - Здесь мы спрячемся от ветра.

* * *

Пещера была огромной, темной и довольно глубокой, чтобы можно было спрятаться от холода и снега. – Еще бы было чем разжечь огонь, - сказал Виктор Снежинке, размышляя о том, как бы согреть сестренку.

И хотя Снежинка тряслась от холода, была счастлива, что они спрятались от снега и северного ветра. Пока Виктор кружил по пещере, Снежинка заметила в глубине пещеры какое-то движение.

- Виктор, - вскрикнула она испуганно, - там что-то есть.

Виктор повернулся лицом к самому темному углу пещеры, действительно к ним двигалось что-то большое, какое-то животное, чьи глаза сверкали во мраке. Вдруг огромная черная медведица появилась перед ними и встала на задние лапы. Виктор и Снежинка никогда не видели черных медведей, потому что в Снегограде жили только белые полярные медведи.

Виктор, хотя и сам был до смерти испуган, заслонил собой Снежинку и крикнул медведице: - Попробуй только подойди, ты, злобное чудовище.

Но медведица вдруг проговорила холодным женским голосом:

- Виктор Мороз, я ожидала, что госпожа Рафаэла хорошо тебя воспитала. Мне казалось, что при встрече нужно сказать «Добрый вечер».

Виктор и Снежинка растерянно уставились на большую черную медведицу, которая прямо у них на глазах превратилась в женщину с длинными черными волосами, в накидке из медвежьей шкуры и с секирой за поясом.

* * *

Мирра Черная Медведица, так звали ее, повела их в глубь пещеры. Она легко, словно пушинку, сдвинула рукой огромную скалу. За ней оказался прекрасно обставленный пещерный дом, светлый, теплый и уютный.

Мирра провела их на большую кухню и налила имгорячего супа, не проронив ни слова. Дети боялись задавать вопросы, но суп ели с удовольствием, потому что были очень голодны.

После того как они согрелись и наелись, Мирра посмотрела на них своим пронзительным взглядом и сказала:

- Чтоб в первый и последний раз вы совершили глупость. Неужели Николай и Рафаэла не говорили вам, насколько опасна и непредсказуема эта гора?

Виктор молча разглядывал узоры на полу. Снежинка же искоса посматривала на Виктор, не желая его выдать. Но Мирре и так все было ясно.

- Переночуете вы здесь. А я пошлю гонца к госпоже Рафаэле, что вы здесь, чтобы она не беспокоилась, буря так разбушевалась, что им никак не добраться сюда сегодня вечером. Северный ветер сегодня не в духе и никому не позволит разгуливать по своим владениям.

- А как вы отправите гонца? – спросите Виктор.

Мирра только глянула на него и свистнула. Откуда ни возьмись перед ней появился мышонок.

– Иди прямиком к госпоже Рафаэле, а то она, бедная, наверняка вне себя от ужаса, - приказала она ему, - только смотри, беги под землей, а не по горе, не то замерзнешь.

И мышонок так же бесшумно исчез, как и появился.

Мирра повернулась к детям: - Пора спать. Следуйте за мной.

* * *

Виктор и Снежинка лежали в огромной теплой кровати, укрывшись теплой медвежьей шкурой. Рядом потрескивал огонь в очаге. Мирра села в удобное импровизированное кресло у огня, тоже укрывшись медвежьей шкурой.

- Сейчас я расскажу вам одну сказку, - сказала Мирра. – Очень важно, чтобы вы ее запомнили. А потом каждый из вас может задать мне по одному вопросу, на который я обязательно отвечу. Можете спрашивать все, что захотите, но на вашем месте я бы хорошенько подумала перед тем, как задавать вопросы. И Мирра улыбнулась в первый и последний раз за этот вечер.

- Сказка эта по существу история, но поскольку она очень большая, мне проще называть ее сказкой, - задумчиво говорила Мирра, глядя в огонь. – Как известно, Снегоград – это тайное волшебное место, о котором никто из чужаков не должен знать. Так было всегда, и так должно быть. Все жители Снегограда обязаны хранить его тайну.

А самое важное для Снегограда – это то, что он, как и все волшебные места, невидим для непосвященных. Это его большая тайна, и так он остается недостижим для плохих людей. Например, если над нашим городом пролетает самолет или сюда попадают люди на санях, они не видят ничего, кроме огромного пустого заснеженного поля. Словно весь город и его окрестности накрыты покрывалом или куполом, которые делают его невидимым и недостижимым.

Но иногда, очень редко, некоторые люди, родившиеся не в Снегограде, попадают сюда. Они находят путь к нам. – Как? – спросите вы. – Это выдающиеся люди, которые верят в то, что он существует (в отличие от большинства людей, которые и не подозревают о его существовании). Люди с огромными сердцами, в которых горит жажда приключений, волшебства, исполнения мечты… Только такие люди, добрые, умные, особенные, могут благодаря своему большому желанию попасть в Снегоград. Для людей с большими и чистыми сердцами, которые верят в него, Снегоград видим. И когда они приближаются к нему, он начинает сверкать вдали, словно указывая им путь.

Но есть и дурные люди, с черными, испорченными душами, которые веками бродят в поисках Снегограда. Они знают, что он существует и хотят любой ценой найти его, но для них он невидим. Поэтому они всю свою жизнь ищут тех, кто так или иначе связан со Снегоградом (не важно, кто это: постоянные ли жители Снегограда или временные), желая их заполучить. В сущности, это единственный способ, которым плохие люди смогли бы добраться до Снегограда, - через кого-то из его жителей. Поэтому так важно сохранять тайну его существования. Приход кого-то из таких людей в Снегоград означает конец для всех нас.

- Почему конец? – спросил Виктор. – Мы же можем бороться с плохими людьми.

Мирра Черная Медведица посмотрела на Виктора таким устрашающим взором, который только можно себе представить.

- Что я сказала тебе о вопросах и о том, что нельзя прерывать сказку? – резко спросила она.

Виктор нырнул под медвежью шкуру и испуганно пискнул «извините», а Мирра продолжила рассказывать сказку… или историю.

- Если же кто-то из таких людей войдет в Снегоград, он разрушит магию, и город перестанет быть невидимым. Тогда сюда может прийти любой и сделать все, что хочет. Он придет и разрушит нашу жизнь. Уничтожит всех непохожих на себя, всех волшебных существ, которые живут здесь. Принесет ненависть, злобу, ревность, алчность, деньги, криминал…, то, чего здесь нет, поскольку нет и причин на то, чтобы они были.

А вообще, Виктор, мы, конечно, можем защищаться, - говорила Мирра, глядя на огонь и нежно поглаживая, словно дитя, секиру, которая каким-то чудом оказалась у нее в руке. – Мы должны защищаться. И поэтому мы всегда наготове. Мы, медвежья гвардия Снегограда, и остальные жители. Но мы защищаем город от вторжения. Потом уже будет поздно, сражайся - не сражайся.

Дети молчали. Помолчала немного и Мирра, глядя на огонь. А потом повернулась к ним лицом.

- Придумали, о чем хотите меня спросить? – спросила она.

Ребята вообще не думали о вопросах, но когда она их спросила, Виктор тут же выпалил:

- Да, придумали!

- Ты торопишься, молодой человек. Это действительно настоящий вопрос?

Виктор вовсе не задумывался, настоящий ли его вопрос. Просто это был вопрос, который он хотел задать Мирре.

- Слушаю тебя, - произнесла она.

- Что такое медвежья гвардия? Как она защищает Снегоград? Сражается или использует какую-нибудь магию? – торопливо спрашивал Виктор.

Мирра посмотрела на Снежинку, той даже показалось, что она улыбается, но присмотревшись внимательнее, она увидела, что Мирра строгая и страшная, как и раньше.

- Какая еще магия? – фыркнула Мирра. – Что это за слово, магия? Много ты знаешь о том, что такое магия. Даже не хочу говорить об этом. Отвечу на твой первый вопрос. Медвежья гвардия… Это очень способные и обученные сражаться белые медведи из Снегограда. Их основная задача – защищать город и его окрестности. А сейчас следующий вопрос, - тут она поглядела на Снежинку.

- И это все, какой же это ответ? – возмутился Виктор. – Я еще хотел спросить, вы ли самая главная среди медведей? В этой… гвардии?

- Все! Я же сказала тебе, что только один вопрос, – оборвала его Мирра. – Снежинка, твой вопрос.

У Снежинки было время на раздумье, но так как она была еще маленькой, она думала, что ее вопрос не настоящий. И так и сказала Мирре. Но Мирра настаивала, и наконец Снежинка сдалась.

- А как может житель Снегограда привести сюда плохих людей, если он для них невидим? Он же видим только для хороших, а для плохих нет? – это было неясно Снежинке, и она должна была спросить.

- К сожалению, - сказала Мирра и строго посмотрела на Виктора, - если какой-либо житель Снегограда перейдет на сторону зла, если его сердце очерствеет, и он сам решит привести их сюда, то они смогут войти. Жители нашего города способны сделать город видимым для всех.

- Но в Снегограде живут только добрые люди. Никто никогда не сделает этого, ведь так? – испуганно спросила Снежинка.

- Надеюсь, - пробормотала Мирра. – Мы все надеемся.

Было уже очень поздно, и детям захотелось спать. Мирра же все сидела и задумчиво смотрела на огонь. Потом тихонька стала напевать песню на каком-то незнакомом языке, которого Снежинка до этого никогда не слыхала. Виктор уже спал, и Снежинка тоже начала потихоньку погружаться в сон. Когда она засыпала, ей привиделись среди языков пламени, горевшего в очаге, очертания белых медведей, сражающихся с плохими людьми. Людьми, пришедшими напасть на Снегоград. А среди

них стоит Мирра, в накидке, развевающейся на ветру, с секирой в руке, сильная и бесстрашная…

* * *

Всполох подлетал к Ледяной горе. Сегодня ночью, в отличие от той ночи много лет назад, гора была тихой и спокойной. Ни следа буйства злого северного ветра. Снежинка точно не помнила, где находится пещера Мирры, но она доверяла Всполоху и его безупречному зрению. Северные олени Деда Мороза были известны тем, что видели очень далеко и замечали мельчайшие детали.

Всполох кружил возле горы, словно маленький самолет или вертолет. Летел он быстро, потому что понимал, что дело срочное. Внезапно он остановился и тихонько опустился на небольшой склон.

- Там, - указал Всполох Снежинке.

И действительно в скале виднелся вход в пещеру. Снежинка не была уверена, что это именно то место, но надо было попытать счастья.

- Жди меня здесь, - сказала она Всполоху и начала карабкаться кверху. Остановилась перед входом в пещеру, немного помедлила, а потом отважно направилась внутрь. И чудо, внутри пещера была освещена горящими факелами, указывающими дорогу к дому. Снежинка пошла по пути, освещенному факелами. Так она дошла до большой скалы, которая служила дверью в пещерный дом Мирры. Скала была немного отодвинута, как раз настолько, чтобы Снежинка протиснулась внутрь.

Как только она вошла, скала сама собой закрылась. Но Снежинка ничуть не испугалась. Она поняла, что Мирра ждет ее. Найдя огромную кухню, в которой они первый раз были вместе с Виктором, Снежинка не сдержала улыбки. Она увидела Мирру, наливающую суп, точно так же, как много лет назад. Мирра коротко глянула на нее и сказала:

- Опаздываешь! Суп остывает.

В это мгновение Снежинка едва удержалась от огромного желания подбежать к Мирре, обнять ее и поцеловать. Так она была рада тому, как Мирра ее встретила. Она была уверена, что пришла именно туда, куда нужно.

Снежинка села за огромный стол и с аппетитом съела суп. Она давно не ела и сильно проголодалась, ведь облетела практически половину земного шара. Утолив голод, Снежинка посмотрела на Мирру. Мирра сидела и глядела на огонь, на котором кипел котел с супом.

- Хорошо, очень хорошо, - бормотала Мирра. – Брат твой наконец опомнился. Это в некоторой степени облегчит нашу работу. Светает. – Она обернулась к Снежинке: - У нас есть время до вечера. У меня – чтобы собрать свою гвардию, а у тебя и твоего оленя – чтобы отдохнуть.

- Но я хочу тебе помочь! – возразила Снежинка.

- Поможешь вечером. А сейчас спать. Только тот, кто хорошо отдохнет, сможет бороться в моей гвардии.

Снежинка была ужасно горда, услышав, что будет сражаться в гвардии. Мирра привела ее в большую комнату, в которой они много лет назад детьми слушали сказку. Здесь, у большого очага, свернулся калачиком Всполох. Олененок тоже поужинал и сейчас мирно дремал. Мышата-помощники Мирры давно завели его внутрь и накормили.

Снежинка нырнула в огромную кровать и укралась медвежьей шкурой. – А что если мама будет беспокоиться? – спросила она.

- Не думай ни о чем, я позабочусь о том, чтобы все были оповещены. А ты отдыхай. Спокойной ночи.

Мирра исчезла в темных коридорах пещерного дома, а Снежинка погрузилась в глубокий сон.

Глава пятнадцатая

Лорд Рич

… с нетерпением ждал возвращения Джорджа из Кембриджа. Если то, что он ему сообщил, верно, и если юный Виктор отправился в тот самый волшебный город, который они так долго искали, будет шанс найти его.

- Этот дурачок, называемый моим сыном, хотя бы одно дело сделал, как нужно, - подумал лорд и позвонил в колокольчик, стоявший в кабинете у двери.

Несколько минут спустя в дверях возникдворецкий лорда Рича:

- Что пожелаете, мой господин?

- Все ли готово? Где пилот?

- Да, мой господин, мы сделали все в точности, как вы приказали. Пилот ожидает вас на полосе у самолета. Телохранители наготове и ждут ваших распоряжений. В багажный отсек самолета погрузили моторные сани и снаряжение.

- Отлично. Можешь идти, - нервно ответил лорд Рич. Он был чрезвычайно возбужден. Наконец-то осуществятся его давние мечты, он попадет в волшебный город!

* * *

Несколько часов назад в Кембридже Джордж проскользнул в общежитие студенческого кампуса, в котором жил Виктор. Он пытался каким-нибудь образом выяснить, где же Виктор. Джордж не мог запросто ворваться к нему в комнату, поэтому долго слонялся в раздумьях по коридорам, размышляя, что же делать.

Рядом с комнатой Виктора находилась небольшая кладовая. Здесь студенты оставляли свои велосипеды и какие-то габаритные вещи, не помещавшиеся в их комнатах. Комната была закрыта на ключ, а ключи хранились у студентов. Но дверь кладовки была ветхой, а замок был

изъеден временем, поэтому Джорджу никакого труда не доставило взломать его и проникнуть внутрь.

В кладовке находилось большое окно, выходившее на маленький узкий балкон под окном комнаты Виктора. Между балконами, по всей длине здания, проходил каменный парапет, достаточно широкий, чтобы по нему мог пройти человек.

Джордж немного боялся высоты, но выбора у него не оставалось: он должен был выполнить миссию, возложенную на него отцом. Он не мог ошибиться на этот раз, не мог разочаровать отца, как бы тяжко ему ни было совершать этот поступок. Он должен был доказать, что способен закончить дело, которое отец ему поручил. Он докажет, что может быть его наследником. И тогда, возможно, отец наконец-то его похвалит, обнимет…, а впрочем Джордж вовсе не хотел остаться и без наследства!

Он опасливо перелез через балконную решетку и замер на парапете. Стараясь не смотреть вниз, тихонько, шаг за шагом, он приближался к окну Виктора. Подобравшись к нему, он приник к стене и осторожно заглянул в комнату.

Виктор был там, в комнате. Улыбаясь, он что-то писал в своем ноутбуке. Джордж побагровел от злости и ревности. Наверняка он пишет Мине Джонс! Джордж никак не мог себе простить, что познакомил Виктора с нею.

- Проклятый! – подумал Джордж. В этот миг Виктор повернул голову к окну, Джордж прилип к стене. – Только бы он меня не заметил, тогда пиши пропало, - испугался он.

Виктор встал и подошел к окну. Джордж покрылся холодной испариной.

- Только бы он не посмотрел направо, только бы не увидел меня, - взмолился он.

Виктор смотрел некоторое время на невероятно большую луну, а потом вернулся в комнату, не заметив Джорджа. Джордж стоял, не шевелясь, размышляя, что же делать дальше.

- Вернуться в кладовку и подождать? – колебался он.

Через какое-то время он решил проверить, что делает Виктор, и сделал нерешительный шаг. Вытянул шею и заглянул в окно, - и только представьте себе, какое счастье! – Виктор задремал, сидя за компьютером.

Потихоньку взобравшись на балкон, Джордж потянул на себя створку окна. Окно отворилось, Джордж бесшумно протиснулся в комнату и приблизился к спящему Виктору. Заглянул в экран компьютера и еще больше возненавидел Виктора. Они с Миной обменивались романтическими записками!

Но нельзя терять времени на раздумья об этом. Из кармана он вынул маленькую металлическую пластинку, похожую на бейдж, и тихонько, на цыпочках, подошел и сунул ее в карман куртки Виктора.

- Это маленький передатчик, который поможет нам следить за молодым Морозом, - сказал Джорджу лорд Рич, провожая его в кампус. – Он пошлет нам сигнал и сообщит, где в данный момент находится Виктор. И если он отправится в ближайшее время на север, мы будем знать, куда именно он поехал, и проникнем вслед за ним в Снегоград. Но параллельно будем работать и по другому плану – постараемся перетянуть его на свою сторону. Надеюсь, что этот план сработает, если не получится проследить за ним. Мы должны быть готовы к любому из двух сценариев.

Джордж вернулся в маленькую кладовку. В принципе, дело, порученное отцом, было завершено: передатчик лежал в куртке Виктора. Но что-то мешало Джорджу уйти. Какое-то странное предчувствие, что что-то вот-вот должно произойти. Поэтому он решил подождать. Он то сидел в глубине кладовой, то выходил на балкон и смотрел в небо. Луна потихоньку садилась, становилось все темнее и темнее. Джордж с облегчением вздохнул, ему было не по себе от ее вида сегодня вечером. Она словно смотрела на него, угрожая…

- Показалось, - подумал Джордж. – Но все-таки хорошо, что она скрылась, а небо стало совсем темным.

Вглядываясь в небо, Джордж внезапно заметил, что что-то большое приближается к корпусу. Он отпрянул от окна и немного присел, но все-таки мог наблюдать, что происходит снаружи.

Огромная птица – да, это была птица, а точнее филин – огромный белый филин (белый? – Джордж никак не мог рассмотреть в темноте), громадный, словно конь! (или точнее – конь с крыльями!), не спеша подлетал к окну Виктора.

Подлетев к окну, филин уменьшился в размерах и изменил цвет! Он превратился в небольшого обычного темного филина. – Неужели это и есть волшебство? - никак не мог поверить своим глазам Джордж.

Приземлившись на перила балкона, филин заухал:

- У-ху! У-ху!

Через какое-то время окно открылось и филин влетел в комнату.

– Эх, если бы я только мог заглянуть внутрь, - кусал от нетерпения и любопытства губы Джордж.

Но в тот момент это было просто нереально, Виктор, конечно же, проснулся, иначе кто бы мог впустить филина внутрь? Джордж плотно закрыл за собой окно, вылезая из комнаты.

Джордж колебался еще какое-то время. И только было он решил, что уже ничего не случится, и собирался вернуться в кладовку, чтобы немного согреться, за окном пролетел северный олень, а верхом на нем сидела девушка!

– Я сплю, - пробормотал Джордж.

Но олень был здесь, и девушка тоже. Олень подлетел к зданию и остановился точно под окном Виктора. Девушка соскользнула с его спины и исчезла внутри комнаты.

- Ничего не понимаю, - грыз от нетерпения губы Джордж, размышляя, что ему делать.

Он еще долго ждал, шагая туда-сюда по кладовке. И в какой-то момент заметил, что девушка вновь вскочила оленю на спину и умчалась на огромной скорости вверх по ночному небу.

- Глупец, ты всех нас погубишь! – крикнула она Виктору, который смотрел на нее из окна.

Джордж отпрянул внутрь кладовки и практически перестал дышать:

– Что мне делать сейчас? Ждать или уходить?

В конце концов он решил остаться ненадолго. Присел в кладовке и задремал от усталости. А когда проснулся, то увидел, что начинается рассвет. Вышел на балкон и посмотрел на окно Виктора. Вдруг окно его комнаты распахнулось и оттуда вылетел огромный белый филин. А верхом на нем сидел Виктор!

- В Снегоград! – прокричал филин и улетел. А вслед за ним, – Это просто невероятно! – вслед за ним летели различные волшебные существа. Впереди двигался огонек и вел за собой остальных: трех гномов, английского джентльмена, мальчика в зеленой одежде (Питера Пэна?), принца, принцессу, волка (!). Замыкала шествие Красная Шапочка.

- Мир сошел с ума. Или я сдвинулся, одно из двух, - пробормотал Джордж и схватил мобильник. Он должен был рассказать обо всем отцу, хотя и сам не мог поверить в то, что увидел.

Глава шестнадцатая

Всезнай Белый

…долгое время безмолвно смотрел на Виктора. Пока длилось это молчание, Виктору показалось, что Всезнай увеличился в размерах, а его перья стали еще белее. И вот перед ним во всей красе стоял гигантский снежнобелый филин, ночной кошмар учеников школы им. Северко Студеного в Снегограде.

Все вокруг смолкли и стали маленькими, словно песчинки, все, кроме Сказочника, который положил руку Виктору на плечо и обратился к Всезнаю:

- Добрый вечер, а точнее, доброе утро, приятель.

Виктор заметил, что за окном небо начало светлеть. Заря потихоньку проспалась и потягивалась, распрямляя затекшие руки, – волшебство чудесной ночи потихоньку улетучивалось.

Всезнай Белый кивнул Сказочнику:

- Доброе утро, Дэвид.

Гномы переглянулись. Они впервые услышали настоящее имя Сказочника.

Всезнай вновь строго посмотрел на Виктора, а Виктор только и успел промямлить:

- Я сожалею, что натворил это. Я н-не хотел.

Всезнай еще какое-то время молчал, а потом произнес:

- И мне жаль, Виктор. Я верю, что ты искренне раскаиваешься, но закон есть закон. Ты должен вернуться вместе со мной в Снегоград. Суд состоится через два дня.

Виктор побледнел. Гномы и остальные присутствующие заметно заволновались, но никто не осмелился протестовать, поскольку знали, что Всезнай Белый всегда прав. Всякий, кто нарушит Закон, должен встретиться лицом к лицу с Верховным Судом Снегограда.

- Но, но, - забормотал Виктор, - я не хотел, чтобы все так произошло!

- И я этого не хотел, - ответил Всезнай, - но таков закон. У тебя будет возможность высказаться на суде. Впрочем, у тебя будет хороший адвокат, который все скажет за тебя. Не так ли, Дэвид?

Сказочник обернулся к Виктору и сказал:

- Я буду твоим адвокатом, Виктор. Я закончил юридический факультет до того, как начал заниматься литературой. И в Верховном Суде Снегограда исполняю функции защитника, если возникает в том необходимость. Хотя должен сказать, что я впервые обязан кого-то защищать. Но не беспокойся, все присутствующие здесь будут твоими свидетелями. И будут свидетельствовать в твою пользу!

Все вокруг возбужденно загалдели и подтвердили, что поедут в Снегоград и станут свидетельствовать в пользу Виктора, но Всезнайпрервал их:

- Пора лететь, - сказал он. – Я должен сопроводить этого юношу в Снегоград. Виктор, надень куртку и возьми все, что тебе понадобится. Летим сейчас же. Динь-Динь, посыпь, пожалуйста, всех присутствующих звездной пылью. Если они все желают быть свидетелями, то необходимо лететь в Снегоград. Дорога неблизкая, значит, пора лететь.

Динь-Динь улыбнулась и начала кружить над гномами и другими гостями, посыпая их звездной пылью.

- Так, так, чуток звёздной пыли для каждого, - внимательно следил за ее действиями Всезнай. – Для всех, кроме Виктора. Он летит со мной.

* * *

А тем временем госпожа Рафаэла спала и видела во сне кошмары. Она вскакивала, как в бреду, смотрела на пустую подушку рядом с собой. Николая не было. К счастью, она была не совсем одна. В ногах, свернувшись клубком, спал кот Макс, ее любимец и верный друг. Макс, как и остальные животные в Снегограде, умел говорить, но, по правде говоря, редко это делал.

- Мне не о чем говорить, - сказал он однажды госпоже Рафаэле, - поэтому я лучше помолчу.

Рафаэла была благодарна, что хотя бы он ее не покинул. Но кот не мог уберечь ее от кошмаров. Они промучили ее до зари, пока она окончательно не проснулась.Она лежала, уставившись в окно широко открытыми глазами. Вдруг Макс приподнял голову и навострил уши. Усы зашевелились, он начал принюхиваться.

- Макс, что происходит? – забеспокоилась госпожа Рафаэла.

Но Макс стремглав слетел с кровати и помчался в угол комнаты, а через несколько секунд вернулся назад, неся в пасти мышь! Вероятно, будь это обычная мышь, госпожа Рафаэла бы заверещала, но мыши в Снегограде, само собой разумеется, не были обычными. После того как Макс осторожно опустил свою добычу на кровать, госпожа Рафаэла поняла, чьим гонцом был мышонок.

* * *

- В Снегоград! – скомандовал Всезнай и взмыл в небо. Виктор расположился у него между крыльев, словно оседлал крылатого коня. Так как он был родом из Снегограда, такие полеты для него были вполне привычными. Они со Снежинкой в детстве часто летали на полярных совах и северных оленях Деда Мороза.

Но то обстоятельство, что Виктор летел со Всезнаем, которого, надо признаться, он всегда побаивался, а кроме того, что летел не на прогулку, а на суд, - приводило его в отчаяние.

Но все-таки, оглядываясь время от времени назад, несмотря на все свое отчаяние, он наблюдалзабавную процессию.

Сразу вслед за Всезнаем и Виктором во главе процессии летели Динь-Динь и Питер Пэн. Они в отличие от остальных умели летать и делали в воздухе различные сальто и кульбиты, вели себя чрезвычайно важно. За ними, держась за руки, летели Иван-царевич и Принцесса, грациозные, как всякий принц и принцесса. Виктору порой казалось, что они танцуют, настолько они были изящны.

А вот хвост процессии – умора! Ворчун откровенно боялся лететь и едва удерживал равновесие, и поэтому Сказочнику приходилось его время от времени подбадривать, рассказывая, что полет с помощью звездной пыли безопасный. Пухлощек же, несмотря на свой внушительный вес, чувствовал себя в воздухе распрекрасно и наслаждался полетом. Но ему приходилось постоянно следить за Лежебокой, который все время засыпал в воздухе и рисковал свалиться вниз. И как только он начинал снижаться, Пухлощек и Сказочник подлетали к нему, чтобы разбудить и приподнять вверх.

А Волк и Красная Шапочка были самыми смешными. И если Ворчун боялся летать, то Волк был чемпионом по страху. Сердце у него опять ушло в пятки, и он вынужден был лететь с закрытыми глазами. А Красная Шапочка тащила его за собой.

Если нас кто-нибудь увидит со стороны, интересно, о чем он подумает? – размышлял Виктор. – Только посмотрите, нас свободно можно

назвать «летающим цирком Виктора Мороза». Эта мысль развеселила Виктора, и он начал хохотать в голос…

Всезнай обернулся и озадаченно посмотрел на него.

– Ха, - подумал Виктор, - я смог удивить самого Всезная. Удавалось ли кому-либо такое?

Эта мысль вызвала у Виктора новыйприливхохота…

* * *

Спустившись вниз, в гостиную, госпожа Рафаэла остановилась в дверях, глаза ее наполнись слезами. Дед Мороз спал в своем кресле прямо в уличной одежде и сапогах. Огонь в камине совсем погас, в комнате стало холодно. Он ворочался в кресле, вероятно, его мучали кошмары, тихо бормотал что-то во сне.

- Просыпайся, мой медвежонок, - нежно прошептала Милая. – Ник, проснись, пора вставать.

- Аххх, фея… - воскликнул Дед Мороз. – Фея…

- Это что-то новенькое, - засмеялась Рафаэла. – Ты никогда раньше не называл меня феей.

Дед Мороз смущенно протер глаза. Глянул на госпожу Рафаэлу, а потом осмотрелся кругом в поисках Феи. Но от ее пребывания не осталось ни следа!

- Где Фея? – спросил Дед Мороз спросонья.

- Фея? – удивилась госпожа Рафаэла. – Тебе приснился сон, медвежонок, нет тут никакой феи.

- Была фея, - возразил Дед Мороз. – Тут была, и это не сон. У нее были прекрасные серебристые волосы, а глаза такого фиалкового цвета, что когда она на тебя посмотрит…, - тут Дед Мороз спохватился и замолчал, потому что на лицо Милой набежала тучка.

- Твои глаза, конечно же, прекрасней, - торопливо добавил Дед Мороз. – Голубые, словно небо!

- Ага, - госпожа Рафаэла смотрела на него с подозрением. Но в этот момент она вспомнила о гонце-мышонке, и лицо ее стало серьезным.

- Я должна рассказать тебе о том, что произошло, - сказала встревоженно она. – Мирра послала гонца…

* * *

Торопливо запрягая северных оленей, Дед Мороз размышлял о вчерашнем вечере. Что же было во сне, а что наяву? Была ли Фея, или это тоже только часть сна? А насколько реальным он казался! Дед Мороз просто не мог поверить, что этого не было на самом деле. А как же желание, которое она пообещала исполнить?

- Так ты знаешь, чего ты хочешьбольше всего на свете? – спросила его Фея, когда вышли из тумана Страны Снов назад, в реальный мир.

- Знаю, - ответил Дед Мороз. – И всегда знал. В моем сердце горит любовь ко многим вещам: я люблю свою Милую, и своих детей, даже этого

безобразника Виктора, и Снегоград люблю, и его жителей, и верных оленей, и своих милых гномов. Но больше всего я люблю то, что важнее всего на свете: это детские улыбки! Именно поэтому и существует Дед Мороз, это я унаследовал от своего отца, а он от своего… Для того мы и существуем, и всегда существовали – чтобы делать детей счастливыми.

- Тогда я знаю, какое желание мне исполнить, - очаровательно улыбнулась Фея, и Дед Мороз утонул в ее прекрасных фиалковых очах.

Это было последнее воспоминание о прошедшей ночи.

* * *

Госпожа Рафаэла наблюдала из окна, как ее Николай, ее милый медвежонок, сел в сани, обернулся к ней, помахал и взмыл в небо на огромной скорости. Мирра уже ждала его.

- Ах, - вздохнула Милая и потрепала Макса, который сидел рядом с ней на окне, по шерстке, - сколько же всего случилось за один день!

Внезапно Макс ощетинился и уставился в окно. Госпожа Рафаэла тоже выглянула в окно, чтобы понять, что его так испугало.

- Ничего особенного, Макс, - произнесла она, - это просто стая птиц, видишь? Но внимательней присмотревшись, она поняла, что за окном были вовсе не птицы, а что-то совсем другое…

* * *

Снежинке снились белые медведи.

Среди медведей возвышалась Мирра и отдавала приказы, а медведи кивали ей огромными белыми головами. Потом медведи начали движение по снегу. Много белых медведей на белом снегу, а снег все падал и падал…

Снежинка проснулась и поняла, что в комнате она не одна.

У очага стояли Всполох, Мирра и ее папа Ники! Они смотрели на огонь. А языки пламени складывались в чудесные картины… На снег приземлился самолет, вокруг него скопилось множество людей на моторных санях, движущихся на огромной скорости. И белые медведи, тысячи белых медведей.

- Значит, это не сон, - подумала Снежинка.

В этот миг Мирра повернулась к ней и сказала: - Вижу, ты проснулась. Пора, Снежинка. Мы должны защищать Снегоград.

Снежинка спрыгнула с кровати и подбежала к папе, чтобы обнять его. Он обнял ее и поцеловал, но Снежинка заметила, что он задумчивый, мрачный, хмурый… Глаза его сияли странным огнем, Снежинка подумала, что в них отражается замысловатая игра языков пламени.

* * *

Госпожа Рафаэла сидела в кресле и слушала рассказы внезапно нагрянувших гостей. А гости были престранные! Хотя госпожа Рафаэла за годы, проведенные с Дедом Морозом, повидала немало.

Огромная гостиная была полна сказочных героев! Дэвида, Сказочника, госпожа Рафаэла хорошо знала, это был их старинный друг, а остальных гостей она никогда не видела «на самом деле». Словно ожила сказка. Когда Виктор был маленьким, Дэвид, а он тогда постоянно жил в Снегограде, частенько развлекал их тем, что создавал в воздухе движущиеся картинки из сказок. Но сейчас было совсем другое дело! Настоящее волшебство.

Но то, что ей рассказал Дэвид, было намного важнее магии, важнее всего на свете. Всезнай отвел Виктора в здание Городского парламента, центральный зал которого в экстренных случаях использовался как зал судебных заседаний. Но с тех пор как госпожа Рафаэла переехала жить в Снегоград, парламент никогда не использовался для таких целей. Это было впервые. И с ее Виктором! Очень страшно, стыдно, очень грустно.

И сегодня, как сказал Дэвид, Виктор проведет ночь там, в камере предварительного заключения, под надзором Всезная. А завтра рано утром он предстанет перед Верховным Судом Снегограда.

- Не переживай, Рафи, - успокаивал ее Сказочник, - я сделаю все возможное, чтобы представить Виктора в наилучшем свете, и свидетели мне помогут.

Госпожа Рафаэла оглянулась вокруг. Волк валялся на спине у камина, а Красная Шапочка почесывала ему брюхо… Лежебока прикорнул возле них, стискивая в кулачках одеяльце. Ворчун вступил в какую-то жаркую дискуссию с Питером Пэном. Пухлощек жевал печенье. Динь-Динь… А она куда-то подевалась. Ан нет, вон она, катается верхом на коте Максе.

- Ах, - второй раз за день вздохнула госпожа Рафаэла. Она столько не вздыхала с тех пор, как Виктор и Снежинка забрались на Ледяную Гору восемь лет назад.

– Ах, - выдохнула она еще раз в надежде, что ей станет легче. – Очень надеюсь, что наши свидетели помогут.

Глава семнадцатая

Мирра Черная Медведица

… стояла с топором в руке и ждала. Ее накидка развевалась по ветру, а за ее спиной, зловещая и холодная, нависала Ледяная Гора. Вокруг нее стояла прочная стена из белых медведей, огромное бесстрашное войско.

Снежинка сидела верхом на Всполохе, притихшая и взволнованная, а рядом с ней стоял Дед Мороз, непривычно грозный и опасный. Тьма над Ледяной горой становилась все гуще и гуще, а северный ветер пел свою неумолимую песню.

- Уууууу, - завывал он, холодный и суровый.

На горизонте появились сначала какие-то мелкие точки, которые, подъезжая ближе, превратились в сани. Медведи, молчаливые и неподвижные, словно снежные изваяния, терпеливо ждали их приближения.

Приблизившись на расстояние, откуда можно было разглядеть снежное войско, сани резко остановились. Лорд Рич уставился на устрашающее медвежье войско широко раскрытыми глазами. Он не ожидал увидеть такое! Очевидно, он даже не представлял, какая сила скрывается в Снегограде. Но пришло время с нею познакомиться.

- Неужели он думал, что нас некому защитить? – удивилась Снежинка.

Лорд Рич торопливо отдавал приказы своим людям. Сани начали разворачиваться назад. Но когда они развернулись, лорд увидал, что он со всех сторон окружен белыми медведями. Бежать было некуда.

Безмолвные медведи медленно сужали круг. В это мгновение в душе лорда Рича вспыхнула какая-то сумасшедшая храбрость. Глаза его потемнели и налились кровью, словно от бешенства.

- Джордж, - крикнул он. – Если разогнать сани, то мы сможем прорваться вперед, к той горе. Смотри, здесь кольцо не такое плотное. А раз эти двое стоят здесь, - он кивнул в сторону Деда Мороза и Снежинки, - город, по всей вероятности, тут. Готов поспорить, что он там, наверху, на горе.

Но Джордж не реагировал. От ужаса он словно врос в сани. Он смотрел на медведей, широко раскрыв рот, не веря своим глазам.

- Что за болван! – заверещал лорд Рич. - Ты ни на что не годишься!

В этот миг медведи подошли к первым саням. Люди лорда вытащили свои ружья и пистолеты и начали стрелять в них, но медведи словно вырастали из снега. Так много их было.

Лорд Рич взвыл от бешенства, нажал на газ и направил сани вперед. Сани полетели сквозь снежную бурю. Дед Мороз взглянул на Мирру – она стояла неподвижно, абсолютно спокойная.

Дед Мороз побежал было вперед, что перегородить путь Ричу, а Мира только слегка приподняла топор. Но лорд быстро повернул руль, еще прибавил скорость и двинулся прямиком на Снежинку! Снежинка испугалась, но Всполох, не успел лорд Рич и опомниться, взмыл вверх, открывая ему путь наверх. Сани полетели наверх, на Ледяную гору.

Дед Мороз был в бешенстве, а Мирра, к удивлению, оставалась спокойной.

- Он сбежал, - прокричал Дед Мороз Мирре, пока Всполох приземлялся на снег около них. Мирра только улыбнулась. Снежинка второй раз в жизни видела, чтобы Мирра улыбалась.

Мирра качнула головой в сторону Ледяной горы. Дед Мороз посмотрел туда и понял, что она хотела ему сказать.

Сани лорда Рича уже поднимались вверх по Ледяной горе…, а там, такгосподствовалсеверный ветер. Это было его царство, его гора. А непрошенных гостей он недолюбливал…

- Уууууууу, - угрожающе завыл он. Но лорд Рич не услышал его песню, или не захотел услышать. Ослепленный белизной снегов, он гнал сани все выше и выше, думая, что приближается к волшебному городу, о котором мечтал всю свою жизнь.

* * *

Подойдя ближе к саням, Снежинка заметила, что люди лорда Рича неподвижно лежали на снегу. К сожалению, возле саней раскинулись бездыханно и два белых медведя. На глаза Снежинки набежали слезы, но она решила, что будет сильной и не расплачется. Она покрепче обняла Всполоха за шею, а тот своим синим носом вытер слезу, скатившуюся по ее щеке.

Дед Мороз и Мирра стояли перед Джорджем, который сидел скорчившись у саней и трясся от ужаса. Только он остался в живых из всех сопровождавших лорда Рича. Медведи его не тронули, потому что он не представлял для них угрозы. Они окружили его и ждали Мирру.

Дед Мороз смотрел на него испепеляющим взором, страшно и неумолимо. Снежинке казалось, что он вот-вот его разорвет. Но вдруг что-то изменилось, он успокоился, кулаки его разжались. Он повернулся к Мирре и произнес:

- Он твой. Тебе решать, что с ним делать.

Джорджу стало еще страшнее. Мирра, в накидке из медвежьей шкуры, с огромным топором в руках, походила на страшную северную богиню из древних сказок, одну из тех, что питаются человечьим мясом и пьют вино из черепов своих неприятелей.

Мирра посмотрела на Джорджа и произнесла ледяным тоном:

- Казнь для непрошенных гостей в наших местах испокон веков одна: смерть!

- Смерть, - эхом вторили белые медведи, а Джордж задрожал и заплакал, словно малое дитя.

Деду Морозу стало его жаль. Он никак не мог стереть из памяти увиденную сцену: несчастный одинокий ребенок в огромном холодном доме, и письмо, которое не было доставлено адресату. Ему действительно было жалко этого парня.

- Но, - голос Мирры стал тише и спокойнее, - имеются смягчающие обстоятельства, о которых я узнала сегодня, - она взглянула на Деда Мороза и продолжила, - поэтому наказание будет другим. Я решила, что ты останешься здесь со мной в качестве помощника, - сказала она Джорджу.

Джордж недоумевающе посмотрел на нее. Когда он понял ее слова, лицо его просветлело.

- Но ты, - сказала Мирра, - примешь другойоблик и будешь служить мне сотни лет, до тех пор, пока я не поверю, что ты изменился и стал добрым человеком.

Джордж открыл рот, чтобы возразить, но голос у него пропал. Мирра подошла к нему и дотронулась, и в тот же миг – о, чудо! – тело Джорджа начало покрываться шерстью. Он порос коричневым мехом и свернулся в меховой комок – и вдруг перед ними очутился маленький бурый медвежонок.

- Ты должен быть счастлив, что официально стал жителем Снегограда, ты же хотел этого, и будешь жить долго, дольше кого бы то ни было.

Джордж никогда не хотел быть жителем Снегограда, однако смысла бунтовать уже не было. Дело сделано. Он был не человеком, а медведем. Но почему-то сейчас, впервые за долгое время, Джордж почувствовал себя счастливым. Белая снежинка села на его черный резиновый нос, а он ей радовался, словно малое дитя.

Мирра повернулась к Деду Морозу и Снежинке.

- Друзья, моя работа закончена, - сказала она, – по крайней мере, на сегодня. Будьте добры, позаботьтесь о Викторе. Я думаю, что вы ему понадобитесь.

Сказав это, Мирра повернулась и на их глазах превратилась в большую черную медведицу. Она медленно направилась вверх по горе, а за ней потянулись белые медведи. Маленький бурый медвежонок Джордж весело бежал за ними по снегу, играя со снежинками.

- Пойдем, Снежинка, - устало и грустно сказал Дед Мороз, - наша с тобой работа еще не закончена.

* * *

Лорд Рич карабкался вверх по горе. Сани давно уже занесло снежной метелью, а он поднимался все выше и выше, словно и не замечая снега, который валил все сильнее, и грозных предупреждений северного ветра.

- Еще немного, - бормотал он, - еще чуток, и я там. А потом город будет мой. И весь мир станет моим. Никого не будет сильнее меня.

- Уууууууууу, - завывал северный ветер, а снег все шел и шел.

Но лорд ничего вокруг не замечал. Глаза его налились кровью, взгляд был абсолютно сумасшедшим. Он даже не замечал, что у же не идет по снегу, а тонет в глубоких сугробах.

- Уууууууууу, - выл ветер, становилось все холоднее и холоднее.

Лорд уже не мог двигаться дальше. Руки его начали коченеть. Он сел на снег, устремив невидящие глаза к вершине горы.

- Вон он, я его уже вижу, - повторял он в бреду. – Снегоград, снежный город. Я немного отдохну и доберусь до него. Только… немного передохну…

- Уууууууууу, - продолжал выть северный ветер и наметал сугробы вокруг лорда Рича, который видел в последнем сне, что становится властителем мира.

Глава восемнадцатая

В Верховный суд Снегограда

… входилипять судий. Виктор сидел на скамье подсудимых,съежившись от страха, рядом со Сказочником, ожидая, что в любой момент в зал пойдут эти пятеро. Он предполагал, что Всезнай является одним из них.

Позади, в зале, сидели свидетели, мама, Снежинка…

- А где же папа? – забеспокоился Виктор, а потом вдруг подумал, что папа больше не захочет видеть его, и это его очень расстроило.
- Ту-ту-ту! – протрубил в трубу один из служителей, молодой белый филин, незнакомый Виктору: – Всем встать. Суд идет!

Все поднялись, в зал один за другим начали входить судьи. Служитель поочередно называл их имена.

- ГлубокоуважаемыйВсезнай Белый, директор школы им. Северко Студеного. Глубокоуважаемый Ардамель, советник Городского совета Снегограда. ГлубокоуважаемыйГрегор Серый, мэр Снегограда.

Грегор Серый был старым полярным лисом, Виктор очень хорошо его знал. Он частенько захаживал к ним в гости. Об Ардамеле же, древнем гноме, который с трудом забрался на стул и устроился на нем, Виктор никогда раньше и не слыхал.

- Глубокоуважаемая Барда Белая, директор городской библиотеки и советник Городского совета Снегограда.

Барда Белая, старая белая медведица, которую ученики школы частенько дразнили Белой Брадой, с негодованием взглянула на Виктора.

–Она считает меня виновным, - подумал Виктор.

Однажды она услышала, как он дразнил ее Белой Брадой, и это вовсе не пришлось ей по душе.

- Глубокоуважаемый Николай Мороз, более известный как Дед Мороз, владелец фабрики Морозов и советник Городского собрания Снегограда.

Виктор разинул рот от удивления, ему потребовалось некоторое время, чтобы прийти в себя.

– Как это возможно? – промелькнуло у него в голове. - Неужели мой собственный отец будет судить меня?

Он в страхе оглянулся на Сказочника, а тот был спокоен, словно ледяная глыба, и даже не шевельнулся. Виктору хотелось, чтобы земля под

ним разверзлась и поглотила его, но, к сожалению или к счастью, ничего подобного не произошло.

- Председатель Суда – глубокоуважаемый Всезнай Белый, - объявил молодой белый филин, – сейчас он зачитает обвинительный приговор, после чего защита сможет высказаться.

Всезнай Белый обвел строгим взглядом всех присутствующих и начал говорить:

- Обвиняемый Виктор Мороз нарушил закон Снегограда.Ультимативная конституция Снегограда, статья 1, гласит: «Никто не должен говорить о Снегограде и его жителях вне стен Снегограда». Однако нам стало известно, что обвиняемый сообщил некоему Джорджу Ричу о том, что является сыном Николая Мороза (более известного под именем Дед Мороз) и что он родом из Снегограда. Если защите известны факты или обстоятельства, свидетельствующие в пользу обвиняемого,защита имеет право высказаться, после чего Верховный суд удалится для вынесения приговора.

От этих страшных слов у Виктора закружилась голова.

– Я пропал, – подумал он.

* * *

–Кхе, кхе, – прокашлялся Сказочник, – вызываю первого свидетеля защиты, господина Пухлощёка.

Пухлощёк гордо выпрямился, зашагал в зал суд и занял место на скамье для свидетелей. Виктору показалось, что свидетель что-то пережевывает.

– Господин Пухлощёк, известны ли вам какие-либо смягчающие обстоятельства по делу, рассматриваемому в суде? Что-то, что бы свидетельствовало в пользу обвиняемого?

– Да-да, знаю, – радостно закивал Пухлощек. – Дело было так, уважаемый суд, уважаемые судьи и уважаемые присутствующие. Обвиняемый уехал жить в Кембридж, а там люди не такие, как здесь. Печенья ему вдоволь не давали, всем известно, что нигде нет такого печенья, как у нас… А потом его кто-то обманул, напугал, и от всего этого, особенно, конечно, от плохого печенья, сердце у него куда-то убежало, и мы едва его нашли. Мы все хлопали в ладоши, и сердце вернулось на место. И тогда только он понял, что все время был не в себе. А если сейчас угостить его печеньем, ему станет еще лучше! – закончил свою речь Пухлощек.

- Мне конец, - в отчаянье подумал Виктор.

* * *

- Господин Лежебока, ваша очередь, пожалуйста, - пригласил Сказочник Лежебоку.

Лежебока широко зевнул, словно его разбудили аккурат перед тем, как давать показания:

- Мои показания следующие: наш Виктор совершил какие-то глупости, это мы все это знаем. Но ведь не случилось ничего страшного для Снегограда. По крайней мере, мне так сказали. Конечно, его нужно наказать. Но только тогда сердца у него не было на месте, и это, конечно же, смягчающие обстоятельства.

- Это все, господин Лежебока? – строго спросил его Сказочник.

- Думаю, что все, - ответил Лежебока. – Я не знаю, что происходило потом, потому что мне необходимо было чуток вздремнуть. Я плохо переношу дорогу.

Виктору опять захотелось, чтобы земля разверзлась у него под ногами. Все бессмысленно.

* * *

- Так вот, мы расследовали ситуацию и поняли, что Виктор уже не тот, каким мы его знали раньше. У него не было блеска в глазах, и пах он не так, как обычно, и сердца у него не было на месте. И мы должны были принять меры, чтобы вернуть его сердце назад. А я, по правде говоря, не верил, что его можно вылечить, совсем он был плох, - свидетельствовал Волк.

- Очень страшно было, сердца у него не было, - возбужденно тараторила Красная Шапочка. – Но, к счастью, лекарство было найдено, и Виктор опять начал пахнуть Снегоградом. И, как видите, у него снова появился блеск в глазах.

- Я думаю, что Виктор понял, как он заблуждался, потому что поверил чьим-то ложным обещаниям… Он понял, что по наивности пошел по кривой дорожке… И раскаялся! Это смягчающее обстоятельство, - говорил Иван-царевич.

- Он понял, что в жизни не все так, как он думал, и что такие простые вещи, как доброта, любовь, дорогие тебе люди – это именно то, что нужно ценить, - рассуждала Принцесса с горошиной. – И еще он был очень печальный, - всхлипнула она.

Питер Пэн объяснял судьям:

- Он еще совсем незрелый, друзья мои, упс, судьи, уважаемые судьи. Он вовсе не вырос, а я знаю, что это такое, эээх. Только он все обманывал себя, что совсем взрослый, в этом-то все и дело. Хм. Это смягчающее обстоятельство.

- А мы хлопали. Это и было лекарство. Я знала, что оно помогает! Только аплодисменты помогают! Он поверил и вылечился. Вот он, старый добрый Виктор. Посмотрите на него, поверьте, - звенел голосок Динь-Динь.

Виктор слушал все эти свидетельств и ком в животе у него становился все тверже. – Никто не сможет меня по-настоящему защитить, - думал он.

И вот пришла очередь Ворчуна…

* * *

Ворчун сидел на скамье для свидетелей и пристально смотрел на судий. Судьи смотрели на него и ждали, когда он начнет свидетельствовать. После продолжительного молчания и переглядывания Ворчун заговорил.

- Уважаемый суд, я думаю, вы уже слышали историю о том, что Виктор был не в себе и как он излечился. Поэтому я не буду повторять ее в сотый раз. Я хочу сказать следующее: каждый из нас когда-нибудь да ошибался. Если я хорошо помню, во времена моего отца кто-то тоже нарушил закон, - Ворчун бросил косой взгляд на Деда Мороза.

А тот молча смотрел куда-то в сторону.

- Неважно, что мотивы были благородными:закон был нарушен из-за любви, - в этом месте Ворчун сделал краткую паузу и глянул в сторону публики, как раз в то место, где сидела госпожа Рафаэла, - все-таки это тоже была ошибка. Я хотел сказать, что все мы ошибаемся. Важнее другое – есть тот, кто в нас верит и хочет нам помочь. И пока кто-то верит в то, что мы можем стать лучше, что мы поняли свою ошибку и по-настоящему раскаиваемся, это может считаться смягчающим обстоятельством. По этому делу, уважаемый суд, выступило много свидетелей, и все как один сказали, что верят в Виктора. Благодарю вас за то, что вы меня выслушали.

На этих словах Ворчун поднялся со скамьи свидетелей и не спеша направился к своему месту в зале суда. Вокруг цариломолчание.

* * *

- Уважаемые судьи, а теперь я хотел бы пригласить молодого Виктора, - произнес Сказочник.У Виктора от страха и волнения перехватило горло.

- Что мне сказать? – думал он. Ему ничего не приходило в голову, что он мог бы сказать в свою защиту, кроме «мне очень жаль» и «я не хотел». Но деваться было некуда, и он сел на скамью свидетелей.

Сидел и молчал. Через какое-то время он поднял голову и посмотрел на своего отца:

- Я не знаю, что мне сказать, кроме как: папа, я хотел быть как ты, но не знал как. Я хотел тебе помочь и чего-нибудь придумать, но не знал что. Я ошибся. Мне очень жаль.

И тут он уже не смог сдержать слез. Он начал плакать, все перед глазами у него поплыло. Вокруг что-то происходило, но он ничего не видел. Когда он наконец успокоился, осмотрелся вокруг, то увидел Сказочника, который стоял перед судом и говорил:

- Это и есть моя защитная речь. Это то, о чем я могу свидетельствовать. Я думаю, что этот молодой человек заслуживает шанса на исправление.

Судьи молчали. Всезнай Белый поднялся и произнес:

- Суд выслушал всех свидетелей, обвиняемого и защиту. Суд удаляется для рассмотрения дела и вынесения обвинительного приговора. После вынесения приговора вы будете приглашены в зал заседаний.

* * *

- Ту-ту-ту! Все встать! Суд идет! – протрубил молодой белоснежный филин, и все в зале суда встали. Судьи спорили пять часов, что Виктору вовсе не показалось обнадеживающим. Но Сказочник сохранял, как и прежде, абсолютное спокойствие.

Судьи вошли в зал суда и расселись по своим местам. Всезнай строго осмотрел присутствующих, а потом произнес:

- Верховный Суд Снеграда,приняв во внимание факты, изложенные свидетелями, обвиняемым, защитой, вынес следующее решение по рассмотренному делу: молодой Виктор по законам Снеграда не считается достигшим совершеннолетия, и это является смягчающим обстоятельством, об этом говорил один из свидетелей. – И тут Всезнай посмотрел на Питера Пэна.

- Все же, - продолжил Всезнай, - поведение молодого Мороза не подобает его происхождению, воспитанию и образованию. Поэтому, приняв во внимания все обстоятельства и его раскаяние, и, если так можно выразиться, возвращение в прежнее состояние, – суд решил вынести более мягкое наказание, чем предписано законом.

При этих словах Сказочник с облегчением вздохнул, словно камень упал у него с сердца.

- А какое наказание предписано законом? – взволнованно прошептал Виктор.

- Обледенение, - шепнул Сказочник. – Тебя бы превратили в ледяную статую и поставили на центральной площади, чтобы остальным неповадно было нарушать закон.

Услышав об этом, Виктор чуть не упал в обморок. Почему ему никто об этом не сказал?!

- Таким образом, приняв во внимание все обстоятельства, - продолжал Всезнай, - суд единогласно постановил смягчить приговор обвиняемому, Виктора Мороза считать виновным, назначить ему наказание сроком на пять лет, наказание считать условным, отбывать наказание он должен в Снеграде на фабрике Морозов по руководством Деда Мороза. По истечение пяти лет Виктор Мороз должен предстать перед Верховным Судом Снеграда, и если Суд посчитает, что он усвоил урок, он сможет продолжать обучение за границей.

Виктор был в смятении. С одной стороны, наказание было очень мягким, а с другой – он уже больше не увидит Мину Джонс. А это не было хорошей новостью.

- Есть ли вопросы у обвиняемого? – строго посмотрел на него Всезнай.

- Д-да, - начал заикаться Виктор, - об учебе, а можно ли мне учиться заочно? И хотя бы изредка ездить в Кембридж, чтобы сдавать экзамены?

- Ты можешь подать прошение по прошествии одного года, - ответил ему Всезнай. – Тогда суд решит, можно ли тебе позволить обучаться заочно.

Виктор понурился. Он понимал, что суд был к нему снисходителен, и во многом потому, что он был сыном Деда Мороза. Он не осмелился просить о снисхождении.

- Кхе, - подал голос Дед Мороз. – А сейчас я хотел бы сказать пару слов.

В зале суда все стихли.

- Чего я ожидаю от обвиняемого в течение тех пяти лет, что он будет работать под моим началом? – строгим голосом спросил Дед Мороз.

Виктор сглотнул слюну.

- Ожидаю, что он будет работать над развитием и модернизацией *бизнеса* на фабрике Морозов, - Дед Мороз намеренно использовал это слово, - но в согласии с принципами любви, доброты и гуманности. Что же я понимаю под модернизацией? – чуть смягчившись, сказал он. – Я имею в виду модернизацию способов как можно быстрее исполнять желания детей, чтобы они быстрее смогли сообщать о своих желаниях нам. Потому что сейчас самая современная вещь, которую мы используем, - это электронная почта. Это нужно изменить. Почему мы не получаем сообщений на мобильный телефон? Или почему нам не завести страничку на этом… как его?

- На Фейсбуке, - шепнула Снежинка.

- Завести страничку на Фейсбуке, - гордо повторил Дед Мороз. – Или свитнуть…

- Твитнуть, - поправила его Снежинка.

- Твитнуть! И чтобы нам твитнули в ответ. И дети, и родители. Вот такую помощь я ожидаю от Виктора, от моего сына… - сказал Дед Мороз и подбежал к Виктору, чтобы обнять его. Виктор встал и со слезами на глазах бросился в объятия отца.

Теперь он окончательнопочувствовал, что его сердце вернулось на прежнее место.

Эпилог

Почтальон Путаник Торопыжкин

…так лихорадочно пробивался через снежные заносы, словно кто-то гнался за ним. Он из последних сил тащил в клюве два огромных мешка, которые замедляли его полет, но даже и не думал остановиться хотя бы на секунду. Ни в коем случае! И пусть идет снег и заметает снежная буря… Путаник Торопыжкин летит вперед и несет почту!

* * *

В доме семьи Мороз царила праздничная атмосфера. Вчерашний ужасный день был позади, а вместе с ним исчезли все мрачные мысли и проблемы.

Госпожа Рафаэла готовила ужин, Пухлощёк ей помогал.

Дед Мороз, Дэвид и Всезнайбеседовали у камина.

Виктор, Снежинка и Ворчун сели в кружок у ноутбука и зарегистрировали страничку на Фейсбуке под названием «Напиши настоящему Деду Морозу». Теперь они обдумывали, как бы назвать его профиль в Твиттере.

Лежебока и Макс спали в обнимку в удобном кресле.

А сказочные герои? Они уже ушли, потому что очень соскучились по детям. Расставание было одновременно и грустным, и радостным, потому что Сказочник пообещал организовать им какую-нибудь встречу в следующем году.

- Ужин готов! – крикнула Милая, и все поспешили за стол, потому что проголодались.

- Бух, бух, бух, - забарабанил кто-то в дверь.

- Кого это принесло в такое время? – удивилась Рафаэла, а Снежинка побежала открывать.

Путаник Торопыжкин вихрем ворвался в комнату, волоча за собой две огромные сумки с письмами.

- Я, я, я… - задыхаясь, пытался сказать что-то он, - я…
- Успокойся, не спеши, успокойся, - пытался утихомирить его Дед Мороз.

Немного отдышавшись, почтальон начал объяснять, что произошло. Очевидно было, что ему очень стыдно, он не смел поднять глаз:

– Дед Мороз, я все перепутал… Прошу тебя меня простить, не сердись. Забирая последний раз почту у волков на последнем сортировочном пункте перед Снегоградом, я от спешки недоглядел… И забыл два полных мешка писем, - выпалил он последнее предложение и посмотрел на Деда Мороза, ожидая его гнева.

Но Дед Мороз во все глаза смотрел то на него, то на мешки, словно не понимая, что он ему говорит. А потом сгреб Торопыжкина в охапку и засмеялся во весь голос.

- Хо-хо-хоооооо! – прокричал Дед Мороз, - Значит, они писали! Писали! А ты просто забыл письма.

Дед Мороз был счастлив, а все вокруг поняли, что произошло и разделили с ним радость.

Милая обняла его и поцеловала, а Ворчун сказал:

- Вот видишь, Дед Мороз, я же тебе говорил, что все будет хорошо.

Только Всезнай так строго глянул на Торопыжкина, что тот съежился.

Дед Мороз заглянул в мешки.

– Да тут тысячи писем! – сказал он. – Завтра нас ждет большая работа!

Гномики запрыгали от радости.

- Мне кажется у вас будет гораздо больше работы, чем вы думаете, - засмеялся Виктор, стуча по клавиатуре ноутбука.

- Что ты хочешь сказать, сынок? – удивился Дед Мороз.

- Да вы, как я погляжу, получали сообщения по электронной почте, но они, не знаю почему, все ушли в спам. Вот видите, тут не тысячи, тут десятки тысяч сообщений от детей со всего мира.

Дед Мороз и госпожа Рафаэла даже и подумать не могли, что письма могли уйти в спам. Все начали смеяться и шутить, так приятно получить радостную весть от Виктора.

- А теперь пора ужинать, - строго сказала Милая, домочадцы и гости послушно потянулись к столу. Поставили еще один стул для Путаника Торопыжкина и сели за богатую трапезу.

Поздно вечером, когда все гости разошлись по домам, а дети легли спать, Дед Мороз надел сапоги и направился на улицу.

- Я скоро, - сказал он Милой, - немного прогуляюсь по снежку.

Милая только улыбнулась. Она-то знала, что Дед Мороз пошел поболтать с месяцем и звездами. Это был ритуал, который он строго соблюдал.

* * *

Дед Мороз стоял на снегу и смотрел на небо, слушая сказки звезд. Месяц поприветствовал его и улыбнулся. Он был счастлив от того, что все закончилось благополучно.

Дед Мороз еще долго стоял и смотрел на звездное небо. Он выслушал все, что хотели рассказать ему звезды, но никак ему не хотелось возвращаться в дом. Он все стоял и ждал.

И вот по небу пролетела падучая звезда, освещая небо прекрасным серебряным сиянием и оставляя за собой изящный серебристый след. Дед Мороз улыбнулся ей, словно долгожданной гостье.

- Спасибо тебе! – крикнул Дед Мороз звезде. – Я никогда не забуду того, что ты сделала для меня.

А звезда рассмеялась в ответ заливистым звенящим смехом и исчезла на другом конце Вселенной.

Попроси у Деда Мороза того, что ты желаешь больше всего на свете, по адресу: contact@dedomraz.net

Biljana Crwenkowska

O czym śnił Dziadek Mróz

Превод од македонски на полски: **Марија Стришевска (Maria Stryszewska)**

Dziadek Mróz
Mieszka gdzieś na dalekiej północy. Podróżuje zaprzężonymi w renifery saniami. Każdego roku wozi prezenty dzieciom. Najbardziej lubi siedzieć przy kominku, pić napar z rumianku i opowiadać bajki.

Rafaela Mróz
(lepiej znana jako Babcia Mróz). Żona Dziadka Mroza, prawdziwa dama. Do jej obowiązków należy: czytanie na głos listów, które przychodzą od dzieci z całego świata, wieczorem, gdy piją z Dziadkiem Mrozem herbatę (Dziadek kiepsko widzi po zmroku, ale ciiii....! nikt nie może się o tym dowiedzieć!) Najbardziej lubi jeździć na wakacje na dalekie południe.

Śnieżynka Mróz
Córka Dziadka Mroza, prawdziwa piękność. Do jej obowiązków należy mieć same piątki w szkole. Najbardziej lubi przeglądać się w lodowym lusterku, jeździć na łyżwach i zbierać komplementy.

Wiktor Mróz
Syn Dziadka Mroza, student ekonomii. Do jego obowiązków należy być dobrym studentem i dobrym człowiekiem. Najbardziej lubi mówić o biznesie oraz o tym, że pewnego dnia zostanie odnoszącym sukcesy biznesmenem.

Pączuś
Krasnoludek, pomocnik Dziadka Mroza. Do jego obowiązków należy pakowanie prezentów dla dzieci. Najbardziej na świecie lubi: ciasteczka i czekoladę, i torty, i cukierki....

Gburek
Także krasnoludek, pomocnik Dziadka Mroza. Do jego obowiązków należy naklejanie etykietek z imionami i adresami dzieci na prezenty (żeby Dziadek się nie pomylił). Najbardziej lubi mieć wszystko pod kontrolą, szybko się złości, ale równie szybko mu przechodzi.

Śpioszek
Jeszcze jeden krasnoludek – pomocnik Dziadka Mroza. Do jego obowiązków należy dbanie o renifery, choć najczęściej z nimi śpi. Najbardziej lubi owinąć się kocem.

Rozdział I
Tam daleko na północy....

…gdzie biało i zimno, gdzie rosną uginające się pod ciężarem śniegu choinki, gdzie północny wiatr śpiewa swoją zimową piosenkę, a sopelki dzwonią naśladując jego głos. Daleko od ostatnich zamieszkałych przez ludzi wiosek znajduje się Śniegogród – miasteczko najbardziej znanego na świecie dziadka – Dziadka Mroza.

Dziadek Mróz ma duuuuużo, dużo, dużo lat (nikt nigdy nie dowiedział się ile), ale jest w świetnej formie i ma więcej energii niż większość trzydziestolatków pracujących w banku. Każdego dnia ćwiczy, dobrze się odżywia i spędza dużo czasu na świeżym powietrzu, trenując swoje renifery (one także muszą dużo ćwiczyć, żeby były zdrowe!).

Jego żona to Rafaela Mróz. Dziadek Mróz nazywa ją po prostu Najdroższa, a na świecie lepiej jest znana jako Babcia Mróz. Uwaga! W jej obecności w żaden sposób (w ża-den, ale to w ża-den!) nie wolno wspominać tego imienia! Jeśli, nie daj Boże, ktoś w ten sposób zwróci się do Najdroższej, musi być przygotowany na najchłodniejsze spojrzenie na świecie, od którego i wiatr z północy by zamarzł.

Dziadek Mróz (swoją drogą, jeśli nie wiedzieliście, jego prawdziwe imię brzmi Mikołaj, tak – Mikołaj) i pani Rafaela mają dwoje dzieci – córka Śnieżynka, lat 14, ostatnia klasa szkoły podstawowej, i syn Wiktor, lat 19, student.

Śnieżynka Mróz jest uczennicą dziesiątej klasy szkoły podstawowej „Zimny Północnik" w Śniegogrodzie. Dlaczego dziesiątej? A dlatego, że w Śniegogrodzie dzieci idą do szkoły w wieku czterech lat, ale w pierwszej klasie nie robią nic poza rysowaniem, śpiewaniem, zabawą i robieniem ciastek. Oprócz tego, że to świetna uczennica, jest także mistrzynią w jeździe figurowej na łyżwach. Jest trochę zarozumiała – myśli, że jest najpiękniejsza i najmądrzejsza, co z jednej strony nie jest dalekie od prawdy, ale z drugiej strony jest jej dużą wadą. Zarozumiałość nie jest ani trochę pozytywną cechą!

Wiktor Mróz jest studentem i mieszka zagranicą. Studiuje ekonomię w Cambridge w Anglii, i pragnie zostać odnoszącym sukcesy biznesmenem. Tak szczerze mówiąc to Dziadek Mróz nie wie co myśleć,

gdy słyszy wszystkie te wyrazy (ekonomia, biznesmen), choć i on sam odnosi sukcesy kierując najlepszym na świecie biznesem – fabryką zabawek. Z drugiej strony pani Rafaela jest bardzo szczęśliwa, że jej syn ma takie ambicje...

Ale! Zapomnieliśmy opowiedzieć coś więcej o Śniegogrodzie.

To nie jest jakieś duże miasto, a jednak nie można powiedzieć, że to wioska. Ustalmy może, że Śniegogród to miasteczko średniej wielkości, z wielką fabryką zabawek, pocztą, szkołą, przychodnią, miejskim ratuszem, sklepami z odzieżą, cukierniami, piekarniami, supermarketem, biblioteką, lodowym parkiem, salą gimnastyczną, lodowiskiem i ponad 250 domami. To znaczy, całkiem przyzwoite miejsce do zamieszkania.

W Śniegogrodzie jest kilka rodzajów mieszkańców: najwięcej jest krasnoludków, potem renifery, psy, koty, lisy polarne, a i nawet miś polarny się trafi. Czasami, na dłuższą lub krótszą chwilę, zatrzymują się tu i ludzie (ale tylko mała część z nich mieszka tu na stałe), ale większość z nich przyjeżdża i odjeżdża. … ludzie zasadniczo mają problem z niskimi temperaturami i dlatego tylko niektórzy z nich są w stanie wytrzymać tu dłużej. To co jest istotne, to fakt, że wszyscy mieszkańcy mają te sama prawa i przywileje, bez względu na to czy są ludźmi, krasnoludkami, czy zwierzętami.

To znaczy, jeśli chcemy zilustrować to przykładem, że do cukierni swobodnie może przyjść i miś polarny, i renifer, i zamówić sobie lody lub mrożony jogurt. Albo że we wszystkich butikach są sprzedawane ubrania i buty dla kotów, lisów, misiów i tak dalej. Albo, jeszcze lepiej, że dyrektorem szkoły „Zimny Północnik" jest ogromna, stara śnieżna sowa, pani Wszechwiedząca Biała, a matematyki uczy krasnoludek Piątek. Takie przykłady można mnożyć, ale nie są one aż takie istotne dla naszej opowieści.

Jedynym dozwolonym środkiem transportu w Śniegogrodzie są sanki. Duże sanki, małe sanki, średnie sanki, sanki dla ludzi, sanki dla krasnali, sanki dla zwierząt – ponieważ i one mają swoje prawa, czyż nie?

Nawet środkiem komunikacji miejskiej są ogromne sanie z większą ilością siedzeń! Pomyślcie – saniobus! Takie sanie zaprzężone są w więcej reniferów. Renifery najlepiej sobie radzą z tym zadaniem, ale kiedy mają wolne, także bywają pasażerami jak i wszyscy pozostali mieszkańcy. W Śniegogrodzie każdy może pracować w zaprzęgu także krasnoludki. One mogą ciągnąć tylko najmniejsze, jednoosobowe sanki.

Największym domem w Śniegogrodzie, dwupiętrowym, z dużym i przestronnym salonem z kominkiem, gabinetem i małą biblioteką, trzema sypialniami i aż dwoma łazienkami i oczywiście wieeeeelką, wielką

kuchnią jest dom Dziadka Mroza. Obok niego, właściwie na tym samym podwórzu, znajduje się fabryka zabawek, będąca własnością Dziadka Mroza (a dokładniej – własnością rodziny Mrozów). W porównaniu z większością domów w Śniegogrodzie, fabryka jest zdecydowanie największym obiektem w mieście, ale w porównaniu z fabrykami w innych miastach na świecie, wypada raczej średnio – jak całkiem przeciętny i niepozorny warsztat.

Ale jak wiemy, czasem to co wygląda przeciętnie, może skrywać wiele niespodzianek...

* * *

Ej, czekaj!

Jeszcze jedno pytanie!

Jak dotrzeć do Śniegogrodu?

A, to tajemnica! Drogę do Śniegogrodu znają krasnoludki i zwierzęta... i jeszcze kilka osób, które po długich poszukiwaniach byli w stanie sami ją odnaleźć. Zwykle to ludzie bardzo uparci, poszukujący przygód i mający dużą fantazję.

Niektórzy z nich to pisarze i malarze, inni to piloci lub żeglarze. Są wśród nich także przedstawiciele innych zawodów, na przykład dentysta lub mechanik, przedszkolanka lub sprzedawczyni.

Chociaż bardzo różni, ludzie ci mają dwie wspólne cechy: upór i wielką potrzebę spełniać swoje marzenia!

Rozdział II
Skandal!

…krzyknął Dziadek Mróz, wybiegł na dwór i trzasnął drzwiami!

Najdroższa pani Rafaela, próbując go dogonić, oniemiała i zamarła w bezruchu, gdyż drzwi zamknęły się dosłownie kilka centymetrów przed jej twarzą. Śnieżynka Mróz, która ponad pół godziny stała w przedpokoju przed wielkim lodowym lustrem zachwycając się sobą samą, była oszołomiona tą niewyobrażalną sceną.

Tato Miki, jak zwykła nazywać Dziadka Mroza Śnieżynka, nigdy w życiu nie podniósł głosu, a tym bardziej nie trzasnął drzwiami.

„Mamo?" cicho zdołała wyszeptać Śnieżynka, „co się dzieje?"

Pani Rafaela zaczęła płakać i wybiegła z pokoju.

„Świat stanął na głowie" pomyślała zmartwiona Śnieżynka.

Nikt w Śniegogrodzie, nawet Wszechwiedząca Biała, nigdy ani nie słyszał, ani nie widział czegoś podobnego. Zwłaszcza, jeśli miałoby to dotyczyć Dziadka Mroza...

* * *

A godzinę wcześniej...

...pani Rafaela, nie przeczuwając, co może zdarzyć się godzinę później, przygotowała popołudniową herbatę, wesoło podśpiewując.

W dużej, ciepłej kuchni było dużo półeczek z poustawianymi w rzędach słoiczkami i pojemniczkami rożnych rozmiarów, wypełnionymi wszelkimi rodzajami ziół, herbat i aromatycznych przypraw ze wszystkich zakątków świata. W rodzinie Mrozów picie herbaty było prawdziwym rytuałem. Rafaela nie miała ulubionego smaku, wciąż chciała próbować nowych, albo znów – pić herbatę w rozmaitych kombinacjach. Ale Dziadek Mróz najbardziej lubił napar z rumianku z łyżeczką miodu.

Gdy nalewała herbatę do filiżanek, do kuchni wszedł Dziadek Mróz.

„Gotowe" powiedziała. „Możemy iść do salonu."

„Aha" odpowiedział Dziadek Mróz wciąż stojąc pośrodku kuchni.

Pani Rafaela zauważyła, że coś go trapi.

„Co się dzieje, misiu?" czule zwróciła się do niego (nazywała go pieszczotliwie misiem, ale tylko kiedy byli całkiem sami).

„Czy dziś rano przyszła poczta?" zapytał Dziadek Mróz. „Nie widziałem …."

Listonoszką była pewna młoda sowa śnieżna Szybka Papla, która oprócz tego, że rzeczywiście była szybka, była też paplą. Ponieważ chciała wszystko zrobić szybciej, często zdarzały jej się niezamierzone pomyłki. Tak bywało przede wszystkim w czasach jej młodości. Miała tylko 102 lata, czyli jak na śnieżną sowę ze Śniegogrodu (a nie są to zwykłe śnieżne sowy) wciąż była w kwiecie wieku.

„Nie było dziś poczty" odpowiedziała mu Rafaela i natychmiast zrozumiała co go martwi. Zbliżał się 24 grudnia, a w tym roku dotarło wyjątkowo mało listów od dzieci z całego świata.

„Sprawdźmy elektroniczną pocztę", powiedziała Rafaela niosąc tacę w herbatą do salonu. „Wiesz przecież, że coraz więcej listów przychodzi na maila".

Choć było to jasne, niestety liczba nadsyłanych listów z roku na rok była coraz mniejsza.

Inbox (Skrzynka odbiorcza): 1 nieprzeczytana wiadomość

„Jedna nieprzeczytana wiadomość" niepewnie powiedziała Najdroższa Rafaela i wzięła łyk herbaty, trzymając laptopa na kolanach. „Zobaczmy od kogo to..."

„Tylko jedna...” cicho powiedział Dziadek Mróz, już całkiem rozczarowany. „Czytaj szybko” zwrócił się do Rafaeli. „Może od Marko Jovanovskiego, zwykle w tym czasie od niego przychodzi mail”.

„Zaraz zobaczymy”, powiedziała Rafaela i kliknęła na skrzynkę odbiorczą.

Do: contact@dziadekmroz.net

Od: wiktor.mroz@smail.com

„Od Wiktora?!” z niedowierzaniem wykrzyknął Dziadek Mróz. „Co takiego ma do napisania, czego nie może powiedzieć przez telefon?”

„Czekaj, zaraz...” kliknęła w/na wiadomość Rafaela.

„Cześć mamo, cześć tato,

Mam nadzieję, że przeczytacie tę wiadomość, zwłaszcza że niezbyt często sprawdzacie maila...”

„Słucham?” jeszcze bardziej zezłościł się Dziadek Mróz. „Niby kto nie sprawdza maila? Co jest nie tak z naszym dzieckiem?”

„Czekaj...” powiedziała Rafaela i czytała dalej.

„...zwłaszcza że niezbyt często sprawdzacie maila...”

„Mrmrmr...” wymamrotał coś niezrozumiałego Dziadek Mróz, a pani Rafaela czytała dalej.

„*Mój przyjaciel i kolega z uczelni George, myślę, że już wam o nim mówiłem, jest synem jednego z najbogatszych ludzi w Anglii, lorda Richa. Lord, obok wielu innych spraw, jest właścicielem największego centrum handlowego w Londynie. Gdybyście wiedzieli jakie jest wielkie i ile osób dziennie tam przychodzi! Miliony! W każdy Nowy Rok zbierają się tu dzieci i, tradycyjnie, Dziadek Mróz (oczywiście nie ty, tato, tylko jakiś profesjonalny aktor) daje dzieciom prezenty. Za prezenty płacą wcześniej rodzice, ale to mało istotne.*

Lord Rich dowiedział się od George'a, że jestem twoim synem. Możliwe, że kiedyś, przypadkiem, w jakiejś rozmowie mu o tym wspomniałem, nie wiem...”

W tym miejscu pani Rafaela przestała czytać i spojrzała na Dziadka Mroza. Ten milczał, a jego twarz pociemniała.

W Śniegogrodzie istniał tylko jeden akt prawny. Tylko jeden! Wszystkie pozostałe zasady dotyczyły dobrych wzajemnych stosunków, ale akt prawny był tylko jeden.

Ostateczna Konstytucja Śniegogrodu

Rozdział 1

Paragraf 1

Nikt nie ma prawa mówić o Śniegogrodzie i jego mieszkańcach poza granicami miasta.

Paragraf 2

Nikt nie ma prawa nikomu i pod żadnym pozorem wskazać drogi do Śniegogrodu.

Adnotacja: Naruszenie tego prawa leży w kompetencji Sądu Najwyższego w Śniegogrodzie.

Pani Rafaela zachmurzyła się. Jak mógł... Jak mógł pierwszej lepszej osobie wspominać cokolwiek o Śniegogrodzie.

„Dlatego pisze maila. Wstyd mu teraz zadzwonić i powiedzieć coś takiego przez telefon" powiedziała pani Rafaela.

Dziadek Mróz spojrzał na nią pustym wzrokiem. Jakby w jednej chwili cały jego świat runął.

„Czytaj" powiedział cicho.

„Lord Rich zwrócił się do mnie osobiście i poprosił, żebym cię zapytał, czy jesteś zainteresowany jego propozycją biznesową. Mianowicie, w tym roku chciałby zrobić coś do tej pory NIESPOTYKANEGO: na Nowy Rok do swojego centrum handlowego zaprosić PRAWDZIWEGO Dziadka Mroza – czyli ciebie. Będzie to atrakcją, prawdziwą petardą, czymś absolutnie fantastycznym! Poza tym interes, który ci proponuje jest bardzo dobry: rodzice nie będą kupowali zabawek w centrum handlowym, Lord Rich zamówi je w naszej fabryce..."

* * *

Musimy teraz na chwilę przerwać pani Rafaeli czytanie, żeby opowiedzieć historię o fabryce zabawek i o całym procesie ich produkcji. Jak w każdej BAJKOWEJ fabryce proces produkcji wygląda trochę inaczej niż w pozostałych fabrykach.

Tak, i tam są maszyny. I tam jest taśma produkcyjna, z której schodzą gotowe zabawki, natychmiast pakowane do pudełek, zawijane w piękny kolorowy papier, wiązane wspaniałymi wstążkami, a na koniec – na każde pudełko przyklejana jest etykietka z imieniem dziecka, dla którego przeznaczony jest prezent.

Ale maszyny, które produkują zabawki nie używają żadnych materiałów. Wkłada się do nich tylko życzenia dzieci!

Od chwili, kiedy pani Rafaela przeczyta życzenie na głos, pijąc wolno herbatę, maszyny w fabryce rozpoczynają proces produkcyjny. Z maszyny wychodzi dokładnie to, co wymarzyło sobie dziecko!

I każdy prezent był dokładnie takim, jakim wymyśliło sobie go dziecko, i każdy był jedynym takim na całym świecie. Żaden prezent, który wyszedł z tej fabryki nie był podobny do żadnego innego. I właśnie dlatego te zabawki nic nie kosztowały. Upragnione i stworzone w bajkowy sposób z marzeń, i w żadnym wypadku nie były na sprzedaż...

* * *

„Nie chcę się wtrącać w twoją pracę, tato, w końcu ty wiesz najlepiej", pisał dalej Wiktor, „ale myślę, że to świetna okazja. I sam wiesz, że właśnie dlatego, że rodzice kupują dzieciom prezenty, a na każdym kroku jakiś aktor zarabia pieniądze grając Dziadka Mroza, przychodzi do nas coraz mniej listów. Oprócz tego myślę, że rodzice coraz częściej uczą dzieci, że Dziadek Mróz nie istnieje. A kiedy biznes kiepsko idzie, nie można gardzić taką propozycją,

Tato, pomyśl o tym i daj znać.
Pozdrawiam,
Wiktor."

Pani Rafaela wciąż jeszcze nie mogła uwierzyć, że jej własny syn mógł napisać coś takiego. Skończyła czytać i z niepokojem spojrzała na Dziadka Mroza.

Twarz Dziadka Mroza była czerwona ze złości. Milczał kilka sekund, i pani Rafaeli zdawało się, że to milczenie trwa całą wieczność, a potem zerwał się z fotela i wybiegł z pokoju.

„Skandal!" krzyknął mijając w korytarzu Śnieżynkę, nie zauważywszy ani jej, ani jej nowej fryzury, i wyleciał na zewnątrz na śnieg. Drzwi za nim zamknęły się z trzaskiem tuż przed nosem pani Rafaeli.

Rozdział III
Krasnoludki Pączuś, Gburek i Śpioszek

…praktycznie nie miały co robić. Nie było listów, nie było życzeń, maszyny nie pracowały. W fabryce panowała cisza, co w pewnym sensie pasowało Śpioszkowi, który przykryty pledem spał sobie spokojnie wewnątrz jakiegoś pudełka na prezent. Gburek i Pączuś, nie mając nic lepszego do roboty, grały w „Nie złość się, krasnoludku!'

Szczerze mówiąc, biedny Pączuś już dawno chciał przerwać grę, dlatego że Gburek zawsze przesadnie się złościł, nawet jak wygrywał. (A wygrywał cały czas). Pączuś próbował już kilka razy przegrać i wymyślić jakieś inne zajęcie, ale wtedy Gburek jeszcze bardziej szalał. I Pączuś wymyślił, że zje sobie ciastko, a Gburka zostawi samego, żeby się złościł i wygrywał, i złościł i wygrywał...

„W ogóle się nie skupiasz!" wrzasnął Gburek. „Tylko byś jadł i jadł. Dość się już najadłeś. Dawaj, gramy!"

„No gram, gram... mlask, mlask.." z pełną buzią wymamrotał Pączuś i przesunął figurkę krasnoludka po planszy. „ Raz, dwa, trzy... mlask, mlask... już" i pożarł jeszcze jedno ciasteczko.

„Co ty wyprawiasz! Skąd mi się wziął taki przeciwnik! Głupek jesteś i nawet nie umiesz liczyć!"

„Umiem" ze stoickim spokojem odpowiedział Pączuś „Patrz: jedno, dwa, trzy, cztery i pięć ciasteczek. Ooo, mało zostało! Idę po więcej" i zaczął powoli wstawać, żeby przynieść więcej ciasteczek.

„Ani się rusz!" pisnął Gburek. „Nigdzie nie wstaniesz dopóki z tobą nie wygram"

„Ale jak, nie mogę grać dalej bez ciasteczek" zaprotestował Pączuś. „Bez jedzenia nie pracuje mi mózg."

„Niby jaki mózg, przecież nie masz mózgu. Nic nie masz. Zresztą nawet nie potrzebujesz. Ja ci będę mówił co masz robić" zakończył Gburek, skrzyżował ręce i się zachmurzył. Tę pozę miał dobrze przećwiczoną.

Pączuś westchnął, pożarł jeszcze jedno ciasteczko (teraz zostały tylko cztery) i usiadł, żeby grać dalej.

Dokładnie w tej pięknej chwili triumfu, gdy Gburek uśmiechnął się do siebie i zdecydował , że nadszedł czas wygrać także tę, kto wie którą już z kolei, partię „Nie złość się krasnoludku", do fabryki wpadł Dziadek Mróz, czerwony na twarzy.

* * *

„Co tu się dzieje, nieroby!" najstraszniej na całym świecie krzyknął Dziadek Mróz. Zupełnie poważnie, krzyknął tak głośno, że nie tylko zatrzęsła się fabryka i cały Śniegogród, ale krzyk Dziadka Mroza spowodował trzęsienie ziemi na Wyspie Wielkanocnej, po drugiej stronie kuli ziemskiej.

Możecie się tylko domyślać jak bardzo w tym momencie przestraszyli się Pączuś i Gburek. Pączuś zapomniał pożreć jeszcze jedno ciasteczko, a Gburek – Gburek w jednej chwili pojął, że nigdy nie wiedział, co to jest prawdziwa złość.

A Śpioszek? Śpioszek nie miał zmartwienia, tylko sobie spał i spał. Nawet w tym najstraszniejszym momencie pozwolił sobie chrapnąć!

„Dlaczego nikt nic nie robi?" wrzasnął Dziadek Mróz. „Co to za bałagan? Co to za okruszki od ciastek? W mojej fabryce?"

„Ale, ale... Dziadku Mrozie, przecież nigdy wcześniej nie przeszkadzały okruszki", z trudem powiedział Pączuś.

„Milczeć!" krzyknął Dziadek Mróz. „Jesteś zwolniony!"

Pączuś i Gburek nie mogli uwierzyć własnym uszom. Zwolniony? Co to w ogóle znaczy? W Śniegogrodzie nikt nigdy nie został zwolniony z pracy. Nigdy. Nie było szans, że coś takiego może się zdarzyć, zresztą z wielu powodów.

* * *

Po pierwsze, w Śniegogrodzie każdy robił to co naprawdę lubił i, oczywiście, każdy w pracę wkładał dużo serca. Nie mogło zdarzyć się tak, że ktoś robił to czego nie lubił, to byłoby nie do wyobrażenia!

Po drugie, w Śniegogrodzie każdy pracował! Kiedy praca była, pracowało się pełną parą, nikt się nie lenił, a kiedy nie było pracy, każdy mógł robić co chciał. Zdrzemnąć się, zjeść ciasteczko, przeczytać książkę, wyjść pobawić się na śniegu, pograć w jakąś grę albo po prostu usiąść sobie i śnić z otwartymi oczami. To ostatnie było zresztą częstą praktyką wszystkich mieszkańców Śniegogrodu.

I po trzecie, w Śniegogrodzie nikt nie dostawał pieniędzy za swoją pracę, ale wszyscy pracowali dlatego, że była to normalna i zdrowa rzecz. W Śniegogrodzie, jeśli jeszcze się nie zorientowaliście, w ogóle nie było pieniędzy. Kiedy ktoś, jeśli można się tak wyrazić - „kupował" coś, na przykład ubrania, zabawki, lody, zupę... musiał zapłacić dobrym słowem! To była zasada Śniegogrodu.

I to nie jakimś zwykłym dobrym słowem, typu „dzień dobry" lub „dobry wieczór". Tych wyrazów tak czy siak wszyscy bez przerwy używali. W Śniegogrodzie nie do pomyślenia było nie przywitać się z

drugą osobą, zamieniając z nią przy tym kilka słów, tak więc wszyscy bez przerwy się witali i byli bardzo kulturalni. Jeśli przeliczyć, to można powiedzieć, że średnio kilka godzin dziennie upływało mieszkańcom na witaniu się.

To znaczy, wszyscy płacili dobrym słowem, ale to dobre słowo musiało być przeznaczone dokładnie dla tej osoby, od której coś się kupowało. Na przykład, jeśli „kupujecie" przejazd saniami u jakiegoś rączego renifera, to trzeba powiedzieć coś w stylu: „Piękny młody panie, z wyjątkowo zachwycającymi rogami, było by mi niezwykle miło, jeśli mógłby pan mnie zawieźć do Lodowego parku, jeśli nie stanowi to dla pana jakiegoś dużego problemu".

Wiadomo, że można mówić tylko to, co szczerze się myśli. Na tym polega cała sztuczka z „płaceniem". Jeśli komplement będzie nieszczery, to od razu was zdemaskują i nie tylko nie dojedziecie do Lodowego parku, ale wyrzucą was z sanek! Ale coś takiego nigdy nie zdarzyło się mieszkańcom Śniegogrodu, nawet ludziom, którzy tam mieszkali...

* * *

„Z-z-z-wolniony?" powiedział zmieszany Pączuś. „Ale, ale, ale … dlaczego?"

„Nieprzestrzeganie higieny", odpowiedział Dziadek Mróz.

„Nigdy nie słyszałem o takiej zasadzie" powiedział tym razem Gburek

„Ty też jesteś zwolniony!" zezłościł się na niego Dziadek Mróz.

„A za co?" Gburek odwzajemnił złość „Co ja znowu zrobiłem".

„Niewiedza. Jeszcze gorzej" upierał się Dziadek Mróz.

„Dziadku Mrozie, o co tu chodzi, nic z tego nie rozumiem" omało nie rozpłakał się Pączuś. „Nie zrobiliśmy nic złego"

„Wszyscy jesteście zwolnieni! Natychmiast opuścić fabrykę!"

„Dziadku Mrozie, opamiętaj się" najspokojniej powiedział Gburek, co było całkiem nietypowe dla niego. „Usiądźmy i porozmawiajmy jak dziadek z krasnalami i dojdźmy do porozumienia."

„Nie będzie żadnego porozumienia! Chcę abyście natychmiast sobie poszli i zostawili mnie samego." jak małe dziecko zdenerwował się Dziadek Mróz.

Tego było za wiele dla wrażliwego Pączusia, który się rozpłakał. Roniąc łzy, zaczął pakować swoje ciasteczka, i zbierać się do wyjścia. Jeśli nie byłby tak roztrzęsiony, to na pewno pozbierał by też wszystkie okruszki.

„Aaaa, jest coś do jedzenia?" można było usłyszeć zaspany ziewający głosik dochodzący gdzieś z jednego z pudełek na prezenty. Pan

Śpioszek dopiero co się obudził, nie mając pojęcia o dramacie, który właśnie wydarzył się w fabryce. „Śniła mi się pizza!" dodał z satysfakcją.

„Pizza? Ja ci dam pizzę, leniu jeden!" Dziadek Mróz krzyknął tak głośno, że Śpioszek wraz z pudełkiem (i kocykiem) poleciał dosłownie na drugi koniec pomieszczenia. Zmieszany, zaspany i zmierzwiony usiadł na ziemi mocno ściskając w rękach kocyk i patrzył z konsternacją na Dziadka Mroza.

„Dziadku Mrozie?" wyszeptał Śpioszek „Co ci jest? Masz gorączkę?"

„Jesteś zwolniony!" w dalszym ciągu złościł się Dziadek Mróz. „Wszyscy jesteście zwolnieni. Natychmiast wyjdźcie"

„Dlaczego jestem zwolniony", spytał wciąż jeszcze zaspany Śpioszek. „Nie wiem o co chodzi..."

„Za spanie w miejscu pracy" Dziadek Mróz był nieubłagany. „A teraz – wszyscy na zewnątrz, nie chcę was widzieć" powiedział, poszedł w kąt i odwrócił się do nich plecami.

Pączuś z płaczem (i ciastkami w ręce) wybiegł na dwór.

Śpioszek powoli ruszył w stronę drzwi, wlekąc koc po podłodze. Zanim wyszedł, odwrócił się w stronę Dziadka Mroza i powiedział: „Całkiem z tobą niedobrze, Dziadku Mrozie. Idź i zmierz temperaturę". I odszedł.

Gburek nie ruszył się z miejsca. Stał i powoli mierzył wzrokiem Dziadka Mroza, który udawał, że niczego nie zauważa.

Po długim milczeniu Gburek powiedział: „Widzisz wszystko w ciemnych barwach, a dzień jest mądrzejszy od nocy. Prześpimy się z tym, odpoczniemy, jutro wstaniemy wcześniej i coś wymyślimy. Nie będziemy siedzieć bezczynnie, na pewno jest jakiś sposób, żeby sprawić, by dzieci zaczęły w ciebie wierzyć. Żeby znów pisały do ciebie dużo listów. Żeby fabryka była pełna zabawek, i żebyśmy my nie wiedzieli w co włożyć ręce. Musi być coś, jakaś sztuczka... jakiś sekret, którego jeszcze nie znamy. Jeśli trzeba, zaangażujemy w to cały Śniegogród. Co myślisz, chyba warto spróbować?

Ale Dziadek Mróz tylko milczał.

Gburek westchnął i odwrócił się w stronę wyjścia. „Ja się nie poddaję Dziadku Mrozie. I wiem, że ty też się nie poddasz", dodał zanim wyszedł,

Dziadek Mróz siedział sobie w kącie jeszcze jakiś czas, a potem się odwrócił i rozejrzał dookoła. Oczy miał pełne łez.

„Zostawcie mnie samego” wyszeptał „Nie potrzebuję nikogo. Ani ja, najwyraźniej, nie jestem nikomu potrzebny. Nikt, nikomu, nigdy, nic...” wymamrotał ze smutkiem.

Stał tak, nie wiedząc co ze sobą począć, a potem wyszedł na podwórze. Na zewnątrz było już ciemno. Księżyc świecił jasno na niebie, pełny jak wielkie żółte jabłko. Gwiazdy mrugały i szeptały między sobą, opowiadając bajki z różnych krańców Wszechświata. Ale Dziadek Mróz, który nigdy nie odmawiał sobie posłuchania tych opowieści, tym razem nie zatrzymał się, żeby się przywitać i porozmawiać z nimi. Księżyc przybliżył się bardziej, a gwiazdy zaczęły mówić głośniej, ale wszystko na nic. Dziadek Mróz tylko patrzył na swoje buty, które zostawiały głębokie ślady w śniegu, i milczał.

Gdy zbliżył się do domu, zatrzymał się i spojrzał w okna. Wszyscy śpią? Nie, w jednym oknie świeciło się światło. Dokładnie w sypialni. Pani Rafaela czekała na niego. Postał jeszcze chwilę zastanawiając się czy wejść do domu, czy wrócić do fabryki. W tej chwili światło w sypialni zgasło. Dziadek Mróz pomyślał jeszcze kilka sekund i ciężkim, wolnym krokiem wszedł do domu. Gwiazdy i księżyc pierwszy raz odkąd sięgają pamięcią, zauważyły, że Dziadek Mróz wygląda staro, prawie jak zwykły dziadek. Ta szokująca wieść w ciągu ułamka sekundy rozeszła się po całym Wszechświecie.

Rozdział IV
Najdroższa

...leżała na wielkim drewnianym łożu w sypialni, oparta o miękkie poduszki i myślała co zrobić. Była bardzo smutna i zszokowana zachowaniem Wiktora, ale zasadniczo pani Rafaela nie była osobą, która siedzi z założonymi rękami. Nie, zwykle brała sprawy w swoje ręce, właśnie tak! Dla niej nie było sytuacji bez wyjścia, niektóre sprawy były po prostu bardziej skomplikowane. „A to najbardziej dotąd skomplikowana sytuacja, i tyle" - pocieszała się Najdroższa.

Pomyślała jeszcze chwilę, a potem sięgnęła po telefon komórkowy i zaczęła pisać wiadomość.

„Wiktorze, nie śpisz?"
„Hej, mamo. Nie. Surfuję. Co tam?"
„Synku, nie na ciebie krzyczeć, ale nie mogę zrozumieć, jak mogłeś rozmawiać z innymi ludźmi. O nas, o Śniegogrodzie".
„Mamo, głupstwa. Nic takiego się nie stało. Jesteś zacofana. Czasy się zmieniają. Wrzuć na luz. Wszystko cool."
„Niby co jest cool? Nic nie jest cool. Wiesz jak bardzo obraziłeś tym swojego tatę? Jak mogło ci coś takiego przyjść do głowy. Rozmawiać o naszym biznesie?"
„Ej, jak ktoś nie chcę iść z duchem czasu, to nie musi. Luz. Przekażę, że fucha odwołana, ok?"
„Dlaczego nie rozumiesz, tego co mówię? Jak mogłeś się tak zmienić? Co się stało z moim małym marzycielem co się z nim stało?"
(Przeczytano)

Wiktor przeczytał wiadomość, ale odpowiedzi nie było. I nie było. I nie było.

Gdzie podział się jej syn, jej mały mądry Wiktor? Dziecko z tak dużą fantazją. Dziecko, które uwielbiało, gdy czytało mu się bajki, gdy było małe: *Czerwonego Kapturka, Księżniczkę na ziarnku grochu, Carewicza Iwana, Żar-ptaka* i najbardziej ulubioną ze wszystkich, *Piotrusia Pana,* o chłopcu, który nigdy nie chciał dorosnąć. I Wiktor tak bardzo chciał zostać Piotrusiem Panem! Żeby nigdy, ale to nigdy nie dorosnąć! Jak mógł tak szybko zapomnieć o swoim marzeniu?

Tak siedziała i pytała samą siebie pani Rafaela. I czekała na odpowiedź od Wiktora. A odpowiedzi nie było.

Czekała aż przyjdzie jej Mikołaj, jej smutny miś. Ale jego też nie było. Nie było nikogo, wszyscy ją rozczarowali.

Najdroższa głęboko westchnęła i zgasiła światło w sypialni. Księżyc zaglądał przez okno, większy niż kiedykolwiek. Pani Rafaeli, odpływającej w niespokojny sen, zdawało się, że Księżyc coś jej opowiada.

* * *

W międzyczasie, do domku, który znajdował się wewnątrz pewnego spróchniałego drzewa, trzy krasnoludki gorączkowo dyskutowały o tym, co wydarzyło się w fabryce. Na stoliku przed nimi stała herbata i leżały ciasteczka. To doskonałe lekarstwo na niepokój, strach, cierpienie, złamane serce i inne podobne duchowe udręki.

„Dziadek Mróz jest bardzo chory" powiedział Śpioszek ziewając „Trzeba zawołać lekarza".

„Ale to nie jego ciało jest chore... mlask, mlask... chora jest jego dusza. Bardzo go zabolało, że dzieci już nie piszą … mlask, mlask...listów" powiedział Pączuś z pełną buzią.

„Myślę, że to coś więcej. Musiało się zdarzyć coś jeszcze" powiedział zamyślony Gburek.

„Co takiego?" zapytał Pączuś.

„Nie wiem" odpowiedział Gburek. „Ale mam zamiar to odkryć!" i w tej samej chwili wstał i zaczął zakładać palto, buty i czapkę. Pączuś i Śpioszek spoglądali na niego zmieszani.

„Dokąd idziesz?" zapytał Pączuś.

„Odkryć. Dowiedzieć się. Pomóc. Musimy pomóc Dziadkowi Mrozowi" zdecydowanie obwieścił Gburek. „Najlepiej jak potrafimy".

„Tylko spakujmy wystarczająco dużo ciasteczek!" powiedział Pączuś. „Będą nam potrzebne, dokąd byśmy nie szli" także i on wstał i zaczął napełniać plecaczki ciasteczkami, cukierkami, czekoladkami...

„Myślicie, że pójdziecie beze mnie?" krzyknął Śpioszek i chwycił swój koc. „Idę z wami."

Gburek się uśmiechnął. Wiedział, że przyjaciele nigdy by go nie zawiedli. Szczerze mówiąc, to nie miał pomysłu jak dowiedzieć się co się stało, a tym bardziej nie wiedział jak pomóc Dziadkowi Mrozowi. Był małym, zwykłym krasnalem, bez żadnej czarodziejskiej mocy. Ale miał pomysł, kto mógłby pomóc i dokładnie tam zdecydował się ruszyć. A potem... kto wie, dokąd zaprowadzi ich droga.

Już piętnaście minut później krasnoludki pogasiły światła w domku i dobrze zamknęły za sobą drzwi. Postały chwilę w progu

spoglądając w gwiaździste niebo, na które jasno świecił księżyc, jak wielka latarnia.

Gdy pozostałe krasnoludki ruszyły w drogę, Gburkowi zdało się, że księżyc zrobił się większy, a gwiazdy zmieniły swoje położenie. Ale wiedział, że to niemożliwe, więc odwrócił się i przyspieszył, by dogonić przyjaciół.

* * *

Śnieżynka leżała w łóżku, cicho jak myszka. Wszyscy myśleli, że śpi, ale ona tylko wyłączyła światło i leżała milcząc. Nie do końca wiedziała, co się stało. Wiedziała tylko, że ma to związek z Wiktorem oraz, że zrobił coś, czego ABSOLUTNIE nie powinien był zrobić. Zrozumiała to z kilku chaotycznych słów matki przerywanych płaczem. Pani Rafaela, gdy się już uspokoiła, nie chciała nic więcej powiedzieć.

Tylko tyle zrozumiała Śnieżynka, ale to wystarczyło. Wystarczyło, żeby wiedziała, że natychmiast trzeba podjąć jakieś działania! A o dłuższym zastanowieniu wiedziała nawet jakie. Wstała, po cichu się ubrała nie zapalając światła – w ciepły sweter, buty, płaszcz, czapkę, szalik, rękawiczki, wzięła torbę... poprawiła fryzurę... i otworzyła okno. Wyciągnęła z torby mały srebrny gwizdek i zagwizdała.

Z gwizdka nie wydobył się żaden dźwięk, ale za chwilę dało się usłyszeć skrzypiące na śniegu kroki. Zjawił się przed nią Błysk, młody i rączy renifer z nosem, który nocą świecił jak mała niebieska latarka. Błysk był najlepszym przyjacielem Śnieżynki, jej najwierniejszym towarzyszem. Śnieżynka wysunęła się przez okno i cicho mu coś szepnęła. Błysk spojrzał na nią swoimi pięknymi głębokimi oczami i kiwnął głową.

Śnieżynka wyskoczyła przez okno na śnieg. Za chwilę siedziała już na grzbiecie Błyska i hop! - obydwoje polecieli w stronę nieba.

Jak już wiecie, czarodziejskie renifery Dziadka Mroza potrafiły bardzo szybko latać po niebie i dotrzeć z jednego krańca świata na drugi z nieprawdopodobną prędkością. Gdy wznieśli się w górę, Śnieżynka zdziwiła się, że księżyc jest tak duży, a gwiazdy tak szybko się przemieszczają. Ale nie było czasu o tym myśleć. Trzeba było wykonać bardzo ważną misję...

* * *

W tym samym czasie Wszechwiedząca Biała, najstarsza i najmądrzejsza sowa w całym Śniegogrodzie, spojrzała w niebo i wyczuła jakiś niepokój pośród gwiazd. Mimo że była bardzo mądra, nie zdołała pojąć w najdrobniejszych szczegółach co dokładnie się stało, ale wiedziała jedno – że ktoś zrobił coś, co jest surowo zabronione!

A to znaczyło, że nie ma co tracić czasu! I bez namysłu Wszechwiedząca Biała wyleciała na zewnątrz przez okno w stronę wielkiego żółtego księżyca , a jej ogromne białe skrzydła spowite w ciemnościach nocy wydawały się całkiem czarne.

* * *

W tej samej chwili...

Olbrzymie posągi na Wyspie Wielkanocnej – ogromne kamienne głowy które stały na wyspie od niepamiętnych czasów i nieprzerwanie patrzyły w niebo, usłyszały gwiezdny szept...

… i odgadły przyczynę trzęsienia ziemi, które nawiedziło wyspę. Zrozumiały też całą resztę, ale tylko to dla nich było ważne. Były jednak tylko kamiennymi głowami, a oprócz tego znajdowały się na drugim krańcu świata.

* * *

I dokładnie w tym samym momencie, jedna ogromna błyszcząca gwiazda na drugim końcu Wszechświata, zaczęła się poruszać... i przemierzać cały kosmos, coraz szybciej i szybciej, jakby ktoś ją gonił, albo jakby miała jakąś baaaaardzo ważną sprawę...

„*Dlaczego nie rozumiesz, tego co mówię? Jak mogłeś się tak zmienić? Co się stało z moim małym marzycielem co się z nim stało?*" przeczytał Wiktor w swoim pokoju w studenckim kampusie Cambridge i się zachmurzył.

Postanowił nie odpisywać na wiadomość. Odwrócił się i spojrzał na ekran komputera i odpowiedział na wiadomość od przesłodkiej Miny Jones na Facebooku. Pisał z nią dalej uśmiechając się, ale ze znacznie mniejszym entuzjazmem niż przedtem.

Spróbował nie myśleć o ostatnich słowach swojej matki, ale coś go gryzło w środku. Po prostu coś nie dawało mu spokoju.

Jak mogła w ten sposób się do niego zwrócić, przecież nie jest dzieckiem! Może sam coś wymyśli i zaproponuje (chociaż propozycja, umówmy się, nie była jego, tylko Lorda Richa). I co z tego, że złamał jakieś tam prawo, przecież to nic nie znaczy. Czemu do Śniegogrodu nie może pojechać kto chce, w końcu mamy inne czasy...

Tak właśnie rozmyślał Wiktor i pisał ze słodką Miną jeszcze długo, długo, długo... Choć nie spuszczał wzroku z ekranu, w jednej chwili coś go zaniepokoiło i spojrzał w stronę okna.

Co tam się wydarzyło na zewnątrz? Jakiś ruch, jakiś szum? Wiktor wzdrygnął się i wstał, żeby wyjrzeć przez okno. Ale oprócz księżyca, który świecił jasno na niebie, nie mógł dostrzec nic innego.

„Bzdury! Przecież jesteś na szóstym piętrze, niby co mogłoby tam być. Nie wyobrażaj sobie tyle.” powiedział do siebie Wiktor i znów wrócił do Facebooka i panny Miny Jones.

Najgorsze było to, że nie miał pojęcia jak bardzo się myli...

Rozdział V
Dziadek Mróz

… wszedł po cichu do salonu. Wszystkie światła były wyłączone, ale wciąż paliło się w kominku, który oświetlał pomieszczenie. W każdy inny dzień Dziadek napawał by się tą ciepłą i przyjemną atmosferą. Ale nie dziś. W tej chwili było mu tak bardzo wszystko jedno, że nawet nie zauważyłby, gdyby w pomieszczeniu było całkiem ciemno i zimno. Tak bardzo był wszystkim rozczarowany.

Powoli usiadł w swoim fotelu, wzdychając tak ciężko, jakby na barkach dźwigał wszystkie nieszczęścia tego świata. Długo tak siedział rozmyślając o wszystkim:

O dzieciach, które piszą coraz mniej listów... i coraz mniej w niego wierzą.;

O rodzicach, którzy coraz rzadziej starają się, żeby pobudzać fantazję dzieci i zapomnieli jak ważna jest magia w życiu każdego dziecka. Jak gdyby zapomnieli jak to było, gdy sami byli dziećmi: emocje związane z noworoczną nocą pobudkę następnego dnia rano... żeby znaleźć wyśniony prezent, dokładnie taki, jaki wymyślili i jeden jedyny na świecie.

O panu Richu i jemu podobnych, którym rodzice przynosili profit, i którzy sprzedawali prezenty wyprodukowane w fabrykach, w których było dużo jednakowych maszyn i jednakowych taśm... z których schodziły tysiące identycznych zabawek.

I wreszcie o Wiktorze, najwięcej o Wiktorze... swoim synu, o swoim małym urwisie, który wyrósł na kogoś całkiem innego, niż było w zamyśle – prawdziwego następcę Dziadka Mroza. Kogoś kto miałby kontynuować spełnianie marzeń i próśb dzieci z całego świata... Co się stało i dlaczego się zmienił? Może to był błąd, że pozwolili mu wyjechać ze Śniegogrodu? Ale jak inaczej mógłby zostać następcą Dziadka Mroza, gdyby dobrze nie poznał świata i nie nauczył się odróżniać dobra od zła? Gdyby nie dowiedział się o złych i dobrych stronach ludzi?

Za dużo wątpliwości... za dużo – pomyślał sobie Dziadek Mróz. A do tego - Wiktor złamał prawo! Obcemu powiedział o nich i o Śniegogrodzie. A to nie zdarzyło się od bardzo dawna...Ile już czasu

minęło? Ach, któżby pamiętał, zresztą w tej chwili nie to było istotne. To co bolało najbardziej, to że właśnie Wiktor, jego Wiktor, którego on sam uczył i wychowywał, złamał prawo!

Tak sobie rozmyślał ze smutkiem Dziadek Mróz jeszcze do późnej nocy, dopóki nie zasnął ze zmęczenia. A kiedy zasnął, zaczął śnić...

* * *

Nagle znalazł się w centrum Śniegogrodu. I to dokładnie na małym placu, na którym stała wieża zegarowa. Ale coś się zmieniło, coś było nie tak jak być powinno. Tylko co? Dziadek Mróz nie mógł zorientować się, co jest nie tak.

Ruszył ulicami Śniegogrodu. Gdzie się wszyscy podziali? Dlaczego nikogo nie ma? Ani krasnali, ani zwierząt, ani sań... Dziadek Mróz spojrzał na domy, sklepy, cukiernie... ale światła były wyłączone.

Czyżby wszyscy spali? Spytał siebie Dziadek Mróz. Podszedł bliżej jednego domu i wtedy stało się jasne, co było nie tak. Dom był opuszczony... Wszystkie domy były opuszczone! Szyby w oknach były potłuczone, drzwi otwarte na oścież, w środku wszystko było porozrzucane, zniszczone i opustoszałe. To było to, co jeszcze na początku wydało mu się dziwne – nawet wielki zegar nie chodził. Wskazówki i cyfry nie świeciły. Wszystko było puste i straszne!

Dziadek Mróz się wystraszył. „Ja śnię" powiedział do siebie. „To tylko zły sen"

Skierował się w stronę swojego domu. Musiał sprawdzić, co tam się dzieje.

Ze strachem podszedł bliżej domu, obawiając się, że też będzie całkiem zdewastowany. Gdy wszedł na podwórze, zauważył, że z okien dochodzi słabe światło. „Ktoś tam jest!" wzburzył się i przyspieszył kroku. Zbliżył się i zajrzał do środka przez okno salonu.

W kominku się paliło, a w jego fotelu siedział... „Hmmm", pomyślał sobie „to nie jestem ja! Kim jest ten człowiek, który siedzi w moim fotelu?"

Przez okna niewiele było widać. Musiał wejść do środka, żeby zobaczyć, kto śmiał wemknąć się tam i usiąść w jego ulubionym fotelu.

Wchodząc do domu spojrzał w stronę fabryki. Pusta, ciemna i osamotniona stała w podwórzu. Maszyny nie pracowały. Wszystko dookoła było zasypane. Miesiącami nikt nie odśnieżał. Dziadek Mróz wzdrygnął się. Na szczęście to był tylko sen!

Wszedł do środka i skierował kroki do salonu. Otworzył drzwi W jego fotelu, oświetlonego ogniem z kominka, siedział jakiś starzec.

Człowiek, którego Dziadek Mróz nie rozpoznawał. Starzec powoli podniósł głowę i spojrzał na Dziadka Mroza.

Kim może być ten smutny starzec – pomyślał sobie Dziadek Mróz. Niby go znam, ale nie mogę sobie przypomnieć skąd.

Starzec wpatrywał się zdziwiony w Dziadka Mroza. „T-tato?" powiedział.

Dziadek Mróz, wystraszony, przypomniał sobie skąd zna tego biednego smutnego starca. To był Wiktor! Jego Wiktor, tylko bardzo, bardzo stary. I zapuszczony. I smutny. Co mu się stało?

„Tato!" krzyknął stary Wiktor . „Tato, proszę wybacz mi" i zaczął płakać jak małe dziecko.

Dziadek Mróz, roztrzęsiony, zbliżył się do Wiktora, chcąc podać mu rękę...ale jakaś niewidzialna siła go przed tym powstrzymywała.

„Synu", powiedział Dziadek Mróz próbując go dotknąć, pocieszyć... ale niewidzialna siła nijak nie pozwalała mu podejść do syna i ciągnęła go do tyłu.

„Tato", odezwał się Wiktor wyciągając w jego stronę rękę, żeby go złapać. „Tato, nie zostawiaj mnie"

„Synu" powiedział Dziadek Mróz... i w tym momencie obudził się, cały zlany zimnym potem.

* * *

Ogień w kominku prawie już dogasał. Księżyc zakończył już swą wędrówkę i schował się za horyzontem, a gwiazdy... gwiazdy szeptały i nie zwracały uwagi na Dziadka Mroza.

„Tylko sen" powiedział z ulgą Dziadek Mróz. „Tylko zły sen, nic poza tym".

Wstał, dołożył drewna do kominka i poruszył pogrzebaczem. W pomieszczeniu zrobiło się jaśniej od przyjemnego blasku i cieplej. Otworzył okno, żeby wpuścić trochę świeżego powietrza i spojrzał w gwiaździste niebo.

„Tylko sen" powtórzył jeszcze raz.

Gdy tak stał, zauważył, że jedna z gwiazd szybko przemieszcza się na niebie … robiąc się coraz większa i większa, i WIĘKSZA, i WIĘKSZA!

„Co to może być?" zapytał siebie Dziadek Mróz, podczas gdy gwiazda prędko zbliżała się w jego kierunku. Jej blask oświetlił jego twarz, a sama gwiazda była ogromna jak słońce, jak, jak... Dziadek Mróz zamknął oczy, spodziewając się, że w tym momencie zostanie połknięty przez tajemniczy obiekt.

Iiiiii, TUP! Coś wydarzyło się w pokoju za jego plecami. Wystraszony Dziadek Mróz się odwrócił, a tam, na środku salonu,

oświetlona delikatnym białym światłem – stała najpiękniejsza kobieta w całym Wszechświecie (przynajmniej tak w tej chwili pomyślał Dziadek Mróz). Miała długie srebrne włosy, i ogromne ciemnofioletowe oczy. Ubrana była w piękną srebrzystą suknię, cienką jak pajęczyna, a z tyłu wystawały jej wielkie, delikatne i ażurowe skrzydła.

„Kto? Co?" wybełkotał coś zmieszany Dziadek Mróz.

„Rusałka, bardzo mi miło" powiedziała bajkowa piękność delikatnym, dźwięcznym głosem i wpatrywała się w dziadka wielkimi fioletowymi oczami.

„Rusałka jaka?" z jeszcze większą konsternacją spytał Dziadek Mróz.

„Po prostu Rusałka" odpowiedziała wesoło. „Na imię mam Rusałka. Wiesz, ta ze wszystkich bajek"

„Aha...." powiedział Dziadek Mróz, udając że wszystko rozumie. „A jak mogę pięknej pani pomóc?' Dziadek Mróz pomyślał, że jeśli tak grzecznie ją zapyta, to może Rusałka nie zauważy jak bardzo jest zmieszany.

Ale Rusałka najpiękniej na całym świecie się roześmiała i śmiała się i śmiała. A Dziadek Mróz od tego pięknego śmiechu zapomniał o wszystkich nieszczęściach, o swoim złym synu, i zaczął śmiać się razem z nią.

A kiedy przestali się śmiać, Rusałka raz jeszcze obdarzyła go głębokim fioletowym spojrzeniem i zupełnie już poważnie powiedziała: „To ja jestem tutaj, żeby ci pomóc, Dziadku Mrozie. Dlatego, że czasem każdy z nas potrzebuje pomocy. A my na tyle na ile możemy i potrafimy, pomagamy sobie nawzajem".

Dziadek Mróz zamyślił się i, rzeczywiście, Rusałka miała rację. W tej chwili potrzebował pomocy . Ale jakiej? Od czego by zacząć? Miał tyle problemów, tyle dylematów... i jeszcze ten młody urwis Wiktor złamał mu serce".

Rusałka jak gdyby czytała w jego myślach. „Nie martw się, Dziadku Mrozie", powiedziała „zaraz zobaczymy, co da się zrobić, ale najpierw musimy napić się rumianku. I zjeść ciasteczka z wiśniową marmoladą. Uwielbiam wiśniową marmoladę!"

Dziadek Mróz bez namysłu ruszył w stronę kuchni, żeby spełnić życzenie Rusałki. Zresztą, kto by tego nie zrobił.

Rozdział VI
Gdzieś w Śniegogrodzie

...w jakichś małych, ciasnych uliczkach, których Pączuś i Śpioszek nigdy wcześniej nie widzieli, Gburek zatrzymał się nagle na jednym skrzyżowaniu i zamyślił się.

„To było w tamtą stronę? … nie mogę sobie przypomnieć... myślę, że w tamtą" niepewnie powiedział. „Pójdźmy jeszcze kawałek wzdłuż tej ulicy, a jak nie, to się wrócimy"

Pączuś i Śpioszek spojrzeli zmieszani.

„Ale dokąd idziemy?" spytał Pączuś. „Prawie godzinę szwendamy się po tych uliczkach. Myślę, że kręcimy się w kółko".

„To normalne, że kręcimy się w kółko" odparował mu Gburek. „I dopóki nie przypomnę sobie, jak tam dotrzeć, będziemy dalej się kręcić". A potem ściszył głos i niemal szeptem powiedział: „Ostatni raz kiedy byłem u niego miałem pięć lat. Tylko pięć. Byłem małym krasnalem, który nic jeszcze nie wiedział o życiu. Ale pamiętam jakby to było wczoraj, jak z tatą weszliśmy do tej rozpadającej się chatki..."

„Gburku, błagam, powiedz dokąd idziemy" niecierpliwie odezwał się Śpioszek. „Dlaczego to miejsce jest tak sekretne?"

Gburek nagle zrobił się poważny i tajemniczy. „Dobrze" powiedział, „Podejdźcie bliżej, to powiem na ucho"

Pączuś i Śpioszek, w pełnej konspiracji, podeszli bliżej. Cała trójka stała teraz tak blisko siebie i każdy miał tak poważny wyraz twarzy, że jeśli spojrzeć na to z boku, to było to nawet zabawne.

„Idziemy do Ardamela" ledwo słyszalnie szepnął Gburek.

Pączuś i Śpioszek wytrzeszczyli oczy i popatrzyli po sobie. Ta informacja była tak niewiarygodna, że krasnoludkom odjęło mowę.

* * *

Ardamel Prastary był legendą! Pączuś i Śpioszek myśleli, że prawdopodobnie nie istnieje, a jeśli i kiedykolwiek istniał, to już na pewno nie żyje. Zresztą aż do teraz nie słyszeli, żeby ktoś go kiedyś widział. I dlatego, to co wyjawił im Gburek brzmiało tak fantastycznie i nieprawdopodobnie, że potrzebowali około dwudziestu sekund, żeby dojść do siebie.

„N-n-n-ie mogę w to uwierzyć" pierwszy zareagował Śpioszek. „Ardamel jest najstarszym krasnalem na świecie. I najmądrzejszym. Ale myślałem, że to tylko bajka. Czy on naprawdę istnieje?"

„Istnieje" powiedział Gburek. „Muszę sobie tylko przypomnieć jak go odnaleźć"

„I przez ten cały czas wiedziałeś o jego istnieniu?" zapytał z niedowierzaniem Pączuś. „I nigdy nam nie powiedziałeś? I nigdy nas do niego nie zabrałeś?"

Gburek spojrzał zachmurzony. „To normalne, że nie powiedziałem, o takich rzeczach się nie mówi. Co wy myślicie, że tak po prostu idzie się do najstarszego krasnala na świecie na pogawędkę?"

„i na herbatkę z ciasteczkiem..." dodał Pączuś.

Gburek przewrócił oczami. „Proszę! Przestańcie i to natychmiast. Chcieliście wiedzieć, dokąd idziemy? Właśnie tam. Dlaczego? Dlatego, że nie znam nikogo innego, kto mógłby nam pomóc w tak trudnej chwili. A teraz bądźcie cicho i dajcie mi pomyśleć" powiedział Gburek i odwrócił się do nich plecami.

Pączuś i Śpioszek stali w milczeniu jeszcze dłuższą chwilę i patrzyli na zachmurzonego Gburka. Właściwie to próbowali w ogóle nie patrzeć, ale było im tak zimno, że od czasu do czasu musieli spojrzeć, żeby sprawdzić czy coś się nie zmieniło. Ale Gburek tylko stał i patrzył w ciemne uliczki. To w jedną, to w drugą, to w trzecią. Gdy krasnoludki straciły już nadzieję, i pomyślały, że na pewno jutro cała trójka zostanie odnaleziona zamarznięta na kość w dokładnie tym samym miejscu, Gburek podskoczył i się uśmiechnął.

„Chyba wiem!" powiedział radośnie, co zupełnie zdziwiło pozostałą dwójkę. Gburek radosny? Bardzo, bardzo dziwne. „Przypomniał mi się jeden szczegół z tego jedynego razu, gdy tam byłem. Przypomniała mi się pewna stara studnia w podwórzu domku. Jeśli znajdziemy studnię, znajdziemy i dom Ardamela."

„Hm, może powinniśmy się rozdzielić", przyszło do głowy Śpioszkowi. „Każdy wybierze jedną uliczkę i tam będzie szukał."

„Brawo, Śpioszku! Świetny pomysł!" powiedział Gburek. „Każdy wybiera jedną uliczkę i idzie nią aż do końca. Wszyscy wracamy potem w to miejsce, gdy zakończymy poszukiwania. Miejmy nadzieję, że będą owocne..."

„Oby" powiedział Pączuś. „Dlatego, że naprawdę chce mi się herbaty... z ciasteczkami."

I tak się stało, krasnoludki rozdzieliły się i każdy ruszył wzdłuż swojej uliczki...

* * *

...Gburek i Pączuś czekali już prawie pół godziny odkąd wrócili do skrzyżowania. Żadnemu z nich nie udało się znaleźć studni na żadnym podwórku, a zaglądali w każde, które mijali po drodze. A Śpioszek? Śpioszka nigdzie nie było.

W chwili, gdy Gburek był już zdecydowany by ruszyć na poszukiwania, Śpioszek wyłonił się z ciemności, zaspany i zdyszany. Gburek i Pączuś podeszli do niego.

„Znalazłem... studnię. Znalazłem", powiedział Śpioszek. „Cała była przysypana śniegiem, ledwie ją dostrzegłem. Tam, na samym końcu uliczki, w ciemnym i zapuszczonym podwórku. Na podwórku stał domek, stary i zniszczony. Z okien dochodziło światło. Chciałem tam pójść i sprawdzić, kręciłem się po okolicy dłuższy czas, ale trochę się jednak bałem."

„Trzeba było natychmiast się wrócić, a nie kręcić po okolicy", zezłościł się na niego Gburek. „Przez ciebie tylko tracimy czas. Ruszaj naprzód i nas prowadź!"

„Dobrze, dobrze", ziewnął Śpioszek. „Tak czy siak chce mi się spać..."

* * *

Cała trójka stała przed drzwiczkami od rozsypującej się chatki. Gburek wyciągnął rękę, żeby zapukać, ale zrobiło mu się trochę nieswojo, więc zwlekał... Nie puka się tak po prostu do drzwi Ardamela Prastarego. Spojrzał na przyjaciół szukając wsparcia. Ci popatrzyli na niego trochę wystraszeni, ale potem Pączuś skinął głową na potwierdzenie. To samo zrobił Śpioszek.

Gburek zwarty i gotowy, śmiało zapukał w drzwi.

Nic... jakby nikogo nie było. Żadnego dźwięku, żadnego ruchu.

Gburek śmiało zapukał po raz drugi. Po pewnym czasie krasnoludki usłyszały ciche kroki. Ktoś szedł, by otworzyć drzwi!

„Skrrrzyp" zaskrzypiały drzwi, a krasnoludki podskoczyły ze strachu. Drzwi otworzyły się na oścież i przed nimi stanął, tak, bez dwóch zdań – najstarszy krasnoludek na świecie.

Ardamel był tak bardzo stary, że cały był pomarszczony, zgarbiony, miał siwe włosy i brodę, jego kości chrupały przy każdym ruchu, a oczy były praktycznie całkiem zaspane. W zasadzie to na pierwszy rzut oka wydał się tak stary, że krasnoludki pomyślały, że całe to błądzenie i całe to marznięcie w uliczkach Śniegogrodu było bezcelowe.

Ale w chwili, gdy Ardamel przemówił, zorientowały się, że ich osąd był przedwczesny. „Hmm, jeśli się nie mylę, to jest młody Gburek", powiedział Ardamel. „Ile to lat minęło odkąd ostatni raz byłeś u mnie?"

„Dź-dziewięćdziesiąt", odpowiedział wystraszony Gburek. Jak Ardamel mógł go jeszcze pamiętać? W żaden sposób nie potrafił sobie tego wyjaśnić.

„Tylko tyle?” uśmiechnął się Ardamel. „Ale, ale, wchodźcie do środka, nie stójcie tak na progu. Wejdźcie i opowiedzcie co takiego sprowadza was do mnie w środku nocy.”

Ardamel przesunął się wpuszczając gości do domu. Gdy wchodzili, usłyszeli szum skrzydeł, jakby jakiś olbrzymi ptak tylko co wyleciał z podwórza domu. Odwrócili się zadziwieni, żeby zobaczyć co się wydarzyło, ale na zewnątrz było zbyt ciemno, aby cokolwiek mogli zauważyć.

„Co to było?” spytał Gburek. „Jakiś ptak?” Ale Ardamel już kroczył w dół ciasnym korytarzykiem, poganiając krasnoludki, żeby zamknęły za sobą drzwi.

* * *

Ardamel z uwagą wysłuchał opowieści Gburka, który nie pomijając najdrobniejszych szczegółów, zdał relację z tego, co wydarzyło się w fabryce. Na koniec przedstawił nawet swoją największą wątpliwość: że przyczyną tego, co się stało ni mogła być tylko mała liczba listów, które nadesłały dzieci, tylko coś jeszcze, coś dużo poważniejszego.

„Ale nie wiemy co to mogłoby być, ani jak możemy pomóc”, powiedział Gburek. „Dlatego przyszliśmy tutaj, żeby zapytać ciebie. Wiem, że mój tato przychodził do ciebie, gdy sprawy wyglądały beznadziejnie i gdy trzeba było znaleźć jakieś, hmm... inne rozwiązanie”, rzekł Gburek. „Rozwiązanie, do którego potrzeba odrobiny, nie wiem... magii?”

Ardamel tylko się uśmiechnął. W ogóle zresztą nie wyglądał na zdziwionego całą tą historią, którą opowiedział Gburek. Gburkowi nawet zdało się, że stary krasnoludek już o wszystkim wiedział. „Czy to możliwe?” pomyślał sobie Gburek. „Skąd mógłby wiedzieć?”

Czy mógłby pan.. chrup, chrup... zapytał Pączuś chrupiąc ciasteczka (tak, Ardamel naprawdę poczęstował ich herbatą i ciasteczkami), pomóc Dziadkowi Mrozowi?. Zna pan... mlask, mlask.... jakieś sztuczki?”

„Nie, nie znam się na magii” odpowiedział Ardamel. „I nie sądzę, żeby do krasnalich obowiązków należało bawienie się magią. Ale mogę wam powiedzieć, że to, że zdecydowaliście się poszukać pomocy, nie wiedząc co dokładnie się wydarzyło, i bez namysłu postanowiliście znaleźć rozwiązanie jeszcze tej samej nocy...to wszystko dużo o was mówi. Mówi, że jesteście prawdziwymi przyjaciółmi i odważnymi krasnalami. I bardzo mnie to cieszy.”

Gburek i Pączuś byli bardzo dumni, że usłyszeli taką pochwałę od samego Ardamela. Mówimy Gburek i Pączuś, bo jak się domyślacie,

Śpioszek musiał się chwilkę zdrzemnąć. Ale nikt nie miał mu tego za złe. W końcu gdyby nie on, to może i do tej pory błądziliby szukając domu Ardamela.

„Może pan pomóc?" zapytał Gburek. „Czy wie pan co się stało z Dziadkiem Mrozem?'

„Nie wiem, odpowiedział Ardamel. „Ale może coś przeczuwam. Przeczuwam, że jest rozczarowany, z wielu powodów. I myślę, że potrzebuje pomocy. On i jeszcze ktoś...tak, zwłaszcza ten ktoś. To co się dzieje, może być złe dla nas wszystkich, zwłaszcza jeśli natychmiast nie zareagujemy. Dlatego sądzę, że przyszliście we właściwe miejsce, we właściwym czasie."

Gburek i Pączuś byli trochę zdziwieni słowami Ardamela, ale w tej chwili byli zbyt podekscytowani, żeby znaleźć jakieś lepsze wyjaśnienie.

„Czyli nam pomożesz?" zapytał Gburek.

„Pomogę wam w ten sposób, że skieruję was do kogoś, kto może pomóc... albo przynajmniej tak mi się wydaje...tak.... do kogoś kto w odróżnieniu ode mnie trochę zna się na magii." tajemniczo uśmiechnął się Ardamel.

Teraz dwa krasnale były jeszcze bardziej zaskoczone.

„Do kogo nas pan wyśle?" zapytał Pączuś. „Do jakiegoś wielkiego czarodzieja?"

„Haha", tym razem głośno zaśmiał się Ardamel. „Można tak powiedzieć, haha, tak, tak...czarodzieja... w pewnym sensie można powiedzieć, że to czarodziej."

„Kto, kto to jest?!" podskoczył podekscytowany Pączuś. Tak podekscytowany, że zapomniał wziąć jeszcze jedno ciasteczko.

„Bajarz", od niechcenia powiedział Ardamel. „Wyślę was do Bajarza".

„Bajarz jest czarodziejem?" z wątpliwością w głosie zapytał Gburek. „Dziwne imię, Bajarz"

„Jak powiedziałem" wymamrotał podenerwowany już Ardamel. „Nie jest prawdziwym czarodziejem. Opowiada bajki".

„Tak, ale gdzie w tym wszystkim...mlask, mlask... magia?" spytał Pączuś, uprzednio pakując do buzi jedno ciasteczko."

„W tym, że potrafi ożywiać bajki." odpowiedział Ardamel „A teraz prędko, nie ma czasu do stracenia... wyjaśnię wam dokładniej, gdy będziemy czekać na transport..."

Rozdział VII
Hu-hu! Hu-hu!

...dało się słyszeć głośne hukanie sowy. Wiktor obudził się, cały zlany potem. Przypomniał sobie sen i się wzdrygnął. Co za koszmar!

„Hu-hu, hu-hu!" znów odezwała się sowa.

Skąd dochodzi ten dźwięk – zapytał siebie Wiktor. Zbliżył się do okna i wyjrzał. Ale na zewnątrz było już bardzo ciemno, księżyc już zgasł. Wiktor otworzył okno i popatrzył w ciemność. Wtem usłyszał szum skrzydeł i jakaś ogromna brązowa sowa wleciała do pokoju, rozsiadając się wygodnie na biurku Wiktora.

Wiktor zdziwiony patrzył na sowę. Sowa spokojnie mierzyła wzrokiem Wiktora.

„Uciekaj stąd, sio!" krzyknął w jej stronę Wiktor.

„Hu-hu?" sowa jakby chciała spytać dlaczego.

„To nie miejsce dla ciebie... leć na dwór... i tam rób to co robią wszystkie sowy... łów myszy... czy coś", nerwowo mówił Wiktor. Wciąż jeszcze męczyło go to nieprzyjemne wspomnienie snu.

„Hu-hu! Hu-hu!" odezwała się sowa nie ruszając się z miejsca.

Sowa przypominała trochę sowy śnieżne ze Śniegogrodu, była tylko trochę mniejsza, brązowa i koniec końców była zwykłą sową, która nie potrafiła mówić. Tak sobie pomyślał Wiktor mierząc sowę z góry na dół.

„Hu-hu"! przemówiła sowa.

„Dlaczego mnie dręczysz" powiedział jej Wiktor. „Już, idź sobie, leć na dwór"

Ale sowa tylko patrzyła i nie ruszała się z miejsca.

Wiatr zawiał przez otwarte okno. Wiktor się wzdrygnął. Na zewnątrz było zimno. A sen... Wiktorowi przypomniał się sen.

„Czy we śnie nie było jakiejś sowy?" pomyślał. „Chyba coś takiego tam było..."

***

Sen zaczął się dobrze, zupełnie nie przypominał koszmaru. Był piękną wizją przyszłości, dokładnie taką, jak sobie wyobrażał ją Wiktor.

W niej Wiktor odziedziczył fabrykę Dziadka Mroza i rozwinął ją w nowoczesne, dobrze prosperujące przedsiębiorstwo. Dziadek Mróz przeszedł na emeryturę, a Wiktor wraz ze swoim partnerem, George'em Richem produkowali zabawki w fabryce i sprzedawali je w centrum handlowym Lorda Richa.

W każdym razie, fabryka pracowała zupełnie inaczej niż przedtem. Efektywniej i ekonomicznej – to były ulubione słowa Wiktora. Zabawki były produkowane seryjnie, co przynosiło dużo oszczędności, i tak samo były sprzedawane – co przynosiło zysk. Efektywność, oszczędności, przychód – właśnie tak!

Najlepsze było to, że Wiktor wymyślił całkiem nowe maszyny. Jego pomysł był genialny. Co do tego byli zgodni i George i Lord Rich.

Do nowych maszyn nie wkładało się dziecięcych marzeń. Dlaczego? Po pierwsze, dzieci już od dawna nie pisały listów z życzeniami, ani też nie wiedziały co chcą dostać. A skąd miały wiedzieć, skoro były zasypywane tysiącami zabawek ze wszystkich stron świata. Co miałyby wybrać? Dlatego cała to produkcja prezentów z życzeń już się przeżyła, stała nieefektywna i droga.

Nawet jeśli ktoś wymarzył sobie jakąś wyjątkową zabawkę, jeśli w ogóle była w sprzedaży, to trzeba było za nią więcej zapłacić. A rodzice chcieli płacić coraz mnie, nawet jeśli w zamian mieliby dostać coś gorszego.

Dlatego Wiktor wymyślił coś innego: do maszyn zamiast życzeń dzieci, wkładało się „dobre" kłamstwa. Możecie wierzyć lub nie, ale efekt był prawie taki sam. Zabawki były piękne, kolorowe, urzekające. Nie były unikatowe, jak te produkowane z życzeń, ale były dużo bardziej atrakcyjne od wszystkich innych zwykłych zabawek, produkowanych we wszystkich zwykłych fabrykach na świecie.

Jak to działało? Jak można było z kłamstw zrobić ładne zabawki? Bardzo prosto, do maszyny wkładało się tylko piękne kłamstwa. Te które mówiły to, co ludzie chcieli usłyszeć.

Na przykład: „Masz bardzo ładne oczy" (tak skłamał pewien chłopak jednej urzędniczce, żeby szybciej załatwiła jego sprawę) i z maszyny wyszła wielka lalka z ogromnymi oczami.

Albo: „Bardzo się cieszę, że kupiłeś nowy samochód, jest świetny" (powiedział inny chłopak swojemu koledze, a w rzeczywistości po prostu mu zazdrościł) – i hop, z maszyny wyskoczył piękny zabawkowy samochód.

W każdym razie, zabawki te były produkowane seryjnie, więc nie były wyjątkowe, ale dzieciom wydawały się dużo bardziej atrakcyjne od zwykych zabawek produkowanych w innych fabrykach. Kłamstwa robiły swoje, były w stanie zaczarować i dzieci, i dorosłych... albo przynajmniej tak to wyglądało we śnie Wiktora.

Ale to była tylko pierwsza część snu. W części drugiej sprawy przybrały trochę gorszy obrót. Po pierwsze George zdecydował się

doinwestować kapitał i otworzyć takie same fabryki w innych miejscach na świecie. Wyprodukowano jeszcze maszyny, jeszcze dużo, dużo maszyn. Z tych maszyn wychodziło jeszcze więcej takich samych, atrakcyjnych zabawek zrobionych z kłamstw. Biznes się rozrastał, George inwestował coraz więcej, a Wiktor nagle poczuł, że nikt nie pyta go już o zdanie. Nikt nie zapraszał go na ważne posiedzenia. Na nie chodził tylko George.

Pewnego dnia do gabinetu Wiktora weszło kilka osób w ciemnych garniturach, które przedstawiły się jako prawnicy George'a. Złożyli Wiktorowi ofertę odkupienia jego udziałów (które tak czy siak były dużo mniejsze niż George'a). Przedstawili mu stertę różnych dokumentów, które wcześniej podpisał, a były tak sformułowane, że Wiktor nie miał wyjścia. Albo podpisze, i sprzeda swoją część za określoną (niezbyt zresztą dużą) kwotę, albo zostanie bez niczego.

„Ale ja byłem głupi!", pomyślał Wiktor we śnie. „Jak mogłem wierzyć tym ludziom" Najgorsze w tym wszystkim było to, że George w ten sposób przejął fabrykę w Śniegogrodzie. Co teraz się z nią stanie?

Ale nie mając wyboru, Wiktor musiał złożyć podpis na dokumentach. W chwili gdy to zrobił, sen zaczął się zmieniać, rozmywać się, i przeobrażać w coś innego...znalazł się w całkiem innej przestrzeni i innym czasie...i...

* * *

W jednej chwili Wiktor znalazł się na zewnątrz, na śniegu, w podwórzu domu w Śniegogrodzie. Wszystko dookoła było spowite ciemnością, zapuszczone, nieodśnieżone. Dom i fabryka były kompletnie zniszczone. Wiktor zdołał jakoś się przedostać przez podwórze i otworzyć drzwi. Wszedł do domu. Wewnątrz było zimno, ciemno, wszędzie było pełno kurzu. Pogrzebał po kieszeniach i wyjął zapalniczkę. W korytarzu domu zawsze były duże świece, z pewnością jakaś się ostała. Oświetlając sobie drogę zapalniczką zdołał znaleźć jedną świecę i ją odpalić.

„Zobaczmy, czy uda mi się zapalić ogień w kominku" powiedział do siebie. „Muszę się zagrzać".

Gdy szedł w stronę salonu mijał wielkie lodowe lustro. Zatrzymał się na chwilę przed nim i o mało nie upadł z wrażenia!

Z lustra patrzył na niego nieszczęsny, biedny starzec! „Co to ma być?" wystraszył się. „Dlaczego jestem taki stary, zapuszczony, biedny, w podartym ubraniu jak jakiś żebrak?"

W tym momencie starzec w lustrze zaczął znikać, a na jego miejscu pojawiła się olbrzymia śnieżna sowa.

„Wszechwiedząca Biała!” ze strachem wykrzyknął Wiktor. „Co to ma być? Co się ze mną dzieje? Dlaczego jestem taki stary i biedny?”

„To jesteś ty za 50 lat od teraz” odpowiedziała mu Wszechwiedząca głosem, który wybrzmiał jakby dochodził gdzieś z daleka. „Stary, biedny i sam jak palec. Wszystko zniszczyłeś, zostałeś bez nikogo i niczego. Wszystkich nas zdradziłeś!”

„To nie jest możliwe” omal nie rozpłakał się Wiktor.

Ale obraz Wszechwiedzącej zaczął powoli blednąć, w lustrze ponownie pojawił się stary Wiktor – ta straszna fantasmagoria

„Wszechwiedząca! Wracaj!” krzyknął Wiktor.

„Hu-hu” zahuczała sowa, a Wiktor obudził się w swoim pokoju w kampusie Cambridge.

* * *

„Tak, we śnie pojawiła się sowa. Wszechwiedząca.” Wiktor wszystko sobie przypomniał i spojrzał na sowę. Ta nie ruszyła się z miejsca, gapiła się na Wiktora, siedząc wygodnie na biurku.

„Ale to był tylko zły sen. Na pewno byłem rozdrażniony, mama i tato są temu winni!” powiedział wiktor do sowy.

„Hu-hu” odezwała się sowa, jakby protestując.

„ A ty powinnaś już sobie pójść!” opowiedział ze złością Wiktor, jakby prowadził poważną rozmowę, z kimś kto go rozumie. „A sio!”

Sowa ani drgnęła.

Wiktor podszedł do okna i machnął na sowę ręką.

„Sio! Na zewnątrz!”

W tej chwili dobiegł głos, ale głoś dochodzący z zewnątrz, nie z pokoju, w którym się znajdowali.

„Z tego co widzę, zacząłeś rozmawiać sam ze sobą.” surowo powiedział głos. Wiktor osłupiały wyjrzał na zewnątrz. Przed nim, na małym balkonie za oknem stała jego siostra Śnieżynka!

Śnieżynka jednym susem znalazła się wewnątrz pokoju. Stanęła przed Wiktorem i surowo na niego spojrzała. „Wygląda jakbyś całkiem zwariował.” powiedziała Wiktorowi.

„Nie rozmawiam sam ze sobą” zaczął się tłumaczyć. „Chciałem tylko pogonić tę sowę.” – powiedział i wskazał na biurko.

„Jaką sowę?” złośliwie zapytała Śnieżynka. „Tam nie ma żadnej sowy.”

Wiktor spojrzał dokładniej. Po sowie nie było ani śladu! Zaczął szukać jej dookoła, zaglądać we wszystkie kąty, nawet pod łóżko. Nic! Gdzie mogła zniknąć. Przecież gdyby wyleciała przez okno, to by ją widzieli, bo właśnie tam stali.

Wiktor wyszedł z siebie. Najpierw wiadomości od matki, potem sen, potem sowa, a teraz na koniec jeszcze jego siostra. Tego było już naprawdę za wiele!

„Czego u licha tu szukasz?" ze złością zapytał Śnieżynkę.

Śnieżynka podejrzliwe na niego spojrzała: „Żeby zobaczyć co nawyprawiałeś." powiedziała do niego. „I spróbować cię uratować, póki nie jest za późno."

„A przed czym niby chcesz mnie uratować" złośliwie powiedział Wiktor „Przed rodzicami? Nie jestem już dzieckiem jak ty!"

„Przed Sądem Najwyższym w Śniegogrodzie, głupku!" odpowiedziała Śnieżynka. „Za każde wykroczenie jest sąd a potem wyrok! A jak pewnie wiesz, kara za złamanie konstytucji Śniegogrodu jest bardzo, bardzo surowa..."

Wiktor zbladł. Ani przez chwilę nie pomyślał o sądzie i możliwych konsekwencjach.

Rozdział VIII
Wielkie sowy śnieżne

...leciały cicho przez noc. Gburek mocno chwycił się sowy, która go niosła na swoich skrzydłach. Na początku, gdy wzbili się w niebo trochę się bał , przez pewien czas nie był nawet w stanie otworzyć oczu, . Ale szybko przywykł i zaczął cieszyć się lotem. Podobał mu się mocno wiejący wiatr, prędkość, z którą lecieli, gwiazdy, które jasno nad nim lśniły...

Czasami wznosili się wysoko pod obłoki, a potem znów zlatywali w dół, prawie do czubków drzew. Kiedy byli niżej, mogli wszystko zobaczyć: domki w małych wioskach, wysokie budynki dużych miast, rzeki, góry, lasy... Lecieli bardzo szybko, tak szybko jak lata się samolotem! Sowy śnieżne ze Śniegogrodu nie były tak szybkie jak czarodziejskie renifery Dziadka Mroza, ale były szybkie jak samolot, a może nawet szybsze. (Gburek nie mógł z całą pewnością ocenić, ponieważ nigdy wcześniej nie leciał samolotem.)

Od czasu do czasu spoglądał na pozostałe dwa ptaki, którymi lecieli Pączuś i Śpioszek i nie mógł uwierzyć, że ten drugi beztrosko sobie śpi. Czy nie boi się, że może spaść? pytał siebie Gburek. Z drugiej strony, Pączuś był przesadnie pobudzony. Gdy zbliżał się do Gburka, Pączuś krzyczał i machał rękami z radości. Gburek ani przez moment nie

zauważył, że ten je, co było rzeczą dobrą. Pączuś jadł za dużo ciasteczek, a każdy krasnal wie, że jedzenie tylu ciasteczek w ogóle nie jest zdrowe.

„Ile to czasu już lecimy?" spytał Gburek i przypomniał sobie Ardamela i rozmowę, którą odbyli przed odlotem...

* * *

Ardamel Prastary wyciągnął ze swojej skórzanej torby mały gwizdek, powoli pogładził dłonią i dmuchnął w niego. Pączuś, Gburek i Śpioszek (który całkiem zrelaksowany podskakiwał sobie na śniegu) rozejrzeli się wokół ze zdziwieniem.

„Czym tam dojedziemy?" pomyślał sobie Gburek. „I gdzie mieszka Bajarz?"

Za chwilę usłyszeli szum skrzydeł i trzy sowy śnieżne wylądowały wprost przed nimi. Ardamel podszedł bliżej, żeby przekazać jakieś instrukcje,a el Gburek był zbyt daleko by usłyszeć rozmowę. Potem Ardamel machnął ręką na krasnoludki, żeby do niego podeszły.

„Wysyłam was w długą drogę" powiedział Ardamel zanim odfrunęli. „Bajarz mieszka daleko, aż w Londynie, w Anglii. Chociaż to wciąż daleko stąd, to bardzo blisko do waszego ostatecznego celuстина

„Co masz na myśli – blisko – do jakiego celu?" zdziwił się Gburek. „Czyż nie powinniśmy pomóc Dziadkowi Mrozowi?

„Wiktor" złapał Gburek. „Wysyłasz nas do niego. Wiedziałem, że jest jeszcze coś, co trapi Dziadka Mroza."

„Nie rozumiem" wtrącił się Pączuś. „Dlaczego Wiktor potrzebuje pomocy."

I tu Ardamel opowiedział im pokrótce historię. Że Wiktor złamał prawo, że opowiedział obcym o Dziadku, i że w ogóle zszedł na złą drogę.

„Jeśli pomożecie Wiktorowi, pomożecie i Dziadkowi Mrozowi oraz całemu Śniegogrodowi" z poważną miną zakomunikował Ardamel.

Skąd Ardamel mógł to wszystko wiedzieć? Dla Pączusia, Gburka i Śpioszka pozostawało to tajemnicą. Ale z tego co przypuszczali, Ardamel Prastary jako żywa legenda na pewno miał swoje sposoby, żeby wiedzieć o wszystkim co dzieje się w Śniegogrodzie i okolicach.

„Temu chłopcu bardzo potrzebna jest pomoc", mówił dalej Ardamel. „Coś mu się stało. Zapomniał o marzeniach, zgubił gdzieś fantazję, a jego serce – jest po prostu nie tam gdzie trzeba. Musicie mu pomóc, żeby wróciło na swoje miejsce!"

„Ale jak, co mamy robić?" zapytał Pączuś.

„O tym będziecie rozmawiać z Bajarzem" powiedział Ardamel. „Póki co wypadałoby go poinformować, że się do niego wybieracie."

To znów wydało się krasnoludkom dziwne. Kto może go tak prędko poinformować? Ardamel przez cały czas był z nimi i ani nikomu nie dawał znać, ani z nikim się nie widział, oprócz trzech śnieżnych sów, które przyleciały gdy je zawołał. Ale, krasnoludki wiedziały dobrze, że nie trzeba Ardamela w takich kwestiach sprawdzać.

„Mogę jeszcze o coś spytać?" powiedział Gburek do Ardamela gdy Pączuś i Śpioszek dosiadali swoich sów. „Ta historia z Wiktorem to dopiero początek. Ale co zrobimy z dziećmi? Co robimy z listami i życzeniami, i zabawkami, i w ogóle wszystkimi naszymi sprawami?"

„Hahaha", zaśmiał się Ardamel. „Cierpliwości młody człowieku, cierpliwości. Zapamiętaj, że problemy należy rozwiązywać jeden po drugim, i błędy naprawiać jeden po drugim. Nie wszystko naraz! Zawsze zaczynaj od tego, co najważniejsze, od najbardziej palącej sprawy, i o niczym innym nie myśl dopóki jej nie rozwiążesz. A potem przejdź do kolejnej. Może w międzyczasie przyjdzie ci do głowy jakieś rozwiązanie, na które nie wpadłeś wcześniej, czyż nie?"

Wszystko co mówił Ardamel Gburkowi wydawało się całkiem logiczne, a jednak obrazek smutnego i osamotnionego Dziadka Mroza nie mógł wyjść z jego głowy.

„A oprócz tego" dodał Ardamel. „Myślę, że Dziadek Mróz w tej chwili jest w dobrych rękach, haha... Nie zostawimy go bez pomocy, haha..." tajemniczo uśmiechnął się i dał sowom znak do odlotu.

„Szerokiej drogi" krzyknął Ardamel gdy Gburek wspinał się na grzbiet sowy śnieżnej. „Pozdrówcie ode mnie Bajarza. Jeśli załatwi teraz sprawę raz a porządnie, będzie miał mniej pracy potem. Haha..."

Śnieżna sowa wzbiła się w powietrze, a Gburek – kto wie, który to już raz spytał siebie, co Ardamel chciał powiedzieć.

* * *

Lecieli długo, prawdopodobnie około dwóch godzin, jeśli dobrze szacował Gburek. Gdyby spojrzał na kieszonkowy zegarek, to by wiedział. Ale on trzymał się mocno sowy i ani myślał się puścić nawet na moment, zwłaszcza, żeby sprawdzić która godzina.

W pewnej chwili młoda śnieżna sowa, która niosła go na swych skrzydłach, powiedziała: „Zbliżamy się do Londynu. Zniżymy teraz lot, widok jest naprawdę piękny."

Gburek nigdy wcześniej nie był w Londynie, o czym zresztą powiedział swojej sowie. Sowa, która swoją drogą miała na imię Wida, uśmiechnęła się i powiedziała: „Bajarz mieszka w samym sercu Londynu, także będziesz mógł sporo zobaczyć. Londyn to stare miasto, które skrywa wiele tajemnic, mieszka tu wielu ważnych ludzi, przyjaciół Śniegogrodu.

O, na przykład", dodała Wida, „także Bajarz mieszkał kiedyś w Śniegogrodzie."

Ta wiadomość nie zaskoczyła krasnoludka. Do Śniegogrodu wciąż przybywają różni ludzie. Wszyscy oni, bez względu czy zostają na dłużej, czy po pewnym czasie opuszczają miasto, byli wielkimi przyjaciółmi Śniegogrodu i wiecznymi strażnikami tajemnicy jego istnienia.

* * *

„To rzeka Tamiza", wyjaśniała Wida gdy lecieli nad Londynem „a teraz przelatujemy nad Tower Bridge, jednym z najbardziej znanych mostów Londynu" I Wida zrobiła eleganckie kółko wokół Tower Bridge, który w tej chwili Gburkowi wydawał się najpiękniejszym mostem na świecie.

„Popatrz teraz, to pewna wieża z zegarem, podobna do tej na placu w Śniegogrodzie" - powiedziała Wida. Ta wieża nazywa się Big Ben, co znaczy Duży Ben. I rzeczywiście, wieża zegarowa była bardzo duża, przynajmniej w porównaniu z tą w Śniegogrodzie.

I w ten sposób, pomalutku, zniżając się i latając pośród budynków i wzdłuż uliczek Londynu, krasnoludki wylądowały na jednej ładnej ulicy pełnej starych budynków. W budynkach były wszelkiego rodzaju małe sklepiki z ładnymi rzeczami, a nad nimi mieszkania z dużymi oknami. Krasnoludki zaniemówiły z wrażenia po tym co zobaczyły do tej pory. Nigdy w życiu nie były tak daleko na południu, a już na pewno nie w tak dużym mieście jak Londyn.

„Tu was zostawiamy" powiedziała Wida. „Te drzwi na wprost przed wami to wejście do budynku, w którym mieszka Bajarz. Gdy zadzwonicie – otworzy wam."

„Dziękuję wam za wszystko" pożegnał się Gburek z Widą i pozostałymi sowami. „Mam nadzieję, że wrócicie po nas, kiedy wykonamy zadanie, kiedy by to nie było."

Wida się uśmiechnęła. „Nie martwcie się powrotem, Gburku. Wszyscy mamy nadzieję, że prędko będziecie potrzebne Dziadkowi w Śniegogrodzie." Tak się pożegnali, sowy odleciały, żeby zająć się swoimi sowimi sprawami, a trzy krasnoludki zatrzymały się by zapukać do jeszcze jednych drzwi w poszukiwaniu pomocy.

Rozdział IX
Rusałka

...tylko co zjadła jedno ciastko z marmoladą z wiśni i teraz spokojnie piła napar z rumianku, wygodnie siedząc w fotelu pani Rafaeli. Dziadek Mróz siedział w swoim fotelu z herbatą w ręce i próbował pozbierać myśli.

„A teraz opowiedz mi o wszystkim" - powiedziała Rusałka Dziadkowi Mrozowi i obdarzyła go długim fiołkowym spojrzeniem.

I Dziadek Mróz zaczął mówić. Opowiedział o wszystkim co go trapiło, wszystkim o czym rozmyślał wcześniej... i opowiedział nawet o śnie ze starym Wiktorem. A gdy powiedział wszystko co miał do powiedzenia, poczuł ulgę, jakby spadł mu wielki kamień z serca.

Rusałka milczała i patrzyła najbardziej fioletowym i najpiękniejszym wzrokiem, jaki Dziadek Mróz kiedykolwiek widział. I zobaczył, że teraz ona jest smutna, jakby wzięła na siebie część jego trosk.

„Teraz się zmartwiłem" zachmurzył się Dziadek Mróz. „A prawdopodobnie tego jest za wiele nawet dla ciebie... z pewnością nie możesz mi pomóc ze wszystkimi moimi zmartwieniami"

Rusałka milczała jeszcze kilka sekund, a potem odpowiedziała: „Dziadku Mrozie, na tyle na ile umiem posługuję się czarami, ale musisz wiedzieć, że moja moc jest ograniczona. Taka jest moja natura, że mogę pomagać ludziom w pewnych określonych granicach. Nikt na świecie, nawej najwięksi czarodzieje i największe Rusałki nie są wszechmocni. Tak było od zawsze i tak będzie. Taki już jest świat.

Dziadek Mróz patrzył na nią z lekkim rozczarowaniem, jakby oczekiwał, że rozwieje jego wątpliwości i potwierdzi, że może rozwiązać wszystkie jego problemy.

„Ale mam moc, żeby pomóc ci w dwóch sprawach" przerwała jego rozmyślania Rusałka. „Mam moc, którą otrzymałam przy narodzeniu: tym, którzy są dobrzy i uczciwi, i potrzebują pomocy, mogę spełnić jedno życzenie. Tylko jedno i musi płynąc z głębi serca. To musi być coś, czego pragniesz najbardziej."

Dziadek Mróz natychmiast zaczął myśleć, które życzenie jest dla niego najważniejsze ze wszystkich, ale Rusałka raz jeszcze mu przerwała.

„A drugie co mogę zrobić, zanim spełnię twoje jedno życzenie, to zabrać cię w jedną niezwykłą podroż. Podróż, która pomoże ci odkryć czym jest to, czego twoje serce pragnie najbardziej... ale także pomoże zrozumieć wiele innych spraw, które być może... być może pomogą znaleźć rozwiązanie wszystkich pozostałych problemów... albo części z

nich. Co myślisz, Dziadku Mrozie? Czy wyruszysz ze mną w tę podróż?" zapytała dźwięcznym głosem Rusałka.

„Podróż..." zapytał zmieszany Dziadek Mróz. „Dokąd, jaka podróż?"

„Podróż przez świat snów", odpowiedziała Rusałka . „Przez to co było, to co jest i to co będzie... I to, co mogłoby być jeśli wybierze się dobrą, albo znów – złą drogę. Sny nie są tylko snami, Dziadku Mrozie. One mówią o nas wszystko, o naszej przeszłości, i naszej przyszłości. O naszych pragnieniach i obawach. W tym wypadku, będą stanowiły drogowskaz dla nas, dla ciebie... Drogowskaz, który podpowie co zrobić i jak obrać właściwą ścieżkę."

Dziadek Mróz milczał i rozmyślał. Sam tez wiedział, że sny to nie tylko sny. Ze bardzo często możesz w nich znaleźć rozwiązania problemów, lub odkryć nowe rzeczy dla siebie i innych, o których wcześniej nie wiedziałeś. W szczególności męczył go jeden sen, który przyśnił mu się poprzednio. Męczył go od pierwszej chwili. Wiedział, że to nie tylko sen. Że to coś, co może się zdarzyć, kiedyś, jeśli sprawy pójdą w niewłaściwym kierunku. Wiedział to wszystko i dlatego szybko podjął decyzję.

„Ruszamy!" powiedział zdecydowanie Rusałce. „Do świata snów. W poszukiwaniu odpowiedzi i rozwiązań. I tego, czego serce pragnie najbardziej."

„Podejdź, Dziadku Mrozie", cicho wybrzmiał dźwięczny głos Rusałki. „Podejdź i złap mnie za rękę. Zobaczmy, dokąd najpierw zaprowadzi nas sen."

Dziadek Mróz w milczeniu zbliżył się do niej, chwycił ją za rękę i w tym momencie wszystko wokół zaczęło się rozmywać. Kolory i przedmioty zaczęły zlewać się ze sobą i tonąć w gęstej mgle. Dziadek Mróz poczuł, że ziemia usuwa mu się spod nóg. Teraz obydwoje unosili się w dziwnej, spowitej mgłą pustce. Dookoła nich poza mgłą nie było niczego.

„Co to jest" zapytał Dziadek Mróz, a głos jego wybrzmiał, jakby wydobywał się z głębokiej, pustej studni.

„To przejście do świata snów." echem odpowiedziała Rusałka. „Poczekaj, za chwilę będziemy tam i zaczniesz rozpoznawać przedmioty."

I rzeczywiście, wokół nich zaczęły się coraz wyraźniej rysować różne kontury. „Co to jest? Jakiś budynek?" pomyślał sobie Dziadek Mróz, patrząc jak jakaś duża budowla rysuje się przed nimi we mgle.

„Gdzie jesteśmy? Wygląda jakoś znajomo." powiedział Rusałce.

„Zaraz zobaczymy”, odpowiedziała mu. „Poczekajmy aż obraz się uformuje i pojawią się wszystkie barwy, dźwięki i zapachy. Wtedy będziemy wiedzieć.”

I powoli wszystko wokół nich zaczęło przybierać kształty i kolory: wielka katedra, budynki... plac, sklepiki, ludzie, dorożki z końmi... śnieg.

„Poczekaj chwilę, bardzo dobrze to znam”, powiedział Dziadek Mróz. „Naprzód pomyślałem, że jesteśmy w Śniegogrodzie, ale teraz...”

Wtedy w powietrzu zaczęły unosić się zapachy, piękne zapachy cynamonu i wanilii... ciasteczek bożonarodzeniowych. I dźwięki, dźwięki walca.

„Wiedeń!” przypomniał sobie Dziadek Mróz. „Plac i katedra Świętego Stefana. Gdzieś w okolicy Bożego Narodzenia, jeśli się nie mylę.”

„Tak, sprawdzimy kiedy dokładnie? Czy znajdujemy się w przeszłości czy w jednej z możliwych przyszłości”, powiedziała Rusałka i zagadkowo na niego spojrzała.

Obraz był już całkiem wyraźny. Byli w Wiedniu, na placu Świętego Stefana,a dookoła nich było wesoło i kolorowo. Ludzie byli ubrani dość staromodnie, kobiety miały na sobie długie suknie ciasne palta i wielkie kapelusze, a mężczyźni płaszcze i cylindry. To mógł być początek XX wieku, pomyślał Dziadek Mróz. To co było najciekawsze, to że z pewnością nikt nie zauważył, że tu są, co całkowicie odpowiadało Dziadkowi Mrozowi.

W tej chwili obok nich przemknęła dorożka, którą ciągnęły konie.

„Dalej”, zawołała Rusałka. „To nasza dorożka!”

I nagle, jak to bywa w snach, już siedzieli w dorożce, a na siedzeniu naprzeciwko nich siedziała pewna młoda para – chłopak i ładna dziewczyna, którzy zupełnie nie mieli pojęcia, że oto mają towarzystwo. Chłopiec w ręce trzymał otwarte pudełeczko, w którym znajdował się piękny pierścionek, z małym, błyszczącym, niebieskim oczkiem.

„Najpiękniejszy pierścionek dla najpiękniejszej dziewczyny na świecie”, powiedział chłopak do dziewczyny. „Z kamieniem błękitnym jak twoje oczy. Powiedz, że mnie kochasz i że za mnie wyjdziesz.”

Dziadek Mróz z konsternacją patrzył na młodą parę przed nim, nie mogąc wypowiedzieć ani słowa. Rusałka spojrzała na niego i się uśmiechnęła.

„Kocham cię”, odpowiedziała ostrożnie dziewczyna. „I wiem, że ty też mnie kochasz. Ale to nie wystarczy.”

„Czego więcej trzeba, Rafi, czego?” zapytał niecierpliwie chłopak. „Czy miłość to za mało?”

„Ale ja nic o tobie nie wiem, Mikołaju!” oburzyła się dziewczyna. „Nie wiem ani skąd jesteś, ani kim są twoi rodzice, nic! Nigdy nie chcesz nic o sobie powiedzieć. Wiesz o mnie wszystko, a ja... nic! Jak możesz oczekiwać, że tak po prostu wyjdę za kogoś obcego.”

„Ale przecież bardzo dobrze mnie znasz!” krzyknął chłopiec. „Wiesz, czego się uczę i co czytam. Co sprawia mi radość, a co mnie smuci. Co lubię jeść, a czego nie. Jakie lubię nosić ubranie, jakie są moje ulubione miejsca, do których lubię podróżować, wiesz wszystko. I głęboko w środku wiesz, że cię kocham i że zawsze będę ci wierny.”

„To za mało”, upierała się dziewczyna. „Chcę wiedzieć wszystko, żebym mogła naprawdę ci uwierzyć. I chcę wiedzieć natychmiast!”

„Mówiłem ci, dowiesz się, kiedy zostaniesz moją żoną. Zobaczysz wtedy i skąd pochodzę, i wszystko, wszystko co tylko chcesz... ale nie w tej chwili.” rozpaczliwie wyjaśniał młodzian.

„Nie i jeszcze raz nie” powiedziała młoda panna. „Kto to widział i słyszał coś podobnego. Wyjdź za mnie, a wtedy wszystkiego się dowiesz?”.

Dziadek Mróz spojrzał na Rusałkę nie wypowiedziawszy ani słowa. Ona zaś wciąż zagadkowo się uśmiechała. Zaprzęg zaczął powoli się rozmywać i wkrótce Wiedeń utonął w głębokiej mgle.

„Zobaczymy co będzie dalej” wyszeptała Rusałka i zerknęła na Dziadka Mroza. Jej fiołkowe oczy błyszczały jak dwa małe światełka w ciemności.

Rozdział X
Bajarz

...stał w oknie swojego mieszkania na ulicy Nil w Covent Garden w samym sercu Londynu i czekał.

Tuż pod mieszkaniem znajdował się antykwariat, pewne niepozorne miejsce wypełnione po brzegi wszelkiego rodzaju starymi książkami i innymi niezwykłymi przedmiotami. W księgarni tej było duuuuużo książek. Gdy ktoś wchodził do środka, zostawał tam nawet na kilka godzin wciąż odkrywając coś dotychczas nieznanego, jakąś rzadką książkę... Bardzo często ludzie wchodzili tu, żeby kupić jedną książkę, potem czytali kolejną, a wychodzili kilka godzin później obładowani dziesięcioma innymi. I tak każdego dnia oprócz niedzieli. W niedzielę Bajarz odpoczywał, a w księgarni panował spokój. I dziś była niedziela,

dokładnie czwarta nad ranem. Bajarz w ogóle nie spał tej nocy, tylko stał w oknie i czekał.

Był to szczupły człowiek w średnim wieku z siwymi włosami i w okularach. Zawsze był ubrany w garnitur z kamizelką, koszulę i muchę, nawet gdy był w domu. Innymi słowy, był prawdziwym angielskim dżentelmenem – grzecznym, kulturalnym i eleganckim. A jak każdy prawdziwy angielski dżentelmen Bajarz miał zawsze pod ręką herbatę i ciastka, na wypadek gdyby pojawili się jacyś niezapowiedziani goście. Nawet gdyby mieli zjawić się o czwartej nad ranem.

* * *

Krasnale dotarły dokładnie o czwartej pięć. Bajarz widząc, że lądują, natychmiast zbiegł po schodach, aby otworzyć drzwi. Było to doprawdy bardzo miłe z jego strony, ponieważ krasnoludki, gdy dotarły pod drzwi, zorientowały się, że żaden z nich nie sięga do dzwonka! Ledwie zaczęły ustalać między sobą, kto kogo weźmie na barana, aby wspiąć się wyżej, Bajarz otworzył drzwi i z zaciekawieniem ich obejrzał.

„Witam drogich gości" zwrócił się do nich grzecznie Bajarz. „Ale zapraszam, wchodźcie, wchodźcie, nie stójcie w progu. Z pewnością jesteście bardzo zmęczeni. I głodni?"

Pączuś w tej chwili przypomniał sobie, że nic nie jadł odkąd wyszedł od Ardamela. „Głodni! O tak, bardzo jesteśmy głodni!" nie wytrzymał Pączuś.

Gburek tylko popatrzył na niego surowo. Dobrze wychowane krasnoludki tak się nie zachowują. Ale Bajarz uśmiechnął się tylko i raz jeszcze zaprosił ich do środka.

Już kilka minut później wszyscy siedzieli w ciepłej jadalni pijąc herbatę i jedząc ciasteczka, torty, paluszki, bułeczki, rogaliki, paszteciki i inne pyszności, które przygotował Bajarz. Gdy już zjedli przeszli do salonu, wygodnie rozsiedli się w fotelach przy wielkim kominku, a Bajarz zaczął cicho sobie podśpiewywać.

Dźwięki melodii niosły się po pomieszczeniu, a krasnoludki mogły zobaczyć, jak razem z melodią w powietrzu pojawiają się różne obrazki. Najpierw były blade, jak dym, który wylatywał z komina, ale później robiły się coraz bardziej i bardziej wyraźne. Sceny jakby wychodziły z piosenki, którą śpiewał Bajarz. Piosenki o bardzo starych czasach rycerzy, księżniczek i smoków. Ale po kolei. Krasnoludki na początek ujrzały rycerza na koniu majaczącego gdzieś w oddali. Później, na bardzo, bardzo wysokiej górze pojawił się smok. Smok porwał i uwięził księżniczkę. Rycerz dotarł na górę, stoczył walkę ze smokiem, a na koniec go zabił. Następnie uwolnił księżniczkę, która zabrał ze sobą. Tak skończyła się

historia, a Bajarz przestał śpiewać. Krasnale były oczarowane tym, w jaki sposób opowiedziana została bajka, ale nie skomentowały tego ani słowem.

Tak czy inaczej znajdowały się w domu Bajarza, więc takie rzeczy były zupełnie normalne.

„Teraz obmyślimy strategię" powiedział Bajarz po długim milczeniu. Krasnale spojrzały na niego ze zdumieniem (to znaczy Śpioszek znów zdążył zasnąć w fotelu przy kominku, a więc – Gburek i Pączuś spojrzeli ze zdziwieniem.)

„Strategię?" zapytał Pączuś. „Co to znaczy?"

„To znaczy, że trzeba wymyślić w jaki sposób dotrzeć do Wiktora. Nie chcemy go zdenerwować, zezłościć, czy wystraszyć. Nie, nie chcemy by coś takiego się stało. Chcemy, żeby nas wysłuchał. Albo przynajmniej zaczął słuchać, cała zaś reszta zależy od bajek."

Teraz krasnale były jeszcze bardziej zaskoczone.

„Proszę powiedzieć, co mamy zrobić" powiedział Gburek. „Czego pan od nas oczekuje?"

„Oczekuję, że to wy zaczniecie rozmowę z młodym Wiktorem. Wszak dobrze go znacie i to jest nasza przewaga. Mnie nigdy w życiu nie widział i może się zaniepokoić jeśli tak po prostu wparuję do niego do domu, ale wy to co innego. Wy jesteście przyjaciółmi", powiedział im Bajarz.

„Tylko tyle od nas pan chce?" zdziwił się Gburek. „Miałem nadzieję, że coś więcej."

„Nie, nie tylko to. Chcę, abyście przy nim byli. Żebyście byli częścią tego co się wydarzy gdy będziemy u niego. Nic więcej nie mogę wam powiedzieć, wiedzcie jednak, że będziecie jego towarzyszami w pewnej interesującej podróży.

Gburek i Pączuś popatrzyli po sobie. Ta noc była tak dziwna, że nawet to szczególnie ich nie zaskoczyło.

„Dobrze, zatem proszę prowadzić" powiedział Gburek. „Na pewno potrzeba trochę czasu, żebyśmy dotarli do Cambridge, nawet jeśli będziemy lecieć na śnieżnych sowach."

„A nie, nie martwcie się." uśmiechnął się Bajarz. „Wystarczy, że zejdziemy na dół do mojego antykwariatu. Stamtąd natychmiast dostaniemy się do Cambridge i to bezpośrednio do pokoju Wiktora."

„Jak to możliwe" nie wytrzymał i zapytał Pączuś.

„Podejdźcie do mnie, to zobaczycie." powiedział Bajarz, włożył do kieszeni zegarek, chwycił laskę i czapkę. Krasnoludki przejedzone ciasteczkami i innymi smakołykami ruszyły powoli, by obudzić Śpioszka.

* * *

Wewnątrz księgarni, w ostatnim pomieszczeniu, które służyło za magazyn, znajdowały się pewne niepozorne drzwiczki, które wyglądały jakby prowadziły do jakiejś piwniczki lub spiżarni. Bajarz zatrzymał się przed nimi i tajemniczo popatrzył na krasnoludki.

„To jedne z Sekretnych Drzwi. Nie jest ich wiele i trzymane są w wielkiej tajemnicy. Wszyscy Strażnicy wiedzą o wszystkich Drzwiach, ale każdy z nich ma tylko jeden klucz – do Drzwi, których sam strzeże. Ja jestem Strażnikiem tych londyńskich Drzwi." z dumą wyjawił Bajarz.

Krasnoludki popatrzyły na niego z szeroko otwartymi oczami. „A... gdzie tu maga?" zapytał Śpioszek.

„Magia polega na tym, że otwierając te Drzwi można natychmiast znaleźć się w dowolnym miejscu na świecie. Musicie tylko pomyśleć dokąd chcecie dotrzeć, otworzyć je i wejść do środka."

„Tylko tyle? Przechodzimy i już jesteśmy tam, u Wiktora?" Pączuś był wyraźnie podekscytowany.

„Dokładnie tak" uśmiechnął się Bajarz. „Przez drzwi bezpośrednio do jego pokoju w akademiku w Cambridge."

„Czyli pan może podróżować w dowolne miejsce na świecie w ten sposób? Dokądkolwiek? Kiedy tylko pan zechce?" nie mógł uwierzyć Gburek.

„Tak jak wszystkie czarodziejskie rzeczy na świecie i Sekretne Drzwi nie działają w ten sposób. Każda podróż przez nie musi być usprawiedliwiona, i przede wszystkim – w słusznej sprawie. Poza tym Drzwi nie wpuszczają każdego. Przejść przez nie mogą tylko wystarczająco odważni, wystarczająco dobrzy i wystarczająco mądrzy... ci, którzy mają bardzo ważną sprawę lub ci, którzy poszukują wielkich przygód i idą za głosem swojego serca. A więc – tylko ludzie wyjątkowi."

„A krasnoludki?" spytał Śpioszek.

„Lub wyjątkowe krasnoludki" odpowiedział z uśmiechem Bajarz. Wyciągnął mały, żelazny i niepozorny klucz z kieszeni i otworzył nim równie niepozorne drzwiczki.

„Zapraszam, panie Gburku" powiedział Bajarz. „Myślę, że to pan jest tym krasnoludkiem, który jako pierwszy powinien porozmawiać w cztery oczy z młodym panem Wiktorem"

Rozdział XI
Śnieżynka

...nie mogła nadziwić się, jakich głupot nawyprawiał Wiktor. Był od niej starszy o pięć lat i zawsze był dla niej wzorem. Patrzyła na niego z szacunkiem i podziwem. Ale nagle zniknęły wszelkie złudzenia. W jednej chwili poczuła się, jakby była dużo starsza i mądrzejsza od niego, a on – jakby był małym niedojrzałym chłopcem.

Wiktor siedział naprzeciwko niej i milczał. Prawdopodobnie cały jego świat runął w chwili gdy Śnieżynka wspomniała o Najwyższym Sądzie. Nawet z całą swoją niedojrzałością i całą swoją arogancją, miał świadomość jak poważną sprawą był Najwyższy Sąd. Ani Śnieżynka, ani Wiktor nigdy nie słyszeli aby ktokolwiek, kiedykolwiek złamał konstytucję. Ale nawet dzieci w Śniegogrodzie wiedziały(bez względu na to, czy były to dzieci-misie, dzieci-liski, dzieci-sówki, krasnoludki czy po prostu dzieci) że kara za złamanie konstytucji jest bardzo surowa.

„Nic strasznego nie powiedziałem Śnieżynko, wierz mi" usprawiedliwiał się Wiktor. „Wspomniałem tylko, że Dziadek Mróz to mój ojciec, tylko tyle."

„Tak twierdzisz?!" surowo odpowiedziała Śnieżynka. „I cały ten George od razu ci uwierzył, jakbyś mu powiedział, że twój ojciec jest sąsiadem z naprzeciwka? Z tego co wiem, to raczej tak nie działa, zwłaszcza w dzisiejszych czasach, gdy coraz mniej ludzi wierzy w Dziadka Mroza."

„Nie, nie całkiem...Tak naprawdę to on sam zaczął rozmowę o tym, że jego ojciec, Lord Rich, opowiedział mu, że Dziadek Mróz rzeczywiście istnieje i że mieszka na dalekiej północy. I George przez długi czas w to nie wierzył, ale jego ojciec upierał się, że właśnie tak jest. Wyjaśnił mu, że dopóki nie uwierzy, nie będzie mógł tam dotrzeć. Pomyśl – on już o tym wiedział. A ja nie wytrzymałem – wiesz, w końcu George to mój najlepszy przyjaciel – i potwierdziłem, że istotnie tak jest."

Podczas gdy w taki sposób tłumaczył się Śnieżynce, Wiktor zauważył jak wielkie głupstwo popełnił. Do tej pory w ogóle nie rozmyślał nad rozmową z George'em, zwłaszcza, że był podekscytowany propozycją biznesową lorda Richa. Ale teraz gdy sobie przypomniał, zrobiło mu się źle. Teraz nawet sposób w jaki George zaczął te rozmowę wzbudził w nim wątpliwości.

Śnieżynka przerwała jego rozmyślania dokładnie takim samym wnioskiem. „Nie wierzę, że jesteś tak naiwny!" powiedziała. „Cała ta

rozmowa była podejrzana, tak jakby on już wcześniej wiedział, kim jesteś i tylko chciał od ciebie wyciągnąć dodatkowe informacje."

„Nie, to niemożliwe. Ja bardzo dobrze znam George'a" skłamał Wiktor. Nie chciał przyznać młodszej siostrze, że natychmiast dostrzegła to, czego on nie był w stanie zauważyć.

„A zresztą, nie ma żadnych dowodów." cieszył się w środku Wiktor. „Może niepotrzebnie wątpię w George'a."

„Wiktorze, czy ty powiedziałeś mu coś jeszcze o Śniegogrodzie? Czy przypadkiem nie wyjawiłeś mu jak tam dotrzeć?" spytała Śnieżynka.

„Absolutnie nie!" krzyknął do niej Wiktor. „Za kogo ty mnie masz, głupia? Oczywiście, że nie zrobiłbym czegoś takiego bez konsultacji z tatą."

Wiktor tym razem nie kłamał. Faktycznie, oprócz rozmowy z George'em i telefonu od Lorda Richa następnego ranka, Wiktor nie miał nawet okazji powiedzieć czegoś więcej. Po pierwsze – minął raptem jeden dzień i nic więcej się nie zdarzyło. George nawet nie zadzwonił. A po drugie – naprawdę nie był taki głupi, żeby zdradzać, którędy wiedzie droga do Śniegogrodu.

„Skąd więc mogli dowiedzieć się o Śniegogrodzie?" zapytała Śnieżynka. „Tylko ci, którzy naprawdę wierzą w Dziadka Mroza mogą tam dotrzeć, a cały ten George i jego tatuś nie wyglądają mi na takich."

Wiktor czuł, że Śnieżynka miała rację. Przynajmniej George taki nie był, a Lord Rich... Wiktor nic nie wiedział na jego temat. Ale w tej chwili przypomniał sobie pewną bajkę, którą usłyszeli ze Śnieżynką, gdy byli mali.

„Śnieżynko, pamiętasz tę historię..." drżącym głosem zaczął Wiktor. „Tę, że istnieją ludzie, którzy nie mają czystych serce i mimo że wierzą w Dziadka Mroza, to nigdy nie będą w stanie dotrzeć do Śniegogrodu."

„To nie bajka" odpowiedziała surowo Śnieżynka. „To prawda. Jest niewielka liczba osób, które całe swoje życie szukają drogi do Śniegogrodu, ale nie mogą jej odnaleźć, ponieważ mają złe zamiary. Mają nieczyste myśli i czarne serca. Dlatego istnienie Śniegogrodu jest trzymane w tajemnicy. Jeśli ktoś z nich znalazłby Śniegogród, to kto wie, co mogłoby się stać."

„Śniegogród przestałby istnieć" cicho odpowiedział Wiktor, przypominając sobie sen. Teraz już wszystko stało się dla niego jasne, ale coś wewnątrz nadal nie pozwalało mu tego przyznać.

„Nie, nie mogę w to uwierzyć" powiedział Wiktor. „George to dobry przyjaciel, kolega. Zawsze jest ze mną, wszystko robimy razem. A

jego ojciec jest lordem, to bardzo dostojny tytuł. Poza tym jest świenym biznesmenem, mógłbym wiele się od niego nauczyć."

„Powinieneś uczyć się od taty, Wiktorze, a nie od Lorda Jakiegośtam." odparowała Śnieżynka. „Ojciec może nauczyć cię wielu rzeczy, których jak widać nie pojąłeś zawczasu."

„Tato nie toleruje innowacji, a oprócz tego w ogóle mnie nie słucha. Myśli, że nie jestem wystarczająco dojrzały albo mądry", złośliwie odpowiedział Wiktor. Ale im bardziej sprzeciwiał się Śnieżynce, tym bardziej czuł, że to ona ma rację.

„Tato toleruje nowe pomysły, Wiktorze, przynajmniej tak było do tej pory. Ale, proszę cię, powiedz mi, kiedy podsunąłeś mu jakiś dobry pomysł? Taki, który byłby dobry dla wszystkich? I kiedy podzieliłeś się z nim swoim pomysłem? Ten, zdaje się, że ni był twój?" podburzyła go Śnieżynka.

Wiktor bardzo się zdenerwował, że młodsza siostra wyrzuca mu, że nie był to jego własny pomysł. W tej chwili, od złości, zapomniał o wszystkich wątpliwościach związanych z George'em i zaatakował Śnieżynkę.

„A co złego jest w tym, że moglibyśmy na tym coś zarobić, ha? Że będziemy sprzedawać zabawki na całym świecie?" powiedział wrogo.

Śnieżynka patrzyła na niego szeroko otwartymi oczami, nie wierząc, że głupota jej brata nie ma granic.

„Ty naprawdę całkiem się zgubiłeś", odezwała się do niego ze współczuciem. „A ja pomyślałam, że powoli zaczyna wszystko do ciebie docierać, ale jednak nie!"

„Ja, ja zagubiony?" jeszcze bardziej się rozzłościł się Wiktor. „Kim ty jesteś, że śmiesz coś takiego mówić? Natychmiast stąd wyjdź."

„Mam wyjść, tak?" spojrzała z pogardą Śnieżynka. „Jeśli sobie pójdę, to czy myślisz, że zjawi się ktokolwiek inny, żeby ci pomóc? Może mama? Miej na uwadze, że Sąd Najwyższy nie siedzi bezczynnie, na pewno już dawno wiedzą, co nabroiłeś. I, gdzie by nie byli, na pewno cię złapią. I wtedy nie będzie dla ciebie ratunku."

„Nie będą mieli jak się dowiedzieć", złośliwie odpowiedział Wiktor. „Chyba, że ty im powiesz. Mama i tato na pewno mnie nie wydadzą."

Śnieżynka zaczęła się śmiać. „Muszę powiedzieć ci jedną rzecz. Albo jesteś bardzo głupi, albo już całkiem dla nas przepadłeś. Nie jesteś już częścią Śniegogrodu. Żaden mieszkaniec Śniegogrodu nie mógłby tak postępować."

„Wynocha”, wrzasnął do niej Wiktor. „Nie chcę cię więcej oglądać.”

Śnieżynka uśmiechnęła się jeszcze raz, wdrapała się na okno i skoczyła z małego balkonu.

Wiktor zszokowany podbiegł pośpiesznie do okna. Czy ona jest normalna – pomyślał sobie. Jak można skoczyć z szóstego piętra, przecież takiego upadku nie można przeżyć! Ale gdy spojrzał przez okno, przeleciał przed nim renifer, a na nim – Śnieżynka!

„Głupi jesteś. Wszystkich nas pogrążysz” dodała na odchodne i odleciała w stronę nieba.

Wiktor skołowany wrócił do pokoju. Powróciło to dziwne uczucie w żołądku. Uczucie, które przez cały czas mu podpowiadało, że popełnia wielki błąd.

„A co jeśli Śnieżynka ma rację?” westchnął głęboko. „Co jeśli dałem się wciągnąć w grę bardzo złych ludzi?”

„Hu-hu!” ponownie odezwała się sowa, która nie wiedzieć jak, znów znalazla się na biurku.

„Skąd się tu znowu wzięłaś?” zdziwił się Wiktor.

„Przeszłam przez jedne z Sekretnych Drzwi.” odpowiedział jakiś głos. Wiktor pomyślał, że zwariował. Czyżby sowa zaczęła mówić? Spojrzał w jej stronę, ale ona milczała, wyglądała nawet jakby spała. Odwrócił się i w tym momencie jego zaskoczenie było jeszcze większe. Pośrodku pokoju, znikąd, nagle pojawił się Gburek!

Wiktor przetarł oczy i spojrzał ponownie. A teraz, teraz był tu i Pączuś!

„Co co ma być, jakiś sen?” spytał Wiktor.

„Dobrze by było, gdyby to był sen, ale niestety nie jest”, powiedział pewien człowiek który nagle pojawił się obok krasnali, a którego Wiktor nigdy w życiu nie wdział.

„Czego wasza trójka szuka w moim pokoju? I jak się tu znaleźliście?” Wiktor był całkiem zaskoczony.

„Czwórka, jesteśmy tu we czwórkę”, pojawił się w tym momencie przed nim i Śpioszek. „Dotarliśmy przez pewne ukryte drzwi, przez które przechodzić mogą tylko wyjątkowi ludzie... i krasnale”, z dumą obwieścił i ziewnął.

„Nie rozumiem, co wy tu robicie?” zapytał trochę już uspokojony Wiktor, ale wiedział, że wizyta ma związek z głupotą jaką zrobił. Coś zdecydowanie było nie tak, jak być powinno, a on był głównym winowajcą.

„Wiktorze, wszystko ci wyjaśnimy, tylko się nie bój. Może usiądziemy i opowiemy ci wszystko od początku?” zapytał Gburek.

„Hmm...” zawahał się Wiktor. „No dobrze, usiądźmy. Ale kim pan jest?” zwrócił się do Bajarza.

„Jestem Władcą Bajek i Strażnikiem jednych z Sekretnych Drzwi. Tych londyńskich.” przestawił się pełnym tytułem Bajarz, żeby zabrzmieć poważniej. I, na szczęście, udało mu się. Wiktor rozdziawił buzię i o mało mu się nie pokłonił, chociaż nic nie zrozumiał z tego, co przed chwilą usłyszał.

„Jestem tu w jednym celu”, kontynuował Bajarz. „Żeby otworzyć bramy do świata fantazji, wywołać teraźniejszość i zatrząść przyszłością.”

Wiktor tylko usiadł na podłodze w swym pokoju, wszystkim zmęczony i na poważnie wystraszony. Niczego nie rozumiał, ale pierwszy raz od długiego czasu poczuł, że rzeczywiście potrzebuje pomocy.

„D-dobrze”, odpowiedział przerażony. „C-co m-mam robić?”

„Masz się odprężyć się i skoncentrować na tym, co będę ci mówił”, powiedział Bajarz.

Wszyscy usiedli, ktoś na podłodze, ktoś na łóżku, ktoś na jakimś krześle... A Bajarz zaczął opowiadać. „Pewnego razu była sobie dziewczynka...”

Gdy mówił, jakaś dziwna mgła powoli wypełniała pomieszczenie...

Rozdział XII
Świat snów

...był bardzo dziwnym i nieprzewidywalnym miejscem. Nigdy nie możesz wiedzieć, gdzie cię zaniesie, nawet jeśli masz na imię Rusałka i władasz czarodziejskimi mocami.

Odkąd opuścili Wiedeń z początku XX wieku i spędzili jeszcze pewną chwilę we mgle, Dziadek Mróz i Rusałka znaleźli się z powrotem w Śniegogrodzie. I to dokładnie w salonie Dziadka Mroza. Obraz wciąż jeszcze nie był wyraźny, ale bez wątpienia wrócili.

„Co jest? Jesteśmy z powrotem?” zdziwił się Dziadek Mróz.

„Czekaj” wyszeptała Rusałka. „To sen, jestem pewna. Poczekajmy aż się uformuje.”

I powoli przed nimi w salonie zaczęły pojawiać się dwie postaci. Jedną z nich był Mikołaj, chłopiec, którego widzieli przedtem, a drugą jakiś stary człowiek bardzo podobny do Dziadka Mroza. Ale, jeśli dobrze

się przyjrzeć, można było zauważyć, że jednak się od niego różni: jest wyższy, szczuplejszy, z większym nosem, z wielkimi okularami...

Dziadek Mróz spojrzał na Rusałkę. „Wiem, kto to", powiedział do niej. „Tę chwilę zapamiętam na całe życie i nigdy nie zapomnę. Dlaczego tu się znaleźliśmy?"

„Być może musimy zobaczyć coś czego nie wiesz, albo coś o czym zapomniałeś", odpowiedziała Rusałka.

Stary człowiek podobny do Dziadka Mroza cicho mówił do Mikołaja.

„Mikołaju, synu, przyszedł czas, żebym wyjawił ci sekret, który w naszej rodzinie przechodzi z pokolenia na pokolenie, z ojca na syna... Czas, żebyś się dowiedział, jak było od zawsze i jak będzie jeszcze długi długi czas."

Młody Mikołaj tylko spojrzał na swojego ojca mądrym wzrokiem i milczał, nie ośmielając się mu przerwać.

„Jak już wiesz, nasza rodzina żyje w Śniegogrodzie od samego początku jego istnienia, od ponad stu lat. To, że tu mieszkamy odróżnia nas od pozostałych ludzi. Po pierwsze, żyjemy bardzo długo, dłużej od jakiegokolwiek innego człowieka. Czarodziejska moc Śniegogrodu sprawia, że jego mieszkańcy żyją bardzo, bardzo długo.

Po drugie, potrafimy rzeczy, których nie potrafią inni ludzie: rozumiemy mowę zwierząt – także tych, które tu nie mieszkają i nie potrafią mówić; objaśniamy język ciał niebieskich; podróżujemy z wielką prędkością z jednego krańca świata na drugi... to i kilka innych rzeczy, o których już wiesz.

Tak czy inaczej, najważniejsze w tym wszystkiego jest to, że potrafimy ożywiać dziecięce marzenia. To nasza największa czarodziejska moc, że umiemy uszczęśliwiać dzieci z całego świata i wprowadzamy w ich życie odrobinę magii... bez względu na to kim są i jakie są.

Niektóre są biedne, niektóre, znów – z bardzo bogatych rodzin; niektóre to sieroty bez rodziców i bez nikogo na świecie; inne, znów – są z rodzin, w których otrzymują tyle miłości, ile im potrzeba – te są najszczęśliwsze, ale i one mają pragnienia; potem, są tu i te, które dostają wszystko czego chcą, ale brakuje im tego, czego potrzebują najbardziej – miłości swoich rodziców. Dzieci zaniedbane przez rodziców i zostawione same sobie są tak samo smutne, jak dzieci, które nie mają rodziców.

Naszym zadaniem jest pomóc wszystkim tym dzieciom, wnosząc okruszek miłości, nadziei i szczęścia do ich życia, spełniając co roku jedno życzenie, dając im to, czego ich serce pragnie najbardziej."

Dziadek Mróz spojrzał na Rusałkę. Rusałka tylko dotknęła w milczeniu jego ręki.

„Teraz synku, przyszła twoja kolej, abyś przejął to zadanie. Przyszedł czas, żebyś został Dziadkiem Mrozem", powiedział ojciec do Mikołaja. „Teraz jesteś już poważnym człowiekiem: skończyłeś studia, imałeś się różnych prac, ożeniłeś się... Przyszła twoja kolej, mnie już czas odejść."

„Tato" zdziwił się Mikołaj. „Ja oczywiście, że chciałbym, ale... czyż nie chcesz wciąż się tym zajmować... ja myślałem, ze nie ma dla ciebie niczego ważniejszego na świecie od pracy, od dzieci..."

„Bo nie ma", odpowiedział stary człowiek zmęczonym głosem. „Nie ma niczego ważniejszego od naszej pracy, nigdy. Zapamiętaj to. Ale są dwie rzeczy, które nie pozwalają mi dłużej pracować. Po pierwsze jestem już bardzo stary, synku. Nikt z nas nie jest wieczny, choć żyjemy dużo dłużej niż inni. Moje dni są policzone."

„Ale, ale... jak?" krzyknął Mikołaj. „Dlaczego tak mówisz?"

„Ponieważ tak jest, niedługo mnie już nie będzie. I, proszę cię, nie smuć się! Miałem długie i piękne życie, pełne bezgranicznych dziecięcych uśmiechów. To coś najcenniejszego na świecie. Niczego innego nie mógł bym chcieć.

A teraz druga sprawa. Synku, zasada jest jedna. Muszę teraz przekazać ci pałeczkę, tak jak wcześniej zrobił to mój ojciec, a jeszcze wcześniej jego ojciec. I ty będziesz musiał zrobić tak samo ze swoim synem. W chwili, gdy poczujesz, że jest gotowy zostać twoim następcą, tak jak ja czuję teraz. To chwila, gdy ty będziesz musiał ustąpić i odejść i przekazać mu obowiązki, opowiadając mu to, co powiedziałem ci ja...'

Obraz zaczął tonąć we mgle. Rusałka spojrzała na Dziadka Mroza. Jego oczy były pełne łez.

* * *

Trzeci sen, który odwiedzili, był miejscem wcześniej Dziadkowi Mrozowi nieznanym. A przecież znał on prawie wszystkie domy na świecie, przynajmniej wszystkie domy, w których kiedykolwiek mieszkały dzieci, które pisały do niego listy. Ale ten ogromny dom był zupełnie nowym miejscem, którego nigdy wcześniej nie widział. Oprócz tego, miejsce to wywołało u niego ciarki na plecach. Przebywało tu jakieś zło, coś nieczystego. Spojrzał na Rusałkę i natychmiast pojął, że ona poczuła to samo.

Rusałka wyszeptała ze strachem: „Czuję coś, myślę, że to teraźniejszość. Jeśli nie coś, co dzieje się dokładnie w tej chwili, to zdarzy się wkrótce. Jestem tego prawie pewna."

Dziadek Mróz stanął wyprostowany i się zachmurzył. „Nie wiem czym jest to zło, które się tutaj zbiera, ale lepiej niech uważa. Dziadek Mróz potrafi rozprawić się z różnymi łobuzami, nawet tymi najgorszymi."

W chwili gdy to powiedział, do dużego pomieszczenia (czegoś w rodzaju wielkiego salonu, wypełnionego książkami i obrazami) wszedł jakiś młody człowiek, w podobnym do Wiktora wieku. Młody człowiek chodził dookoła, z pewnością na kogoś czekając.

Zaraz potem wszedł starszy człowiek, ubrany w szary garnitur, szczupły, z przenikliwym spojrzeniem. Młody człowiek był do niego podobny, najwyraźniej był jego synem. Dziadek Mróz zorientował się, że mogą to być tylko Lord Rich i George, o których pisał Wiktor w swoim liście.

„Czy widziałeś się dziś z młodym Mrozem?" spytał ten starszy.

„Nie, nie widziałem" niecierpliwie odpowiedział George. „Czy przypadkiem nie mówiłeś, żebym na niego za bardzo nie naciskał, żeby niczego nie zaczął podejrzewać? Chociaż, tato, ja zupełnie szczerze myślę, że to wszystko to jeden wielki wymysł. Wciąż jeszcze nie mogę uwierzyć, że gdzieś tam istnieje miasteczko, w którym mieszka Dziadek Mróz."

„Jesteś głupkiem i dlatego tak myślisz", krzyknął lord do swojego syna.

Dziadek mróz się rozgniewał. Wiadomo przecież, że żaden dobry rodzic nigdy by się nie odniósł tak do swojego dziecka. Lord musiał z pewnością być złym człowiekiem.

„To miasteczko istnieje i dzieją się w nim rzeczy magiczne. Chcę, żeby ta magia należała do mnie. Żebym mógł wykorzystywać ją do swoich celów. Żebym miał władzę nad dziećmi i ludźmi, a w ten sposób – żebym miał władzę nad całym światem. I nie uspokoję się, dopóki nie dowiem się, gdzie to miasteczko się znajduje i na czym polega jego sekret. Do tego potrzebuję ciebie, żebyś wyciągnął wszystko od tego małego półgłówka."

„Dobrze, niech będzie", zdawkowo odpowiedział George. „Spróbuję. Ale nie obiecuję, że cokolwiek mi powie."

Lord Rich jakby pozieleniał ze złości. „Jeśli chcesz żyć wygodnie i wydawać moje pieniądze, jak było dotychczas, to lepiej się postaraj dowiedzieć. W innym wypadku wydziedziczę cię."

Ta wiadomość trochę wstrząsnęła młodym George'em. „Ale tato, co jeśli zacznie coś podejrzewać? Co wtedy?"

„Jaki ty jesteś głupi. Coś nieprawdopodobnego!" zdenerwował się Lord Rich. „Przyprowadź go do mnie pod pretekstem rozmowy o interesach. To go powinno zwabić. Później to już ja się będę martwić jak wyciągnąć od niego potrzebne mi informacje. Hah! Zresztą, jeśli

zaproponuję mu współpracę, to młody połknie haczyk i zrobi wszystko co zechcę. A jeśli się nie uda, to nic się nie bój, mam też plan B.

* * *

Gdy Lord mówił, George tylko milczał i patrzył na niego. Jakoś dziwnie się czuł z tym, że ojciec go obraził, a potem nawet wspomniał, że zaproponuje Wiktorowi współpracę.

A George, George był tak zazdrosny o Wiktora. Był lepszym studentem, świetnym sportowcem, miał wspaniałą rodzinę...A co gorsza skradł serce Miny Jones, w której George był tak bardzo zakochany. Tak wyszło, że George spojrzał w komputer Wiktora, gdy ten był w łazience. George chciał tylko zrobić koledze na złość, chciał skłócić go z Miną... gdy nagle natrafił na wiadomości, które Wiktor wymieniał ze swoją siostrą Śnieżynką. Wiadomości o niezwykłych rzeczach! George nie wszystko dobrze z nich rozumiał, ale zorientował się, że rozmawiają o pewnym czarodziejskim mieście. Mieście Dziadka Mroza.

Ponieważ George już od małego wiedział o obsesji swojego ojca, i choć nie do końca w to wszystko wierzył, natychmiast poszedł i powiedział mu o swoim odkryciu. I tak się to wszystko zaczęło. Tak więc George zaczął całą tę sprawę tylko dlatego, że był tak bardzo zazdrosny o Wiktora.

* * *

Dziadek Mróz i Rusałka znów znaleźli się w gęstej mgle. Dziadek Mróz był wściekły!

„Wróćmy tam natychmiast!" powiedział Rusałce. „Muszę się rozprawić z tymi łobuzami."

„Powoli" odpowiedziała Rusałka. Nie jesteśmy gotowi. Wciąż jeszcze nie wiesz czego twoje serce pragnie najbardziej, czyż nie?"

Dziadek Mróz się zamyślił. „Muszę ich powstrzymać. A jeśli w międzyczasie coś się wydarzy?"

Rusałka uśmiechnęła się. „Jesteśmy w świecie snów, Dziadku Mrozie. Tutaj czas płynie inaczej. Tobie wydaje się, że tkwimy tu już godzinami, ale muszę ci powiedzieć, że nie minęło nawet dziesięć minut. Uspokój się, zostało nam jeszcze trochę drogi, a potem wrócimy. Obiecuję."

Gdy tylko to powiedziała, mgła nagle zniknęła. Dziadek Mróz i Rusałka byli pośrodku fabryki z zabawkami. Ale to nie była ta sama fabryka!

* * *

Maszyny pracowały pełną parą. Ale nie te maszyny, które produkowały piękne, bajkowe i jedyne w swoim rodzaju zabawki z dziecięcych marzeń. To były straszne i wielkie maszyny produkujące coś zupełnie innego!

W każdej z maszyn stało po jednej ogromnej kryształowej kuli. Były zupełnie jak te kryształowe kule z bajek, w których czarodzieje widzieli przyszłość, jednak służyły do czegoś zupełnie innego. Łapały momenty z teraźniejszości – łowiły ludzi ze wszystkich stron świata, którzy mówili piękne kłamstwa. A żebyście tylko wiedzieli ile tych kłamstw mówili dziennie! Tysiące! Każda maszyna łowiąc to piękne kłamstwo w oka mgnieniu wypluwała ogromną zabawkę. Zabawka wchodziła do innej maszyny, z której potem wychodziły tysiące identycznych zabawek, podczas gdy pierwsza już polowała na kolejne piękne kłamstwa.

A krasnoludki? Bardzo biedne krasnoludki ze Śniegogrodu pakowały tysiące zabawek, które wychodziły z maszyn. Bez odpoczynku, bez przerwy.

„Co to ma być?" niemo spytał Dziadek Mróz spoglądając na Rusałkę. Rusałka spojrzała smutno, a jej fiołkowe oczy zmieniły barwę. Teraz były całkiem ciemne, jak najgłębsze podwodne jaskinie na dnie oceanu.

W tej chwili do fabryki wszedł George, ale to nie był ten sam chłopiec, co wcześniej. Jego wygląd całkowicie się zmienił, a wzrok jego był równie złowrogi co jego ojca.

Zło jest jak wirus, pomyślał sobie Dziadek Mróz. Gdy raz się zarazisz, choroba będzie się rozprzestrzeniać coraz szerzej i szerzej, aż w końcu pochłonie całe twoje serce. Rusałka popatrzyła na niego i kiwnęła głową. Już nie było potrzeby nic mówić. W świecie snów czytanie w myślach było czymś zupełnie normalnym.

A wtedy za George'em do fabryki wszedł Wiktor. Zmarszczony jak jakiś sługa, przygarbiony i chudy, z zapadniętymi oczami i bladą twarzą. Biegał za George'em wte i wewte, nie wiedząc jak się zachować. Gdy przechodził obok krasnali, Dziadek Mróz zobaczył pogardę w ich oczach i nagle poczuł jakby igła ukłuła go w serce.

To nie jest mój syn! Zagrzmiał w myślach Dziadek Mróz. To jakiś zdrajca, o którym nic nie chcę wiedzieć!

Powoli i cicho popatrzyła na niego Rusałka. To jedna z możliwych wersji przyszłości. Ale wciąż jeszcze mamy czas, aby temu zapobiec. Z pewnością możemy temu zapobiec! Rusałka nie miała wątpliwości.

Nawet jak się uda zapobiec i tak się go wyprę! wciąż jeszcze nie mógł uspokoić się Dziadek Mróz.

Ale Rusałka w milczeniu złapała go za rękę i włożyła ją między swoje dłonie. Obdarzyła go ciemnym głębokim spojrzeniem – i nagle Dziadek Mróz zauważył, że jej oczy znów nabrały tej pięknej fiołkowej barwy. A mgła wokół nich zgęstniała nieprawdopodobnie.

* * *

Pokój Wiktora w domu Mrozów zawsze wypełniony był po brzegi rozmaitymi przedmiotami – zabawkami, pięknymi starymi książkami, które skrywały nieznane historie, zdjęciami i plakatami, globusami i starymi mapami świata. Wiktor od małego lubił na nie patrzeć i słuchać bajek o dalekich miejscach, rozprawiać o postaciach z tych bajek, a nawet wymyślać własne historie.

Rusałka i Dziadek Mróz znaleźli się właśnie tam, w tym pokoju pełnej bajek i snów. W łóżku leżał mały Wiktor, dziecko w wieku trzech-czterech lat. Przy łóżku siedział Dziadek Mróz – młody Mikołaj, i coś mu opowiadał...

„I tak, zadaniem Dziadka Mroza jest uszczęśliwianie dzieci z całego świata i spełnianie co roku jednego życzenia", powiedział Mikołaj.

„A, a tato, a nie tylko dobrych dzieci?" spytał mały Wiktor.

„Nie synku, wszystkich dzieci. Złe dzieci nie istnieją."

„Nie" zdziwił się Wiktor.

„Nie, istnieją tylko dzieci nieszczęśliwe, czasem przez to mogą wydawać się złe. I być może przez to staną się kiedyś złymi ludźmi, ale dzieci nigdy nie mogą być złe. Dlatego musimy spełniać wszystkie życzenia, wszystkich dzieci. Pewnego dnia to zadanie będzie należeć do ciebie."

„Do mnie?"

„Tak, synku, pewnego dnia... ale o tym porozmawiamy jak będziesz wystarczająco duży. A teraz pora spać."

„Niee tato, jeszcze nie!" oburzył się Wiktor. „Proszę, opowiedz mi o Piotrusiu Panu."

„Znów o Piotrusiu Panu, he?" uśmiechnął się Mikołaj.

„Tak, proooszę. Ja kiedyś będę jak Piotruś Pan, wiesz?" krzyknął Wiktor.

„Haha, tak mówisz? Dobrze, w takim razie... To znaczy... dawno, dawno temu, w Londynie, w pobliżu ogrodów Kensington, mieszkał mały chłopiec o imieniu Piotruś..."

* * *

I znów wokół nich pojawiła się mgła.

„Znów się przemieszczamy", powiedziała Rusałka.

Dziadek Mróz był bardzo poruszony i milczał. Bardzo go rozczulił, a nawet zasmucił ostatni sen. Całkiem zapomniał tę chwilę...

Kiedy wyłonili się z mgły, znaleźli się w jeszcze jednym pokoju dziecięcym. Wielkim, chłodnym , wypełnionym po brzegi bardzo drogimi zabawkami. I znów mieli to samo uczucie – że coś podłego i złego unosi się w powietrzu.

„Jesteśmy z powrotem w tym domu!" powiedział trzęsącym się głosem Dziadek Mróz.

„Tak..." odpowiedziała cicho Rusałka, jakby już o tym wiedziała.

Przed nimi, na stoliku pośrodku pokoju, siedział mały chłopiec i coś pisał. George – pomyślał Dziadek Mróz.

George skończył pisać i przechylił głowę w jedną stronę, jakby chciał ocenić to, co napisał. Potem zaczął cicho czytać:

Drogi Dziadku Mrozie

Nazywam się George Rich. To pierwszy list, który do ciebie piszę. Wiesz, mój tato mi nie pozwala, mówi, że to głupie. Mówi, że sam mi kupi, co tylko zechcę.

Ale ja nie chcę żadnych zabawek i ubrań, mam ich dużo. Piszę do ciebie, dlatego że mam tylko jedno życzenie: żeby tato był częściej w domu i żeby spędzał ze mną więcej czasu. Żeby był dla mnie dobry i żeby od czasu do czasu mnie przytulił i pocałował. Chciałbym, żeby mama wróciła, ale tato mówi, że ona jest w niebie i nie może stamtąd wrócić. Dlatego proszę, żebyś spełnił moje życzenie, żebym częściej widywał tatę. Tyle.

George Rich

Gdy skończył czytać, George był bardzo z siebie zadowolony. Złożył kartkę na pół i włożył list do koperty. Dziadek Mróz smutno popatrzył na Rusałkę.

„Nigdy nie dostałem takiego listu" powiedział. „Wiesz, że nie ma listu, którego bym nie pamiętał."

Wtedy Rusałka wskazała mu wzrokiem drzwi od pokoju. Wszedł przez nie pewien mężczyzna i surowo spojrzał na George'a.

„Paniczu, co panicz robi?" zapytał mężczyzna.

„Yyy, eee” zmieszał się odrobinę George. „Pisałem pewien list. Do Dziadka Mroza. Wiesz, Charlesie, zbliża się Wigilia, więc pomyślałem...”

„Wie panicz, co myśli o tym ojciec, czyż nie?” surowo powiedział lokaj.

„No, tak, wiem”, ze smutkiem wymamrotał George.

„Proszę dać mi ten list, młodzieńcze!” lokaj był nieugięty. „Ja się nim zajmę.”

George niechętnie oddał list i spuścił wzrok. Lokaj odwrócił się i wyszedł bez słowa, a chłopiec zaczął cicho pochlipywać. W pokoju dziecięcym pojawiła się niestrudzona mgła i świat wokół nich zaczął blednąć.

* * *

„Dość!” powiedział Dziadek Mróz. „Wracajmy stąd, wiem czego moje serce pragnie najbardziej. Wiedziałem cały ten czas, ale nie byłem tego świadomy.

Rusałka delikatnie się uśmiechnęła i utonęła we mgle.

Rozdział XIII
Pewnego razu była sobie dziewczynka

...w czerwonej czapeczce i czerwonej pelerynce. Jej ulubioną zabawą było spacerowanie po lesie i słuchanie ćwierkania ptaków oraz rozmawianie ze zwierzętami, które w tym lesie mieszkały...” cicho mówił Bajarz.

A Wiktor zauważył, że mgła wypełniła już cały pokój. I nagle dało się usłyszeć głosy, które nie należały do nikogo obecnego w pomieszczeniu.

„Ej, nie bój się, nie ma tu niczego strasznego” powiedziała jakaś mała dziewczynka.

„Czekaj, czekaj, nie poganiaj mnie”, odpowiedział głęboki i szorstki głos.

I z mgły wyłonili się – wierzcie lub nie – Czerwony Kapturek... i wilk! Wilk zasłonił oczy łapami i cały jakby trząsł się ze strachu. Czerwony Kapturek prowadził go pod rękę i patrzył z politowaniem.

„No dalej, otwórz oczy” powiedział Czerwony Kapturek do wilka. „Zobaczysz, że nie ma czego się bać. No, dawaj...”

Wilk powoli wyjrzał przez łapy nagle znów zasłonił oczy.

„Boję się” powiedział. „Jesteśmy poza lasem, w jakimś dużym mieście. Nie chcę tu być. I kim są ci tutaj? Nie znam ich. Może to jacyś źli ludzie. Może mnie zabiją!”

„Nie, nie są źli”, Czerwony Kapturek odwróciła się w stronę pozostałych i zaczęła im wyjaśniać. „Wilk, wiecie, w ostatnim czasie nie wychodzi z gęstego lasu. Boi się tych złych ludzi, którzy polują na wilki dla zabawy i zabijają, żeby mieć trofeum.”

Pączuś zdziwiony zapytał: „A ty, Czerwony Kapturku, jesteś koleżanką wilka? Nie boisz się, że cię zje?”

Na to Czerwony Kapturek zaczął się śmiać serdecznie: „Nie wierzcie we wszystko, co przeczytacie w bajkach. To nowoczesny wilk. Najbardziej lubi jeść pizzę.”

„Ja też!” obwieścił Śpioszek. „Ja też bardzo lubię pizzę!” na co Gburek wysłał mu karcące spojrzenie, przez które chciał powiedzieć: Milcz i nie przerywaj!

A wilk wciąż stał łapami zasłaniając oczy i cały się trząsł ze strachu. Bajarz się śmiał, a Wiktor patrzył i nie mógł uwierzyć, że widzi przed sobą ożywione postaci z bajek.

Czerwony Kapturek odwrócił się w stronę wilka i powiedział: „Wilku, nie bój się. Wszystkich tutaj znasz. Popatrz, przecież to Bajarz.”

Wilk spojrzał na Bajarza i odrobinę się ośmielił, więc zdjął łapy z oczu, ale wciąż stał w kącie.

„Cześć, Wilku”, powiedział do niego Bajarz. „Witamy.”

„Cześć”, wymamrotał Wilk i odwrócił się do Czerwonego Kapturka: „Reszty nie znam. Lepiej stąd chodźmy.”

„Jak to nie znasz, przyjrzyj się uważniej. To są Gburek, Pączuś i Śpioszek, krasnoludki – pomocnicy Dziadka Mroza.”

Wilk wyciągnął skądś okulary, założył na nos (pysk) i zaczął dokładnie oglądać: najpierw Gburka, potem Pączusia, potem Śpioszka. „Tak, znam ich”, powiedział wilk z ulgą, jakby spadł mu kamień z serca.

Ale potem spojrzał na Wiktora. „A ten to kto? Jego na pewno nie znam!” obwieścił wilk.

„Znasz, znasz”, odpowiedział Czerwony Kapturek. „To mały Wiktor Mróz. Tylko trochę starszy.”

Wilk przez okulary spojrzał na twarz Wiktora. Długo się przypatrywał, a potem stanowczo rzekł: „Nie, to nie jest Wiktor, mylisz się”.

„Jak to nie. Przyjrzyj się lepiej, po prostu urósł, mówię ci”, przekonywał Czerwony Kapturek.

Wilk podszedł bliżej i spojrzał Wiktorowi w oczy.

„Niemożliwe”, zwrócił się Wilk w stronę Czerwonego Kapturka. „Podejdź to zobaczysz. No, zajrzyj mu dobrze w oczy. Widzisz?”

„A co niby mam widzieć?” zapytał Czerwony Kapturek.

„No bo jeśli to jest Wiktor, to gdzie się podział błysk w jego oczach? On nie znika tak po prostu kiedy dorastasz. Czyż nie? A wszyscy wiemy, że błysk w oczach odzwierciedla serce pełne marzeń i nadziei... Serce, które pragnie odkrywać nowe i piękne rzeczy, rzucać się w wir przygód... Gdzie jest ten błysk?"

„Och, nie ma..." smutno wyszeptał Czerwony Kapturek. „Zniknął! Ale to jest Wiktor, jestem tego pewna. Czyż nie, drogie dzieci? Czyż nie jest tak, krasnoludki?"

„Zdecydowanie Wiktor", włączył się w rozmowę Śpioszek. „I my możemy za niego poświadczyć."

„Hmm..." powątpiewał wilk. „Czekaj, niech go powącham." I zaczął niuchać, to od jednej, to od drugiej strony. „Nie ma szans." podsumował wilk. „On nie pachnie jak Wiktor."

W tym momencie Wiktor już się zezłościł. „Jak to nie jestem Wiktor – jestem! I niby jak kto pachnę, jeśli nie jak ja?"

„Po pierwsze, nie pachniesz Śniegogrodem. Północ nie płynie w twoich żyłach. A wszyscy, którzy mieszkają w Śniegogrodzie pachną północą" powiedział mu złośliwie wilk. „Ani też nie pachniesz tak, jak pachniał Wiktor, którego znam ja, mhm."

„Yyy... jak to?" spytał Wiktor.

„Po zapachu Wiktora można było poznać, że wierzy", oznajmił wilk. „I za to go kochaliśmy."

„Że w co wierzę?" spytał Wiktor.

„W nas", odpowiedział wilk, „W bajki. Ty w nas już nie wierzysz. Prawdziwy Wiktor w nas wierzy, bo jest synem Dziadka Mroza. A ty nie jesteś!" wydał ostateczny wyrok wilk. „To jakiś oszukany Wiktor." powiedział krasnoludkom.

„Wierz mi", odezwał się Gburek. „To jest Wiktor. Tylko trochę nieswój. Wiesz, on od jakiegoś czasu już nie mieszka w Śniegogrodzie."

„Czyżby..." wilk z powątpiewaniem patrzył na Wiktora, a potem odwrócił się do Czerwonego Kapturka. „Dobra, to ostatnia próba, ok?"

„Dobrze", odpowiedział Czerwony Kapturek.

I w tej chwili wilk podszedł do Wiktora, przyłożył wielką siwą głowę do jego piersi, nasłuchując jego serca. Wiktor trochę się wystraszył, zwłaszcza przez to, że wilk miał ogromne i straszne zęby.

Wilk kilka razy przesunął głowę w prawo i w lewo, a następnie wyprostował się i ze strachem spojrzał na Czerwonego Kapturka.

„Bardzo źle." powiedział. „Posłuchaj." I zanim Wiktor zdążył zaprotestować, Czerwony Kapturek już przyłożył głowę do jego piersi.

„Oj... to straszne.”

„O co chodzi? Co jest ze mną nie tak?” zapytał także wystraszony Wiktor.

„No naprawdę, powiedzcie już w czym jest problem”, powiedział Pączuś.

„Słuchajcie, on nie ma serca! Jego serce nie jest na właściwym miejscu! Więc jednocześnie jest i nie jest Wiktorem” podsumował z troską wilk.

„Jednocześnie jest i nie jest?” zdziwił się Pączuś i natychmiast podszedł, żeby sprawdzić, czy faktycznie jest tam serce Wiktora, czy nie. Wiktor próbował protestować, ale bez skutku. Za Pączusiem także Śpioszek zaczął nasłuchiwać jego serca.

„Jest, ale też nie jest”, objaśniał wilk. „O, na przykład, przed chwilą kiedy się bałem, nie do końca byłem sobą. Serce ze strachu mi uciekło w pięty i stałem przed wami jak jakiś zając, a nie wilk, tak?”

„Właśnie tak” zgodził się Śpioszek i ziewnął.

„No więc tak samo Wiktor... nie jest Wiktorem. I nie będzie dopóki jego serce nie wróci na właściwe miejsce. A kiedy jego serce wróci...”

„Zacznie pachnieć jak on, i z pewnością wróci mu błysk w oku”, dodał Czerwony Kapturek.

„Niczego nie rozumiem”, odezwał się Wiktor. „Dlaczego mi to mówicie?”

Ale mimo że się buntował, głęboko w środku wiedział, że mają rację. Że zgubił cały entuzjazm, który miał jako dziecko. Wszystkie marzenia, wszystkie sny zniknęły gdzieś... kto wie gdzie. Oprócz tego, kiedy sobie pomyślał, zrozumiał, że naprawdę nie czuje się już częścią Śniegogrodu. To zaniepokoiło go jeszcze bardziej.

„Ale jeśli naprawdę tak jest...” zaczął się jąkać Wiktor...

„Oczywiście, że tak jest!” surowo odpowiedział wilk. „Diagnoza została postawiona! Serce jest nie tam gdzie trzeba. Kropka.”

„Kropka”, smutno westchnął Czerwony Kapturek.

„Ale czy mogę o coś spytać, panie doktorze?” odrobinę złośliwie zwrócił się do wilka Gburek. „Skoro jego serce nie jest na miejscu, to co zrobić, żeby tam wróciło?”

„Uf”, powiedział wilk.

„Och”, westchnął Czerwony Kapturek

„Ach”, krzyknęli Pączuś i Śpioszek.

„Przestańcie wszyscy wzdychać, tylko powiedzcie chłopakowi” krzyknął do nich zezłoszczony Gburek kiedy Wiktor patrzył z wytrzeszczonymi oczami.

„Myślę, że nie jestem wystarczającym ekspertem, żeby znać odpowiednie lekarstwo" z żalem powiedział wilk. „Ale możemy pójść spytać babcię – czyli babcię Czerwonego Kapturka, ona na pewno będzie znać!"

„A ja myślałem, że ty pożarłeś babcię!" powiedział uszczypliwie Pączuś.

Wilk się zdenerwował i zawył, a Pączuś i Śpioszek zaczęli chichotać.

Bajarz surowo ich upomniał: „Przestańcie natychmiast! Znajdziemy lekarstwo. Wilku, Kapturku, chodźcie do nas. Musimy jeszcze poczekać na kilkoro waszych i naszych przyjaciół."

I podczas gdy wilk i Czerwony Kapturek szukali miejsca, gdzie mogliby usiąść w małym studenckim pokoju, Bajarz kontynuował opowieść, a czarodziejska mgła znów wypełniła pomieszczenie. Co teraz nastąpi – pomyślał Wiktor.

„Pewnego razu, dawno dawno temu, za siedmioma morzami i siedmioma górami, w pewnym odległym królestwie..."

* * *

Księżniczka była piękna, jak każda księżniczka z bajek. Ubrana w przepiękną suknię i z malutką koroną na głowie. Książę był … bardzo grzeczny i oczywiście odważny. We dwoje stali na środku małego pokoju i patrzyli na Wiktora.

Książę jako pierwszy przemówił do Wiktora. „Znamy się od dawna, czyż nie?" Ale Wiktor nie wiedział kim jest książę i tylko rozglądał się po bokach, jakby czegoś tam szukał. W rzeczywistości było mu bardzo wstyd.

„Nie pamiętasz mnie?" zdziwił się książę. „Jestem Carewicz Iwan, bez żar-ptaka."

„Carewicz Iwan. Moja ulubiona postać z bajek", przypomniał sobie Wiktor. „Ale dlaczego bez żar-ptaka?"

„Jeśli pamiętasz bajkę, to wiesz, że długo poszukiwałem magicznego żar-ptaka. Ptaka z wielką mocą, którego nikt nigdy nie złapał. I myślałem, że wszystko w moim życiu zależy od tego, czy go odnajdę. Myślałem, że bez jego czarodziejskich mocy niczego mi się nie uda osiągnąć."

„No i?" zapytał Wiktor.

„I gdy w końcu go znalazłem, wypuściłem go na wolność", powiedział Carewicz Iwan.

„Dlaczego" zdziwił się Wiktor. „Przekonałeś się, że nie jest magiczny?"

„Nie zadawaj głupich pytań. Oczywiście, że był magiczny, to koniec końców żar-ptak.” odpowiedział niecierpliwie Carewicz Iwan.

„To czemu w takim razie go wypuściłeś?” nie mógł zrozumieć Wiktor

„Bo zrozumiałem, że nie był tym, czego szukam”

„Nie był?” spytał zdziwiony Wiktor.

„Nie był?” zapytali w tej samej chwili Pączuś i Śpioszek, a Gburek skarcił ich spojrzeniem.

„Nie był!” powiedział Carewicz Iwan.

„Ale dlaczego, jak?” wciąż dziwił się Wiktor.

„Dlatego, że przez cały ten czas szukałem czegoś innego. Czegoś, co cały czas było tuż obok, a ja nie dostrzegałem, że już to mam”, odpowiedział Iwan i się uśmiechnął, spoglądając na piękną księżniczkę.

„Jak możesz szukać czegoś i nie wiedzieć, że już to masz?” protestował Wiktor, ale już wiedział, że książę chce mu coś pokazać.

„Ponieważ najczęściej jest tak, że w życiu sprawy wyglądają inaczej niż w bajce, mój miły Wiktorze.” powiedział Carewicz. „I to, czego twoje serce pragnie najbardziej, może być gdzieś ukryte. Blask drogocennych i nieosiągalnych rzeczy każe ci myśleć, że właśnie ich potrzebujesz. Dlatego musisz od czasu do czasu zatrzymać się i posłuchać głosu swego serca. Ale naprawdę się w niego wsłuchać... i wtedy będziesz wiedział czy idziesz właściwą drogą.”

„Pffff” odezwał się wilk. „Jego serce jest w niewłaściwym miejscu, nie ma czego posłuchać.”

„Starczy, wilku” powiedział Bajarz. „Niech każdy się wypowie, a potem będziemy dyskutować.”

„Ja powiedziałem już wszystko”, powiedział Carewicz. „Teraz kolej na księżniczkę z ziarnkiem grochu.”

Wiktor obrócił się w stronę księżniczki, która stała tam w całym swym pięknie i delikatnie się uśmiechała. „A dlaczego z ziarnkiem grochu?” spytał Wiktor. „Czy w bajce nie spałaś NA ziarnku grochu, tak, że wszyscy widzieli, że jesteś prawdziwą księżniczką.”

Księżniczka się zaśmiała dźwięcznym głosem. „Spałam na nim, tak. Wtedy wszyscy mogli zobaczyć, że jedno ziarnko grochu było w stanie zrobić mi siniaka przez tak cieniutki materac. W ten sposób udowodnione zostało, że jestem prawdziwą księżniczką. Gdy to się stało, połknęłam ziarno grochu i już nigdy się z nim nie rozstałam.” powiedziała księżniczka wyciągając małe srebrne puzderko. „Jest tutaj, w pudełeczku. I zawsze mam je przy sobie.”

„Dlaczego?” dziwił się Wiktor.

„Żeby przypominało mi, że nawet te małe rzeczy są w życiu ważne. Że czasami jakaś mały, pozornie nieistotny drobiazg, może całkowicie odmienić twoje życie – i na lepsze, i na gorsze. Od tej chwili zwracam uwagę na rzeczy najmniejsze, i poświęcam im uwagę. I staram się doceniać wszystko, jak bardzo nie byłoby zwyczajne.” Księżniczka na to się uśmiechnęła, a książę spojrzał na nią z aprobata.

A Wiktor, Wiktor patrzył w podłogę i było mu za bardzo wstyd, żeby mógł podnieść wzrok.

* * *

Trzeci i ostatni raz kiedy Bajarz otworzył bramy do świata bajek, mgła lśniła pięknym, wręcz magicznym blaskiem. Jakby składały się na nią tysiące maleńkich gwiazdek. A wkrótce z mgły zaczęły dobiegać głosy...

„Szybciej, no szybciej... nie wlecz się”, zadzwonił piękny żeński głosik, jakby w jednej chwili zabrzęczało mnóstwo małych srebrnych dzwoneczków.

„Nie wlekę się, patrzę tylko, czy nikt nas nie śledzi”, powiedział głos, który brzmiał, jakby należał do jakiegoś młodzieńca. „Musimy być ostrożni, bardzo ostrożni...”

I gdy mgła się rozproszyła, Wiktor natychmiast rozpoznał kim są nowi goście. Jego ulubiona postać z bajek – Piotruś Pan i malutka wróżka Dzwoneczek.

„Piotruś Pan!” nie mógł ukryć entuzjazmu Wiktor. Jakby na nowo obudził się w nim ten mały chłopiec, który wierzył w bajki i nie chciał nigdy dorosnąć.

Piotruś Pan spojrzał na niego i się uśmiechnął. „Hej Wiktor, przybij piątkę!”

Wiktor natychmiast przybił z nim piątkę. Nagle, zamiast z Piotrusiem, Wiktor zbijał piątki z jego cieniem. Piotruś stał tylko z rękami na biodrach i skręcał się ze śmiechu.

Dzwoneczek się zdenerwował i powiedział: „Piotrusiu, nie rób sobie z niego żartów, jeszcze tylko tego mu brakuje!”

A Wiktor był tak podekscytowany, że zupełnie się nie obraził. Jak zaczarowany patrzył na cień Piotrusia, który znów stał się tylko „zwykłym” cieniem... i nie robił niczego, czego nie robi każdy cień.

„Cień się ciebie słucha?” zapytał ze zdziwieniem Wiktor, nie wiedząc jak inaczej zagaić rozmowę ze swoim bohaterem z dzieciństwa. „Już nie ucieka?”

„Nie ucieka”, spokojnie odpowiedział Piotruś. „Postanowiłem pozwolić mu, żeby robił co chce, żeby zobaczyć, czy może. Szlajał się wte

i wewte, widział trochę świata, zrobił wszystko co powinien był i czego nie powinien był a na koniec do mnie wrócił. I teraz jest tutaj ze mną cały czas. Wiesz, że co jest częścią ciebie nigdy nie może odejść za daleko."

I wtedy Piotruś zaczął śmiać się głośno. „Dużo filozofuję, co?" Wiktoooorze, co ci jest, przyjacielu, mów? Zrozumieliśmy, że twoje serce dało nogę. Tak jak mój cień, nie słucha, tak?" jeszcze bardziej się śmiał.

Wiktor tylko patrzył zawstydzony i milczał. Dobrą lekcję dostał od Piotrusia Pana, nie ma co.

„Jego serce nie mogło pójść daleko", powiedział Carewicz Iwan.

„Musimy spróbować je znaleźć", dodał Czerwony Kapturek.

„Pff, nie jestem taki pewien", wtrącił się wilk.

Pączuś i Śpioszek śmiali się. Gburek był zmęczony tym wszystkim i nie zwracał już uwagi na rozmowę. Ale wtedy przemówił Bajarz i wszyscy zamilkli.

„Piotrusiu, Dzwoneczku", powiedział Bajarz. „Czy wiecie może jak wyleczyć Wiktora? Co zrobić, żeby jego serce wróciło na swoje miejsce?"

„Wiemy", powiedział Piotruś. „Po to przyszliśmy. Myślę zresztą, że nie będzie to takie trudne. Zauważyłem, że nasz stary Wiktor już jakby powoli wracał do siebie." Piotruś roześmiał się na to i puścił oko do Wiktora.

„Co mam zrobić?" spytał Wiktor. W tej chwili naprawdę chciał coś zrobić, coś co pomoże mu poczuć się lepiej.

„Musisz znów zacząć wierzyć", zadzwonił Dzwoneczek miłym głosikiem. „Wierzyć w nas – bajki. Wierzyć w Śniegogród, w Dziadka Mroza, we wszystkie czarodziejskie rzeczy... i wierzyć w siebie! Najbardziej w siebie! Wierzyć, że znów możesz być tym wesołym i szczęśliwym chłopcem, którym byłeś dawniej!"

„Wierzę", cicho wykrztusił Wiktor.

„Jeśli wierzysz, to czy wiesz, co powinieneś teraz zrobić?" zapytał Dzwoneczek.

„Powiedz mi", odpowiedział Wiktor. „Pomóż mi..."

„Przypomnij sobie bajkę o mnie i o Piotrusiu Panu... przypomnij sobie jak ja się wyleczyłam, kiedy otruł mnie zły Kapitan Hak. Wtedy, gdy zjadłam zatrute ciastko, żeby ocalić Piotrusia... Co mnie wtedy uratowało, pamiętasz?"

„Klaskanie", odpowiedział nagle Wiktor. „Wszystkie dzieci na świecie, które wierzą we wróżki zaczęły klaskać w dłonie i wyzdrowiałaś od ich wiary."

„I to jest właśnie lekarstwo dla ciebie”, powiedział Dzwoneczek. „Klaszcz, Wiktorze, klaszcz w dłonie, żeby pokazać nam, że wierzysz. Klaszcz, żeby wyzdrowieć. Klaszczcie wszyscy, krasnoludki, przyjaciele, dzieci...”

I Wiktor zaczął klaskać. I razem z nim klaskali i Gburek, i Pączuś i Śpioszek... I Carewicz Iwan z Księżniczką z ziarnkiem grochu i Czerwony Kapturek z wilkiem.... I Bajarz, i Piotruś Pan... I gdy klaskali, Wiktorowi zaczęły płynąć z oczu łzy. Jakby jakaś ciemna zasłona spadła mu z oczu i się zasmucił... zasmucił się, ponieważ zrozumiał jak bardzo był głupi i samolubny i ile krzywd wyrządził wszystkim. I płakał, i klaskał, i klaskał i płakał, dopóki nie poczuł, że zło go opuszcza.

„Czuję się, jakbym obudził się ze złego snu”, powiedział Wiktor do wszystkich. „Nie do końca wiem, co sobie myślałem i dlaczego zrobiłem to co zrobiłem.”

„Dlatego, że wszyscy w życiu popełniamy błędy”, odezwał się Bajarz. „Zwłaszcza, kiedy jesteśmy młodzi. I dlatego ważne, żebyśmy mieli przyjaciół, którzy zawsze będą przy nas”, Bajarz uśmiechnął się i spojrzał z dumą w stronę krasnoludków.

„Ups, czekaj!” krzyknął wilk. „Sprawdźmy, czy serce wróciło na swoje miejsce.”

I wszyscy, jeden po drugim, sprawdzali – wąchali Wiktora, zaglądali mu w oczy, słuchali jego serca... Na koniec jednomyślnie orzekli, że lek zadziałał i że serce jest z powrotem na swoim miejscu. Wszyscy byli szczęśliwi i głośno się śmiali, ale Wiktor wciąż był smutny. Było mu bardzo ciężko i nie mógł sobie wybaczyć, że narobił tyle głupstw.

„Co mogę zrobić?” zapytał Wiktor Bajarza. „Czy powinienem zadzwonić do taty?”

„Hu-hu” wybrzmiał dobrze znany głos sowy. Wiktor już zdążył całkiem o niej zapomnieć. I spojrzał w stronę biurka oczekując, że zobaczy to nudne, brązowe ptaszysko... ale gdy się odwrócił stanął twarzą w twarz z najstarszą postacią, jaką znał, „straszydłem” z jego szkolnych czasów w Śniegogrodzie...

Rozdział XIV
Błysk

… z ogromną prędkością pędził z powrotem w stronę dalekiej północy. Śnieżynka nie miała czasu do stracenia. Wiktor nie chciał słuchać, ale to

był najmniejszy problem. Większym problemem byli George i Lord Rich. Kto może wiedzieć, co knują w tym momencie?!

Błysk był czarodziejskim reniferem. I gdy śnieżnym sowom potrzeba było dwóch-trzech godzin na dotarcie do Londynu, to Błysk w zaledwie pół godziny potrafił wrócić do Śniegogrodu. Ale Śnieżynka bała się, że i to jest za długo, zwłaszcza, że tym razem musiała poszukać pomocy u najbardziej tajemniczego mieszkańca Śniegogrodu.

* * *

Wznosząca się nad Śniegogrodem Lodowa Góra od zawsze była miejscem przed którym Śnieżynka odczuwała lekki strach. Tam krasnoludki chodziły pracować w swoich kopalniach, małe sowy zaczynały lekcje latania, a misie biwakowały. Jednak Lodowa Góra była niebezpieczna dla dzieci takich jak Śnieżynka i Wiktor, i dlatego pani Rafaela zabroniła im tam chodzić.

Ale Wiktor już od małego był upartym dzieckiem, a Śnieżynka nie chciała się od niego odłączać, więc pewnego zimowego dnia wyruszyli, by zbadać tajemniczą górę...

* * *

Wiktor miał jedenaście, a Śnieżynka tylko sześć lat. Ale jako dzieci Dziadka Mroza byli bardzo silni i nieustępliwi, więc nawet nie zorientowali się, kiedy udało im się wdrapać tak wysoko na górę.

Północny wiat mocno w nich dmuchał, a śnieg padał coraz mocniej i mocniej. Ale Wiktor był zdeterminowany, by wspinać się dalej, a Śnieżynka nie miała innego wyjścia, niż posłuchać brata.

„Fuuuuuu uuuuuuuuuuf" zawiewał wiatr uprzedzając ich. Ale dzieci go nie słuchały i wspinały się coraz wyżej i wyżej. Nagle zrobiło się bardzo zimno. I chociaż Śnieżynka i Wiktor dużo lepiej znosili chłód od wszystkich innych dzieci, to nawet oni takiego zimna nie czuli nigdy dotychczas.

A północny wiatr wiał niemiłosiernie. „Fuuuuuuuuu uuuuuuuuuuf!"

Wiktor wtedy zaczął się zastanawiać. Ale kiedy spojrzeli w dół, zorientowali się, że nic nie widać przez śnieżną zawieruchę, a droga była stroma i niebezpieczna. Śnieżynka zaczęła płakać, a Wiktor wpadł w panikę. Zrobił jeszcze kilka kroków naprzód i nagle dojrzał otwór w skale, jakby wejście do jakiejś jaskini.

„Szybko", powiedział do Śnieżynki. „Tutaj się schowamy."

* * *

Jaskinia była wielka i ciemna, ale wystarczająco głęboka, żeby mogli się schronić przed zimnem i śniegiem. „Jakbym jeszcze miał czym rozpalić ogień", powiedział Wiktor do Śnieżynki, myśląc jak ogrzać siostrzyczkę.

Śnieżynka trzęsła się z zimna, ale była szczęśliwa, że uciekli przed śnieżycą. Gdy Wiktor kręcił się po jaskini, Śnieżynka zauważyła, że coś się przemieszcza w ciemności, głęboko wewnątrz jaskini.

„Wiktorze", krzyknęła ze strachem, „tam coś jest".

Wiktor odwrócił się w stronę ciemnej część jaskini i faktycznie, w ich kierunku poruszało się coś wielkiego – jakieś zwierzę, którego oczy świeciły w półmroku. Wtedy przed nimi pojawił się wielki czarny niedźwiedź i stanął na tylnych łapach. Wiktor i Śnieżynka nie byli przyzwyczajeni do widoku czarnych niedźwiedzi. W Śniegogrodzie mieszkają tylko niedźwiedzie polarne.

Wiktor, choć sam bardzo wystraszony, zasłonił Śnieżynkę i krzyknął do niedźwiedzia: „Spróbuj tylko podejść, wstrętny potworze".

A niedźwiedź odpowiedział mu chłodnym, żeńskim głosem: „Wiktorze Mrozie, sądziłam, że pani Rafaela trochę lepiej cię wychowała. Spodziewałam się, że powiesz dobry wieczór".

Wiktor i Śnieżynka ze zdziwieniem patrzyli na wielką czarną niedźwiedzicę, która na ich oczach przemieniła się w kobietę o długich czarnych włosach, w pelerynie z niedźwiedziego futra, z siekierą zamocowaną do pasa.

* * *

Mira Czarna Niedźwiedzica, jak było jej na imię, zaprowadziła ich w głąb jaskini. Jak piórko, jedną ręką przesunęła wielki głaz. Za nią otworzyło się wielkie ładnie urządzone mieszkanie, oświetlone, ciepłe i wygodne.

Mira zaprosiła ich do kuchni i poczęstowała ich ciepłą zupą wciąż milcząc. Dzieci bały się odezwać i jadły zupę, ponieważ były bardzo głodne.

Gdy już się zagrzały i najadły, Mira spojrzała na nie przenikliwie i powiedziała: „Ostatni raz zrobiliście coś tak głupiego! Czy Mikołaj i Rafaela nie mówili wam jak niebezpieczna i nieprzewidywalna jest ta góra?"

Wiktor tylko milczał i patrzył w podłogę. Śnieżynka z kolei patrzyła na niego, za nic nie chcąc go wydać. Ale Mira i tak wszystko wiedziała.

„Noc spędzicie tutaj. Natychmiast dam znać pani Rafaeli gdzie jesteście, żeby się nie martwiła, ale śnieżyca jest zbyt gwałtowna, żebyście mogli wrócić dziś wieczorem. Północny wiatr nie jest dziś w najlepszym nastroju, więc nikomu nie pozwoli na wędrówki po jego górze.

„A w jaki sposób da pani znać?" zapytał Wiktor.

Mira tylko popatrzyła i zagwizdała. Nagle skądś wyszła jakaś mała myszka. „Idź", powiedziała do niej. „Tylko pod ziemią, pod żadnym warunkiem nad, bo zamarzniesz. Prosto do pani Rafaeli, bo biedulka na pewno odchodzi już od zmysłów.

I myszka bez słowa zniknęła, w taki sam sposób, w jaki się pojawiła.

Mira spojrzała na dzieci: „Pora spać", powiedziała. „Chodźcie za mną."

* * *

Wiktor i Śnieżynka leżeli w wielkim ciepłym łóżku nakryci ciepłymi niedźwiedzimi futrami. Nieopodal paliło się duże ognisko. Mira usiadła w improwizowanym fotelu obok niego, i także nakryła się futrem.

„Teraz opowiem wam pewną bajkę" powiedziała im Mira. „Bardzo ważne, abyście ją zapamiętali. A następnie każde z was może zadać mi po jednym pytaniu, na które odpowiem tak szczerze, jak to możliwe. Możecie pytać o co chcecie, ale gdybym była na waszym miejscu, to dobrze bym się nad pytaniem zastanowiła." I uśmiechnęła się po raz pierwszy i ostatni tego wieczoru.

* * *

„Bajka ta w zasadzie jest historyką, ale ponieważ jest w niej dużo opowiadania, łatwiej mi ją nazwać bajką.", mówiła zamyślona Mira patrząc w ogień. „Jak wiecie, Śniegogród jest bardzo magicznym i tajemniczym miejscem, o którym żaden, ale to żaden obcy nie ma prawa niczego wiedzieć. Tak było zawsze i tak być powinno. Wszyscy mieszkańcy Śniegogrodu są zobowiązani strzec tajemnicy."

„Najważniejsze jest to, że Śniegogród jak wszystkie magiczne miejsca, jest niewidzialny dla obcokrajowców. To jego największy sekret i przez to pozostaje nietknięty przez złych ludzi. Na przykład, jeśli nas Śniegogrodem leci samolot, albo w jakiś sposób dotrze do niego ktoś na sankach, to zobaczy tylko ogromną pustą śnieżną połać. Jakby całe miasto i wszystko dookoła niego było pokryte wielką kołdrą albo pokrywką, która czyni je niewidzialnym i niedostępnym."

„Ale czasami, bardzo rzadko, pewnym ludziom spoza Śniegogrodu udaje się tutaj dotrzeć. Udaje im się go odnaleźć. Zapytacie – jak? To są ludzie wyjątkowi, którzy wierzą w jego istnienie (w odróżnieniu od

większości ludzi, którzy nawet nie wiedzą, że w ogóle istnieje). Ludzie o wielkich sercach, które żądne są przygód, odrobiny magii, spełniania swoich snów... Tylko ci dobrzy, mądrzy i szczególni ludzie mogą, ze względu na swój zapał i upór, dotrzeć do Śniegogrodu. Dla ludzi, którzy w niego wierzą oraz mają czyste i wielkie serca Śniegogród nie jest niewidzialny. Przeciwnie; wręcz lśni w oddali, gdy się do niego zbliżają... jakby chciał wskazać im drogę."

„Z drugiej strony, na świecie jest wielu złych ludzi o sercach zepsutych i czarnych, którzy od wieków ruszają w stronę Śniegogrodu. Ci ludzie wiedzą o jego istnieniu i za wszelką cenę pragną go odnaleźć, ale ten pozostaje dla nich niewidzialny. Dlatego przez całe życie szukają tych, którzy są związani ze Śniegogrodem (bez względu na to czy wciąż tu mieszkają czy dawno wyjechali), chcąc tutaj trafić. I rzeczywiście, jedyny sposób, aby źli ludzie trafili do Śniegogrodu prowadzi przez któregoś z jego mieszkańców. Dlatego tak ważne jest strzeżenie sekretu jego istnienia. Gdyby jakiś zły człowiek zdołał tutaj dotrzeć, oznaczałoby to koniec dla nas wszystkich."

„Dlaczego koniec dla wszystkich?" zapytał Wiktor z najbardziej przerażoną miną, jaką tylko można sobie wyobrazić. „Co powiedziałam na temat zadawania pytań i przerywania opowieści?" srogo powiedziała Mira.

Wiktor skrył się pod niedźwiedzią skórą i wydusił piskliwym głosem „Przepraszam", a Mira kontynuowała opowieść... albo historyjkę.

„Jeśli ktoś z tych ludzi zdoła dostać się do Śniegogrodu, zniknie cała magia, a miast przestanie być niewidzialne. Wtedy będzie mógł tu przyjechać kto tylko zechce, i robić co tylko zechce. Przyjechać i zniszczyć to w jaki sposób żyjemy. Obrócić w pył wszystkie inne, magiczne istoty, które tu mieszkają. Wprowadzić nienawiść, złość, zazdrość, łakomstwo, pieniądze, przestępczość... rzeczy, których u nas nie ma... i nie ma potrzeby, żeby się pojawiły."

„Tak czy inaczej, Wiktorze, możemy się bronić", mówiła Mira patrząc w ogień i czule gładząc, jakby była dzieckiem, swoją siekierę, która jakimś sposobem znalazła się w jej dłoni. „Musimy się bronić. I dlatego jesteśmy zawsze gotowi. My, niedźwiedzia straż Śniegogrodu i wszyscy pozostali mieszkańcy. Ale możemy się bronić zanim ktoś trafi do miasta. Potem wszystko na nic, nieważne jak dzielnie będziemy walczyć."

Dzieci milczały. Milczała i Mira przez dłuższy moment i patrzyła w ogień. A potem odwróciła się w ich stronę i spojrzała.

„Wymyśliliście o co chcecie mnie zapytać?" powiedziała do nich.

Dzieci w ogóle nie zastanawiały się nad pytaniami, ale gdy już je zapytała, Wiktor wystrzelił jak z armaty.

„Tak, wymyśliliśmy", powiedział.

„Hah" krzyknęła Mira. „W gorącej wodzie jesteś kąpany, chłopcze. Czy to co wymyśliłeś, to prawdziwe pytanie?"

Wiktor w ogóle nie zastanawiał się czym jest prawdziwe pytanie. Po prostu było to pytanie na które chciał uzyskać odpowiedź i właśnie tak powiedział Mirze.

„Słucham więc" odpowiedziała Mira.

„Czym jest niedźwiedzia straż? W jaki sposób broni Śniegogrodu? Walką z odrobiną jakiejś magii?" nie przestawał pytać Wiktor.

Mira popatrzyła na niego i Śnieżynce wydało się nawet, że się uśmiechnęła, ale gdy przyjrzała się uważniej zobaczyła, że Mira jest surowa i straszna tak jak wcześniej.

„Mrrr. Brrr. Magii!" wymamrotała Mira. „Co to w ogóle jest za słowo. Magii. Akurat wiesz co to jest magia. Tego słowa nie chcę nawet wspominać. Ale odpowiem na drugie pytanie. Niedźwiedzia straż... To są bardzo zdolne i wyćwiczone w walce niedźwiedzie polarne ze Śniegogrodu, których podstawowym zadaniem jest chronić miasto i jego okolice. No dobrze, następne pytanie", spojrzała na Śnieżynkę.

„Ale to już cała odpowiedź?" zdziwił się Wiktor. „Chciałem jeszcze o coś zapytać, czy Pani jest wodzem wszystkich niedźwiedzi? Yyyy... całej straży?"

„To cała odpowiedź! Jedno pytanie, mówiłam ci, czyż nie?" warknęła Mira. „Śnieżynko, a twoje pytanie?"

Śnieżynka miała czas do namysłu, ale ponieważ była mała, myślała, że z pewnością jej pytanie nie jest prawdziwym pytaniem. I to właśnie powiedziała Mirze. Ale Mira nalegała, aby Śnieżynka zadała swoje pytanie, więc ta w końcu powiedziała:

„A jak.. jak może przyprowadzić tych ludzi tutaj jakiś mieszkaniec Śniegogrodu, skoro dla nich wszystkich miasto jest niewidzialne dla tych, którzy są źli? Czy nie będzie dla nich wciąż niewidzialny, a zobaczyć go będą mogli tylko ludzie dobrzy?" Tego w żaden sposób Śnieżynka nie była w stanie zrozumieć, więc musiała zapytać.

„Niestety", powiedziała Mira i surowo spojrzała w stronę Wiktora. „Jeśli jakiś mieszkaniec Śniegogrodu przejdzie na złą stronę, jeśli jego serce zepsuje się i gdy postanowi sam wskazać im drogę do miasta i wprowadzić ich do niego, wtedy będą w stanie wejść. Mieszkańcy mają moc sprawić, żeby miasto było widoczne dla każdego."

„Ale w Śniegogrodzie mieszkają tylko dobrzy ludzie. Nikt nie mógłby tego zrobić, prawda?" zapytała wystraszona Śnieżynka.

„Miejmy nadzieję", wymamrotała Mira. „Miejmy nadzieję..."

Było już późno i dzieciom bardzo chciało się spać. Mira siedziała i w zamyśleniu patrzyła w ogień. Potem zaczęła cicho śpiewać piosenkę w jakimś niezrozumiałym języku, którego Śnieżynka dotąd nie słyszała. Wiktor zdążył już zasnąć i Śnieżynka także zaczęła pogrążać się we śnie. Gdy zasypiała, zdawało jej się, że w płomieniach, które tańczą w ognisku widzi obrazy – dużo białych niedźwiedzi, które walczą ze złymi ludźmi. Ludźmi, którzy chcieli napaść na Śniegogród.... A między nimi stoi Mira, w pelerynie która łopocze na wietrze, z siekierą w dłoni, silna i nieustraszona...

* * *

Błysk zbliżał się do Lodowej Góry. W odróżnieniu od tamtej nocy, wiele lat temu, dziś Lodowa Góra była cicha i spokojna. Ani śladu, ani głosu złego wiatru z północy. Śnieżynka nie pamiętała dokładnie gdzie znajdowała się jaskinia Miry, ale ufała Błyskowi i jego doskonałemu wzrokowi. Renifery Dziadka Mroza były znane z tego, że widziały z bardzo daleka i mogły zauważać najdrobniejsze szczegóły.

Błysk krążył wokół góry zupełnie jak robią to samoloty lub helikoptery. Leciał szybko, ponieważ wiedział jak pilna jest to sprawa. W jednej chwili jakby się zatrzymał, a potem powoli zleciał w stronę małej szczeliny.

„Tam", pokazał Błysk Śnieżynce.

I faktycznie, przed nimi na skałach pokazało się wejście do jaskini. Śnieżynka nie była całkiem pewna że to to samo miejsce, ale postanowiła spróbować szczęścia.

„Zaczekaj na mnie tutaj", powiedziała do Błyska i zaczęła wspinać się do góry. Zatrzymała się przed wejściem do jaskini i jakby trochę się zawahała, ale potem pewnie weszła do środka. I, patrzcie, wewnątrz jaskinia była oświetlona latarniami, które paliły się i zaznaczały drogę do środka. Wystarczyło, że Śnieżynka pójdzie za światłem latarni. W ten sposób udało jej się dotrzeć do wielkiej skały, która była wejściem do domu Miry. Skała była lekko przesunięta, wystarczająco, by Śnieżynka mogła się przez nią przecisnąć.

Gdy tylko weszła, skala sama się zasunęła za nią, ale Śnieżynka się nie wystraszyła. Już wiedziała, że Mira jej oczekuje. Gdy wreszcie znalazła wielką kuchnię, do której pierwszy raz przyszła z Wiktorem, nie mogła powstrzymać uśmiechu. Zastała Mirę przygotowującą zupę, tak

samo jak wtedy przed wieloma laty. Mira tylko spojrzała na Śnieżynkę i powiedziała: „Spóźniłaś się! Zupa ci wystygnie".

W tym momencie Śnieżynka walczyła z ogromną chęcią, żeby rzucić się Mirze na szyję, przytulić ją i ucałować. Tak bardzo była szczęśliwa, że Mira oczekiwała na nią w ten sposób. To tylko utwierdziło ją w przekonaniu, że trafiła we właściwe miejsce.

Śnieżynka usiadła przy dużym stole i ze smakiem zjadła zupę. Kto wie ile już nie miała jedzenia w ustach, a przecież przemierzyła niemal połowę kuli ziemskiej. Gdy już się najadła, Śnieżynka popatrzyła na Mirę. Mira siedziała i patrzyła w ogień, w którym stał kociołek z zupą.

„Dobrze, dobrze" wymamrotała Mira. „Twój brat się nareszcie opamiętał. To nam poniekąd ułatwi pracę. Na dworze zapada już zmierzch", obróciła się w stronę Śnieżynki, „a my mamy czas do wieczora. Ja zorganizuję moją straż, a ty i twój renifer odpoczniecie.'

„Ale", oburzyła się Śnieżynka, „ja chcę ci pomóc!"

„Pomożesz wieczorem. A teraz – natychmiast do spania. Kto nie jest dobrze wypoczęty nie może walczyć wraz z moją strażą.'

Śnieżynka była dumna, gdy usłyszała, że również będzie częścią straży. Mira zaprowadziła ją do dużego pomieszczenia, w której wtedy, przed wieloma laty, jako dzieci słuchali bajki. Tutaj obok wielkiego ogniska, Błysk zdążył już zwinąć się w kłębek. Mały renifer również jadł kolację i teraz spokojnie drzemał. Myszki – pomocnice Miry natychmiast zawołały go do środka i tam go ugościły.

Śnieżynka położyła się w wielkim łożu i przykryła się niedźwiedzim futrem. „Ale co, jeśli mama się zmartwi?" zapytała.

„O nic się nie martw", odpowiedziała Mira. „Ja zadbam o to, żeby wszystkich powiadomić. Ty tylko odpoczywaj. Kolorowych snów."

Mira zniknęła w ciemnych korytarzach jaskiniego domu, a Śnieżynka pogrążyła się w głębokim śnie.

Rozdział XV
Lord Rich

… z niecierpliwością czekał, aż George wróci z Cambridge. Jeśli to co mu powiedział jest prawdą i jeśli młody Wiktor pojechał w stronę tego bajkowego miasta, którego on sam tak długo szukał, wtedy znajdą sposób, żeby go śledzić.

Ten mój głupi syn przynajmniej jedno zrobił jak trzeba – pomyślał sobie lord Rich i zadzwonił małym dzwonkiem, który znajdował się obok drzwi w gabinecie.

Kilka minut później zjawił się lokaj lorda Richa. „Słucham, mój lordzie."

„Czy wszystko w porządku? Czy pilot gotowy jest do lotu?"

„Tak, lordzie, wszystko zrobiliśmy dokładnie według pańskich instrukcji. Pilot jest przy samolocie i oczekuje pana na pasie startowym. Pańscy ochroniarze są także gotowi i czekają na pańskie rozkazy. W luku bagażowym są już moto-sanie i pozostały sprzęt."

„W porządku. Możesz iść", nerwowo odpowiedział Lord Rich. W istocie był bardzo podekscytowany. Wreszcie uda mu się spełnić największe marzenie i dotrzeć od sekretnego miasta.

* * *

Kilka godzin wcześniej George zakradł się do budynku, w którym mieszkał Wiktor w studenckim kampusie w Cambridge. Próbował dowiedzieć się gdzie jest Wiktor i co robi. Nie mogąc wejść od tak, po prostu do jego pokoju, George po długim rozmyślaniu i szwendaniu się po korytarzach akademika, wpadł na pewien pomysł.

Tuż obok pokoju Wiktora znajdował się mały schowek. Pomieszczenie, w którym studenci mogli zostawiać swoje rowery i inne większe przedmioty, których nie zabierali do swoich pokoi. Schowki były zamykane, a klucze mieli wszyscy studenci z sąsiednich pokojów. Ale drzwi były już stare, zamek nadgryziony zębem czasu, więc George bez większego kłopotu go otworzył i wcisnął się do środka.

W małym pomieszczeniu było duże okno, które wychodziło na mały, bardzo ciasny balkon. Widać stąd było taki sam mały balkon, za którym znajdowało się okno pokoju Wiktora. Pomiędzy obydwoma balkonami wzdłuż całego budynku, ciągnął się długi parapet, wystarczająco szeroki, żeby można było po nim przejść.

George bał się trochę wysokości, ale nie miał innego wyjścia i musiał zakończyć misję, którą otrzymał od ojca. Nie miał prawda popełnić żadnego błędu i go zdenerwować, chociaż bardzo nie chciał tego robić. Musiał tym razem udowodnić ojcu, że potrafi wykonać zadanie, którego od niego dostał. Pokazać, że może zostać jego następcą. I może wreszcie ojciec go pochwali, być może go przytuli... a poza tym George za nic nie chciał zostać pozbawiony spadku!

Powoli przeskoczył barierki balkonu i stanął na parapecie. Próbował nie patrzeć w dół i powolutku, małymi kroczkami, przybliżał się

do okna Wiktora. Gdy do niego dotarł, przykleił się do ściany i powoli spojrzał do środka.

Wiktor był w pokoju. Pisał coś na swoim laptopie, z dziwnym uśmiechem na twarzy. George poczerwieniał ze złości i z zazdrości! Z pewnością Wiktor pisze z Miną Jones. George nie mógł sobie wybaczyć, że zapoznał ją z Wiktorem.

Niech będzie przeklęty! pomyślał George. W tym momencie Wiktor odwrócił głowę w stronę okna, a George z powrotem przylepił się do ściany. Żeby mnie tylko nie zobaczył. Wtedy wszystko przepadnie, wystraszył się George.

Wiktor wstał i podszedł do okna. George'a oblał zimny pot. Oby tylko nie spojrzał w prawo, żeby tylko mnie nie zobaczył – myślał.

Wiktor spojrzał przez okno na księżyc, który tego wieczora był niewiarygodnie duży, a potem wrócił do środka nie zauważając George'a. George stał spokojnie dłuższą chwilę i myślał co zrobić. Czy wrócić do schowka i czekać? Nie był pewien. Po pewnym czasie postanowił sprawdzić co robi Wiktor i potem zdecydować, jaki będzie jego następny krok. Wyprostował się, spojrzał przez okno i pomyślał – co za szczęście! Wiktor zasnął przy komputerze!

Powoli wskoczył na balkon i pociągnął okno do góry. Okno się otworzyło, a George wśliznął się do pokoju i podszedł do śpiącego Wiktora. Popatrzył na ekran laptopa i jeszcze bardziej znienawidził Wiktora. On i Mina wymieniali między sobą miłosne liściki!

Ale George nie miał w tej chwili czasu do stracenia. Z kieszeni wyciągnął małą metalową tabliczkę, jakby przypinkę... i cicho, na palcach, podszedł i przyczepił ją do wewnętrznej strony kurtki Wiktora.

„Ta przypinka to tak naprawdę nadajnik, który pomoże nam śledzić młodego Mroza" powiedział mu lord Rich, zanim poszedł do akademika. „Będzie wysyłał nam sygnał i informował gdzie znajduje się Wiktor w danej chwili. Więc gdy wyruszy na północ, co być może wydarzy się wkrótce, będziemy wiedzieć gdzie jest i dzięki niemu dostaniemy się do Śniegogrodu. W międzyczasie będziemy musieli opracować inny plan – jak przeciągnąć go na naszą stronę. Mam nadzieję, że ten plan wypali, ale gdyby przypadkiem nie wypalił, to z pomocą przyjdzie urządzenie do śledzenia. Musimy być przygotowani na obydwa scenariusze.

* * *

George wrócił do małego schowka. W zasadzie to wykonał zadanie i przyczepił nadajnik do kurtki Wiktora. Ale coś nie pozwalało George'owi stamtąd odejść. Miał jakieś dziwne przeczucie, że coś może się stać.

Dlatego postanowił poczekać. Momentami tylko siedział w schowku, momentami wychodził na balkon i patrzył w niebo. Księżyc na powoli ruszał w drogę powrotną i na szczęście stawał się coraz ciemniejszy. George'owi w ogóle nie podobał się jego dzisiejszy wygląd! Jakby się w niego wpatrywał próbując go wystraszyć...

„Na pewno mi się zdawało", pomyślał George. A jednak bardzo się ucieszył, gdy zobaczył, że księżyc zaszedł a niebo zrobiło się całkiem ciemne.

Gdy patrzył w niebo, George nagle zauważył jak coś wielkiego leci i zbliża się do akademika. Schylił się i schował za balkonem, wciąż jednak mogąc obserwować co się dzieje.

Ogromny ptak – tak, to był ptak, a dokładniej sowa! - ogromna sowa jasnego koloru (biała? - George nie mógł dokładnie zobaczyć w ciemności), wielka jak koń! (czy raczej – jak koń ze skrzydłami!), powoli leciała wprost do okna Wiktora.

Gdy zbliżyła się do okna, nagle zaczęła się zmniejszać i zmieniać kolor! Z ogromnej jasnej sowy przetworzyła się w małą, zwykłą, ciemną sowę. Co to za czary? Nie mógł uwierzyć własnym oczom George.

Sowa przycupnęła na barierce i zahukała: „Hu-hu! Hu-hu!"

Po pewnym czasie okno się otworzyło, a sowa wleciała do pokoju! Ach, gdybym jeszcze mógł podejść bliżej, zobaczyłbym co się tam dzieje – George zagryzał wargi, nie wytrzymując. Ale w tej chwili wydawało się to zupełnie niemożliwe, zwłaszcza, że nie chciał, by go zauważono. Wiktor z pewnością się obudził, bo jak inaczej sowa dostałaby się do środka? George pamiętał, żeby zamknąć okno od zewnątrz, gdy stamtąd wychodził.

George czaił się jeszcze przez pewien czas. Gdy tylko pomyślał, że nic się nie wydarzy i zaczął zbierać się z powrotem do schowka, żeby trochę się zagrzać, obok budynku przeleciał renifer, na jego grzbiecie siedziała dziewczynka! Ja chyba śnię, powiedział do siebie George. Ale renifer był tutaj naprawdę, dziewczynka zresztą też. Dolecieli do akademika, a następnie renifer wylądował przy oknie Wiktora. Dziewczynka zeskoczyła mu z grzbietu – i zniknęła wewnątrz pomieszczenia.

No teraz to już nic nie rozumiem – przygryzał nerwowo wargi George, rozmyślając co zrobić. Czekał i czekał jeszcze dłuższą chwilę wchodząc do środka i ponownie wychodząc na zewnątrz. W jednej chwili zauważył, że dziewczynka znów dosiadła renifera i odlatuje z ogromną szybkością w stronę nocnego nieba.

„Ty głupku! Wszystkich nas zniszczysz!” krzyknęła, gdy Wiktor patrzył na nią przez okno. George szybko się schował w środku i praktycznie przestał oddychać. Co teraz robić, myślał. Czekać czy iść?

Zdecydował jednak zostać jeszcze trochę. Usiadł w schowku i zasnął ze zmęczenia. Gdy się obudził, zobaczył, że na dworze już świta. Wyszedł na balkon i spojrzał na pokój Wiktora, gdy nagle okno się otworzyło i wyleciała z niego ogromna biała sowa! Na jej grzbiecie siedział Wiktor!

„Do Śniegogrodu!” krzyknęła sowa i wzbiła się w powietrze, a za nią – coś niewiarygodnego! Za nią leciały różne bajkowe istoty: światełko, które leciało przodem i wskazywało drogę pozostałym, za nim trzy krasnoludki, jakiś angielski dżentelmen, chłopiec w zielonym ubraniu (Piotruś Pan?), książę, księżniczka, wilk (!), a na końcu Czerwony Kapturek.

Świat zwariował. Albo ja zwariowałem, powiedział o siebie George i wziął do ręki telefon. Musiał opowiedzieć o wszystkim ojcu, chociaż nie mógł uwierzyć w to co zobaczył.

Rozdział XVI
Wszechwiedząca Biała...

… dłuższą chwilę milczała i patrzyła na Wiktora. Gdy trwało to milczenie, Wiktorowi zdawało się, że Wszechwiedząca urosła jeszcze bardziej, a jej pierze zaczęło robić się coraz bardziej białe. Nagle ptak stanął przed nim w całej swej okazałości – olbrzymia sowa śnieżna, koszmar każdego ucznia szkoły „Zimny Północnik” w Śniegogrodzie.

Wszyscy dookoła zamilkli i jakby stali się mniejsi niż ziarnka piasku, z wyjątkiem Bajarza, który położył rękę na ramieniu Wiktora i jako pierwszy przemówił do Wszechwiedzącej.

„Dobry wieczór, czy raczej – dzień dobry, stara przyjaciółko.”

Wiktor spojrzał przez okno i zauważył, że na zewnątrz dnieje. Świt leniwie budził się i wyciągał ręce, a cała magia tej dziwnej nocy powoli zaczęła znikać.

Wszechwiedząca Biała kiwnęła głową i przywitała się z Bajarzem: „Dzień dobry, Davidzie.”

Krasnoludki spojrzały po sobie. To był pierwszy raz, gdy usłyszały prawdziwe imię Bajarza.

Wszechwiedząca po raz kolejny surowo spojrzała na Wiktora, a Wiktor ledwo zdołał wycedzić przez zęby: „Bardzo mi przykro z powodu tego, co zrobiłem. Ja, ja... nie chciałem!”

Wszechwiedząca Biała jeszcze chwilę pomilczała, a potem powiedziała: „I mi jest przykro, Wiktorze. Wierzę, że szczerze żałujesz, ale prawo to prawo. Będziesz musiał wrócić ze mną do Śniegogrodu. Rozprawa odbędzie się za dwa dni od dziś”.

Wiktor zrobił się biały jak ściana. Krasnoludki i pozostali obecni zaniepokoili się, ale nikt nie ośmielił się protestować. Wszechwiedząca Biała miała rację. Wiadomo było, że każdy, kto złamie prawo, będzie musiał stanąć twarzą w twarz z Najwyższym Sądem Śniegogrodu.

„Ale, ale..” powiedział Wiktor. „Nie chciałem, żeby tak wyszło!”

„Ani ja nie chciałam, żeby tak wyszło” odpowiedziała Wszechwiedząca. „Ale takie jest prawo. Będziesz miał możliwość wytłumaczyć się przed sądem. Swoją drogą, będziesz miał dobrego adwokata, który będzie mówił za ciebie. Czyż nie, Davidzie?”

Bajarz popatrzył na Wiktora i rzekł: „Ja będę twoim adwokatem, Wiktorze. Skończyłem prawo zanim zacząłem zajmować się literaturą, więc zostałem wyznaczony przez Najwyższy Sąd Śniegogrodu na obrońcę z urzędu – na ile to będzie konieczne. Chociaż muszę przyznać, że będzie to pierwszy raz, kiedy muszę kogoś reprezentować. Ale nie martw się, wszyscy tu obecni będą świadkami. Będą zeznawać na twoją korzyść!”

Wszyscy zaczęli mówić z entuzjazmem i potwierdzać, że przyjadą do Śniegogrodu zeznawać na korzyść Wiktora, ale Wszechwiedząca im przerwała.

„Musimy już jechać”, powiedziała. „Mam obowiązek doprowadzić tego chłopca do Śniegogrodu. Wiktorze, proszę, abyś ubrał kurtkę i wziął to co potrzebne. Ruszamy natychmiast. Dzwoneczku, obsyp proszę odrobiną gwiezdnego pyłu wszystkich tu obecnych. Jako że wszyscy oni są świadkami, też muszą dotrzeć do Śniegogrodu. Droga jest długa, więc musimy już lecieć.”

Dzwoneczek uśmiechnął się i zaczął latać nad krasnoludkami i innymi gośćmi, posypując ich gwiezdnym pyłem.

„Właśnie tak, odrobina gwiezdnego pyłu dla każdego”, nadzorowała Wszechwiedząca. „Dla wszystkich, oprócz Wiktora. On poleci razem ze mną.”

* * *

W międzyczasie pani Rafaela spała i miała niespokojne sny. Od czasu do czasu budziła się skołowana, spoglądając w stronę drugiego

łóżka. Ale Mikołaja nie było. Na szczęście zauważyła, że nie jest całkowicie sama. Skulony w jej nogach spał kocur Maks, jej pupil i wierny przyjaciel. Maks, tak jak wszystkie pozostałe zwierzęta ze Śniegogrodu potrafił mówić, chociaż bądźmy szczerzy – rzadko to robił.

„Nie mam nic do powiedzenia", powiedział pewnego razu do pani Rafaeli. „I dlatego wolę milczeć."

Rafaela była wdzięczna, że przynajmniej on był przy niej. Ale nawet on nie mógł ustrzec jej od koszmarów. Męczyły ją aż do świtu, kiedy całkiem otworzyła oczy i leżała tak na łóżku, gapiąc się w okno. W jednej chwili Maks podniósł głowę i postawił uszy na sztorc. Zaczął ruszać wąsami i wąchać coś, co unosiło się w powietrzu.

„Maks, co jest?" zapytała z niepokojem pani Rafaela.

Ale Maks zeskoczył z łóżka i ruszył w kąt pokoju, a już kilka sekund później wrócił do łóżka – trzymając w pysku mysz! Pani Rafaela najpewniej wrzasnęłaby, gdyby była to zwyczajna mysz, ale myszy ze Śniegogrodu były niezwykłe. Gdy Maks delikatnie opuścił mysz na kołdrę, Rafaela spojrzała na nią i już wiedziała, kto ją tu przysłał.

* * *

„Do Śniegogrodu!", krzyknęła Wszechwiedząca i wzbiła się w niebo. Wiktor rozsiadł się pomiędzy jej skrzydłami, jakby ujeżdżał latającego konia. Wiktor był chłopcem ze Śniegogrodu i taka podróż nie była dla niego niczym niezwykłym. Razem ze Śnieżynką jako dzieci często latali na śnieżnych sowach lub reniferach Dziadka Mroza.

Ale fakt, że Wiktor leciał z Wszechwiedzącą, której – trzeba przyznać – zawsze się bał, a do tego wszystkiego – że nie była to zwykła przejażdżka, ale doprowadzenie przed sąd, doprowadzały go do rozpaczy.

Tak czy owak, gdyby spojrzał za siebie, miałby na co popatrzeć. Widok, bez względu na jego beznadziejną sytuację, był doprawdy zabawny.

Zaraz za Wszechwiedzącą, która leciała razem z Wiktorem na czele procesji, byli Dzwoneczek i Piotruś Pan. Oni w odróżnieniu od reszty potrafili latać i robili różne sztuczki w powietrzu, dumni jak pawie. Za nimi, trzymając się za ręce, lecieli Iwan-Carewicz i księżniczka, z gracją właściwą każdemu księciu i księżniczce. Od czasu do czasu Wiktorowi wydawało się nawet, ze tańczą, z taką gracją lecieli!

A reszta drużyny – boki zrywać! Gburek ledwo był w stanie utrzymać równowagę i z całą pewnością bał się latać, więc Bajarz musiał od czasu do czasu trochę go ośmielić, mówiąc mu, że nie ma nic strasznego w lataniu z gwiezdnym pyłem. Pączuś, bez względu na swoją nadwagę, świetnie się odnajdował i najwyraźniej był bardzo szczęśliwy, że lata. Ale

musiał cały czas uważać na Śpioszka, który lecąc przysypiał i zaczynał spadać… dlatego Pączuś i Bajarz lecieli obok, żeby go podciągnąć do góry i obudzić.

Wilk i Czerwony Kapturek byli jeszcze zabawniejsi. Jeśli Gburek bał się latać, to wilk był mistrzem strachu! Serce znów mu uciekło w pięty i musiał lecieć z zamkniętymi oczami, podczas gdy Czerwony Kapturek prowadził go naprzód.

Co by pomyślał sobie ktoś, gdyby widział to z boku? powiedział do siebie Wiktor. Patrzcie no na nas, możemy spokojnie nazwać się „Latającym Cyrkiem Wiktora Mroza". Ta myśl rozweseliła Wiktora, który zaczął się głośno śmiać i śmiać….

Wszechwiedząca odwróciła się i spojrzała ze zdziwieniem. Hah, pomyślał sobie Wiktor, udało mi się nawet zaskoczyć Wszechwiedzącą. Nie wiem czy kiedykolwiek i komukolwiek udało się coś podobnego.

Ta myśl wywołała u Wiktora jeszcze jedną falę słodkiego śmiechu…

* * *

Pani Rafaela gdy zeszła do salonu stanęła w drzwiach a jej oczy zaszły łzami. Dziadek Mróz spał w swoim fotelu w butach, jakby dopiero co wrócił z dworu i nie zdążył ich zdjąć. Ogień całkiem już dogasł, a w pomieszczeniu panował chłód. Dziadek wiercił się w fotelu, jakby śniło mu się coś złego i cicho mamrotał pod nosem.

„Obudź się, mój misiu", powiedziała czule Najdroższa. „Miki, pora już wstawać."

„Aaa, Rusałka…" powiedział Dziadek Mróz, „Rusałka…"

„A to nowość", powiedziała Rafaela i się uśmiechnęła. „Do tej pory nie nazywałeś mnie Rusałką."

Dziadek Mróz ze zdziwienia przetarł oczy. Spojrzał na Rafaelę, a potem dookoła szukając Rusałki. Ale nie było po niej ani śladu.

„Gdzie jest Rusałka?" zapytał zaspany Dziadek Mróz.

„Rusałka?" zdumiała się pani Rafaela. „Śniło ci się misiu, nie ma tu żadnej Rusałki."

„Była rusałka", zaprotestował Dziadek Mróz. „Tutaj była, to nie był sen. Miała piękne srebrne włosy i takie fioletowe oczy, że kiedy na ciebie spojrzy…" i w tym miejscu Dziadek się zaciął, ponieważ na te słowa Najdroższa zaczęła się chmurzyć.

„Tak czy inaczej, twoje oczy są dużo piękniejsze", dodał nagle Dziadek Mróz. „Błękitne jak niebo!"

„Aha" pani Rafaela popatrzyła podejrzliwie lecz w tym momencie przypomniała sobie o myszy i jej twarz zrobiła się poważna. „Muszę

natychmiast powiedzieć ci co się dzieje” powiedziała rozgorączkowanym tonem. „Mira wysłała zawiadomienie…”

* * *

Gdy Dziadek Mróz w pośpiechu zaprzęgał sanie w renifery, jednocześnie rozmyślał o poprzednim wieczorze. Co było jawą, a co snem? Czy Rusałka rzeczywiście go odwiedziła, czy była tylko częścią snu? A wyglądała tak prawdziwie! Dziadek Mróz po prostu nie mógł uwierzyć, że ona nie istnieje... A swoją drogą – co z życzeniem, które obiecała spełnić?

„Czyli wiesz już czego twoje serce pragnie najbardziej?” spytała go Rusałka gdy razem przemierzali przez mgłę w drodze powrotnej ze świata snów do rzeczywistości.

„Wiem”, odpowiedział Dziadek Mróz. „Zawsze wiedziałem. Jest wiele rzeczy, których pragnie moje serce: moja Najdroższa, moje dzieci... nawet ten mały łobuz Wiktor... Kocham także Śniegogród i wszystkich jego mieszkańców, i moje wierne renifery, i moje miłe krasnale... ale jest jedna rzecz, której pragnę najbardziej i nic nie jest od tego ważniejsze. To dziecięce uśmiechy! Po to istnieje Dziadek Mróz, to jedyny spadek po moim ojcu, i ojcu mojego ojca... Po to istniejemy i od zawsze istnieliśmy – żeby dawać dzieciom szczęście.”

„W takim razie wiem, które życzenie powinnam spełnić”, uśmiechnęła się Rusałka, a Dziadek Mróz utonął w jej pięknym fioletowym spojrzeniu.

To było ostatnie, co pamiętał z minionej nocy.

* * *

Pani Rafaela obserwowała przez okno. Jej Mikołaj, jej miły misiu wsiadł na sanie, spojrzał na nią , pomachał jej – i wzbił się w niebo z największą możliwą prędkością. Mira już się niecierpliwiła.

„Ach” westchnęła Najdroższa i pogłaskała Maksa, który razem z nią spoglądał przez okno. „Ileż to się wydarzyło w ciągu tylko jednego dnia!”

W tym momencie Maks wyraźnie się nastroszył i wytrzeszczył oczy. Pani Rafaela spojrzała, żeby zobaczyć, co go zaniepokoiło.

„Nic szczególnego, Maks”, powiedziała, „to tylko klucz ptaków.” Ale kiedy przyjrzała się lepiej, okazało się, że to co wydawało się kluczem ptaków, było czymś zupełnie innym...

* * *

Śnieżynce śniły się białe niedźwiedzie.

Mira stała między nimi i wydawała im instrukcje, a niedźwiedzie kiwały swoimi wielkimi białymi głowami. Następnie rozpoczęły

wędrówkę przez śnieg... dużo białych niedźwiedzi w białym śniegu, pośród białych prószących śnieżynek...

Śnieżynka przebudziła się i zauważyła, że nie jest sama.

Przy ognisku stali Błysk, Mira i – tato Miki! – i patrzyli w płomienie. A płomienie formowały się w dziwne obrazy... Samolot, który ląduje w śniegu... gromady ludzi pędzących na elektrycznych saniach, jakby dokądś się spieszyli. I białe niedźwiedzie, dużo białych niedźwiedzi, które już na nich czekały.

„Czyli to nie był sen" pomyślała Śnieżynka.

Wtedy Mira się odwróciła w jej stronę i powiedziała: „Widzę, że już nie śpisz. Już czas, Śnieżynko. Naszym obowiązkiem jest bronić Śniegogrodu."

Śnieżynka podbiegła do ojca i rzuciła mu się na szyję. On objął ją i ucałował, ale Śnieżynka i tak mogła zauważyć, że jest jakiś zamyślony i nieobecny... Jego oczy jakby płonęły dziwnym ogniem, ale Śnieżynka pomyślała, że to tylko odbicie płomieni, które odgrywały szalone sceny w wielkim ognisku.

* * *

Pani Rafaela siedziała w swoim fotelu i słuchała historii, którą opowiadali niespodziewani goście. A goście – Pani Rafaela do tej pory nie wiedziała czegoś podobnego! Chociaż trzeba przyznać, że widywała mnóstwo dziwnych rzeczy przez te wszystkie lata spędzone z Dziadkiem Mrozem.

Duży pokój dzienny był wypełniony postaciami z bajek! Pani Rafaela dobrze znała Davida – Bajarza, był serdecznym przyjacielem, ale nigdy dotąd nie widziała jak ożywia jakąś bajkę! Kiedy Wiktor był jeszcze niemowlęciem, David (wówczas stały mieszkaniec Śniegogrodu) potrafił sprawić, że w powietrzu poruszały się sceny z baśni i wszystkich w ten sposób zachwycić. Ale to było coś zupełnie innego. To była prawdziwa magia!

Jednak to co teraz jej opowiadał David było dużo ważniejsze od jego magii, ważniejsze niż cokolwiek innego. Wszechwiedząca zabrała Wiktora do miejskiego ratusza, który w razie potrzeby służył za salę sądową. Ale odkąd pani Rafaela przyjechała do Śniegogrodu, ratusz nigdy nie był wykorzystywany w takim celu. To był pierwszy raz. I to w dodatku w związku z jej Wiktorem. Było to straszne, zawstydzające i smutne zarazem.

I teraz, jak powiedział David, Wiktor spędzi tam noc w czasowym areszcie pod nadzorem Wszechwiedzącej. A jutro z samego rana zostanie doprowadzony przed oblicze Najwyższego Sądu w Śniegogrodzie.

„Nie martw się, Rafi”, pocieszał ją Bajarz, „zrobię wszystko, żeby przedstawić Wiktora w najlepszym świetle, tutaj zresztą są świadkowie.”

Pani Rafaela rzuciła okiem dookoła. Wilk leżał na plecach przy kominku, a Czerwony Kapturek palcami czesał jego futerko... Śpioszek spał zaraz obok, ściskając kocyk. Gburek był zaangażoany w jakąś gorącą dyskusję z Piotrusiem Panem. Pączuś jadł sobie ciasteczka. Dzwoneczek... kto wie, gdzie był Dzwoneczek. Aha – masz ci ją! Jeździ na grzbiecie Maksa.

„Ach”, westchnęła drugi raz tego dnia pani Rafaela. Chyba nie wzdychała tyle odkąd Wiktor i Śnieżynka wybrali się na Lodową Górę całe osiem lat temu. „Ach” westchnęła jeszcze raz, żeby zrobiło jej się lżej. „Miejmy nadzieję, że świadkowie pomogą.

Rozdział XVII
Mira Czarna Niedźwiedzica

… stała wyprostowana z siekierą w dłoni i czekała. Jej peleryna łopotała na wietrze, a za nią zimna i zła, wisiała Lodowa Góra. Koło niej stało dużo białych niedźwiedzi, jedna wielka nieustraszona armia, która wydawała się murem nie do przebicia.

Śnieżynka podekscytowana siedziała na grzbiecie Błyska, a obok niej stał Dziadek Mróz, straszniejszy i groźniejszy niż kiedykolwiek wcześniej. Niebo nad Lodową Górą robiło się coraz ciemniejsze, a zimny północny wiatr rozpoczął swoją złowrogą pieśń.

„Fuuuuu uuuuuuf” fuczał jak nigdy dotychczas, surowy i chłodny.

Najpierw sanki migotały w oddali jak małe kropki, ale teraz przybliżały się coraz bardziej i bardziej. Niedźwiedzie zachowywały spokój, niczym śnieżne posągi... czekały cierpliwie milcząc.

Kiedy podjechali wystarczająco blisko, żeby widzieć co się znajduje przed nimi, sanie jakby stanęły w miejscu. Lord Rich patrzył na niewiarygodną i straszną niedźwiedzią armię z wytrzeszczonymi oczami, jakby zupełnie nie spodziewał się, że takie coś jest w ogóle możliwe. Z pewnością nie przypuszczał jak ogromną magiczną moc skrywa Śniegogród. Ale nadszedł czas, by się dowiedział.

„Czyżby oczekiwał, że poddamy się bez walki?” zdziwiła się Śnieżynka.

Lord Rich w popłochu wydawał komendy swoim ludziom. Sanie zaczęły się kręcić, jakby miały zawracać. Ale, kiedy wykręciły, lord miał

na co popatrzeć. Białe niedźwiedzie otoczyły ich z każdej strony. Zwyczajnie nie miał dokąd uciekać!

Niedźwiedzie powoli i w milczeniu zaczęły zacieśniać krąg. Ale w tym momencie lord Rich nagle nabrał dzikiej odwagi. Jego oczy napełniły się krwią, jakby wstąpiło w nie jakieś szaleństwo.

„George" zawołał. „Jeśli będziemy jechać wystarczająco szybko, możemy przebić się przez nich, w kierunku tej góry. Patrz, tam jest jakaś otwarta droga, skoro oni tam stoją", pokazał w stronę Dziadka Mroza i Śnieżynki, „na pewno tam jest miasto. Założę się, że jest na szczycie góry!"

Ale George niczego nie słyszał. Ze strachu schował się w sankach. Patrzył tylko podejrzliwie na niedźwiedzie, nie wierząc własnym oczom.

„Przeklęty dzieciak!", wrzasnął lord Rich. „Do niczego się nie nadajesz."

W tym momencie niedźwiedzie doszły do pierwszych sań. Ludzie lorda Richa wyciągnęli pistolety i karabiny i zaczęli do nich strzelać, ale niedźwiedzie jakby wychodziły spod śniegu. Tak dużo ich było.

Lord się rozwścieczył, wcisnął gaz i ruszył naprzód. Sanie sunęły po śniegu. Dziadek Mróz spojrzał na Mirę, która stała spokojnie i ani drgnęła.

Dziadek Mróz podbiegł przed siebie, żeby zagrodzić mu drogę, a Mira tylko odrobinę podniosła siekierę... Ale lord szybko zmienił kierunek, dodał jeszcze gazu i jechał wprost na Śnieżynkę! Śnieżynka wystraszyła się, ale zanim lord zdążył cokolwiek zrobić, Błysk uniósł się w górę, otwierając mu drogę. Sanie dosłownie przeleciały w stronę Lodowej Góry.

Dziadek Mróz zezłościł się, ale o dziwo Mira była spokojna.

„Ucieka!" krzyknął jej Dziadek Mróz, podczas gdy Błysk schodził do nich po śniegu. Ale Mira się uśmiechnęła. Śnieżynka tylko raz wcześniej widziała uśmiechniętą Mirę.

Mira tylko wskazała głową na Lodową Górę. Dziadek Mróz spojrzał w tamtym kierunku i natychmiast pojął co chciała mu powiedzieć.

Sanie lorda Richa wciąż jeszcze podjeżdżały pod górę... a tam, jak zresztą zawsze, królował północny wiatr. To było jego królestwo, jego góra. A tam, gdzie był gospodarzem, niezaproszeni goście, nie byli ani odrobinę mile widziani.

„Fuuuuuuuu uuuuuuuuuuf", zadął swoim mocnym głosem. Ale lord Rich nie rozumiał jego pieśni albo też nie chciał jej słuchać. Oślepiony od bieli śniegu jechał na górę, na górę, na górę... myśląc, że jedzie w kierunku bajkowego miasta, o którym tak długo śnił.

* * *

Gdy zbliżyli się do sań, śnieżynka mogła zauważyć, że wszyscy ludzie lorda Richa leżą nieruchomo na śniegu. Ze smutkiem stwierdziła, że także dwa białe niedźwiedzie leżały na dole i nie oddychały. Śnieżynce napłynęły łzy do oczu, ale postanowiła, że będzie silna i nie będzie płakać. Przytuliła tylko Błyska, a on swoim niebieskim nosem dotknął łzy, która spływała jej po policzku.

Dziadek Mróz i Mira stali przed George'em, który skulił się przy sankach i trząsł się ze strachu. Tylko on jeden się ostał z całej gwardii lorda Richa, ale niedźwiedzie ani myślały go tknąć, bo według nich nie stanowił żadnego zagrożenia. Tylko go otoczyły w oczekiwaniu na Mirę.

Dziadek Mróz popatrzył na niego płonącym wzrokiem – przerażająco i nieustępliwie. Śnieżynce wydawało się, że ten wzrok może go roztopić. Ale wtedy coś w nim pękło i jakby złagodniał, opuszczając ręce zaciśnięte w pięści. Odwrócił się do Miry i powiedział jej: „Jest twój. Ty zdecyduj co się z nim stanie."

George jeszcze bardziej się wzdrygnął na te słowa. Mira stojąc tak z zarzuconym paltem z niedźwiedziego futra i z ogromną siekiera w dłoni przypominała jakąś straszną boginię z dawnych legend o dalekiej północy... jedną z tych, które zjadały ludzi i piły z czaszek swoich nieprzyjaciół!

Mira spojrzała na George'a i przemówiła do niego lodowatym głosem: „Kara za przychodzenie nieproszonym na nasze terytorium jest od wieków taka sama: śmierć!"

„Śmierć!" powtórzyły chórem białe niedźwiedzie, a George zaczął się trząść i płakać jak małe dziecko.

Dziadek Mróz popatrzył na niego ze współczuciem. Nie mógł wyrzucić z pamięci tej jednej sceny: tego biednego osamotnionego dziecka w ogromnym zimnym domu... i listu, który nigdy nie dotarł. Było mu doprawdy szkoda tego młodzieńca.

„Ale", cicho i łagodnie zwróciła się do niego Mira, „w tym wypadku mamy do czynienia z okolicznościami łagodzącymi, o których dowiedziałam się dziś". Krótko popatrzyła na Dziadka Mroza i mówiła dalej: „Dlatego kara będzie inna. Zdecydowałam, że zostaniesz tutaj ze mną jako mój pomocnik", powiedziała do George'a.

George popatrzył na nią jakby zupełnie nie rozumiał co mówi. Gdy wreszcie dotarło do niego, co właśnie usłyszał, jego twarz się rozpromieniła.

„Ale”, powiedziała Mira, „będziesz musiał przybrać inną formę i służyć mi sto lat, dopóki nie zobaczę, że się zmieniłeś i stałeś dobrym człowiekiem”.

George otworzył usta chcąc coś powiedzieć, ale jakby stracił głos. Mira podeszła do niego, dotknęła go i w tym momencie – czary mary! George'owi zaczęła wyrastać sierść na całym ciele. Teraz miał futro i praktycznie zamienił się w jakąś dziwną, futrzaną kulkę... na koniec stanął przed wszystkimi jako malutki brązowy miś!

„Ciesz się, że przynajmniej będziesz długo żył, dłużej niż ktokolwiek inny”, powiedziała surowo Mira. „Od teraz jesteś oficjalnie mieszkańcem Śniegogrodu, czyż nie tego chciałeś?”

George nigdy nie chciał zostać mieszkańcem Śniegogrodu, ale teraz nie miał nawet powodu, żeby się buntować. Sprawa została przesądzona. Był niedźwiedziem, nie człowiekiem. Jednak po raz pierwszy od bardzo dawna, George poczuł, że jest szczęśliwy. Jeden płatek śniegu opadł na jego czarny nosek, a on cieszył się jak małe dziecko.

Mira odwróciła się do Dziadka Mroza i Śnieżynki. „Przyjaciele, moje zadanie wykonane”, powiedziała. „Przynajmniej na tę chwilę. Bądźcie tak dobrzy i zatroszczcie się o Wiktora. Myślę, że teraz was potrzebuje.”

I wtedy Mira obróciła się i na ich oczach przeobraziła się w wielkiego czarnego niedźwiedzia. Ruszyła powoli w stronę góry, a białe niedźwiedzie poszły w ślad za nią. Malutki brązowy miś George radośnie biegł za nimi po śniegu bawiąc się płatkami śniegu.

„Chodźmy Śnieżynko”, powiedział zmęczonym i smutnym głosem Dziadek Mróz., „nasze zadanie wciąż jeszcze nie jest wykonane.”

* * *

Lord Rich szedł pieszo pod górę. Sanki dawno zostały zdmuchnięte przez silną śnieżną zamieć, ale on wciąż wspinał się wyżej i wyżej. Jakby nie zauważał śniegu, który pokrywał wszystko dookoła i jakby nie słyszał ostrzeżeń północnego wiatru.

„Jeszcze troszkę”, mówił do siebie. „Jeszcze troszkę i tam będę. A potem – miasto będzie moje! I cały świat będzie mój! Nikt nigdy nie będzie mi mógł nic zrobić.”

„Fuuuuuuu uuuuuuuuuuf” ryczał północny wiatr, a śnieg wciąż sypał i sypał.

Ale lord niczego nie zauważał. Oczy miał przekrwione, a wzrok szalony. Nawet nie spostrzegł, że już nie idzie, a coraz głębiej grzęźnie się w śniegu.

„Fuuuuuuuu uuuuuuuuf”, fuczał północny wiatr, a na zewnątrz robiło się coraz zimniej.

Lord nie mógł już dłużej ani iść, ani dreptać w miejscu. Ręce zaczęły sztywnieć z zimna. Usiadł na śniegu i szalonym wzrokiem gapił się w szczyt góry.

„O patrz, tam jest”, bredził lord Rich. „Śniegogród, lodowe miasto. Tylko troszkę odpocznę i dotrę do niego. Tylko troszkę... odpocznę...”

„Fuuuuuuu uuuuuuuuf” zawiewał północny wiatr, a śnieg nieubłaganie zasypywał lorda Richa, który wciąż jeszcze śnił, że rządzi całym światem.

Rozdział XVIII
Najwyższy Sąd Śniegogrodu

...składał się z pięciorga sędziów. Wiktor siedział skulony obok Bajarza i czekał, żeby zobaczyć, która piątka wejdzie do pomieszczenia. Już przypuszczał, że Wszechwiedząca jest wśród nich. Za nimi siedzieli wszyscy świadkowie Wiktora, jego mama, Śnieżynka...

„Ale gdzie jest tato?” zapytał siebie Wiktor, a zaraz po tym pomyślał sobie, że ojciec nie chce go więcej widzieć i bardzo się tym faktem zasmucił.

„Tu-tu-tu-tu”, zadęła w trąbę jedna z urzędniczek sądu – jakaś młoda śnieżna sowa, której Wiktor nie znał. „Wszyscy wstać. Rozpoczyna się posiedzenie Najwyższego Sądu Śniegogrodu.”

Wszyscy powstali, a do pomieszczenia zaczęli wchodzić sędziowie, jeden po drugim. Młoda śnieżna sowa wyczytywała ich z imienia i nazwiska.

„Szanowna Wszechwiedząca Biała, dyrektorka szkoły „Zimny Północnik”. Szanowny Ardamel, radny miasta Śniegogrodu. Szanowny Grzegorz Siwy, burmistrz Śniegogrodu.”

Grzegorz Siwy był pewnym starym lisem polarnym, którego Wiktor bardzo dobrze znał. Był częstym gościem w domu Mrozów. O Ardamelu, starym krasnalu, który ledwo wdrapał się na krzesło i ledwo na nim usiadł, do tej pory Wiktor nie słyszał.

„Szanowna Biała Barda, dyrektorka miejskiej biblioteki i radna miasta Śniegogrodu.”

Biała Barda była, jak się domyślacie, starą białą niedźwiedzicą, którą uczniowie szkoły „Zimny Północnik” nazywali Białą Brodą. Biała Barda karcąco spojrzała na Wiktora. „Czarno to widzę”, pomyślał. Biała

Barda raz słyszała, jak mówił na nią Biała Broda, możemy przypuszczać, że niespecjalnie jej się to podobało.

„Szanowny Mikołaj Mróz, lepiej znany jako Dziadek Mróz, właściciel fabryki „Mrozowie" i radny miasteczka Śniegogród."

Na te słowa Wiktor rozdziawił usta i potrzebował dłuższej chwili, żeby dojść do siebie. „Jak to możliwe", pomyślał. „Czyżby miał mnie sądzić własny ojciec?" Spojrzał z przerażeniem na Bajarza, ale ten był zimny niczym lód i nawet nie drgnął. Wiktor chciał, żeby otworzyła się ziemia i wessała go do środka, ale niestety, albo i na szczęście – nic takiego się nie wydarzyło.

„Obradom przewodniczyć będzie szanowna Wszechwiedząca Biała", obwieściła młoda sowa śnieżna, „która teraz przeczyta akt oskarżenia, po którym głos będzie mogła zabrać obrona."

Wszechwiedząca Biała spojrzała surowo na wszystkich obecnych i zaczęła mówić: „Oskarżony Wiktor Mróz złamał prawo Śniegogrodu zgodnie z Ostateczną Konstytucją Śniegogrodu, paragraf 1, który mówi: *Nikt nie ma prawa mówić o Śniegogrodzie i jego mieszkańcach poza granicami miasta.* Według mojej wiedzy, oskarżony wyjawił George'owi Richowi, że jest synem Mikołaja Mroza (lepiej znanego jako Dziadek Mróz) i że pochodzi ze Śniegogrodu. Jeśli obrona chce przedstawić okoliczności łagodzące w tej sprawie, ma prawo zrobić to teraz. Po tym Najwyższy Sąd uda się na obrady i wyda wyrok."

Od wszystkich tych strasznych słów Wiktorowi naprawdę zakręciło się w głowie. „Nie ma dla mnie ratunku", pomyślał sobie.

* * *

„Ekhem", chrząknął Bajarz. „Wzywam pierwszego świadka obrony, pana Pączusia."

Pączuś dumny i wyprostowany wkroczył do sali sądowej i zajął miejsce w ławce dla świadków. Wiktor miał wrażenie, że świadek coś przeżuwa.

„Panie Pączusiu, czy zna pan jakąś okoliczność łagodzącą w sprawie, która jest rozpatrywana przez sąd? Coś co mogłoby pomóc oskarżonemu?"

„Znam", z uśmiechem odpowiedział Pączuś. „Było tak, wysoki sądzie i szanowni sędziowie i drodzy obecni: oskarżony wyjechał do Cambridge na studia, a tam ludzie nie są tacy jak tutaj. Nie raczyli go wystarczająco ciasteczkami, a wszyscy wiemy, że nigdzie nie ma ciasteczek takich jak tutaj... więc potem coś go sprowadziło na złą drogę i z tego wszystkiego (a najbardziej z powodu niedobrych ciasteczek) jego

serce uciekło i się schowało tak, że ledwo je odnaleźliśmy. Wszyscy klaskaliśmy w dłonie i jego serce wróciło na swoje miejsce i wtedy zrozumiał, że przez cały ten czas nie był sobą. Ale jeśli damy mu jeszcze jakieś nasze ciastko, to będzie jeszcze lepszym chłopcem", zakończył swoje zeznanie Pączuś.

„Już po mnie!" w rozpaczy pomyślał Wiktor.

***

„Panie Śpioszku, poprosimy o pańskie zeznania", wywołał Śpioszka Bajarz.

„Uaaaaa", ziewnął Śpioszek, kiedy ledwo go dobudzili, żeby złożył zeznania. „Moje zeznania są następujące: nasz Wiktor nawyprawiał trochę głupstw, ale to wszyscy już wiemy. Ale, jak widzimy, nie przyniosło to żadnych większych szkód Śniegogrodowi. Przynajmniej tak mi powiedzieli. A teraz przydałoby się go jakoś ukarać. Ale jego serce było nie tam gdzie trzeba, co uważam za okoliczność łagodzącą."

„Czy to wszystko, panie Śpioszku?" zapytał z powagą Bajarz.

„Myślę, że to wszystko", odpowiedział Śpioszek. „Nie bardzo pamiętam wydarzenia z ostatniego czasu, bo musiałem odrobinkę się zdrzemnąć. Sami wiecie, jak wyczerpujące są podróże."

Wiktor jeszcze raz chciał, żeby ziemia otworzyła się i go wessała. Bez skutku.

***

„I tak, zbadaliśmy sytuację i doszliśmy do wniosku, że Wiktor to nie ten sam chłopiec, którego znaliśmy wcześniej. Nie miał błysku w oczach, nie pachniał jak powinien, a jego serce nie było na swoim miejscu. Później musieliśmy podjąć działania, żeby mogło wrócić. Ja szczerze mówiąc, w ogóle nie wierzyłem, że można go uleczyć, tak daleko było jego serce", zeznawał wilk.

„To było straszne, jego serca w ogóle tam nie było", opowiadał rozgorączkowany Czerwony Kapturek. „Ale na szczęście znaleźliśmy lekarstwo i Wiktor znów zaczął pachnieć Śniegogrodem. I patrzcie, nawet wrócił błysk w jego oczach."

„Myślę, że Wiktor zrozumiał, że został oszukany przez czyjeś nieprawdziwe obietnice i czyjś szemrany pomysł... Zrozumiał, że był naiwny i że zszedł na niewłaściwą drogę... Ale teraz żałuje. I to jest okoliczność łagodząca", mówił Iwan-Carewicz.

„Zorientował się, że nic w życiu nie jest takie, jak myślał i że te małe rzeczy: dobro, miłość, ludzie, którzy coś dla niego znaczą – one mają

prawdziwą wartość", mówiła Księżniczka z Ziarnkiem Grochu. „I był bardzo smutny", dodała ze łzami w oczach.

Piotruś Pan wyjaśniał sędziom: „To nie jest jeszcze dojrzały człowiek, drodzy przyjaciele... ups, sędziowie.... wysoki sądzie. Nigdy nie dorósł, przynajmniej tak sądzę. Tylko że okłamywał sam siebie, że jest dorosły i w tym tkwi problem. Hmm. To jest okoliczność łagodząca."

„I tak klaskaliśmy. To było lekarstwo. A ja je znałem już wcześniej. Tylko tyle – klaskanie! Wiktor zaczął znów wierzyć i w ten sposób wyzdrowiał. I patrzcie – cały i zdrowy, stary Wiktor! Popatrzcie i uwierzcie" zabrzęczał Dzwoneczek.

Przez cały ten czas Wiktor miał ściśnięty ze stresu żołądek, który ściskał się jeszcze bardziej z każdym kolejnym wystąpieniem świadka. „Nikt mnie tak naprawdę nie obronił", myślał sobie w duchu.

I wtedy przyszła kolej na Gburka...

* * *

Gburek siedział w ławce dla świadków i bez słowa patrzył na sędziów. Sędziowie patrzyli na niego i czekali aż zacznie. Po długim milczeniu i długim patrzeniu Gburek przemówił.

„Wysoki sądzie, myślę, że usłyszeliśmy już wystarczająco dużo na temat tego, że Wiktor nie był sobą i w jaki sposób został wyleczony. Dlatego nie mam zamiaru powtarzać tego po raz setny. To co chcę powiedzieć jest następujące: każdy z nas kiedyś zboczył z właściwej ścieżki. Jeśli dobrze pamiętam, w czasach mojego ojca, komuś też zdarzyło się złamać prawo". Wtedy Gburek rzucił krótkie spojrzenie w stronę Dziadka Mroza, a ten tylko milczał i patrzył gdzieś na bok.

„Ale wtedy, bez względu na to, czy przyczyny i motywy tego wykroczenia były bardziej szlachetne, żeby nie powiedzieć, że z powodu miłości..." i w tym miejscu Gburek zrobił krótką przerwę i popatrzył na zgromadzonych na sali sądowej, dokładnie tam, gdzie siedziała pani Rafaela. „ale jednak zostało popełnione wykroczenie. Nie chcę porównywać, nie to jest moim celem. Chciałem tylko zwrócić uwagę na to, że wszyscy popełniamy błędy. Co innego jest istotne: że istnieje ktoś, kto w nas wierzy i chce nam pomóc. Dopóki ktoś wierzy, że możemy stać się lepszymi ludźmi, że potrafimy dostrzec swój błąd i naprawdę go żałujemy, to wszystko to możemy wziąć za okoliczność łagodzącą. W tej sprawie, wysoki sądzie, zeznania złożyło wielu świadków, ale wszystkich ich łączy jedno: oni w Wiktora wierzą. Dziękuję za wysłuchanie."

I Gburek wstał z ławki dla świadków i powoli ruszył na swoje miejsce. Na sali sądowej zapanowała cisza.

* * *

„Wysoki sądzie, jako ostatniego świadka chciałbym powołać młodego Wiktora", powiedział Bajarz, i w tym momencie Wiktora ze strachu i nerwów znów ścisnęło w żołądku.

„Co mam powiedzieć" pomyślał sobie. Po prostu nie przychodziło mu do głowy nic, co mógłby przedstawić na swoją obronę, oprócz „bardzo mi przykro" i „nie chciałem". Musiał jednak wejść na miejsce dla świadków.

Stał tam na górze i milczał. Po pewnym czasie podniósł głowę i popatrzył na swojego ojca: „Nie wiem co powiedzieć, oprócz tego: tato, ja tylko chciałem być jak ty, a nie wiedziałem jak. Chciałem ci pomóc i wymyślić coś, ale nie wiedziałem jak. Popełniłem błąd. Jest mi przykro".

I w tym momencie już nie potrafił powstrzymać łez. Zaczął płakać i spochmurniał. Wokół niego coś się działo, ale nie wiedział co. Kiedy w końcu udało mu się uspokoić i rozejrzał się dookoła, zobaczył Bajarza, który stał przed ławą sędziów i przemawiał:

„I to jest moja linia obrony, szanowni państwo. Za to mogę poświadczyć. Myślę, że ten młody człowiek zasługuje na drugą szansę."

Sędziowie milczeli. Wszechwiedząca Biała wstała i zaczęła mówić: „Sąd wysłuchał świadków, oskarżonego i obrony. Sąd uda się teraz na kilkugodzinną naradę, żeby rozpatrzyć sprawę i wydać wyrok. Poinformujemy państwa, kiedy wyrok zapadnie".

* * *

„Tu-tu-tu-tu. Wszyscy wstać. Rozpoczyna się posiedzenie Najwyższego Sądu Śniegogrodu", obwieściła młoda sowa śnieżna i wszyscy na sali sądowej wstali. Sędziowie naradzali się aż pięć godzin, co Wiktorowi nie wydawało się dobrym znakiem. Ale Bajarz był tak spokojny jak do tej pory.

Sędziowie weszli do sali i zajęli swoje miejsca. Wszechwiedząca surowo spojrzała na wszystkich obecnych, a następnie zwróciła się do nich: „Najwyższy Sąd Śniegogrodu wydał wyrok w rozpatrywanej sprawie, biorąc pod uwagę zeznania wezwanych świadków, oskarżonego i obrony i postanowił co następuje: młody Wiktor Mróz według prawa Śniegogrodu nie osiągnął jeszcze pełnoletniości, co jest okolicznością łagodzącą, co zresztą potwierdził jeden ze świadków". W tym miejscu Wszechwiedząca spojrzała na Piotrusia Pana.

„Jednak" kontynuowała Wszechwiedząca, „młody Mróz odnosił się bardzo niewłaściwie się wyrażał o swoim pochodzeniu, wychowaniu, wykształceniu. Poza tym, biorąc pod uwagę wszystkie okoliczności,

włączając w to skruchę oskarżonego i, jeśli mogę się tak wyrazić, umiar – sąd zdecydował wymierzyć łagodniejszą karę niż tę, którą przewidziana jest w Konstytucji".

Na te słowa Bajarz odetchnął z ulgą, jakby spadł mu kamień z serca.

„Jaką karę przewiduje Konstytucja?" wyszeptał rozemocjonowany Wiktor.

„Zamarznięcie", odpowiedział również szeptem Bajarz. „Zmienienie w lodowy posąg i ustawienie na głównym placu ku przestrodze."

Wiktor gdy to usłyszał, o mało nie zemdlał. Dlaczego nikt mu do tej pory tego nie powiedział?

„Oprócz tego", kontynuowała swoją mowę Wszechwiedząca, „sąd jednogłośnie uznał oskarżonego *winnym* i wymierzył następującą karę: młody Wiktor Mróz zostaje warunkowo skazany na pięć lat, które musi spędzić w Śniegogrodzie pomagając w fabryce „Mrozowie" pod nadzorem Dziadka Mroza. Po upływie okresu pięciu lat, Wiktor Mróz zostanie poddany ocenie Najwyższego Sądu Śniegogrodu i jeśli sąd uzna, że oskarżony odrobił lekcję, to będzie mógł kontynuować studia zagranicą".

Wiktor był zaskoczony. Z jednej strony kara była bardzo łagodna, ale z drugiej, oznaczało to, że nie będzie widywał Miny Jones. A to nie była najlepsza wiadomość.

„Czy oskarżony chce o coś zapytać?" spojrzała surowo Wszechwiedząca.

„T-tak", wybełkotał Wiktor. „O studia... ja, jeśli mogę przynajmniej studiować eksternistycznie... więc czy będę mógł pojechać do Cambridge, jeśli będę miał egzamin..."

„Możesz napisać podanie kiedy minie przynajmniej rok twojej kary", odpowiedziała Wszechwiedząca. „Wtedy sąd zdecyduje czy możesz studiować eksternistycznie."

Wiktor spuścił głowę. Miał świadomość, że sąd był dla niego wyjątkowo łaskawy, i to głównie dlatego, że był synem Dziadka Mroza. Nie miał odwagi prosić o nic więcej.

„Ekhem" chrząknął Dziadek Mróz. „A teraz ja chciałbym coś powiedzieć."

W sali sądowej nastała cisza.

„Czego oczekuję od oskarżonego" powiedział Dziadek Mróz surowym tonem, „jako, że będzie pod moim nadzorem przez najbliższych pięć lat."

Wiktor przełknął ślinę.

„Oczekuję, że przyczyni się do rozwoju i modernizacji *biznesu*", Dziadek Mróz celowo użyła tego słowa, „fabryki „Mrozowie", ale zgodnie z zasadami miłości i dobra. Co rozumiem jako modernizację?" jeszcze łagodniejszym tonem mówił Dziadek Mróz. „Rozumiem, że wymyśli sposób, w jaki łatwiej będzie nam dotrzeć do życzeń dzieci, czyli w jaki sposób łatwiej będą docierać do nas. Teraz z nowoczesnych rozwiązań korzystamy tylko z poczty elektronicznej. To musi się zmienić. Dlaczego nie otrzymujemy wiadomości na smartfony? Albo dlaczego nie stworzymy strony na.... jak to się nazywało..."

„Facebook" odpowiedziała Śnieżynka.

„....nie stworzymy strony na Facebooku, z duma powtórzył Dziadek Mróz. „I nie będziemy sweetować..."

„Tweetować" poprawiła go Śnieżynka.

„Tweetować! I żeby do nas też tweetowali. I dzieci, i rodzice. No więc takich przemyśleń i takiej pomocy oczekuję od Wiktora... od mojego syna", powiedział Dziadek Mróz i rzucił się, żeby objąć Wiktora. Wiktor wstał i ze łzami w oczach rzucił się ojcu na szyję.

Dopiero teraz naprawdę wiedział, że jego serce wróciło na właściwe miejsce.

Epilog
Listonoszka Szybka Papla

...spieszyła przez zaśnieżoną ulicę, jakby ktoś ją gonił. Ciągnęła ze sobą dwa ogromne worki, które bardzo przeszkadzały w podróży i , ale nie miała zamiaru się zatrzymywać. W żadnym razie! Choćby miało się walić i palić, Szybka Papla będzie rozwozić pocztę!

* * *

W domu rodziny Mrozów panowała radosna atmosfera. Wczorajszy okropny dzień był już za nimi, a razem z nim minęły wszystkie inne czarne myśli i problemy.

Pani Rafaela szykowała kolację, a Pączuś jej w tym pomagał.

Dziadek Mróz, David i Wszechwiedząca siedzieli przy kominku i dyskutowali.

Wiktor, Śnieżynka i Gburek zebrani przy laptopie zdążyli już założyć stronę na Facebooku o nazwie „Prawdziwy Dziadek Mróz – pisz tutaj!". Teraz rozmyślali jak nazwać konto na Twitterze.

Śpioszek spał sobie razem z Maksem w wygodnym fotelu.

A bajki? Bajki wyjechały wcześniej, bo już brakowało ich dzieciom na całym świecie. Rozłąka była i wesoła i smutna zarazem, ale Bajarz obiecał im, że znów zorganizuje jakieś spotkanie w następnym roku.

„Kolacja gotowa i nakryte do stołu", krzyknęła Najdroższa, więc wszyscy pospieszyli, by usiąść, ponieważ byli bardzo głodni.

„Bam, bam, bam", zastukał ktoś mocno do drzwi.

„Kto to może być o tej porze?" zdziwiła się Rafaela, a Śnieżynka pobiegła otworzyć.

I niczym dzika furia, nagle do pokoju wparowała listonoszka Szybka Papla, wlokąc za sobą dwie ogromne torby z listami.

„Ja... ja... ja", nie mogła wykrztusić słowa Szybka Papla, ta bardzo była zdyszana. „Ja..."

„Powoli", uspokoił ją Dziadek Mróz. „Powoli, uspokój się."

Gdy doszła już do siebie, Szybka Papla zaczęła wyjaśniać, ale najwyraźniej było jej strasznie wstyd, bo cały czas patrzyła w podłogę. „Ja... Dziadku Mrozie, popełniłam błąd... Proszę cię, nie złość się na mnie. Kiedy wziąłem pocztę jakiś czas temu, od wilków w ostatnim pocztowym uzdrowisku przed Śniegogrodem, wiesz, w pośpiechu... pomyliłem się. I zapomniałem o dwóch workach pełnych listów", prędko wypowiedziała ostatnie zdanie Szybka Papla i spojrzała na Dziadka Mroza jakby oczekując kary.

Ale Dziadek Mróz z wytrzeszczonymi oczami patrzył to na niego, to na worki, jakby nie było dla niego zupełnie jasne, o czym mówi listonoszka. A potem chwycił ją mocno i wyściskał, śmiejąc się od serca.

„Ho ho ho ho hoooo", krzyknął Dziadek Mróz. „To znaczy, że pisały! Pisały. A ty po prostu zapomniałeś o listach." Dziadek Mróz był przeszczęśliwy, a gdy wszyscy zrozumieli, co się wydarzyło także podzielali jego radość.

Najdroższa przytuliła go i pocałowała, a Gburek powiedział do niego: „Widzisz, Dziadku Mrozie, mówiłem ci, że wszystko będzie jak trzeba". Tylko Wszechwiedząca rzuciła jedno surowe spojrzenie Szybkiej Papli, która natychmiast zrobiła się czerwona jak burak.

Dziadek Mróz zajrzał do worków. „Tu są tysiące listów", powiedział. „Jutro czeka nas mnóstwo pracy!" Krasnoludki na tę wieść aż krzyknęły z radości.

„Myślę, że czeka was więcej pracy niż się spodziewacie", uśmiechnął się Wiktor, który ciągle coś jeszcze klikał w laptopie. „To znaczy – nas czeka."

„Co chcesz przez to powiedzieć, synu?" zdziwił się Dziadek Mróz.

„No, widzę że cały czas przychodziły wiadomości na maila, ale wszystkie nie wiedzieć czemu wpadały do spamu. Tutaj są nie tysiące, tylko dziesiątki tysięcy wiadomości od dzieci z różnych zakątków świata.”

Pani Rafaela i Dziadek Mróz w ogóle nie mieli pojęcia, że istnieje coś takiego jak spam. Wszyscy zaczęli się śmiać i wygłupiać, ale faktycznie było im bardzo miło, że to właśnie Wiktor dokonał tego odrycia.

„A teraz – jedzmy!” zarządziła Najdroższa i wszyscy musieli natychmiast jej posłuchać. Dostawili jeszcze jedno krzesło dla Szybkiej Papli i zasiedli przy suto zastawionym stole.

Późnym wieczorem, gdy wszyscy goście poszli, a dzieci położyły się spać, Dziadek Mróz ubrał buty i wyszedł na podwórko.

„Zaraz wrócę” powiedział do Najdroższej. „Tylko troszkę pospaceruję po śniegu.” Najdroższa tylko się uśmiechnęła. Wiedziała, że Dziadek Mróz poszedł porozmawiać z księżycem i gwiazdami. To był rytuał, którego nigdy nie przepuszczał.

* * *

Dziadek Mróz stał na śniegu i patrzył w niebo, słuchając opowieści gwiazd. Księżyc się z nim przywitał i uśmiechnął do niego. Był bardzo szczęśliwy, że wszystko dobrze się skończyło.

Dziadek Mróz stał tak i patrzył jeszcze długi czas w gwieździste niebo. Usłyszał już wszystko, co gwiazdy miały do powiedzenia, ale wciąż nie chciał wracać do środka. Tylko stał i czekał.

I wtedy, przez niebo przeleciała jedna spadająca gwiazda, która świeciła pięknym srebrnym blaskiem, a po drodze zostawiła delikatną srebrzystą poświatę. Dziadek Mróz uśmiechnął się, jakby to właśnie na nią czekał.

„Dziękuję ci” powiedział Dziadek Mróz do gwiazdy. „Nigdy ci tego nie zapomnę.”

A gwiazda zaśmiała się dźwięcznym głosem i zniknęła gdzieś na drugim końcu Wszechświata.

Pisz do Dziadka Mroza o tym,
czego twoje serce najbardziej pragnie
na poniższy adres e-mail:
contact@dziadekmroz.net

Biljana S. Crvenkovska

Co se zdálo dědu Mrázovi

Превод од македонски на чешки: **Кристина Дуфкова (Kristýna Dufková)**

Obsah:

Tam daleko na severu…

„Skandál!“

Trpaslíci Bucla, Bručoun a Dřímal

Nejmilejší

Děda Mráz

Někde ve Sněholedu

Hú! Hú!

Velké sněžné sovy

Víla

Pohádkář

Vločka

Země snů

Byla, žila jednou jedna dívenka

Jiskra

Lord Rich

Všeználek Bílý

Mira Černá Medvědice

Nejvyšší soud Sněholedu

Epilog

Děda Mráz

Žije někde daleko na severu;

cestuje se na saních, které táhnou sobi.

Každý rok nosí dětem dárky.

Záliby: Nejradši sedí u krbu, pije heřmánkový čaj a vypráví pohádky.

Rafaela Mrázová

(známější jako baba Mrázová)

Manželka dědy Mráze, opravdová dáma.

Pracovní zařazení: Každý večer číst nahlas dopisy od všech dětí světa a přitom pít s dědou Mrázem čaj.

(Kvečeru už děda Mráz nevidí tak dobře, ale pssst! – to se nikdo nesmí dozvědět!)

Záliby: Nejradši jezdí na dovolenou na daleký jih.

Vločka Mrázová

Dcera dědy Mráze, opravdová krasavice, jedničkářka.

Pracovní zařazení: Mít na škole „Severína Studeného“ na vysvědčení samé jedničky.

Záliby: Nejradši se vzhlíží v zamrzlém zrcadle, bruslí na ledové ploše a přijímá komplimenty.

Viktor Mráz

Syn dědy Mráze, student ekonomie.

Pracovní zařazení: Být dobrým studentem a dobrým člověkem.

Záliby: Nejradši mluví o podnikání, jednoho dne by se rád stal úspěšným podnikatelem.

Bucla

trpaslík, pomocník dědy Mráze

Pracovní zařazení: Balit dárky pro děti.

Záliby: Koláčky… a čokoláda… a dorty… a bonbony…

Bručoun

také trpaslík, pomocník dědy Mráze

Pracovní zařazení: Lepení kartiček se jmény dětí a adresami na dárky (aby se děda Mráz nespletl).

Záliby: Rád vše kontroluje, rychle se nazlobí, ale taky rychle vychladne.

Dřímal

další trpaslík – pomocník dědy Mráze

Pracovní zařazení: Starat se o soby – ale nejčastěji u nich usne.

Záliby: Zachumlat se do deky.

Kapitola první

Tam daleko na severu…

… kde je vše bílé a studené, kde sníh obtěžkal jedle, kde vítr Severák zpívá svou zimní píseň a rampouchy zvoní doprovázejíce jeho hlas… daleko od posledních člověčích vesniček se nachází Sněholed, město nejznámějšího dědy na světě – dědy Mráze.

Děda Mráz je už hodně, hóódně, hóóódně starý (Kolik mu je? To nikdo nikdy nezjistil.), ale i přesto je ve formě a má více energie než všichni třicetiletí bankovní úředníci dohromady. Každý den cvičí, stravuje se zdravě a bývá dlouho venku na čerstvém vzduchu, trénuje soby (protože i ti, stejně jako lidé, potřebují cvičit, aby byli zdraví!)

Jeho ženou je paní Rafaela Mrázová. Děda Mráz ji nazývá Nejmilejší, ale ona je známější pod jménem baba Mrázová. Dejte si pozor! V žádném (ale opravdu v ŽÁDNÉM) případě ji takto nesmíte oslovit! Pokud by snad

někdo, nedej Bože, Nejmilejší takto nazval, musí se připravit na zmrazení tak ledovým pohledem, že i vítr Severák by pod ním zamrzl jako nic.

Děda Mráz (pokud jste to nevěděli, ve skutečnosti se jmenuje Mikuláš – ano, Mikuláš) a paní Rafaela mají dvě děti: dcerku Vločku, 14 let, žákyni posledního ročníku základní školy, a syna Viktora, 19 let, studenta.

Vločka Mrázová je žákyně desátého ročníku základní školy „Severína Studeného“ v Sněholedu. Proč desátého? Protože v Sněholedu chodí děti do školy už ve 4 letech, ale v první třídě se ještě neučí nic jiného než kreslení, zpívání, hraní všemožných her a dělání bábovek. Kromě toho, že je vynikající žačkou, je šampiónkou v bruslení! Chová se trochu povýšeně – myslí si, že je nejkrásnější a nejchytřejší. Není to sice až tak daleko od pravdy, nicméně povýšenost je jejím nedostatkem. Povýšenost není totiž vůbec dobrá vlastnost!

Viktor Mráz je student a žije v zahraničí. Studuje ekonomii v Cambridge v Anglii a touží po tom stát se úspěšným podnikatelem. Upřímně, děda Mráz neví, co si o tom myslet, když slyší všechna ta slova (ekonomie a podnikatel), ačkoliv on sám je velice úspěšný ve vedení nejkrásnějšího podniku na světě – továrny na hračky! Na druhou stranu paní Rafaela je velice šťastná, že její syn má takové ambice…

Ale zapomněli jsme říci něco více o Sněholedu. Není to nikterak velké město, ale nedá se ani říci, že by to byla jen nějaká vesnice. Řekněme, že Sněholed je městečko střední velikosti s velkou továrnou na hračky, poštou, školou, poliklinikou, městským úřadem, obchody s oblečením, cukrárnami, pekárnami, supermarketem, knihovnou, zimním stadionem, tělocvičnou, kluzištěm a s více než 250 domky. Je to ve všech ohledech místo vskutku vhodné k žití.

Ve Sněholedu žije více rozličných druhů obyvatel: nejvíce je tu trpaslíků, dále tu žijí sobi, psi, kočky, polární lišky a sem tam nějaký lední medvěd… Někdy na delší nebo kratší dobu zde přebývají i lidé (z některých z nich se stali už skuteční obyvatelé Sněholedu), většina přichází a zase odchází… lidé obecně mají problémy se zimou, a proto tu jen někteří z nich vydrží žít déle. A ještě jedna velice důležitá věc: všichni obyvatelé mají stejná práva a přednosti bez rozdílu druhu: ať to jsou lidé, trpaslíci, nebo zvířata.

Nechte si to vysvětlit na příkladech: například to, že do cukrárny může klidně přijít lední medvěd nebo sob a poručit si ledový jogurt nebo zmrzlinu. Nebo to, že se ve všech obchodech prodává oblečení a obuv pro kočky, lišky, medvědy a tak podobně. A co je ještě důležitější: ředitelem

Základní školy „Severína Studeného“ je ohromná a prastará sněžná sova, pan Všeználek Bílý, a učitelem matematiky trpaslík Primus. A takových příkladů je ještě mnoho, ale ty už pro tuto pohádku nejsou důležité.

Jediné povolené dopravní prostředky ve Sněholedu jsou sáňky. Malé sáňky, veliké sáňky, střední sáňky, sáňky pro lidi, sáňky pro trpaslíky, sáňky pro zvířata – protože přece i ta mají stejná práva, že?

Dokonce i městská hromadná doprava jsou vlastně jedny velké sáně s více místy k sezení! Jen si představte takový sáňkobus! Většinou ho táhne více sobů. Sobi jsou pro tuto práci nejvhodnější, ale když mají padla, i oni se vozí městskou dopravou stejně jako ostatní obyvatelé. V Sněholedu může být každý zapřažen, dokonce i trpaslíci. Ti však tahají jen nejmenší sáňky jen s jedním místem k sezení.

Největší dům v Sněholedu se dvěma podlažími, kde je velký a prostorný obývací pokoj s krbem, pracovna s malou knihovnou, tři ložnice, a dokonce dvě koupelny a samozřejmě vééliká kuchyně, patří dědu Mrázovi. V bezprostřední blízkosti ve stejném dvoře se nachází továrna na hračky, jejímž majitelem je také děda Mráz (přesněji řečeno rodina Mrázových). Továrna je úplně největší budovou ve Sněholedu, porovnáme-li všechny ostatní domy, ale v porovnání s továrnami v jiných městech na světě vypadá ta Mrázova jako úplně obyčejná dílna.

Ale jak víme, to, co někdy vypadá úplně obyčejně a nezajímavě, může skrývat mnohá překvapení.

* * *

Ale počkat!

Ještě jedna otázka!

Jak se dá do Sněholedu dostat?

Tak to je tajemství! Cestu do Sněholedu znají jen trpaslíci a zvířata… a hodně málo lidí, kteří ji po dlouhém pátrání sami dokázali najít. Většinou jsou to cílevědomí lidé s velikou touhou po dobrodružství a také obdivuhodnou fantazií.

Mohou to být spisovatelé a malíři, ale také piloti či námořníci. A mnoho dalších profesí, třeba zubař, opravář, učitelka v mateřské školce, ale i prodavačka.

Ačkoliv jsou tito lidé hodně rozdílní, mají dvě společné vlastnosti: cílevědomost a ohromnou touhu uskutečnit své sny.

Kapitola druhá

„Skandál!“

… vykřikl děda Mráz, vyběhl ven a třískl dveřmi!

Nejmilejší paní Rafaela se ho snažila dohnat a oněměla, když se dveře zabouchly doslova několik centimetrů před jejím obličejem. Vločka Mrázová, která už půl hodiny stála v chodbě před velikým zamrzlým zrcadlem a vzhlížela se v něm, byla touto nepředstavitelnou scénou naprosto šokována.

Táta Miki, jak Vločka dědu Mráze oslovovala, nikdy v životě nezvýšil hlas, ba co víc, nikdy netřískl dveřmi.

„Mamí?“ tichoučce špitla Vločka, „co se stalo?“

Paní Rafaele vytryskly slzy a vyběhla z pokoje.

„Svět se obrátil vzhůru nohama,“ pomyslela si Vločka ustaraně.

Nikdo ve Sněholedu, počítaje i Všeználka Bílého, nikdy neslyšel ani neviděl nic podobného. Zvláště když jde o dědu Mráze…

* * *

O hodinu dříve…

… paní Rafaela, aniž by si dokázala představit, co se asi stane o hodinu později, připravovala odpolední čaj a spokojeně si u toho popěvovala.

Ve velké a teplé kuchyni se nacházelo mnoho poliček, v nichž se tiskly skleničky a krabičky různých velikostí, většina z nich naplněna nejrůznějšími druhy čajů a voňavým kořením z celého světa. V rodině Mrázově bylo pití čaje skutečným rituálem. Rafaela neměla oblíbený jeden druh, neustále zkoušela nějaké nové čaje a jejich různé kombinace. Zato děda Mráz měl nejradši heřmánkový čaj se lžičkou medu.

Když Rafaela nalévala čaj do šálků, vstoupil do kuchyně děda Mráz.

„Tak,“ pronesla, „můžeme jít do obýváku.“

„Dobře,“ odpověděl děda Mráz, ale zůstal stát uprostřed kuchyně.

Paní Rafaela si všimla, že ho něco trápí.

„Copak se stalo, Miško?“ zeptala se ho něžně (tak mile mu říkala, jen když byli sami).

„Přišla už dneska pošta?“ zeptal se děda Mráz. „Neviděl jsem Rychlíka Popletu.“

Listonoš Rychlík Popleta byl mladá sněžná sova, a kromě toho, že byl rychlý, byl také, jak už jeho jméno napovídá, veliký popleta. Se vším byl hned hotov, ale častokrát se nechtěně spletl. A to vše proto, že byl tak mladý. Měl pouhých 102 let, což je pro sněžnou sovu ve Sněholedu (kde obyčejné sněžné sovy nežijí) pubertální věk.

„Dneska nic nepřišlo,“ odpověděla Rafaela a okamžitě pochopila, co dědu Mráze trápí. Blížil se už Nový rok a tento rok přišlo od dětí z celého světa vskutku málo dopisů.

„Podíváme se ještě na počítač,“ dodala Rafaela a nesla podnos s čajem do obývacího pokoje. „Víš přece, že stále více dopisů nám chodí do e-mailové schránky.“

Byla to sice pravda, ale přesto se počet došlých dopisů rok od roku zmenšoval…

* * *

Inbox (elektronická pošta): **1 nepřečtená zpráva**

„Jedna nepřečtená zpráva,“ nevěřícně vydechla Nejmilejší Rafaela s notebookem na klíně a hltla si čaje. „Podíváme se, od koho je…“

„Jen jedna…“ špitl děda Mráz, už úplně rozčarován. „Tak ji rychle přečti,“ naklonil se k Rafaele. „Jestli to náhodou není od Marka Jovanovského. Vždycky mi v této době píše.“

„Hned, hned,“ odpověděla Rafaela a otevřela e-mailovou schránku.

Komu: **contact@dedamraz.net**

Od: **victor.mraz@smail.com**

„To je od Viktora?!“ nemohl uvěřit děda Mráz. „Co to tak může být, že nám to nemohl říct po telefonu?“

„Počkej, už to bude…“ klikla na zprávu Rafaela.

„*Ahoj mami a tati,*

doufám, že si tuhle zprávu přečtete, ačkoliv vím, že moc často na e-mail nechodíte…“

„Cože?“ znervózněl děda Mráz. „Kdo že nechodí na e-mail? Co si o nás myslí?“

„Počkej…“ přerušila ho Rafaela a pokračovala tam, kde přestala.

„*... ačkoliv vím, že moc často na e-mail nechodíte…*“

„Pchm…“ odfrkl si děda Mráz nesrozumitelně. Rafaela četla dál.

„*Můj kamarád a spolužák z fakulty George, mám pocit, že už jsem Vám o něm říkal, je synem jednoho z nejbohatších lidí v Anglii, lorda Riche. Lord, mimo jiného, vlastní největší obchodní centrum v Londýně. Ani si neumíte představit, jak je velké a kolik zákazníků je tam denně obslouženo! Milióny! Každé Vánoce je tam spousta dětí a děda Mráz (jasně, že ne Ty, tati, ale nějaký profesionální herec) jim vždycky rozdává dárky. Dárky jsou dopředu zaplaceny rodiči, ale to teď není důležité.*

Lord Rich se od George dozvěděl, že jsem Tvým synem. Možná jsem se o tom při nějakém rozhovoru náhodou zmínil, už nevím…“

Paní Rafaela přestala se čtením a pohlédla na dědu Mráze. Mlčel, ale jeho obličej byl brunátný.

Ve Sněholedu existoval pouze jeden zákon. Jen jeden! Vše ostatní byla pravidla slušného chování, ale zákon, ten byl jen jeden:

Ústava Sněholedu

Hlava 1

Článek 1

Za hranicemi Sněholedu není nikomu dovoleno sdělovat o Sněholedu, jakož i o jeho obyvatelích, žádné informace.

Článek 2

Za žádných okolností není dovoleno nikomu sdělovat informace o cestě do Sněholedu.

Poznámka: Překročení tohoto zákona spadá do kompetence Ústavního soudu Sněholedu.

Paní Rafaela zesmutněla. Jak jen mohl… Jak se jen mohl někomu o Sněholedu zmínit…

„Tak proto ten e-mail. Stydí se nám to říct po telefonu,“ dodala.

Ulpěly na ní oči dědy Mráze – jeho pohled byl prázdný. Jako by se mu celý svět převrátil nohama vzhůru.

„Pokračuj,“ špitl.

„*Lord Rich osobně mě oslovil a poprosil mě, abych si s tebou promluvil o jeho pracovní nabídce. Tento rok by totiž chtěl uspořádat něco, co ještě nikdy nikdo NEVIDĚL: chtěl by, aby na Vánoce do jeho obchodního domu přišel SKUTEČNÝ děda Mráz – tedy Ty. To by byl trhák, opravdová BOMBA, něco FANTASTICKÉHO! A kromě toho, obchod, který Ti nabízí, je velice výhodný: dárky nebudou rodiče kupovat v obchodech v obchodním centru, ale místo toho budou koupeny u nás, v továrně…*“

* * *

Tady musíme na chvilku přestat, přerušit čtení paní Rafaely, abychom povyprávěli o továrně na hračky a o celém procesu jejich výroby. Jako v každé jiné POHÁDKOVÉ továrně proces výroby hraček je úplně jiný než v normálních fabrikách.

Ano, i zde jsou stroje. I tady je pás, na kterém jezdí vyrobené hračky, které jsou hned usazeny do krabiček obalených překrásnými barevnými papíry, převázaných nejkrásnějšími stužkami a nakonec – na každé krabičce je napsáno jméno dítěte, kterému bude dárek patřit.

V této továrně však stroje, které vyrábějí hračky, nespotřebovávají žádné suroviny. Zpracovávají jen dětská přání!

Ve chvíli, kdy paní Rafaela při čaji přečte nahlas nějaké dětské přání, stroje začnou pracovat. A vyrobí hračku, jakou si dítě přálo – ta pak vypadne ze stroje.

Dárek je pak přesně takový, jak si ho dítě představovalo – a na celém světě jedinečný. Žádný dárek vyrobený v továrně není stejný. A právě proto tyto dárky nestojí nic. Byly totiž vytoužené, vykouzlené a v žádném případě nebyly na prodej.

* * *

„*Nechci se Ti plést do Tvé práce, tati, to dobře víš,*“ pokračoval Viktor, „*ale myslím si, že je to skvělá příležitost. Sám moc dobře víš, že právě kvůli tomu, že rodiče kupují dárky svým dětem a na každém kroku stojí nějaký herec, který si vydělává v kostýmu dědy Máraze, dostáváme rok od roku méně a méně dopisů. A kromě toho si myslím, že rodiče stále častěji dětem říkají, že děda Mráz neexistuje. A když podnik neprosperuje, nebylo by vhodné takové nabídky odmítat.*

Tati, promysli to a ozvi se mi.

Zdravím Tě,

Viktor“

Paní Rafaela stále ještě nemohla uvěřit tomu, že její syn mohl něco takového vůbec napsat. Vyplašeně pohlédla na dědu Mráze.

Děda Mráz zrudl. Několik vteřin mlčel – paní Rafaele se zdálo, že to ticho trvalo celou věčnost – pak vyskočil z křesla a vyletěl z pokoje.

„Skandál!“ vykřikl, proběhl chodbou kolem Vločky, aniž by si byl všiml jí, případně jejího nového účesu, a vyběhl ven do sněhových závějí. Dveře za ním třískly, zrovinka před nosem paní Rafaely.

Kapitola třetí

Trpaslíci Bucla, Bručoun a Dřímal

… byli prakticky bez práce. Nebyly dopisy, nebyla přání, stroje odpočívaly. Továrna byla tichá, což do určité míry vyhovovalo Dřímalovi, který klidně spal v jedné dárkové krabici zakrytý dekou. Bručoun a Bucla neměli co jiného na práci, a tak hráli *Trpaslíku, nezlob se*.

Zcela upřímně, Bucla už chtěl dávno přestat hrát, protože Bručoun byl neustále nabručený, i když třebas i vyhrával. (A vyhrával pořád.) Bucla už několikrát zkoušel ukončit hru a vymyslet nějakou jinou aktivitu, ale to se Bručoun rozezlil ještě více. A tak se Bucla rozhodl zakousnout do koláče a nechal svého druha, aby se zlobil a vyhrával a zlobil a…

„Vůbec se nesoustředíš,“ vřískl Bručoun. „Pořád jen jíš. Myslím, že se cpeš až moc. Hraj už!“

„Hraju, už hraju… mlask, mlask…“ zamumlal s plnými ústy Bucla a posouval svou figurku na desce. „Jedna, dva, tři… mlask, mlask… a jsem v domečku,“ zhltl ještě jeden koláček.

„Bože můj, do čehos tu duši dal! Spadl jsi snad z višně? Máš v hlavě seno? Umíš počítat?!“ rozzlobil se Bručoun.

„To teda umím,“ smrtelně vážně odpověděl Bucla. „Koukni, jeden, dva, tři, čtyři, pět koláčů. Jéje, už jen tak málo? Přinesu další,“ pomalu vstával, aby došel pro další koláče.

„Ani se nehni!“ vypískl Bručoun. „Dokud nevyhraju, žádné vstávání.“

„Ale proč? Bez koláčků nemůžu pokračovat,“ protestoval Bucla. „Bez jídla mi nepracuje mozek.“

„Jaký ty máš mozek? Ty nemáš mozek! Jen seno! Ale ty ani žádný mozek nepotřebuješ. Já ti budu říkat, co máš dělat," zakončil litanii Bručoun, překřížil ruce a zachmuřil se.

Bucla vzdychl, schramstl ještě jeden koláč (teď už zůstaly jen čtyři), usedl zpět na židli a pokračoval ve hře.

A právě v této triumfální chvíli, kdy se Bručoun konečně usmál sám pro sebe a rozhodl se, že přišla chvíle vítězně zakončit tuto kdovíkolikátou partii *Trpaslíku nezlob se*, do továrny vletěl děda Mráz, hněvem celý zarudlý.

* * *

„Co je to tu za lenochy?!" strašně zakřičel děda Mráz. Opravdu, zakřičel tak silně, že se zatřásla nejen továrna a celý Sněholed, ale jeho hlas způsobil i silné zemětřesení na Velikonočních ostrovech na zcela opačném konci zeměkoule.

Jistě si dokážete snadno představit, jak hodně se v tu chvíli Bručoun a Bucla vyděsili. Bucla se ani nezakousl do dalšího koláčku a Bručoun – ten si v ten moment byl jistý, že žádný takový hněv ještě nikdy nezažil.

A Dřímal? Dřímala se to nijak nedotklo, spal dál jako dudek. Dokonce si v ten okamžik dovolil i chrápnout!

„Proč nikdo nic nedělá?" zaburácel děda Mráz. „Co je to tu za nepořádek? A tohle – to jsou koláčové drobečky? V mé továrně?!"

„Ale, ale… dědo Mrázi, tobě přece nikdy dřív drobečky nevadily," bylo jen sotva slyšet Buclu.

„Ticho!" křikl děda Mráz. „Jsi propuštěn!"

Bucla a Bručoun nemohli uvěřit svým uším. Propuštěn? Co to mělo znamenat? Ve Sněholedu nebyl nikdy nikdo propuštěn z práce. Ještě nikdy. Neexistovala ani ta nejmenší šance, že by se to mohlo stát. A to z vícero důvodů…

* * *

Zaprvé, ve Sněholedu dělali všichni jen to, co doopravdy chtěli, a dělali to samozřejmě od srdce. Nemohlo se stát, že by někdo dělal něco, co by dělal nerad.

Zadruhé, ve Sněholedu pracovali všichni! Když měli práci, pracovali s plným nasazením a nikdo nebyl líný, a pokud zrovna práci neměli, každý si mohl dělat, co chtěl. Zdřímnout si, zhltnout pár koláčů, přečíst si knihu,

cvičit, vyválet se ve sněhu, zahrát si nějakou hru nebo jen tak sedět a s otevřenýma očima snít. Snění s otevřenýma očima bylo něco, co všichni obyvatelé Sněholedu praktikovali často.

Zatřetí, ve Sněholedu nikdo nedostával za práci, kterou vykonával, zaplaceno, všichni pracovali zkrátka proto, že je to normální a velmi zdravé. Ve Sněholedu, pokud to dosud nebylo zcela jasné, vůbec neexistovaly peníze. Když si někdo, pokud to tak můžeme říct, „kupoval“ něco, například oblečení, hračky, zmrzlinu, polívku, musel to „zaplatit“ milým slovem. To bylo pravidlem Sněholedu.

Nebylo to obyčejné milé slovo, jako například „dobrý den“ nebo „dobré ráno“. Tato a jim podobná slova všichni používali i tak neustále. Snad si ani nelze představit, že by se ve Sněholedu někdo s někým nepozdravil a že by si nevyměnili při té příležitosti pár slov. A tak se všichni ve Sněholedu stále zdravili a byli zdvořilí. Pokud to spočítáme, dá se říct, že obyvatelé Sněholedu se průměrně několik hodin denně jen zdravili.

Platilo se tedy milým slovem a to muselo být určeno právě té osobě, od které jste něco kupovali. Pokud jste si objednali jízdu sáňkami u některého z rychlých sobů, museli jste mu říci něco jako: „Překrásný mladý pane s výjimečně nádhernými parohy, byl byste tak laskav a odvezl mě na zimní stadion, pokud by to ovšem pro vás nepředstavovalo příliš námahy?“

Samozřejmě komplimenty, které jste vyřkli, jste museli myslet opravdově. V tom bylo celé kouzlo takového „placení“! Když řeknete něco, co nemyslíte vážně, hned vás někdo odhalí, a nejenže se nedostanete na zimní stadion, ale vyhodí vás i ze sáněk. Něco takového se však obyvatelům Sněholedu ani lidem, kteří tam žili, ještě nestalo…

* * *

„P… p… propuštěn?“ zmateně opakoval Bucla. „Ale… ale… ale proč?“

„Nedodržení hygienických předpisů,“ odpověděl děda Mráz.

„Nikdy jsem o ničem takovém neslyšel,“ opáčil Bručoun.

„Ty jsi taky propuštěn!“ rozzlobil se děda Mráz.

„Ale proč?“ nasupil se Bručoun. „Co jsem zas udělal já?“

„Neznalost. A to je ještě horší,“ trval na svém děda Mráz.

„Dědo Mrázi, co se to děje? Já nic nechápu,“ skoro se rozplakal Bucla. „Vždyť jsme neudělali nic špatného.“

„Všichni jste propuštěni. Ihned opusťte továrnu.“

„Dědo Mrázi, vzpamatuj se," pronesl Bručoun mírně, což pro něj nebylo nikterak typické. „Pojďme si sednout a promluvit si o tom – jako děda s trpaslíky – abychom tomu nějak porozuměli."

„To není nic, o čem bychom měli diskutovat. Chci, abyste hned odešli a nechali mě samotného," rozzlobil se děda Mráz jako malé dítě.

To už bylo na citlivého Buclu příliš a rozplakal se. V slzách si začal balit koláčky a připravoval se na odchod. Kdyby nebyl tak rozrušen, určitě by smetl i drobečky.

„Uá, nemáme něco k jídlu?" zazívl ospalý hlas z jedné z dárkových krabic. Milostpán Dřímal se zrovinka probudil, aniž by si byl vědom dramatu, které se před chvílí odehrálo v továrně. „Zdálo se mi o pizze!" dodal slastně.

„O pizze? Já ti dám pizzu, ty jeden lenochu," zvolal děda Mráz tak silně, že Dřímal i s krabicí (a dekou) odletěl doslova na druhou stranu haly. Zmatený, ještě ospalý a rozcuchaný seděl Dřímal na zemi, krabici silně tiskl v pažích a konsternovaně se díval na dědu Mráze.

„Dědo Mrázi?" špitl Dřímal. „Co ti je? Nejsi nemocný?"

„Jsi propuštěn!" pokračoval ve svém hněvu děda Mráz. „Všichni jste propuštěni. Ihned odejděte."

„Proč jsem propuštěn?" ptal se stále ještě ospalý Dřímal. „Nic nechápu.…"

„Z důvodu spaní v pracovní době," neúprosně pronesl děda Mráz. „A teď – všichni ven, už vás nechci ani vidět," dodal, obrátil se k nim zády a vzdálil se.

Bucla s pláčem (a s koláči v náručí) vyběhl z haly.

Dřímal opatrně vykročil ke dveřím, za sebou vlekl po podlaze svou deku. Než vyšel úplně ven, obrátil se k rohu, kde stál děda Mráz, a řekl: „Něco se s tebou děje, dědo Mrázi. Změř si teplotu." A odešel.

Bručoun se ani nehnul. Stál a pokukoval do dědu Mrázovi, který se tvářil, že to nevnímá.

Po dlouhém mlčení Bručoun promluvil: „Všechno není tak černé, dědo Mrázi. Ráno moudřejší večera. Zaspíme to, odpočineme si, zítra ráno vstaneme o něco dříve a vymyslíme, co dál. Nebudeme sedět s rukama v klíně. Určitě existuje způsob, jak přimět děti, aby v tebe zase uvěřily. Aby ti zase psaly dopisy. Aby byla továrna plná hraček a my nevěděli, kam dřív skočit. Musí přece existovat něco, nějaký způsob… nějaké kouzlo,

které ještě neznáme. Bude-li to třeba, pomůže celý Sněholed. Co myslíš, to by za to přece stálo, ne?“

Ale děda Mráz jen dál zarytě mlčel.

Bručoun si povzdechl a vykročil k východu.

„Já se tedy nevzdám. A vím, že ani ty ne,“ bylo slyšet u dveří.

Děda Mráz seděl v koutě ještě nějakou chvíli, pak se zavrtěl a pohlédl kolem sebe. Oči měl plné slz.

„Nechte mě tu samotného,“ zašeptal. „Nikoho nepotřebuji. A očividně ani mne nikdo nepotřebuje. Nikdo, nikoho, nikdy, nic…“ zamumlal odevzdaně.

Chvíli ještě zůstal v takovém rozpoložení a pak vyšel ven. Venku už byla tma. Měsíc na nebi svítil tak jasně, že vypadal jako velké zlaté jablko. Hvězdy zářily a šeptem si vyprávěly příběhy o různých vesmírných krajinách. Ale děda Mráz, který si to jindy nenechal ujít, se tentokrát nezastavil a nepozdravil se s nimi, natož aby s nimi byl poklábosil. Měsíc se přiblížil, štěbetání hvězd zmohutnělo, ale nic. Děda Mráz jen zíral na své boty, které za ním ve sněhu zanechávaly hluboké stopy. Mlčel.

Když přicházel ke svému domu, zastavil se a pohlédl do oken. Všichni už spí? Ne, jedno okno ještě svítí. To z ložnice. Paní Rafaela na něj čeká. Ještě chvilku postál a přemýšlel, má-li vejít do domu, nebo se vrátit do továrny. V tom okamžiku zhaslo i světlo z ložnice. Děda Mráz se ještě na chvíli zamyslel a pak těžce vstoupil dovnitř. Hvězdy a měsíc si poprvé všimli, že děda Mráz vypadá jako stařec, jako úplně obyčejný dědeček. Ta zarážející zpráva se za zlomek vteřiny rozšířila po celém vesmíru.

Kapitola čtvrtá

Nejmilejší

… ležela ve velké dřevěné posteli v ložnici, podepřena měkkými polštáři, a přemýšlela, co udělá. Byla rozesmutnělá a zaražená Viktorovým chováním. Paní Rafaela však nebyla člověk, který by jen tak seděl se založenýma rukama. To ne, ona problém vždy rozebrala a vyřešila – tak! Neexistovaly pro ni neřešitelné situace, jen ty komplikované. „A tato je ta nejkomplikovanější, ale když nic horšího…“ utěšovala se Nejmilejší.

Ještě chvilku si rozmýšlela, co udělá, pak sáhla rozhodně po mobilu a začala psát zprávu.

„*Viktore? Nespíš?*“

„*Zdar mami, ne. Jsem na netu. Copak?*“

„*Chlapče, nechtěla bych ti nic vyčítat, ale nechápu, jak jsi někomu mohl říct o nás a o Sněholedu.*“

„*Mami, to je blbost. Nic hrozného se nestalo. Vy jste strašně zastaralí. Časy se mění. Žijte s dobou, je to cool.*“

„*Co je cool? Nic není cool. Víš, jak jsi ublížil tátovi? Jak jen můžeš na něco takového pomyslet? Jak můžeš mluvit o byznysu, o výrobcích?*“

„*Koukni, kdo se nechce změnit, nemusí. Je to prostě cool. Vyřídím tedy, že z toho nebude nic. OK?*“

„*Proč nerozumíš tomu, co ti říkám? Jak ses mohl tak hodně změnit? Kde je můj malý snílek, co se s ním stalo?*“

(*Přečteno.*)

Viktor si zprávu přečetl, ale neodpověděl. Ani teď, ani po chvíli.

Kam se poděl její syn, její malý chytrý Viktor? Dítě s tak velikou fantazií? Dítě, které zbožňovalo pohádky, které mu vykládala, když byl malý? Červenou Karkulku, Princeznu na hrášku, Ptáka Ohniváka a lišku Ryšku a – jeho nejoblíbenější – pohádku o Petru Panovi. Dítě, které nikdy nechtělo dospět. Tak moc se chtěl stát Petrem Panem! Aby nikdy, nikdy nedospěl. Jak to, že tak rychle zapomněl na své přání?

Tak seděla a ptala se sama sebe paní Rafaela. A čekala na odpověď od Viktora. Ale žádná nepřišla.

Čekala také, že se vrátí Mikuláš, její zarmoucený Miška. Ale ani on se neukázal. Nikdo tu nebyl. Všichni ji opustili.

Nejmilejší s hlubokým povzdechem zhasla světlo v ložnici. Měsíc pokukoval oknem, větší než kdy předtím. Paní Rafaele se zdálo, když neklidně klimbala, jako by jí snad něco vypravoval.

* * *

Mezitím v domečku, který se nacházel uvnitř jednoho dutého stromu, tři trpaslíci vzrušeně diskutovali o tom, co se stalo v továrně. Na stolku před nimi stál čaj a ležely koláčky. To je totiž skutečný lék na nervozitu, strach, strádání, zlomené srdce a podobné nemoci duše.

„Děda Mráz je velmi nemocný," pronesl Dřímal a zívl si. „Musíme pro doktora."

„Není nemocný fyzicky… mlask… mlask… má nemocnou dušičku. Hodně mu ublížilo to, že mu už děti nepíšou… mlask… mlask… dopisy," procedil Bucla přes plná ústa.

„Myslím, že je v tom ještě něco. Že se stalo ještě něco jiného," zamyslel se Bručoun.

„Ale co?" ptal se Bucla.

„Nevím," odpověděl Bručoun. „Ale rozhodně to zjistím!" A v témže okamžiku rázně vstal a začal si oblékat kabát, boty a čepici. Bucla a Dřímal na něj udiveně pohlédli.

„Kam jdeš?" ptal se Bucla.

„Zjistit, co se dá. Najít řešení. Pomoci. Musíme dědu Mrázovi pomoci," rozhodně pronesl Bručoun. „Jak jen můžeme a umíme."

„Tak to abychom zabalili dostatek koláčků!" vyhrkl Bucla. „Ty budeme potřebovat, kamkoliv půjdeme." I on vstal a začal si plnit batůžek koláči, bonbony a čokoládami.

„Kam si myslíte, že beze mě jdete?" zvolal Dřímal a sebral deku. „Já jdu taky."

Bručoun se usmál. Věděl, že jej jeho přátelé nikdy nenechají ve štychu. Upřímně řečeno, ani on sám nevěděl, jak by zjistil, co se stalo, a ještě méně si byl jist tím, že bude moci dědu Mrázovi pomoci. Byl přece jen obyčejným trpaslíkem, neměl ani žádnou kouzelnou moc. Ale měl nápad, kdo by snad uměl pomoci, a přesně za ním byl rozhodnutý jít. A potom… kdoví, kam je cesta zavede…

Pouhých patnáct minut nato zhasli trpaslíci světla ve svém stromodomku a patřičně zamkli dveře. Chviličku ještě postáli na verandě a pozorovali hvězdné zimní nebe, na kterém se třpytil měsíc jako ohromná nápomocná lucerna.

Bručounovi se zazdálo, když ostatní vykročili na svou pouť, že se měsíc zvětšil a hvězdy se na nebi přemístily. Věděl však, že to není možné, a tak se obrátil a pospíšil si za svými přáteli.

* * *

Vločka ležela na posteli tiše jako myška. Všichni si mysleli, že spí, ale ona jen zhasla světlo a ležela a mlčela. Nechápala, co přesně se stalo. Jen

věděla, že to vše nějak souvisí s Viktorem a že udělal něco, co V ŽÁDNÉM PŘÍPADĚ nesměl udělat. Jen to byla schopna vyrozumět z nespojitých matčiných slov, přerušovaných pláčem. Když se paní Rafaela uklidnila, nechtěla o tom už mluvit.

Vyrozuměla jen to, ale stačilo jí to. Stačilo to k tomu, aby věděla, že ihned musí něco udělat. A po dlouhém rozmýšlení už věděla i co. Vstala, potmě se potichu oblékla – teplý svetr, boty, kabát, čepici, šálu a rukavice – vzala si tašku, upravila si účes… a otevřela okno. Z tašky vytáhla malou stříbrnou píšťalku a hvízdla.

Píšťalka sice nevydala ani hlásku, ale hned po chvíli byly slyšet tiché kroky ve sněhu. Objevil se Jiskra, mladý a rychlý sob a nosem, který v noci svítil jako malé modré světýlko. Jiskra byl jejím nejlepším kamarádem, jejím nejvěrnějším přítelem. Vločka se naklonila z okna a potichu mu něco zašeptala. Jiskra na ni pohlédl svýma překrásnýma hlubokýma očima a přikývl.

Vločka vylezla z okna a hopsla do sněhu. Okamžitě vyskočila na Jiskru a hop! – oba dva vyletěli vzhůru do nebe.

Jak už víte, kouzelní sobi dědy Mráze uměli velice rychle létat po obloze a neuvěřitelně rychle přeletět z jednoho konce světa na jakýkoliv jiný. Při letu vzhůru se Vločka podivovala tomu, že měsíc je tak veliký a hvězdy se pohybují tak rychle. Ale neměla moc času o tom přemýšlet. Musela splnit velice důležitou misi…

* * *

V témže okamžiku Všeználek Bílý, nejstarší a nejmoudřejší sova ve Sněholedu, vzhlédl k obloze a pocítil nervozitu, kterou vyzařovaly hvězdy. Ačkoliv byl velice moudrý, nedokázal zcela porozumět tomu, co všechno se stalo. Jedno mu však bylo jasné – někdo udělal něco, co bylo striktně zakázáno.

To znamenalo, že nemá času nazbyt. Bez přemýšlení vyletěl oknem ven – ke zlatému měsíci – a jeho ohromná bílá křídla v té noční tmě vypadala úplně černočerně.

* * *

V témže okamžiku…

Olbřímí sochy na Velikonočních ostrovech – ohromné kamenné hlavy, které na ostrovech stojí již od nepaměti a neustále vzhlížejí k nebi, uslyšely šepot hvězd…

… a pochopily původ zemětřesení, které postihlo ostrovy. Pochopily i vše ostatní, ale to už pro ně nebylo důležité. Ostatně, byly to jen kamenné

* * *

A právě v této chvíli se začala jedna veliká a jasná hvězda na druhém konci vesmíru pohybovat… letěla stále rychleji a rychleji, jako by ji někdo honil nebo jako by měla něco vskutku důležitého na práci…

* * *

„*Proč nerozumíš tomu, co ti říkám? Jak ses mohl tak hodně změnit? Kde je můj malý snílek, co se s ním stalo?*“ přečetl si ještě jednou Viktor ve svém pokoji na kolejích v Cambridge a zachmuřil se.

Rozhodl se, že na zprávu neodpoví. Zavrtěl se, zadíval se na obrazovku počítače a odpověděl na Facebooku na zprávu přesladké Míny Jonesové. Pokračoval v psaní si s ní, sem tam se usmíval, ale už nebyl tak nadšený jako dříve.

Snažil se nepřemýšlet o posledních slovech své matky, ale něco uvnitř ho sžíralo. Něco mu zkrátka nedalo spát.

Jak se k němu mohou takto chovat? Vždyť už není žádné dítě! I on přece může mít nějaký nápad, nějaký návrh (i když zrovna tento návrh, abychom byli spravedliví, nebyl jeho, ale pana Riche). A co z toho, že překročil jakési pravidlo… to nic neznamená. Proč by kdokoliv nemohl přijít do Sněholedu, už je přece jiná doba… moderní.

Tak přemýšlel Viktor a psal si se sladkou Mínou ještě dlouho a dlouho a dlouho… A i když nespouštěl zrak z monitoru, v jednu chvíli ho cosi rozrušilo a on pohlédl k oknu.

Něco venku zaznamenal. Nějaký pohyb. Nějaký hluk. Otřásl se a vstal, aby se podíval oknem ven. Ale kromě měsíce, zářícího na nebi nepřirozeně silně, nezahlédl nic.

„Blbost! Jsi přece v šestém patře, co by tam asi tak mohlo být? Nevymýšlej,“ vynadal si Viktor a vrátil se na Facebook ke slečně Míně Jonesové.

Ale nejhorší bylo, že si vůbec neuvědomoval, jak hodně se mýlí…

Kapitola pátá

Děda Mráz

… tiše vstoupil do obývacího pokoje. Všechna světla už byla zhasnuta, ale v krbu ještě dohoříval oheň, který osvětloval celý prostor. Jakýkoliv jiný den by si děda Mráz užíval to teplo a domáckou atmosféru, ale ne dnes. Dnes mu bylo všechno jedno, takže by si ani nebyl nevšiml, kdyby v pokoji byla úplná tma a zima. Tak hodně byl rozčarovaný.

Pomalu dosedl do svého křesla a povzdechl si tak nešťastně, jako by na zádech nosil veškeré neštěstí tohoto světa. V takovém rozpoložení seděl dlouho a o všem přemýšlel.

O dětech, které posílaly stále méně dopisů… a stále méně v něj věřily…

O rodičích, kteří se nesnažili u dětí podporovat fantazii a zapomínali na to, jak jsou pohádky pro děti důležité. Jako by zapomněli, jaké to bylo, když byli oni sami dětmi: to vzrušení v předvečer Nového roku a probuzení dalšího rána… kdy našli dárek svých snů, zrovinka takový, jaký si ho představovali – a jedinečný na celém světě.

O panu Richovi a dalších, kteří profitují na rodičích a prodávají dárky vyrobené ve fabrikách s mnoha stejnými stroji a mnoha stejnými pásy, které produkují milióny úplně stejných hraček.

A o Viktorovi… nejvíce o Viktorovi. Svém synovi, svém malém neposedovi, který místo toho, aby se stal opravdovým následníkem dědy Mráze, vyrostl v úplně jiného člověka. Měl pokračovat v plnění dětských snů a tužeb. Co se stalo? Proč se tak změnil? Bylo snad chybou, že mu dovolil odejít ze Sněholedu? Ale jak jinak by se byl mohl stát následníkem dědy Mráze, kdyby nepoznal svět a nenaučil se, co je dobré a co špatné? Kdyby neznal dobré a špatné stránky lidí?

Příliš problémů… přespříliš, pomyslel si děda Mráz. A kromě toho – Viktor překročil zákon! Vyprávěl neznámému člověku o nich a o Sněholedu! Taková věc se nestala už dávno… Jak vlastně dlouho to je? Ále, kdo by to počítal… A navíc – to teď není důležité. To, co ho nejvíce bolelo, bylo, že Viktor, ten jeho Viktor, kterého on sám vychoval a učil, překročil zákon!

Tak rozmýšlel a smutnil děda Mráz ještě dlouho do noci, než si únavou zdříml. A když si zdříml, začal snít…

* * *

Najednou se objevil ve středu Sněholedu. Právě na malém náměstíčku, kde se nacházely veliké hodiny s orlojem… Něco však bylo jinak, něco nebylo tak, jak mělo být. Ale co? To děda Mráz nemohl zjistit, ať se snažil, jak chtěl.

Vykročil ze svého místa do ulic Sněholedu. Kde jen všichni jsou? Proč tu není ani noha? Ani trpaslíci, ani zvířata, ani sáňky… Děda Mráz pohlédl na domky, obchody, cukrárny… ale všude byla tma.

Snad všichni nespí? ptal se sám sebe děda Mráz. Přiblížil se k jednomu domku a teprve tehdy zjistil, co není v pořádku. Domek byl opuštěný… Všechny domky byly opuštěné. Okna byla vymlácena, dveře doširoka otevřené, vevnitř všechno rozházené, ušpiněné, osamocené. A co mu bylo hned ze začátku ještě divnější – ani hodiny s orlojem nefungovaly. Ručičky a čísla nesvítily. Všechno bylo pusté, prázdné a strašlivé.

Děda Mráz se vylekal. „Já snad spím," zašeptal si. „Tohle je jen zlý sen."

Vykročil ke svému domu. Chtěl zjistit, co se děje tam.

Se strachem se přibližoval, bál se, že dům najde zcela rozbořený. Když vešel do dvora, všiml si, že okny prosvítá slabé světlo. „Někdo tam je!" rozrušil se a pospíšil si. Došel až k domu a oknem obývacího pokoje se podíval dovnitř.

Krb hořel a v jeho křesle někdo seděl. „Hm," odfrkl si, „to přece nejsem já! Kdo mi to sedí v křesle?"

Okna byla zamlžena. Musel by vejít dovnitř, aby zjistil, kdo si dovolil posadit se na jeho oblíbené místo.

Když vstupoval do domu, ohlédl se k továrně. Stála tam tmavá a osamocená. Stroje nepracovaly. Vše bylo zasněžené. Už měsíce nikdo sníh nevyčistil. Děda Mráz se otřásl. Ještě štěstí, že to je jen sen.

Vešel dovnitř a ihned se vydal do obývacího pokoje. Otevřel dveře. V jeho křesle, nasvětleném ohněm z krbu, seděl nějaký starý muž. Člověk, kterého děda Mráz nepoznal. Stařec pomalu zvedl hlavu a pohlédl na dědu Mráze.

Kdo jen může být ten smutný stařík, pomyslel si děda Mráz. Znám ho, ale nemůžu si vzpomenout odkud.

Stařec pohlédl na dědu Mráze zaskočeně a hlesl: „T… táto?"

Udivený děda Mráz si vzpomněl, odkud zná toho chudáka starce. Byl to Viktor! Jeho Viktor, jen hodně, hodně zestárlý. A sešlý. A smutný. Co se tu asi stalo?

„Táto!“ křikl zestárlý Viktor. „Táto, prosím tě, odpusť mi,“ rozplakal se jako malé dítě.

Děda Mráz se viditelně otřesen přiblížil k Viktorovi, chtěl se ho dotknout… ale nějaká neviditelná síla mu to nedovolila.

„Chlapče,“ zvolal děda Mráz a pokusil se ho pohladit, aby ho utěšil… ale ta neviditelná síla mu v tom zabránila, vlekla ho od Viktora pryč.

„Táto,“ hlesl Viktor a natáhl k němu ruku, aby ho zachytil. „Táto, neopouštěj mě.“

„Chlapče,“ zakřičel děda Mráz… a vzbudil se zalitý studeným potem.

* * *

Oheň v krbu už skoro dohořel. Venku už měsíc ukončil svou nebeskou pouť a hvězdy… hvězdy si špitaly a nevěnovaly mu pozornost.

„Byl to jen sen,“ utvrdil se děda Mráz a oddychl si. „Jen zlý sen, nic víc.“

Vstal, přiložil do krbu a prohrábl uhlíky. Po pokoji se rozlilo přívětivé světlo a teplo. Otevřel okno, aby trochu vyvětral, a zadíval se do hvězdné oblohy.

„Jen sen,“ zopakoval ještě jednou.

Jak tam tak stál, všiml si, že po obloze letí hvězdy… byla stále větší a **větší** a **větší** a **VĚTŠÍ**!

„Co to může být?“ podivoval se děda Mráz, dokud se hvězda nepřiblížila až úplně k němu. Děda Mráz měl obličej zcela osvětlený a hvězda byla ohromná jako slunce… jako… jako… Zavřel oči a očekával, že ho každou chvíli ta mysteriózní hvězda spolkne!

Íííí – bum! udělalo něco v pokoji za ním. Děda Mráz se vyplašeně otočil a tam, uprostřed obývacího pokoje, osvětleného jasným světlem, stála nejkrásnější žena celého Vesmíru (alespoň to si v tu chvíli děda Mráz pomyslel). Měla dlouhé stříbrné vlasy a ohromné tmavofialové oči. Oblečena byla do nádherných stříbřitých šatů, křehkých jako pavučina, a na zádech měla veliká průsvitná a něžná křídla.

„K… kdo… co?“ zmateně zamumlal děda Mráz.

„Víla, těší mě,“ představila se kouzelná krasavice něžným zurčivým hlasem a upřela na dědu Mráze své veliké fialové oči.

„Jaká víla?“ ptal se stále rozrušený děda Mráz.

„Prostě Víla,“ odpověděla vesele. „Jmenuji se Víla. Víš přece, ta z pohádek.“

„Aha,“ odtušil děda Mráz a tvářil se, že už mu je vše jasné. „Jak bych vám mohl pomoci, krásná paní?“ Děda Mráz si pomyslel, že když se jí zeptá takto uctivě, možná si nevšimne, jak hodně je roztřesen.

Ale Víla se, jak nejkrásněji dovedla, rozesmála a smála se a smála se a smála… A děda Mráz díky jejímu nádhernému smíchu zapomněl na všechny těžkosti a na zlý sen a začal se smát s ní.

A když se dosmáli, Víla ho obdařila pohledem svých hlubokých fialových očí a co nejvážněji mu řekla: „Jsem tu, abych ti pomohla, dědo Mrázi. Víš, každý z nás občas potřebuje pomoc, takže se snažíme, jak nejvíce můžeme a umíme, pomáhat ostatním.“

Děda Mráz se zamyslel a… ano, Víla měla pravdu. Zrovna teď by nějakou tu pomoc opravdu potřeboval. Ale jakou? A s čím nejdříve? Tolik problémů, tolik těžkostí… a srdce měl zlomené od svého mladého a nevycválaného Viktora.

Víla jako by mu četla myšlenky. „Neboj se, dědo Mrázi,“ dodala, „uvidíme, co se dá dělat. Ale nejdřív potřebuju heřmánkový čaj. A koláče s višňovou marmeládou. Zbožňuju višňovou marmeládu.“

Děda Mráz bez rozmyslu vyrazil do kuchyně, aby Víle splnil její přání. Kdo by to pro ni nebyl udělal?

Kapitola šestá

Někde ve Sněholedu

… v nevelkých úzkých uličkách, jaké Bucla a Dřímal ještě nikdy neviděli, se Bručoun najednou zastavil, zrovna uprostřed křižovatky, a zamyslel se.

„Bylo to snad támhle… ne, nemůžu si vzpomenout. Myslím, že ano, bylo to tam," nejistě řekl. „Ještě chvilku půjdeme touhle ulici, a když to tam nebude, vrátíme se."

Bucla a Dřímal se na něj rozpačitě podívali.

„Ale kam jdeme?" ptal se Bucla. „Na téhle ulici se motáme snad už hodinu. Myslím, že se točíme v kruhu."

„Jasně, že se motáme v kruhu," opáčil Bručoun. „A do té doby, než si vzpomenu, jak se tam dostat, se točit prostě budeme." Pak ztišil hlas skoro do šepotu a řekl: „Naposledy, když jsem u něj byl, jsem měl pět let. Jenom pět. Byl jsem ještě malý trpaslík, který nevěděl nic o životě. Ale pamatuju si, jako by to bylo včera, když jsme s otcem vcházeli do toho polorozpadlého domku…"

„Bručoune, prosím tě, řekni nám, kam jdeme," netrpělivě žadonil Dřímal. „Proč je to místo tak tajné?"

Bručoun se najednou zatvářil velice vážně a tajnůstkářsky. „Dobře," špitl. „Pojďte blíž, pošeptám vám to."

Bucla a Dřímal se k němu spiklenecky přiblížili. Všichni tři teď stáli tak blízko a měli tak soustředěné výrazy ve tváři, že to zvnějšku vypadalo dokonce i směšně.

„Jdeme k Ardamelovi," skoro neslyšně zašeptal Bručoun.

Bucla a Dřímal vytřeštili oči a pohlédli na sebe. Ta zpráva byla tak neuvěřitelná, že trpaslíci zůstali doslova bez řeči.

* * *

Ardamel Prastarý byl legendou! Bucla a Dřímal si mysleli, že asi ani neexistuje, nebo pokud snad někdy žil, určitě už není mezi živými. Dokonce doteď ani neslyšeli o tom, že by ho někdo někdy viděl. To, co jim řekl Bručoun, bylo něco tak fantastického a tak neuvěřitelného, že potřebovali alespoň dvacet vteřin, aby přišli k sobě.

„T… t… tomu nemůžu uvěřit," první se vzpamatoval Dřímal. „Ardamel je nejstarší trpaslík na světě. A nejmoudřejší. Ale já jsem si myslel, že to je jen mýtus. Copak on opravdu existuje?"

„Existuje," opáčil Bručoun. „Jen si musím vzpomenout, jak se k němu dostaneme."

„A tys celou tu dobu věděl, že existuje?" nevěřícně se zeptal Bucla. „A nikdys nám nic neřekl? Nikdys nás k němu nevzal?"

Bručoun se na něj zamračil. „To je jasné, že jsem o tom nemluvil, o takových věcech se nemluví. Copak si myslíte, že si jen tak můžete přijít k nejstaršímu trpaslíkovi na světě a posadit se u něj na kus řeči?"

„… a na čaj a koláčky…" dodal Bucla.

Bručoun obrátil oči v sloup. „Přestaňte, prosím, a to hned. Chtěli jste vědět, kam jdeme? Tak už to víte. A proč tam jdeme? Protože neznám nikoho jiného, kdo by nám mohl pomoci v tak těžké situaci. A teď už mlčte a nechte mě přemýšlet," bručel Bručoun a obrátil se k nim zády.

Bucla a Dřímal tam tiše stáli ještě dlouho a pozorovali nazlobeného Bručouna. Vlastně se na něj snažili nedívat, ale byla jim taková zima, že po chvilkách pokukovali, aby zjistili, jestli se něco nezměnilo. Ale Bručoun jen stál a zíral do temných uliček. Do první, druhé, třetí… Když si oba trpaslíci pomysleli, že už nemají naději a že je ráno všechny najdou zmrzlé zrovinka na tomto místě, Bručoun povyskočil a usmál se.

„Myslím, že už vím," rozveselil se a tím zcela vykolejil své druhy. Bručoun a veselý? To je dost podivné. „Vzpomněl jsem si na jeden detail, který jsem si zapamatoval při té jediné cestě, když jsem tam šel. Vzpomněl jsem si, že na jednu starou studni ve dvoře Ardamelova domu. Najdeme-li studni, najdeme také Ardamelův dom."

„Hmm, možná bychom se měli rozdělit," napadlo Dřímala. „Každý ať si vybere jednu uličku a tam ať hledá!"

„Bravo, Dřímale! Skvělý nápad," nadchl se Bručoun. „Každý si vybere jednu uličku a dojde až na její konec. Až s hledáním skončíme, sejdeme se zase tady. Doufám, že se nám to povede…"

„Tak to bude nejlepší," dodal Bucla. „Protože já už bych si opravdu rád dal čaj… s koláčky."

A jak řekli, tak udělali. Rozdělili se a každý vyrazil do té své uličky…

* * *

… Bručoun a Bucla čekali skoro půl hodiny na křižovatce. Ani jeden z nich v žádném dvoře nenašel žádnou studni, a to nakukovali do všech dvorů, které měli po cestě. A Dřímal? Dřímal nikde…

Když už se Bručoun rozhodl, že ho půjdou hledat, vystoupil ze tmy Dřímal, ospalý a udýchaný. Bručoun a Bucla se k němu vrhli.

„Našel… našel jsem studni," vydechl Dřímal. „Byla celá zasypaná sněhem, jen tak tak jsem ji zahlédl. Je tam, úplně na konci uličky, v jednom tmavém opuštěném dvoře. Stojí tam jeden domek, starý a polorozpadlý. V okýnkách se svítí. Chtěl jsem se jít podívat blíž, bloumal jsem tam docela dlouho, ale dost jsem se bál."

„Měl ses hned vrátit, a nebloumat tam," nazlobil se Bručoun. „Jen kvůli tobě ztrácíme čas. Běž napřed a veď nás!"

„Dobře, dobře," zívl Dřímal. „Beztak bych si zdřímL…"

* * *

Všichni tři stanuli před dvířky prastarého domku. Bručoun zvedl ruku, aby zaklepal, ale nebyl úplně rozhodnutý, tak to oddaloval… Na dvoře Ardamela Prastarého se přece neklepe jen tak. Podíval se na své přátele a hledal u nich oporu. Podívali se na něj vyplašeně, ale Bucla mu souhlasně pokývl hlavou. Dřímal udělal totéž.

Bručoun se narovnal a bodře zaklepal na dveře.

Nic… jako by tam nikdo ani nebyl. Žádný zvuk, žádný pohyb.

Bručoun statečně zaklepal ještě jednou. Po chvilce uslyšeli trpaslíci tiché kroky. Někdo přicházel otevřít dveře!

„Skříííp," udělaly dveře a trpaslíci poskočili, celí vystrašení. Dveře se doširoka otevřely a před nimi stál – ano, opravdu to bylo tak – nejstarší trpaslík na světě.

Ardamel byl tak hodně starý, až byl celý vrásčitý, shrbený, zarostlý bílými vlasy a bílými vousy, kosti jako by mu při každém kroku chrastily, a očima jen mžoural. A co víc, na první pohled vypadal vskutku senilně, takže si trpaslíci pomysleli, že celé to bloudění a mrznutí v uličkách Sněholedu bylo nesmyslné.

Ale v okamžiku, kdy Ardamel promluvil, pochopili, že se ve svém předčasném úsudku zmýlili. „Hmm, jestli se nepletu, tohleto je mladý pan

Bručoun,“ pronesl Ardamel. „Jakpak je to dlouho, cos u mě byl naposledy?“

„D… devadesát let,“ odpověděl vystrašeně Bručoun. Nedokázal si vysvětlit, jak si na něj Ardamel mohl ještě pamatovat.

„Jen tolik?“ rozesmál se Ardamel. „Tak pojďte, pojďte dovnitř, nestůjte na prahu. Pojďte dovnitř, povykládáte mi, copak tak veledůležitého vás ke mně donutilo přijít právě uprostřed noci.“

Ardamel poodstoupil od dveří, aby vpustil trpaslíky dovnitř. Když vcházeli, uslyšeli mávnutí křídel, jako by zrovinka v té chvíli ze dvora vyletěl nějaký pták. Udiveně se ohlédli, aby zjistili, co se stalo, ale na dvoře byla taková tma, že nebylo vůbec nic vidět.

„Co to bylo?“ podivil se Bručoun. „Nějaký pták?“ Ale Ardamel už kráčel chodbičkou dolů a jen na ně křikl, ať si pospíší a zavřou za sebou.

* * *

Ardamel pozorně poslouchal Bručounovo vyprávění, v němž aniž by vynechal sebemenší detail, popisoval trpaslík celou tu událost v továrně. Nakonec vyložil i svou nejtajnější pochybnost, totiž že příčinou toho všeho, co se stalo, nebylo jen málo dopisů od dětí, ale něco jiného, mnohem závažnějšího.

„Ale nevíme, co by to mohlo být, ani jak bychom mohli pomoci,“ dodal Bručoun. „A proto jsme přišli sem, abychom se na to zeptali tebe. Vím, že i můj otec za tebou chodil, když věci vypadaly neřešitelně a když bylo potřeba najít nějaké… hm… jinačí řešení,“ řekl Bručoun. „Řešení, k němuž je potřeba, nevím… snad trochu kouzel?“

Ardamel se jen usmál. Vůbec se nepodivoval tomu, co mu Bručoun vyprávěl. Bručounovi se dokonce zdálo, že ten starý trpaslík už dávno všechno ví. „Jak by to bylo možné?“ pomyslel si Bručoun. „Jak by to mohl všechno vědět?“

„Mohl byste… kous, kous…“ začal Bucla a ukusoval přitom koláčky (opravdu, Ardamel je skutečně pohostil koláčky a čajem), „pomoci dědu Mrázovi? Neznáte… mlask, mlask… nějaké kouzlo?“

„Ne, neznám žádné kouzlo,“ odpověděl Ardamel. „A nemyslím si, že bychom se my, trpaslíci, měli zabývat kouzly. Ale můžu vám říct, že to, že jste se mu rozhodli pomoci, aniž byste věděli, co se skutečně děje… a bez promýšlení jste se vydali hledat nějaké řešení ještě téže noci… to o vás

hodně vypovídá. Je jasné, že jste opravdoví přátelé a stateční trpaslíci. A to vidím vážně rád.“

Bručoun a Bucla byli pyšní sami na sebe, že o sobě od Ardamela slyší taková pochvalná slova. Ano, jen Bručoun a Bucla, protože Dřímal, jak jistě předpokládáte, si musel na chvilku zdřímnout. Ale nikdo se za to na něj nezlobil. Vždyť kdyby nebylo jeho, možná by ještě bloudili a hledali Ardamelův dům.

„Můžete nám pomoci?“ ptal se Bručoun. „Víte, co se to děje s dědou Mrázem?“

„Nevím,“ odpověděl Ardamel. „Ale možná něco cítím. Cítím, že je podveden, a to několika stranami najednou. A myslím si, že pomoc potřebuje nejen on, ale také někdo další, ano… Ještě víc ji potřebuje někdo další. To, co se děje, může být velice zlé pro nás všechny, zvláště pokud hned něco neuděláme. A proto si myslím, že jste přišli v pravý čas na pravé místo.“

Bručoun a Bucla byli trochu rozpačití z toho, co Ardamel řekl, ale zároveň byli příliš rozrušení, než aby se zajímali o podrobnější vysvětlení.

„Takže nám pomůžeš?“ zeptal se Bručoun.

„Pomohu vám tím, že vás pošlu k někomu, kdo by mohl pomoci… nebo si to alespoň myslím, ano… k někomu, kdo na rozdíl ode mě umí trochu kouzlit,“ tajemně se usmál Ardamel.

Teď už byli oba trpaslíci opravdu zmatení.

„Ke komu nás pošlete?“ zeptal se Bucla. „K nějakému velkému čaroději?“

„Cheche,“ zasmál se tentokrát hlasitě Ardamel. „Dá se to říci i tak, cheche… ano, ano, čaroděj… vlastně proč ne, v určitém slova smyslu to je čaroděj.“

„Kdo? Kdo to je?“ vzrušeně poskakoval Bucla. Byl tak vzrušený, že si zapomněl vzít další koláček!

„Pohádkář,“ nedbale odpověděl Ardamel. „Pošlu vás k Pohádkáři.“

„Pohádkář je čaroděj?“ byl na pochybách Bručoun. „Divné jméno – Pohádkář.“

„Jak jsem řekl,“ zamumlal už trochu rozladěně Ardamel, „není to opravdový čaroděj. Je to vypravěč pohádek.“

„Ale tedy v čem je to… mlask, mlask… kouzlení?“ zeptal se Bucla a vsunul si do úst další koláček.

„V tom, že umí oživit pohádky,“ odpověděl Ardamel. „A teď rychle, vstávejte… nemáme času nazbyt… všechno vám vysvětlím, až budeme čekat na dopravní prostředek.“

Kapitola sedmá

Hú! Hú!

… bylo slyšet houkání sovy. Viktor se vzbudil celý zpocený. Vzpomněl si na svůj sen a otřásl se. Noční můra.

„Hú! Hú!“ ozvala se znovu sova.

Odkud přichází to houkání, ptal se sám sebe Viktor. Přiblížil se k oknu a vykoukl ven. Ale venku byla jen černočerná tma. Měsíc se schoval. Viktor otevřel okno a zadíval se do tmy. Najednou uslyšel zvuk křídel a jedna veliká hnědá sova vlétla do pokoje a přistála na Viktorově pracovním stole.

Viktor hleděl na sovu udiveně. Sova na Viktora zcela klidně.

„Odleť pryč, kšá!“ křikl Viktor.

„Hú – hú?“ jako by se sova ptala proč.

„Tady nemáš co dělat, odleť… tam si dělej, co dělají všechny sovy… loví myši… nebo něco jiného,“ nervózně zamumlal Viktor. Ještě stále měl špatný pocit ze svého snu.

„Hú – hú! Hú – hú!“ ozvala se sova, aniž by se pohnula z místa.

Sova vypadala jako jedna ze sněžných sov ze Sněholedu, ale byla menší, hnědá a samozřejmě tohle byla obyčejná sova, která neumí mluvit. Alespoň to si pomyslel Viktor, když pozoroval sovu.

„Hú – hú!“ ozvala se zase sova.

„Proč mě trápíš?“ křikl na sovu Viktor. „Kšá, odleť pryč…“

Ale sova ho jen pozorovala a ani se nehnula.

Otevřeným oknem sem zadul vítr. Viktor se otřásl. Venku byla zima. A sen… Vzpomněl si na svůj sen.

„Nebyla v tom snu snad nějaká sova?“ zamyslel se. „Jako by tam něco takového opravdu bylo…“

* * *

Začalo to jako krásný sen, a ne jako noční můra. Byla to krásná představa budoucnosti, zrovna taková, jakou si ji představoval Viktor.

Viktor v ní zdědil továrnu dědy Mráze a rozvinul velice úspěšný a moderní byznys. Děda Mráz odešel do penze a Viktor společně se svým partnerem Georgem Richem vyráběli v továrně hračky a posílali je do obchodního centra lorda Riche.

Samozřejmě, v továrně se teď pracovalo úplně jinak než dříve. Efektivněji a ekonomičtěji – to byla Viktorova oblíbená slova. Hračky se vyráběly sériově a tím se hodně ušetřilo, a samozřejmě – prodávaly se, čímž se vydělávaly peníze. Efektivita, úspora, výdělek – přesně tak!

Nejlepší bylo, že Viktor vymyslel pro továrnu úplně nové stroje. Jeho nápad se stroji byl geniální! To přiznal i George a lord Rich.

Do nových strojů nepřicházely dětské sny. Proč? Zaprvé, děti už dávno nepsaly dopisy s přáními, ani nevěděly, co si přejí. Jak by taky mohly? Byly zavaleny miliony hraček ze všech stran. Po čem sáhnout dříve? Proto i celá ta výroba dárků z přání byla zastaralá, neefektivní a drahá.

Pokud snad někdo chtěl mít jedinečnou hračku, prodávala-li se vůbec, musel zaplatit mnoho peněz. Ale rodiče chtěli platit méně, i když tak kupovali něco, co nebylo zdaleka tak hodnotné.

Proto Viktor vymyslel něco jiného: do strojů se přidávaly místo dětských přání „krásné“ lži. Věřte nebo ne, výsledek byl vlastně stejný. Hračky rozhodně zanechávaly dojem, byly barevné a přitažlivé. Nebyly tak jedinečné jako ty, které byly vyráběny z dětských přání, ale byly přitažlivější než všechny ostatní hračky, které se vyráběly v obyčejných továrnách po celém světě.

A jak to fungovalo? Jak ze lží mohly vzniknout krásné hračky? To je jednoduché. Do strojů se nedávaly všechny lži, ale jen ty „krásné“. Ty, v nichž se odráželo to, co lidé chtěli slyšet.

Například: „Máte velice krásné oči,“ zalhal jeden chlapec jedné úřednici, aby urychlila to, co po ní chtěl – a ze stroje vypadla velká panna s ohromnýma očima.

Nebo: „Jak mě jen těší, že máš tak skvělé nové auto," řekl jeden hoch svému kamarádovi, ale ve skutečnosti mu záviděl – a hop, stroj vyplivl krásné autíčko.

Jistěže, tyto sériové hračky nebyly jedinečné, ale pro děti byly přitažlivější než ty vyrobené v jiných továrnách. Lži dělaly své, byly schopny očarovat děti i dospělé… alespoň tak se to Viktorovi zdálo ve snu.

Ale to byla jen první polovina snu. Ve druhé polovině se věci zvrtly. Zaprvé, George se rozhodl, že investuje ještě více peněz a že po světě otevře další takové továrny. Vyrobily se další stroje… ještě hodně, hodně strojů. A ze všech těch strojů vypadávaly úplně stejné a přitažlivé hračky vyrobené ze lží. Byznys se rozrůstal. George investoval stále více a Viktor pocítil, že už se ho nikdo neptá na názor. Nikdo ho ani nezval na důležité schůzky. Na ty chodil jen George.

Jednoho dne do Viktorovy kanceláře vešlo několik lidí v černých oblecích. Představili se jako Georgovi právníci. Nabídli Viktorovi, že odkoupí jeho podíl (který už i tak byl mnohem menší než ten Georgův). Předložili mu horu smluv, které už dříve Viktor podepsal a které byly sepsány tak, že Viktorovi zbylo jen málo prostoru k vyjednávání. Buď podepíše a prodá svůj podíl za určitou (ne moc vysokou) sumu, nebo mu nezůstane nic!

„Jaký jsem to byl hlupák!" pomyslel si Viktor ve snu. „Jak jsem jen mohl těm lidem věřit?" Nejhorší ze všeho bylo, že George tímto aktem získal i továrnu ve Sněholedu. Co se s ní teď jen stane?

Ale protože neměl na výběr, musel Viktor podepsat. Od chvíle, kdy smlouvy podepsal, začal se Viktorův sen přetvářet, rozostřovat, měnit v sen jiný… proměnil se čas i místo… a…

* * *

Najednou se Viktor objevil venku ve sněhu, na dvoře domu ve Sněholedu. Vše bylo tmavé, zasypané sněhem, který nikdo nevyčistil. Dům i továrna byly zcela opuštěné. Viktor se zvládl dostat závějemi až k domu a otevřít dveře. Vešel dovnitř. Byla tam tma a zima a všude bylo plno prachu. Prohrabal si kapsy a našel sirku. V chodbě vždycky stály ohromné svíce, určitě tam ještě nějaká bude. Škrtl sirkou a našel jednu svíci, kterou zapálil.

„Tak, teď uvidíme, jestli dokážu zapálit oheň v krbu," řekl si. „Potřeboval bych se ohřát."

Při průchodu do obýváku si všiml velkého zamrzlého zrcadla. Zastavil se před ním a polil ho studený pot.

Ze zrcadla si ho prohlížel nějaký zbídačený stařec! „Co to má znamenat?“ polekal se Viktor. „Proč vypadám tak staře, sešle a zchudle v potrhaném oblečení jako nějaký žebrák?!“

V té chvíli stařec v zrcadle začal mizet, zrcadlo se začalo zamlžovat a na jeho místě se objevil obraz gigantické sněžné sovy.

„Všeználku Bílý!“ polekaně vykřikl Viktor. „Co se to se mnou jen děje? Proč jsem tak starý a zsinalý?“

„To jsi ty za 50 let,“ zněl jako ozvěna hlas Všeználka, jako by se ozýval odněkud z daleka. „Starý, zsinalý a osamělý. Všechno jsi zničil a zůstal jsi bez nikoho a ničeho. Všechny jsi nás zradil!“

„To přece není možné,“ skoro zaplakal Viktor.

Obraz Všeználka začal blednout a v zrcadle se znovu objevila ta strašlivá vidina zestárlého Viktora.

„Všeználku! Vrať se!“ zvolal Viktor.

„Hú – hú! Hú – hú!“ ozvala se sova a Viktor se probudil na své koleji v Cambridge.

* * *

„Ano, ve snu byla opravdu sova. Všeználek,“ rozpomněl se Viktor a pohlédl na sovu. Ta bez mrknutí oka zazírala na Viktora a seděla si dál na jeho pracovním stole.

„Byl to jen zlý sen. Určitě jsem byl rozrušený. Za to mohou mamka a táta,“ vysvětlil Viktor sově.

„Hú – hú!“ odpověděla sova na protest.

„A ty už si dej odchod,“ naštvaně dodal Viktor, jako by zcela vážně mluvil s někým, kdo mu rozumí. „Leť už, kšá!“

Sova se ani nepohnula.

Viktor přistoupil k oknu a snažil se ji odehnat.

„Ven! Kšá!“

V té chvíli uslyšel hlas. Hlas nepřicházel zevnitř z pokoje, kde stále seděla sova, ale zvenku.

„Jak se tak koukám, začal jsi mluvit sám pro sebe,“ ostře ho pokáral hlas. Viktor šokovaně pohlédl ven. Na balkónku před ním stála jeho sestra Vločka!

Vločka se jedním skokem dostala dovnitř do pokoje. Stoupla si před Viktora a přísně se na něj podívala: „Tobě snad přeskočilo," řekla Viktorovi.

„Nemluvím sám se sebou," začal se obhajovat Viktor. „Chtěl jsem jen vyhnat tu sovu," dodal a ukázal na pracovní stůl.

„Jakou sovu?" jedovatě se zeptala Vločka. „Vždyť tady žádná není."

Viktor se podíval lépe. Ze sovy tu nezbylo ani pírko. Začal ji hledat okolo, prohledal všechny kouty, podíval se i pod postel. Nic! Kam se mohla podít? Kdyby vylétla ven oknem, všiml by si toho.

Viktor zůstal bez sebe. Nejdříve ty zprávy od mamky, pak ten sen, sova a nakonec jeho sestra. To už bylo opravdu moc!

„Co tu chceš?" zeptal se naštvaně Vločky.

Vločka se na něj nevěřícně podívala. „Jsem tu, abych zjistila, jakou hloupost jsi provedl," odpověděla. „A abych se tě pokusila zachránit, dokud je ještě čas."

„Před čím mě chceš zachránit?" cynicky odsekl Viktor. „Před mámou a tátou? Já už nejsem dítě jako ty!"

„Před Ústavním soudem Sněholedu, ty blbče," vrátila mu stejně Vločka. „Při každém překročení zákona je soud a pak vynesení rozsudku. A jak sám víš, trest za překročení zákona Sněholedu je opravdu, ale opravdu přísný…"

Viktor zbledl. Ani na chvíli nepomyslel na Ústavní soud a na možné následky.

Kapitola osmá

Velké sněžné sovy

… tiše letěly nocí. Bručoun se pevně chytil sovy, na které seděl. Na začátku, když vzletěli, se bál tak, že určitou dobu nemohl ani otevřít oči. Ale brzy si zvykl a začal si let užívat. Líbil se mu vítr, který kolem silně vanul, rychlost, kterou svištěli, hvězdy, které nad ním svítily…

Sem tam se přiblížili až k oblakům a pak se spustili dolů, skoro až do korun stromů. Když byli nízko, mohli pozorovat domky ve vesničkách, vysoké

budovy ve velkých městech, řeky, hory, lesy… Letěli velice rychle, jako by letěli letadlem! Sněžné sovy ze Sněholedu nebyly tak rychlé jako kouzelní sobi dědy Mráze, ale byly rychlé jako letadlo, a snad i rychlejší. (Bručoun to nemohl vědět s jistotou, protože doteď ještě v letadle neletěl.)

Čas od času se podíval na zbylé dvě sovy, na kterých letěli Bucla a Dřímal, a nemohl uvěřit tomu, že Dřímal si jen tak bezstarostně pospává. Copak se nebojí, že spadne? ptal se Bručoun sám sebe. To naopak Bucla byl velice rozrušen. Kdykoliv, kdy se jeho sova přiblížila k té Dřímalově, mával Bucla rukama a radostně výskal. Bručoun ho ani jednou neviděl jíst a to bylo dobře. Bucla jedl až moc koláčků a každý trpaslík ví, že příliš mnoho koláčků zdraví neprospívá.

„Jak dlouho už letíme?“ ptal se Bručoun a vzpomněl si na Ardamela a na rozhovor, který vedli před odletem…

* * *

Ardamel Prastarý vytáhl z kožené tašky malý roh, lehce ho pohladil a foukl do něj. Bucla, Bručoun a Dřímal (který si zcela odpočatý poskočil na sněhu) se udiveně rozhlédli okolo.

„Copak to asi bude za dopravní prostředek?“ pomyslel si Bručoun. „A kde asi tak žije Pohádkář?“

Za chviličku uslyšeli třepotání křídel a před ně se snesly tři sněžné sovy. Ardamel k nim přistoupil a dal jim nějaké instrukce, ale Bručoun stál moc daleko na to, aby ho mohl slyšet. Pak Ardamel pokýval na trpaslíky, aby přišli blíž.

„Posílám vás na dlouhou cestu,“ řekl Ardamel, než vyletěli. „Pohádkář žije daleko, až v Londýně v Anglii. Ačkoliv je to odtud daleko, je to blízko k vašemu skutečnému cíli cesty.“

„Jak to myslíš, blízko? Jaký cíl?“ podivil se Bručoun. „Neměli bychom náhodou pomoci dědu Mrázovi?“

„A děda Mráz je přece tady, ve Sněholedu,“ dodal Dřímal.

„To ano. Posílám vás do Londýna a odtamtud do Cambridge,“ odpověděl Ardamel. „Protože právě tam je někdo, kdo v současné chvíli potřebuje pomoc ještě mnohem více.“

„Viktor,“ vzpomněl si Bručoun. „Posíláš nás k Viktorovi. Věděl jsem, že ještě něco dědu Mráze trápí.“

„Tomu nerozumím,“ vmísil se Bucla. „Proč Viktor potřebuje pomoc?“

A tak jim Ardamel povykládal v kostce celý příběh: Viktor překročil zákon, pověděl neznámým lidem o dědu Mrázovi, a vůbec – dostal se na scestí.

„Pomůžete-li Viktorovi, pomůžete i dědu Mrázovi a celému Sněholedu," s vážnou tváří dopověděl Ardamel.

Odkud to vše Ardamel věděl, to Bručounovi, Buclovi a Dřímalovi nebylo jasné. Ale dá se předpokládat, že taková živá legenda jako Ardamel určitě zná způsob, jak se dozvědět, co přesně se děje ve Sněholedu a i jinde.

„Ten chlapec potřebuje opravdu hodně pomoci," pokračoval Ardamel. „Něco se s ním děje. Zapomněl na své sny, ztratil svou fantazii a jeho srdce – to zkrátka není na pravém místě. Je potřeba ho vrátit tam, kam patří!"

„Ale jak? Co máme udělat?" ptal se Bucla.

„O tom si promluvíte s Pohádkářem," odpověděl Ardamel. „On už bude zpraven o tom, že k němu dorazíte."

To se trpaslíkům zdálo trochu divné. Kdo by ho mohl tak rychle informovat? Ardamel s nimi byl celou tu dobu a nikomu se neozval, ani se s nikým nesetkal, tedy kromě těch tří sněžných sov, které přiletěly, když je zavolal. Ale trpaslíci si byli vědomi toho, že by se neměli Ardamela Prastarého na takové věci vyptávat.

„Mohl bych se ještě na něco zeptat?" obrátil se Bručoun na Ardamela, když už Bucla a Dřímal nasedali na sněžné sovy. „To s Viktorem je přece jen dílek příběhu. Ale co budeme dělat s těmi dětmi? Co uděláme s dopisy a přáními, s hračkami a veškerou naší prací?"

„Hahaha," zasmál se Ardamel. „Trpělivost, mladý Bručoune, trpělivost. Pamatuj si, problémy se řeší jeden po druhém, chyby se napravují jedna po druhé. Nikdy vše najednou. Vždycky začínej s tím, co je nejdůležitější, co hoří nejvíce. A než to vyřešíš, nepřemýšlej o dalším. Až pak pokračuj v řešení dalších problémů. Možná tě v mezičase napadne nějaké řešení, které tě dříve nenapadlo, není to tak?"

To, co Ardamel řekl, znělo Bručounovi velice logicky, ale přesto mu z hlavy nešel obrázek smutného a osamělého dědy Mráze.

„Navíc," dodal Ardamel, „myslím si, že děda Mráz je v této chvíli už v dobrých rukách, checheche… Ani on nezůstal bez pomoci, cheche…" tajemně se zasmál a kývl na sovy, aby se vydaly na cestu.

„Šťastnou cestu," zavolal za nimi Ardamel, když Bručoun dosedal na svou sovu. „Pozdravujte ode mě Pohádkáře. Jestliže se mu to teď povede vyřešit, bude mít později méně práce. Cheche…"

Bručounova sněžná sova také vzletěla a on se už poněkolikáté ptal sám sebe, co to Ardamel chtěl vlastně říci…

* * *

Letěli dlouho, pravděpodobně okolo dvou hodin, mohl-li to Bručoun dobře odhadnout. Kdyby se mohl podívat na své kapesní hodinky, asi by to věděl přesněji. On se ale silně držel sovy a ani ho nenapadlo se jen na okamžik pustit, zvláště ne kvůli tomu, aby se podíval, kolik je hodin.

V jednu chvíli se mladá sněžná sova, která ho nesla, ozvala: „Přibližujeme se k Londýnu. Spustíme se trochu níž, je tu krásný výhled."

Bručoun ještě nikdy předtím nebyl v Londýně a to také řekl sově. Sova, jinak Vidan, se usmála a řekla: „Pohádkář bydlí v centru Londýna, takže po cestě můžeš vidět spoustu pamětihodností. Londýn je staré město, které skrývá mnohá tajemství, žije tu spousta významných lidí, přátel Sněholedu. Například," dodal Vidan, „i Pohádkář žil dříve ve Sněholedu."

Bručouna tato informace vůbec nepřekvapila. Do Sněholedu stále přicházeli různí lidé. Všichni, nehledě na to, zda tam zůstávali po celý život, nebo po čase odcházeli, byli velikými přáteli Sněholedu. A nikdy nevyzradili tajemství jeho existence.

* * *

„Tohle je Temže," vysvětloval Vidan, když letěli nad městem, „a teď přeletíme nad Tower Bridge, jeden z nejznámějších mostů v Londýně." Vidan se elegantně stočil okolo Tower Bridge, který se na chvíli Bručounovi zdál jako nejkrásnější most na světě.

„Podívej se, támhle je hodinová věž, stejná jako na náměstí ve Sněholedu," řekl Vidan. „Tahle hodinová věž se jmenuje Big Ben, to znamená Velký Ben." A opravdu, hodinová věž byla ohromná, alespoň ve srovnání s tou ve Sněholedu.

A jak se tak krok za krokem pomalu spouštěli mezi budovy do ulic Londýna, sletěli trpaslíci až do jedné malebné uličky plné starých domů. V domech byly všelijaké obchůdky s pěknými věcmi a nad nimi byty s ohromnými okny. Trpaslíci zůstali beze slov, jak byli nadšení ze všeho toho, co dosud viděli. Ještě nikdy v životě nebyli tak daleko na jihu, zvláště ne v tak velikém městě, jako byl Londýn.

„Necháme vás tady," řekl Vidan. „Dveře přímo před vámi jsou vstupem do domku, kde žije Pohádkář. Jen zazvoňte na zvonek a Pohádkář vám otevře."

„Děkujeme za všechno," rozloučil se Bručoun s Vidanem a ostatními sovami. „Doufám, že se pro nás vrátíte, až tady splníme úkol, ať už to bude kdykoliv."

Vidan se rozesmál. „Nestarejte se o návrat, Bručoune. Všichni doufáme, že již brzy vás bude děda Mráz potřebovat zpět ve Sněholedu." Tím se s trpaslíky rozloučil, sovy odletěly vyřizovat si své soví povinnosti a tři trpaslíci stanuli před dalšími dveřmi, za kterými hledali pomoc.

Kapitola devátá

Víla

… jen co dojedla jeden višňový koláček, popíjela klidně heřmánkový čaj, pohodlně usazena v křesle paní Rafaely. Děda Mráz seděl s šálkem čaje v ruce ve svém křesle a snažil se si srovnat myšlenky.

„A teď mi všechno povyprávěj," pobídla ho Víla a dlouze na něj upřela své fialové oči.

A děda Mráz se rozpovídal. Vykládal o všech věcech, které ho trápí, o těch, o nichž přemýšlel už dříve… vyložil jí i sen o zestárlém Viktorovi. A když už povyprávěl vše, co mělo být řečeno, pocítil úlevu, jako by mu někdo pomohl s tím ohromným kamenem, který tížil jeho srdce.

Víla mlčela a hleděla na dědu Mráze tím nejfialovějším a nejkrásnějším pohledem, jaký kdy viděl. Všiml si, že i ona je teď smutná, jako by část jeho trápení přešla na ni.

„Rozesmutnil jsem tě, že?" zachmuřil se znovu děda Mráz. „Asi je toho na tebe taky trochu moc… určitě mi ani nemůžeš pomoci…"

Víla mlčela ještě několik vteřin a pak odpověděla: „Dědo Mrázi, umím trochu kouzlit, ale měl bys vědět, že nejsem všemocná. Je přirozené, že mohu pomáhat lidem, ale jen do určité míry. Nikdo na světě, ani největší kouzelníci a nejmocnější víly, není všemocný. Tak to je od věku věků a tak to i bude. Tak to zkrátka na světě chodí."

Děda Mráz byl z její odpovědi trochu nesvůj, jako by snad čekal, že jeho pochybnosti rozptýlí a že mu potvrdí, že všechny jeho problémy může vyřešit.

„Ale mám moc pomoci ti alespoň se dvěma problémy," přerušila jeho myšlenky Víla. „Mám moc, kterou jsem obdařena už od narození: těm, kteří jsou čestní a spravedliví a potřebují pomoc, můžu splnit jedno přání. Jen jedno. A musí vycházet ze srdce. Musí to být to, co si nejvíce přeješ."

Děda Mráz začal ihned přemýšlet, které z jeho přání je to nejdůležitější, ale Víla ho ještě jednou přerušila.

„A zadruhé. Než ti splním přání, vezmu tě na jednu podivuhodnou cestu. Cestu, která ti pomůže najít to, co si ze srdce nejvíce přeješ… nalezneš tam i mnoho dalšího, možná ti to… možná ti to pomůže najít řešení i jiných problémů… nebo alespoň některých. Tak co, dědo Mrázi, půjdeš se mnou?" zeptala se zvonivě Víla.

„Cesta…" přemýšlel rozrušeně děda Mráz. „Jaká cesta? Kam?"

„Cesta Zemí snů," odpověděla Víla. „Tím, co bylo, co je a co bude… A tím, co by mohlo být, pokud si vybereš tu správnou… nebo naopak špatnou cestu. Sny totiž nejsou jen sny, dědo Mrázi. Vypovídají o nás vše, o naší minulosti, o naší budoucnosti. O našich přáních a obavách. V tomto případě budou sny naším ukazatelem… vlastně tvým… Ukazatelem, který ti ukáže, co máš udělat a jak se dostat na správnou cestu."

Děda Mráz mlčel a přemýšlel. On sám věděl, že sny nejsou jen sny. Že v nich často můžeme nalézt řešení problémů a dozvědět se o sobě i o jiných lidech to, co nevíme. Trápil ho zvláště ten sen, který se mu zdál nedávno. Nedal mu spát. Věděl, že to nebyl jen sen. Že to bylo něco, co by se jednou opravdu mohlo stát, pokud by se věci vyvíjely špatným směrem. To vše věděl, a proto se rozhodl velmi rychle.

„Půjdu s tebou," odpověděl rozhodně Víle. „Do Země snů. Za hledáním odpovědí a řešení. A za tím, co si srdce přeje nejvíce."

„Přistup, dědo Mrázi," tiše zaševelila Víla. „Přistup a chyť se mě za ruku. Uvidíme, kam nás sen dovede nejdříve."

Děda Mráz se k ní mlčky přiblížil, chytil ji za ruku a v té chvíli se okolo nich všechno začalo rozplývat. Barvy a předměty se začaly rozostřovat a mizet v husté mlze. Děda Mráz ucítil, že ztrácí pevnou půdu pod nohama. Najednou oba dleli v podivném mlhavém časoprázdnu. Okolo nich nebylo nic než mlha.

„Co to je?“ zeptal se děda Mráz a jeho hlas zněl, jako by vycházel z hluboké prázdné studně.

„To je vstup do Země snů,“ zaševelila Víla jako ozvěna. „Počkej, za chvíli budeme na místě a začneš kolem sebe rozpoznávat jednotlivé předměty.“

A opravdu, věci kolem něj začínaly dostávat obrysy. „Copak to je? Nějaká budova?“ pomyslel si děda Mráz a sledoval, jak před ním z mlhy vystupoval nějaký obrovský dům.

„Kde to jsme? Mám pocit, že to tady poznávám,“ obrátil se k Víle.

„Hned uvidíme,“ odpověděla. „Počkáme ještě, až všechno získá své barvy, zvuky a vůně. Pak to poznáme.“

Mlha kolem nich pomalu řídla, objevily se obrysy a barvy: obrovská katedrála, budovy… náměstí, obchody, lidé, povozy s koňmi… sníh.

„Vida, tady to opravdu znám,“ řekl děda Mráz. „Nejdřív jsem si myslel, že jsme někde ve Sněholedu, ale teď…“

A v té chvíli začali cítit vůně… nádherné vůně skořice a vanilky… vůně vánočního cukroví. A rytmy… rytmy valčíku.

„Vídeň!“ rozpomněl se děda Mráz. „Náměstí a katedrála svatého Štěpána. Okolo Vánoc, jestli se nepletu.“

„Ano, jen musíme zjistit, kde přesně jsme. Zda v minulosti, nebo v jedné z možných budoucností,“ dodala Víla a tajemně na něj pohlédla.

Obrysy už byly zcela ostré. Nacházeli se ve Vídni, na náměstí svatého Štěpána a okolo nich bylo vše barevné a veselé. Lidé byli oblečeni starobyle, ženy v dlouhých šatech, těsných kabátech a s vysokými klobouky a muži ve svrchnících s cylindry. Nacházíme se přibližně na začátku 20. století, pomyslel si děda Mráz. Ale co bylo ještě zajímavější, že si nikdo ani nevšiml, že tu jsou. To dědu Mrázovi zcela vyhovovalo.

V té chvíli kolem nich projížděl povoz tažený koňmi.

„Pojď,“ zatahala ho Víla za ruku, „to je náš vůz!“

A najednou, jak to tak ve snech bývá, se ocitli vevnitř ve voze a naproti nim seděl mladý pár – mladík a překrásná dívka, kteří by si ani ve snu nebyli pomysleli, že mají spolucestující. Chlapec v ruce držel otevřenou krabičku a nádherným prstýnkem s maličkým, jasně modrým kamínkem.

„Nejkrásnější prsten pro nejkrásnější dívku na světě," pronesl mladík. „S kamínkem modrým, jako jsou tvé oči. Řekni mi, že mě miluješ a že si mě vezmeš."

Děda Mráz vyplašeně zíral na tu mladou dvojici před sebou a nebyl schopen slova. Víla se na něj podívala a usmála se.

„Miluji tě," odpověděla dívka rezervovaně. „A vím, že ty miluješ mě. Ale to nestačí."

„Tak co mám ještě udělat, Rafi, co?" vyhrkl netrpělivě mladík. „Copak láska nestačí?"

„Vždyť tě ani pořádně neznám, Miku!" oponovala dívka. „Ani nevím, odkud jsi, co dělají tví rodiče… nic!" Nikdy o sobě nic neříkáš. Ty o mně víš všechno, a já… nic! Jak můžeš předpokládat, že se jen tak vdám za někoho, koho vlastně ani neznám?"

„Ale vždyť mě dobře znáš!" vykřikl mladík. „Víš, co studuji a co čtu. Co mě rozveselí a co mě rozesmutní. Co rád jím a co nesnáším. Co si rád oblékám, na která místa rád chodím… všechno to víš. A v hloubi duše cítíš, že tě miluji a že tě nikdy nezradím."

„Ale to nestačí," trvala na svém dívka. „Chci vědět vše, abych ti mohla zcela uvěřit. A chci to vědět hned!"

„Řekl jsem ti, že se vše dozvíš, až se staneš mou ženou. Ukážu ti, odkud pocházím, všechno, co chceš… jen ne hned…" zoufale se snažil vysvětlovat mladík.

„Ne a ne," odpověděla slečinka. „Kdepaks to vzal – vezmi si mě a pak se dozvíš…"

Děda Mráz se podíval na Vílu a neměl slov. Víla se stále tajemně usmívala. Vůz, v němž jeli, pomalu vybledal a za chvíli i Vídeň zmizela v husté mlze.

„Uvidíme, co nás čeká dál," špitla Víla a zahleděla se na dědu Mráze. Její fialové oči svítily v mlze jako dvě malá světýlka.

Kapitola desátá

Pohádkář

… stál u okna svého bytu v ulici Neala v Covent Garden v samém srdci Londýna a čekal.

Přímo pod jeho bytem se nacházel jeho antikvariát, nenápadné místečko plné různých starých knih a jiných zvláštních předmětů. V antikvariátu bylo opravdu hóódně knih. Když tam někdo vešel, zůstal tam doslova hodiny a odkrýval dosud neviděné věci, jednu po druhé, třeba nějakou vzácnou knihu… Často si sem lidé chodili koupit jen jednu knihu a skončili u jiné a několik hodin poté odcházeli obtíženi deseti knihami. A tak to bylo každý den kromě neděle. V neděli Pohádkář odpočíval a antikvariát byl tichý. A teď byla zrovna neděle, přesně 4 hodiny ráno. Pohádkář celou noc nezamhouřil ani oka, jen stál u okna a čekal…

Byl to štíhlý muž středního věku s bílými vlasy a brýlemi. Vždycky měl na sobě oblek s vestou, košili s motýlkem, a to dokonce i doma. Jinak řečeno, byl to skutečný anglický gentleman – uctivý, elegantní a upravený. A jako každý opravdový anglický gentleman měl vždy po ruce čaj a sušenky pro případ, že by se objevil nějaký neohlášený host. Třebas i ve 4 hodiny ráno.

* * *

Trpaslíci dorazili přesně ve 4 hodiny a pět minut. Pohádkář viděl, jak slétávají, a hned se vydal po schodech dolů, aby jim otevřel. To od něj bylo opravdu milé, protože když trpaslíci došli až ke dveřím, zjistili, že ani jeden z nich nedosáhne na zvonek! Jen co se domluvili, kdo koho vysadí na ramena, aby mohli zazvonit, Pohádkář otevřel dveře a pozorně se na ně zadíval.

„Dobré ráno vám přeji, milí návštěvníci," uctivě je přivítal Pohádkář. „Pojďte, prosím, dovnitř, nestůjte před dveřmi. Určitě jste hodně unavení, což? A hladoví…"

Bucla si v té chvíli vzpomněl, že nejedl nic od chvíle, kdy vyletěli od Ardamela. „Hladoví ano, máme hrozný hlad!" nevydržel to.

Bručoun se na něj zle podíval. Tohle přece dobře vychovaní trpaslíci nedělají. Ale Pohádkář se usmál a pozval je ještě jednou dovnitř.

Jen několik minut poté seděli všichni v jídelně, pili čaj a jedli sušenky, dorty, tyčinky, rohlíčky, chlebíčky a ještě jiná chutná jídla, která Pohádkář

připravil. Když dojedli, přesunuli se do obývacího pokoje, pohodlně se usadili do křesel u velkého krbu a Pohádkář si začal popěvovat.

Tóny té melodie se potulovaly prostorem a trpaslíci viděli, jak společně s melodií začaly ve vzduchu poletovat i různé výjevy. Na začátku byly výjevy vybledlé jako dým, který vycházel z ohně v krbu, ale pak se začalo vše vyjasňovat. Výjevy jako by vylétávaly z písně, kterou popěvoval Pohádkář. Píseň vyprávěla o staré době rytířů, princezen a draků. A tak trpaslíci nejprve uviděli rytíře na koni, který uháněl někam daleko, a zanedlouho se objevila vysoká, převysoká hora, kde přebýval drak. Drak zajal a uvěznil překrásnou princeznu. Rytíř vylezl na horu, bojoval s drakem a nakonec ho i zabil… Tak skončila pohádka a Pohádkář přestal zpívat. Trpaslíci byli tím výjevem okouzleni, ale žádný z nich nepromluvil ani slovo.

Byli přece u Pohádkáře doma a takové věci se daly čekat.

„A teď vymyslíme strategii," řekl jim po dlouhé pomlce Pohádkář. Trpaslíci se na něj vyjeveně podívali (vlastně, Dřímal si opět v křesle u krbu zdříml, takže jen Bručoun a Bucla byli vyjevení).

„Strategii?" ptal se Bucla. „Co to znamená?"

„To znamená, že potřebujeme vymyslet, jak budeme přistupovat k mladému panu Viktorovi. Nechceme ho rozzlobit, zranit, vyplašit… To ne, nic takového přece nechceme. Naším cílem je, aby nás vyslechl. Nebo aby začal poslouchat, pak už bude vše záviset jen na pohádkách."

Trpaslíci byli teď už úplně vykulení.

„Řekněte nám, co máme udělat?" ptal se Bručoun. „Co se od nás očekává?"

„Chci, abyste si s Viktorem promluvili. Vždyť vy se s ním znáte dobře, to je vaše výhoda. Mě nikdy v životě neviděl a mohl by se leknout, kdybych mu jen tak vletěl do pokoje. Ale vy jste něco jiného. Jste jeho přátelé," vysvětlil Pohádkář.

„Jen to po nás chcete?" podivil se Bručoun. „Doufal jsem, že to bude něco víc."

„Nejen to. Potřebuji, abyste byli s ním. Abyste byli součástí toho, co se s ním bude dít… Nic víc vám říct nemůžu, ale pamatujte, že ho musíte na jeho pozoruhodné cestě doprovázet."

Bručoun a Bucla se na sebe podívali. Tato noc byla dostatečně podivná už i tak, takže toto sdělení je víc nepřekvapilo.

„Dobře, doveďte nás tam," řekl Bručoun. „I když poletíme na sněžných sovách, určitě to bude trvat nějakou dobu, než dorazíme do Cambridge."

„Ale ne, nestrachujte se," usmál se Pohádkář. „Je třeba jen sejít do mého antikvariátu. Odtud existuje cesta přímo do Cambridge, rovnou do Viktorova pokoje."

„Ale jak by to bylo možné?" zbrkle se zeptal Bucla.

„Pojďte se mnou a uvidíte," odpověděl Pohádkář, vsunul si hodinky do kapsy, chopil se hůlky a na hlavu si posadil klobouk. Trpaslíci, přejedeni cukrovím a všemi těmi sladkostmi, probudili Dřímala a opatrně se vydali za Pohádkářem.

* * *

V antikvariátu, v úplně zadní místnosti, která sloužila jako sklad, se nacházela skrytá dvířka, u kterých by se dalo předpokládat, že vedou do spíže nebo do sklepa. Pohádkář se před nimi zastavil a tajemně se zadíval na trpaslíky.

„Toto jsou jedny z Tajných vstupů do Země. Neexistuje jich mnoho a všechny jsou tajné. Znají je jen hlídači Vstupů, kteří mají i klíče. Všichni hlídači vědí o všech Vstupech, ale každý z nich má jen jeden klíč – ke dveřím, které je povinen hlídat. Já hlídám tento Vstup, Londýnský vstup do Země," hrdě prohlásil Pohádkář.

Trpaslíci na něj hleděli doširoka otevřenýma očima. „A… a v čem je to kouzlo?" ptal se Dřímal.

„Kouzlo je v tom, že když otevřete tento Vstup, můžete se dostat na jakékoliv místo na světě, a to ihned. Stačí si jen pomyslet, kam se chcete dostat, otevřít Vstup a samozřejmě jím projít."

„Jen to? Projdeme a budeme u Viktora?" nadchl se Bucla.

„Jen to," usmál se Pohádkář. „Vstupem rovnou do Viktorova pokoje v kampusu v Cambridge."

„Takže vy tímto způsobem můžete cestovat kamkoliv na světě? Kamkoliv a kdykoliv?" nemohl uvěřit Bručoun.

„Samozřejmě, že Tajné vstupy do Země nefungují přesně takto, ale to ani ostatní kouzelné předměty. Každá cesta Vstupem musí mít svůj důvod a především dobrý úmysl. A k tomu, Vstupy nepustí každého. Mohou jimi

projít jen lidé, kteří jsou dostatečně stateční, dostatečně dobří, dostatečně moudří… lidé, kteří to opravdu potřebují, nebo jsou to velicí dobrodruhové, kteří následují své srdce. Jen výjimeční lidé.“

„A trpaslíci?“ ptal se Dřímal.

„Nebo výjimeční trpaslíci,“ odpověděl Pohádkář s úsměvem. Vytáhl z kapsy obyčejný malý železný klíč a odemkl stejně obyčejná dvířka.

„Račte, pane Bručoune,“ pobídl ho Pohádkář. „Myslím, že právě vy jste tím, s kým by se mladý pan Viktor měl setkat nejdříve.“

Kapitola jedenáctá

Vločka

… se nemohla vynadivit všem těm hloupostem, které udělal Viktor! Byl o pět let starší a vždycky byl pro ni vzorem. Vážila si ho a obdivovala ho. Ale najednou jako by se jí všechny představy rozplynuly před očima. Cítila se v té chvíli mnohem starší a chytřejší a on byl jak malé dítě.

Viktor seděl naproti ní a mlčel. Nejspíš se mu celý život převrátil vzhůru nohama ve chvíli, kdy mu Vločka připomněla Ústavní soud. Dokonce i on, s celou tou svou nezralostí a arogancí, si byl vědom toho, jak závažné je zaplést se s Ústavním soudem. Ani Vločka, ani Viktor nikdy v životě neslyšeli, že by byl kdo překročil zákon. Všechny děti Sněholedu (bez ohledu na to, zda to byla medvíďata, liščata, sovata, trpaslata nebo i lidské děti) věděly, že trest za překročení zákona je nesmírně přísný.

„Nic tak hrozného jsem neudělal, Vločko, věř mi,“ ospravedlňoval se Viktor. „Jen jsem zmínil, že táta je děda Mráz, to je všechno.“

„Tak to si myslíš?“ zpražila ho Vločka. „A ten tvůj George ti hnedle uvěřil, jako bys mu byl řekl, že táta je soused odvedle? Pokud vím, takhle to nechodí, zvláště teď, když čím dál méně lidí věří na dědu Mráze.“

„Ne. Nebylo to tak úplně takhle… vlastně… on sám inicioval rozhovor o tom, že jeho otec, lord Rich, mu řekl, že děda Mráz skutečně existuje a že žije v nějakém městě někde daleko na severu. George mu dlouho nevěřil, ale jeho otec byl tak sebejistý v tom, co tvrdil… Vysvětlil mu, že pokud nebude věřit, nikdy se tam nedostane. I tak už to věděl, chápeš? A já jsem to nevydržel. Vždyť George je můj nejlepší kamarád… jen jsem potvrdil, že je to pravda.“

Přitom, jak se Viktor snažil Vločce ospravedlňovat, poznal, jak velkou hloupost udělal. Až doteď o tom rozhovoru s Georgem nepřemýšlel, zvláště proto, že byl tak nadšený podnikatelským návrhem lorda Riche. Ale nyní, když si na to vzpomenul, nebylo mu z toho vůbec dobře. Dokonce mu připadalo něco podezřelého na způsobu, jakým s ním George zapředl onen rozhovor.

Vločka přerušila proud jeho myšlenek, když stejně jako on usoudila: „Ani se mi nechce věřit, jaký ty jsi hlupák! Celý ten rozhovor je tak podezřelý, jako by George už dávno věděl, kdo jsi, a chtěl tím něco získat."

„Ne, to není možné. Znám George hodně dobře," snažil se vybruslit Viktor. Nechtěl přiznat své mladší sestře, že ihned pochopila to, co bylo jemu dlouho skryto.

„A k tomu, ani nemám žádný důkaz," sám sebe utěšoval Viktor. „Možná bych George neměl vůbec podezřívat."

„Viktore, mluvil si před ním o Sněholedu? Neřekl jsi mu náhodou, jak se tam dá dostat?" ptala se Vločka.

„To teda ne!" rozkřičel se Viktor. „Copak si myslíš, že jsem úplný blbec? Přece bych neudělal něco takového, aniž bych se domluvil s tátou."

V tom Viktor nelhal. Opravdu kromě rozhovoru s Georgem a telefonátu s lordem Richem následujícího rána nebylo ani možné, aby o něčem dalším mluvil. Zaprvé, od rozhovoru uplynul teprve jediný den a nic jiného se nestalo. A zadruhé – ani náhodou nebyl tak hloupý, aby vyzradil cestu do Sněholedu.

„Jak tedy mohli o Sněholedu vědět?" divila se Vločka. „Je ti, kteří opravdově věří v dědu Mráze, se tam mohou dostat. A mně se nezdá, že by ten tvůj George a jeho otec byli takoví."

Viktor věděl, že má Vločka pravdu. Alespoň George nebyl takový, ale lord Rich… Viktor o něm nevěděl zhola nic. V té chvíli si vzpomněl na jednu pohádku, kterou v dětství s Vločkou poslouchali.

„Vločko, vzpomínáš si na tu pohádku…" roztřeseným hlasem se ptal Viktor, „na tu, že existují lidé, kteří ačkoliv věří v dědu Mráze, nemají čistá srdce, a proto se nikdy nemohou dostat do Sněholedu?"

„To není pohádka," pokárala ho Vločka, „to je pravda. Existuje několik lidí, kteří celý svůj život pachtí po tom, dostat se do Sněholedu, ale nemohou ho najít, protože nemají čisté úmysly. Jejich mysl je zakalená a

jejich srdce černá. A proto se existence Sněholedu drží v přísné tajnosti. Kdo ví, co by se stalo, kdyby někdo z nich Sněholed opravdu našel.“

„Přestal by existovat,“ tiše odpověděl Viktor a vzpomněl si na svůj sen. Jako by mu najednou bylo vše jasné. Stále si to však nechtěl úplně přiznat.

„Ne, tomu se mi nechce věřit,“ hlesl Viktor. „George je můj dobrý přítel, spolužák. Jsme stále spolu, děláme vše dohromady. A jeho otec je lord, to znamená, že je váženou osobou. A je opravdu úspěšným podnikatelem, mohl bych se toho od něj hodně naučit.“

„Ty by ses měl učit od táty, Viktore, ne od lorda ‚Nevímjakého‘,“ vrátila mu Vločka. „Táta tě může naučit spoustu věcí, které ses nezvládl naučit doteď.“

„Ale táta nechce slyšet o ničem moderním, ani si mě nechce vyslechnout. Myslí si, že ještě nejsem dospělý, že nejsem dostatečně chytrý,“ zasršel Viktor. Ale čím více Vločce odporoval, tím více věděl, že má ve skutečnosti pravdu.

„Táta je přece otevřen novým myšlenkám, Viktore, alespoň doteď to tak bylo. Prosím tě, řekni mi, kdy tys mu naposledy vnukl nějaký dobrý nápad? Takový, který by byl prospěšný všem? A kdys mu předložil něco opravdu svého? Vždyť ani tohle nebyl tvůj nápad…“ popíchla ho Vločka.

Teď už se Viktor rozčílil, protože mu jeho mladší sestra vmetla do tváře, že to nemá ze své hlavy. V té chvíli zapomněl na všechny pochybnosti ohledně George a svůj hněv obrátil na Vločku.

„A co by bylo špatného na tom, kdybychom začali vydělávat? A prodávat hračky po celém světě?“ rozkřičel se zlostně.

Vločka na něj hleděla s doširoka otevřenýma očima a nemohla uvěřit tomu, že ty Viktorovy nesmysly neberou konce.

„Ty už jsi opravdu ztracený případ,“ smutně mu odpověděla. „A já jsem si myslela, že to konečně začínáš chápat. Ale ty ne…“

„Já? Já že jsem ztracený případ?“ ještě více se rozježil Viktor. „Co ty jsi zač, že se mi opovažuješ říct něco takového? Odejdi! A to hned!“

„Mám odejít, co?“ přezíravě se na něj podívala Vločka. „Myslíš si, že když teď odejdu, přijde tě zachránit někdo jiný? Mamka třeba? Pamatuj si, že Ústavní soud nikdy nespí, pravděpodobně už vědí, co jsi udělal. Dříve nebo později tě dostanou. A pak už tě nezachrání nic.“

„Nemohou se to nijak dozvědět," jedovatě odpověděl Viktor. „Pokud jim to tedy neřekneš ty. Máma a táta o tom určitě mluvit nebudou."

Vločka se začala smát. „Musím ti něco říct. Buď jsi opravdu tak hloupý, nebo už jsi ztracený. Ty už do Sněholedu nepatříš. Žádný obyvatel Sněholedu by se nemohl chovat jako ty."

„Odejdi!" vřískl Viktor. „Už tě nechci ani vidět."

Vločka se ještě jednou usmála, prolezla oknem a seskočila z balkónku.

Viktor přiskočil k oknu celý vyděšený. Je to vůbec normální? pomyslel si. Jak jen mohla skočit ze šestého patra? To přece nemohla přežít! Ale když pohlédl oknem ven, přeletěl před ním nějaký sob a na něm seděla Vločka.

„Hlupáku! Všechny nás zničíš," zavolala a vzletěla k obloze.

Viktor se celý bez sebe obrátil. Ten divný pocit v žaludku se mu vrátil. Ten, který mu celou tu dobu říkal, že něco není v pořádku.

„A co když má Vločka pravdu?" povzdychl si. „Co když jsem někomu nedobrému sedl na lep?"

„Hú – hú!" potvrdila sova, která se, bůh ví jak, objevila opět na pracovním stole.

„Kde ses tu zas vzala?" podivil se Viktor.

„Tajným vstupem na Zemi," odpověděl mu hlásek. Viktor si pomyslel, že se zbláznil. Začala snad sova zničehožnic mluvit? Pohlédl na ni, ale ona mlčela, dokonce se zdálo, jako by klimbala. Otočil se a v tom okamžiku byl jeho šok ještě větší. Uprostřed pokoje se najednou objevil Bručoun!

Viktor si protřel oči a opět zaostřil. Teď – teď tu byl i Bucla!

„Co to je? Nesním?" zrozpačitěl Viktor.

„To by bylo fajn, ale bohužel nesníš," odpověděl mu nějaký člověk, který se objevil za Bručounem a Buclou. Dosud ho Viktor ještě nikdy neviděl.

„Co vy tři chcete v mém pokoji? A jak jste se tu tak najednou objevili?" zmateně se ptal Viktor.

„Čtyři, my čtyři," objevil se v tom okamžiku ještě Dřímal. „Přišli jsme sem Tajným vstupem, kterým mohou procházet pouze výjimeční lidé… a trpaslíci," hrdě prohlásil a zívl.

„Nechápu, proč jste tu," poznamenal Viktor už trochu klidněji, ale byl si vědom toho, že to má co do činění s hloupostí, kterou udělal. Stalo se něco špatného a viníkem byl zejména on sám.

„Viktore, všechno ti vysvětlíme, uklidni se. Můžeme se posadit a povyprávět ti všechno od začátku?" zeptal se Bručoun.

„No," rozmýšlel Viktor, „tak dobře, můžete. A kdo jste vy?" obrátil se na Pohádkáře.

„Jsem Pán pohádek a hlídač jednoho Tajného vstupu na Zem. Toho londýnského," představil se Pohádkář všemi svými tituly, aby podtrhl svou důležitost. A naštěstí se mu to podařilo. Viktorovi spadla brada a málem by se byl před Pohádkářem poklonil, ačkoliv nerozuměl ani za mák tomu, o čem ten člověk mluví.

„Má přítomnost zde má jediný účel," pokračoval Pohádkář, „a to otevřít Vstup do světa fantazie, abychom prozkoumali současnost a našli cestu budoucnosti."

Viktor usedl na zem. Ničemu nerozuměl, ale poprvé za dlouhou dobu pocítil, že opravdu potřebuje pomoc.

„D… dobře," vydechl vyděšeně. „C… co mám u… udělat?"

„Uklidni se a soustřeď se na to, co ti budu vyprávět," odpověděl Pohádkář.

Všichni se někam usadili, někdo na zem, někdo na postel, někdo na židli… a Pohádkář začal vyprávět. „Byla, žila jednou jedna dívka…"

Při jeho vypravování se pokojem začala rozprostírat podivná mlha, která postupně vyplňovala celý prostor.

Kapitola dvanáctá

Země snů

… byla hodně zvláštní a neuchopitelné místo. Nikdy si člověk nemohl být jistý, kam se dostane, dokonce ani když jste Víla a máte kouzelnou moc.

Od té chvíle, kdy opustili Vídeň počátku 20. století, setrvali děda Mráz a Víla ještě chvíli v husté mlze, než se objevili zpět ve Sněholedu. A to zrovinka v obývacím pokoji Mrázových. Obrysy ještě nebyly zcela ostré, ale úplně jistě se vrátili zpět.

„Copak to znamená? Už jsme zpátky?“ podivil se děda Mráz.

„Počkej ještě,“ zašeptala Víla. „Jsem si jistá, že tohle je sen. Počkáme, až se obraz zostří.“

A pomalinku se před nimi v obývacím pokoji zformovaly dvě postavy. Jedna byl Miki, chlapec, se kterým jsme se už setkali, a druhá nějaký starý člověk, který vypadal jako děda Mráz. Ale kdybyste se podívali pozorněji, všimli byste si, že je to někdo jiný: vyšší, štíhlejší, s velkým nosem, s ohromnými brýlemi…

Děda Mráz se obrátil k Víle. „Vím, kdo to je,“ řekl. „Tuto chvíli si budu pamatovat celý svůj život a nikdy ji nezapomenu. Ale proč tu jsme?“

„Možná bychom tu měli vidět něco, co ještě nevíme nebo na co jsi už zapomněl,“ odpověděla Víla.

Stařec, který vypadal jako děda Mráz, tiše povídal Mikovi.

„Mikuláši, synku, už je načase, abych ti odkryl tajemství, které se přenáší v naší rodině z generace na generaci, z otce na syna… Je načase, abys poznal, jak věci odjakživa fungují a jak budou fungovat ještě hodně, hodně dlouho.“

Mladý Mikuláš se na otce podíval chápavě a mlčel, protože se neosmělil ho přerušovat.

„Jak už dávno víš, naše rodina žije ve Sněholedu od samotného počátku jeho existence, už stovky let. Tím, že žijeme zde, se odlišujeme od ostatních lidí. Zaprvé, dožíváme se velmi vysokého věku, vyššího než jakýkoliv jiný člověk. To kouzelná moc Sněholedu způsobuje, že jeho obyvatelé žijí velice, velice dlouho.

Zadruhé, umíme dělat věci, které jiní lidé neumějí: rozumíme řeči zvířat – i těch, které nežijí ve Sněholedu a neumějí mluvit; rozumíme řeči nebeských těles; umíme cestovat neskutečnou rychlostí z jednoho konce světa na druhý… to vše a ještě mnoho dalšího, o čem už víš.

Samozřejmě nejdůležitější z toho všeho je, že umíme zhmotnit dětská přání. Rozveselit děti celého světa a vnést kouzla do jejich životů, ať už jsou jakékoliv… to je naše největší moc.

Některé děti jsou z chudých poměrů, jiné z bohatých rodin; některé jsou sirotky bez rodičů a bez kohokoliv na světě; některé z rodin, které jim nabízejí veškerou lásku, kterou potřebují – ty jsou nejšťastnější, ale i ony mají svá přání; pak jsou tu takové děti, které dostávají vše, čeho se jim jen

zachce, ale těm zase schází to, co nejvíce potřebují – rodičovská láska. Děti rodiči opuštěné a nechané samy sobě jsou stejně nešťastné jako děti, které rodiče nemají.

Naším úkolem je pomoci všem těmto dětem tak, že do jejich životů vneseme trochu lásky, naděje a štěstí tím, že jim jednou za rok splníme jejich nejtajnější přání.“

Děda Mráz se podíval na Vílu. Víla se jen dotkla jeho ruky a mlčela.

„A nyní, chlapče, je řada na tobě. Převezmeš tento úkol. Je načase, aby ses stal dědou Mrázem,“ řekl otec Mikulášovi. „Teď už jsi hotový člověk: dokončil jsi univerzitu, pracoval jsi na různých místech, oženil ses… Teď je řada na tobě, já už musím odejít.“

„Otče!“ podivil se Mikuláš. „Já bych samozřejmě chtěl… ale… copak ty už to nechceš dělat? Myslel jsem, že na světě není nic důležitějšího než tvá práce… než děti…“

„To ano,“ ozval se starcův unavený hlas. „Nic není důležitějšího než tato práce, nic. Na to nezapomeň. Ale jsou tu dvě věci, které mi nedovolí pokračovat v práci. Zaprvé, už jsem hodně starý, synku. Ani my nejsme nesmrtelní, ačkoliv žijeme mnohem déle než ostatní lidé. Mé dny jsou sečteny.

„Ale… ale jak to?“ zvolal Viktor. „Proč to říkáš?“

„Protože tak to je, za nějaký čas odejdu. A prosím tě, netrap se! Měl jsem velmi dlouhý a krásný život, vyplněný neustávajícím dětským smíchem. A to je na světě to nejcennější. Nic jiného jsem si ani nemohl přát.

A teď ta druhá věc… Chlapče, pravidlo zní následovně: musím na tebe přenést tuto povinnost tak, jak to udělal můj otec se mnou a předtím i jeho otec s ním… Tak to musíš i ty udělat se svým synem. Ve chvíli, kdy ucítíš, že je připraven převzít tvou roli, jako to teď já pociťuji u tebe… v té chvíli musíš ty sám ustoupit a předat mu žezlo. Musíš mu také říci přesně to, co teď říkám já tobě…“

Obraz se začal rozplývat v mlze. Víla pohlédla na dědu Mráze. Oči měl plné slz.

* * *

Třetí sen, do nějž se dostali, se odehrával na místě, které dědu Mrázovi vůbec nebylo povědomé. Znal skoro všechny domky světa, zvláště pak ty, v nichž bydlely děti, které mu psaly dopisy. Ale tato obrovská budova pro něj byla úplně novým místem, které ještě nikdy předtím neviděl. Kromě

toho mu z tohoto místa běhal mráz po zádech. Tady přebývalo něco zlého, něco nečistého a zkaženého. Podíval se na Vílu a ihned věděl, že i ona má stejné pocity.

Víla mu vyplašeně zašeptala: „Něco tu cítím, myslím, že tohle je současnost. Pokud to není něco, co se děje právě teď, je to určitě něco, co se stane za okamžik. Tím jsem si téměř jistá.“

Děda Mráz se narovnal a zachmuřil se. „Netuším, co zlého je tu nashromážděno, ale ať je to, co chce, ať si to dá pozor. Děda Mráz si umí poradit s nejrůznějšími individui, i s těmi nejhoršími.“

Poté, co toto vyslovil, vstoupil do ohromné místnosti (nebo do velikého salónu s velice starými obrazy a knihami) nějaký mladý člověk asi ve Viktorově věku. Mladík popocházel po místnosti, očividně někoho čekal.

Brzy nato vstoupil do místnosti starší muž v šedém obleku, štíhlý, s pronikavým pohledem. Mladík se tomu staršímu podobal, určitě to byl jeho syn. Děda Mráz měl pocit, že to nebude nikdo jiný než lord Rich a George, o nichž mu psal Viktor v e-mailu.

„Setkal ses dnes s mladým Mrázem?“ ptal se ten starší.

„Ne, nesetkali jsme se,“ netrpělivě zadrmolil George. „Copak jsi neříkal, že na něj nemám moc tlačit, aby nás nezačal podezírat? Ale upřímně, otče, stejně si myslím, že tohle vše je nějaký výmysl. Stále ještě nemůžu uvěřit, že existuje město, kde žije děda Mráz.“

„Jsi hlupák, když si to myslíš,“ zakřičel lord na svého syna.

Děda Mráz se zamračil. Je nabíledni, že žádný dobrý rodič by se takhle ke svému dítěti nechoval. Lord byl očividně velice zlý člověk.

„To město existuje a soustřeďuje se v něm kouzelná moc. Chci, aby ta magie byla moje. Využiju ho ke svým záměrům. Budu vládnout dětem a lidem… a pak i celému světu. A nepřestanu, dokud nezjistím, kde se to město nachází a v čem spočívá jeho tajemství. Tebe potřebuju na to, abys od toho mladého hlupáka vymámil vše, co ví.“

„Dobře, když tedy chceš,“ ledabyle odpověděl George. „Budu se snažit. Ale neslibuju ti, že mi s něčím svěří.“

Lord Rich jako by zezelenal zlostí. „Jestli chceš vést pohodlný život a užívat si mých peněz, jako tomu bylo doteď, pokusíš se to zjistit. Jinak tě vydědím.“

Tato informace Georgem trochu otřásla. „Ale tati, co když mě začne podezírat? Co pak?“

„Ty seš takový hlupák, že se to jen tak nevidí,“ rozčílil se lord. „Přiveď ho ke mně pod záminkou, že s ním chci mluvit o podnikání. To ho určitě přitáhne. Pak už se sám postarám o to, aby mi řekl vše potřebné. He, i kdybych mu nabídl spolupráci, ten mladíček se chytne a udělá vše, co po něm budu chtít. A jestli to nevyjde, neboj se, připravil jsem plán B.“

* * *

Při monologu lorda Riche George jen mlčel a pozoroval ho. Připadalo mu od otce nespravedlivé, že ho urazil, a uvědomil si, že Viktorovi dokonce nabídl práci.

A George, George tak moc žárlil na Viktora. Viktor byl lepším studentem, skvělým sportovcem, měl milou rodinu… A ke všemu ještě ukradl srdce Míně Jonesové, kterou George tak miloval. A tak George napadlo podívat se do Viktorova počítače, když se Viktor zrovna sprchoval. George mu chtěl jen trochu uškodit, rozhádat ho s Mínou… ale narazil na zprávy mezi Viktorem a jeho sestrou Vločkou. Zprávy, v nichž se psalo o fantastických věcech. George z nich sice nepochopil úplně vše, ale jedné věci rozuměl – že se v nich mluví o magickém městě. Městě dědy Mráze.

Protože George už od mala věděl o obsesi svého otce, ačkoliv sám nevěřil, šel mu o všem povyprávět. A tak to vlastně celé začalo. Ve skutečnosti se George do celé té záležitosti zapletl jen proto, že tak velmi žárlil na Viktora.

* * *

Děda Mráz a Víla se opět ocitli v hluboké mlze. Děda Mráz běsnil! „Vraťme se zpět! Ihned!“ řekl Víle. „Musím zničit ty bídáky!“

„Jen pomalu,“ odpověděla mu Víla. „Ještě to není vše. Ještě stále nevíš, co si tvé srdce nejvíce žádá, že?“

Děda Mráz se zamyslel. „Ale musím jim v tom zabránit. Co když se mezitím něco stane?“

Víla se usmála. „Nacházíme se v Zemi snů, dědo Mrázi. Tady čas plyne trochu jinak. Tobě se zdá, že tu dlíme už hodiny, ale můžu tě upokojit, že to není ani deset minut. Uklidni se. Musíme jít ještě dál a pak se tam vrátíme. Slibuji.“

Jakmile to řekla, mlha se najednou rozestoupila. Děda Mráz a Víla se ocitli uprostřed továrny na hračky. Ale tato továrna byla úplně jiná než ta jeho.

* * *

Stroje pracovaly naplno. Ale nebyly to ty stroje, které vyráběly překrásné, kouzelné a jedinečné hračky vyrobené z dětských přání. Toto byly strašné, gigantické stroje, které chrlily něco zcela jiného!

V každém stroji byla jedna veliká křišťálová koule. Vypadaly jako ty, do nichž někteří kouzelníci z pohádek nahlížejí, aby viděli budoucnost, ale tyto ukazovaly něco zcela jiného. Lovily okamžiky v přítomnosti: lovily lidi ze všech světových stran, kteří vyslovovali lži, „krásné“ lži… a víte přece, kolik takových lží se za den navykládá! Tisíce! A každý stroj, který ulovil takovou „krásnou“ lež, okamžitě vyplivl jakousi obrovskou hračku. Hračka se pak přesunula do dalšího stroje, z níž vypadávaly tisíce naprosto stejných hraček. A první stroj už opět lovil novou lež.

A trpaslíci? Chudáci trpaslíci ze Sněholedu balili tisíce hraček, které se sypaly ze strojů. Bez přestání, bez odpočinku.

„Co je to?“ pohledem se ptal děda Mráz Víly. Víla se na něj zadívala smutně a její fialové oči se zakalily. Ztmavly tak jako nejhlubší podvodní jeskyně v širošírých oceánech.

V tom okamžiku do továrny vešel George, ale už to nebyl tentýž chlapec jako v předchozím snu. Výraz v tváři se mu zcela proměnil a jeho oči byly přesně tak zlostné jako oči jeho otce.

Zlo je jako virus, pomyslel si děda Mráz. Když tě napadne, nemoc se šíří dál a dál, než ti rozežere i srdce. Víla na něj pohlédla a pokývala. Už spolu nepotřebovali mluvit. V Zemi snů bylo čtení myšlenek tou nejzákladnější schopností.

A pak za Georgem do továrny vešel i Viktor. Schoulený jako nějaký ponížený sluha, hrbatý a vyhublý, s propadlýma očima a bledou tváří. Popobíhal za Georgem sem a tam, jako by nevěděl, kde se zastavit. Když míjel trpaslíky, spatřil děda Mráz jeho přezíravé oči – a jako kdyby mu jehla probodla srdce.

To není můj syn! zahřmělo v dědu Mrázovi. To je zrádce, kterého nechci znát!

Víla se na něj opatrně a tiše podívala. To je jedna z možných budoucností. Ještě je čas tomu zabránit. Určitě tomu zabráníme! byla přesvědčena Víla.

I kdybychom tomu zabránili, po tomto zážitku se ho zřeknu! nemohl se stále uklidnit děda Mráz.

Ale Víla ho mlčky chytila za ruku a skryla ji mezi svými dlaněmi. Zadívala se na něj svýma tmavými, hlubokýma očima – a hle, děda Mráz si všiml, že se jim vrací ta překrásná fialová barva. Mlha kolem nich neuvěřitelně zhoustla.

* * *

Viktorův pokoj v domě Mrázových byl vždycky zaplněn krásnými věcmi: hračkami, krásnými starými knihami, které ukrývaly neznámé pohádky, obrazy a plakáty, glóbusy a starými mapami světa. Viktor se o ně zajímal už od mala, poslouchal příběhy o dalekých místech, vypravoval o postavách z pohádek, a dokonce si i vymýšlel vlastní pohádky.

Víla a děda Mráz se ocitli právě tam, v onom pokoji plném pohádek a snů. V posteli ležel malý Viktor, tří až čtyřleté dítě. U postele seděl děda Mráz – mladý Miki, který mu něco vykládal…

„Úkolem dědy Mráze je udělat šťastnými děti v celičkém světě tím, že jim každý rok vyplní jedno přání," povídal Miki.

„A tati, nemělo by to platit jen pro hodné děti?" ptal se Viktůrek.

„Ne, chlapče, platí to pro všechny děti. Víš, neexistují zlé děti."

„Ne?" ptal se udiveně Viktor.

„Ne, existují pouze nešťastné děti, a někdy kvůli tomu snad vypadají jako zlé. A možná z nich kvůli tomu i vyrostou zlí lidé, ale v žádném případě neexistují zlé děti. Proto musíme plnit všechna přání – všem dětem. Jednou to bude i tvým úkolem."

„Mým?"

„Ano, chlapče, jednou… ale o tom si promluvíme, až budeš dostatečně veliký. A teď alou, už je čas spát."

„Ne, tati, ještě ne," protestoval Viktor. „Prosím tě, povídej mi o Petru Panovi."

„Zase o Petru Panovi?" usmál se Miki.

„Anó, próósím. Budu jako Petr Pan, víš?" výskl Viktor.

„Hehe, tak to je? Hehe, tak dobře… Takže… jednou dávno v Londýně blízko Kensingtonského paláce žil, byl jeden malý chlapec, který se jmenoval Petr…"

* * *

A kolem nich se opět rozprostřela mlha.

„Další cesta," řekla Víla.

Děda Mráz byl velmi rozrušený a mlčel. Ten poslední sen ho velice rozněžnil, ba dokonce i roztřásl. Na tuto vzpomínku už úplně zapomněl…

Když vystoupili z mlhy, ocitli se v ještě jednom dětském pokoji. Obrovském, studeném, plném velice drahých hraček. A opět zde byl ten pocit – ve vzduchu poletovalo něco podlého a odporného.

„Vrátili jsme se zpátky do toho domu!" třásl se dědu Mrázovi hlas.

„Ano…" tiše mu odpověděla Víla, už to zjevně věděla.

Na židličce uprostřed místnosti sedělo dítě a něco psalo. George – pomyslel si děda Mráz.

George dokončil svůj dopis a uklonil hlavu na jednu stranu, jako by si pohledem měřil to, co napsal. Pak začal potichoučku číst:

Milý dědo Mrázi,

jmenuji se George Rich. Toto je první dopis, který Ti píšu. Víš, táta mi nedovolí Ti psát dopisy, říká, že to je blbost. Říká, že to on mi koupí všechno, co chci.

Ale já nechci ani hračky, ani oblečení, toho už mám spoustu. Píšu Ti, protože mám jen jedno přání: chtěl bych, aby táta byl častěji doma a trávil se mnou více času. Aby ke mně byl hodnější a aby mě objal a dal mi někdy pusu. Chtěl bych, aby se mi vrátila maminka, ale táta říká, že je v nebi a že už se nikdy nevrátí. Proto bych chtěl, abys mi splnil mé přání – abych byl s tátou častěji. To je všechno.

George Rich

Když George dočetl, byl se sebou velice spokojený. Přeložil list papíru a vložil dopis do obálky. Děda Mráz smutně pohlédl na Vílu.

„Ten dopis jsem nikdy nedostal," řekl jí. „Víš přece, že neexistuje dopis, který bych si nebyl zapamatoval."

Víla pohledem ukázala ke dveřím pokoje. Vešel jimi jeden komorník a přísně se na George podíval.

„Mladý pane, co to děláte?" ptal se komorník.

„No, tadyhle," rozrušil se trochu George. „Napsal jsem dopis. Dědu Mrázovi. Víš, Charlesi, už budou Vánoce, tak jsem si myslel…"

„Vy přece víte, jaké o tom má váš pan otec mínění, že?" vmetl mu do tváře komorník.

„No, ano, vím," nešťastně zamumlal George.

„Dejte mi ten dopis, mladý pane," byl komorník neúprosný. „Postarám se o něj."

George mu nechtě dopis podal a sklopil oči. Komorník se otočil na podpatku a beze slova odešel. George začal potichu lkát. Mlha bez skrupulí vnikla do dětského pokoje a svět kolem dědy Mráze a Víly začal blednout.

* * *

„To už stačí!" řekl děda Mráz. „Vraťme se zpátky, už vím, po čem mé srdce nejvíce touží. Celou tu dobu jsem to věděl, jen jsem si to pořádně neuvědomoval.

Víla se něžně usmála a zmizela v mlze.

Kapitola třináctá

Byla, žila jednou jedna dívenka

„… s červeným čepečkem a červeným pláštíkem. Její nejoblíbenější činností bylo procházet se lesem, aby slyšela cvrlikání ptáčků a aby si povykládala se zvířátky, která tam žila…" potichoučku vyprávěl Pohádkář.

A Viktor si všiml, že mlha zaplnila celý pokoj. A najednou se ozývaly hlasy, které nepatřily nikomu z přítomných.

„Pojď, neboj se, není tu nic strašného," ozvalo se děvčátko.

„Počkej, počkej, nepospíchej na mě," odpověděl mu hluboký chraplavý hlas.

A z mlhy vystoupili, věřte nebo ne, Červená Karkulka… a vlk! Vlk si zakryl oči prackami a celý jako by se třásl strachy. Červená Karkulka ho chytla za ruku a pozorovala ho s lítostí.

„Notak, otevři oči," řekla Karkulka vlkovi. „Uvidíš, že tu není nic strašného. Notak…"

Vlk zpoza tlapek na chviličku vykoukl, ale hned si oči zase zakryl.

„Bojím se," řekl Karkulce. „Jsme venku z lesa, v nějakém velikém městě. Nelíbí se mi tu. A co jsou tihleti zač? Ty neznám. Možná to jsou zlí lidé. Mohli by mě i zabít!"

„Ne, tihle nejsou zlí," Karkulka se otočila k ostatním a začala vysvětlovat. „Jak víte, vlk již drahnou dobu nevycházel ven z hlubokého lesa. Bál se těch zlých lidí, kteří loví vlky pro zábavu a zabíjejí je pro trofeje."

Bucla se udiveně zeptal: „A ty se, Karkulko, s vlkem kamarádíš? Nebojíš se, že tě sežere?"

Karkulka se od srdce zasmála. „Nevěřte všemu, co se píše v pohádkách. Tenhle vlk je moderní. Nejradši má pizzu."

„To já taky!" ozval se Dřímal. „Já taky zbožňuju pizzu!" Bručoun ho obdařil dlouhým káravým pohledem, který mu měl říct: Mlč a nepřerušuj!

Vlk tu ještě stál shrbený s prackami před očima a třásl se strachy. Pohádkář se potutelně usmíval a Viktor stále nemohl uvěřit, že před ním stojí oživlé pohádkové postavy.

Karkulka se obrátila k vlkovi a konejšila ho: „Vlčku, neboj se. Tyhlety lidi znám. Koukni, tohle je Pohádkář."

Vlk vykoukl směrem k Pohádkáři, trošku se osmělil a přestal si tlapkami zakrývat oči. Stále se ale držel stranou.

„Ahoj vlku," pozdravil ho Pohádkář. „Vítej."

„Ahoj," zamumlal vlk a stočil se ke Karkulce: „Ty ostatní neznám. Pojďme pryč."

„Jak to, že je neznáš? Podívej se pořádně. To je Bručoun, Bucla a Dřímal, trpaslíci, pomocníčci dědy Mráze. Koukni se!"

Vlk odněkud vytáhl brýle, nasadil si je a pořádně se podíval: nejdříve na Bručouna, pak na Buclu a nakonec na Dřímala. „Ano, tyhlety znám," oddechl si vlk, jako by mu spadl kámen ze srdce.

Pak se zadíval na Viktora. „A kdo je tohle? Toho zcela jistě neznám!" pronesl vlk.

„Toho znáš taky," odpověděla mu Karkulka. „To je malý Viktor Mráz. Jen trochu vyrostl."

Vlk upřel svůj pohled na Viktorův obličej. Studoval ho dlouho a pak úsečně řekl: „Ne, tohle není Viktor, lžeš.“

„Jakpak by ne? Podívej se důkladněji, říkám ti, že už vyrostl,“ ubezpečovala ho Karkulka.

Vlk přistoupil k Viktorovi blíž a zadíval se mu do očí.

„To není možné,“ vrátil se vlk ke Karkulce. „Jdi se také podívat. Podívej se mu pořádně do očí. Vidíš?“

„Co bych měla vidět?“ ptala se Karkulka.

„Pokud je to Viktor, kam se z jeho očí ztratila ta jiskra? Ta se neztrácí tím, že dospíváš. Že? A všichni víme, že jiskra v očích odkazuje na srdce plné tužeb a nadějí… srdce toužící poznat nové a krásné skutečnosti, srdce toužící po dobrodružství… Kde je ta jiskra?“

„Ach ano, není tam…“ smutně špitla Karkulka. „Vytratila se! Ale tohle je Viktor, jsem si jistá. Není-liž pravda, děti? Není-liž pravda, trpaslíci?“

„Samozřejmě, že to je Viktor,“ přerušil rozhovor Dřímal. „Za to dáme ruku do ohně.“

„Hmm,“ nevěřil stále vlk. „Počkej, očuchám si ho.“ A začal čuchat, z jedné strany, z druhé strany… „Ani náhodou,“ skončil s prověřováním vlk. „Tenhle člověk nevoní jako Viktor.“

Teď už se Viktor naštval. „Jsem Viktor, kdo jiný? A jak tedy voním, když ne jako já sám?“

„Zaprvé, nejsi cítit Sněholedem. V krvi ti nekoluje sever. Všichni, kdo bydlí ve Sněholedu, jsou cítit severem,“ opáčil mu cynicky vlk. „Dokonce ani nejsi cítit tím Viktorem, kterého jsem znával, chm.“

„Jak je to možné?“ ptal se Viktor.

„Z Viktorovy vůně bylo cítit, že věří,“ odpověděl vlk. „A proto jsme ho měli tak rádi.“

„Že věřím v co?“ chtěl vědět Viktor.

„V nás,“ odtušil vlk, „v pohádky. Ty v nás nevěříš. Skutečný Viktor v nás věří, protože je to syn dědy Mráze. Ale ty ne!“ vynesl konečný verdikt vlk. „Tohle je falešný Viktor,“ řekl vlk trpaslíkům.

„Věř mi,“ naléhal Bručoun. „Tohle je Viktor. Jen není ve své kůži. Víš, už dlouho nežije ve Sněholedu.“

„Takže tak to je…?“ nevěřícně se vlk zahleděl na Viktora a pak se obrátil na Karkulku. „Tak tedy poslední zkouška, což?“

„Do toho,“ odpověděla mu Karkulka.

V tom okamžiku přistoupil vlk k Viktorovi, přitiskl mu velikou šedou hlavu na prsa a poslouchal jeho srdce. Viktor se trochu vylekal, zvláště proto, že měl vlk ohromné a strašlivé tesáky.

Vlk hlavu několikrát posunoval vlevo i vpravo, pak se narovnal a vyděšeně pohlédl na Karkulku.

„To je zlé,“ hlesl. „Poslechni si to.“ A aniž se Viktor stačil ohradit, k jeho prsům se už tiskla Karkulčina hlavička.

„Ach ne,“ vzdychla. „To je opravdu zlé.“

„Co se děje? Co se mnou není v pořádku?“ ptal se vyplašeně Viktor.

„Opravdu, řekněte nám, co je špatně,“ dodal Bucla.

„Poslechněte si, on nemá srdce! Nemá ho na pravém místě! Takže to Viktor je i není,“ usoudil ustaraně vlk.

„Je i není?“ podivil se Bucla a šel si také poslechnout, zda Viktorovi tepe srdce nebo ne. Viktor se pokoušel protestovat, ale nezdařilo se mu to. Po Buclovi si šel srdce poslechnout i Dřímal.

„Je i není,“ vysvětloval vlk. „Například já jsem před chvilkou taky nebyl sám sebou, když jsem měl strach. Srdce se mi rozskočilo vedví a jako by před vámi stál vyplašený zajíc, a ne vlk! Nebylo to tak?“

„Ano, právě tak,“ potvrdil Dřímal a protáhl se.

„A tak je to i s Viktorem… není tak úplně sám sebou. A ani nebude, než se mu srdce vrátí na pravé místo. A až se mu srdce vrátí…“

„… získá zpět i svou vůni a zřejmě se mu pak objeví i jiskra v očích,“ dodala Karkulka.

„Já nic nechápu,“ ozval se Viktor. „Proč to o mně říkáte?“

Ale ačkoliv se snažil odporovat, sám v sobě cítil, že je to pravda. Pohřbil v sobě veškerý entuziasmus, který měl jako dítě. Všechny tužby, všechny sny se ztratily někam… kdovíkam. A navíc, když se tak zamyslel, opravdu se necítil být součástí Sněholedu. To ho zneklidnilo ještě více.

„Ale jestli je to skutečně tak…“ začal koktat Viktor…

„Stoprocentně je to tak!“ zpražil ho svou odpovědí vlk. „Diagnóza byla stanovena! Srdce nemáš na pravém místě. A tečka.“

„Tečka,“ nešťastně vzdychla Karkulka.

„Kdybych se směl na něco optat, pane doktore,“ trochu cynicky se obrátil Bručoun na vlka. „Když nemá srdce na pravém místě, jak ho vrátíme zpět?“

„Uf,“ řekl vlk.

„Och,“ vzdychla Karkulka.

„Ách,“ výskli Bucla a Dřímal.

„Neodfrkujte tu všichni a poraďte tomu mladíkovi,“ okřikl je nazlobeně Bručoun a Viktor je sledoval s doširoka otevřenýma očima.

„Myslím, že nejsem tak učený, abych znal nějakou medicínu,“ smutně poznamenal vlk. „Ale snad kdybychom odešli k babi – babičce Červené Karkulky… ta by určitě věděla!“

„A já jsem si vždycky myslel, že jsi ji schramstl,“ rýpl si do vlka Bucla.

Vlk se rozlítil a zavyl a Bucla a Dřímal se začali chichotat.

Pohádkář je přerušil přísným hlasem: „Ihned přestaňte! Najdeme lék. Vlku a Karkulko, připojte se k nám. Přidá se ještě několik vašich a našich přátel.“

Zatímco vlk a Červená Karkulka hledali, kam by si v malém studentském pokoji sedli, Pohádkář pokračoval ve vypravování a kouzelná mlha opět vyplnila celý prostor. Co teď asi přijde, zoufal si Viktor.

„Za devatero horami a devatero řekami bylo, nebylo jedno království…“

* * *

Princezna byla krásná jako všechny princezny v pohádkách. Měla na sobě přepychové šaty a na hlavě maličkou korunku. Princ byl milý, dobře vychovaný a očividně statečný. Ti dva stanuli uprostřed pokojíku a dívali se na Viktora.

Jako první na Viktora promluvil princ. „My dva se známe už dlouho, že, Viktore?“ Ale Viktor nevěděl, který je to princ, a tak jen uhnul pohledem, jako by něco hledal. Ve skutečnosti se však velice styděl.

„Nevzpomínáš si na mě?“ podivil se princ. „Já jsem kralevic Jan bez Ptáka Ohniváka.“

„Kralevic Jan. Má oblíbená pohádková postava," vzpomněl si Viktor. „Ale proč bez Ptáka Ohniváka?"

„Jestli si dobře pamatuješ pohádku, víš, že jsem se dlouho snažil získat kouzelného Ptáka Ohniváka. Ptáka s ohromnou mocí, kterého nikdy nikdo nechytil. A myslel jsem si, že vše v mém životě se odvíjí od toho, zda se mi ho podaří najít. Myslel jsem si, že bez jeho kouzelné moci nic nesvedu."

„Ano, a?" ptal se Viktor.

„A když už jsem ho konečně našel, pustil jsem ho, ať si letí," dokončil kralevic Jan.

„Proč?" podivil se Viktor. „Zjistil jsi, že není kouzelný?"

„Neplácej hlouposti, samozřejmě, že je kouzelný, vždyť to je Pták Ohnivák," netrpělivě odvětil kralevic Jan.

„Tak proč jsi ho pouštěl?" nebylo Viktorovi jasné.

„Protože jsem zjistil, že jsem ve skutečnosti nehledal jeho."

„Ne?" divil se Viktor.

„Ne?" jedním hlasem vydechli Bucla a Dřímal. Bručoun je zpražil pohledem.

„Ne!" odpověděl kralevic Jan.

„Ale proč? Jak to?" vytřeštil oči Viktor.

„Protože to, co jsem hledal, bylo ve skutečnosti něco jiného. Něco, co mi bylo celou tu dobu nablízku, ale já jsem si nevšiml, že už to mám," odpověděl Jan, usmál se a zadíval se na překrásnou princeznu.

„Ale jak bys mohl hledat něco a nevěděl, že už to máš?" protestoval Viktor, ale už tehdy mu bylo jasné, že kralevic Jan mu chce něco ukázat.

„Protože v životě často věci nechodí tak jako v pohádkách, můj milý Viktore," řekl kralevic. „A protože to, po čem tvé srdce nejvíce touží, ti může být skryté. Lesk drahých a nedostupných věcí tě přitahuje a nutí tě myslet si, že je potřebuješ. Proto je potřeba se čas od času zastavit a poslouchat své srdce… a pak poznáš, zda se nacházíš na správné cestě nebo ne."

„Pfff," ozval se vlk. „Ale on nemá srdce na pravém místě, nemá, co by poslouchal."

„To stačí, vlku," přerušil ho Pohádkář. „Nechej nás vyslechnout všechny, pak budeme diskutovat."

„Já už jsem vše řekl," zakončil kralevic. „Teď je na řadě Princezna s hráškem."

Viktor se obrátil k Princezně, která tam stála v celé své kráse a něžně se usmívala. „Ale proč s hráškem? Nespala jsi náhodou v pohádce NA hrášku, aby všichni uvěřili, že jsi skutečnou princeznou?"

Princezna se stále usmívala a líbezným hlasem odpověděla: „Ano, spala jsem na něm. A tak všichni viděli, že mi jeden hrášek dokázal udělat modřinu i přes tolik měkkých duchen. A to byl důkaz toho, že jsem opravdová princezna. Od té chvíle, co se to stalo, vzala jsem si hrášek a už nikdy jsem se od něj neodloučila. Tady je," řekla Princezna a vytáhla malou stříbrnou krabičku, „tady je, v krabičce. Budu ho u sebe nosit už navždycky."

„Proč?" podivil se Viktor.

„Aby mě upomínal na to, že i nejnepatrnější věci v životě jsou důležité. Že někdy nějaká malá, naoko nedůležitá věc, může zásadně změnit tvůj život – zlepšit ho, nebo zhoršit. Od té doby si všímám i těch nejdrobnějších věcí a věnuji jim pozornost. A nepodceňuji nic, i kdyby to bylo obyčejné a bezvýznamné." Poté se Princezna usmála a princ souhlasně přikývl.

A Viktor? Viktor hleděl do země a styděl se zvednout oči.

* * *

Potřetí a naposledy, kdy Pohádkář otevřel Vstup do světa pohádek, mlha probleskovala překrásnými, dokonce i kouzelnými světélky. Jako kdyby tam bylo tisíce drobných hvězdiček. A brzy už byly v mlze slyšet i hlasy…

„Pospěš si, honem, pospěš… neopožďuj se," zazvonil přeněžný ženský hlásek, jako by současně zazvonilo mnoho stříbrných zvonečků.

„Já se neopožďuju. Dívám se, jestli nás někdo nesleduje," odpověděl hlas, který zněl, jako by patřil nějakému mladíkovi. „Musíme být opatrní, velice opatrní…"

A jak se tak mlha vyjasňovala, Viktor ihned poznal, kdo jsou ti noví hosté. Jeho nejmilejší pohádková postava – Petr Pan, a maličkatá víla Zvonilka.

„Petře Pane!" nedokázal skrýt své nadšení Viktor. Jako by se v něm znovu probudil ten malý Viktor, který věřil na pohádky a nechtěl dospět.

Petr Pan se na něj podíval a usmál se: „Nazdar, Viktore, plácnem si?"

Viktor vykročil, aby si s ním plácl. Ale namísto Petra Pana si s Viktorem plácl jen jeho stín. Petr stál s napřaženou rukou a smíchy se popadal za břicho.

Zvonilka se zamračila a pokárala ho: „Petře, neutahuj si z něj, už tak je toho na něj příliš."

Ale Viktor byl tak nadšený, že ho to vůbec nerozhodilo. Užasle hleděl na Petrův stín, který se stal už zase jen obyčejný stínem… a nedělal nic jiného, než co dělá každý jiný stín.

„Stín už tě poslouchá?" ptal se zmateně Viktor, protože nevěděl, jak jinak by začal rozhovor se svým dětským hrdinou. „Už ti neutíká?"

„Už ne," klidně odpověděl Petr. „Rozhodl jsem se, že ho nechám dělat si, co chce, abych zjistil, jestli to sám zvládne. Chodil sem a tam, viděl svět, udělal všechno, co bylo i nebylo potřeba, a nakonec se ke mně vrátil. A teď je se mnou celou tu dobu. Víš, jak to chodí – to, co je částí tebe samého, nemůže utéct příliš daleko."

Potom se Petr hlasitě rozesmál. „Ale já příliš filozofuju, co? Viktoréé, co to s tebou je, kamaráde, řekni mi! Už víme, že ti někam zmizelo srdce. Stejně jako ten můj stín, který neposlouchal, že?" smál se ještě více Petr.

Viktor na něj jen zahanbeně koukal a mlčel. Hezkou lekci mu uštědřil Petr Pan, jen co je pravda.

„Jeho srdce určitě nemůže být daleko," řekl kralevic Jan.

„Ano, musíme se ho pokusit najít," dodala Karkulka.

„Pff, to si tedy nejsem tak jistý," vmísil se vlk.

Bucla a Dřímal se smáli. Bručoun už byl vším unaven a přestal nesledovat, kam se konverzace ubírá. A tehdy se ozval Pohádkář a všichni zmlkli.

„Petře, Zvonilko," řekl Pohádkář. „Nevěděli byste, jak bychom mohli Viktora vyléčit? Jak mu vrátit srdce na pravé místo?"

„Víme," odpověděl Petr. „Proto jsme i přišli. Myslím si, že to nebude tak složité. Jako bych už pozoroval, že se vrací náš starý Viktor." Pak se Petr usmál a mrkl na Viktora.

„Co mám udělat?" ptal se Viktor. V tu chvíli opravdu chtěl udělat něco… něco, co by mu pomohlo cítit se lépe.

„Musíš zase uvěřit," zazvonila Zvonilka milým hláskem. „Uvěřit v nás – pohádky. Uvěřit ve Sněholed, v dědu Mráze, ve všechny ty krásné

kouzelné věci… a musíš uvěřit v sebe! To je nejdůležitější! Musíš věřit, že můžeš být zase ten veselý a šťastný chlapec jako dříve!“

„Věřím,“ zamumlal tichounce Viktor.

„Když tedy věříš, víš, co máš udělat?“ zeptala se Zvonilka.

„Pověz mi to,“ řekl Viktor. „Pomoz mi…“

„Vzpomeň si na pohádku o mně a Petru Panovi… vzpomeň si, jak jsem se vyléčila já, když mě otrávil ten zlý kapitán Cook. Když jsem snědla ten otrávený koláč, abych Petra zachránila… Co mě tehdy zachránilo, vzpomínáš si?“

„Potlesk,“ ihned odpověděl Viktor. „Všechny děti světa, které věřily ve víly, začaly tleskat a ty ses jejich vírou uzdravila.“

„Nu, a to bude i tvým lékem,“ řekla mu Zvonilka. „Tleskej, Viktore, zatleskej pořádně rukama, abys dokázal, že věříš. Tleskej, aby ses uzdravil. Všichni tleskejte, honem, trpaslíci, přátelé, děti…“

A Viktor začal tleskat. A s ním také Bručoun, Bucla a Dřímal… I kralevic Jan a Princezna na hrášku, i Červená Karkulka a vlk… I Pohádkář a taky Petr Pan… A jak tak tleskali, Viktorovi začaly téct slzy. Jako by mu z očí spadla nějaká tmavá opona a on se roztesknil… roztesknil se, protože pochopil, jak byl hloupý a sobecký a kolik zla napáchal na druhých. Plakal a tleskal a tleskal a plakal a nepřestal s tím, dokud se nezačal cítit od všeho zlého osvobozený.

„Cítím se, jako bych se probudil ze zlého snu,“ svěřil se Viktor ostatním. „Vůbec nechápu, co jsem si myslel a proč jsem dělal to, co jsem dělal.“

„To proto, že všichni v životě děláme chyby,“ řekl Pohádkář. „A zvláště, když jsme mladí. A proto je důležité, abychom měli přátele, kteří tu budou vždy pro nás,“ usmál se a s hrdostí pohlédl na trpaslíky.

„Počkejte!“ ozval se vlk. „Vyzkoušíme, zda se srdce vrátilo na pravé místo.“

A tak jeden po druhém zkoušeli, čichali k Viktorovi, dívali se mu do očí, poslouchali jeho srdce… a nakonec jednohlasně uzavřeli, že léčení bylo úspěšné a že srdce teď je „na tom pravém místě“. Všichni se radovali a smáli se, ale Viktor byl stále ještě smutný. Bylo mu těžko a nemohl si odpustit, že se dopustil tolika nerozvážností.

„Co bych měl udělat?“ ptal se Viktor Pohádkáře. „Mám se ozvat tátovi?“

„Hú – hú,“ uslyšel už dobře známý hlas sovy. Viktor by na ni byl dočista zapomněl. Pohlédl k pracovnímu stolu a čekal, že uvidí hnědého nezajímavého ptáka… ale namísto toho spatřil nejstarší postavu, kterou znal, noční můru svých studentských dnů v Sněholedu…

Kapitola čtrnáctá

Jiskra

… ohromnou rychlostí spěchal zpět na daleký sever. Vločka neměla času nazbyt. Viktor ji nechtěl vyslechnout, ale to byl ten menší problém. Větším problémem byl George a lord Rich. Kdo mohl vědět, jaké pikle kují právě v této chvíli?!

Jiskra byl kouzelný sob. Jestliže sněžné sovy potřebují dvě až tři hodiny, aby se dostaly do Londýna, Jiskrovi na návrat do Sněholedu stačila jen polovina. Ale Vločka se bála, že i to je příliš, zvláště proto, že tentokrát potřebovala poprosit o pomoc nejzáhadnějšího obyvatele Sněholedu…

* * *

Vysoko nad Sněholedem se vzpínala Ledová hora, místo, kterého se Vločka odjakživa trochu bála. Trpaslíci tam chodívali kopat do svých dolů, sovata se tam učila létat a medvědi tam chodili tábořit. Přesto byla Ledová hora nebezpečným místem pro děti, jako byli Vločka a Viktor, a proto jim paní Rafaela zakazovala tam chodit.

Ale Viktor už odmala byl svéhlavý a Vločka se od něj nechtěla trhnout, takže se jednoho zimního dne rozhodli prozkoumat tu tajemnou horu…

* * *

Viktor měl tehdy jedenáct a Vločka jen šest let. Oba ale byli, jakožto děti dědy Mráze, velice silní a vytrvalí, takže si ani nevšimli, kdy a jak vystoupali tak vysoko do hor.

Vítr Severák do nich vší silou narážel a sníh začal padat hustěji a hustěji. Ale Viktor ostře rázoval vzhůru a Vločka neměla na výběr nic jiného než ho následovat.

„Fúúú úúúf,“ zafoukal Severák varovně. Ale děti ho neslyšely a šplhaly stále výš a výš. Brzy se udělalo velice chladno. Ačkoliv Vločka a Viktor snášeli chlad mnohem lépe než jakékoliv jiné děti, takovou zimu ještě nezažili.

A Severák dul ještě nemilosrdněji. „Fúúúú úúúúf!“

Viktor si to už začal rozmýšlet. Ale když se ohlédli dolů, zjistili, že kvůli sněhové bouři nic není vidět a cesta je strmá a nebezpečná. Vločka se rozplakala a Viktor začal propadat zoufalství. Udělal ještě několik kroků dopředu a najednou uviděl nějaký otvor ve skalách, jako by to byl jeskynní vstup.

„Rychle,“ pobídl Vločku. „Tady se schováme.“

* * *

Jeskyně byla veliká a tmavá, ale dostatečně hluboká, aby se mohli skrýt před mrazem a sněhem. „Ještě kdybych tak měl něco na rozdělání ohně,“ povzdychl si Viktor před Vločkou a přemýšlel, jak sestřičku zahřeje.

Vločka se mrazem celá třásla, ale byla velice šťastná, že už se před sněhem a Severákem schovali. Zatímco Viktor prozkoumával okolní prostory, všimla si Vločka, že se ve tmě hluboko v jeskyni něco pohnulo.

„Viktore,“ vykřikla vyplašeně, „tam něco je!“

Viktor se otočil k tomu temnému koutu jeskyně a opravdu, směrem k nim se pohybovalo něco obrovského – nějaké zvíře, kterému ve tmě svítily oči. Ze tmy vyšel velký černý medvěd a postavil se na zadní. Pro Viktora a Vločku byl pohled na černého medvěda nezvyklý. Ve Sněholedu žili jen bílí polární medvědi.

Viktor, ačkoliv byl sám velice vyplašený, se postavil před Vločku, aby ji ochránil, a křikl na medvěda: „Přistup, pouze pokud smíš, ty zlé stvoření.“

Ale medvěd mu studeným ženským hlasem odpověděl: „Viktore Mrázi, čekala jsem, že tě paní Rafaela vychovala lépe. Myslela jsem si, že mi řekneš dobrý večer.“

Viktor a Vločka udiveně hleděli na velkého černého medvěda, který se před nimi proměnil v ženu s dlouhými černými vlasy, připomínajícími medvědovu srst, a se sekyrou zaháknutou za opaskem.

* * *

Mira Černá Medvědice, tak se jmenovala, je odvedla hluboko do jeskyně. Jednou rukou otevřela obrovskou skálu, bez sebemenší námahy. A za ní se nacházel velký, krásně upravený jeskynní dům, světlý, teplý a pohodlný.

Mira je mlčky zavedla do veliké kuchyně a dala jim teplou polévku. Děti se bály promluvit, ale polévku snědly, protože byly velice hladové.

Když už se zahřáli a dojedli polévku, Mira se na ně zadívala pronikavýma očima a řekla: „Tohle bylo naposledy, co jste udělali takovou hloupost. Copak vám Mikuláš a Rafaela neřekli, jak je tato hora nebezpečná?“

Viktor jen mlčel s očima sklopenýma. Vločka hleděla na Viktora a nechtěla ho zradit. Ale Mira stejně vše pochopila.

„Na noc zůstanete tady. Ihned dám vědět paní Rafaele, kde jste, aby se nestrachovala. Ale bouře je teď tak silná, že dnes si sem pro vás nepřijdou. Severák není dobře naladěn, takže nikomu nedovolí jen tak se procházet po jeho hoře.“

„Ale jak dáte mamce vědět?“ ptal se Viktor.

Mira se na něj zadívala a hvízdla. Odněkud přiběhla malá myška. „Běž,“ řekla jí Mira. „Ale jen pod zemí, rozhodně ne po zemi, ať nezmrzneš. Běž přímo k paní Rafaele, protože už je chudinka strachem určitě celá bez sebe.“

A myška zčistajasna zmizela úplně stejně, jako se objevila.

Mira se podívala na děti. „Je čas jít spát,“ řekla. „Pojďte za mnou.“

* * *

Viktor a Vločka leželi ve velké teplé posteli, pokryti teplou medvědí kožešinou. V ohništi blízko nich hořel oheň. Mira si sedla do improvizovaného, ale pohodlného křesla u ohně a také se přikryla medvědí kůží.

„Teď vám povím jednu pohádku,“ řekla Mira. „Pohádku, kterou byste si měli velice dobře zapamatovat. A pak mi můžete každý položit po jedné otázce, na kterou vám co nejupřímněji odpovím. Můžete se mě zeptat, na co chcete, ale být vámi si dobře rozmyslím, na co bych se ptala.“ Poprvé a naposledy toho večera se Mira usmála.

* * *

„Ta pohádka je vlastně spíše historií, ale protože obsahuje spoustu vyprávění, radši ji nazývám pohádkou,“ zamyšleně pověděla Mira, zahleděná do ohně. „Jak víte, Sněholed je kouzelné a skryté místo, o němž nesmí nikdo – ale opravdu nikdo cizí vědět. Tak to bylo odjakživa a tak to i musí být. Všichni obyvatelé Sněholedu jsou povinni toto tajemství uchovat.

To nejdůležitější, co pro Sněholed platí, a co platí i pro ostatní kouzelná místa, je to, že je pro cizince neviditelný. To je jeho největším tajemstvím a je tím chráněn před zlými lidmi. Například pokud nad Sněholedem letí

nějaké letadlo nebo se k němu dostanou lidé se sáňkami, nespatří nic jiného než obrovské prázdné zasněžené místo. Jako by bylo celé město a vše okolo něj zakryto obrovským závojem nebo kupolí, které ho dělají neviditelným a nedostupným.

Někdy, velice zřídka, se do Sněholedu dostanou lidé, kteří nejsou jeho obyvateli. Prostě ho najdou. Ptáte se jak? Jsou to výjimeční lidé, kteří věří v to, že Sněholed existuje (na rozdíl od většiny lidí, kteří o něm vůbec nevědí). Jsou to lidé s velkým srdcem, v němž dlí touha po dobrodružství, po troše kouzel, po uskutečnění snů… Jen takoví dobří, chytří a výjimeční lidé se mohou díky svým tužbám a úpornému úsilí dostat do Sněholedu. Pro lidi, kteří věří a mají velká a čistá srdce, není Sněholed neviditelný. Naopak – září v dálce, když se k němu přibližují… ukazuje jim cestu.

Na druhou stranu, existují velice zlí lidé s černými a zkaženými srdci, kteří léta letoucí pachtí po Sněholedu. Vědí, že Sněholed existuje, a za každou cenu se ho snaží najít, ale je pro ně neviditelný. Proto tito lidé celý život táhnou za těmi, kteří jsou se Sněholedem svázáni (bez ohledu na to, zda jsou to stálí obyvatelé, nebo zda žili ve Sněholedu jen určitou dobu). A to vše jen pro vlastní zisk. Vlastně, jediným způsobem, jak se zlí lidé mohou dostat do Sněholedu, je cestovat spolu s jeho obyvateli. A proto je tak důležité zachovávat tajemství jeho existence. Kdyby se někdo z těchto lidí dostal do Sněholedu, znamenalo by to pro nás všechny konec.“

„Proč by to byl konec?“ ptal se Viktor. „Přece můžeme s těmi zlými lidmi bojovat, ne?“

Mira Černá Medvědice pohlédla na Viktora nejstrašnějším pohledem, jaký si kdy mohl představit. „Co jsem to řekla o kladení otázek a přerušování pohádky?“ zpražila ho.

Viktor se zachumlal pod medvědí kožešinu a vypískl „promiňte“, a Mira pokračovala ve vypravování pohádky… vlastně historie.

„Jestliže se někomu z těch lidí podaří vstoupit do Sněholedu, zruší se kouzlo a město přestane být neviditelné. Bude pak moci přijít kdokoliv a spáchat, co jen se mu zachce. Může přijít a zničit náš způsob života. Může zničit všechny onačejší kouzelné tvory, kteří tu žijí. Vnese k nám nenávist, zlobu, žárlivost, lakomství, peníze, kriminalitu… věci, které u nás neexistují… a ani je tady nepotřebujeme.“

„A jinak, Viktore, samozřejmě se můžeme bránit,“ povídala Mira, hleděla do ohně a něžně, jako by to bylo dítě, hladila sekyrku, která se jí kdovíjak objevila v ruce. „Musíme se bránit. A vždy jsme na to připraveni. My,

medvědí garda Sněholedu, a i další obyvatelé. Ale neubráníme se před někým, kdo se už dostane dovnitř Sněholedu. Pak už by bylo vše zbytečné, ať bychom se bránili, jak bychom chtěli.“

Děti mlčely. Nějakou dobu mlčela i Mira a zírala do ohně. Pak se obrátila k dětem a zahleděla se na ně.

„Vymysleli jste si, na co se mě chcete zeptat?“ řekla.

Děti vůbec nepřemýšlely o otázkách, ale když už se jich zeptala, vypálil Viktor jako z pušky.

„Ano, vymysleli,“ řekl.

„Cha,“ zvolala Mira. „Jsi zbrklý, chlapče. Je to opravdu ta správná otázka?“

Viktor vůbec neuvažoval o tom, co to je správná otázka. Byla to jednoduše otázka, na kterou chtěl od Miry získat odpověď, a to jí také řekl.

„Poslouchám,“ odtušila Mira.

„Co je to medvědí garda? Jak chrání Sněholed? Bojem a nějakými kouzly?“ vršil Viktor jednu otázku přes druhou.

Mira na ně upřela zrak a Vločce se zazdálo, jako by se trochu pousmála, ale když se podívala pořádně, viděla, že Mira je přísná a strašná jako i předtím.

„Pfffrrr. Ble. Kouzla,“ zamumlala Mira. „Takové slovo. Kouzla. Ty tak určitě víš, co jsou to kouzla. Takové slovo snad nechci ani vyslovit. Ale odpovím ti na to druhé. Medvědí garda… To jsou velice schopní a vyzbrojení bílí medvědi ze Sněholedu, jejichž hlavním úkolem je bránit město a jeho okolí. A teď další otázku,“ podívala se Mira na Vločku.

„A to je všechno?“ protestoval Viktor. „Chtěl jsem se zeptat ještě, jestli vy jste hlavou všech medvědů. Hlavou gardy.“

„To je vše. Řekla jsem přece: jen jednu otázku, že?“ usadila ho Mira. „Vločko, co tvá otázka?“

Vločka měla čas na rozmyšlenou, ale protože byla ještě malá, domnívala se, že její otázka určitě není tou správnou. A to také řekla Miře. Ale Mira trvala na tom, ať otázku položí, a tak Vločka spustila:

„Jak… jak sem může nějaký obyvatel Sněholedu někoho přivést, když je město pro všechny, kdo jsou zlí, neviditelné? To pak město pozbyde své neviditelnosti a viditelné nebude jen pro dobré lidi?“ nebylo jasné Vločce.

„Bohužel," řekla Mira a ostře se zadívala na Viktora. „Pokud se nějaký obyvatel Sněholedu dostane na scestí, pokud se jeho srdce rozpadne a on sám se rozhodne, že takové lidi dovede do Sněholedu, pak se sem dostanou. Obyvatelé mají moc udělat město viditelným pro každého."

„Ale ve Sněholedu žijí jen dobří lidé. Nikdo by to neudělal, ne?" ptala se Vločka.

„Doufejme," zamumlala Mira. „Doufejme…"

Bylo pozdě a děti už byly hodně ospalé. Mira seděla a zamyšleně pozorovala oheň. Pak začala potichu zpívat píseň v nějakém neznámém jazyce, který Vločka dosud ještě neslyšela. Viktor už usnul a Vločka se také začala potápět do snu. Jak tak usínala, zdálo se jí, že v plamenech, které hořely v ohništi, vidí obrazy – hodně bílých medvědů, kteří bojovali se zlými lidmi. S lidmi, kteří přišli a napadli Sněholed… A mezi nimi stála Mira v plášti, který vlál ve větru, a se sekyrou v ruce, silná a nebojácná…

* * *

Jiskra se přibližoval k Ledové hoře. Na rozdíl od té noci před mnoha lety, tentokrát byla Ledová hora tichá a pokojná. Ani vidu, ani slechu po větru Severáku. Vločka si nepamatovala úplně přesně, kde se nacházela Miřina jeskyně, ale věřila Jiskrovi a jeho bezvadnému zraku. Sobi dědy Mráze byli známí tím, že dokázali dohlédnout velice daleko a mohli si všimnout i těch nejmenších detailů.

Jiskra kroužil okolo hory podobně jako malé letadlo nebo helikoptéra. Letěl rychle, protože věděl, nakolik je to důležité. V jedné chvíli jako by se byl zarazil a pak se pomalu spustil na mírný svah.

„Támhle," ukázal Jiskra Vločce.

A opravdu, před nimi ve skalách byl vidět otvor od nějaké jeskyně. Vločka si nebyla úplně jistá, že je to právě ono hledané místo, ale chtěla zkusit štěstí.

„Počkej na mě tady," řekla Jiskrovi a začala šplhat vzhůru. Před vchodem do jeskyně se zarazila, jako by chvilku váhala, ale pak statečně vstoupila dovnitř. Jako zázrakem byla jeskyně zevnitř nasvětlena loučemi, které hořely a ukazovaly cestu. Stačilo, aby Vločka sledovala světlo. Tak došla i k veliké skále, v níž se skrýval vstup do Miřina jeskynního domu. Skála se otevřela přesně natolik, aby se Vločka mohla prosmeknout dovnitř.

Jen co vstoupila, skála se za ní sama zavřela, ale Vločka se nebála. Bylo jí jasné, že Mira už ji očekává. Když Vločka našla velikou kuchyni, do níž

poprvé vstoupila s Viktorem, nemohla se nezačít usmívat. Spatřila Miru, jak připravuje polévku – přesně tak jak před mnoha lety. Mira jen krátce pohlédla na Vločku a pronesla: „Zpozdila ses! Polévka už bude studená."

V té chvíli Vločka bojovala sama se sebou, aby nepřiskočila k Miře, neobjala ji a nedala jí pusu. Tak šťastná byla, že ji Mira přivítala právě tímto způsobem… Potvrdilo to jen její domněnku, že dorazila na správné místo.

Vločka se posadila za veliký stůl a s chutí snědla polévku. Obletěla pomalu polovinu zeměkoule a kdoví, kdy jedla naposledy. Když se najedla, zvedla oči k Miře. Mira seděla a hleděla do ohně, nad nímž stál kotel s polívkou.

„Dobře, dobře," mrmlala Mira. „Tvůj bratr se vzpamatoval, konečně. To nám trochu ulehčí práci. Venku se rozednívá," obrátila se k Vločce, „a my máme čas jen do večera. Já svolám gardu a ty i tvůj sob si odpočiňte."

„Ale," protestovala Vločka, „já chci pomáhat."

„Večer nám pomůžeš. A teď alou spát. Ten, kdo není odpočatý, nemůže bojovat po mém boku."

Vločka byla hrdá, že i ona bude součástí gardy. Mira ji odvedla do velkého prostoru, v němž už tenkrát, před mnoha lety, jako děti s Viktorem poslouchali pohádku. U velikého ohniště už byl ustájen Jiskra. Sob taky povečeřel a teď klidně spal. Myšky, Miřini pomocníčci, ho ihned pozvaly dovnitř a pohostily ho.

Vločka ulehla do velké postele a přikryla se medvědí kožešinou. „Ale co jestli se bude mamka strachovat?" zeptala se.

„Neboj se," odpověděla Mira. „Postarám se o to, aby se všichni všechno dozvěděli. Ty si radši odpočiň. Sladké sny."

Mira zmizela do tmavých chodeb jeskynního příbytku a Vločka se propadla do hlubokého spánku.

Kapitola patnáctá

Lord Rich

… netrpělivě očekával, až se George vrátí z Cambridge. Jestliže to, co mu George řekl, je pravda a jestliže se Viktor vydal do toho kouzelného města, po kterém už tak dlouho toužil, pak také existuje způsob, jak ho sledovat.

Můj syn, ten hlupák, zvládl alespoň jednu věc udělat tak, jak bylo potřeba, pomyslel si lord a zazvonil na zvoneček, který stál u dveří v pracovním pokoji.

Po několika málo vteřinách se objevil komorník lorda Riche. „K službám, lorde."

„Je vše zařízeno? Je pilot připraven k vzlétnutí?"

„Ano, lorde, zařídili jsme vše dle vašich pokynů. Pilot je u letadla na runwayi a je připraven. Vaši bodyguardi jsou v plné polní a čekají na vaše instrukce. V nákladním prostoru letadla jsou umístěny motorové sáně a další vybavení."

„V pořádku. Můžeš jít," odpověděl lord Rich nervózně. Ale ve skutečnosti byl spíše vzrušený. Konečně se mu podaří uskutečnit svůj sen a dostat se do tajemného města.

* * *

O několik hodin dříve se George nepozorovatelně vkradl do budovy kolejí v Cambridgi, kde žil Viktor. Snažil se zjistit, kde Viktor je a co dělá. Nemohl přece jen tak vletět přímo do jeho pokoje, a tak si George po dlouhém rozmýšlení a potloukání se po chodbách vzpomněl, co může udělat.

Hned vedle Viktorova pokoje se nacházel kumbálek, prostor, kam si studenti odkládali kola a různé další věci, které se nevešly do jejich pokojů. Kumbál byl zamčen a klíče měli studenti, jejichž pokoje s ním sousedily. Dveře však byly staré a zámek už byl léty zrezivělý, takže pro George vůbec nebylo obtížné ho vylomit a dostat se dovnitř.

Místnůstka měla obrovské okno, které vedlo na malý a uzoučký balkón. Vedle něj byl naprosto stejný balkónek, který obepínal okno vedoucí do Viktorova pokoje. Mezi dvěma balkónky po celé délce budovy kolejí visel parapet, dostatečně široký na to, aby po něm mohl někdo projít.

George se trochu bál výšek, ale neměl jinou možnost. Musel vykonat onu misi, kterou ho pověřil jeho otec. Nesměl neuspět a zklamat tak otce, ačkoliv se mu to příčilo. Tentokrát musel svému otci dokázat, že je schopen úkol, který mu uložil, dokončit. Ukázat mu, že může být jeho následníkem. Možná že pak ho otec konečně pochválí, možná ho i obejme… a navíc, George nechtěl být vyděděn.

Pomalu se přehoupl přes zábradlí balkónu a stoupl si na parapet. Snažil se nedívat se dolů a pomaličku, krůček po krůčku, se blížil k oknu Viktorova pokoje. Když se dostal až k němu, přilepil se ke zdi a nakoukl dovnitř.

V pokoji seděl Viktor. Psal něco na svém notebooku a podivně se usmíval. George zčervenal zlostí a žárlivostí! Viktor si určitě píše s Mínou Jonesovou. George si nikdy neodpustil, že s ní Viktora kdy seznámil.

Ať jde k čertu! pomyslel si George. V té chvíli pozvedl Viktor hlavu k oknu a George se přilepil zpátky ke zdi. Jen aby mě nezahlédl. To by bylo vše ztraceno, pomyslel si George.

Viktor vstal a přistoupil k oknu. George oblil studený pot. Snad se nekoukne napravo, snad mě neuvidí, doufal.

Viktor se přes okenní tabulku zadíval na zářící měsíc, který byl toho večera neuvěřitelně veliký, a pak se vrátil zpět, aniž by si George byl všiml. George stál klidně delší dobu a přemýšlel, co udělá. Má se snad vrátit zpět do kumbálku a čekat? Nebyl si jist. V jednu chvíli se chtěl podívat, co dělá Viktor, a pak že se rozhodne k dalšímu kroku. Narovnal se a nahlédl dovnitř a – jaká to šťastná náhoda! Viktor usnul u notebooku! George opatrně přelezl na balónek a opřel se do okna. Okno se otevřelo a George se prosmýkl do pokoje a přiblížil se ke spícímu Viktorovi. Podíval se na monitor notebooku a zamrazilo ho ještě víc. Viktor a Mína si vyměňovali milostné zprávy!

Ale George nesměl ztrácet čas přemýšlením o hloupostech. Z kapsy vytáhl malou kovovou destičku, jako nějaký kovový odznáček… a tiše a nenápadně ho strčil do vnitřní kapsy Viktorovy bundy.

„Ten odznáček je vlastně lokátor, který mi pomůže sledovat mladého Mráze," řekl Georgovi lord Rich předtím, než odjel na koleje. „Bude vysílat signály, a tak nám dá vědět, kde se v danou chvíli Viktor nachází. Takže až vyrazí na sever, což by se mohlo stát velmi brzy, budeme o tom vědět, a tak se jeho pomocí dostaneme do Sněholedu. Mezitím musíme zapracovat i na plánu B – dostat ho na naši stranu. Doufám, že se nám to

povede, ale pokud náhodou ne, máme tohle sledovací zařízení. Na obě možnosti musíme být připraveni.“

* * *

George se vrátil zpět do kumbálku. Úkol, který mu uložil jeho otec, byl splněn a lokátor byl vložen do Viktorovy bundy. Ale něco nedalo Georgovi odejít. Měl takový podivný pocit, že se může něco stát. Proto se rozhodl vyčkat. Chvílemi postával v kumbálku, chvílemi vycházel na balkónek a hleděl do nebe. Měsíc už pomalu zacházel a vše se potápělo do větší a větší tmy. A to bylo dobře. Georgovi se dnes večer měsíc vůbec nelíbil! Jako by ho zlobně pozoroval a hrozil mu…

„To se mi určitě jen zdá,“ pomyslel si George. Ale i přesto mu bylo vhod, když viděl, že měsíc zalézá a nebe je už černočerné.

Jak tak hleděl na nebe, najednou uviděl, že v dálce něco velikého letí a přibližuje se to stále více k budově kolejí. Schoulil se a ukryl se na balónku. I tak ale mohl vidět, co se venku děje.

Ohromný pták – ano, byl to pták, vlastně sova! – ohromná světlá sova (snad bílá? George to pořádně v té tmě nerozeznal), obrovská snad jako kůň! (přesněji – jako kůň s křídly!), pomalu slétávala k Viktorovu oknu.

Jakmile se přiblížila až k němu, začala se zmenšovat a měnit barvu! Z obrovité světlé sovy se najednou stala obyčejná tmavá sova. Co to je za kouzla? nemohl uvěřit George svým očím.

Sova si sedla na balkónové zábradlí a začala houkat: „Hú – hú! Hú – hú!“

Po nějaké době se okno otevřelo a sova vletěla dovnitř! Achjo, kdybych se tak mohl jít podívat, co se tam děje – hryzal si George nervózně a neklidně rty. Ale v té chvíli mu vůbec nepřipadalo, že by to bylo proveditelné, zvlášť tak, aby nebyl spatřen. Viktor se určitě vzbudil – jak jinak by se sova dostala dovnitř? Když George vylézal z Viktorova pokoje ven, postaral se o to, aby bylo okno řádně uzavřeno.

George číhal ještě nějakou dobu. Když už si myslel, že se nic nestane, a připravoval se k návratu dovnitř kumbálku, aby se trochu zahřál, okolo budovy kolejí proletěl sob a na jeho hřbetu – děvče! Já snad sním, řekl si George. Ale sob tu opravdu byl – a dívka také. Jednou obletěli budovu a pak se sob zastavil u Viktorova okna. Dívka seskočila z jeho hřbetu – a zmizela uvnitř pokoje.

Tak teď už mi není jasné zhola nic – kousnul se George ještě jednou do rtů a přemýšlel, co dělat. Čekal a čekal, vycházel ven a zacházel zas dovnitř.

V jedné chvíli zahlédl, že se dívka ocitla opět na sobím hřbetě a nesmírnou rychlostí vyletěla k nočnímu nebi.

„Hlupáku! Všechny nás zničíš," křikla dívka na Viktora, který na ni hleděl oknem. George se rychle ukryl do kumbálku a zůstal prakticky bez dechu. Co mám teď dělat? ptal se sám sebe. Čekat, nebo odejít?

Rozhodl se zůstat ještě chvíli. Dřepl si a z únavy usnul. Když se vzbudil, všiml si, že venku už vychází slunce. Vyšel na balkón a podíval se směrem k Viktorově pokoji, když tu – okno se otevřelo a ven vyletěla ohromná bílá sova. A na jejím hřbetě seděl Viktor!

„Do Sněholedu," křikla sova a vzletěla. A za ní – něco neuvěřitelného! Za ní vyletěla nejrůznější kouzelná stvoření: nějaké světýlko, které se pohybovalo napřed a vedlo ostatní, za ním tři trpaslíci, jeden anglický gentleman, jedno dítě v zeleném šatě (Petr Pan??), princ, princezna, vlk (!) a nakonec i Červená Karkulka.

Svět zešílel. Nebo jsem zešílel já, jedno z toho, řekl si George a vytáhl mobil. Musel to vše vypovědět svému otci, ačkoliv tomu, co viděl, sám nemohl uvěřit.

Kapitola šestnáctá

Všeználek Bílý

… dlouhou dobu mlčel a pozoroval Viktora. Viktorovi se zdálo, že po dobu, kterou mlčel, se snad ještě zvětšil a křídla mu snad ještě více zbělala. Najednou tu před ním stála v celé své výšce – gigantická sněžná sova, noční můra každého žáka školy „Severína Studeného" v Sněholedu.

Všichni okolo se ztišili a jako by byli menší než zrnko písku. Kromě Pohádkáře, který položil Viktorovi ruku na rameno a jako první Všeználka oslovil.

„Dobrý večer, vlastně přesněji dobré ráno, starý příteli."

Viktor se podíval oknem ven a uviděl, že nebe už začíná blednout. Slunce se pomalu probouzelo a protahovalo se a všechna magie oné podivné noci pomalu mizela.

Všeználek Bílý pokýval hlavou a pozdravil Pohádkáře: „Dobré ráno, Davide."

Trpaslíci se na sebe podívali. To bylo poprvé, kdy slyšeli Pohádkářovo skutečné jméno.

Všeználek se znovu příkře zadíval na Viktora a Viktorovi se zdařilo jen zakoktat: „Je mi moc líto, co jsem udělal. Já… já jsem nechtěl!“

Všeználek Bílý ještě nějakou dobu mlčel a pak řekl: „Taky je mi to líto, Viktore. Věřím, že toho upřímně lituješ, ale zákon je zákon. Musíš jít se mnou zpět do Sněholedu. Soud proběhne ode dneška za dva dny.“

Viktor pobledl. Trpaslíci a ostatní přítomní byli rozrušení, ale nikdo se neodvážil protestovat. Všeználek Bílý měl pravdu. Bylo jasné, že ten, kdo překročí zákon, musí předstoupit před Ústavní soud Sněholedu.

„Ale… ale…“ zadrmolil Viktor. „Ale já nechci, aby to takhle skončilo!“

„Ani já to nechci,“ odpověděl Všeználek. „Ale takový je zákon. Máš možnost se obhájit před soudem. Navíc, budeš mít i dobrého advokáta, který za tebou bude stát, že, Davide?“

Pohádkář pohlédl na Viktora a řekl: „Budu tvým advokátem, Viktore. Předtím, než jsem se začal zabývat literaturou, jsem vystudoval právo a jsem povolán Ústavním soudem Sněholedu jako právní zástupce – když je potřeba. Ačkoliv, musím říci, že tohle je poprvé, kdy někoho budu zastupovat. Ale neboj se, všichni zde přítomní budou svědky. Budou svědčit ve tvůj prospěch!“

Všichni začali vzrušeně mluvit a potvrzovat, jak přijdou do Sněholedu svědčit ve prospěch Viktora, ale Všeználek je přerušil.

„Musíme jít,“ řekl. „Mou povinností je doprovodit tohoto chlapce do Sněholedu. Viktore, prosím tě, obleč si bundu a vezmi si věci, které potřebuješ. Odlétáme ihned. Zvonilko, prosím tě, posypej všechny přítomné trochou hvězdného prachu. Jestliže všichni tito jsou svědky, pak se musejí i oni dostat do Sněholedu. Cesta je dlouhá, takže – musíme letět.“

Zvonilka se usmála a vyletěla nad trpaslíky i nad ostatní a posypala je hvězdným prachem.

* * *

Mezitím paní Rafaela spala a měla neklidné sny. Čas od času se jako v mrákotách probudila a podívala se na postel vedle sebe. Ale Mikuláš tam nebyl. Naštěstí si všimla, že není tak úplně sama. Schoulený u jejích nohou spal kocour Max, její miláček a věrný kamarád. Max, jakož i všechna ostatní zvířata ve Sněholedu, uměl mluvit, ale upřímně, nedělal to moc často.

„Nemám, co bych říkal," řekl jednou paní Rafaele. „Proto raději mlčím."

Rafaela byla vděčná, že alespoň on tady pro ni byl. Ale ani on ji nemohl ochránit před nočními můrami. Trápily ji až do rozbřesku, když už úplně otevřela oči a jen tak ležela na posteli, s pohledem upřeným oknem ven. V jednu chvíli Max zvedl hlavu a nastražil uši. Vstal s vousy naježenými a větřil.

„Maxi, co se děje?" ptala se paní Rafaela, celá rozrušená.

Ale Max seskočil z postele, vyrazil k rohu místnosti a za několik málo vteřin se vrátil zpět – s myší v tlamě! Paní Rafaela by určitě byla vypískla, kdyby to byla nějaká obyčejná myš, ale myši ze Sněholedu byly, samozřejmě, neobyčejné. Jakmile Max něžně vypustil myš na postel, Rafaela na ni pohlédla a ihned věděla, kdo ji poslal.

* * *

„Do Sněholedu," zvolal Všeználek a vyletěl k nebi. Viktor se usadil mezi jeho křídla, jako by osedlal okřídleného koně. Byl synem Sněholedu, takže pro něj takové létání bylo něco zcela normálního. On i Vločka jako děti létali na sněžných sovách a sobech dědy Mráze velice často.

Ale skutečnost, že Viktor letěl s Všeználkem, kterého se, nutno přiznat, odjakživa bál, a že nedělali žádný vyhlídkový let, nýbrž letěli k soudu, ho přiváděla k zoufalství.

Ale i tak, jakmile vylétli zpět do Sněholedu, bylo co k vidění. Pohled na ně, při celém tom zoufalství, byl opravdu směšný.

Hned za Všeználkem, který letěl s Viktorem v čele celé formace, byla Zvonilka a Petr Pan. Ti, na rozdíl od ostatních, uměli létat a dělali ve vzduchu různé akrobatické kousky a předváděli se. Za nimi letěl kralevic Jan a Princezna, drželi se za ruce s grácií tak jako každý princ a princezna. Čas od času se Viktorovi zdálo, jako by ti dva snad i tancovali, tak byli důstojní.

A zbytek skupiny? To byl gól! Bručoun jen tak tak udržoval rovnováhu a zjevně měl z létání strach, takže ho Pohádkář musel sem tam povzbudit, říct mu, že na létání s hvězdným prachem není nic strašného. Bucla, ačkoliv oplýval nadváhou, to zvládal velice dobře a zjevně byl přešťasten, že letí. Ale stále musel dávat pozor na Dřímala, který v letu usínal a začínal padat… a proto Bucla nebo Pohádkář letěli vedle něj, aby ho zachytili a probudili.

Vlk a Červená Karkulka byli však ještě směšnější. Jestliže se Bručoun bál létání, pak vlk byl velmistrem strachu! Srdce se mu zase rozdělilo vedví a on musel letět se zavřenýma očima a Červená Karkulka ho vedla.

Copak by si asi pomyslel někdo, kdo by nás zahlédl? přemítal Viktor. Podívejte se na nás, klidně bychom se mohli jmenovat „Létající cirkus dědy Mráze“. To pomyšlení ho rozveselilo a on se začal hlasitě smát… a smál se a smál se…

Všeználek otočil hlavu a konsternovaně na něj pohlédl. Ha, prolétlo Viktorovi hlavou, dokázal jsemvyvést z míry i Všeználka. Nejsem si jist, zda se kdy komu co takového podařilo.

A tato představa u Viktora způsobila ještě jednu vlnu sladkého smíchu…

* * *

Když paní Rafaela sestoupila dolů k obývacímu pokoji, zastavila se ve dveřích a oči se jí zalily slzami. Děda Mráz usnul ve svém křesle, s botami na nohách, tak, jak přišel zvenku. Ani se nezul. Oheň už vyhasl a pokoj byl studený. Děda Mráz se zavrtěl v křesle, očividně se mu zdál nějaký zlý sen, a tichoučce si něco mumlal.

„Vzbuď se, Miško,“ řekla něžně Nejmilejší. „Miki… vstávej, už je čas.“

„Áách, Vílo…“ ozval se děda Mráz. „Vílo…“

„To tu ještě nebylo,“ odpověděla mu Rafaela a usmála se. „Vílo jsi mi ještě nikdy neřekl.“

Děda Mráz si zmateně protřel oči. Podíval se na paní Rafaelu a pak se rozhlédl okolo a pátral po Víle. Ale po ní nebylo ani vidu, ani slechu!

„Kde je Víla?“ ospale se zeptal děda Mráz.

„Víla?“ podivila se paní Rafaela. „Snil jsi, Miško, není tu žádná víla.“

„Ale byla tu,“ odporoval děda Mráz. „Byla tady a nebyl to sen. Měla krásné stříbrné vlasy a takové fialové oči, že jakmile se na tebe podívala…“ zarazil se děda Mráz, protože při těchto slovech se Nejmilejší začala mračit.

„Ale samozřejmě, tvé oči jsou mnohem hezčí,“ dodal hnedle děda Mráz. „Modravé jako nebe!“

„Tak?“ podezřívavě na něj hleděla paní Rafaela, ale pak si vzpomněla na myšku a její obličej zvážněl. „Musím ti okamžitě vyprávět, co se děje,“ nervózně dodala. „Mira poslala posla…“

* * *

Děda Mráz urychleně zapřahal soby do saní a přemýšlel o minulém večeru. Co z toho byla skutečnost a co sen? Přišla k němu Víla, nebo se mu to jen zdálo? Vypadala tak opravdově! Děda Mráz prostě nemohl uvěřit tomu, že by neexistovala… A navíc, co se stalo s jeho přáním, které mu slíbila splnit?

„Takže už víš, co je to, po čem tvé srdce nejvíce touží?“ ptala se ho Víla, když se vraceli mlhou ze Země snů zpět do skutečného světa.

„Vím,“ odpověděl děda Mráz. „Odjakživa jsem to věděl. Je hodně věcí, které ze srdce miluji: svou Nejmilejší, své děti… i toho malého nezbedu Viktora… a Sněholed a všechny jeho obyvatele a své věrné soby a své milé trpaslíky… ale existuje něco, po čem mé srdce touží nejvíce a co je mnohem důležitější než vše ostatní. Jsou to dětské úsměvy! Proto přece existuje děda Mráz, to je mé jediné dědictví po otci a mého otce po jeho otci a jeho otce po jeho otci… Proto existujeme a proto tady jsme – abychom dělali děti šťastnými.“

„Pak tedy vím, jaké přání bych ti měla splnit,“ usmála se Víla a děda Mráz se utápěl v jejích překrásných fialových očích.

To bylo to poslední, na co si děda Mráz z minulé noci vzpomínal.

***

Paní Rafaela vyhlížela z okna. Její Mikuláš, její sladký Miška, nastoupil do saní, pohlédl k ní a zamával – a vyletěl k nebi největší možnou rychlostí. Mira na něj už netrpělivě čekala.

„Ach,“ vzdychla Nejmilejší a pohladila Maxe, který se spolu s ní díval oknem ven. „Co vše se může stát v jednom jediném dnu…“

V tom okamžiku se Max naježil a upřeně zíral vpřed. Paní Rafaela se podívala, co ho tak znervóznilo.

„Nic zvláštního, Maxi,“ řekla mu, „hejno ptáků, vidíš?“ Ale když se zadívala lépe, uviděla, že to, co vypadalo na první pohled jako hejno ptáků, bylo něco zcela jiného…

* * *

Vločce se zdálo o bílých medvědech.

Mira stála mezi nimi a dávala pokyny a medvědi pokyvovali svými bílými hlavami. Pak se začali brodit sněhem… jen bílí medvědi a bílý sníh… a vločky padaly a padaly…

Vločka se probudila a zjistila, že tu není sama.

U ohniště stáli Jiskra, Mira a – taťka Miki! – a hleděli do ohně. Plameny vytvářely podivné obrazy… Nějaké letadlo přistávalo na sněhu… lidé na motorových saních, kteří jeli rychle, jako by spěchali… A bílí medvědi… mnoho bílých medvědů, kteří je čekali.

„Takže se mi to nezdálo," pomyslela si Vločka.

Nato se k ní sklonila Mira a řekla: „Vidím, že už jsi vzhůru. Už je čas, Vločko. Povinnost nám říká, že musíme bránit Sněholed."

Vločka se postavila a objala svého tátu. Ten ji objal také a dal jí pusu a Vločka si všimla, že je zamyšlený, zamračený a nazlobený… Jako by mu v očích plálo podivné světlo, ale Vločka usoudila, že to musí být odraz plamenů, které před nimi ve velikém ohništi přehrávaly to podivné dějství.

* * *

Paní Rafaela seděla ve svém křesle a poslouchala, co jí vyprávějí její nenadálí hosté. A hosté se zcela lišili od toho, co paní Rafaela dosud viděla! I když, po pravdě, za ta léta strávená po boku dědy Mráze viděla paní Rafaela už mnoho podivuhodných věcí.

Veliký obývací pokoj byl zaplněn postavami z pohádek! Paní Rafaela moc dobře znala Davida – Pohádkáře, byl jejím přítelem, ale nikdy ho ještě neviděla v práci – že by oživoval nějakou z pohádek. Když byl Viktor ještě miminko, David (tehdy stálý obyvatel Sněholedu) uměl nechat ve vzduchu rozpohybovat obrazy z pohádek a tím vzbudil u všech nadšení. Ale tohle bylo něco úplně jiného. Bylo to kouzlo!

Nyní však bylo všechno, co jí David vyprávěl, mnohem důležitější než jeho kouzla. Bylo to mnohem důležitější než cokoliv jiného. Všeználek odvedl Viktora na radnici, jejíž sál sloužil v nutných případech jako soudní síň. Od té doby, co paní Rafaela přišla do Sněholedu, radnice nikdy tímto způsobem využita nebyla. Teď to bylo poprvé. A to zrovna kvůli jejímu Viktorovi. Strašné, ostudné, smutné!

A teď, podle toho co David říkal, tam musí Viktor přečkat noc, držen pod dohledem Všeználka. A zítra, brzičko ráno, bude předveden před Ústavní soud Sněholedu.

„Ale neboj se, Rafi," utěšoval Pohádkář Rafaelu, „udělám vše pro to, abych Viktora představil v nejlepším světle, a také tam budou svědčit svědci."

Paní Rafaela se rozhlédla okolo. Vlk ležel na zádech u kamen a Karkulka ho škrabkala na bříšku… Dřímal spal hned vedle nich, přitulený ke své dece. Bručoun byl ponořen do nějakého vyhroceného rozhovoru s Petrem Panem. Bucla pořádal koláče. Zvonilka… kdo ví, kde jí byl konec. A hele, támhle je, jezdí na Maxovi.

„Ach," vzdychla si podruhé za den paní Rafaela. Tolikrát nevzdychla už od té doby, kdy se před osmi lety Viktor a Vločka vypravili na Ledovou horu. „Ach," vzdychla ještě jednou, aby se jí ulevilo. „Doufejme, že svědectví těchto svědků pomůže."

Kapitola sedmnáctá

Mira Černá Medvědice

… stála zpříma se sekyrou v ruce a čekala. Plášť jí ve větru povlával a za ní, zlověstná a studená, se tyčila Ledová hora. Okolo stálo mnoho bílých medvědů, ohromná neohrožená armáda, jako neprolomitelná zeď.

Vločka seděla na Jiskrově hřbetě, tichoučce a nervózně, a vedle ní stál děda Mráz, strašlivější a nebezpečnější než kdy předtím. Nebe nad Ledovou horou potemnělo a Severák začal se svou neúprosnou písní.

„Fúúúúúú úúúúúúf," dul jako ještě nikdy, surově a studeně.

Na začátku se sáně jevily jako malé tečky v dálce, ale teď už se přibližovaly blíž a blíž. Medvědi byli klidní jako sněhové sochy… čekali trpělivě a mlčky.

Když se sáně přiblížili dostatečně na to, aby bylo vidět, co je před nimi, jako by na místě zamrzly. Lord Rich zíral na neuvěřitelnou a strašlivou medvědí armádu s doširoka otevřenýma očima. Netušil, že je něco takového vůbec možné. Zjevně si ani dokázal představit, jak veliká kouzelná moc se ve Sněholedu skrývá. Bylo načase to poznat.

„Copak čekal, že nás nikdo nebude bránit?“ podivila se Vločka.

Lord Rich urychleně rozdával příkazy svým lidem. Sáně se začaly obracet a vracet se zpět. Ale když se otočily, lord Rich uviděl něco nečekaného. Bílí medvědi kolem nich uzavřeli kruh… neměl tedy kudy utéct!

Medvědi, pomalu a mlčky, začali kruh stahovat. Ale v té chvíli jako by lordu Richovi v žilách začala kolovat krev šílence. Jeho oči byly temné a krvavé, jako by se v nich zrcadlila choromyslnost.

„Georgi,“ křikl. „Pokud pojedeme dostatečně rychle, můžeme se probít dopředu, k té hoře. Podívej, támhle není cesta zcela uzavřena, jak tam stojí támhleti,“ ukázal na dědu Mráze a na Vločku, „tam je určitě to město. Vsadím se, že je na té hoře!“

Ale George nic neslyšel. Ze strachu vylezl na sáně. Sledoval medvědy s otevřenými ústy a nevěřil svým očím.

„Prokleté dítě,“ vřískl lord Rich. „Jsi k ničemu.“

V té chvíli medvědi došli k prvním saním. Lidé lorda Riche odjistili pistole a pušky a začali do nich střílet, ale medvědi jako by vyrůstali rovnou ze sněhu. Tolik jich bylo.

Lord zešílel, nastartoval a vyjel dopředu. Sáně klouzaly po sněhu. Děda Mráz pohlédl na Miru, která stála klidně, aniž by se pohnula.

Děda Mráz vyběhl vpřed, aby se mu postavil do cesty a Mira jen trochu pozdvihla sekeru… Ale lord brzy změnil směr, přidal plyn a směřovat přímo k Vločce! Vločka se zalekla, ale předtím, než měl lord čas jakkoliv zareagovat, Jiskra vyskočil vzhůru a uvolnil mu tak cestu. Sáně jen prolétly k Ledové hoře.

Děda Mráz se zhrozil, ale Mira kupodivu zůstávala klidná.

„Utekl,“ křikl na ni děda Mráz, když Jiskra slétával do sněhu vedle nich. Ale Mira se usmála. Vločka dosud viděla jen jednou, jak se Mira usmívá.

Mira kývla hlavou směrem k Ledové hoře. Děda Mráz se tam podíval a bylo mu úplně jasné, co mu tím Mira chce říct.

Sáně lorda Riche už stoupaly vzhůru na Ledovou horu… a tam, jako i jindy, kraloval Severák. Tam bylo jeho království, jeho hora. A tam, kde panoval Severák, nebyli nepozvaní hosté ani náhodou vítáni.

„Fúúúúúú úúúúúúf!“ zaburácel svým silným hlasem. Ale lord Rich nerozuměl jeho písni, nebo jí snad ani nechtěl rozumět. Oslepen zářivým

sněhem stoupal výše a výše a výše… a myslel si, že se přibližuje kouzelnému městu, o němž tak dlouho snil.

* * *

Když se přiblížili k saním, Vločka si všimla, že všichni lidé lorda Riche leží nehybně ve sněhu. S lítostí také spatřila, že dva bílí medvědi padli v boji a nedýchají. Vločce zaslzely oči, ale rozhodla se být silná a neplakat. Jen objala Jiskru a on se svým modrým nosem dotkl slzy, která jí stékala po tváři.

Děda Mráz a Mira stáli před Georgem, který se ukryl na saních a třásl se strachy. Z celé společnosti lorda Riche zůstal jen on, medvědi se ho ani nedotkli, protože pro ně nepředstavoval žádnou hrozbu. Jen ho obklopili a čekali na Miru.

Děda Mráz na něj pohlédl pohledem, který jen sršel – strašným a neúprosným. Vločka měla pocit, že ho uhodí. Ale tehdy jako by se v něm něco zlomilo, pomalu se uklidnil a uvolnil ruce sevřené v pěst. Otočil se k Miře a řekl: „Je tvůj. Rozhodni, co se s ním stane.“

George se po tomto začal třást ještě více. Mira, jak tak stála v plášti z medvědí kožešiny a s obrovskou sekyrou v ruce, vypadala jako nějaká strašlivá severská bohyně ze starých pověstí… jedna z těch, které jedí lidi a pijí z lebek svých nepřátel!

Mira se zadívala na George a ledovým hlasem řekla: „Trest za příchod do našich krajů bez pozvání je po věky věků stejný: smrt!“

„Smrt!“ zopakovali bílí medvědi jako jeden muž a George se začal třást a plakat jako malé dítě.

Děda Mráz na něj pohlédl s lítostí. Nemohl z paměti vymazat vzpomínku na tu scénu: to ubohé osamělé dítě v obrovském studeném domě… a dopis, který nikdy nedošel. Bylo mu toho mladíka opravdu líto.

„Ale,“ tiše a mírněji dodala Mira, „v tomto případě hrají roli i polehčující okolnosti, o kterých jsem se dozvěděla dnes.“ Krátce pohlédla na dědu Mráze a pokračovala: „Proto bude trest jiný. Rozhodla jsem se, že zůstaneš u mě jako můj pomocník,“ řekla Georgovi.

George se na ni zadíval, jako by netušil, o čem mluví. Když konečně pochopil, co řekla, tvář jako by se mu rozjasnila.

„Ale,“ řekla Mira, „musíš dostat jinou podobu a sloužit mi sta let, než uvidím, že ses proměnil a že ses stal dobrým člověkem.“

George otevřel ústa, jako by chtěl něco říci, ale ztratil hlas. Mira k němu přistoupila, dotkla se ho a v té chvíli – kouzlo! Georgovi začaly všude po těle růst chlupy. Narostla mu srst, jako by se byl celý ukryl do podivné chlupaté koule… a nakonec před nimi stál malý hnědý medvěd!

„Alespoň buď rád, že budeš žít dlouho, déle než kdokoliv jiný," řekla mu Mira. „Odteď jsi oficiálně obyvatelem Sněholedu, to jsi přece chtěl."

George nikdy nechtěl být obyvatelem Sněholedu, ale teď už neměl důvod protestovat. Dílo bylo dokonáno. Byl medvědem, a ne člověkem. Ale poprvé po dlouhé době se George cítil šťastný. Na jeho černý nosík spadla sněhová vločka a on se radoval jako malé dítě.

Mira se otočila k dědu Mrázovi a Vločce. „Přátelé, má práce je dokončena," řekla. „Alespoň pro teď. Mějte se dobře a postarejte se o Viktora. Myslím, že vás bude potřebovat."

A pak se Mira schoulila a před jejich očima se proměnila v obrovského černého medvěda. Vydala se směrem k hoře a bílí medvědi ji následovali. Hnědý medvídek George šťastně poskakoval za nimi ve sněhu a hrál si s vločkami.

„Tak, Vločko," vyčerpaně a smutně hlesl děda Mráz, „my jsme svou práci ještě nedokončili."

* * *

Lord Rich stoupal pěšky na horu. Sáně už dávno zůstaly zaváty silným sněhovým poryvem, ale on se šplhal výš a výš. Jako by snad ani neviděl sníh, který se motal okolo a jako by neslyšel Severákovy hrozby.

„Ještě kousek," říkal si. „Ještě kousek a budu tam. A pak – město bude mé! A celý svět bude můj! Nikdo si na mě nepřijde!"

„Fúúúúúúúú úúúúúúúúf," hvízdal Severák a sníh padal a padal.

Ale lord si ničeho nevšímal. Oči měl krvavé, pohled šílený. Dokonce si ani nevšiml, že už nejde vpřed, ale že se plazí v hlubokém sněhu.

„Fúúúúúúúú úúúúúúúúf," foukal Severák a venku bylo stále chladněji a chladněji.

Lord už nemohl ani jít, ani se plazit. Ruce mu začaly tuhnout. Posadil se do sněhu a šíleným pohledem hypnotizoval vršek hory.

„Támhle je, vidím ho," mumlal. „Sněholed, ledové město. Jen si tady trochu odpočinu a odeberu se tam. Jen si chvilku… odpočinu…"

„Fúúúúúúúú úúúúúúúúf," zafičel Severák a sníh neúnavně zasypával lorda Riche, který ještě stále snil o tom, že bude vládnout světu.

Kapitola osmnáctá

Nejvyšší soud Sněholedu

… tvořilo pět soudců. Viktor seděl vedle Pohádkáře, celý schoulený, a čekal, jaká pětice vejde do místnosti. Předpokládal, že Všeználek je jeden z nich. Za nimi seděli všichni svědci, matka, Vločka…

„Ale kde je táta?" ptal se Viktor a hned nato si pomyslel, že jeho otec už ho nechce vidět, a zesmutněl.

„Tramtadá-dá-dá," troubil na trubku jeden ze soudních pomocníků, mladá sněžná sova, kterou Viktor neznal. „Všichni vstaňte. Zasedá Ústavní soud Sněholedu."

Všichni vstali a do místnosti vstupovali soudci, jeden po druhém. Pomocník všechny představil jménem.

„Vážený pan Všeználek Bílý, ředitel Základní školy ‚Severína Studeného'. Vážený pan Ardamel, radní městské rady ve Sněholedu. Vážený pan Řehoř Sivý, starosta Sněholedu."

Řehoř Sivý byl stará polární liška, kterou Viktor velice dobře znal. Řehoř byl častým hostem u rodiny Mrázovy. O Ardamelovi, starém trpaslíkovi, který se jen tak tak dostal na židli a sotvaže si sedl, Viktor ještě neslyšel.

„Vážená paní Bílá Barda, ředitelka městské knihovny a radní městské rady ve Sněholedu."

Bílá Barda byla, jak jistě správně předpokládáte, starý bílý medvěd a žáci školy „Severína Studeného" ji nazývali „bílá brada". Nesouhlasně se dívala na Viktora. „Tak to jsem na černé listině," pomyslel si Viktor. Bílá Barda ho jednou slyšela, jak o ní mluví jako o „bílé bradě", a můžeme s určitostí říci, že se jí to vůbec nezamlouvalo.

„Vážený pan Mikuláš Mráz, známější jako děda Mráz, vlastník továrny ‚Mrázovi' a radní městské rady ve Sněholedu."

V té chvíli zůstal Viktor s otevřenými ústy a potřeboval chvilku času, aby přišel k sobě. „Jak je to možné?“ pomyslel si. „Copak mě bude soudit táta?“ Pohlédl vyděšeně na Pohádkáře, ale ten byl ledově klidný a ani se nehnul. Viktor si přál propadnout se do země, ale naneštěstí či naštěstí se nic takového nestalo.

„Soudu předsedá vážený pan Všeználek Bílý,“ ohlásil mladý sněžný pomocník, „který nyní přečte obžalobu a poté může obhajoba předložit svá tvrzení před soudem.“

Všeználek Bílý se přísně podíval na všechny přítomné a jal se mluvit: „Obviněný Viktor Mráz překročil zákon Sněholedu uvedený v Ústavě Sněholedu, s ohledem na Článek 1, v němž se píše: *Za hranicemi Sněholedu není nikomu dovoleno sdělovat o Sněholedu, jakož i o jeho obyvatelích, žádné informace.* Dle výsledků vyšetřování obviněný informoval jistého George Riche, že je synem Mikuláše Mráze (známějšího jako děda Mráz) a že pochází ze Sněholedu. Vyzývám obhajobu, aby předložila fakta a polehčující okolnosti tohoto případu, a to podle práva nyní, a poté odejdou členové Ústavního soudu záležitost projednat a vynesou rozsudek.“

Ze všech těch strašných slov se Viktorovi zatočila hlava. „Nemám šanci,“ pomyslel si.

* * *

„Ehm,“ odkašlal si Pohádkář. „Vyzývám prvního svědka obhajoby, pana Buclu.“

Bucla hrdě a vyrovnaně kráčel k soudní stolici a zasedl na místo vyslýchaných. Viktorovi se zdálo, že svědek něco přežvykuje.

„Pane Buclo, víte o nějaké polehčující okolnosti v případě projednávaném soudem? Něco, co by obviněnému pomohlo?“

„Vím,“ s úsměvem odpověděl Bucla. „Bylo to tak, veleváženýsoude, veleváženísoudci a veleváženípřítomní: obviněný odešel bydlet do Cambridge a tam jsou lidé jiní než tady. Nekrmili ho dostatečně koláčky a všichni víme, že nikde nejsou koláčky jako tady… pak ho i obelhali, vystrašili ho a z toho všeho (a zejména ze špatných koláčků) se mu srdce ztratilo, skrylo se a jen stěží jsme ho našli. Všichni jsme tleskali a srdce se mu vrátilo na pravé místo a tehdy pochopil, že celou tu dobu nebyl sám sebou. Ale když mu dáme ještě pár našich koláčků, stane se ještě lepším,“ zakončil svou promluvu Bucla.

„A je se mnou ámen!“ zoufale si pomyslel Viktor.

* * *

„Pane Dřímale, prosím o vaši výpověď,“ vyzval Pohádkář druhého trpaslíka.

„Uáá á,“ zazívl Dřímal, kterého sotva probudili, aby svědčil. „Moje výpověď je následující: náš Viktor udělal pár hloupostí, to všichni víme. Ale jak vidíme, neměly žádné velké následky pro Sněholed. Tak mi to alespoň bylo řečeno. A on by teď měl být potrestán. Jenomže jeho srdce nebylo na pravém místě a to je v zásadě polehčující okolnost.“

„To je vše, pane Dřímale?“ ptal se důstojně Pohádkář.

„Myslím, že to je vše,“ odpověděl Dřímal. „Nevím, co se dělo ve zbývajících chvílích, protože jsem si musel trošku schrupnout. Víte, jak je cestování náročné.“

Viktor si znovu pomyslel, že teď je ta pravá chvíle propadnout se do země. Ale nestalo se.

* * *

„A tak jsme tu situaci uzavřeli s tím, že Viktor není tím, kterého jsme znali dříve. V jeho očích nebyla jiskra, nebyl cítit jako dříve a jeho srdce nebylo na pravém místě. Pak jsme museli uplatnit ještě více opatření, abychom mu vrátili srdce na pravé místo. Já osobně jsem nevěřil tomu, že se může vyléčit, tak byl ztracen,“ svědčil vlk.

„Bylo to opravdu strašné, jeho srdce tam nebylo,“ rozrušeně vyprávěla Karkulka. „Ale naštěstí jsme nalezli medicínu a Viktor znovu zavoněl Sněholedem. A koukněte, i jiskra do očí se mu vrátila.“

„Myslím si, že Viktor pochopil, že byl zavlečen něčími lživými sliby a něčí lživou ideou… Pochopil, že byl naivní a že se vydal na špatnou cestu… a kál se. To je polehčující okolnost,“ rozložil kralevic Jan.

„Uviděl, že nic v životě není takové, jak si myslel a že malé věci, dobro, láska, lidé, kteří pro něj něco znamenají – to je to, co je důležité,“ vykládala Princezna s hráškem. „A byl velice smutný,“ dodala se slzami v očích.

Petr Pan vysvětloval soudu: „On ještě není celým člověkem, přátelíčkové… hups, soudci… veleváženi soudci. Nikdy nedospěl, a já vím, jaké to je, á jéé é. On jen sám sobě nalhával, že už vyrostl – a to byl ten problém. To je polehčující okolnost.“

„A tak jsme tleskali. To je ten lék. Já ho znala už dříve, že… Jen to – potlesk! Začal znovu věřit a tím se vyléčil. Podívejte se, zdravý skutečný starý Viktor. Podívejte se a přesvědčte se," zvonila Zvonilka.

Celou tu dobu měl Viktor v břiše těžký kámen, který se zvětšoval a zvětšoval každým dalším svědectvím. „Nikdo mě tu neobhajuje skutečným způsobem," myslel si.

A tehdy přišla řada na Bručouna…

* * *

Bručoun seděl na židli svědků a díval se na soudce, aniž by řekl slova. Soudci hleděli na něj a čekali, až začne. Po dlouhém mlčení a dlouhém pozorování začal Bručoun mluvit.

„Veleváženy soude, myslím, že jsme slyšeli dost o tom, jak Viktor nebyl sám sebou a jak se vyléčil. Nechci to tu opakovat posté. Chci říci následující: každý z nás se občas dostal na scestí. Pokud si dobře vzpomínám, v dobách mého otce i někdo jiný překročil zákon." Bručoun vystřelil krátký pohled k dědu Mrázovi, ale ten jen mlčel a díval se neurčitě na stranu.

„Tehdy, bez ohledu na to, že příčina a motiv toho provinění byly vznešenější, abych tak řekl, byla to láska…" a Bručoun udělal krátkou pauzu a pohlédl do publika, právě tam, kde seděla paní Rafaela, „i tak se stala chyba. Nechci tyto dva případy porovnávat, to není mým záměrem. Chtěl jsem jen poukázat na to, že hřešíme všichni. To důležité je něco jiného: že existuje někdo, kdo v nás věří a kdo nám chce pomoci. Dokud někdo věří, že můžeme být lepší, že jsme si uvědomili svou chybu a doopravdy jí litujeme – to lze považovat za polehčující okolnost. V tomto případě, veleváženy soude, zde vypovídalo hodně svědků a všichni měli společné jedno: věřili ve Viktora. Děkuji za pozornost."

Bručoun vstal ze svědecké židle a vydal se na své místo v soudní síni. Okolo zavládlo ticho.

* * *

„A jako posledního svědka, veleváženy soude, bych chtěl předvolat mladého Viktora," řekl Pohádkář a Viktorovi se v té chvíli ze strachu a nervozity stáhlo hrdlo.

„Co mám říct," přemýšlel. Co se týče jeho obhajoby, nenapadlo ho, co by řekl – nic kromě „je mi to líto" a „nechtěl jsem". Ale nemohl jinak, musel se vydat na místo vyslýchaných.

Stál tam nahoře a mlčel. Po určité době zvedl hlavu a pohlédl na svého otce: „Nevím, co bych měl říci, kromě jednoho: tati, já jsem jen chtěl být jako ty a nevěděl jsem, jak na to. Chtěl jsem ti pomoci, chtěl jsem něco vymyslet, ale nevěděl jsem jak. Je mi to líto.“

Pak už nemohl zadržet slzy. Začal plakat a zrak se mu rozostřil. Okolo něj se něco dělo, ale nevěděl co. Když se konečně zvládl uklidnit a rozhlédl se kolem sebe, viděl Pohádkáře, který stál před soudem a říkal:

„A to je má obhajoba, dámy a pánové. To je vše, o čem můžu svědčit. Myslím, že tento mladík zasluhuje druhou šanci.“

Soudci mlčeli. Všeználek Bílý vstal a promluvil: „Soud vyslechl svědky, obviněného i obhajobu. Soud se v několika následujících hodinách odebere rozebrat případ a dojít rozhodnutí. Budete svoláni, až vyneseme rozsudek.“

* * *

„Tramtada-dá-dá. Všichni vstaňte. Přicházejí soudci Ústavního soudu ve Sněholedu,“ ohlásil mladý sněžný pomocník a všichni v soudní síni se postavili. Soudci se radili celých pět hodin a to Viktorovi nevlévalo do žil příliš naděje. Ale Pohádkář byl stejně jako dříve zcela klidný.

Soudci vešli do soudní síně a usedli na svá místa. Všeználek se přísně zadíval na přítomné a pak pronesl: „Ústavní soud Sněholedu se shodl v případě předloženého skutku s ohledem na vyjádření přizvaných svědků, obviněného a obhajoby a vynáší tento rozsudek: mladý Viktor Mráz dle všech pravidel Sněholedu není dostatečně zralý, což je polehčující okolnost, jak to mohl také dosvědčit jeden ze svědků.“ Všeználek pohlédl k Petru Panovi.

„Přesto,“ pokračoval Všeználek. „se mladý Mráz choval zcela neadekvátně svému původu, výchově a vzdělání. Na základě toho, vezmeme-li v potaz všechny okolnosti včetně jeho lítosti, a můžeme-li to tak říci, shrňme – soud se rozhodl pro udělení mírnějšího trestu, než je ten předepsaný zákonem.“

Po tomto si Pohádkář s ulehčením oddechl, jako by mu spadl kámen ze srdce.

„Jaký je trest předepsaný zákonem?“ zašeptal rozrušeně Viktor.

„Zmrznutí,“ pošeptal mu Pohádkář. „Přeměna v ledovou sochu a vystavení na hlavním náměstí – na výstrahu všem.“

Když to Viktor uslyšel, div že neomdlel. Proč mu to dosud nikdo neřekl?

„Na základě toho," pokračoval se čtením rozsudku Všeználek, „soud jednohlasně rozhodl, že obviněný je *vinen s polehčujícími okolnostmi* a ukládá mu tento trest: mladému Viktoru Mrázovi se ukládá podmíněný trest pěti let, po které musí zůstat ve Sněholedu a pomáhat v továrně ‚Mrázovi' pod dohledem dědy Mráze. Po uplynutí pěti let, bude Viktor Mráz podroben hodnocení Ústavním soudem Sněholedu, a pokud soud rozhodne, že uspěl, bude moci pokračovat ve svých studiích v cizině."

Viktor byl zmatený. Na jednu stranu byl trest velice mírný, ale na druhou stranu to znamenalo, že už neuvidí Mínu Jonesovou. A to pro něj nebyla zrovna potěšující zpráva.

„Chtěl by se obviněný na něco zeptat?" přísně se zadíval Všeználek.

„A… ano," zakoktal Viktor. „Ohledně studia… mohl bych nějak studovat… alespoň dálkově… odjet do Cambridge jen někdy na zkoušky…"

„Svou žádost můžeš předložit za jeden rok," řekl Všeználek. „Soud se pak rozhodne, zda ti bude dovoleno dálkové studium."

Viktor sklonil hlavu. Byl si vědom toho, že soud je k němu shovívavý, a to velmi a jen proto, že je synem dědy Mráze. Nic víc chtít nemohl.

„Ehm," zakašlal děda Mráz. „A teď bych chtěl něco říci já."

V soudní síni zavládlo ticho.

„Co očekávám od obviněného," řekl děda Mráz ostře, „pracujícího pod mým nadhledem následujících pět let…"

Viktor polkl.

„Očekávám, že se bude snažit o rozvoj a modernizaci *byznysu*," záměrně užil děda Mráz toho slova, „o rozvoj továrny ‚Mrázovi', ale v souhlasu s principy lásky, dobra a humánnosti. Co myslím modernizací?" už trochu mírněji řekl děda Mráz. „Tím myslím vymyšlení nějakého způsobu, jak bychom se snadněji dostali k dětským přáním, vlastně jak děti snadněji osloví nás. V současné chvíli z těch *moderních* věcí používáme jen e-mail. To se musí změnit. Proč nedostáváme také zprávy na mobil? Nebo proč si nezřídíme stránku na… jak že se to jmenuje…"

„Facebook," zašeptala Vločka.

„… stránku na Facebooku," hrdě prohlásil děda Mráz. „A kvítkovat…"

„Tvítovat," opravila do Vločka.

„A tvítovat! A oni nám budou tvítovat nazpátek. Děti i rodiče. Tak tedy takové nápady a takovou pomoc očekávám od Viktora… svého syna," dokončil děda Mráz a šel obejmout Viktora. Viktor vstal a se slzami v očích padl do náruče svého otce.

A teď už skutečně věděl, že se mu srdce vrátilo na pravé místo.

Epilog

Listonoš Rychlík Popleta

… spěchal sněhovou bouří, jako by ho někdo honil. Táhl s sebou dvě velké tašky, které ho velmi zdržovaly v letu a unavovaly ho, ale on si nesměl dovolit zastavit. V žádném případě! I kdyby padaly trakaře a foukalo a byla bouřka… Rychlík Popleta letí a poštu doručí!

***

Domu Mrázových vládla veselá atmosféra. Včerejší strašlivý den už byl za nimi a s ním se ztratily i jiné temné myšlenky a problémy.

Paní Rafaela vařila večeři a Bucla jí pomáhal.

Děda Mráz, David a Všeználek seděli u krbu a vyprávěli si.

Viktor, Vločka a Bručoun byli sesypaní okolo notebooku, kde už měli otevřenou facebookovou stránku s názvem „Opravdový děda Mráz – napiš mu sem". Teď právě přemýšleli, jak pojmenují profil na Twitteru.

Dřímal spal spolu s Maxem na pohodlném křesle.

A pohádky? Pohádky se rozplynuly dříve, protože už se jim stýskalo po dětech celého světa. Loučení bylo veselé i smutné zároveň, ale Pohádkář jim slíbil, že příští rok opět zorganizuje nějaké setkání.

„Večeře je hotová a stůl je prostřen," zavolala Nejmilejší a všichni si pospíšili ke stolu, protože už byli hodně hladoví.

„Buch, buch, buch," zabušil někdo silně na dveře.

„Kdo to může být, v takovém nečase?" podivila se Rafaela a Vločka běžela otevřít.

A jako nějaký ďas vletěl do pokoje listonoš Rychlík Popleta a táhl s sebou dvě ohromné brašny s dopisy.

„Já… já… já,“ lapal po dechu Rychlík Popleta, nenacházeje slova. „Já…“

„Pomalu,“ uklidňoval ho děda Mráz. „Pomalu, uklidni se.“

Když Rychlík Popleta popadl dech, začal vše vysvětlovat. Zjevně mu bylo stydno, neustále koukal do země. „Já… dědo Mrázi, jsem se provinil… prosím tě, rozzlob se na mě. Když jsem před nějakou dobou přebíral poštu od vlků na posledním pošťáckém odpočívadle před Sněholedem, víš… ze spěchu… jsem něco přehlédl. Zapomněl jsem dvě tašky plné dopisů,“ rychle vyhrkl Rychlík Popleta poslední větu, podíval se na dědu Mráze a čekal, že mu vynadá.

Ale děda Mráz s užaslýma očima hleděl tu na něho, tu na tašky, jako by mu nebylo zcela jasné, co mu listonoš říká. Pak zvedl Rychlíka Popletu, stiskl ho v náručí a z celého srdce se rozesmál.

„Cho cho cho chóóó,“ zvolal děda Mráz. „Takže děti psaly dopisy! Psaly. A tys je jen zapomněl doručit.“ Děda Mráz byl převelice šťastný, a jakmile zjistili i všichni ostatní, co se stalo, o tu velikou radost se podělili.

Nejmilejší dědu Mráze objala a políbila ho a Bručoun mu řekl: „Vidíš, dědo Mrázi? Říkal jsem ti, že všechno se v dobré obrátí.“ Jen Všeználek se na Rychlíka Popletu zadíval přísně a ten celý zčervenal.

Děda Mráz se zadíval na brašny. „Je tu na tisíce dopisů,“ poznamenal. „Zítra nás čeká hodně práce!“ Ta to trpaslíci výskli radostí.

„Myslím, že vás čeká mnohem více práce, než si myslíte,“ usmál se Viktor, který stále ještě něco ťukal do notebooku. „Vlastně nás čeká…“

„Co tím chceš říct, chlapče?“ podivil se děda Mráz.

„Dívám se tady a vidím, že jste celou dobu dostávali zprávy na e-mail, ale přesměrovaly se, nevím proč, do složky spam. Takže ne tisíce, ale desetitisíce dopisů dorazilo od dětí ze všech koutů světa.“

Paní Rafaela a děda Mráz ani nevěděli, že existuje něco jako spam. Všichni se začali smát a dělat si legraci, ale ve skutečnosti byli všichni rádi, že to zjistil právě Viktor.

„A teď k večeři!“ nařídila Nejmilejší a všichni ji museli hned poslechnout. Udělali ještě jedno místo pro Rychlíka Popletu a zasedli k bohatému stolu.

Pozdě večer, když už všichni hosté odešli a děti si šly lehnout, děda Mráz si obul boty a vyšel ven na dvůr.

„Přijdu brzy," řekl Nejmilejší. „Jen se trošku projdu sněhem." Nejmilejší se jen usmála. Věděla, že děda Mráz si šel popovídat s měsícem a s hvězdami. Byl to jeho rituál, který si za žádnou cenu nenechal ujít.

* * *

Děda Mráz stál ve sněhu, hleděl k nebi a poslouchal vyprávění hvězd. Měsíc se s ním pozdravil a usmál se. Byl šťastný, že vše skončilo tak, jak má.

Děda Mráz tam stál a pozoroval ještě dlouho hvězdné nebe. Vyslechl si vše, co hvězdy povídaly, ale ještě se mu nechtělo vrátit se domů. Jen stál a čekal.

A v té chvíli prolétla přes nebe jedna padající hvězda, která zářila překrásným stříbrným světlem, a jak letěla, zanechávala za sebou jemnou stříbrnou dráhu. Děda Mráz se usmál, jako by právě ona byla to, na co čekal.

„Děkuji ti," řekl děda Mráz hvězdě. „Jsem tvým velkým dlužníkem."

A hvězda se jen zasmála svým zurčivým smíchem a zmizela na druhém konci vesmíru.

АДРЕСАР НА УЧЕСНИЦИТЕ ОД 50. ЛЕТНА ШКОЛА НА МЕЃУНАРОДНИОТ СЕМИНАР ЗА МАКЕДОНСКИ ЈАЗИК ЛИТЕРАТУРА И КУЛТУРА

Австралија

1. Џон Никола Видович
2 Clause Street, Willagee Western Australia 6156
john.n.vidovich@gmail.com

Италија

1. Алесандра Марија Саита
Via Plaermo 117/C Regalbuto (ENNA) Italy
C.A.P. 94017
alessandrasaitta@hotmail.it

2. Лорена Балди
Corso dei mille, 1060 – 90123, Palermo, Italy
lorenabaldi@libero.it

Канада

1. Валери Силвестер
678 Broadview Ave 309 Toronto, Canada
valeriesylvester1@gmail.com

2. Ориане Едварда
1625 Woodbine Heights BLVD Toronto
oriane.edwards@gmail.com

Република Кореја

1. Ким Донг Јеон
Dongjak- gi, Seoul, Republic od Korea
dongyeon0117@naver.com

Полска

1. Гранос Аркадиуш
44-238 Czerwionka – Leszczyny, śląskie,
arkqra66@gmail.com

2. Доминик Тилка
Al. Niepodlegtosci 132/136 L.11
02 – 554 Warszawa, Poland
dmtylka@gmail.com

3. Зофија Кара
Osinowa 2a/9 61-451 Poznań
zosiakara@gmail.com
Универзитет во Познањ

4. Проф. д-р Јан Соколовски
Ul. Bacciarellego 51/8
51-649 Wrocław
jansokol44@gmail.com

5. Јагода Гвождик
Dragonow 8 43 – 346 Bielsko – Biała, Poland
jagoda.gwiozdzik@gmail.com

6. Канторски Презмислав
Wojska Polskiego street 78 42 – 506 Bedzin - Grodziec
Јагелонски Универзитет

7. Карина Ана Предка
Ul. Kochanowskiego 9/7, 34-600
Limanowa, woj. Matopulskie, Poland
Karina.predka@gmail.com
Масариков Универзтет во Брно

8. Марија Стришевска
Ul. Stolarska 31 56-400 Oleśnica, Poland
Универзитет во Вроцлав
maria.avaria@gmail.com

9. Маријана Мрувчињска
Ul Harasymonicza 9/9, 30 – 376, Krakow, Polska
Универзитет во Краков
mariana.mrowczynska@student.uj.edu.pl

10. Мајер Марек
Stokowska 30E, 92 – 104 Łódz, Polska
Универзитет во Харвард
marek.majer@gmail.com

11. Малгоржата Шабан
Ul. Celovška cesta 87 1000 Ljubljana
malgorzata.szaban@gmail.com

12. Мартина Лешчинска
Wiechlice 51 A 67 – 300, Srpvotama
martyna.leszczynska@gmail.com

13. Проф. д-р Ивона Лучков
53-135 Wrocław, u. Januszowicka 17/19 m. 21
Универзитет во Вроцлав

14. Јустина Халучшак
Cesarza 41/4/, 30 – 427 Krakow, Polska
Hai.justyna@gmail.com

Романија

1. Младин Константин Јоан
Лектор по романски јазик
Calea Lugojului nr. 1/0, 315400 Lipova, jud. Arad (Romania)
kmladin@gmail.com

Руска Федерација

1. проф. Ала Шешкен
Москва, МГУ „Ломоносов“

Филолошки ф-т
asheshken@yandex.ru

2. доцент Александар Новик)
197350 Санкт – Петербург, проспект Королева, д.61, кв.148
njual@mail.ru

3. Ана Грјазнова
394004 Воронежска област, пер Парашутаистов 10 – 6
grana@ya.ru

4. Проф. д-р Наталија Бороникова
Ул. Мира, 70 в-18, Пермь, 614066 Россия
natboronnikova@ramber.ru
Пермски државен Универзитет

5. Полина Гаврилова
Москва, Новозаводскаја улица, 15-1, 24
gavrillova97@yandex.ru

6. Софија Заболотнаја
ул. Ленинградскаја, 134-83, Воронеж
zabolotnaya.s@yandex.ru
Воронежски државен универзитет

7. Светлана Королева
614107, Пермь, ул. Уральская, д. 53, кв.12
petel@yandex.ru
Пермски државен Универзитет

8. Татијана Кленова
Russia, Moscow, Severnoe Chertanovo 3 B, 158
feedspoke@gmail.com

9. Наталија Голант
Ул. Сикепроса, 11/1, 198, Санкт Петербург, Россия 194354
natalita1977@yandex.ru

10. Јулија Иванова
124575, Г. Москва, Зеленоград, корпус 1002, кв. 170

aspid.blackk@gmail.com
Москва, МГУ „Ломоносов“

Словачка

1. Марија Барнинова
Moyzesova 37, Boynice 97201, Slovakia
mbarninova@gmail.com

2. Зузана Врабцова
Dolné Naštile 140, 957 01
Bánovce nad bebravou, Slovakia
zuzika.vrabcova@gmail.com

Словенија

1. Мојца Марич
Младинска ул.36 2000 Марибор
mojca.maric@guest.arnes.si

2. Катја Микељ
Алерехтова улица 321291 Шкофљица
Rozmanova.katja@gmail.com

3. Лара Миховилович
Апсолвент по македонски јазик
Ul. Vošnjakova 5
1000 Ljubljana
rara_kolone@hotmail.com

1. Намита Субиото
Nanoška ulica 2, Ljubljana
Namita.subiotto@ff.uni-lj.si

2. Нина Ковачич (пристигнува на 19.6)
Ул.Целски Брх 12 3215 Лоче Словенија
nina.kovacic.nina@gmail.com

3. Сандра Ровшек
Šentpavel pri Domžalah 18 1230 Domžale
sandra.rovsek@gmail.com

Србија

1. Драгана Лазаревиќ
Patrisa Lumumbe 47/75
draganalazarevic757@gmail.com

2. Елена Недиќ (пристигнува на 19.6)
Ул. Ивандњданска 14,11400 Младеновац, Србија
nedichelena@yandex.ru

3. Катарина Рашиќ (пристигнува на 19.6)
Професор во гимназија
Ул. Кнеза Михаилова 5/8
11500 Обрановац
katarinarasic92@gmail.com

4. Проф. д-р Марта Бјелетиќ
Београд Љешка 92
Marta.bjeleticc@gmail.com

5. Милена Станковиќ
Гаврила Принципа 39/27, 18000 Ниш
milenastankovic1705@hotmail.com

6. Валентина Бактијаревиќ
студент
Стевана Мокрањца бр.1 Прокупље
valentinabaktijarevic@gmail.com

Турција

7. Проф. Корбек Корхан
Nalbantcesme cad cemen cikmazi sok No:4/6 34450 Sariyer Instanbul,

Turkey
kkorbek@istanbul.edu.tr

Украина

1. Ана Јаминска
Ул. Академика Глушкова, бб. 24/62
03187 Киев, Украина
anyayaminska@gmail.com
Јазичен центар во Киев

2. Наталија Јаремчук
Улица Маричанска 6/6, стан 19, Киев 03127 Украина
jaremczuk.natalia@gmail.com

3. Јулија Панјус
Украина, Киев, ул. Подвојскојо бр.4 01001
yulia.panyus@gmail.com
Меѓународно здружение на полски претприемачи во Украина

Унгарија

1. Тунде Хатала
Унгарско државно биро за преведување
Ул. Темплом 34 II/3.,1211 Будимпешта, Унгарија
tundique@gmail.com

Финска

1. Марко Руупансало
Alakiventie 6 D 26
00920 Helsinki, Finaldna
marko.ruupansalo@gmail.com

2. Инка Нурми
Siilitie 9H96, 00800 Helsinki, Finland
inka.nurmi@helsinki.fi

3. Оларте Лаура Александра
Vallilante 21 b 6 00510, Helsinki, Ginland
Laura.olarte@helsinki.fi

4. Омар Фасола
Tasgnotie 9 e 96 00730 Helsinki, Finaland
omar.fasolah@gmail.com

Франција

1. Гаел Лекок
22 rue des Alouttes 75019 Paris, France
gaelle.lecoq@orange.fr

2. Наоми Труан
Petersburgerstr. 72a 10249 Berlin, Germany
Универзитет во Сорбона

Хрватска

1. Игор Дворшќак
Медведградска 60 б, Загреб, Хрватска
Igor.dvorscak@gmail.com
Лектор по хрватски јазик

2. Ивана Брљак
Стари Крај 14,40328 Доња Дубрава
ivana.brljak@gmail.com

3. Јања Дора Иванчич
Ullmanstrasse 54/329 b
1140 Wien
Студент

4. Ловро Клепац
Crnčićeva 10, 10000 Zagreb
lovro_klepac@hotmail.com

5. Маја Мастнак – Цар
Присој 10, Загреб, Хрватска
maja.mastnak.car@gmail.com

6. Сандра Јукич
33520 Milke Trnine 43 33520 Slatina, Hrvatska
Sandra.jukic1992@gmail.com

7. Цвита Вулелија
Ive Mallina 34, 10 000 Zagreb, Hrvatska
cvita.vulelija@gmail.com

8. Талија Бертол
Велика Млака Павлинска 38 10408, Хрватска
tbertola@outlook.com
Факултет за хуманистички и општествени науки при Универзитетот во Загреб

9. Марија Лукетина
Донји Ратац 2, 21325, Tučepi, Croatia
marija.luketina@gmail.com
Факултет за хуманистички и општествени науки при Универзитетот во Загреб

Чешка Република

1. Владимира Видлакова
Moravský Krumlov, Sĭdliště 361,672 01
Vidlakova1@seznam.cz

2. Здењек Андрле
Štoкs 266, 582 53, Česká republika
andrle.zdenek@gmail.com

3. Дагмар Доровска
Velkopavlovická 2 62800 Brno
e-mail: dorovski@volny.cz

4. Ivan Dorovsky , професор

Velkopavlovická 2, 628 00 Brno, CZ
e-mail: dorovski@volny.cz

5. Кристина Дуфкова
Масариков Универзитет
Jana Zajiće 959 Pardubice 53012
Češka
kristyna.dufkova@seznam.cz

6. Тереса Ремиашова
Olbramovice 301,671 76, okr. Znojmo
tete.re@seznam.cz

Шпанија

1. Давид Соса – Мајор
Orta de la estacion 2ic 3 B 33191
Oviedo – Austrians – Spain
davidsosa@toho.com
Лектор по шпански јазик